
BIBLIOTHEQUE RUSSE
Liège

Туганъ-Барановскій.

[illegible].

BIBLIOTHEQUE RUSSE
Liège

Туган-Барановскій.
Церковь.

СОЧИНЕНІЯ
Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ОЧЕРКИ
ИЗЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ
(ПО МИЛЛЮ)

Изданіе Михаила ЭЛПИДИНА и Компаніи

ТОМЪ IV

GENÈVE & BALE
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR
—
1870

ТИПОГРАФІЯ М. ЭЛПИДИНА, ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Terrassière 24, Genève.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Трудно вообще заниматься изданіями, не имѣя ничего въ карманѣ, а еще труднѣе издавать за границей русскія книги, при томъ книги такого рода, какъ сочиненія Чернышевскаго. Потребность на нихъ существуетъ въ тѣхъ преимущественно кружкахъ русскаго образованнаго общества, которые не только не имѣютъ никакого прочнаго матеріальнаго обезпеченія, но въ большинствѣ случаевъ лишены средствъ удовлетворять наисущественнымъ своимъ потребностямъ. Понятное дѣло, что люди эти, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ оказать значительной матеріальной поддержки нашему изданію. Вслѣдствіе этого, какъ мы уже сказали, положеніе наше становится крайне затруднительнымъ: съ одной стороны наше существованіе вполнѣ не обезпечено, мы постоянно должны употреблять громадныя усилія на то, чтобъ не остаться внезапно безъ квартиры, пищи и т. п.; съ другой стороны изданіе требуетъ постоянныхъ и значительныхъ расходовъ на бумагу, на печать, на корреспонденцію, на переплетъ, на освѣщеніе и отопленіе типографіи и пр. и проч. Все требуетъ немедленной уплаты, а денегъ недостаетъ. Хотя съ іюля 1869 г. по май 1870 г. намъ удалось, со всевозможными трудностями, собрать до 3422 франковъ, но расходъ по изданію этого тома, какъ видно изъ отчета, восходитъ до 5136 фр. 66 с. Къ этому нужно прибавить, что изъ приходной суммы пришлось заплатить наличными 3348 ф. 96 с.

Итакъ въ нашемъ распоряженіи оставалось за трудъ только 73 ф. 4 с., на которые прожить намъ двоимъ наборщикамъ, въ продолженіи десяти мѣсяцевъ (съ іюля 1869 по май 1870 г.), какъ читатели Чернышевскаго видятъ, очень трудно, тѣмъ болѣе, что остался дефицитъ отъ изданія прежнихъ томовъ.

Намъ, слѣдовательно, самымъ положеніемъ дѣла представлялась слѣдующая альтернатива: покрыть дефицитъ по прежнимъ томамъ, т. е. расплатиться по обязательствамъ съ частными лицами, давшими кредитъ на жизнь и нѣкоторые матеріалы, и пріостановить изданіе; или же урѣзать свою жизнь, т. е. оставить ее на произволъ случая и двинуть изданіе впередъ. Другаго выхода не было. Вѣря твердо въ правоту и полезность нашего изданія, какъ равно и въ людей, ищущихъ разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ въ сочиненіяхъ Чернышевскаго, мы предпочли послѣднее положеніе.

При такихъ обстоятельствахъ намъ все-таки удалось дотянуть 4-й томъ до половины; но тутъ наши средства уже окончательно истощились, да къ тому же срокъ контракта, заключеннаго съ книгопродавцемъ Бендой, по роману *Что дѣлать?* истекъ, и контрагентъ потребовалъ выкупа за оставшіеся у него непроданными 397 экземпляровъ въ 1985 фр., считая по 5 ф. за экземпляръ (см. предисловіе къ III тому). Слѣдовательно потребовался непредвидѣнно новый расходъ на самозащиту.

Поэтому мы, забывъ на время прежніе взгляды издателей *Колокола* на Чернышевскаго и его сочиненія, обратились за денежной поддержкой къ нимъ и къ издателямъ *Народнаго Дѣла,* въ программѣ которыхъ, въ особенности послѣдняго органа, фигурировала или фигурируетъ разработка соціалистическихъ вопросовъ. Но ни тѣ ни другіе не соблаговолили отозваться. Причиной ихъ молчанія не могъ быть, конечно, недостатокъ денегъ; — нѣтъ, жизнь ихъ обезпечена сторицею отъ стараго порядка, а причину нужно искать въ чемъ нибудь другомъ — что мы и попытаемся сдѣлать. Насколько такое изысканіе будетъ полезно, мы предоставляемъ судить читателю, а сами считаемъ его даже необходимымъ.

У Чернышевскаго, какъ при жизни, такъ и по смерти *), было не мало заклятыхъ враговъ, изъ числа которыхъ мы можемъ теперь указать на двухъ: на правительство и издателей *Колокола*. Непріязнь къ Чернышевскому со стороны правительства

*) Ссылку въ каторжную работу мы называемъ — смертью.

понятна всякому; но не многимъ она извѣстна и понятна со стороны издателей *Колокола*. То, что она существовала, уже замѣтно изъ нежеланія отвѣтить на наше заявленіе, и причина непріязни, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что Чернышевскій ушелъ далеко впередъ издателей *Колокола;* онъ расходился съ ними радикально въ экономическихъ взглядахъ и въ коренныхъ пунктахъ, какъ въ исторіи развитія народовъ вообще, такъ и русской жизни въ особенности. Взгляды Чернышевскаго были научнѣе и свѣжѣе, и потому лучше принимались и усвоивались тогдашнею молодежью; а славянофильствующій *Колоколъ* отсталъ, и потому долженъ былъ мало по малу уступать свое мѣсто новымъ сочиненіямъ, и въ конецъ концовъ совсѣмъ стерѣться. Понятно, какъ долженъ былъ подѣйствовать этотъ фактъ на его издателей, привыкшихъ къ своей авторитетности въ передовомъ русскомъ обществѣ, и какія чувства долженъ былъ онъ возбудить въ нихъ относительно Чернышевскаго.

Жолчь ихъ противъ него и его сотрудниковъ выливалась не разъ въ ихъ журналѣ; по къ сожалѣнію мы не можемъ сдѣлать выдержекъ изъ *Колокола*. Люди, читавшіе его, могутъ припомнить задорныя выходки издателей противъ такъ называемыхъ ими *желчевиковъ* и *свистуновъ,* и судить по нимъ, какъ велика была ихъ злоба, когда она заставляла ихъ пророчествовать даже самымъ непозволительнымъ образомъ и бросать комочки грязи въ Чернышевскаго, увѣряя своихъ читателей, что *свистуны эти очень легко могутъ досвистаться до* Станислава *на шею**).

Совсѣмъ иначе относятся къ Чернышевскому и его сочиненіямъ издатели *Народнаго Дѣла*. „Мы привѣтствуемъ новыя публи-

*)Заграничные писатели *Народныхъ Расправъ* могутъ на насъ обидѣться за то, что, упоминая о врагахъ Чернышевскаго, мы умолчали о нихъ, открыто высказавшихся противъ Чернышевскаго, какъ *сбивавшаго съ настоящаго пути русскую молодежь,* и обѣщающихся *мѣшать* брошюрамъ и книгамъ того направленія. Мы, отмѣтивъ такое смѣлое мнѣніе, а еще болѣе смѣлые угрозы, полагаемъ, что задержать (временно) распространеніе направленія Чернышевскаго можно только при трехъ условіяхъ: 1) отнять съ бою всѣ статьи у тѣхъ, кто ихъ имѣетъ; 2) убѣдить (моментально) русскую публику въ вредномъ вліяніи Чернышевскаго, и наконецъ 3) устроить, чтобъ мы, издатели, *пали подъ пулями* ихъ *револьверовъ.* Но такъ какъ выполнить эти три условія за разъ немыслимо, то всѣ угрозы — мѣшать направленію Чернышевскаго; заставлять падать подъ пулями, и тому подобныя игривыя желанія — равняются нулю.

каціи...“ говорятъ они въ своемъ журналѣ, въ выпускѣ подъ № 7; они и пользу изданія, по видимому, признаютъ; но только не хотятъ помогать ему, если бъ даже оно и гибло *). Это ясно изъ приведеннаго уже факта и совершенно естественно. Помогать распространенію сочиненій Чернышевскаго, значитъ уменьшать въ обществѣ число активныхъ защитниковъ общественной безурядицы, т. е. помогать приближенію соціальной революціи, — приближенію новаго общественнаго быта, основаннаго на разумныхъ началахъ, при которомъ, не было бы людей, живущихъ на чужой счетъ, при которомъ всякій пользовался бы вполнѣ плодами своего труда. Такой порядокъ, конечно, желателенъ для всѣхъ бѣдняковъ, для всѣхъ угнетенныхъ экономическимъ строемъ. Такіе люди будутъ стремиться къ его приближенію, и на идею, которая обѣщаетъ улучшить жизнь, они отдадутъ не только нѣсколько процентовъ отъ заработной платы, — они пустятъ въ оборотъ весь свой капиталъ, какъ умственный такъ и матеріальный — даже самую жизнь. Человѣку, которому современный порядокъ далъ возможность жить на чужой счетъ болѣе чѣмъ въ довольствѣ, нѣтъ никакого разсчета стремиться къ его измѣненію. Онъ привыкъ къ праздности и безразсчетливости, но не привыкъ къ настойчивому труду, къ ограниченію расходовъ въ своихъ капризахъ. Новый общественный бытъ исключаетъ все то, къ чему онъ привыкъ, все то, что ему пріятно, и напротивъ, вноситъ въ его жизнь только то, къ чему онъ не привыкъ, т. е. необходимость *заработывать свою жизнь*, и стало быть вноситъ непріятное. Это онъ прекрасно понимаетъ, и потому всегда будетъ, если не явно, то тайно, помогать поддержанію драгоцѣннаго для него настоящаго. Совсѣмъ другое дѣло человѣкъ голодный. Старый бытъ даетъ ему рядъ всевозможныхъ страданій; онъ не даетъ ему забыться ни минуты; напротивъ, онъ постоянно его возбуждаетъ къ самой усиленной борьбѣ противъ давящихъ его обстоятельствъ; и если человѣкъ знаетъ, что эти обстоятельства присущи самому современному быту, и что можетъ явиться новый,

*) Взносъ 20 франковъ, сдѣланный настоящимъ редакторомъ упомянутаго журнала еще въ ноябрѣ 1868 года, мы совѣстимся признать за *пожертвованіе*, такъ какъ оно черезчуръ непропорціонально *средствамъ* взнощика.

неизмѣримо лучшій для него быть; то усиленная борьба его, изъ-за исканія лучшаго, превращается въ органическую потребность дѣйствовать противъ настоящаго для скорѣйшаго приближенія будущаго. Только эти люди могутъ быть истинными неутомимыми работниками въ дѣлѣ соціальной революціи. Люди же, наслѣдовавшіе богатства отъ стараго порядка государственнымъ разбоемъ (паразиты), будутъ всегда врагами ея. И въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего они будутъ хлопотать?.... Мы думаемъ, что они и сами сознаютъ, что никто не станетъ искать себѣ худшаго, такъ какъ это противно самой природѣ человѣка.

Развѣ (сдѣлаемъ мы примѣръ) человѣкъ, комфортабельно обстановленный, съ тремя сытными блюдами, теплой свѣтлой квартирой и чистымъ бѣльемъ будетъ стремиться къ бунту своихъ сосѣдей-неимущихъ, чтобъ его лишили всѣхъ гигіеническихъ удобствъ, и бросили его въ темную конуру? Точно такъ же, человѣкъ, привыкшій къ хорошей обстановкѣ, безъ труда доставшейся, развѣ возстанетъ противъ существующаго порядка, чтобъ послѣ быть принужденнымъ къ заработыванію *трудомъ* куска хлѣба и тѣхъ необходимыхъ удобствъ, которыя достались ему *даромъ?* Мы это отрицаемъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы отрицали вообще *добрую инииціативу* въ богатыхъ сословіяхъ или отдѣльныхъ личностяхъ. Они могутъ быть полезны пассивно, какъ барьеръ противъ произвола. Въ дѣлѣ чистой политики, конечно, какъ мы видимъ изъ исторіи Франціи, Италіи и Испаніи они участвовали; но тамъ ими руководила или честолюбіе или *страсть*. Но страсть, какъ возбужденіе временное, исчезаетъ такъ же быстро, какъ и появляется. Въ приближеніи же будущихъ порядковъ требуется не простое временное *возбужденіе,* не месть, а пониманіе положенія человѣка, угнетеннаго продолжительнымъ голодомъ, въ смыслѣ страданія, котораго богатые люди понять не могутъ *). Они, пожалуй, тоже чувствуютъ „голодъ" передъ обѣдомъ, но то чувство называется аппетитомъ, чувствомъ даже пріятнымъ. Слѣдовательно они не могутъ помогать голоднымъ достичь

*) Мы говоримъ не о міровыхъ людяхъ, какъ *Робертъ Оуэнъ, Сенъ Симонъ, Рахметовъ* и др.; здѣсь рѣчь идетъ о лицахъ обыкновенныхъ.

сытости, потому что такая помощь людей, плавающихъ въ довольствѣ, будетъ самопожертвованіемъ въ пользу большинства, — самоубійствомъ, на которое, какъ видно изъ исторіи, рѣшаются только единицы на милліоны, и то впродолженіе столѣтій.

Издатели *Народнаго Дѣла,* принадлежа къ разряду людей, обезпеченныхъ старымъ порядкомъ, не должны заботиться о замѣнѣ его новымъ, а слѣдовательно не должны помогать и распространенію идей Чернышевскаго. Они могутъ издавать революціонный журналъ, могутъ и еще что нибудь придумать для того, чтобъ пощекотать свое самолюбіе и пополнить праздное время, но помогать пересозданію общества до самопожертвованія, не могутъ, такъ какъ это пересозданіе, силою обстоятельствъ, не улучшитъ, а ухудшитъ ихъ положеніе.

Опровергнуть ошибочность нашего взгляда издателямъ революціоннаго органа очень легко: стоитъ только издать на свой счетъ пять томовъ сочиненій Чернышевскаго, т. е. столько, сколько мы до сихъ поръ напечатали. То, что мы могли напечатать въ 3 года, имъ *очень легко* достигнуть того въ 6 мѣсяцевъ.

Подобное опроверженіе фактомъ, а не афишнымъ пустословіемъ выяснитъ и роль, и прямодушіе издателей *Народнаго Дѣла* въ глазахъ *учениковъ* Чернышевскаго: смотрятъ ли они на него такъ же, какъ прокламаторы „Расправъ,“ или же немножко поснисходительнѣе, т. е. находятъ Чернышевскаго для настоящаго времени уже устарѣлымъ писателемъ?....

Говоря объ отношеніяхъ революціонеровъ-соціалистовъ къ направленію Чернышевскаго, мы прервали изложеніе о ресурсахъ, къ которымъ и возвращаемся теперь. Заявивъ о затруднительномъ положеніи изданія *оффиціальнымъ* соціалистамъ *Колокола* и *Народнаго Дѣла,* мы въ то же время адресовались и къ *неоффиціальнымъ,* то есть къ частнымъ лицамъ, послѣдователямъ Чернышевскаго.

Лица, отозвавшіяся на наши заявленія фактическимъ сочувствіемъ предпріятію, оказались дѣйствительными послѣдователями Чернышевскаго — объ этомъ краснорѣчиво говоритъ приходная

рубрика отчетной таблицы. Что же касается вообще эмигрантовъ, то изъ нихъ оказалъ наисущественную услугу *Семенъ Яковличъ Жемановъ*, читавшій вторую корректуру и покрывшій почтовыя издержки по ней со II до IV тома.

Въ предисловіи къ III тому мы изложили техническую сторону изданія. Теперь сдѣлаемъ выдержки изъ опубликованнаго контракта съ книгопродавцемъ Бендой, чтобы дать читателямъ объ изданіи понятіе болѣе точное.

«Приступая къ изданію романа *Что дѣлать?* мы имѣли отъ вкладчиковъ 874 франка 80 сантимовъ. На эту-то сумму романъ и отпечатанъ въ 1000 экземплярахъ, израсходовавъ 1828 фр. 75 сан. Цифры прихода и расхода ясно говорятъ, что нужно было, какъ говорится, извертываться, кредитоваться, т. е. влезть въ долги. Окончивъ печатаніе романа, и не имѣя вѣрныхъ источниковъ на покрытіе недочета, было предложено книгопродавцу Бендѣ купить этотъ томъ за наличныя деньги. Бенда согласился купить *Что дѣлать?* за 3000 фр. на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Чтобъ цѣна книги была назначена не ниже 8 ф.

2) Уплата покупной цѣны дѣлается ежемѣсячно по 200 ф.

3) По прошествіи двухъ лѣтъ, со дня сдачи въ продажу, издатели обязуются выкупить всѣ непроданные въ эти два года экземпляры за наличныя деньги по 5 ф. за экземпляръ.

«Расплатившись съ долгами по *Что дѣлать?* въ количествѣ 954 ф. и закупивъ необходимыхъ шрифтовъ на 890 ф., приступить къ продолженію полнаго изданія, съ оставшимися 1156 ф. отъ продажной суммы, было рѣшительно невозможно, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ чиселъ іюля по 17 октября деньги были расходуемы, не приступая къ набору I тома, въ ожиданіи заказанныхъ шрифтовъ.

«Подобная крайность принудила заключить съ Бендой новыя невыгодныя условія, — они заключаются въ слѣдующемъ:

1) Книгопродавецъ Бенда снабжаетъ бумагой на каждый томъ и кредитомъ на печать на сумму 800 ф., съ обязательствомъ уплатить ему эту сумму, спустя 6 мѣсяцевъ по сдачи тома въ продажу.

2) Цѣна за каждый томъ должна быть назначена 8 ф., и издатели обязуются не печатать свыше 1320 экз. безъ согласія Бенды.

3) Каждый томъ, въ количествѣ 1300 экз. по выходѣ изъ печати, поступаетъ книг. Бендѣ на коммиссію для распродажи, съ уступкой 50 процентовъ (т. е. половины цѣны) и даровыхъ экземпляровъ 10 со 100.

4) Бенда разсчитывается за проданные экземпляры одинъ разъ въ годъ, въ концѣ мая мѣсяца.

5) Изъ изданія каждаго тома издатели имѣютъ право взять 20 экз. съ обяза-

тельствомъ не пускать ихъ въ продажу и тѣмъ не дѣлать конкуренціи депозитору Бендѣ.

6) Каждый томъ долженъ находиться въ рукахъ Бенды впродолженіи трехъ лѣтъ.»

Изъ приведенной выдержки читатель видитъ, что существуетъ два контракта, одинъ по *Что дѣлать,?* а другой по слѣдующимъ томамъ.

Долгъ въ 1714 фр., объ которомъ было сказано въ предисловіи III тома, уплаченъ въ октябрѣ 1869 г., и II томъ, находившійся подъ секвестромъ, намъ выданъ и пущенъ тогда же въ продажу, уже независимо отъ Бенды.

Параграфъ 3 контракта по *Что дѣлать?* обязываетъ насъ выкупить у Бенды всѣ непроданные экземпляры по 5 фр. за экз. черезъ два года. Романъ былъ проданъ въ ноябрѣ 1867 г., слѣдовательно срокъ выкупа непроданныхъ экземпляр. долженъ былъ наступить въ ноябрѣ 1869 года.

Въ ноябрѣ 1869 г. книгопродавецъ Бенда предъявилъ, что у него остаются 397 экземпляровъ непроданными, за которые потребовалъ 1985 фр. (397 экз. × 5). На такое требованіе мы заявили въ свою очередь, что такъ какъ Бенда не далъ законнаго отчета по I тому, сданному ему въ февралѣ 1868 г. на коммиссію (см. § 4 втораго контракта), то мы не считаемъ обязательнымъ для насъ и первый контрактъ по — *Что дѣлать?*

Бенда повелъ процессъ судебнымъ порядкомъ. Такъ какъ право въ судахъ монархическихъ и настоящихъ республиканскихъ принадлежитъ *богатому,* то коммерческій судъ приговорилъ насъ къ уплатѣ требуемой суммы. Имѣя дефицитъ въ нашей кассѣ, мы предложили было Бендѣ выплачивать требуемую сумму по 100 франковъ въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобъ тотъ возвратилъ тотчасъ же въ наше распоряженіе непроданные экз. романа и I томъ. Книгопродавецъ не согласился на эти условія, и мы, поэтому, предложили другія, болѣе выгодныя условія, именно — наличныхъ 400 фр., и потомъ уплачивать каждые четыре мѣсяца по 396 фр., съ тѣмъ чтобъ Бенда возвратилъ и романъ, и I томъ. Книгопродавецъ и на эти условія не согласился; ему хотѣлось полной уплаты разомъ, а не по частямъ, въ противномъ

случаѣ онъ сталъ грозить долговой тюрьмой, не зная, что въ Женевскомъ кантонѣ долговая тюрьма уничтожена еще въ революцію 1848 г.

Принявъ всѣ предосторожности противъ преслѣдованій, мы не предлагаемъ болѣе никакихъ условій, и не можемъ предугадать, какой именно будетъ исходъ изъ начатаго процесса. Уплатить требуемой суммы за разъ, у насъ нѣтъ никакой возможности. Равно и Бендѣ не предвидится большихъ шансовъ получить сумму за разъ посредствомъ полицейской власти. Ему предстоитъ два исхода: идти на какую нибудь сдѣлку и ждать срочной уплаты, по семестрамъ или помѣсячно; или же продать съ аукціона какъ 397 экз. *Что дѣлать,?* такъ и I томъ. Вотъ на этомъ процессъ и остановился.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ: *КАКОВА ВЫРУЧКА ОТЪ ИЗДАНІЯ?*

Что дѣлать? въ количествѣ 397 экземпляровъ находится не въ продажѣ, а въ конторѣ адвоката, ведущаго противъ насъ процессъ.

I томъ (Литературная критика) переданъ на коммиссію Бендѣ въ февралѣ 1868 г. Въ октябрѣ 1869 г. Бенда заплатилъ за проданные 50 экз. 200 фр., которые ему же почислены въ уплату по первому иску. Непроданные экземпляры находятся у него и его корреспондентовъ. Отчетъ по этому тому долженъ быть въ концѣ настоящаго мая.

II томъ (Литер. крит. и Полемическія красоты) былъ отпечатанъ и секвестрованъ въ мартѣ 1869 г. Въ октябрѣ того же года, по снятіи секвестра, сданъ въ продажу книгопродавцу Георгу, въ Женевѣ, уже по мимо Бенды. Отчетъ по нему послѣдуетъ въ октябрѣ 1870 г.

III томъ (Примѣчанія и дополненія на 1-ю кн. Милля) вышелъ и сданъ въ продажу въ іюлѣ 1869 г. Отчетъ послѣдуетъ въ іюлѣ 1870 г.

IV томъ (Очерки по Миллю), т. е. настоящій, будетъ сданъ въ продажу въ іюнѣ 1870 г., слѣдовательно отчетъ послѣдуетъ черезъ годъ.

ОТЧЕТЪ
ПОЛУЧЕННЫМЪ И ИЗРАСХОДОВАННЫМЪ ДЕНЬГАМЪ.

ПО ИЗДАНІЮ IV ТОМА.

ПОЛУЧЕНО:

	фр.	сан.
Отъ Прикащика	100	—
» Bon soldat	150	—
» PH.	250	—
» Sut aleurs	400	—
» Mauvais soldat	90	—
» Бороды (въ счетъ будущаго)	151	—
» Полк. на корреспонд.	20	—
» Его знакомаго (5 талер.).	18	50
» Новаполина	40	—
» Конторщика	587	40
» Англійскаго лорда	11	70
Крохи друзей	80	—
» А	15	—
» Б	70	—
» В	20	—
» Г	20	—
» Д	20	—
» Е	40	—
» Ж	10	—
» З	40	—
» І	25	—
» К	50	—
» Л	20	—
» М	40	—
» Н	50	—
» Сторублеваго	60	—
» Г-жи Самоваръ	150	—
Черезъ Жеманова	30	—
Пожертвовано вещами:		
Поморянинъ — Кар. часы	50	—
Г-нъ — Сереб. табачницу	26	—
Г-жа — 2 золот. браслеты	29	—
Г-жа — Мозаік. брошку	15	—
Та же — Черкес. запонку	3	—
Купецъ — Пальто	30	—
Стрѣлокъ — Ружье.	26	—
По отчету за I томъ	200	—
Отъ продажи книгъ частно	36	—
» Брошюры -Х-	10	—
» *Подпольнаго Слова*	50	—
» *Отъ нечего дѣлать*	13	—
» «Кассы» (см. обертку III т.)	44	40
Заработано нами лично внѣ типографіи	331	—
Всего—3422		

ИЗРАСХОДОВАНО:

	фр.	сан.
Бумага	490	70
Печать.	441	—
Разсыльный	56	50
Отопленіе	40	97
Освѣщеніе	24	70
Корреспонденція	66	79
Помѣщеніе типографіи	200	—
Разные непредв. расходы	182	40
Расходы по процессу	279	10
Обертка	35	—
Брошюровка III и IV томовъ	351	50
Объявленіе объ выходѣ IV т.	15	—
Долгъ Бендѣ (см. III т.)	1165	30
Трудъ	1788	70
Всего	5137	66

Дефицитъ по IV тому 1715 ф. 66 с.
По прежнимъ томамъ 3420 — 20 —
Всего — **5135 — 86** —

Въ отчетѣ къ III тому было замѣчено, что мы положили себѣ содержаніе за трудъ по 30 франковъ въ недѣлю, — согласно тарифу женевскихъ наборщиковъ. Въ настоящемъ же отчетѣ содержаніе за трудъ мы уменьшили, именно одному наборщику высчитали трудъ поштучно (50 сантимовъ съ 1000 буквъ цицеро и 55 — петита), а другому оставили попрежнему.

Равно изъ суммы расхода исключено 95 франковъ, за время болѣзни, въ которое мы *не* производили. Любителямъ счетовъ легко насъ провѣрить, стоитъ только взять тарифъ и сосчитать буквы въ цѣломъ томѣ.

Отвѣтъ на вопросъ, сдѣланный намъ: *почему мы положили себѣ содержаніе по тарифу, а не задѣльную только плату?* Въ отчетѣ къ III тому мы изложили, что въ изданіи встрѣтилось много побочныхъ работъ, связанныхъ съ печатаніемъ. Подъ побоч. работами разумѣемъ: 1) чтеніе корректуры; 2) корреспонденцію по займамъ; 3) изысканіе лицъ, сочувствующихъ изданію и 4) реализированіе этихъ сочувствій.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ*)

(по миллю)

—

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ

(МИЛЛЬ, КНИГА ВТОРАЯ)

СОБСТВЕННОСТЬ

(гл. I—II).

Рутинные политико-экономы выставляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково-независящими въ своихъ чертахъ отъ соображеній человѣка о лучшемъ устройствѣ человѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производства, налагаются на человѣка съ необходимостью физическихъ законовъ; остальные же элементы экономическаго быта устраиваются уже самимъ человѣкомъ и вполнѣ подлежатъ его власти. Разъясненіемъ этой важной разницы теоріи производства отъ теоріи распредѣленія, обмѣна и начинаетъ Милль 2-ю книгу своего трактата.

*) Подъ этимъ названіемъ Чернышевскій помѣстилъ въ *Современникѣ* 1861 г. рядъ статей составившихъ полный обзоръ остальныхъ четырехъ книгъ «Политической экономіи» Д. С. Милля. — *Издатели.*

«1. Принципы, изложенные въ первой части нашего трактата, сильно отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ принциповъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самого человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія и при данномъ размѣрѣ сбереженія будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣдненію общества, и только производительнымъ расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не перейдутъ измѣненія въ способахъ производства, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастаніе производительности труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возникновеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и понятія. Но каковы бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы: мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ ни матеріи, ни мысли, а можетъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ, нужныхъ для насъ.

«Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе—чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди или какъ общество, могутъ поступать съ ними какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. Далѣе: когда люди живутъ въ обществѣ, то всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только по согласію общества, или, точнѣе говоря, по согласію тѣхъ, которые располагаютъ дѣятельною силою общества; это согласіе необходимо при всякомъ общественномъ устройствѣ, независимость отъ него бываетъ только въ одиночествѣ совершенной пустыни. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ по дозволенію отъ общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него,—ихъ могли бы взять и взяли бы у него отдѣльные люди, еслибъ общество осталось къ этому равнодушно, еслибъ оно не употребляло своего вмѣшательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало особенныхъ людей, что бы не давать никому нарушать его владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ

общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди.»

Изъ различныхъ системъ распредѣленія продукта въ нынѣшнихъ цивилизованныхъ обществахъ владычествуетъ система частной собственности. Теперь, когда она уже господствуетъ, всѣ, кромѣ людей соціалистическаго или коммунистическаго направленія, утверждаютъ, что сохранить ее надо ради ея полезности. Но возникла она не изъ какихъ либо соображеній о полезности ея для общества, а изъ факта завладѣнія предметомъ, факта, признаннаго потомъ судилищами за фактъ, нарушать который нѣтъ причины и который слѣдовательно нѣтъ надобности отвергать; а впослѣдствіи этотъ признанный фактъ вошелъ въ законъ. Но Милль уже утверждалъ выше, что система частной собственности не единственно возможная форма экономическаго быта. Исторія и даже современный бытъ представляютъ примѣры другихъ системъ. Общества, построенныя на этихъ другихъ принципахъ, имѣютъ размѣръ незначительный, но привлекаютъ къ себѣ вниманіе тѣхъ изслѣдователей въ тѣ эпохи, когда въ людяхъ сильнѣе обыкновеннаго проявляется стремленіе къ провѣркѣ основныхъ принциповъ общественной жизни. Являются и привлекаютъ къ себѣ вниманіе мыслители, которые, опираясь на эти примѣры, предлагаютъ обществамъ системы экономическаго быта, кажущіяся имъ лучше нынѣшней системы.

«Новѣйшіе европейскіе перевороты породили много мыслей такого рода, чрезвычайное вниманіе было обращено на разныя формы, принятыя этими идеями, и нельзя думать, чтобы это вниманіе уменьшилось, напротивъ, надобно полагать, что оно станетъ все больше и больше возрастать.

«Противники принципа личной собственности могутъ быть раздѣлены на два разряда: планами однихъ предполагается совершенное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ жизни и наслажденій; другіе допускаютъ неравенство, но основываютъ его на какомъ нибудь истинномъ или мнимомъ принципѣ справедливости или общей пользы, говоря, что оно не должно зависѣть только отъ случая, какъ зависятъ столь многія изъ существующихъ общественныхъ неравенствъ. Во главѣ перваго класса мы должны поставить Овена и его послѣдователей, потому что Овенъ сталъ говорить объ этомъ раньше всѣхъ другихъ въ нынѣшнемъ поколѣніи.

Позднѣе Овена пріобрѣли извѣстность, какъ приверженцы тѣхъ же мыслей Луи-Бланъ и Кабэ (Луи-Бланъ впрочемъ, предлагаетъ равенство распредѣленія только какъ переходъ къ принципу еще высшей справедливости, требующему чтобы каждый работалъ по своимъ способностямъ, а получалъ по своимъ потребностямъ). Эта экономическая система называется коммунизмомъ, слово, придуманное не въ Англіи, а на континентѣ и только недавно введенное въ Англію. Слово соціализмъ, явившееся у англійскихъ коммунистовъ, для обозначенія ихъ системы, употребляется теперь на континентѣ въ смыслѣ болѣе обширномъ: подъ соціализмомъ понимаются и такія системы, которыя не требуютъ коммунизма, не требуютъ совершеннаго отмѣненія частной собственности, а требуютъ только, что бы земля и орудія производства были собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а товариществъ, или ассоціацій, или правительства. Изъ такихъ системъ особенно высокія научныя претензіи имѣютъ двѣ, названныя Сенъ-Симонизмомъ и Фурьеризмомъ, по именамъ людей, которымъ дѣйствительно принадлежитъ или приписывается ихъ составленіе. Сенъ-Симонизмъ изчезъ какъ самостоятельная система, но въ то недолгое время, когда онъ излагался публично, онъ просѣялъ сѣмена почти всѣхъ соціалистскихъ тенденцій, столь широко распространившихся теперь во Франціи. Фурьеризмъ имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей, дарованіями и усердіемъ которыхъ можетъ гордиться.

«3. Какъ бы ни думали мы о достоинствахъ или недостаткахъ этихъ разныхъ плановъ, но справедливость не дозволяетъ сказать, чтобы они были неосуществимы. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не усумнится въ томъ, что сельская община, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей, воздѣлывающихъ по принципу общаго владѣнія такое пространство земли, какое кормитъ нынѣ это число жителей, и производящая по самымъ усовершенствованнымъ процессамъ нужныя для нихъ фабричныя издѣлія, можетъ производить количество продуктовъ, достаточное для доставленія комфорта этимъ людямъ; онъ не усумнится и въ томъ, что она можетъ найдти средства получить, и, если потребуется, вынудить у каждаго изъ способныхъ къ работѣ своихъ членовъ кокичество труда, нужнаго для достиженія такого результата.

«Обыкновенное возраженіе противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія продуктовъ состоитъ въ томъ, что каждый постоянно будетъ стараться избѣгать выполнѣнія надлежащей части труда, приходящейся на его долю. Это возраженіе указываетъ на дѣйствительное затрудненіе, но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ о томъ, въ какомъ огромномъ размѣрѣ существуетъ тоже самое затрудненіе при системѣ, по которой ведутся теперь девять десятыхъ частей всего труда, совершаемаго въ обществѣ. Это возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и успѣшный трудъ можетъ получаться лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій. Но какъ мала часть совершаемаго въ Англіи труда, производимаго лицами, работающими въ свою собственную пользу, какъ мала эта часть во всѣхъ родахъ труда, отъ наименѣе вознаграждаемыхъ до наиболѣе вознаграждаемыхъ. Отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго до верховнаго судьи и государственнаго министра почти весь трудъ, совершаемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платою, или опредѣленнымъ жалованьемъ. Фаб-

ричный работникъ имѣетъ въ своемъ трудѣ меньше личнаго интереса, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи, потому что трудится не въ пользу товарищества, къ которому принадлежитъ самъ, какъ трудится членъ коммунистической ассоціаціи. На это конечно скажутъ: правда, сами работники почти никогда не имѣли личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними наблюдаютъ, ихъ трудомъ управляютъ и умственную часть дѣла исполняютъ люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это прилагается далеко не ко всѣмъ случаямъ. Не одна черная работа, но и контроль и наблюденіе ввѣрены наемнымъ служащимъ во всѣхъ общественныхъ предпріятіяхъ и во многихъ изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ успѣшныхъ изъ частныхъ предпріятій. Польза «хозяйскаго глаза,» когда хозяинъ заботливъ и способенъ, засвидѣтельствована поговоркой; но должно вспомнить, что на соціалистской фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ сталъ бы трудиться подъ хозяйскимъ глазомъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ общины. Противъ крайнихъ случаевъ закоренѣлаго упорства въ уклоненіи отъ надлежащей части труда, община имѣла бы тѣ же самыя средства, какія теперь имѣетъ общество для вынужденія людей соблюдать необходимыя условія общественныхъ отношеній. Теперь противъ этихъ случаевъ существуетъ одно средство -- отпустить неисправнаго работника; но это средство безполезно, когда всякій другой работникъ трудится не лучше своего предшественника; удаленіемъ неисправныхъ работниковъ хозяинъ только получаетъ обычное количество труда, но этотъ обычный трудъ можетъ быть очень неуспѣшенъ. Работникъ, теряющій свое занятіе отъ лѣности или небрежности, не подвергается, даже въ самомъ дурномъ случаѣ, ничему кромѣ развѣ надобности переносить дисциплину workhouse'а, и если желаніе избѣжать этого служитъ достаточнымъ побужденіемъ къ труду при нынѣшней системѣ, то было бы достаточно и при коммунистической системѣ. Я вполнѣ цѣню всю силу возбужденія, даваемаго труду тѣмъ, когда вся выгода, или значительная часть выгоды отъ особеннаго усердія, принадлежитъ работнику. Но при нынѣшней системѣ промышленности этого возбужденія нѣтъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если коммунистическій трудъ и былъ бы менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселянина-собственника, или ремесленника работающаго на свой собственный счетъ, то, вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника, который вовсе не имѣетъ личнаго интереса въ дѣлѣ. При нынѣшнемъ положеніи общества самый яркій фактъ составляетъ небрежность невоспитанныхъ классовъ наемныхъ работниковъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. А по коммунистическому плану предполагается, что непремѣнно всѣ должны получать воспитаніе; при этомъ же условіи члены ассоціаціи несомнѣнно будутъ исполнять свои обязанности столь же прилежно, какъ исполняются онѣ большинствомъ наемныхъ служащихъ средняго и высшаго сословій; а эти служащіе не имѣютъ такой репутаціи, будто бы они становятся недобросовѣстными отъ того, что, пока не удалены отъ службы, получаютъ одинаковое опредѣленное жалованье, какъ бы небрежно ни исполняли свою обязанность. Конечно, говоря вообще, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья не развиваетъ ни въ какомъ классѣ служащихъ усердія до наивысшей возможной степени, и развѣ только это, а никакъ не больше, можно сказать противъ комму-

нистическаго труда. Но можно ли сказать, что онъ непремѣнно будетъ подверженъ хотя этому недостатку? Это вовсе не такъ несомнѣнно, какъ полагаютъ люди, мало привыкшіе думать о положеніяхъ дѣлъ, различныхъ отъ привычнаго имъ порядка. Люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и естественно нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. При коммунизмѣ гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которой такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Независимо отъ сочувствія общей пользѣ, каждый членъ ассоціаціи подчинялся бы вліянію самаго всеобщаго и едва ли не самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій, вліянію общественнаго мнѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что это побужденіе съ очень большою силою удерживаетъ насъ отъ поступковъ, положительно порицаемыхъ обществомъ. Соревнованіе также возбуждаетъ къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ люди публично состязаются между собою, хотя бы даже предметъ состязанія былъ пустъ или безполезенъ для общества. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества, состоящаго въ состязаніи о томъ, кто больше сдѣлаетъ для общаго блага. Такимъ образомъ, много ли уменьшилась бы коммунизмомъ энергія труда, да и подверглась ли бы она какому нибудь уменьшенію въ общей сложности, — этотъ вопросъ долженъ считаться еще нерѣшеннымъ въ настоящее время.

«Другое возраженіе противъ коммунизма сходно съ возраженіемъ, которое такъ часто дѣлается противъ законовъ о пособіи бѣднымъ. Говорятъ: если каждому члену общества будетъ обезпечено содержаніе для него и всѣхъ его дѣтей, сколько бы дѣтей ни было у него, подъ однимъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не отказывался работать, то уничтожалась бы задержка, поставляемая размноженію людей собственнымъ ихъ благоразуміемъ, и населеніе стало бы возрастать въ такой пропорціи, которая привела бы общество чрезъ постепенные фазисы возрастающей нужды къ смертности отъ голода. Дѣйствительно, это опасеніе было бы основательно, если бы коммунизмъ для сдерживанія размноженія людей не представлялъ такихъ побужденій, которыя были бы равносильны устраненнымъ побужденіямъ. Но коммунизмъ именно и есть такой порядокъ дѣлъ, при которомъ надобно ожидать, что общественное мнѣніе самымъ энергическимъ образомъ будетъ возставать противъ этой эгоистической невоздержности. Размноженіе людей, отъ котораго уменьшался бы комфортъ, или увеличивался бы трудъ массы, производилъ бы тогда прямую и явную невыгоду для каждаго отдѣльнаго человѣка (чего не производитъ теперь); эту невыгоду нельзя было бы тогда приписывать ни скупости капиталистовъ, ни

несправедливымъ привиллегіямъ богатыхъ. При такой перемѣнѣ обстоятельствъ, общественное мнѣніе непремѣнно стало бы порицать эту, какъ и всякую другую вредную невоздержность, убыточную для общины, и если бы порицанія было мало для того, чтобы устранить вредъ, общественное мнѣніе устранило бы эту невоздержность какими нибудь наказаніями. Нельзя сказать, что въ коммунистической теоріи прилагается возраженіе, основанное на опасности излишняго размноженія числа людей; напротивъ, она имѣетъ то преимущество, что съ особенною силою ведетъ къ предупрежденію этого зла.

«Основательнѣе то возраженіе, что трудно было бы справедливо распредѣлять общественный трудъ между членами ассоціаціи. Трудъ бываетъ очень различенъ, и по какой нормѣ стали бы мы соразмѣрять одинъ родъ труда съ другимъ. Кто будетъ судьею того, какое количество занятія пряденіемъ, или раздаваніемъ товаровъ изъ магазиновъ, или кладкою стѣнъ и чищеніемъ трубъ равняется извѣстному количеству занятія паханіемъ земли. Коммунистическіе писатели очень сильно чувствуютъ затруднительность распредѣлить поровну трудъ разныхъ качествъ, и потому большая часть ихъ считаютъ нужнымъ, чтобы каждый поочередно занимался каждымъ родомъ полезнаго труда; а это устройство, прекращая раздѣленіе занятій, уменьшило бы выгоду сотрудничества въ производствѣ въ такой степени, что сильно уменьшилась бы производительность труда. Притомъ и въ одинаковомъ дѣлѣ внѣшнее равенство труда было бы въ сущности такимъ не равенствомъ, что справедливость возмутилась бы противъ такого требованія. Не каждый равно способенъ ко всякому труду, и одинаковое количество труда не одинаковымъ бременемъ ложится на слабаго и сильнаго, на живаго и неповоротливаго, на тупаго и одареннаго бойкимъ умомъ.

«Но если эти затрудненія дѣйствительно есть, то все же нельзя сказать, чтобъ они были непреодолимы. Распредѣленіе работъ по силамъ и способностямъ людей, смягченіе общагó правила на тѣ случаи, въ которыхъ оно оказалось бы тяжело,— это не такія задачи, которыхъ не могъ бы разрѣшить человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. Притомъ самое худшее, самое несправедливое распредѣленіе труда при системѣ, стремящейся къ равенству, было бы такъ далеко отъ неравенства и несправедливости, съ какою распредѣляется трудъ нынѣ (не говоря уже о томъ, какъ нынѣ распредѣляется вознагражденіе), — такъ далеко, что не стоило бы и говорить объ этой несправедливости по сравненію съ нынѣшней. Надобно также вспомнить, что коммунизмъ, какъ общественная система, существуетъ только въ идеѣ, что для насъ теперь гораздо виднѣе его затрудненія, чѣмъ его средства къ ихъ устраненію, и что человѣческій умъ только начинаетъ придумывать способы организовать его въ подробностяхъ, такъ чтобы побѣдить затрудненія и извлечь наибольшую выгоду изъ представляемыхъ имъ средствъ.

«Потому, если бы надобно было дѣлать выборъ между коммунизмомъ, со всѣмъ его рискомъ, и нынѣшнимъ состояніемъ общества со всѣми его страданіями и несправедливостями; если бы существованіе частной собственности имѣло необходимымъ своимъ послѣдствіемъ такое распредѣленіе продуктовъ труда, какое мы видимъ нынѣ, — распредѣленіе, почти всегда обратно пропорціональное труду, такъ что

наибольшія доли достаются людямъ вовсе не работавшимъ, потомъ самыя большія изъ остальныхъ людямъ, трудъ которыхъ почти только номинальный, и т. д. по уменьшающейся пропорціи, съ уменьшеніемъ вознагражденія по мѣрѣ того, какъ трудъ становится тяжеле и непріятнѣе, до того, что наконецъ утомительнѣйшій и изнурительнѣйшій физическій трудъ не имѣетъ вѣрной надежды и на пріобрѣтеніе первыхъ потребностей жизни, — если бы выборъ былъ только между такимъ положеніемъ дѣлъ и коммунизмомъ, то каковы бы ни были затрудненія коммунизма, велики или малы, все равно, они были бы лишь песчинкою на вѣсахъ этого сравненія. Но для того, чтобы сравненіе было умѣстно, мы должны сравнивать наилучшую форму коммунизма не съ такимъ какъ теперь положеніемъ дѣлъ при частной собственности, а съ такимъ положеніемъ, какое можно устроить при ней. Принципъ частной собственности еще ни въ одной странѣ не былъ испытанъ на дѣлѣ въ надлежащемъ видѣ; а въ Англіи онъ испытанъ едва ли не меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Общественное устройство странъ новой Европы началось отъ распредѣленія собственности, бывшаго результатомъ не какого нибудь справедливаго раздѣленія, не пріобрѣтенія посредствомъ труда, а результатомъ завоеванія и насилія; и не смотря на все, сдѣланное трудомъ въ теченіе многихъ вѣковъ для пересозданія того, что создано насиліемъ, нынѣшняя система сохраняетъ многочисленные и большіе слѣды своего происхожденія. Законы собственности до сихъ поръ еще не приведены въ сообразность съ принципами, на которыхъ основывается признаніе частной собственности законною. Законы эти обратили въ собственность такія вещи, которымъ никакъ не слѣдовало становиться собственностью, и обратили въ безусловную собственность такія вещи, которыя должны быть собственностью только подъ ограничельными условіями. Эти законы не были безпристрастны къ правамъ разныхъ людей, а обременили затрудненіями однихъ, давая выгоду другимъ; они преднамѣренно покровительствовали не равенству и мѣшали каждому начинать карьеру съ надлежащими средствами. Чтобы всѣ начинали карьеру съ совершенно одинаковыми средствами, это несовмѣстно съ закономъ частной собственности. Но если бы на смягченіе неравенства, возникающаго изъ естественнаго дѣйствія этого принципа, было обращено, не колебля самаго принципа, столько же всевозможныхъ заботъ, сколько было обращено на усиліе этого неравенства шансовъ; если бы законы стремились благопріятствовать разлитію, а не сосредоточенія богатства, помогать раздѣленію большихъ массъ его, а не старались предотвращать ихъ раздробленіе, то принципъ частной собственности оказался бы не имѣющимъ необходимыми своими послѣдствіями тѣхъ матеріальныхъ и общественныхъ бѣдствій, которыя во мнѣніи почти всѣхъ соціалистскихъ писателей нераздѣльны съ нимъ.

«Когда защищаютъ частную собственность, то почти всѣ писатели, ее защищающіе, понимаютъ подъ нею обезпеченіе принадлежности плодовъ труда и сбереженія тому, кто трудился и сберегъ. Когда частному человѣку обезпечивается владѣніе плодами труда и сбереженія другихъ, полученными отъ нихъ безъ всякой заслуги, безъ всякаго усилія съ его стороны, это уже не самая сущность принципа частной собственности, а только случайное послѣдствіе его, послѣдствіе, которое при извѣстной степени развитія не помогаетъ, а мѣшаетъ цѣлямъ, узаконяющимъ частную

собственность. Чтобы судить объ окончательномъ предназначеніи принципа собственности, мы должны предположить устраненнымъ все, приводящее этотъ принципъ къ результатамъ противоположнымъ справедливому принципу пропорціональности между вознагражденіемъ и трудомъ, принципу, на которомъ основываютъ собственность всѣ, выдерживающіе критику аргументы въ пользу собственности. Итакъ мы должны предположить существованіе двухъ условій, безъ которыхъ и при коммунизмѣ и при всякихъ другихъ законахъ и учрежденіяхъ положеніе массы людей непремѣнно будетъ низко и бѣдственно. Первое изъ этихъ условій всеобщность воспитанія; второе — надлежащее ограниченіе числа населенія. Съ этими условіями не было бы бѣдности и при нынѣшнихъ общественныхъ учрежденіяхъ; и если предположить существованіе этихъ условій, то вопросъ о соціализмѣ не будетъ, какъ обыкновенно говорятъ соціалисты, вопросомъ о единственномъ спасеніи отъ бѣдствій, подавляющихъ теперь человѣчество, а только вопросомъ о томъ, какая система болѣе выгодна, и рѣшить это должно будущее. Мы слишкомъ мало знаемъ о томъ, что можетъ совершить индивидуальная дѣятельность въ лучшей своей формѣ и соціализмъ въ лучшей своей формѣ, потому мы не можемъ сказать, которая изъ двухъ системъ будетъ окончательной формой человѣческаго общества.

«Если отваживаться на догадку, то, вѣроятно, рѣшеніе будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того, которая изъ двухъ системъ допускаетъ наиболѣе свободы и самобытной дѣятельности между людьми. По обезпеченіи средствъ продовольствія самая сильная изъ личныхъ потребностей человѣка — свобода. Физическія потребности по мѣрѣ развитія цивилизаціи становятся умѣреннѣе и легче сдерживаются разсудкомъ, а энергія этой потребности не уменьшается, а возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ развиваются умственныя и нравственныя способности. Идеаломъ общественнаго устройства и практической нравственности было бы обезпеченіе для всѣхъ людей полной независимости и свободы дѣйствій безъ всякаго ограниченія, кромѣ того, чтобы они не вредили другимъ. Люди лишались бы одного изъ возвышеннѣйшихъ качествъ человѣческой природы такимъ воспитаніемъ, которое научало бы, или такими общественными учрежденіями, которыя требовали бы, чтобы они отказывались отъ управленія своими дѣйствіями за какое бы то ни было удобство или изобиліе, или отказывались бы отъ свободы для равенства. Надобно разсмотрѣть, до какой степени совмѣстно съ коммунистическою организаціею общества сохраненіе свободы и самобытной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что это возраженіе противъ соціалистскихъ плановъ чрезвычайно утрировано, подобно всѣмъ другимъ возраженіямъ противъ нихъ. Ассоціаціи нѣтъ надобности принуждать своихъ членовъ имѣть въ жизни больше общности между собою, чѣмъ теперь, нѣтъ надобности въ надзорѣ за тѣмъ, какъ кто изъ нихъ будетъ располагать своею личною долею продукта и часами отдыха, число которыхъ вѣроятно будетъ значительно, если ассоціація ограничится производствомъ вещей, дѣйствительно заслуживающихъ труда; ей нѣтъ надобности привязывать людей къ извѣстному занятію или къ извѣстному мѣсту. Узы коммунизма были бы свободою по сравненію съ нынѣшнимъ состояніемъ большинства людей. Почти все сословіе работниковъ въ Англіи и почти во всѣхъ другихъ странахъ имѣетъ такъ мало возможности избирать себѣ

занятіе или мѣсто жительства, оно практически такъ зависитъ отъ установленныхъ правилъ и отъ чужой воли, что меньшею свободою могло бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ. Я уже не говорю о совершенномъ семейномъ подчиненіи мужскому полу женскаго, которому Овенизмъ и почти всѣ другія формы соціализма (надобно сказать это въ великую честь имъ) даютъ права во всѣхъ отношеніяхъ равныя съ поломъ до сихъ поръ господствовавшимъ. Но о достоинствахъ коммунизма надобно судить не по сравненію съ нынѣшнимъ дурнымъ состояніемъ общества; если коммунизмъ обѣщаетъ больше личной и умственной свободы, чѣмъ сколько имѣютъ теперь люди, которыхъ теперь по правдѣ нельзя назвать свободными, то этого еще недостаточно,—вопросъ въ томъ, останется ли при коммунизмѣ какое нибудь прибѣжище для индивидуальности характера, не будетъ ли общественное мнѣніе тиранскимъ игомъ, не сомнетъ ли всѣхъ въ безцвѣтную однообразность мыслей, чувствъ и дѣйствій совершенная зависимость каждаго отъ всѣхъ и наблюденіе всѣхъ за каждымъ. Эта однообразность уже составляетъ одинъ изъ рѣзкихъ недостатковъ нынѣшняго общества, не смотря на то, что оно имѣетъ въ воспитаніи и образѣ жизни гораздо больше разностей, чѣмъ могло бы существовать при коммунистическомъ устройствѣ, а совершенной зависимости отдѣльнаго человѣка отъ массы нынѣ гораздо меньше, чѣмъ было бы тогда. Нельзя назвать здоровымъ такого общества, въ которомъ оригинальность служитъ предметомъ порицанія. Совмѣстна ли коммунистическая теорія съ разнообразнымъ развитіемъ человѣческихъ натуръ, съ многоразличными несходствами, съ разницами вкусовъ и талантовъ и разнообразіемъ умственныхъ взглядовъ, съ этими разностями, отъ которыхъ зависитъ значительная часть интереса человѣческой жизни, которыя даже служатъ источникомъ умственнаго и нравственнаго прогресса, возбуждая умы столкновеніями и представляя каждому множество такихъ мыслей, какихъ не составилъ бы самъ онъ?—вотъ вопросъ, еще требующій изслѣдованія.

«4. До сихъ поръ я ограничивался въ своихъ замѣчаніяхъ коммунистическою теоріею, составляющею крайній предѣлъ соціализма; теоріею, по которой не только орудія производства, земля и капиталъ, составляютъ общую собственность ассоціаціи, но продуктъ раздѣляется между членами и трудъ назначается для нихъ съ соблюденіемъ всевозможнаго равенства. Тѣ справедливыя или несправедливыя возраженія, которыя дѣлаются противъ соціализма, всего сильнѣе прилагаются къ этой формѣ его. Другія системы соціализма различаются отъ коммунизма преимущественно тѣмъ, что не полагаются на одно чувство чести въ промышленности (point d'honneur, по выраженію Луи-Блана), а больше или меньше удерживаютъ побужденія къ труду, проистекающія изъ личной денежной выгоды. Системы, говорящія, что вознагражденіе должно быть соразмѣрно труду, уже различны отъ строгой теоріи коммунизма. Дѣлавшіеся во Франціи опыты практически осуществить соціализмъ ассоціаціями работниковъ, ведущихъ дѣло на свой собственный счетъ, почти всѣ начинали распредѣленіемъ вознагражденія поровну, не принимая въ разсчетъ количество труда, исполненнаго отдѣльнымъ членомъ; но почти во всѣхъ случаяхъ этотъ порядокъ скоро былъ покидаемъ и замѣнялся поштучною работою. Коммунистическій принципъ въ коренномъ своемъ видѣ требуетъ болѣе высокой

нормы справедливости и примѣняется къ гораздо высшему нравственному состоянію людей. Соразмѣрность вознагражденія съ количествомъ работы въ сущности справедлива только тогда, когда разница въ количествѣ работы зависитъ отъ воли самого челокѣка; а если она зависитъ отъ природнаго различія силы или способности, то эта норма вознагражденія сама по себѣ несправедлива: она даетъ уже имѣющему, назначаетъ большую часть тому, кто уже получилъ отъ природы больше другаго. Но она очень полезна какъ сдѣлка съ эгоизмомъ характера, образующимся при нынѣшнемъ уровнѣ нравственности и развивающимся благодаря нынѣшнимъ общественнымъ учрежденіямъ; пока люди не будутъ возрождены новымъ воспитаніемъ, эта норма вознагражденія имѣетъ гораздо большую вѣроятность скораго успѣха, чѣмъ стремленіе руководиться идеаломъ болѣе высокимъ.

«Къ двумъ разработаннымъ системамъ не — коммунистическаго соціализма, извѣстнымъ подъ именемъ Сенъ-Симонизма и Фурьеризма, совершенно непримѣнимы возраженія, дѣлаемыя обыкновенно противъ коммунизма. Этѣ двѣ системы могутъ подлежать другимъ возраженіямъ, спеціально относящимся къ той или другой изъ нихъ, но справедливость требуетъ причислить ихъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ прошедшаго и нынѣшняго времени по великой умственной силѣ, которая видна въ нихъ и по представляющемуся въ нихъ широкому философскому рѣшенію нѣкоторыхъ изъ основныхъ общественныхъ и нравственныхъ задачъ.

«Сенъ-Симонистская теорія не думаетъ о равенствѣ, а полагаетъ неравенство въ раздѣлѣ продукта; она хочетъ, чтобы люди занимались разными дѣлами, каждый смотря по своему призванію или способности, а не всѣ одинаковыми; должность каждому дается какъ чинъ въ полку, по назначенію управляющей власти, а вознагражденіе состоитъ въ жалованьѣ, какое власть эта находитъ соразмѣрнымъ съ важностью должности и заслугами лица, ее занимающаго. Управляющая корпорація можетъ быть устроена по разнымъ основаніямъ, безъ нарушенія сущности системы. Она можетъ быть назначаема по выбору общества. Составители системы полагали, что правителями будутъ люди, отличающіеся дарованіями и добродѣтелью, по своему умственному превосходству получившіе на свою власть добровольное согласіе остальныхъ. Надобно думать, что эта система могла бы съ выгодою дѣйствовать при нѣкоторыхъ особенныхъ положеніяхъ общества. Исторія показываетъ примѣръ удачнаго опыта въ подобномъ родѣ; это — примѣръ Парагвайскихъ іезуитовъ, о которыхъ я уже упоминалъ. Цивилизованные и образованные люди, соединенные между собою системою общности имущества, привели подъ свое умственное владычество племя дикарей, принадлежавшихъ къ такой части человѣческаго рода, въ которой было столько отвращенія отъ послѣдовательности въ трудѣ для отдаленныхъ цѣлей, сколько не было еще ни въ одномъ изъ племенъ, достовѣрно извѣстныхъ намъ. Оно почтительно подчинилось безусловной власти этихъ людей пріучившихъ его къ искусствамъ цивилизованной жизни и къ занятію на общественный счетъ трудами, которыми дикари ни за что не стали бы заниматься каждый самъ для себя. Эта общественная система существовала недолго, будучи преждевременно разрушена дипломатическими рѣшеніями и чужеземною силою. Возможность осуществить ее вѣроятно происходила отъ громадной разницы по

умственному развитію и знаніямъ, между малочисленными правителями и всѣмъ подвластнымъ имъ обществомъ, такъ что не было и посредствующихъ переходовъ общественнаго или умственнаго развитія между этими двумя степенями. Надобно думать, что при другихъ обстоятельствахъ такое устройство совершенно не удалось бы. Оно предполагаетъ полный деспотизмъ со стороны правителей товарищей, и черта эта мало измѣнилась бы тѣмъ, если бы лица, которымъ ввѣряется власть, стали по временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ. Но предполагать, что одинъ или нѣсколько человѣкъ, такъ или иначе выбранныхъ, могутъ, посредствомъ той или другой организаціи второстепенныхъ властей, назначать каждому дѣло, соотвѣтствующее его способности и распредѣлять вознагражденіе по заслугамъ каждаго, хорошо распредѣлять имущественную справедливость между членами общины, — предполалать, что всѣ члены будутъ довольны тѣмъ, какъ они употребляютъ свою власть и будутъ покоряться ей совершенно добровольно, это такое предположеніе, противъ котораго едва ли надобно и спорить, потому что оно явная химера. Люди могутъ безъ ропота подчиняться опредѣленному правилу, напримѣръ правилу равенства, или случаю, или внѣшней необходимости. Но чтобы нѣсколько людей взвѣшивали каждаго на своихъ вѣсахъ, чтобы давали одному больше другому меньше лишь потому, что такъ вздумали и разсудили, — этого люди не потерпятъ, если не считаютъ этихъ людей существами высшими людей, не трепещутъ ихъ сверхъестественнаго могущества.

«Изъ всѣхъ формъ соціализма, искуснѣйшимъ образомъ и съ наибольшею предусмотрительностью противъ всѣхъ возраженій построенъ такъ называемый Фурьеризмъ. Эта система не хочетъ уничтоженія ни частной собственности, ни даже наслѣдства; напротивъ, элементомъ въ распредѣленіи продукта она формально принимаетъ и капиталъ наравнѣ съ трудомъ. Она хочетъ, что бы промышленныя операціи велись товариществами тысячи въ двѣ человѣкъ, вмѣстѣ трудящихся на округѣ, величиною около квадратной мили, подъ управленіемъ начальниковъ, выбранныхъ самими членами. При распредѣленіи сначала опредѣляется извѣстный minimum на продовольствіе каждаго члена общины, способенъ ли онъ къ труду или нѣтъ, все равно. Остатокъ продукта, по извѣстнымъ, впередъ опредѣленнымъ пропорціямъ, распредѣляется между тремя элементами, трудомъ, капиталомъ и талантомъ.

«Капиталъ общины можетъ различными суммами принадлежать разнымъ членамъ, которые въ такомъ случаѣ получаютъ пропорціональный дивидендъ, совершенно какъ въ акціонерной компаніи. Право каждаго на долю продукта, приходящуюся таланту, оцѣнивается степенью или мѣстомъ, какое каждый занимаетъ въ разныхъ группахъ работниковъ, къ которымъ принадлежитъ; всѣ эти степени даются по выбору товарищей. Получивъ вознагражденіе, никто не обязанъ расходовать его въ одномъ хозяйствѣ съ другими: у каждаго, желающаго жить своимъ особымъ хозяйствомъ, будетъ особое хозяйство, и общность жизни необходима только та чтобы всѣ члены ассоціаціи жили въ одномъ большомъ зданіи, для сбереженія труда и издержекъ не только въ постройкѣ, но и во всѣхъ отрасляхъ домашняго быта, и для того, чтобы всѣ покупки и продажи общины производились однимъ

агентомъ, съ цѣлью возможнаго уменьшенія той громадной доли продуктовъ, которая теперь поглощается прибылью коммерческихъ людей.

«Эта система, по крайней мѣрѣ въ теоріи, не уничтожаетъ ни одного изъ побужденій къ дѣятельности, существующихъ въ нынѣшнемъ состояніи общества, какъ уничтожаетъ ихъ коммунизмъ. Напротивъ, если организація будетъ дѣйствовать сообразно съ намѣреніями своихъ составителей, то она даже усилитъ эти побужденія: при ней каждый имѣлъ бы увѣренность лично воспользоваться плодами отъ увеличенія своего искусства и своей умственной или физической энергіи, — имѣлъ бы этой увѣренности гораздо больше, чѣмъ при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ можетъ имѣть кто нибудь кромѣ людей, находящихся въ слишкомъ выгодныхъ положеніяхъ или пользующихся чрезвычайною благосклонностью случая. Но кромѣ этихъ побужденій къ труду фурьеристы имѣютъ еще новое. Они полагаютъ, что разрѣшили великую и основную задачу сдѣлать трудъ привлекательнымъ; они представляютъ очень сильныя доказательства тому, что задача эта удобоисполнима; изъ этихъ доказательствъ особенно важно одно, общее у нихъ съ овенистами: они говорятъ, что едвали найдется между самыми тяжелыми изъ работъ, исполняемыхъ людьми по необходимости для пропитанія, трудъ столь тяжелый какъ тѣ труды, которымъ добровольно предаются для удовольствій люди, имѣющіе уже обезпеченныя средства жизни. Фактъ этотъ дѣйствительно очень знаменателенъ, и человѣкъ, изучающій общественную науку, найдетъ его очень поучительнымъ для себя. Но легко утрироватъ дѣлаемые изъ него выводы. Если занятія, очень неудобныя и утомительныя, исполняются многими по доброй волѣ какъ развлеченіе, то какъ же не видѣть, что эти занятія служатъ развлеченіями собственно потому, что люди предаются имъ по доброй волѣ, и могутъ бросать ихъ какъ захотятъ. Свобода покинуть извѣстное положеніе часто составляетъ всю разницу между непріятностью и пріятностью этого положенія. Изъ людей, живущихъ въ одномъ городѣ, одной улицѣ, одномъ домѣ съ января до декабря, безъ всякаго желанія или мысли перемѣнить квартиру, многіе нашли бы жизнь на ней несноснымъ тюремнымъ заключеніемъ, если бы были прикованы къ этой квартирѣ приказаніемъ.

«По мнѣнію фурьеристовъ едва ли найдется хотя одинъ родъ полезнаго труда такой, который непріятенъ по своей сущности, неизбѣжно непріятенъ. Если онъ почитается непріятнымъ, это происходитъ отъ того, что онъ или считается унизительнымъ, или доведенъ до чрезмѣрности, или лишенъ привлекательности, даваемой симпатіей и соревнованіемъ. Они говорятъ, что никому не будетъ нужно подвергаться чрезмѣрной работѣ въ обществѣ гдѣ не будетъ ни праздныхъ сословій, ни растраты труда на безполезныя вещи, на которыя тратится теперь такое громадное количество труда; въ обществѣ, которое вполнѣ воспользуется могуществомъ товарищества и для увеличенія успѣшности производства, и для экономіи въ расходахъ. Другія условія, нужныя для приданія труду привлекательности, найдутся по ихъ мнѣнію въ томъ, что весь трудъ будетъ исполняться общественными группами, и каждому будетъ можно одновременно принадлежать къ какому угодно числу группъ по его собственному желанію, а степень его каждой группѣ

будетъ опредѣляться степенью пользы, какую оказывается онъ способнымъ приносить въ нея по оцѣнкѣ своихъ товарищей. Основываясь на различіи вкусовъ и способностей, фурьеристы заключаютъ, что каждый членъ общины будетъ принадлежать къ нѣсколькимъ группамъ, занимающимся разными трудами умственными или физическими, и каждый будетъ способенъ занимать высокое мѣсто въ какой нибудь изъ этихъ группъ, или даже въ нѣсколькихъ, такъ что практическимъ результатомъ этого будетъ равенство, или по крайней мѣрѣ состояніе гораздо болѣе близкое къ нему, нежели можетъ показаться на первый взглядъ, и проистекать оно будетъ не изъ стѣсненія, а напротивъ отъ высочайшаго развитія разнообразныхъ способностей, находящихся въ каждомъ человѣкѣ.

«Даже изъ этого столь краткаго очерка читатель долженъ видѣть, что эта система ненарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями даже при нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи нравственнаго и умственнаго воспитанія, и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать о ней, что она не можетъ имѣть успѣха или осуществить значительную часть надеждъ, основываемыхъ на ней ея приверженцами. Относительно фурьеризма, какъ и относительно всѣхъ другихъ видовъ соціализма, надобно желать, чтобы они получили возможность повѣрки на опытѣ, чего они справедливо требуютъ. Всѣ они могутъ быть испытаны въ размѣрѣ не очень большомъ, и безъ всякаго риска для кого бы то ни было, кромѣ участвующихъ въ опытѣ. Опытъ долженъ рѣшить, на сколько способна и скоро ли способна та или другая изъ возможныхъ системъ общности имущества замѣнить собою «организацію промышленности,» основанную на владѣніи землею и капиталомъ по принципу частной собственности; а пока мы, не думая ставить границъ дальнѣйшему развитію способностей человѣка, можемъ сказать, что политико-экономъ довольно долго еще долженъ будетъ главнымъ образомъ заниматься условіями существованія и прогресса, принадлежащими обществу, основанному на частной собственности и на личномъ соперничествѣ, и что главною цѣлью стремленій при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго развитія служитъ не низверженіе системы личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества.

Мы не намѣрены здѣсь излагать ни такъ называемыхъ соціалистическихъ, ни такъ называемыхъ коммунистическихъ теорій. Мы ограничимся только нѣсколькими словами о тонѣ, которымъ говоритъ о нихъ Милль, и о послѣднихъ словахъ приведеннаго нами отрывка. Къ этому мы прибавимъ развѣ только одно, да и то не теоретическое, а чисто историческое пополненіе. Общепринятый тонъ политико-экономическихъ отзывовъ о коммунистахъ и соціалистахъ не одинъ разъ измѣнился съ той поры, какъ эти тенденціи заняли постоянное и видное мѣсто въ умственной жизни. До 1848 года масса умѣренныхъ прогрессистовъ, въ томъ

числѣ и почти всѣ политико-экономы, говорили о коммунистахъ и соціалистахъ съ любезною снисходительностью, какъ о мечтателяхъ благонамѣренныхъ, хотя и заблуждающихся, но самыми своими заблужденіями отчасти содѣйствовавшихъ имъ, умѣреннымъ прогрессистамъ, въ разъясненіи истины. Надъ коммунистами и соціалистами отчасти подсмѣивались съ пріятными претензіями на остроуміе, безъ ожесточенія, больше для препровожденія времени, и говорилось это о нихъ лишь при случаѣ, не слишкомъ часто и не слишкомъ по многу. Они казались людьми не важными.

Въ 1848 году повсюду, гдѣ былъ переворотъ, бывали въ немъ болѣе или менѣе замѣтны, или у всей массы простонародья, или у довольно большой части ея, какія-то отчасти неясныя тенденціи, казавшіяся сходными съ коммунизмомъ, тенденціи клонившіяся къ коренному ниспроверженію существующаго экономическаго порядка. Въ тоже время обнаруживалось, что бывшіе защитники коммунизма и соціализма въ литературѣ, думаютъ воспользоваться этими тенденціями, которыя были порицаемы даже и самыми радикальными изъ демократовъ, не бывшихъ коммунистами или соціалистами. То есть раскрылось для всѣхъ, что между коммунистами или соціалистами и всѣми другими партіями есть большая разница, гораздо значительнѣе даже той, какая существуетъ между самыми далекими другъ отъ друга изъ остальныхъ партій. Приверженецъ абсолютизма и красный республиканецъ чувствовали, что у нихъ у обоихъ есть что-то общее, противъ чего идутъ соціалисты и коммунисты. А эти люди, оказавшіеся идущими противъ учрежденій, равно драгоцѣнныхъ и для реакціонера и для огромнаго большинства революціонеровъ, оказались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно близкими къ полученію власти надъ обществомъ. Напримѣръ, предводители баденскихъ инсургентовъ, Геккеръ и Струве были соціалисты, а вѣдь они успѣли овладѣть Баденомъ, и были побѣждены уже только двинутыми на нихъ прусскими войсками. Но главнымъ источникомъ страха была, разумѣется, Франція. Временное правительство нашло нужнымъ льстить коммунистамъ и соціалистамъ, чтобы выиграть время. Эти ловкіе маневры имѣли видъ такой искренности, что казалось

будто оно даетъ соціалистамъ и коммунистамъ участіе въ управленіи страною. На самомъ дѣлѣ ничего такого не было сдѣлано. Но имя Луи-Блана въ числѣ членовъ временнаго правительства и люксембурскія конференціи, которыми или обманули этого тщеславнаго труса (если онъ тщеславный трусъ), или обольстили этого самоотверженнаго гражданина (если онъ былъ самоотверженный гражданинъ, не хотѣвшій вести свою партію къ побѣдѣ путемъ междоусобной войны), — но національныя мастерскія, устроенныя врагами коммунизма, какъ лагерь противъ коммунистовъ, и однако же очень хитро выставлявшіяся за созданіе коммунистовъ этого уже было довольно, чтобы вся Европа кричала: „коммунисты овладѣваютъ правительствомъ во Франціи!“ А тутъ поднялось громадное Іюньское возстаніе, подавленное лишь послѣ такой упорной борьбы, которой никогда не бывало даже и въ парижскихъ междоусобицахъ. Подъ вліяніемъ этихъ событій всѣ стали трепетать при одной мысли о коммунистахъ и соціалистахъ и ни на минуту никто не могъ избавиться отъ мысли о нихъ. Въ эту эпоху не въ силахъ былъ написать человѣкъ ни одной страницы безъ того, чтобы не попали въ нее соціалисты или коммунисты съ приставкою надлежащихъ проклятій. Политическая экономія заразилась соціализмофобіей и коммунизмофобіей (разумѣется, въ тѣхъ странахъ, которыя подверглись перевороту и въ странахъ, повторяющихъ съ голоса тѣхъ странъ. Англичане сохранили нѣкоторое хладнокровіе). Брань, настроеніе духа одаренное очень большею живучестью. Трусость также. Разъ принявшись бранить и трусить соціалистовъ и коммунистовъ, континентальные политико-экономы еще не успѣли оправиться отъ своего истерическаго припадка. Но 10 или 12 лѣтъ порядочный срокъ времени и нельзя чтобы не случилось въ такой срокъ ничего, могущаго подѣйствовать даже и на людей упражняющихся въ истерикѣ. Оно и дѣйствительно возникло въ это время два явленія, отчасти подѣйствовавшихъ на континентальныхъ политико-экономовъ. Очень видное мѣсто въ литературѣ занялъ писатель очень крутаго нрава, Прудонъ. Кто онъ такой, соціалистъ или не соціалистъ, коммунистъ или не коммунистъ — этого никто изъ континентальныхъ политико-экономовъ не умѣетъ ра-

зобрать, да и самъ Прудонъ быть можетъ не зналъ опредѣленно. Но одно всѣмъ замѣтно: онъ ужасно бранится, и такъ бранится, что на кого ни набросится, безвозвратно выставитъ дуракомъ. Бранитъ онъ соціалистовъ и коммунистовъ — это хорошо; но попробуй кто нибудь сказать противъ нихъ, онъ такъ отдѣлаетъ этого господина, что тотъ жизни будетъ не радъ: „если, говоритъ, я ихъ называю глупцами, такъ другое дѣло — я понимаю ихъ; а вы, М. Г., не понимаете ихъ, вы сами гораздо глупѣе ихъ, да и въ политической экономіи аза въ глаза не знаете; какой вы политико-экономъ! вы просто ахинею городите." Вотъ отъ страха-то передъ такимъ чудовищемъ иной разъ и боится политико-экономъ не сдѣлать милой улыбки передъ соціализмомъ или коммунизмомъ въ извиненіе за то, что тутъ же выбранитъ коммунистовъ. А тутъ есть еще другое обстоятельство, коммунизмъ популяренъ: кому не хочется уловить частичку популярности? Вотъ политико-экономъ, выбранивши коммунизмъ и прибавляетъ для партера: „что это я, дескать, такъ только говорю противъ крайностей и утопій, а что касается до здоровой части новыхъ стремленій, такъ я до нельзя люблю ее," и пойдетъ хвалить ассоціаціи, предрекать имъ великую будущность, заболтается до того, что самъ уже ничего не разбираетъ, что говоритъ. Такимъ образомъ нынѣшній обыкновенный тонъ отзывовъ о соціализмѣ и коммунизмѣ — смѣсь неистовствъ съ сладкими улыбочками, проклятій съ комплиментами.

Ничего такого нѣтъ у Милля. Онъ смотритъ на ужасающія другихъ теоріи очень спокойно и не видитъ въ нихъ ничего возмутительнаго. Пересматривая возраженія, какія дѣляются противъ коммунизма, онъ не находитъ между ними ни одного основательнаго. Рѣшительный выводъ его о коммунизмѣ тотъ, что, если система собственности будетъ усовершенствована, она, — почему знать? — окажется можетъ быть и лучше коммунизма, но въ нынѣшнемъ своемъ видѣ далеко уступаетъ ему. Къ соціализму онъ обнаруживаетъ еще болѣе сочувствія и не видитъ уже въ немъ ровно ничего не только дурнаго, но и неудобнаго. Одно только сомнѣніе выставляетъ онъ: нынѣшній уровень общественной нравственности очень низокъ; способны ли люди къ принятію

какаго нибудь хорошаго устройства при этомъ нынѣшнемъ своемъ состояніи. Разумѣется это сомнѣніе основательно, и, надобно сказать, что оно примѣняется не къ одному вопросу о коммунизмѣ или соціализмѣ, а рѣшительно ко всякому вопросу о какомъ бы то ни было существенномъ улучшеніи. Напримѣръ, англичане владѣютъ Остъ-Индіею; можно ли у индѣйцевъ ввести цивилизованный порядокъ вещей, который бы былъ для нихъ несравненно выгоднѣе нынѣшняго? „При нынѣшнемъ состояніи общественной нравственности въ Остъ-Индіи, это очень сомнительно!“ Можно ли уничтожить вывозъ негровъ изъ Африки въ Америку, чтобы негритянскія племена не воевали между собою съ цѣлью захватывать плѣнныхъ и продавать ихъ на вывозъ? „При нынѣшнемъ состояніи негритянскихъ племенъ это очень сомнительно! Можно ли устроить, чтобы друзы и марониты не рѣзали другъ друга, если не будутъ удерживаться отъ рѣзни страшными строгостями Фуадъ-Паши? „При нынѣшнемъ состояніи нравовъ ихъ это очень сомнительно.“ Но то дикія или полудикія страны, не угодно ли вамъ подумать о цивилизованныхъ. Можно ли ждать, чтобы іезуитская партія потеряла всякое вліяніе на значительную часть французовъ? Или, чтобы англійскіе простолюдины обращались съ своими женами хотя такъ, какъ французскіе? Или, чтобы нѣмцы бросили свою дрянную кухню, развивающую между ними золотушныя болѣзни? На всѣ эти вопросы отвѣтъ тотъ же самый. — „При нынѣшнемъ состояніи это очень сомнительно.“ Да это-ли одно? Въ однихъ ли вещахъ важныхъ сомнительна возможность скорой, полной перемѣны къ лучшему? Возьмите какіе хотите пустяки, во всякихъ пустякахъ она сомнительна. Напримѣръ, можно ли быстро сдѣлать, чтобы петербургскія или московскія вывѣски не отличались безграмотностью? или, чтобы общія собранія акціонеровъ русскихъ акціонерныхъ компаній стали держать себя благоразумно? или, чтобы русскіе журналы приняли одинаковую орфографію, чтобы не писались одни и тѣже слова въ однихъ журналахъ большими, а въ другихъ маленькими буквами, чтобы во всѣхъ журналахъ писалось какъ нибудь поодному: или „телѣга“ или „тѣлега?“ или, чтобы англичане вмѣсто нынѣшняго своего неудобнаго способа дѣлать чай завели

самовары, которые сами они находятъ очень удобной посудой? или, чтобы бросили они въ газетахъ некрасивый обычай печатать собственныя имена особеннымъ шрифтомъ, такъ напримѣръ, капиталью? Или, чтобы нѣмцы бросили дикое правило писать каждое существительное имя съ большой буквы? или, чтобы французы стали вмѣсто своихъ никуда негодныхъ каминовъ, заводить у себя порядочные въ родѣ англійскихъ, порядочныя печи въ родѣ нѣмецкихъ? Кажется всѣ эти желанія и удобоисполнимыя, а между тѣмъ о каждомъ изъ нихъ надобно рѣшительно сказать, что скоро исполненія его ожидать нельзя. „Разумѣется ничто на свѣтѣ вдругъ не дѣлается!“ И хорошо еще, если дѣло идетъ хотя медленно, но безъ остановокъ, безъ неудачъ, безъ поворотовъ къ старому. Только идутъ такъ лишь не важныя дѣла. Въ дѣлахъ важныхъ успѣхъ достигается послѣ длиннаго ряда неудачъ и за каждымъ движеніемъ впередъ слѣдуетъ реакція, тѣснящая дѣло назадъ съ такимъ упорствомъ, что преодолѣвается только чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ, за которымъ, конечно, слѣдуетъ утомленіе съ новымъ преобладаніемъ реакціи. Есть люди, которые не ждутъ успѣха ни при какомъ отдѣльномъ фактѣ, а знаютъ только, что въ окончательномъ результатѣ будетъ успѣхъ, — знаютъ потому, что сомнѣваться въ немъ нельзя: неизбѣжность его доказываетъ себя математически. Распространяется ли грамотность въ Россіи? Сомнѣваться въ этомъ просто глупо. Но если хотите, можете ждать неудачи при основаніи каждой воскресной школы, можете, если хотите, ждать, что и все нынѣшнее движеніе въ пользу воскресныхъ школъ потерпитъ какъ нибудь неудачу — чтожь изъ этого? Только то, что отъ неудачъ унывать нечего, ихъ надобно предвидѣть. Но если ждать неудачи, то какъ же браться за дѣло? вѣдь и охота къ нему пропадетъ. Полноте, будто это отъ нашихъ мыслей зависитъ: станемъ ли мы имѣть охоту? и будто, если скажетъ себѣ человѣкъ: „не стану я дѣлать этого“ такъ ужъ и точно не станетъ дѣлать? Полноте; посмотрите на свои ежедневные поступки: сколько разъ каждый изъ насъ давалъ себѣ зарокъ напримѣръ хоть бы не спорить о теоретическихъ вопросахъ? Развѣ удалось кому нибудь переубѣдить противника въ одинъ вечеръ? Развѣ, расходясь, не говорилъ онъ

себѣ каждый разъ: „какъ однако же я глупъ, что спорилъ!" или развѣ не давалъ себѣ каждый изъ насъ зарока не вѣрить никому на свѣтѣ, или не любить ни кого на свѣтѣ? И однакоже: развѣ исполняются эти зароки? Да, исполняются до перваго случая, а какъ только случай представился, натура и беретъ верхъ — и опять споришь и опять привязываешься, пока не износишься весь. А покуда ты износишься, подростаютъ другіе на твое мѣсто терпѣть тѣ же неудачи, давать тѣ же зароки, и точно также пробиваться по той-же дорогѣ. Стало быть взглядъ, нами изложенный, ни мало не мѣшаетъ усердію практическихъ хлопотъ у людей, раздѣляющихъ его. А надобно замѣтить, что мы вовсе не полагаемъ, будто бы въ какую бы то ни было данную минуту большинство людей, убѣжденныхъ въ извѣстной истинѣ, могло бы не находить, что она вполнѣ готова осуществиться при первомъ нѣсколько удобномъ случаѣ, силою одной попытки.

Хладнокровно разсуждать о шансахъ любимаго дѣла, въ то самое время, когда стараешся объ исполненіи его — это возможно только при сильной большой опытности, или при особенномъ темпераментѣ, въ которомъ холодность ума соединяется съ горячностью воли. Людей того и другого рода всегда бываетъ мало. Остальныхъ не разубѣдишь: имъ все будетъ казаться, что вотъ, вотъ представляется одинъ изъ тѣхъ, почти безпримѣрныхъ въ исторіи случаевъ, когда съ одного раза прочно пріобрѣталось многое. Стало быть взглядъ нашъ на шансы близкаго будущаго не охладитъ никого. Кто раздѣляетъ или будетъ раздѣлять его, тотъ ужь не способенъ охладиться перспективою, или полныхъ неудачъ, или удачъ слишкомъ неполныхъ, потому что онъ давно свыкся съ этой перспективой, и дѣятельность его происходитъ изъ необходимой потребности всей его натуры, а не изъ юношеской вѣры въ свое счастіе, или въ свое время. А кого оживляетъ довѣрчивость къ своему счастію, или своему времени, кто охладился бы, утративъ ее, тотъ не приметъ нашего суроваго взгляда. Но онъ позволитъ намъ не высказывать надеждъ, которыхъ мы не имѣемъ, и разсуждать о вещахъ не съ угожденіемъ ему, а сообразно своему взгляду. Мы совершенно согласны съ Миллемъ, что нельзя ждать скораго замѣненія нынѣшней коренной инсти-

туціи экономическаго быта, порядкомъ дѣлъ основаннымъ на иномъ принципѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что „политико-экономъ долго долженъ будетъ заниматься условіями быта и прогресса,“ принадлежащими нынѣшнему господствующему принципу? Оно такъ, только не въ томъ смыслѣ, какой даетъ ему Милль. Разумѣется всего больше человѣкъ долженъ заниматься настоящимъ своимъ положеніемъ и будущимъ очень близкимъ, но какъ онъ будетъ судить о немъ? На основаніи ли того, что принимаетъ онъ за истину, или онъ долженъ забывать эту норму, если она неосуществима завтра или послѣзавтра. У васъ есть сынъ, мальчикъ лѣтъ 9-ти или 10-ти, едва начинающій учиться. Скоро-ли онъ можетъ попасть въ университетъ? Но вѣдь вы думаете, что когда нибудь ему слѣдуетъ быть въ университетѣ; вы находите, что это будетъ всего лучше для него. Чтожь теперь, развѣ вы не располагаете все его воспитаніе такъ, чтобы онъ сталъ способенъ поступить въ университетъ, и чтобы избѣжать лишнихъ задержекъ, когда онъ спрашиваетъ васъ къ чему ему полезнѣе всего готовиться — развѣ вы ему не разсказываете объ университетѣ? и если, сбиваемый съ толку глупостями, которыя слышитъ постоянно и отъ товарищей, и отъ людей, которыхъ считаетъ умнѣе себя — онъ прибѣгаетъ къ вамъ съ вопросомъ: не лучше-ли быть гусарскимъ юнкеромъ, чѣмъ студентомъ? — развѣ вы отпускаете его съ подобнаго рода рѣшеніемъ: „мы, дескать, потолкуемъ съ тобой объ этомъ лѣтъ черезъ 7.“ Благоразумно вы поступаете въ подобномъ случаѣ! или, быть можетъ, вы поступаете еще разсудительнѣе, поддакиваете мальчику, что: точно ему студентомъ быть не дурно, но быть гусарскимъ юнкеромъ еще полезнѣе для него: „пусть, дескать, въ самомъ дѣлѣ попробуетъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ хорошо, а увидитъ, что не хорошо — станетъ ходить въ университетъ.“

Кажется, что разсудительные люди такъ не поступаютъ: близка или далека цѣль, все равно, не должно ее выпускать изъ виду; нельзя, потому что какъ бы далека она ни была, ежеминутно и въ нынѣшній день представляются случаи, въ которыхъ надобно поступать однимъ способомъ, если вы имѣете эту цѣль, и другимъ, если вы не имѣете ее. Разумѣется не доѣдете въ одинъ

день ни до Казани, ни до Берлина, но вѣдь на самомъ первомъ шагу путь развѣтвляется; въ Казань одна дорога, а въ Берлинъ совершенно другая. Такъ не будете ли вы разсуждать такъ: „станція Московской желѣзной дороги къ моей квартирѣ ближе, и извощикъ ближе, да и торцовая мостовая по Невскому удобнѣе, такъ проѣдусь я сперва нѣсколько станцій по дорогѣ въ Москву, а тамъ гдѣ нибудь сворочу на берлинскую дорогу. А то можетъ быть и не сворочу — чтожь вѣдь и Казань хорошій городъ!" Мы ничего не говоримъ — выбирайте себѣ цѣль, какую хотите, Казань ли, Берлинъ ли, только выбирайте же, и если вы находите, что въ Берлинѣ вамъ будетъ лучше, чѣмъ въ Казани, то такъ ужь и направляйтесь. А съ Казанью, чтожь въ такомъ случаѣ? неужели забыть о ней. Разумѣется прежде всего лучше бы было не заниматься ею слишкомъ много. Но, быть можетъ, есть у васъ пріятели и совѣтники, которые тянутъ васъ въ Казань. Если такъ, нечего дѣлать, вамъ приходится разсуждать о Казани очень много; но въ какомъ смыслѣ, позвольте васъ спросить, станете вы разсуждать о ней? Вы станете доказывать вашимъ пріятелямъ и совѣтникамъ, что ѣхать вамъ туда не слѣдуетъ, а слѣдуетъ вамъ ѣхать въ другую сторону. Или, быть можетъ, вы не знаете куда вамъ слѣдуетъ ѣхать? Да какъ же, вы уже ѣдете? Вѣдь исторія не на диванѣ, на которомъ человѣкъ лежитъ, не двигаясь съ мѣста, вѣдь она мчитъ васъ куда-то, а вы еще не знаете куда? Такъ вы ужь скорѣе разузнайте, куда это она васъ мчитъ? Туда ли, куда вамъ нужно? А если туда, куда нужно, то напрасно вы и толкуете о другихъ дорогахъ, а если не туда, куда вамъ нужно, то сворачивайте.

Милль разсуждаетъ не совсѣмъ такъ: судя по всему нужно ѣхать въ Берлинъ, однакожь махнемъ на него рукой и поѣдемъ въ Казань.

Заключеніе не совсѣмъ логическое. Мы уже видѣли на какомъ соображеніи дѣлается оно: при нынѣшнемъ низкомъ состояніи умственнаго развитія и нравственныхъ понятій въ обществѣ рано еще думать объ осуществленіи идей, которыя хороши сами по себѣ. Мы видѣли, что если и правда, что рано ждать полнаго ихъ осуществленія, то это ни мало не избавляетъ отъ надобности

подробно и полно изучать ихъ, потому что иначе мы будемъ сбиваться съ дороги. Но рано ждать въ нынѣшнее время полнаго осуществленія лишь тѣхъ системъ окончательнаго устройства экономическихъ отношеній, о которыхъ объ однихъ говорилъ Милль. А развѣ не случается, что мыслитель, развивающій свою идею съ одной заботой о справедливости и послѣдовательности системы въ своихъ чисто теоретическихъ трудахъ, умѣетъ ограничивать свои совѣты въ практическихъ дѣлахъ настоящаго лишь одною частью своей системы удобоисполнимою и для настоящаго? Спросили бы вы напр. Роберта Пиля, что ему кажется наилучшимъ по вопросу о заграничной торговлѣ? Навѣрно онъ отвѣчалъ бы: совершенное уничтоженіе и таможенныхъ пошлинъ и таможень. Да онъ и говорилъ это много разъ. Чтожь, значитъ, онъ былъ фантазеръ, и отъ его мыслей можно отдѣлаться словами: „хорошо, но еще слишкомъ рано думать намъ объ этомъ...“ Нѣтъ, вы знаете, что Робертъ Пиль кромѣ разсужденія о безусловно и окончательно наилучшемъ разсуждалъ и о томъ, въ какой мѣрѣ, какую часть этого наилучшаго можно исполнить и теперь; онъ вовсе не предлагалъ Парламенту — разъ, два, три, хлопъ! и отмѣнить всѣ пошлины и раззорить всѣ таможни. Извѣстно, что въ Парламентѣ, онъ предлагалъ вещи совершенно практическія, исполненіе которыхъ оказалось легко и полезно. Вотъ тоже самое и по вопросу, занимающему насъ. Полнота, теоретическое изложеніе системы извѣстнаго быта, основаннаго на извѣстномъ принципѣ, — вещь необходимая: нужно же знать, что въ самомъ дѣлѣ хорошо и справедливо, а сверхъ того, у кого не уяснены принципы во всей логической полнотѣ и послѣдовательности, у того не только въ головѣ сумбуръ, но и въ дѣлахъ чепуха. Но, если были на свѣтѣ геніальные мыслители, и нашли себѣ достойныхъ учениковъ и пріобрѣли популярность, то надобно же положить, что, или сами они, или нѣкоторые изъ ихъ учениковъ догадались же, кромѣ этихъ разсужденій объ отвлеченной теоріи, поговорить и о возможномъ въ современной дѣйствительности.

Оно такъ и было. Размѣры статьи не допускаютъ насъ говорить о всѣхъ такихъ предположеніяхъ, имѣющихъ въ виду гра-

ницы возможнаго для нынѣшней эпохи, да оно, можетъ быть, и лучше было бы перечислить много такихъ программъ, потому что въ существенномъ всѣ они сходны. Ограничимся же однимъ примѣромъ, который я приводилъ въ одной изъ прежнихъ своихъ статей *).

„Пользуясь способомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, мы предлагаемъ *свой* планъ осуществленія теоріи трудящихся, прося читателей обратить вниманіе на то, стѣсняется ли свобода этимъ планомъ, который приспособленъ къ правамъ странъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и только теперь начинающимъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ. Надобно сказать также, что въ государствѣ, для котораго предназначался этотъ планъ, правительство ежегодно бросаетъ десятки мильоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ и оптовымъ торговцамъ. Кромѣ того, оно даетъ десятки мильоновъ взаймы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ и тратитъ десятки мильоновъ на разныя великолѣпныя постройки.

Правительство назначаетъ такую сумму, какая сообразна съ его финансовою возможностью, для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ. За эту ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ.

Само собою разумѣется, что пособія отъ казны предполагаются только для ускоренія дѣла. Теперь есть много примѣровъ, что товарищества основывались безъ всякой посторонней помощи. Но если оптовые торговцы и компаніи желѣзныхъ дорогъ получаютъ пособія, то нельзя назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ такъ же имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копѣйки казнѣ: получая проценты и постепенно возвращая выданный капиталъ, она тутъ не жертвовательница, а просто посредница между биржею и трудящимся классомъ.

*) См. *Современникъ,* 1860 № 1, «Трудъ и Капиталъ» Рус. лит. стр. 60—66.

Теперь идея товарищества дѣло еще новое, и для ея осуществленія нужна нѣкоторая теоретическая подготовленность. Потому на первый разъ веденіе дѣла поручается человѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности.

Приглашаются желающіе участвовать въ составленіи товарищества. Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ полагается отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ обоего пола; они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который отдаетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсемейными. Такимъ образомъ, товарищество состоитъ изъ 400 и 500 семействъ, въ которыхъ будетъ до 500 или больше взрослыхъ работниковъ и столько же работницъ. Какъ поступили они въ товарищество по своему желанію, такъ и выходить изъ него каждый можетъ, когда ему вздумается.

Въ государствѣ, къ которому относится планъ, находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ. Для товарищества всего выгоднѣе будетъ купить одно изъ такихъ зданій, поправка котораго не требовала бы особенныхъ расходовъ. Но если оно найдетъ выгоднѣйшимъ, то можно построить новыя зданія; словомъ сказать, дѣло это ведется совершенно по такому же разсчету, какъ постройка или покупка зданія для какого нибудь обыкновеннаго промышленнаго заведенія. Надобно только, чтобы при зданіи было такое количество полей и другихъ угодій, какое нужно для земледѣлія по разсчету рабочихъ силъ товарищества.

Разница отъ обыкновенныхъ фабрикъ и домовъ для помѣщенія работниковъ состоитъ въ томъ, что квартиры устраиваются съ тѣми удобствами, какія нужны по понятіямъ самихъ работниковъ, которые будутъ жить въ нихъ. Такъ напримѣръ, квартира для семейнаго человѣка должна имѣть число комнатъ, нужное для скромной, но приличной жизни. Число квартиръ устраивается приблизительно соразмѣрное съ числомъ желающихъ пользоваться такими квартирами. Но кому не угодно жить въ этомъ большомъ зданіи, тотъ можетъ нанимать себѣ квартиру, гдѣ найдетъ удобнымъ. Обязательнаго правила тутъ нѣтъ никакого.

При зданіи находятся принадлежности, которыя требуются правами или пользою членовъ товарищества. По нравамъ того народа и его потребностямъ такими принадлежностями считаются: церковь, школа, зала для театра, концертовъ и вечеровъ, библіотека. Кромѣ того, разумѣется, должна быть больница.

По архитектурнымъ смѣтамъ, т. е. по цифрамъ, точность которыхъ каждый можетъ провѣрить, оказывается, что такое зданіе, со всѣми своими принадлежностями и удобствами, будетъ стоить такую сумму, что лица поселившіяся въ немъ получатъ квартиру, и гораздо лучше, и гораздо дешевле помѣщеній, въ какихъ живутъ нынѣ. Цѣна за квартиры полагается такая, чтобы за вычетомъ ремонта капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ процентъ обычный въ томъ государствѣ.

Товарищество будетъ заниматься и земледѣліемъ и промыслами или фабричными дѣлами, какія удобны въ той мѣстности. Инструменты, машины и матеріалы, нужные для этого, покупаются на счетъ товарищества.

Словомъ сказать, товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ же положеніи, какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Оно ведетъ съ ними совершенно такіе же счеты, какъ фабрикантъ съ работниками, домохозяинъ съ жильцами. Новаго и неудобоисполнимаго тутъ очень мало, какъ видимъ.

Теперь, когда зданіе готово и все нужное для работъ пріобрѣтено, начинается дѣло.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ разсчетовъ служитъ то, что земледѣліе требуетъ громаднаго количества рукъ въ недолгіе періоды посѣва и уборки, а въ остальное время представляетъ мало занятій. Товарищество должно пользоваться временемъ какъ можно разсчетливѣе, потому во время горячихъ земледѣльческихъ работъ всѣ члены его приглашаются заниматься земледѣліемъ, а другими промыслами и работами занимаются въ свободное отъ земледѣлія время. Впрочемъ, обязательности и тутъ нѣтъ никакой: кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается. Въ каждомъ промыслѣ, для каждаго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ. Какое же средство

привлечь всѣ руки къ земледѣлію, когда оно требуетъ наибольшаго числа рукъ? Товарищество знаетъ, что количество работы составляетъ сущность дѣла, потому во время посѣва и уборки назначаетъ на земледѣльческую работу такую плату, чтобы огромное большинство членовъ его, занимающихся обыкновенно промыслами, увидѣло для себя выгоду обратиться на время къ земледѣлію. Какъ видимъ, товарищество держится въ этомъ случаѣ обыкновенныхъ въ нынѣшнее время средствъ: оно держится ихъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Работники, незанимавшіеся до той поры земледѣліемъ, на первый годъ, конечно, будутъ пахать или косить хуже записныхъ земледѣльцевъ; но подъ ихъ руководствомъ исполнятъ новое дѣло сносным образомъ, а на слѣдующіе годы и вовсе привыкнутъ къ нему.

Мы говорили, что каждый занимается тою работою, какую зналъ или какую хочетъ выбрать. Разумѣется, однакожь, что товарищество и въ этомъ случаѣ руководится разсчетомъ. Сапожники, портные, столяры конечно для него нужны, и оно найдетъ выгоднымъ имѣть такія мастерскія. Но еслибы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудитъ, нужна ли ему такая работа: если нужна, оно заведетъ ювелирную мастерскую, если нѣтъ, то скажетъ ювелиру, что когда онъ непремѣнно хочетъ заниматься только ювелирствомъ а не другимъ чѣмъ нибудь, то пусть ищетъ себѣ работы гдѣ ему угодно, а оно, товарищество, не можетъ доставить ему мастерской такого рода. На первый разъ этотъ разборъ возможнаго и невозможнаго, зависитъ отъ благоразумія директора, который набираетъ членовъ.

Но власть директора не ограничена только до того времени, пока записываются поступающіе члены; какъ только составъ товарищества опредѣлился, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; а всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго.

Но вотъ прошелъ годъ; члены товарищества успѣли достаточно узнать другъ друга и пріобрѣсти опытность въ томъ, какъ ведутся дѣла. Власть прежняго директора, назначеннаго правительствомъ, становится уже излишнею и совершенно прекращается. Со втораго года все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ самому товариществу; оно выбираетъ всѣхъ своихъ управителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ. Быть можетъ, опытъ и наклонности членовъ товарищества указали неудобства нѣкоторыхъ опредѣленій устава, которымъ, управлялось товарищество въ первый годъ. Въ такомъ случаѣ что же мѣшаетъ товариществу измѣнить ихъ по своимъ надобностямъ и желаніямъ? Конечно, если первоначальный директоръ былъ человѣкъ разсудительный, если онъ принималъ людей въ члены товарищества съ осмотрительностью, то члены набрались такіе, которые понимаютъ въ чемъ сущность дѣла, къ которому они присоединялись. Они вѣроятно понимаютъ, что товарищество существуетъ для возможно-большаго удобства и благосостоянія своихъ членовъ, что сущность его состоитъ въ устройствѣ, по которому каждый работникъ былъ бы свободнымъ человѣкомъ, и трудился въ свою пользу, а не въ пользу какого нибудь хозяина. Вѣроятно, также, что эти люди будутъ люди, а не звѣри, то есть не станутъ забывать, что общество обязано по возможности заботиться о сиротахъ и другихъ безпомощныхъ своихъ членахъ; вѣроятно они не захотятъ уничтожить ни школы, ни больницы, видя, что есть у товарищества достаточно средствъ для ихъ содержанія. А если такъ, то они останутся вѣрны духу и цѣли своего товарищества и тогда, когда отъ нихъ будетъ зависѣть измѣнять, какъ имъ самимъ угодно, уставъ его. А если такъ, то надобно полагать, что уставъ этотъ они не испортятъ, а развѣ усовершенствуютъ. Что именнно сдѣлаютъ они для его усовершенствованія, это уже ихъ дѣло, а наше дѣло только разсказать, какой порядокъ заводится въ товариществѣ первоначальнымъ уставомъ, дѣйствовавшимъ въ первый годъ; одну часть его, относящуюся къ производству, мы изложили; теперь займемся другою, относящеюся къ распредѣленію и потребленію.

Можно, кажется, предположить, что работники, получая отъ

товарищества обыкновенную плату обыкновеннымъ порядкомъ, будутъ работать не хуже обыкновеннаго. Мы предполагаемъ, что управленію товарищества едва ли понадобится прибѣгать къ исключенію какого нибудь члена товарищества за лѣность; а если понадобится — что дѣлать! — оно исключитъ его, какъ отпускаетъ фабрикантъ слишкомъ лѣниваго работника. Но лѣнивыхъ работниковъ будетъ въ товариществѣ меньше, нежели на частныхъ фабрикахъ: имѣя, какъ мы увидимъ, болѣе прямую выгоду отъ усердія въ работѣ, члены товарищества, вѣроятно, останутся вѣрны общему качеству человѣческой природы, по которому усердіе къ дѣлу измѣряется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа въ товариществѣ пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ на частныхъ фермахъ и фабрикахъ, гдѣ наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыли отъ своего труда.

Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства, то остается она и у товарищества. Одна часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви, школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе; третья на запасный капиталъ, который будетъ служить, такъ сказать, застрахованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей. (Если товариществъ много, этотъ запасный капиталъ служитъ основаніемъ для ихъ взаимнаго застрахованія отъ разныхъ невзгодъ. Когда же возрастаніе его представитъ возможность, онъ также обращается на пособіе вновь основываемымъ товариществамъ.) За покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ, должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней.

Нашъ уставъ написанъ именно въ томъ предположеніи, что эта сумма, остающаяся для дивиденда, будетъ значительна. Почему мы такъ думаемъ? Просто потому, что хозяинъ частной фабрики также имѣетъ всѣ расходы, которые мы вычитали изъ прибыли товарищества: онъ также платитъ проценты по своимъ долгамъ и погашаетъ ихъ, также содержитъ, если только онъ человѣкъ честный, и церковь, и школу, и больницу (и надобно

замѣтить, что чѣмъ больше онъ тратитъ на эти учрежденія, требуемыя понятіями или пользами его работниковъ, тѣмъ больше остается у него чистой прибыли); наконецъ, онъ также застраховываетъ свою фабрику, — издержка, соотвѣтствующая образованію запаснаго капитала въ товариществѣ, — и за всѣми этими расходами у него все еще остается значительная сумма, которая одна собственно и составляетъ его прибыль: онъ бросилъ бы свою фабрику, еслибы эта сумма, остающаяся у него въ рукахъ, не была значительна. Нѣтъ причины полагать, чтобы работа у товарищества шла менѣе успѣшно, нежели у него, а есть причина полагать, что она пойдетъ успѣшнѣе; потому то мы и говоримъ, что дивидендъ въ товариществѣ будетъ значителенъ.

Этотъ дивидендъ составляетъ одну сторону выгодности товарищества для его членовъ; онъ возникаетъ изъ производства. Другую сторону выгодности доставляетъ посредничество товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленіе.

Мы уже говорили, что всѣ желающіе члены пользуются въ общественномъ зданіи квартирами, которыя лучше и дешевле обыкновенныхъ. Точно также они могутъ брать, если захотятъ, всякія нужныя имъ вещи изъ магазиновъ товарищества по оптовой цѣнѣ, которая тораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, напримѣръ, кажется удобнымъ покупать сахаръ по 20 к. за фунтъ, а не по 30, какъ онъ продается въ маленькихъ лавкахъ, тотъ можетъ брать его изъ магазина товарищества, которое покупаетъ сахаръ прямо съ биржи, стало быть имѣетъ его 30-ю процентами дешевле, чѣмъ получается онъ изъ мелкихъ лавокъ. Но, разумѣется, кому угодно платить не 20, а 30 коп. за фунтъ, тотъ можетъ покупать его, гдѣ ему угодно. Для людей небогатыхъ главный расходъ составляетъ пища. Кому угодно самому готовить свой обѣдъ, можетъ готовить его, какъ хочетъ. Но кто захочетъ, тотъ можетъ брать кушанья къ себѣ на квартиру изъ общей кухни, которая отпускаетъ ихъ дешевле, нежели обходятся они въ отдѣльномъ маленькомъ хозяйствѣ; а кому угодно, тотъ можетъ обѣдать за общимъ столомъ, который стоитъ еще дешевле, нежели покупка порцій изъ общей кухни на квартиру.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ пока ровно ничего

особенно ужаснаго или стѣснительнаго. Живи гдѣ хочешь, живи какъ хочешь, только предлагается тебѣ средства жить удобно и дешево, и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда.“

Намъ вздумалось взять въ примѣръ тогда Луи-Блана. Не мѣшаетъ сдѣлать небольшую оговорку. Луи-Бланъ человѣкъ вовсе не изъ тѣхъ первокласныхъ мыслителей, каковы были Сенъ-Симонъ, Фурье, Робертъ Овенъ. Онъ только человѣкъ очень даровитый, въ родѣ Милля: выше Милля онъ въ томъ отношеніи, что умѣлъ встать на почву новую и твердую: онъ учился на мѣдныя деньги, не имѣя даже куска хлѣба отъ черной работы, которая дала Прудону время долго учиться хотя на мѣдныя деньги. Стало быть, если хотите, можете ставить его, какъ теоретика далеко ниже Прудона и Милля. Значитъ, мы обращаемъ на него здѣсь вниманіе не потому, что онъ самъ былъ выше другихъ — куда, далеко нѣтъ. Но литературный талантъ у него очень большой и при томъ совершенно такого рода, который больше нравится французомъ: онъ пишетъ патетично (отъ этого чуть-ли не больше всего онъ и не пользуется популярностью у насъ, для которыхъ болѣе привыченъ теперь ироническій тонъ). Благодаря этому онъ оказался популярнѣйшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ людей новыхъ экономическихъ школъ въ 1848 году и ему, и не другому кому привелось быть тогда представителемъ требованій парижскихъ рабочихъ во временномъ правительствѣ. Плохо-ли, хорошо-ли исполнялъ онъ эту обязанность, здѣсь для насъ все равно. Фактически вѣрно только одно: пока онъ сохранялъ только тѣнь участія въ правительствѣ, междоусобой войны не было. А, можетъ быть, онъ и былъ виноватъ этимъ, судите какъ хотите. Но только все-таки онъ былъ представителемъ требованій парижскихъ работниковъ, стало быть, на его голову и обрушалась вся ненависть къ этимъ требованьямъ, и въ тысячѣ книгъ подробно объясненно, что онъ злодѣй въ родѣ Ваньки Каина: хотѣлъ перерѣзать половину французовъ, заграбить имущество перерѣзанныхъ и т. д. и все это, видите-ли, по мелкому тщеславію и

по злобной, трусливой завистливости. Оно, можетъ быть, и правда. Но дѣло не въ томъ, что онъ за человѣкъ самъ, — мы хотѣли только сказать, что по особенному историческому случаю, его мысли пріобрѣли историческую важность, которой иначе бы и не имѣли, потому что оригинальнаго въ нихъ мало. Оно впрочемъ тѣмъ и удобнѣе для насъ, взять его въ примѣръ, что оригинальнаго у него мало. Посмотримъ же что такое онъ предлагалъ. У Милля мы прочли, что онъ коммунистъ, требующій совершеннаго равенства не имуществъ: какія ужъ имущества при коммунизмѣ, отрицающемъ всякую собственность, — а доходовъ или выдачи содержанія каждому члену націи. Ну, дѣйствительно, это вещь не слишкомъ-то удобоисполнимая не только при насъ, а при внукахъ нашихъ, да и при праправнукахъ. Да нѣтъ, прибавляетъ Милль, это еще не все, это только на первый разъ думаетъ онъ такъ сдѣлать, а собственно требуетъ онъ, чтобы всякій посвящалъ всѣ свои силы на работу въ пользу коммунистской кассы, а получалъ содержаніе, какое она положитъ ему по разсмотрѣніи его надобностей, т. е. это значитъ, что если она разсудитъ, что я могу существовать чернымъ хлѣбомъ и толокномъ, то буду я работать какъ волъ, и будутъ посторонніе мнѣ люди кушать воздѣланный мною бѣлый хлѣбъ и говядину изъ выкормленнаго мною скота, а мнѣ и понюхать никогда не дадутъ ни говядины, ни бѣлаго хлѣба: ну, это еще неудобоисполнимѣе въ нѣнѣшнее время; вѣдь нужно перевоспитать нѣсколько поколѣній, чтобы была соблюдаема людьми справедливость при распредѣленіи доходовъ безъ всякой другой нормы, кромѣ общественной добросовѣстности. Ну, видно, и глупъ же этотъ Луи-Бланъ! Да и парижскіе работники, что за олухи, что носили на рукахъ такого фантазернаго идіота.

Можетъ быть, вы разсудите такъ, а можетъ быть, вамъ навернется на умъ другая загадка: если масса людей грамотныхъ, довольно много читавшихъ и очень опытныхъ въ житейскомъ дѣлѣ, а вѣдь парижскіе работники таковы: выводили впередъ своимъ представителемъ Луи-Блана, то вѣроятно его требованія не были до такой осязательности неудобоисполнимы для нынѣшняго времени. Обманетъ-ли васъ эта догадка, вы рѣшите, прочи-

тавъ слѣдущій отрывокъ изъ статьи, откуда берется онъ. Мы разсматривали одно изъ обыкновенныхъ возраженій противъ новыхъ экономическихъ теорій, — говорятъ, будто ими стѣсняется свобода человѣка. Замѣтьте кстати, что и у Милля, если нѣтъ этого пошлаго возраженія, то слегка высказывается мнѣніе, что при тѣхъ усовершенствованіяхъ въ принципѣ личной собственности, какія предполагаетъ въ будущемъ Милль, принципъ этотъ давалъ бы больше свободы, чѣмъ это возможно при другомъ принципѣ, о которомъ идетъ теперь рѣчь. Какъ тамъ было бы въ отдаленномъ будущемъ при усовершенствованіи, предлагаемомъ Миллемъ, объ этомъ мы поговоримъ ниже, могутъ-ли довести до цѣли, выставляемой Миллемъ, реформы, имъ предлагаемыя. А теперь пока мы просимъ читателя не дѣлать сравненій, а просто безъ всякихъ сравненій сказать: находится ли хотя малѣйшее стѣсненіе для человѣка въ планѣ, только что нами выше изложенномъ. Если въ немъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни стѣсненія, то можно, кажется, будетъ сказать впослѣдствіи, что противоположный принципъ уже ни при какихъ усовершенствованіяхъ не превзойдетъ его своею просторностью для свободы.

Мы просимъ читателей обратить вниманіе на то, стѣсняется ли свобода этимъ планомъ, который приспособленъ къ правамъ странъ, давно потерявшимъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и только теперь начинающимъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ. А между тѣмъ вотъ именно этотъ самый планъ имѣетъ свойство возбуждать въ экономистахъ отсталой школы неимовѣрное негодованіе своею ужасною притѣснительностью, своимъ противорѣчіемъ со всѣми правилами коммерческаго разсчета, своею противоестественностью и своимъ пренебреженіемъ къ личному интересу, безъ котораго нѣтъ энергіи въ трудѣ. Хорошій отсталой экономистъ скорѣе согласится пойдти въ негры и всѣхъ своихъ соотечественниковъ тоже отдать въ негры, нежели сказать, что въ планѣ этомъ нѣтъ ничего слишкомъ дурнаго или неудобоисполнимаго.

Почему же такая простая и легкая мысль до сихъ поръ не осуществилась и по всей вѣроятности долго не осуществится? Почему такая добрая мысль возбуждаетъ негодованіе въ тысячахъ

людей добрыхъ и честныхъ? Это вопросы интересные. Но ими мы займемся когда нибудь въ другой разъ.

Послѣднія жесткія слова не относятся къ Миллю: онъ не проклинаетъ и не перевираетъ, а сочувствуетъ и защищаетъ. Очень можетъ быть, что выписка, сдѣланная нами, не требуетъ поясненій, но на всякій случай сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе.

Въ планѣ, нами представленномъ, дѣло, ведущееся совершенно самостоятельно, въ 1-й годъ при самомъ слабомъ правительственномъ вмѣшательствѣ, ограничивающемся выборомъ директора, который и тутъ ничего не значитъ безъ административнаго совѣта, избираемаго самими участниками предпріятія, а со втораго года уже рѣшительно безъ всякой тѣни какого бы то ни было правительственнаго вмѣшательства, начинается однако же при пособіи ссуды, даваемой правительствомъ. Мы уже говорили въ приведенномъ отрывкѣ что, кажется, тутъ нѣтъ ничего чрезмѣрно гибельнаго для свободы соучастниковъ, но толпа французскихъ экономистовъ вопіетъ: „ужасно, ужасно! общество ставится въ азіатскую зависимость отъ правительства! вводится демократическая централизація, предъ которой ничто нынѣшняя чрезмѣрная административная опека!“ Когда вы сами знаете произведенія писателя, обвиняемаго въ такомъ злостномъ намѣреніи, вы только пожимаете плечами, слыша этотъ вопль. Вѣдь онъ принадлежитъ къ партіи, которая хочетъ обратить націю въ собраніе самобытныхъ федерацій, такъ чтобы каждый округъ былъ федераціею независимыхъ городовъ и селъ, департаментъ федераціею округовъ, Франція — федераціею департаментовъ откуда же могло возникнуть порицаніе за любовь къ опекунствующей централизаціи, порицаніе въ родѣ того, какъ еслибы кто вздумалъ порицать кошекъ за любовь къ собакамъ.

Главное основаніе тутъ вотъ какое: Луи-Бланъ не теоретикъ, занятый отвлеченными соображеніями о своихъ симпатіяхъ или антипатіяхъ, а публицистъ или государственный человѣкъ, думающій исключительно о настоящемъ. Чтоже мы видимъ въ настоящемъ у французовъ? Видимъ административное устройство, прямо противоположное англійскому: въ Англіи правительство не можетъ помѣшать частному человѣку рѣшительно ни въ какомъ

дѣлѣ, кромѣ фактическаго преступленія. Во Франціи рѣшительно нѣтъ возможности устоять коммерческому, промышленному, какому хотите, предпріятію, если администрація захочетъ помѣшать ему. Формальности безконечны; по контролю за исполненіемъ каждой формальности полиція имѣетъ очень широкій произволъ, имѣетъ не только что теперь при возстановленной имперіи; нѣтъ точно столько же имѣла произвола и при Луи-Филиппѣ и при Бурбонахъ. Не только что какой нибудь опытъ новаго промышленнаго порядка съ неизбѣжными при всякомъ опытѣ колебаніями, не только что какое нибудь дѣло, имѣющее противъ себя биржу и всѣхъ капиталистовъ, нѣтъ, самая солидная купеческая фирма обанкрутится черезъ полгода, если захочетъ того администрація. Крайній случай будетъ такой: управляющій дѣлами подозрѣвается въ неправильномъ веденіи книгъ; онъ берется подъ арестъ и на мѣсто его назначается администраціею новый управляющій дѣлами, который находитъ и докладываетъ префекту или министру, что дѣла фирмы слѣдуетъ ликвидировать, онѣ и ликвидируются. Но до этой крайности едва ли понадобится дойти: есть сотни способовъ разстроить предпріятіе и безъ него.

Нравится или неправится это, вамъ-ли, другому-ли кому, напр. хоть Луи-Блану, не о томъ рѣчь. Рѣчь о томъ, что французы съ незапамятныхъ временъ привыкли къ такому порядку вещей, они привыкли къ нему по крайней мѣрѣ со временъ Ришелье, если не раньше, и въ какіе нибудь 30 лѣтъ, прошедшихъ между первою и второй имперіей разумѣется не могли много отвыкнуть отъ него. Что укоренялось въ понятіяхъ въ теченіи многихъ поколѣній, то не изгладится изъ нравовъ иначе, какъ смѣною нѣсколькихъ поколѣній. Что-же теперь дѣлать? Политическія формы могутъ смѣняться, — онѣ и смѣнялись во Франціи; однѣ изъ нихъ, могутъ быть удобнѣе для развитія въ народѣ извѣстныхъ привычекъ, для изглаженія другихъ; однѣ изъ нихъ могутъ ближе соотвѣтствовать существующимъ привычкамъ, другія по своей тенденціи быть дальше отъ нихъ, но все таки масса дѣйствій администраціи при какихъ бы то ни было политическихъ формахъ, будетъ въ духѣ народныхъ привычекъ. Попробуйте завести въ Азіи европейскія политическія формы какія хотите:

очень долго при этихъ формахъ администрація будетъ дѣйствовать очень мало отличномъ отъ прежняго. Въ доказательство посмотримъ на англійское управленіе въ Остъ-Индіи,— чисто азіатское, или на французское въ Алжирѣ,—тотъ же самый Египетъ. Разумѣется администрація можетъ получить другія цѣли, напр. при Алексѣѣ Михайловичѣ она отстраняла отъ насъ европейскія формы, при Петрѣ Великомъ она вводила ихъ; въ Англіи при Стюартахъ старались распространять католичество, при гановерской династіи стѣснять его, во Франціи въ 1-ю республику уничтожать арестократію съ возможнымъ сохраненіемъ новаго порядка вещей. Все это такъ, цѣли могутъ быть очень различны, но характеръ дѣйствій измѣняется очень медленно: быстро измѣняться онъ не можетъ; народныя привычки не даютъ ни матеріаловъ, ни опоры. Сдѣлайте дровосѣка столяромъ, съ первой же минуты онъ начнетъ дѣлать свое дѣло, а скоро-ли онъ пріобрѣтетъ осторожные, осмотрительные пріемы столяра? нѣтъ, долго будетъ по прежнему махать съ плеча. Или посадите ювелира бить камни для шоссе: скоро-ли онъ пріобрѣтетъ размашистыя привычки къ полновѣснымъ ударамъ со всего плеча? На что-же теперь долженъ разсчитывать во Франціи человѣкъ разсудительный, какихъ бы мнѣній самъ ни былъ? По французскимъ привычкамъ, какія хотите заводите формы, администрація останется такъ привязчива ко всему, и сохранитъ такую власть надъ всякимъ частнымъ дѣломъ, что противъ нея накакого частнаго дѣла нельзя вести; и не вмѣшиваться въ него, этого она уже не можетъ. Мало-ли что будетъ лѣтъ черезъ 40, черезъ 50, а теперь, кого хотите опредѣляйте префектомъ-ли, мэромъ-ли, полицейскимъ-ли коммисаромъ, полевымъ-ли сторожемъ, каждый говоритъ одно: „я не могу не заботиться объ общественномъ благѣ, поэтому мнѣ до каждаго дѣла есть дѣло; я буду измѣнникъ родинѣ своей и обязанности, если останусь въ сторонѣ отъ чего нибудь; нѣтъ, если что хорошо, я долженъ помогать ему, если что дурно, я долженъ останавливать.“ А вздумай кто нибудь изъ этихъ администраторовъ оплошать, не вмѣшаться во что нибудь, весь городъ закричитъ: „плохо, сударь, не исполняете своей обязанности! посмотрите, вотъ въ томъ переулкѣ человѣкъ табаку понюхалъ,

а вы не сдѣлали ему ни помощи, ни задержки!" ну, и заставятъ человѣка: возчувствуетъ совѣсть, вмѣшается, сдѣлаетъ помощь, или задержку. Чтожъ вы прикажете дѣлать съ такимъ народцемъ? Не о томъ спрашивается, къ чему направлять его въ будущемъ, а какъ устроить съ нимъ какое-нибудь дѣло теперь? Администрація во Франціи не можетъ оставаться равнодушною ни къ чему; она каждому дѣлу непремѣнно хочетъ и принуждается общественнымъ мнѣніемъ или помогать, или мѣшать; этого свойства вы у ней никакими силами въ скоромъ времени отнять не можете, и никакими средствами не можете вы въ скоромъ времени сдѣлать, чтобы она не сохраняла чрезвычайнаго могущества надъ частными дѣлами, такъ что не можетъ идти никакое частное дѣло, которому она мѣшаетъ. А всему, чему она не помогаетъ, она мѣшаетъ.

Но чтожъ, скажите на милость, почтетъ нужнымъ дѣлать какой нибудь заклятый англоманъ, или американофилъ при такомъ положеніи, если онъ человѣкъ разсудительный, а не фантазеръ, воображающій, что вотъ завтра же французы обратятся въ англичанъ? Разумѣется, онъ разсудитъ: „если я хочу успѣха своему дѣлу, я долженъ имѣть на своей сторонѣ администрацію." Только? Только и есть. Думай Луи-Бланъ вести свое дѣло у Англичанъ, онъ и не подумалъ бы объ администраціи. Но чтожъ ему было дѣлать, когда онъ хотѣлъ вести свое дѣло у Французовъ? Разумѣется ему приходилось видѣть, что нужно содѣйствіе администраціи. И если онъ высказывалъ это, видно только, что былъ не глупъ и не совершенно лишенъ здраваго смысла. Нужно же имѣть каплю здраваго смысла и не автору только и оратору, а также и людямъ, которые берутся судить о немъ.

„Но принципъ невмѣшательства, о которомъ такъ прекрасно говорятъ политико-экономы?" Да сообразите же вы, изъ какого народа были, въ какой странѣ жили, для кого писали Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо: вѣдь они были англичане, писали для англичанъ. Виноваты ли эти умные люди въ томъ, что не привелось ни одному изъ ихъ послѣдователей въ другихъ странахъ быть такимъ же умнымъ человѣкомъ, имѣть самостоятельное соображеніе, чтобы понимать, какіе результаты для практическихъ

способовъ веденія дѣлъ происходятъ отъ разности, пожалуй неудовлетворительности континентальныхъ привычекъ сравнительно съ англійскими? Англійскіе политико-экономы говорятъ напр. что самая выгодная для простолюдина одежда — миткалевая и ситцевая. Ну, чѣмъ они будутъ виноваты, если у насъ кто-нибудь, не разобравъ дѣла, начнетъ твердить, что наши мужики нерасчетливы тѣмъ, что вмѣсто миткаля и ситца носятъ обыкновенно холстъ? Чѣмъ англійскіе ученые виноваты, что этотъ господинъ повторяетъ ихъ слова, не разобравъ дѣла, не разобравъ того, что у насъ миткаль и ситецъ еще остаются дороже холста? Другое дѣло, если вы только говорите, что слѣдуетъ желать удешевленія хлопчато-бумажныхъ тканей у насъ; и что, когда они подешевѣютъ также, какъ въ Англіи, нашему мужику откроется возможность покупать ихъ для будничной носки, подобно англійскому. Но вѣдь это когда еще будетъ, а пока еще совсѣмъ не то.

Словомъ сказать, теорія административнаго содѣйствія, плану ли, изложенному нами, другому ли какому общественному дѣлу, или частному предпріятію — не принадлежитъ къ самой сущности мысли говорящаго о томъ человѣка, а происходитъ лишь изъ соображеній мѣстныхъ обстоятельствъ и народныхъ привычекъ. Кажется вамъ, что въ данномъ мѣстѣ общественныя привычки и практическая возможность веденія дѣла сходны съ англійскими, ну чтожъ, вы можете находить, что административное дѣйствіе не нужно для вашего дѣла, а если находите вы иное, тогда нечего дѣлать, должны вы чувствовать нужду въ томъ, что не было бы вамъ нужно въ другихъ обстоятельствахъ.

Но довольно объ этомъ. Высказавъ нерѣшительное сочувствіе къ новому принципу распредѣленія, Милль, какъ мы видѣли, обходитъ его отговоркою, что заниматься этимъ еще слишкомъ рано, и слѣдуетъ вникать въ прежній принципъ, нельзя ли устроить его такъ, чтобы онъ былъ лучше новаго, которому, по признанію Милля, далеко уступаетъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Пойдемъ и мы смотрѣть вслѣдъ за Миллемъ, и сначала посмотримъ глазами Милля.

Основаніе права собственности — право производителя на произведенное имъ. Тутъ прежде всего встрѣчается обиходное

возраженіе: „работники на фабрикѣ произвели продуктъ; какъ же онъ принадлежитъ не имъ, а хозяину фабрики?" Это недоумѣніе разрѣшается также обиходнымъ образомъ: трудъ работниковъ былъ лишь одинъ изъ элементовъ труда, участвовавшаго въ производствѣ, другой элементъ — капиталъ, т. е. предшествовавшій трудъ, реализированный въ продуктахъ, нужныхъ для производства (пищи и все содержаніе рабочихъ во время производства, зданіе фабрики, машины, орудія и матеріалъ), принадлежитъ хозяину фабрики, слѣдовательно продуктъ долженъ дѣлиться между этимъ прежнимъ трудомъ, дававшимъ возможность новому, т. е. между хозяиномъ фабрики, и между новымъ трудомъ, т. е. работниками; они получаютъ слѣдуемую имъ долю продукта въ видѣ рабочей платы. Другое обиходное возраженіе: „но этотъ прежній трудъ обыкновенно не былъ личнымъ трудомъ хозяина; капиталъ обыкновенно созданъ работою не самого капиталиста." И это сомнѣніе уничтожается обиходнымъ замѣчаніемъ: „все равно этотъ капиталъ, т. е. продуктъ прежняго труда, перешелъ къ нынѣшнему владѣльцу законнымъ путемъ, обыкновенно по волѣ самихъ производителей." 3-е возраженіе: „но лице, наслѣдовавшее плоды труда другихъ, имѣетъ ни мало незаслуженное преимущество передъ тѣми трудящимися, которымъ ничего не оставлено ихъ предшественниками." На это Милль отвѣчаетъ уже не совсѣмъ обиходнымъ образомъ: „я самъ утверждаю, что это незаслуженное преимущество должно быть уменьшаемо на столько, на сколько допускается справедливостью къ лицамъ, которыя сочли нужнымъ распорядиться плодами своихъ сбереженій въ пользу своихъ потомковъ."

Изъ права производителя на продуктъ вытекаетъ и право другаго лица на продуктъ добровольно переданный ему производителемъ, потому что иначе опровергалось бы право производителя располагать продуктомъ.

Такимъ образомъ право собственности касается только вещей произведенныхъ лицемъ или переданныхъ ему производителемъ, и по основному принципу право собственности не признается за тѣмъ лицемъ, которое пріобрѣло вещь другимъ путемъ, т. е. насиліемъ или обманомъ или по незнанію лица, имѣющаго дѣйстви-

тельное право на вещь, о своемъ правѣ. Но для общественной пользы принимается исключеніе изъ этаго принципа: если извѣстное лице владѣло собственностью долгое время безспорно, то уже самая давность владѣнія признается обезпечивающею собственность за этимъ лицемъ, хотя бы первоначально собственность и была неправильно пріобрѣтена этимъ лицемъ, или другимъ лицемъ, отъ котораго оно правильно получило ее, конечно этимъ нѣсколько нарушается справедливость, но дѣло въ томъ, что когда несправедливость просуществовала извѣстное время, то исправленіе этой несправедливости вообще было бы еще большею несправедливостью, потому что первоначальный фактъ уже забытъ, такъ сказать, послѣдующими фактами, которые бы всѣ пришлось уничтожить уничтоженіемъ первоначальнаго факта.

Въ заключеніе Милль перечисляетъ важнѣйшіе изъ тѣхъ предметовъ, присвоеніе которыхъ въ цивилизованныхъ обществахъ уже вообще признано дѣломъ неправильнымъ. Таковы: присвоеніе въ собственность человѣку другаго человѣка (разныя формы невольничества и крѣпостной зависимости), присвоеніе общественныхъ должностей въ собственность (напр. покупка офицерскихъ чиновъ, донынѣ существующая въ Англіи, покупка разныхъ гражданскихъ должностей, существовавшая въ старинной Франціи, и т. д.). Мы не имѣемъ надобности прибавлять здѣсь что нибудь относительно тѣхъ сторонъ дѣла, въ которыя вникаетъ Милль, 1) потому что эти стороны разсмотрены у него удовлетворительно, 2) что къ важнѣйшимъ изъ нихъ онъ еще возвратится въ слѣдующихъ частяхъ своего трактата и мы успѣемъ тогда прибавить къ его мыслямъ свои замѣчанія. Но здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на одну коренную черту, которая оставлена у Милля безъ изслѣдованія: какова общая тенденція естественныхъ силъ, призываемыхъ принципомъ частной собственности къ господству надъ распредѣленіемъ имуществъ и доходовъ?

Въ тѣ времена, когда создавалась господствующая экономическая теорія, вопросъ этотъ не былъ поставленъ съ достаточною ясностью, или заглушался реакціоннымъ воплемъ противъ разрушительныхъ стремленій революціонной Франціи. Поэтому ни у Адама Смита, ни у Мальтуса, ни у Рикардо мы не найдемъ серь-

езныхъ изслѣдованій. А когда вопросъ этотъ былъ поднятъ такъ, что уже нельзя было оставлять его безъ рѣшительнаго отвѣта, господствующая теорія не имѣла дѣятелей, способныхъ порядкомъ разработывать вещи, не рѣшенныя Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Въ Смитовской школѣ основались тогда, какъ и теперь существуютъ, только труженники, неспособные развивать науку, а лишь подъискивающіе факты къ даннымъ темамъ (въ родѣ Рау и Рошера), или фразеры (въ родѣ нынѣшнихъ французскихъ знаменитостей школы Сэ); труженники не могли заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ это не было указанно и расталковано имъ ихъ учителями, а фразеры, не задумывались, безъ дальнихъ справокъ, отвѣчать на него голословными фразами, какія казались для нихъ удобными. Школа ихъ была оттѣснена ходомъ идей и событій въ консервативное и отчасти въ реакціонное положеніе, потому удобнѣйшимъ для нихъ оказалось толковать въ слѣдующемъ родѣ: „силы, призываемыя принципомъ собственности къ господству надъ распредѣленіемъ, имѣютъ въ себѣ свойство уравновѣшивать свои результаты такъ, что ими самими исправляется неблагопріятность распредѣленія, производимая ими. Напр. въ одномъ поколѣніи собственность слишкомъ сосредоточилась по наслѣдству отъ бездѣтныхъ родственниковъ, но у этаго же лица или у его сына будетъ много дѣтей и собственность дѣйствіемъ того же наслѣдства раздѣлится снова до умѣренной величины; точно также дѣйствуютъ и другія силы. Слѣдовательно уклоненія съ выгоднаго пути тутъ бываютъ кратковременныя, случайныя, неуспѣвающія далеко отойти отъ выгоднѣйшей для прогресса линіи, взаимно вознаграждающіяся, такъ что въ общей сложности результатъ дѣйствія этихъ силъ совпадаетъ съ условіями наивыгоднѣйшаго распредѣленія.“ На чемъ основана такая теорія? Ни на чемъ кромѣ желанія построить ее именно въ такомъ видѣ. Подтверждается ли она фактами или противорѣчитъ имъ, это никто изъ болтуновъ, ее излагающихъ, не потрудился провѣрить. Въ этюдѣ о Мальтусовой теоремѣ я уже высказывалъ тѣ недостатки, которые лишаютъ меня возможности изслѣдовать неразработанные научные вопросы съ полнотою, которая была бы удовлетворительна хотя бы для меня одного. Я до сихъ поръ

могъ лишь слегка касаться того, что требуетъ трудовъ болѣе продолжительныхъ и знаній болѣе обширныхъ. Эту неудовлетворительность самъ я указываю и въ слѣдующей небольшой работѣ, произведенной мною, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для уясненія естественныхъ дѣйствій принципа частной собственности, съ той стороны, которая безъ точныхъ изслѣдованій, наименѣе можетъ быть отгадываема вѣрнымъ образомъ. Статья, отрывокъ изъ которой я привожу, принадлежитъ къ ряду полемическихъ статей, написанна мною въ защиту обычнаго нашего общиннаго землевладѣнія. Называлась она: „О поземельной собственности" и была напечатанна въ октябрьской книжкѣ *Современника,* 1857 г. Я въ ней говорилъ между прочимъ, что при общинномъ землевладѣніи твердо держится въ цѣломъ земледѣльческомъ сословіи тотъ уровень благосостоянія, какой допускается степенью національнаго развитія, а при раздѣлѣ общинной земли на наслѣдственные участки на этомъ уровнѣ благосостоянія удерживается лишь небольшая часть земледѣльцевъ, а масса упадаетъ глубоко ниже его, между тѣмъ, какъ возвышаются надъ нимъ лишь немногіе. Эту 2-ю половину рѣшенія получилъ я разборомъ дѣйствія наслѣдственности при правилѣ равнаго раздѣла между сыновьями. Привожу теперь отрывокъ, на который ссылаюсь „О Поземельной собственности" *).

Мнѣ оставалось еще разъ провѣрить приблизительную точность выводовъ, происшедшихъ изъ генеалогическаго разбора 1-го собранія семейныхъ группъ, по которому слѣдилъ я за дѣйствіемъ силы наслѣдства въ статьѣ, отрывокъ изъ которой просмотрѣнъ читателемъ. Съ годъ тому назадъ, выбравъ недѣлю свободнаго времени, я взялся опять за родословную книгу, и набралъ тамъ новую коллекцію семейныхъ группъ до такого количества, чтобы число праправнуковъ составилось ровно тысяча. Вотъ списокъ этой коллекціи семейныхъ группъ на случай, еслибы кто захотѣлъ провѣрить мой трудъ. Скажу впрочемъ прямо, что едва ли кто изъ людей, твердящихъ о своей основательности, вопіющихъ противъ поверхносности и т. д., захотѣлъ принять этотъ мой вызовъ: болтать вздоръ по французскимъ

*) Отрывокъ этотъ помѣщенъ въ концѣ тома въ приложеніи подъ буквою А.

книжкамъ, безъ толку перевирающимъ теорію англійскихъ мыслителей, городить чепуху и воображать ее глубокомысліемъ — это гораздо легче, чѣмъ дѣлать или провѣрять серьезныя работы, или даже понимать надобность ихъ. Но пусть же и не оспариваютъ выводовъ, если не съумѣютъ провѣрить ихъ.

ФАМИЛІИ:	Поколѣніе, принятое за основу первоначальнаго надѣла:	Число мужчинъ въ немъ:	Считая по 12 на душу всей земли, будетъ въ надѣлъ группъ:	Число мужчинъ въ поколѣніи праправнуковъ:
1. Хованскіе	XVI	6	72	24
2. Ададуровы	XX	22	264	22
3. Ковровы.	XVI	4	48	20
4. Долгоруковы . . .	XXVI	27	324	40
5. Шереметевы . . .	I	1	12	23
6. Татищевы	XIX	3	36	15
7. Монастыревы . . .	XVI	1	12	23
8. Вяземскіе	XXX	25	300	33
9. Шаховскіе	XXIII	35	420	47
10. Глѣбовы.	II	2	24	35
11. Шаховскіе	XIX	6	72	26
12. Замыцкіе	IX	1	12	23
13. Львовы	XXIII	10	120	24
14. Козловскіе	XIX	6	72	22
15. Ухтомскіе	XXI	6	72	31
16. Колтовскіе	VI	1	12	24
17. Колычовы	III	1	12	23
18. Гагарины	V	28	336	34
19. Волконскіе	VIII	21	252	40
20. Волконскіе	XII	31	372	39
21. Кутузовы	IV	1	12	19
22. Новосильцовы . . .	II	1	12	22
23. Голицины	XV	26	312	71
24. Мещерскіе	XIII	35	420	51
25. Воейковы	VII	1	12	62
26. Толстые	XVI	14	168	56
27. Бутурлины	X	4	48	29
28. Бутурлины	XV	26	312	14
29. Мусины-Пушкины . .	XIV	10	120	36
30. Голенищевы-Кутузовы	IX	8	96	24
31. Мещерскіе	IX	3	36	46
И того	—	366	4392	1000

Я разбираю дѣйствія наслѣдства въ этихъ группахъ по тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя были приняты для прежняго разбора. Я предположилъ, что люди поколѣнія, съ котораго начинается генеалогическій разборъ (прадѣды), пользовались землею по нашему общинному принципу, и что при немъ онъ замѣненъ принципомъ личной собственности съ наслѣдственностью участковъ. При этомъ каждое, существовавшее тогда лице мужескаго пола, получало тогда 12 десятинъ земли. Посмотримъ теперь, какъ должны будутъ раздробиться и соединиться эти участки въ поколѣніи правнуковъ (чрезъ 3 поколѣнія), принимая, что происходитъ равный раздѣлъ отцовской земли между сыновьями и что по боковымъ линіямъ (при бездѣтности прежняго собственника) наслѣдство переходитъ на основаніи того же правила, братья получаютъ по ровну послѣ бездѣтнаго брата. Вотъ таблица распредѣленія земли между правнуками по этому принципу.

	Величина участка.	Число участковъ.	И того земли въ этихъ участкахъ.	Всего земли въ этихъ участкахъ вмѣстѣ съ предыдущею.	Количество лицъ, которымъ принадлежитъ вся эта сумма земли
	204	1	1	204	204
	90	1	2	294	90
	72	1	3	366	72
(61 1/3),	61_{3333}	1	4	427_{3333}	61_{3333}
	54	2	6	535_{33}	108
	51	1	7	586_{33}	51
	48	4	11	778_{33}	192
	45	1	12	823_{33}	45
	36	1	13	859_{33}	31
	33	2	15	925_{33}	66
	30	2	17	985_{33}	60
	28_{5}	1	18	1013_{83}	28_{5}
(28 4/9),	28_{4444}	1	19	1042_{28}	28_{4444}
	27	4	23	1150_{28}	108
	24	14	37	1486_{28}	336
	22	1	38	1508_{28}	22
	21	1	39	1529_{28}	21
	20	1	40	1549_{28}	20
	19	1	19	1568_{28}	41
	18	12	216	1784_{28}	53

	Величина участка.	Число участковъ.	И того земли въ этихъ участкахъ.	Всего земли въ этихъ участкахъ вмѣстѣ съ предъидущею.	Количество лицъ, которымъ принадлежитъ вся эта сумма земли.
	16	2	32	1816_{28}	55
	15	4	60	1878_{28}	59
(14 2/3),	14_{6666}	3	44	1920_{28}	62
	14	6	86_{4}	2006_{68}	68
	14	3	72	2048_{68}	71
	15_{5}	2	27	2075_{68}	73
	12_{75}	1	12_{75}	2088_{43}	74
	12	13	156	2244_{43}	87
	11_{25}	2	22_{5}	2266_{93}	89
	11	2	22	2288_{93}	91
(10 2/3),	10_{6666}	3	32	2320_{93}	94
	10	3	30	2350_{93}	97
	9_{75}	4	39	2389_{93}	101
	9_{5}	2	19	2408_{93}	103
(9 13/27),	9_{481481}	4	37_{925925}	2446_{85}	107
	9	16	144	2590_{85}	123
	8	13	104	2694_{85}	136
	7_{5}	18	135	2829_{85}	154
	7_{2}	3	216	2851_{45}	157
(7 1/8),	7_{125}	4	285	2879_{95}	161
	7	4	28	2907_{95}	165
(6 8/9),	6_{8888}	1	6_{8888}	2914_{84}	166
	6_{75}	3	20_{25}	2935_{90}	169
(6 2/3),	6_{666}	2	13_{333}	2948_{42}	171
(6 3/8),	6_{375}	4	25_{5}	2973_{92}	175
(6 1/3),	6_{333}	7	44_{333}	3018_{25}	182
	6	29	174	3192_{25}	211
	5_{5}	4	22	3214_{25}	215
(5 1/3),	5_{33}	17	90_{666}	3304_{92}	232
	5	19	95	3399_{92}	251
(4 2/3),	4_{666}	8	37_{333}	3437_{25}	259
	4_{5}	8	36	3473_{25}	267
(4 1/6),	4_{666}	3	12_{5}	3485_{75}	270
	4	13	52	3597_{75}	283
	3_{75}	6	22_{5}	3560_{25}	289
	3_{6}	2	7_{2}	3567_{45}	291
	3_{5}	2	7	3567_{45}	293
(3 4/9),	3_{444}	4	13_{777}	3581_{23}	297
(3 3/8),	3_{375}	4	13_{5}	3601_{73}	301
(3 1/3),	3_{333}	2	6_{666}	3608_{20}	303
	3_{2}	4	12_{8}	3621_{20}	307
(3 3/16),	3_{1875}	4	22_{3125}	3643_{51}	314

	Величина участка.	Число участковъ.	И того земли въ этихъ участкахъ.	Всего земли въ этихъ участкахъ вмѣстѣ съ предъидущею.	Количество лицъ, которымъ принадлежитъ вся эта сумма земли.
(3 13/81),	3_{160493}	6	18_{962962}	3662_{40}	320
	3	45	135	3797_{48}	365
(2 2/3),	2_{666}	10	42_{666}	3840_{15}	381
(2 7/12),	2_{5833}	4	10_{333}	3850_{48}	385
	2_{5}	15	375	3887_{98}	400
	2_{4}	8	19_{2}	3907_{18}	408
(2 1/3),	2_{333}	6	14	3921_{18}	414
(2 1/27),	2_{296296}	1	2_{296296}	3923_{48}	415
	2_{25}	7	15_{75}	3939_{23}	422
	2_{125}	8	17	3956_{23}	430
	2	33	66	4028_{48}	466
	1_{875}	8	15	4043_{48}	476
	1_{8}	5	9	4052_{48}	479
(1 13/18),	1_{7222}	6	10_{333}	4062_{81}	485
(2 1/12),	2_{08333}	3	625	3962_{48}	433
(1 11/15),	1_{0875}	2	3_{375}	4066_{18}	487
(1 2/3),	1_{666}	3	5	4071_{18}	490
(1 5/9),	1_{555}	3	4_{666}	4075_{65}	493
	15	41	61	4137_{35}	534
	12_{5}	7	8_{75}	4146_{10}	541
	1_{2}	8	9_{6}	4155_{70}	549
(1 4/27),	1_{148148}	8	9_{185185}	4164_{87}	557
	1_{125}	6	6_{75}	4171_{62}	563
(1 1/16),	1_{0625}	3	3_{1875}	4174_{61}	566
	1	34	34	4208_{61}	600
(8/9),	0_{888}	10	8_{888}	4217_{70}	610
(6/7),	0_{857142}	7	6	4223_{70}	617
	0_{15}	10	5_{5}	4232_{20}	627
	0_{35}	9	72	4239_{49}	636
(62/69),	0_{765432}	3	2_{296296}	4244_{69}	643
(51/64),	0_{796875}	4	3_{1875}	4242_{69}	640
	0_{75}	41	30_{75}	4275_{64}	664
(31/45),	0_{6888}	10	6_{888}	4282_{53}	694
	0_{675}	5	3_{375}	4285_{90}	699
(2/3),	0_{666}	21	16	4299_{90}	720
(51/80),	0_{6375}	2	1_{275}	4301_{10}	722
	0_{625}	4	25	4303_{68}	726
	0_{6}	18	10_{5}	4314_{48}	744
	0_{592592}	3	1_{777}	4316_{28}	747
	0_{5}	41	20_{5}	4336_{75}	788
(3/7),	0_{428571}	7	3	4339_{76}	795
(17/40),	0_{425}	6	2_{55}	4342_{31}	801

	Величина участка.	Число участковъ.	И того земли въ этихъ участкахъ.	Всего земли въ этихъ участкахъ вмѣстѣ съ предыдущею.	Количество лицъ, которымъ принадлежитъ вся эта сумма земли.
	0_{4}	14	5_{6}	4347_{91}	815
	0_{375}	12	4_{5}	4352_{41}	827
(4/11),	0_{3636}	11	4	4356_{41}	833
(51/144),	0_{354166}	9	3_{1875}	4359_{60}	847
(1/3),	0_{333}	6	2	4361_{60}	858
(51/100),	0_{31875}	8	2_{55}	4364_{65}	861
	0_{3}	12	36	4367_{75}	873
(2/7),	0_{285741}	14	4	4371_{75}	887
(4/15),	0_{266}	9	24	4374_{15}	896
	0_{24}	10	2_{4}	4380_{50}	928
	0_{25}	16	4	4378_{15}	912
(2/9),	0_{22}	9	2	4382_{55}	931
	0_{2}	3	0_{6}	4383_{15}	934
(3/16),	0_{1875}	4	0_{75}	4383_{90}	938
	0_{15}	23	3_{45}	4387_{35}	961
	0_{125}	18	2_{25}	4389_{6}	979
	0_{12}	15	1_{8}	4391_{4}	994
	0_{1}	6	0_{6}	4392	1000

Такимъ образомъ при прадѣдахъ получался съ десятины доходъ $4 \times 3 = 12$ р.; при правнукахъ получается $11 \times 4 = 44$ р.

Положимъ, что при полученіи дохода на каждое лице мужескаго пола
по 1000 руб. люди живутъ въ богатствѣ;
175 » . . . . . въ изобиліи;
150 » . . . . . зажиточно;
125 » . . . . . въ благосостояніи;
100 » . . . . . безъ нужды;
75 » . . . . . въ нуждѣ;
50 » . . . . . въ большой нуждѣ;
25 » . . . . . въ нищетѣ.

Посмотримъ сначала, каково было состояніе прадѣдовъ при общинномъ принципѣ.

Каждый имѣлъ по 12 десятинъ земли, доходъ съ десятины былъ 12 рублей. Слѣдовательно каждый имѣлъ 144 р. Всѣ жили въ благосостояніи, были очень близки къ зажиточности.

Посмотримъ каково было бы состояніе правнуковъ при сохраненіи общиннаго принципа. Общество, считающее въ себѣ 1000

человѣкъ, имѣетъ 4392 десятины земли. Каждый имѣетъ по 4,392 десятины земли. Съ десятины доходъ 44 р. Каждый получаетъ 44×4,392=183 р. 25 к. дохода. Слѣдовательно каждый пользуется уже не только полною зажиточностью, нѣтъ, полнымъ изобиліемъ, и уже открывается возможность каждому немножко пороскошничать, иной хлѣбопашецъ можетъ дарить женѣ или дочери золотыя серьги, другой можетъ иногда угостить пріятеля порядочнымъ лафитомъ.

Сличимъ теперь распредѣленіе поземельнаго имущества по принципу нашего обычнаго общиннаго владѣнія и наслѣдственной собственности.

Когда населеніе отъ 366 лицъ (прадѣды) размножилось до 1000 лицъ, т. е. почти втрое, это значитъ, что и количество земледѣльческаго продукта почти утроилось. Положимъ, что при прадѣдахъ, получился по раскладкѣ продукта на все количество земли, въ кругломъ счетѣ, съ каждой десятины, продуктъ равный 4 четвертямъ ржи. При правнукахъ получается 4×1000:366=10,92899, положимъ для круглаго счета, продуктъ равный 11 четвертямъ ржи. Увеличеніе это произошло отъ приложенія къ землѣ большаго количества рукъ, отъ усовершенствованія земледѣльческой техники и т. д. (Небольшую прибавку для круглаго счета противъ точной пропорціи, 11 четвертей вмѣсто 10,92899 четвертей, мы имѣли право сдѣлать по увѣренію рутинныхъ экономистовъ, что средняя цифра продукта по счету всего населенія возрастаетъ съ успѣхами цивилизаціи; конечно слѣдовало принять эту прибавку по ихъ увѣреніямъ не въ ничтожномъ количествѣ, 0,07101 четвертей, а гораздо больше, положить продуктъ съ десятины, не въ десять, а въ 15 или 20 четв; но ограничимся самою незамѣтною прибавкою для удобства счета.) Съ увеличеніемъ населенія и успѣхами цивилизаціи, успѣшность производства всѣхъ другихъ товаровъ, кромѣ земледѣльческихъ, растетъ быстрѣе, чѣмъ успѣшность земледѣльческихъ товаровъ. Это значитъ, что мануфактурные и всякіе другіе товары падаютъ въ цѣнѣ сравнительно съ земледѣльческими; иначе сказать, цѣна земледѣльческихъ товаровъ растетъ. Положимъ, что при прадѣдахъ цѣна четверти

была 3 рубля, при правнукахъ она будетъ 4 рубля или больше, положимъ, 4 рубля*).

Посмотримъ, наконецъ, каково состояніе правнуковъ при принципѣ наслѣдственности. Для изобилія нуженъ доходъ въ 175 р., а десятина даетъ 44 р. дохода; значитъ для изобилія нужно имѣть $3^{43}/_{44}$ = 3,97728 десятины. Такимъ количествомъ земли владѣетъ только 283 человѣка изъ 1000, ровно 2 чел. изъ 7 человѣкъ.

Для зажиточности нужно 150 рублей дохода, то есть $3^{9}/_{22}$ = 3,40909 дес. Такимъ количествомъ земли владѣетъ только 297 чел. изъ 1000, т. е. изъ 10 чел. 3 человѣка.

Для благосостоянія нужно 125 р. дохода, т. е. $2^{37}/_{44}$ = 288054 дес. Такимъ количествомъ земли владѣетъ 365 чел. изъ 1000, т. е. 4 чел. изъ 11.

Чтобы жить безъ нужды, надобно 100 рублей дохода, т. е. $2^{3}/_{11}$ = 2,27273 дес. Такимъ количествомъ земли владѣютъ 415 чел. изъ 1000, т. е. 7 изъ 17.

Кто получаетъ менѣе 75 рублей дохода, то есть имѣя меньше $1^{31}/_{44}$ = 1,70454 дес., тотъ уже терпитъ нужду. Такихъ людей 515 чел. изъ 1000, слѣдовательно болѣе половины изъ всего общества.

Кто получаетъ менѣе 50 рублей дохода, т. е. имѣетъ менѣе $1^{3}/_{22}$ = 1,13636 дес., тотъ уже терпитъ большую нужду. Такихъ людей 443, т. е. изъ 9 человѣкъ въ обществѣ 4 человѣка терпятъ сильную нужду.

Кто получаетъ менѣе 25 рублей дохода, т. е. имѣетъ менѣе $^{25}/_{44}$ = 0,56818 дес., тотъ человѣкъ живетъ въ нищетѣ. Такихъ людей 254 чел. изъ 1000, т. е. болѣе $^{1}/_{4}$ части цѣлаго общества.

Мы видѣли, что при сохраненіи общиннаго землевладѣнія, общій уровень поземельнаго владѣнія при правнукахъ былъ бы 4,392 дес., каждый пользовался бы доходомъ въ 183 р. 25 к.

*) А если цѣна земледѣльческихъ продуктовъ остается прежняя, цѣны другихъ товаровъ упали, — шелковое платье стоившее при прадѣдахъ 12 руб, при правнукахъ стало стоить только 9 р. Все это тоже самое: при прадѣдахъ оно получалось за 4 четверти, а при правнукахъ получается за 3 четверти ржи.

и жилъ бы въ изобиліи, имѣлъ бы уже возможность позволять себѣ небольшую роскошь. Теперь такую величину дохода и изобилія имѣютъ только 267 чел. изъ 1000. Такимъ образомъ, для того чтобы $1/4$ часть общества больше или меньше возвысилась надъ уровнемъ скромнаго изобилія, $3/4$ части общества должны больше или меньше потерять; слишкомъ половина общества должна ниспасть съ уровня изобилія въ нужду, почти $1/2$ общества въ сильную нужду, $1/4$ часть въ нищету.

Очень возможно, что читателю чрезвычайно уже наскучили цифры. Я самъ знаю, что пристрастіе къ нимъ доходитъ у меня до излишества, но это излишество въ полезную сторону. Вѣдь еще Мальтусъ сказалъ, что для распрямленія искривленной палки надобно перегнуть ее въ другую сторону. Политико-экономы грѣшатъ вообще тѣмъ, что слишкомъ много болтаютъ безъ справокъ съ ариѳметикою. Надобно же кому-нибудь исправлять общій недостатокъ усердіемъ къ работѣ, пренебрегаемой большинствомъ. Притомъ же цифры удобны для читателя тѣмъ, что прямо рѣжутъ глаза, прямо провозглашаютъ: „на этихъ страницахъ скука“ значитъ вы прямо имѣете возможность перевертывать эти страницы и возвратиться къ нимъ лишь тогда, если захотите, прочитавъ слѣдующія страницы, справиться: на какомъ же это основаніи разсуждаетъ человѣкъ не совсѣмъ такъ, какъ наши политико-экономы. Тогда вы просмотрите пропущенныя страницы и увидите на чемъ основаны выводы; оговорка, разумѣется, дѣлается всегда къ тому, чтобы продолжать упорство прежней навязчивости. Возвратимся же къ нашимъ цифрамъ.

Мы говорили о распредѣленіи благосостоянія въ обществѣ, посмотримъ теперь на то, какъ распредѣлилась земля по принципу наслѣдственности. Всей земли, какъ мы знаемъ, 4,392 десятины. Число лицъ въ обществѣ 1000. При сохраненіи общиннаго принципа каждый имѣлъ бы 4,392 дес. Посмотримъ, сколько лицъ и въ какой пропорціи имѣютъ больше и сколько меньше этой нормы при наслѣдственности.

Величина участка сравнительно съ нормою общиннаго владѣнія,		т. е. владѣніе имѣетъ величину отъ — до		Число лицъ, владѣющихъ такими участками (имущества).	Количество земли, находящееся у нихъ въ рукахъ.	Какую долю всего количества земли составляетъ эта земля.
болѣе 10		отъ 204	до 45 дес.	12	823,33	18,75 o/o
отъ 10	до 4	33	18	41	960,95	21,88 o/o
4	2	16	9	80	806,57	28,36 o/o
2	1	8	4,50	144	882,40	20,09 o/o
1	0,5	4,16	2,25	145	465,98	10,62 o/o
0,5	0,25	2,12	1,12	141	232,39	5,29 o/o
0,25	0,1	1,06	0,5	225	165,14	3,76 o/o
менѣе 0,1		0,42	0,10	212	55,24	1,25 o/o

Сводя эти группы въ среднія цифры, мы видимъ, что по принципу наслѣдственности 12 лицъ получили въ 15 разъ больше, 41 лицо въ 5 разъ, 80 лицъ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ имѣли бы при сохраненіи принципа общиннаго владѣнія. Съ другой стороны 141 лице получило въ $2^2/_3$ раза меньше, 225 лицъ въ 6 разъ и 212 въ 17 разъ меньше. Считая по колоннѣ, въ которой показано число лицъ и участковъ, составимъ 10 группъ каждая по 100 лицъ, и увидимъ, что изъ всего количества земли

1-мъ 100 лицамъ	принадлежитъ	2380,18	десятинъ	или	54,19 %
лицамъ 2-й группы	»	746,07	»	»	16,99 %
» 3-й »	»	492,11	»	»	10,75 %
» 4-й »	»	489,63	»	»	6,59 %
» 5-й »	»	188,37	»	»	4,52 %
» 6-й »	»	122,46	»	»	2,79 %
» 7-й »	»	77,76	»	»	1,77 %
» 8-й »	»	55,32	»	»	1,26 %
» 9-й »	»	33,25	»	»	0,76 %
» 10-й »	»	16,85	»	»	0,38 %

Кромѣ счета по десяткамъ употребительны еще счеты по третямъ и четвертямъ, мы сдѣлаемъ и ихъ.

Лица:	Количество земли имъ принадлежащее:	Доля, какую составляетъ эта земля въ полной суммѣ:	И того съ предшествующими долями:
250	3394.92	77,3 o/o	—
250	691,44	15,39 o/o	92,69 o/o
250	230,99	5,60 o/o	98,3 o/o
250	74,65	1,7 o/o	100 o/o

Лица:	Количество земли имъ принадлежащее:	Доля, какую составляетъ эта земля въ полной суммѣ:	И того съ предшествующими долями:
333	3701,48	83,89 o/o	—
333	563,10	12,82 o/o	96,71 o/o
334	126,36	3,29 o/o	100 o/o

Или можетъ быть васъ интересуетъ первая группа десятичнаго разсчета? Быть можетъ, вы хотѣли бы пристальнѣе всмотрѣться въ ея составъ? — Извольте и это можно сдѣлать.

Число лицъ:	Количество земли имъ принадлежащей.	Доля, какую составляетъ эта земля въ полной суммѣ.
Первыя 10 лицъ	740,33	16,85
25	1198,28	27,28
50	1730,28	39,4

Вотъ теперь и считайте, какъ хотите: хотите по десятинамъ, счетъ готовъ, хотите по пятерному дѣленію — можете; $^1/_5$ населенія досталось болѣе $^2/_3$ имущества, за то другимъ $^2/_5$ частямъ только $^7/_{24}$ часть. Или хотите считать по третямъ? можете: $^1/_3$ населенія досталось болѣе $^5/_6$ частей имущества, за то другой $^1/_3$ части менѣе $^1/_{30}$ части его. Или хотите считать 1-ю изъ десятичныхъ группъ? и это можно; 50 лицамъ, т. е. $^1/_{20}$ части населенія досталось почти $^2/_5$ части имущества; въ томъ числѣ 25 лицамъ, т. е. $^1/_{40}$ населенія — болѣе $^1/_4$ части имущества; въ томъ числѣ 10 лицамъ, т. е. $^1/_{100}$ части населенія болѣе $^1/_6$ части имущества.

Вотъ, значитъ, мы и соблюли правило старой политико-экономической школы, предоставили вамъ полную свободу. Считайте, какъ хотите, мы на все согласны, лишь бы не стѣснять вашего произвола. А то, можетъ быть, вамъ хочется считать не по колонкѣ лицъ, а по колонкѣ земли? Пожалуй, и это можно; и опять на всѣ лады: по десятичному ли счету, какъ хотите.

Можетъ быть, вы хотите теперь начинать съ прежняго конца, третей и кончить прежнимъ началомъ, десятками? Извольте, можно и это: 4,392, дѣленное на 3=1,464; вотъ вамъ третной счетъ.

Доли земли:	Самая близкая къ точной цифрѣ группа имуществъ:	Какому числу лицъ принадлежитъ эта земля:	Сумма этого числа съ предшествующими:
33 1/3 o/o	1462,28	36	—
33 1/3 o/o	1466,46	132	168
33 1/3 o/o	1463,28	832	1000

Вотъ будетъ счетъ по четвертямъ (4,392 : 4 = 1098).

25 o/o	1096,28	21	—
25 o/o	1000,15	62	83
25 o/o	1097,84	147	230
25 o/o	1097,83	770	1000

Хорошо, главнымъ образомъ, то, что дана вамъ, читатель, нами полная свобода по требованію рутинныхъ экономистовъ: какъ хотите, такъ и считайте, все оказывается одинаково хорошо. А вотъ будетъ счетъ по десяткамъ.

Доли земли:	Самая близкая къ точной цифрѣ группа имуществъ:	Какому числу лицъ принадлежитъ эта земля:	Сумма этого числа съ предшествующими:
10 o/o	427,33	4	—
10 o/o	463	10	14
10 o/o	424,95	10	30
10 o/o	430	21	51
10 o/o	448,15	33	84
10 o/o	442,36	45	129
10 o/o	433,45	62	191
10 o/o	441,15	83	274
10 o/o	438,23	154	428
10 o/o	440,02	572	1000

Вотъ теперь и землю считайте по какому душѣ вашей угодно манеру.

Считайте по третямъ: $^1/_3$ часть соединилась въ рукахъ $^1/_{28}$ части общества; $^2/_3$ въ рукахъ $^1/_8$ части общества; хорошо, но не дурно и по четвертямъ: $^1/_4$ соединена въ рухахъ $^1/_{50}$ части общества; $^1/_2$ въ рукахъ $^1/_{12}$ количества общества; $^3/_4$ въ рукахъ менѣе чѣмъ $^1/_4$ части общества. Отлично. Но и по десяткамъ не хуже; цѣлая $^1/_{10}$ часть соединилась въ рукахъ 4 человѣкъ, т. е. $^1/_{250}$ части общества; $^2/_{10}$ части всей земли въ рукахъ 30 человѣкъ, т. е. $^1/_{70}$ части общества и т. д.; наконецъ

4/5 всей земли соединилась въ рукахъ 274 человѣкъ, т. е. немногимъ болѣе, чѣмъ 1/4 часть всего общества; за то 572 человѣка, т. е. гораздо больше, чѣмъ половина членовъ всего общества владѣетъ лишь 1/10 частью земли. Хорошо.

Ну, слава-богу, цифры на нынѣшній разъ кончились. Теперь выводы.

Двѣ работы, веденныя въ разное время, одинаково показываютъ, что принципъ наслѣдственности дѣйствуетъ чрезвычайно сильно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: одною стороною, захватывающею около 7 доли, быть можетъ около 1/5, быть можетъ, около 1/10 части всего количества земли: наши вычисленія не имѣютъ никакого широкаго размѣра, чтобы могли твердо остановиться на какой нибудь одной цифрѣ между этими предѣлами, но цифра около 1/7 доли кажется вѣроятнѣйшею; и такъ одною своею стороною, захватывающею около 1/7 части всего количества земли, принципъ наслѣдственности чрезвычайно сильно дробитъ эту незначительную долю земли, такъ что быстро превращаетъ ее въ ничтожные клочки, ничего нестоющіе и почти ни начто негодные. Другою своею стороною, захватывающею отъ 4/5 до 9/10 частей и вѣроятно всѣхъ около 6/7 частей всего количества земли, онъ чрезвычайно сильно сосредоточиваетъ эту землю въ очень незначительное число рукъ.

Такимъ образомъ онъ дѣйствуетъ въ обѣ стороны, какъ разрушающая сила, — мы сказали бы, какъ революціонная сила, но революція производится людьми съ какимъ-нибудь разсчетомъ, стремится къ какой-нибудь цѣли, а эта сила дѣйствуетъ безъ всякой цѣли, слѣпо, просто будто какая-то волканическая сила, будто сила наводненій или урагана, только наводненій и ураганов, постоянно свирѣпствующихъ надъ обществомъ неотступно каждый день и каждый часъ. Разрушеніе производитъ онъ, какъ мы уже говорили въ приведенномъ отрывкѣ изъ прежней статьи, тѣмъ, что въ малочисленномъ кругу лицъ, на которыхъ валитъ землю громадными грудами, онъ низвергаетъ благосостояніе семействъ баловствомъ, отученіемъ отъ труда и расчетливости, развитіемъ расточительности. Отецъ наслѣдовалъ и ждалъ наслѣдствъ, дѣти его воспитанные расточителемъ, проматываютъ

наслѣдованное богатство, получаютъ новыя богатства (наслѣдства), также проматываютъ ихъ, и оставляютъ своихъ дѣтей нищими, авантюристами. Этой судьбѣ подвергается общество одною стороною дѣйствій принципа наслѣдственности. Другая сторона его, дробя незначительную долю земли между безконечнымъ множествомъ лицъ, заставляетъ ихъ продавать, или какъ нибудь переуступать землю, переводить ихъ въ разрастающійся классъ людей, лишенныхъ недвижимаго имущества, не имѣющихъ никакого обезпеченія въ жизни.

Говорятъ: что экспропріація дѣло суровое, тяжелое. Еще бы нѣтъ, — разумѣется, но вы видите, какою силою постоянно совершается экспропріація въ огромныхъ размѣрахъ, — экспропріація, отъ которой не уходитъ ни одно семейство, которой почти каждая фамилія подвергается періодически черезъ 2 — 3 поколѣнія. Сила эта — принципъ наслѣдственности. Если бы рутинные политико-экономы были достойными преемниками великихъ мыслителей, которыхъ называютъ своими учителями (хороши ученики у такихъ учителей), — точно также у Гоголя по увѣренію г. Сенъ-Жульена ученикомъ оказался г. Григорій Данилевскій, а по словамъ извѣстнаго французскаго экономиста Воловскаго знаменитый бывшій редакторъ *Весельчака* г. Львовъ) — еслибы эти жалкіе эпигоны разрабатывали науку, какъ разрабатывали ее Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо, они давно бы разобрали, какою силою вносится въ общество всепоглощающая экспропріація. Тогда не пришлось бы намъ утомлять читателя длинными страницами цифръ, не пришлось бы показывать ему для провѣрки клочки черной работы, скудные клочки, недостаточность которыхъ мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, но которыхъ еще не чѣмъ замѣнить болѣе полнымъ. Мы тогда представили бы одни только выводы, которые читались бы легко, и только прибавили бы: „это доказано трудами такихъ-то и такихъ-то достойныхъ преемниковъ Адама Смита, Мальтуса и Рикардо." Но куда же имъ, этимъ мнимымъ ученикамъ людей, не бывшихъ похожими на нихъ! Для нихъ довольно говорить вздоръ, перевирая старую теорію, которой они или не понимаютъ, или обыкновенно даже не знаютъ.

Мы уже говорили въ отрывкѣ, что другія силы, вызываемыя принципомъ частной собственности по соучастію съ принципомъ наслѣдственности во владычествѣ надъ обществомъ, дѣйствуетъ вообще одинаково съ принципомъ наслѣдственности и усиливаютъ его тенденцію. Направленія этихъ силъ — даренія, отдачи въ приданое и продажи — обнаруживаются само собою довольно ясно для каждаго.

Что же сказать вамъ въ заключеніе? Да развѣ необходимо дѣлать заключенія? Вѣдь по словамъ Сэ наука не дѣлаетъ никакихъ заключеній, даже не даетъ никакихъ совѣтовъ, а только описываетъ факты, вѣроятно въ родѣ того, какъ дѣлали наши почтенные лѣтописцы, т. е, безъ всякаго смысла: „сразились суздальцы и ноугородцы и бѣгоша, Богу тако изволившу,“ кто побѣжалъ суздальцы или новогородцы? извольте отгадывать, а за кѣмъ было сраженіе, объ этомъ уже и не спрашивайте; „Богу тако изволившу,“ — значить, толковать нечего. Такъ покамѣсть заставимъ и мы себя хотя разъ быть вѣрными учениками Сэ; не сдѣлаемъ никакого заключенія да и баста.

А сдѣлаемъ, пожалуй, два заключенія. Если въ извѣстномъ обществѣ сохраняется еще обычное учрежденіе, смягчающее своимъ существованіемъ суровое дѣйствіе силы наслѣдственности и другихъ силъ, дѣйствующихъ за одно съ нею, то люди, имѣющіе въ головѣ своей смыслъ, а недовольствующіеся попугайскимъ повтореніемъ чужихъ непонятыхъ мыслей, должны заботиться о сохраненіи этого обычнаго учрежденія и его развитіи; должны думать не объ его искорененіи за дѣйствительные или мнимые недостатки той формы, въ какой оно дошло до насъ, а развѣ о томъ, дѣйствительно ли существуютъ выставляемые въ ней недостатки, или только выставляются людьми, не понимающими дѣла; а если дѣйствительно существуютъ, то принадлежатъ ли они сущности дѣла, или только одной формѣ его, и трудно ли ихъ исправить. Все, дошедшее до насъ не только изъ временъ патріархальности, какъ это учрежденіе, а даже изъ временъ сравнительно новыхъ, грубо, дико по нынѣшнимъ потребностямъ. Возьмите, что хотите въ той формѣ, какая придана вещи даже и не до Рюрика, а всего хотя за 100 лѣтъ, — все дико и неуклюже: карета ли

временъ людовика XV, нѣмецкій ли уголовный кодексъ половины прошлаго вѣка, англійскій ли обѣдъ при Георгѣ III, итальянскіе ли трактиры, описанные Фонъ-Визинымъ, или бѣлье у тогдашнихъ великосвѣтскихъ французовъ, по его же описанію, все никуда не годится въ той формѣ: карета — тяжела, въ кодексѣ — пытки и четвертованіе, за обѣдомъ — гнуснѣйшее пьянство, въ трактирахъ — вонь, бѣлье — грязное и изъ грубой холстины. Но что же изъ этого слѣдуетъ? развѣ карета плохой экипажъ? развѣ кто ѣстъ — не можетъ не быть пьянымъ? развѣ нѣмецкое право, по своимъ принципамъ, не гораздо выше римскаго? развѣ въ Италіи не можетъ существовать порядочныхъ гостинницъ? развѣ французскіе свѣтскіе люди не могутъ заботиться о хорошемъ и чистомъ бѣлье? Слѣдуетъ только то, что даже за 100 лѣтъ въ передовыхъ странахъ Европы образованнѣйшіе и богатѣйшіе классы или не были такъ требовательны, какъ мы, или не имѣли такихъ средствъ, какъ мы — чтобы устроить свой бытъ. А тутъ берутъ форму учрежденія, какая существуетъ въ губерніяхъ, гдѣ у тѣлегъ нѣтъ шиновъ на колесахъ, гдѣ рано еще быть какому нибудь хозяйству, кромѣ трехпольнаго, гдѣ народъ еще полудикій, да и кричатъ, что эта форма не соотвѣтствуетъ желаніямъ Рикардо, да хорошо бы еще, если бы Рикардо (тотъ человѣкъ умный, понялъ бы чего желать при такихъ обстоятельствахъ, и отчего происходитъ при нихъ народная бѣдность), — нѣтъ, фантазіямъ какихъ-нибудь французскихъ шарлатановъ, которые порютъ дичь.

Разумѣется, форма, въ какой существуетъ общинный принципъ въ губерніяхъ, еще не нуждающихся въ удобреніи, не согласна съ высокими ступенями прогресса. Пустые щи, или мѣдные гребешки на поясахъ, или мазанье сапогъ, или безумное битье лошаденки, и кнутомъ, и хворостиной, и полѣномъ, или въ другихъ сферахъ что-нибудь отъ пестрыхъ жилетовъ до чтенія романовъ Александра Дюма-сына, отъ прошлогодней исторіи со Штраусомъ до порядка, какимъ идутъ у насъ процессы, все это еще не додоказываетъ особеннаго прогресса. Что жъ послѣ этого: развѣ щи должны исчезнуть изъ списка блюдъ, или мужикъ не долженъ чесать голову, или не должно имѣть лошадей? Или, нельзя

порядочному человѣку носить жилетовъ и читать книгъ, или не слѣдуетъ въ порядочномъ обществѣ быть концерту и не нужны судилища.

Говоря по ученому, принципъ щей, т. е. приготовленіе съ кислой капустой и пустые щи, грязная мѣдная гребенка и принципъ чесанія головы и т. д. — вещи совершенно различныя. „Но вѣдь принципъ, противоположный нашему поземельному принципу также можетъ быть усовершенствованъ.“ Мы брали силы, дѣйствующія при немъ теперь, а эти силы Милль предлагаетъ ограничить. Ахъ, ограничить! Мы было и забыли. Только 1) что труднѣе сдѣлать: провести ли преобразованіе, предлагаемое Миллемъ, или не мѣшать развиваться другому принципу, не мѣшать ни прямыми мѣрами ему вредными, ни голословными, ни задорными криками противъ него? Во второмъ случаѣ вы никому не мѣшаете, ни чьихъ интересовъ не затрогиваете, а въ первомъ случаѣ вы должны бороться съ каждымъ человѣкомъ, потому что если уже называетъ человѣкъ извѣстное имущество своею собственностъю, то противно всѣмъ его нынѣшнимъ чувствамъ, стѣснять его право передачи его собственности дѣтямъ. А 2) если когда нибудь введутся и будутъ исполняться реформы, предлагаемыя Миллемъ, то позвольте полюбопытствовать, въ какомъ видѣ будетъ тогда принципъ? Многое ли останется изъ него? Останется какой-нибудь урѣзанный кусочекъ, беречь который не стоитъ хлопотъ, — останется въ родѣ того, какъ остается медвѣдь, котораго показываютъ россійской публикѣ: почти что безвреденъ, это правда, и когти подрѣзаны, и зубы повыдерганы, и глаза выколоты. Добрый человѣкъ, развитой человѣкъ думаетъ, что легче этому медвѣдю было бы умереть, чѣмъ подвергнувшись такимъ истязаніямъ, влачить такую жалую, презрѣнную жизнь на общее посмѣшище.

(Разумѣется, мы должны обозрѣвать содержаніе трактата Милля по порядку книгъ и главъ. Первая книга уже извѣстна въ полномъ составѣ читателю. Стало быть намъ приходится начинать со второй; а во второй первыя двѣ главы трактуютъ о системахъ

экономическаго устройства, основанныхъ на принципѣ, различномъ отъ господствующаго принципа новой экономической исторіи, и потомъ объ этомъ принципѣ, о частной собственности, о степени ея экономической полезности въ нынѣшнемъ ея видѣ и о томъ, какія измѣненія нынѣшняго ея вида справедливы и полезны по мнѣнію Милля; — слѣдовательно (заключаете вы) статьи наши должны начаться обзоромъ этихъ главъ, — о коммунизмѣ и о частной собственности. Какъ бы не такъ! — „держи карманъ!“ — Извините за простонародное выраженіе. — Неужели, читатель, вы до сихъ поръ такъ наивны, что думаете, будто мы (я говорю собственно про себя, про другихъ не знаю) — будто мы поступаемъ, какъ слѣдуетъ поступать? — Напримѣръ, будто мы пишемъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ писать? — Никогда! Да, съ гордостью могу сказать я о себѣ, что никогда не отступалъ до сихъ поръ отъ правила: пиши не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, да и о томъ, о чемъ почти что не стоитъ писать, пиши не такъ, какъ слѣдуетъ. Неужели захочу я теперь испортить репутацію, пріобрѣтенную годами неуклоннаго слѣдованія этому принципу? Неужели захочу я подвергнуться угрызеніямъ совѣсти? Никогда. Я ненарушимо держусь принципа и съ удовольствіемъ жертвую ему двумя первыми главами II книга Милля, обзоромъ которыхъ мнѣ слѣдовало бы начать.

Да и на что намъ онѣ? Что касается до меня, мнѣ въ коммунистическомъ обществѣ жить не придется, слѣдовательно плевать я хотѣлъ на коммунизмъ (съ вашего позволенія). А вы, читатель, смѣю спросить, кто вы такой? До вашей нравственности, до вашего ума мнѣ нѣтъ никакого дѣла; я только спрашиваю: каковъ размѣръ вашего имущества? Если вы владѣете порядочной собственностью или хотя ждете порядочнаго наслѣдства, тогда вы, безъ всякаго Милля, знаете, какое это хорошее учрежденіе — собственность (конечно, если она не должна идти не нынѣ-завтра подъ аукціонный молотокъ), и знаете вы, что всѣ другія системы общественнаго устройства, кромѣ системы частной собственности, фальшивы и гибельны. Если же у васъ недвижимаго имущества нѣтъ, движимаго маловато, — тогда, — тогда простите меня за прямоту: я съ вами толковать не намѣренъ,

потому что я не хочу знаться съ людьми не порядочными. Стало быть, во всякомъ случаѣ, нечего мнѣ ни для себя, ни для читателя останавливаться на первыхъ двухъ главахъ II книги Милля.

Развѣ только для приличія, чтобы ужь не совсѣмъ пренебречь этими двумя первыми главами, не стоющими никакого вниманія, выпишемъ первую страничку пропускаемаго нами отдѣла II книги, да и то больше не для самой этой странички, а такъ лишь для общаго предисловія къ слѣдующимъ выпускамъ *).

Дѣйствительно, у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи у одного народа мы видимъ формы экономическаго быта чрезвычайно разнообразныя. Не говоримъ уже о томъ, что, въ противоположность нынѣшнему господству принципа частной собственности у цивилизованныхъ націй, были у тѣхъ же племенъ въ глубокую старину формы, представляющія видимое сходство съ коммунизмомъ, — формы, до сихъ поръ господствующія у разныхъ варварскихъ и полуварварскихъ племенъ; не говоримъ о томъ, что у самыхъ передовыхъ націй до сихъ поръ сохраняется кое-что изъ этихъ учрежденій дикой старины, напримѣръ за береговою чертою море признается всѣми націями за общее достояніе человѣческаго рода; судоходныя рѣки у самыхъ передовыхъ націй еще остались общимъ достояніемъ націи; въ самой Англіи, не говоря уже о Франціи и Германіи, еще остаются городскіе выгоны какъ общее достояніе цѣлаго города и т. д. Это послѣднее обстоятельство — чисто калмыцкая или чирокезская черта, а въ понятіи о море англичане, французы и прочіе — чуть ли не перещеголяли самихъ троглодитовъ; не говоримъ и о томъ, что въ сферѣ громадныхъ предпріятій стало все сильнѣе и сильнѣе выступать тенденція, противоположная безграничному праву частной собственности (укажемъ развитіе этой тенденціи по двумъ направленіямъ, извѣстнымъ каждому: акціонерныя общества захватываютъ все больше и больше мѣста въ промышленной дѣятельности; когда частная собственность мѣшаетъ осуществленію громадныхъ предпріятій, замышляемыхъ акціонерными обществами, законъ устраняетъ ее съ ихъ пути посредствомъ экспропріаціи, которая все больше и больше входитъ въ законное правило и.

*) См. 2-ю страницу.

при столкновеніяхъ государственной дѣятельности съ частною собственностью, — столкновеніяхъ, прежде разрѣшавшихся экстренными противузаконными мѣрами администрація, а теперь развязываемыхъ противъ частной собственности въ пользу государственныхъ надобностей правильными приговорами законныхъ судилищъ); — обо всемъ этомъ мы не станемъ говорить, потому что тутъ вездѣ — нѣчто похожее на коммунизмъ, на который мы ужь наплевали, въ чемъ и объяснились выше. Нѣтъ, и въ дѣлахъ, совершающихся исключительно по принципу частной собственности, формы экономическаго устройства очень различны. Возьмемъ, напримѣръ, земледѣльческій продуктъ. Въ иномъ мѣстѣ, напримѣръ въ Бразиліи, весь онъ принадлежитъ одному классу, землевладѣльцамъ, воздѣлывающимъ свои поля посредствомъ рабовъ: земля и капиталъ — собственность плантатора; трудъ исполняется людьми, составляющими также его собственность, то есть въ экономическомъ отношеніи не людьми, а машинами или домашнимъ скотомъ. Въ другихъ мѣстахъ землевладѣлецъ также самъ бываетъ антрепренеромъ, ведущимъ дѣло на свой капиталъ, но уже посредствомъ свободныхъ работниковъ, такъ что тутъ два класса: землевладѣльцы хозяева и наемные работники. Въ иныхъ мѣстахъ мы видимъ тоже два класса, но уже не такъ распредѣляются между ними три элемента производства; значитъ, и продуктъ: землю беретъ у владѣльца въ аренду человѣкъ, самъ ее воздѣлывающій собственнымъ трудомъ и капиталомъ; да и тутъ опять есть разныя формы распредѣленія между этими двумя лицами, землевладѣльцемъ и арендаторомъ-работниковъ: въ однихъ мѣстахъ арендная плата опредѣляется торговыми условіями, въ другихъ остается неизмѣнна, въ третьихъ обычное право арендатора на пользованіе землею, съ незапамятной старины находившееся въ его родѣ, укоренилось до того, что землевладѣлецъ уже утратилъ всякую власть вмѣшиваться въ хозяйство арендатора, такъ что тутъ какъ будто два собственника: одинъ по имени, а другой на дѣлѣ, — и на дѣлѣ выходитъ, что земля отчасти принадлежитъ арендатору работнику и лишь отчасти лицу, называющему владѣльцемъ ея. Бываетъ и такое устройство, въ которомъ каждый изъ трехъ элементовъ производства имѣетъ

своимъ представителемъ особенный классъ. Земля принадлежитъ землевладѣльцу, капиталъ фермеру, а самъ фермеръ уже не работникъ, и трудъ на фермѣ исполняется людьми другаго сословія, работниками. Наконецъ, есть еще особенное устройство, когда самъ землевладѣлецъ, — съ тѣмъ вмѣстѣ и работникъ, иначе сказать, когда работникъ вмѣстѣ и собственникъ земли, и капиталъ принадлежитъ также ему самому.

Какая же тутъ неизмѣнность законовъ распредѣленія, когда распредѣленіе видоизмѣняется по множеству разныхъ общественныхъ отношеній, созданныхъ почти всегда историческими обстоятельствами, совершенно независимыми отъ экономическихъ принциповъ и по большей части прямо противорѣчащими имъ? Развѣ политико-экономическими принципами былъ устроенъ общественный бытъ при завоеваніи Римской имперіи варварами, или во времена феодализма или даже въ позднѣйшія, хотя бы въ наши времена? Развѣ онъ еще не подчиненъ господству вліяній, гораздо сильнѣйшихъ, чѣмъ здравый экономическій разсчетъ? Развѣ изъ здраваго экономическаго разсчета велись войны при Наполеонѣ I, — войны, развязкой которыхъ рѣшенъ былъ экономическій бытъ Европы? Развѣ по экономическому разсчету завладѣла и хочетъ продолжать владѣть Алжиріею Франція? Развѣ по здравому экономическому разсчету устроились и сохраняются поземельныя отношенія въ Англіи? — Но вѣдь мы вовсе не то говоримъ (отвѣчаютъ рутинные политико-экономы), что всѣ установившіяся формы экономическихъ отношеній сообразны съ принципами науки, или что всѣ эти формы должны остаться неизмѣнны; напротивъ, мы порицаемъ многія изъ нихъ, порицаемъ даже всѣ, за исключеніемъ только одной, и доказываемъ, что всѣмъ имъ лучше было бы замѣниться этою одною, которая одна удовлетворительна. Мы говоримъ только, что неизмѣненъ общій принципъ, по которому распредѣляется продуктъ при всѣхъ этихъ формахъ, и что онъ вполнѣ удовлетворителенъ; принципъ этотъ — соперничество. Оно имѣетъ въ себѣ необходимость закона природы; устранить его невозможно; а еслибъ и можно было устранить его, не слѣдовало бы устранять, потому что ничего лучшаго нельзя и придумать человѣку. — Посмотримъ, такъ ли это.)

А. СОПЕРНИЧЕСТВО, КАКЪ НОРМА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ. — В. КЛАССЫ, МЕЖДУ КОТОРЫМИ ДѢЛИТСЯ ПРОДУКТЪ.

(ГЛ. III—X).

А. ПРИНЦИПЪ СОПЕРНИЧЕСТВА. СТЕПЕНЬ ВСЕОБЩНОСТИ ЕГО ДѢЙСТВІЙ; СТЕПЕНЬ ЕГО СООБРАЗНОСТИ СЪ НАИВЫГОДНѢЙШИМИ УСЛОВІЯМИ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРЕДѢЛЕНІЯ; ЗАРОДЫШЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ, НАХОДЯЩЕЙСЯ ВЪ ЭТОМЪ ПРИНЦИПѢ, И ВЫСШІЙ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ, ПОСТАВЛЯЕМЫЙ НАУКОЮ НА МѢСТО СОПЕРНИЧЕСТВА.

Обыкновенные экономисты разсуждаютъ такъ, какъ будто бы всѣ промышленныя операціи совершаются подъ господствомъ соперничества, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ устраненъ монополіей, такъ что случаи, въ которыхъ онъ не дѣйствуетъ, представляются исключеніями, а его господство — общимъ правиломъ. Эту ошибку очень удовлетворительно разоблачаетъ Милль въ IV главѣ, которую мы и проводимъ здѣсь всю цѣликомъ.

«При системѣ частной собственности продуктъ дѣлится подъ вліяніемъ дѣйствія двухъ силъ: соперничества и обычая. Для насъ важно узнать величину вліянія той и другой силы и видоизмѣненія, которымъ дѣйствіе одной подвергается по вліянію другой.

«Политико-экономы вообще, а въ особенности англійскіе, привыкли придавать почти исключительное значеніе соперничеству, почти не принимая въ соображеніе противоположныхъ ему дѣйствій обычая. Они часто выражаются такъ, какъ будто думаютъ, что соперничество на самомъ дѣлѣ всегда совершаетъ тотъ результатъ, къ совершенію котораго стремится по теоріи. Это отчасти объясняется тѣмъ, что только черезъ принципъ соперничества получаетъ политическая экономія права на научный характеръ. На сколько опредѣляется соперничествомъ величина ренты, прибыли, рабочей платы, цѣны, эти величины могутъ быть подведены подъ законы. Если мы примемъ, что онѣ опредѣляются исключительно соперничествомъ, то можно вывести принципы, по которымъ онѣ видоизмѣняются, и эти принципы будутъ имѣть высокую всеобщность и научную точность. Политико-экономъ справедливо считаетъ это своимъ прямымъ дѣломъ, и политическая экономія, какъ абстрактная или гипотетическая наука, не обязана и не можетъ сдѣлать ничего,

кромѣ этого. Но совершенно искаженнымъ понятіемъ о дѣйствительномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ была бы мысль, что соперничество на самомъ дѣлѣ имѣетъ эту неограниченную силу. Я не говорю о естественныхъ и искусственныхъ монополіяхъ, не говорю о вмѣшательствахъ власти, измѣняющихъ свободный ходъ производства и обмѣна, — политико-экономы всегда принимали въ соображеніе эти вліянія, нарушающія дѣйствіе соперничества. Я говорю о такихъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствію соперничества нѣтъ никакихъ стѣсненій или препятствій ни отъ сущности дѣла, ни отъ искусственныхъ затрудненій, но въ которыхъ результатъ все-таки опредѣляется не соперничествомъ, а привычкою или обычаемъ, и соперничество или совершенно не дѣйствуетъ, или производитъ дѣйствія совершенно не такія, какія обыкновенно считаются естественнымъ его результатомъ.

«Соперничество лишь съ недавняго времени стало оказывать сколько нибудь значительное вліяніе на экономическія условія между людьми. Чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ время, тѣмъ исключительнѣе вліяніе неподвижныхъ обычаевъ на всѣ сдѣлки и обязательства. Причина тому очевидна. Обычай — сильнѣйшій защитникъ слабыхъ противъ сильныхъ; единственный защитникъ слабыхъ тамъ, гдѣ законы или правительство не въ силахъ защитить ихъ. Обычай—преграда, которую больше или меньше принуждено уважать тиранство даже при самомъ угнетенномъ состояніи людей. Свобода соперничества -- пустой звукъ для трудящагося населенія въ бурномъ военномъ обществѣ; трудящіеся никакъ тутъ не могутъ спорить объ условіяхъ своего труда: тутъ всегда есть господинъ, кладущій на вѣсы свой мечъ, и условія опредѣляются такія, какія налагаетъ онъ. Но хотя дѣла и рѣшаются по праву сильнѣйшаго, сильнѣйшій не находитъ выгоды и вообще не имѣетъ охоты настаивать на исполненіи этихъ условій во всей ихъ суровости, а каждое смягченіе ихъ имѣетъ тенденцію становиться обычаемъ, всякій обычай становиться правомъ. Не какое нибудь соперничество, а права, возникшія такимъ образомъ, опредѣляютъ при грубомъ положеніи общества ту часть продукта, которая предоставляется человѣку, его производящему. Въ особенности опредѣлялись обычаемъ страны до новѣйшихъ фазисовъ общественнаго развитія всѣ отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ и всѣ платежи земледѣльца землевладѣльцу. Только въ послѣднее время условія пользованія землею стали, вообще говоря, дѣломъ соперничества; во всѣ прежнія времена было не такъ: человѣкъ, воздѣлывающій землю, обыкновенно считался тогда имѣющимъ право сохранять за собою эту землю, пока исполняетъ обычныя условія, и такимъ образомъ сдѣлался какъ бы имѣющимъ нѣкоторое право собственности на землю, совмѣстно съ настоящимъ собственникомъ. Даже и тамъ, гдѣ земледѣлецъ не пріобрѣлъ такой вѣчности пользованія, условія пользованія часто бывали постоянны и неизмѣнны.

«Напримѣръ, въ Индіи и въ другихъ азіатскихъ обществахъ, имѣющихъ такое же устройство, райоты или поселяне-фермеры не считаются такими фермерами, которыхъ землевладѣлецъ можетъ прогнать когда хочетъ, или даже по истеченіи извѣстнаго срока. Правда, почти во всѣхъ деревняхъ есть нѣкоторые райоты, находящіеся въ этомъ непрочномъ положеніи; но они — люди, поселившіеся тутъ недавно, или потомки людей, поселившихся не очень давно, во время еще памятное; а тѣ,

которые считаются потомками или представителями первоначальныхъ жителей, почитаются имѣющими право сохранять за собою свою землю, пока платятъ обычную ренту; это право признается и за многими переселенцами, если они давно уже наняли свою землю. Надобно сознаться, что почти вездѣ уже затемнилось понятіе о первоначальной или правильной величинѣ этой обычной ренты: узурпація, тираннія и иноземное завоеваніе значительно исказили факты, по которымъ опредѣлялась бы эта величина. Когда старинное чисто гиндусское владѣніе переходитъ подъ власть британскаго правительства или подъ управленіе его агентовъ и когда начинается пересмотръ системы доходовъ, то обыкновенно оказывается, что фискальное хищничество расширило требованія государства, главнаго землевладѣльца, такъ что стерлись на практикѣ всѣ границы этихъ требованій; но все-таки оказывается, что считалось необходимымъ придумывать особенное имя и особенный предлогъ для каждаго лишняго требованія, такъ что, сверхъ собственно такъ-называемой ренты, требовалось иногда еще 30 или 40 другихъ платежей. Къ этому окольному способу увеличивать платежи навѣрное не прибѣгли бы, если бы за землевладѣльцемъ было признанное право увеличивать ренту. Употребленіе этого средства — доказательство, что нѣкогда была обычная рента, которую нельзя было увеличивать, и что райотъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда право на землю, пока платилъ ренту, согласную съ обычаями *). Британское правительство въ индіи всегда упрощаетъ систему повинностей поселянина, соединяя всѣ подати въ одну; черезъ это оно дѣлаетъ ренту, не только на фактѣ, но и по закону, вещью произвольной или, по крайней мѣрѣ, подлежащей особенному соглашенію; но оно строго уважаетъ право райота на землю, хотя до реформъ нынѣшняго времени почти не оставляло ему земли больше, чѣмъ нужно для самаго скуднаго пропитанія (да и нынѣшнія реформы, имѣющія другой характеръ, еще не совсѣмъ приведены въ исполненіе).

«Въ новой Европѣ земледѣльцы постепенно вышли изъ состоянія личнаго рабства. Варвары, завоевавшіе Западную Имперію, нашли, что легчайшимъ способомъ хозяйства надъ завоеванными землями будетъ для нихъ — оставить эти земли въ рукахъ прежнихъ жителей; они избавили себя отъ непріятнаго труда надзирать за толпами рабовъ, дозволивъ рабамъ сохранить нѣкоторую свободу дѣйствій, подъ обязанностью снабжать господина провизіею и трудомъ. Обыкновеннымъ способомъ для этого было давать въ исключительное пользованіе раба количество земли, считавшееся достаточнымъ для его продовольствія, и заставлять его исполнять на другихъ земляхъ господина всѣ работы, какія будутъ нужны. Эти неопредѣленныя повинности постепенно преобразовались въ опредѣленную повинность — давать положенное количвство провизіи или положенное количество труда. Со временемъ господа полюбили употреблять свой доходъ не на содержаніе свиты, а на покупку предметовъ роскоши, и платежи въ натурѣ были замѣнены денежными платежами. Каждая изъ этихъ уступокъ давалась первоначально по произволу господина, который

*) Древніе индійскіе законы называютъ надлежащей рентой шестую часть или четвертую часть продукта; но нѣтъ доказательствъ, чтобы правила, опредѣляемыя этими законами, когда нибудь дѣйствительно соблюдались. *Прим. авт.*

могъ отмѣнить ее, но постепенно получала силу обычая, а наконецъ признавалась закономъ и пріобрѣтала судебное охраненіе. Такимъ образомъ рабы постепенно возвысились до положенія свободныхъ фермеровъ, имѣвшихъ землю въ вѣчномъ пользованіи на неизмѣнныхъ условіяхъ. Эти условія были иногда очень тяжелы и народъ очень бѣдствовалъ. Но его повинности опредѣлялись обычаемъ или закономъ страны, а не соперничествомъ.

«Гдѣ земледѣльцы никогда собственно не были въ личномъ рабствѣ, тамъ потребности бѣднаго и малоразвитаго общества породили другую систему, введенную и въ остальныхъ странахъ по уничтоженіи личнаго рабства; въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы эта система оказалась настолько выгодною, что сохранилась донынѣ, несмотря на высокое развитіе ихъ земледѣлія. Я говорю о системѣ половничества. При ней земля раздѣлена на мелкія фермы; каждая семья имѣетъ такую ферму; землевладѣлецъ вообще даетъ капиталъ, считающійся нужнымъ по мѣстному земледѣльческому порядку, и вмѣсто ренты и прибыли получаетъ положенную долю продукта. Эта доля, вообще уплачиваемая натурою, обыкновенно составляетъ половину продукта, какъ и обозначаютъ слова: половникъ métayer, mezzaiuolo и medietarius. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на богатой вулканической почвѣ неаполитанскихъ провинцій, землевладѣлецъ беретъ двѣ трети, а поселянинъ, благодаря превосходному земледѣлію, все еще имѣетъ средства къ жизни. Но половину или двѣ трети беретъ землевладѣлецъ, во всякомъ случаѣ эта доля неизмѣнная, одинаковая для всѣхъ фермъ, не перемѣняющаяся при перемѣнѣ фермеровъ: обычай страны служитъ всеобщимъ правиломъ, никто не думаетъ возвышать или понижать ренту, или дѣлать съ фермеромъ какія нибудь другія условія, несходныя съ обычными. Соперничество совершенно не дѣйствуетъ на опредѣленіе величины ренты.

«Раньше ренты подверглись вліянію соперничества цѣны тамъ, гдѣ нѣтъ монополій, и дѣйствіе соперничества на цѣны имѣетъ гораздо меньше исключеній, чѣмъ его дѣйствіе на ренты; но и тутъ, даже и при нынѣшней своей дѣятельности, торговое соперничество не имѣетъ такого безусловнаго вліянія, какъ предполагаютъ нѣкоторые писатели. Въ политико-экономическихъ книгахъ безпрестанно встрѣчается теорема, что не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ рынкѣ. Дѣйствительно, таковъ естественный результатъ соперничества, не встрѣчающаго себѣ препятствій. Но каждый знаетъ, что почти всегда на одномъ и томъ же рынкѣ существуютъ двѣ цѣны. Въ каждомъ большомъ городѣ, почти въ каждой отрасли торговли, есть дорогія лавки и дешевыя лавки; мало того, въ одной и той же лавкѣ часто продается одинъ товаръ различнымъ покупателямъ по разнымъ цѣнамъ и, вообще говоря, въ каждой лавкѣ норма цѣнъ приспособлена къ тому, какихъ покупателей она имѣетъ. Оптовая торговля по главнымъ товарамъ дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества: тутъ и покупщики и продавцы — купцы или фабриканты, и въ своихъ покупкахъ руководятся не безразсчетностью или суетностью, а коммерческимъ разсчетомъ. Потому объ оптовыхъ рынкахъ можно вообще сказать, что на нихъ дѣйствительно не бываетъ двухъ цѣнъ одной вещи въ одно время: въ каждомъ мѣстѣ, въ данное время, есть рыночная цѣна,

которую можно обозначать въ прейсъ-курантѣ. Но въ розничной торговлѣ, гдѣ покупщикомъ бываетъ человѣкъ дѣйствительно потребляющій вещь, цѣна очень медленно и невполнѣ подчиняется дѣйствію соперничества; даже тамъ, гдѣ соперничество существуетъ, результатомъ его часто бываетъ не пониженіе цѣнъ, а только раздѣленіе прибыли отъ высокой цѣны между большимъ числомъ торговцевъ. Потому-то столь значительная часть цѣны, платимой покупателемъ, поглощается барышемъ розничныхъ торговцевъ, и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля изъ розничной цѣны доходитъ въ руки людей, производящихъ покупаемую имъ вещь, часто удивится ничтожности этой доли. Правда, если рынкомъ бываетъ большой городъ, въ которомъ занятіе розничною торговлею обѣщаетъ достаточную выгоду большимъ капиталистамъ, то вообще они найдутъ выгоднымъ для себя расширить свои обороты, подорвавъ другихъ торговцевъ пониженіемъ цѣны, не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними полемъ оборотовъ. Такое вліяніе соперничества все сильнѣе и сильнѣе чувствуется въ главныхъ отрасляхъ розничной торговли въ большихъ городахъ. Быстрота и дешевизна перевозки, дѣлая покупщиковъ менѣе зависимыми отъ торговцевъ ближайшихъ окрестностей, ведутъ къ постепенному уподобленію всей страны большому городу. Но до сихъ поръ только въ большихъ торговыхъ центрахъ розничныя цѣны (вполнѣ или хотя въ значительной степени) опредѣляются соперничествомъ. Въ другихъ мѣстахъ оно или вовсе не дѣйствуетъ, или обнаруживаетъ свое дѣйствіе только временнымъ колебаніемъ цѣнъ; обыкновенной силой, ихъ опредѣляющей, остается обычай, по временамъ видоизмѣняемый существующими въ умахъ покупателей и продавцевъ понятіями о какой-то справедливости или сходности цѣны.

«Во многихъ отрасляхъ торговли условія продажи опредѣляются формальнымъ соглашеніемъ между торговцами, общество которыхъ всегда имѣетъ средства сдѣлать затруднительнымъ или непріятнымъ положеніе каждаго изъ членовъ этой корпораціи, отступающаго отъ положенныхъ правилъ. Извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи, и что, несмотря на дѣятельное соревнованіе въ ней, соперничество не производило своего натуральнаго дѣйствія, не разрушало положенныхъ торговцами цѣнъ. Во всѣхъ свободныхъ профессіяхъ вознагражденіе опредѣляется обычаемъ. Плата получаемая медиками, адвокатами почти одинакова для всѣхъ медиковъ и для адвокатовъ; всѣ ходатаи по дѣламъ берутъ почти одинаковую плату. Причиною тому служитъ, конечно, не недостатокъ большаго соперничества въ этихъ профессіяхъ. Но соперничество тутъ дѣйствуетъ не тѣмъ, что понижаетъ плату, а тѣмъ, что уменьшаетъ шансы каждаго къ полученію платы.

«Мы видимъ, что обычай выдерживаетъ борьбу съ соперничествомъ очень успѣшно даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ духъ соперничества чрезвычайно силенъ, по многочисленности соискателей и по общей энергіи стремленія всѣхъ ихъ къ выгодѣ; если такъ, то навѣрное можно ожидать, что обычай держится еще тверже тамъ, гдѣ люди довольствуются меньшими денежными выгодами, не столь дорожа ими по сравненію съ своимъ удобствомъ или удовольствіемъ. Я увѣренъ, что на континентѣ Европы мы часто найдемъ въ однихъ мѣстахъ гораздо высшія цѣны нѣкоторыхъ

или всѣхъ товаровъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, находящихся по близости, и что не найдемъ для этой разницы никакихъ причинъ, кромѣ той, что всегда было такъ, что покупатели привыкли и не ищутъ другихъ цѣнъ. Предпріимчивый соискатель съ достаточнымъ капиталомъ могъ бы понизить цѣны и разбогатѣть, понижая ихъ; но такихъ предпріимчивыхъ соискателей нѣтъ. Капиталисты оставляютъ свой капиталъ по прежнему въ другихъ занятіяхъ и не ищутъ большей прибыли, чтобы не безпокоить себя.

«Эти замѣчанія должны считаться общими оговорками ко всѣмъ выводамъ, которые будутъ изложены въ слѣдующихъ частяхъ нашего трактата, касающихся до дѣйствій соперничества: всѣ выводы о немъ подлежатъ этимъ оговоркамъ, хотя бы мы гдѣ нибудь и не упомянули о томъ прямо. Вообще мы должны будемъ разсуждать такъ, какъ будто бы соперничество дѣйствительно производитъ свои общеизвѣстные, естественные результаты всегда, когда не отстраняется какою нибудь положительною преградою. Но гдѣ соперничество не существуетъ, хотя могло бы существовать, или гдѣ его естественныя послѣдствія преодолѣваются какимъ нибудь другимъ явленіемъ, тамъ эти наши заключенія будутъ не вполнѣ приложимы, и для избѣжанія ошибки въ примѣненіи выводовъ политической экономіи къ дѣламъ дѣйствительной жизни мы должны соображать не только тотъ результатъ, какой произойдетъ при гипотезѣ полнаго дѣйствія соперничества, — мы должны также соображать, какъ видоизмѣнится этотъ результатъ, если соперничество не оказываетъ полнаго своего дѣйствія.»

Такимъ образомъ, хорошъ ли, дуренъ ли принципъ соперничества, онъ не можетъ считаться всеобщимъ принципомъ экономической дѣятельности. Лишь съ недавняго времени, даже и въ передовыхъ странахъ, сталъ онъ господствовать хотя надъ нѣкоторыми сторонами экономической жизни; прежде и тутъ онъ былъ слабѣе обычая. Въ другихъ сторонахъ промышленной жизни обычай сохраняетъ перевѣсъ надъ соперничествомъ даже и въ передовыхъ странахъ, даже и до сихъ поръ. Вообще можно провести между этими сферами такую границу: гдѣ покупателемъ является коммерческій человѣкъ, тамъ условія сдѣлки опредѣляются соперничествомъ; это — область покупокъ не на собственное потребленіе, а на перепродажу; это — область биржевыхъ дѣлъ и дѣлъ, имѣющихъ коренное сходство съ биржевыми операціями. Напротивъ того, гдѣ покупщикомъ бываетъ не коммерческій человѣкъ, а потребитель, тамъ условія сдѣлки вообще подчиняются обычаю; это — область покупокъ на личное потребленіе. Таково общее разграниченіе сферы соперничества отъ сферы обычая въ покупкѣ вещей, торорыя покупаются сначала купцомъ

у производителя, потомъ потребителемъ у купца, какъ предметы потребленія, — напримѣръ, пища, одежда, топливо и разныя принадлежности домашняго хозяйства, вообще такъ называемая движимая собственность. Недвижимая собственность, которая покупается не на потребленіе, а на полученіе отъ нея постояннаго дохода, имѣетъ нѣсколько иной характеръ. Пріобрѣтеніе дома или участка земли обыкновенно бываетъ дѣломъ, совершаемымъ не наскоро, не безъ справокъ, не дѣломъ обыденнымъ; тутъ покупщикъ, хотя бы и не былъ коммерческимъ человѣкомъ, старается дѣйствовать по коммерческимъ правиламъ: хлопотливо разыскиваетъ, выжидаетъ, подвергаетъ предметъ техническому осмотру и т. д. Слѣдовательно, тутъ по видимому всѣ сдѣлки должны бы совершаться по принципу соперничества. Дѣйствительно, покупщикъ и слѣдуетъ ему, насколько онъ допускается сущностью покупаемаго предмета. Но самая сущность покупаемаго предмета тутъ очень упорно отстраняетъ отъ себя точное дѣйствіе коммерческаго принципа соперничества. Одинаковыхъ тюковъ хлопчатой бумаги, одинаковыхъ кусковъ коленкора, одинаковыхъ четвертей хлѣба одного сорта существуетъ одновременно въ продажѣ безчисленное множество въ рукахъ разныхъ продавцовъ. Да и разные сорты каждаго изъ такихъ товаровъ сравниваются очень легко, потому что всякій сортъ безпрестанно проходитъ черезъ руки коммерческихъ людей, этихъ, такъ сказать, пробирныхъ мастеровъ по оцѣнкѣ всякихъ товаровъ. Недвижимая собственность вообще не идетъ черезъ коммерческія руки, — она переходитъ отъ владѣльца, имѣвшаго ее долговременнымъ своимъ владѣніемъ, прямо къ такому покупщику, который также намѣренъ постоянно держать ее въ своемъ владѣніи, а не то, что беретъ ее только на перепродажу. Если примѣнить къ этому дѣлу терминъ „потребленіе“ (въ косвенномъ смыслѣ пользованія доходомъ, и въ противоположность коммерческой покупкѣ, имѣющей своею цѣлью не пользованіе доходомъ, а выигрышъ отъ перепродажи, какъ можно болѣе быстрой), то надонно сказать, что недвижимая собственность знаетъ только потребителей, а купцовъ не знаетъ. Банкиръ, покупая домъ или помѣстье, является не биржевымъ человѣкомъ,

а простымъ потребителемъ, все равно какъ когда заказываетъ обѣдъ. Такимъ образомъ недвижимая собственность вообще не подвергается такой правильной оцѣнкѣ, какъ движимая. Но еслибъ и подвергалась, успѣхъ оцѣнки не былъ бы такъ точенъ, потому что каждый предметъ недвижимой собственности имѣетъ въ себѣ индивидуальность, и нѣтъ громадной массы совершенно одинаковыхъ предметовъ, подъ цѣну которыхъ можно было бы подвести его. Коленкоръ на манчестерской биржѣ и на калькутской биржѣ — это одно и тоже; стоимость провоза вычисляется до послѣдней копѣйки. Потому, при обыкновенномъ ходѣ биржевыхъ дѣлъ, калькутскіе обороты коленкоромъ опредѣляются манчестерскими, и на оборотъ. Но найдете ли вы въ цѣломъ свѣтѣ хотя два дома, столь одинаковые, какъ двѣ штуки одинаковаго коленкора? Найдете ли хотя два помѣстья, совершенно одинаковыя? Негоціантъ знаетъ, что за тысячу бочекъ сала или тюковъ хлопчатой бумаги онъ можетъ дать столько-то тысячъ рублей со столькими-то сотнями, десятками, единицами рублей, столькими-то десятками и единицами копѣекъ, — да, копѣйка въ копѣйку: одною копѣйкою больше это ужь будетъ дорого, неразсчетливо. Но сколько стоитъ это домъ? Около 20,000 р., — но можетъ быть и не больше 19 тысячъ, а можетъ быть и больше 21 тысячи, — тутъ на 10%, даже на 15, на 20% — неопредѣленность, неизвѣстность. Помѣстье — это своего рода такая же вещь относительно оцѣнки, какъ, напримѣръ, умъ человѣка или какая нибудь картина. Разумѣется, дурака отъ умнаго отличить легко, и геніальнаго человѣка отъ человѣка съ обыкновеннымъ умомъ тоже легко отличить, — но извольте-ко опредѣлить степени ума точнымъ образомъ. Такъ легко видѣть, что Осиновка должна стоить дороже Ивановки, а Павлово гораздо дороже самой Осиновки; а на сколько именно? Разумѣется, тутъ, по необходимости, останавливаются на какой нибудь цифрѣ, но зато ужь и цифра такая, — по крайней мѣрѣ два нуля на концѣ. Развѣ продается когда нибудь берковецъ сала на биржѣ ровно по 50 рублей? Развѣ стоитъ когда нибудь какая-нибудь биржевая бумага ровно al pari, безъ всякой преміи и безъ всякаго упадка? Какъ же это домъ можетъ продаваться ровно за 20

тысячъ рублей, а не за 21,378 руб. 19 коп.? Это значитъ, — точной оцѣнки ему нѣтъ; это значитъ, въ его цѣнѣ существуетъ значительная степень неизвѣстности.

Такимъ образомъ изъ двухъ разрядовъ имущества принципъ соперничества обыкновенно стремится господствоватъ надъ продажею недвижимой собственности, но по неудобству точной оцѣнки предметовъ этого рода, онъ вовсе тутъ не достигаетъ опредѣлительности, въ которой и заключается его сила; дѣйствуя тутъ постоянно, онъ постоянно тутъ дѣйствуетъ слишкомъ шатко. Съ полной опредѣлительностью онъ дѣйствуетъ въ биржевыхъ и похожихъ на биржевыя продажахъ другаго рода имуществъ — въ продажахъ предметовъ движимой собственности; но опять слишкомъ слабъ оказывается въ продажахъ отъ купца потребителямъ, а черезъ этотъ видъ продажъ проходятъ всѣ товары, подвергающіеся продажамъ перваго вида, и кромѣ того, безчисленное множество товаровъ, не подвергающихся продажамъ въ видѣ биржевыхъ.

Такое неполное дѣйствіе принадлежитъ принципу соперничества при самомъ высшемъ его развитіи въ самыхъ передовыхъ странахъ; въ другихъ земляхъ до сихъ поръ остается, а до недавняго времени во всѣхъ странахъ былъ кругъ его дѣйствій еще несравненно тѣснѣе. Спрашивается теперь: что же можетъ сказать намъ господствующая теорія политической экономіи о всемъ этомъ большинствѣ экономическихъ сдѣлокъ, условія которыхъ или вовсе не подчинены принципу соперничества или сильнѣе, чѣмъ ему, подчинены другимъ элементамъ экономической жизни? — Съ обыкновенною своею добросовѣстностью Милль, какъ мы видѣли, прямо говоритъ, что эту часть экономическихъ сдѣлокъ она не въ силахъ подвести ни подъ какія правила: „только принципъ соперничества, даетъ политической экономіи возможность научнаго характера. Законы ренты, прибыли, рабочей платы, цѣнъ могутъ быть указываемы лишь на столько, на сколько опредѣляются соперничествомъ.“

Говорятъ: „тѣ экономическія сдѣлки, которыя еще не опредѣляются соперничествомъ, находятся въ неразвитомъ, неудовлетворительномъ положеніи.“ Но мы видѣли, что значительнѣйшая

половина экономическихъ сдѣлокъ, вѣроятно, никогда не могутъ и подчиняться принципу соперничества на столько, чтобы войти въ теорію, основанную исключительно на немъ; пусть эта часть экономической жизни называется недостигшею высочайшаго развитія; но что жъ дѣлать, если она не можетъ достичь его? Значитъ, она никогда не подойдетъ подъ господствующую нынѣ теорію; значитъ, эта теорія, какъ бы хороша ни казалась себѣ, должна прямо сознаться, что она не — теорія экономической жизни, а лишь теорія нѣкоторыхъ частнымъ формъ этой жизни, что она не — наука, а лишь одинъ отдѣлъ науки; къ полной экономической теоріи она относится такъ же, какъ анатомія руки относится къ цѣлой наукѣ, называемой анатоміей, какъ монографія объ Англіи относится къ географіи.

Какъ сама господствующая теорія оказывается лишь одной частью цѣлой экономической теоріи, такъ и принципъ ея, соперничество, оказывается лишь частнымъ видоизмѣненіемъ болѣе общаго экономическаго принципа, видоизмѣненіемъ, заимствующимъ свою частную особенность отъ частной особенности тѣхъ сторонъ экономической жизни, къ которымъ примѣняется. Послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, не трудно открыть, въ чемъ состоитъ особенность фактовъ, придающая частный характеръ общему экономическому принципу, который въ этой своей частной формѣ является соперничествомъ.

Мы видѣли, что соперничество является въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ покупатель — коммерчерскій человѣкъ, покупающій не на потребленіе, а на перепродажу. Этотъ элементъ сдѣлки, — ея назначеніе служитъ лишь средствомъ для новой продажи, и составляетъ характеристическую особенность оборотовъ, принадлежащихъ сферѣ соперничества. Но форма перепродажи, конечно, всякимъ будетъ признана лишь за частную форму полученія экономической выгоды, лишь за одинъ изъ множества способовъ, какими стремится человѣкъ выиграть что нибудь въ экономическомъ отношеніи. Отбросимъ же эту частную черту, чтобы осталось у насъ болѣе общее понятіе, — и каждому очевидно, какое понятіе останется у насъ: останется „разсчетъ экономической выгоды," короче можно сказать, просто разсчетъ выгоды (потому что экономическая

наука и безъ всякихъ оговорокъ ясно указываетъ именно только на экономическую выгоду, когда говоритъ просто о выгодѣ), а еще короче можно сказать, просто „разсчетъ“ или „разсчетливость“ (потому что само собою разумѣется, какова цѣль разсчета — выгода).

Конечно, когда мы возведемъ въ общій принципъ науки, вмѣсто понятія „соперничество,“ такое общее понятіе, какъ „экономическая разсчетливость,“ наука получаетъ въ основаніе себѣ идею, имѣющую гораздо менѣе опредѣлительныхъ признаковъ, уже безъ всякой переработки готовыхъ на примѣненіе къ тому или другому данному случаю. Но такова натура всей серіи основныхъ принциповъ во всѣхъ наукахъ: удѣльный вѣсъ золота или воды — понятіе съ бо̀льшимъ числомъ признаковъ, чѣмъ законъ тяжести; а законъ тяжести на землѣ имѣетъ гораздо больше признаковъ, чѣмъ законъ всеобщаго тяготенія; законы пищеваренія въ человѣческомъ организмѣ опредѣляются бо̀льшимъ числомъ признаковъ, чѣмъ общіе законы пищеваренія въ животныхъ организмахъ, а законъ питанія, обнимающій собою всѣ органическія существа, имѣетъ еще меньше признаковъ. Что жъ дѣлать, — таково ужь свойство природы и таковъ законъ математики, что число признаковъ каждаго принципа или понятія обратно пропорціонально его обширности. Мы вовсе не то говоримъ, что частные принципы частныхъ подраздѣленій научнаго предмета не имѣютъ важности или не хороши на своемъ мѣстѣ; напротивъ, они драгоцѣнны; напротивъ, прекрасно заботиться объ ихъ отыскиваніи; сдѣлайте одолженіе, разъясняйте не только то, какъ совершается пищевареніе у человѣка вообще, но и тѣ видоизмѣненія, какія оно имѣетъ у эскимоса, питающагося жиромъ, и у гиндуса, питающагося рисомъ; сдѣлайте одолженіе, изучайте еще глубже частные случаи, подраздѣляйте гиндуса на раджу, земиндара, простолюдина, описывайте пищу каждаго, изучайте особенныя вліянія каждаго изъ этихъ сортовъ пищи. Все это прекрасно и очень полезно; но разсудите же, что выйдетъ чепуха, если вы станете воображать общимъ закономъ предмета частный законъ, проявляющійся лишь въ одномъ видоизмѣненіи предмета: вѣдь нельзя же, напримѣръ, повторить объ эскимосѣ всего, что гово-

рится о гиндусѣ, или вообще повторить объ органическомъ существѣ всего того, что говорится о человѣкѣ. Вѣдь нелѣпо же, напримѣръ, было бы совѣтовать овцѣ питаться говядиной или утверждать, что на Уранѣ подъ тропиками растутъ финиковые пальмы. Есть еще другой источникъ непростительныхъ натяжекъ; воображать, что какая бы то ни была форма предмета — безусловная форма, что внѣ этой формы не могутъ проявляться силы, ее создающія при извѣстныхъ условіяхъ, и что какая бы то ни было изъ существующихъ формъ проявленія какой бы то ни было силы не замѣнится современемъ другою формою.

Обѣ эти ошибки дѣлаетъ господствующая экономическая теорія съ своимъ принципомъ соперничества. Форму, принимаемую силой экономическаго разсчета лишь въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, она хочетъ считать всеобщимъ закономъ цѣлой экономической дѣятельности и провозглашаетъ эту частную форму — самымъ высшимъ воплощеніемъ экономическаго разсчета, идеаломъ, совершеннѣе котораго люди не могутъ ничего ни создать, ни даже придумать. Первая ошибка, кажется, достаточно раскрыта теперь; чтобы замѣтить ее, достаточно было лишь обозрѣть главные разряды экономическихъ сдѣлокъ. Чтобы очевидно обнаружилась вторая ошибка, нужно имѣть лишь нѣкоторую, даже хоть и небольшую, привычку къ логическому мышленію.

Въ самомъ дѣлѣ, какое условіе ставитъ логика для признанія извѣстной формы явленія за форму не то, что совершенную, безупречную, а хотя бы за сколько нибудь удовлетворительную? Логика говоритъ, что для этого форма дѣла должна соотвѣтствовать самой натурѣ дѣла, то есть общей совокупности всѣхъ коренныхъ его качествъ, а не одному какому нибудь внѣшнему признаку или симптому дѣла. Напримѣръ, удовлетворительно ли гражданское устройство южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ юридическое положеніе человѣка опредѣляется не характеромъ его, а цвѣтомъ кожи? Удовлетворительно ли такое леченіе, которое основывается не на распознаваніи сущности болѣзни, а на внѣшнихъ симптомахъ ея? Удовлетворительна ли зоологическая классификація не по устройству цѣлаго организма, а по какой

нибудь принадлежности его, напримѣръ, по устройству зубовъ? Всѣ такіе случаи не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Точно такъ же неудовлетворителенъ и тотъ экономическій разсчетъ, который основывается не на качествахъ самого предмета, не на соображеніи потраченныхъ на его производство элементовъ, не на стоимости предмета, а на его цѣнѣ. Разумѣется, цѣна предмета почти всегда находится въ нѣкоторой связи съ его стоимостью, но связь эта никогда не бываетъ безусловно точна, а бо̀льшею частію бываетъ вовсе не точна и очень шатка. Въ нынѣшнемъ году при употребленіи даннаго количества труда и капитала на десятину, — назовемъ это количество 24, — родилось на десятинѣ 6 четвертей хлѣба; стоимость четверти будетъ 4 единицы труда и капитала, а цѣна четверти, положимъ, будетъ 4 рубля. Въ слѣдующемъ году при той же затратѣ силъ родилось только 4 четверти; стоимость четверти будетъ 6 единицъ, но цѣна ея, какъ извѣстно всякому, никакъ уже не будетъ 6 руб., а непремѣнно будетъ гораздо больше. На третій годъ при той же затратѣ силъ родилось 8 четвертей; стоимость четверти будетъ 3 единицы, но цѣна ея никакъ не будетъ 3 рубля, а непремѣнно будетъ гораздо меньше. Спрашивается теперь: удобна ли для прочнаго хода земледѣльческаго хозяйства такая норма разсчета, которая не имѣетъ точной зависимости ни отъ количества употребляемыхъ на хозяйство силъ, ни отъ степени успѣшности результатовъ, достигаемыхъ хозяйствомъ? Политико-экономы очень подробно, горячо и превосходно доказываютъ, что экономическія дѣла никакъ не могутъ идти успѣшно въ обществѣ, въ которомъ денежная единица не имѣетъ совершенно точной опредѣленности, совершенно неизмѣннаго постоянства. Прекрасная и очень важная истина. Но мы спрашиваемъ теперь: не точно ли таково же и вліяніе недостатка неизмѣнной и точной пропорціи между степенью успѣшности дѣла и количествомъ выручки за него? Нынѣ человѣкъ продаетъ свой товаръ за 10 франковъ, а эти 10 франковъ составляютъ 50 граммовъ серебра; черезъ годъ продавая товаръ такъ же за 10 франковъ, онъ получаетъ въ этихъ 10 франковъ только 45 граммовъ серебра, то есть получаетъ право пріобрѣсти на всемірномъ рынкѣ только 9/10 частей той

суммы цѣнностей, на какую получалъ право годъ тому назадъ. Такая шаткость никуда не годится; при ней невозможенъ никакой путный порядокъ въ экономической дѣятельности. Такъ; потому во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ принятъ принципъ неизмѣнности денежной единицы. Но и при неизмѣнности ея, развѣ не скрывается точно такое же зло въ обстоятельствѣ, нами разсматриваемомъ? Пусть франкъ неизмѣненъ. Но развѣ человѣкъ не сбивается съ толку съ своей экономической дѣятельности, когда при затратѣ 200 франковъ на воздѣлываніе гектара, онъ въ нынѣшнемъ году, при урожаѣ въ 12 гектолитровъ получаетъ по 20 франковъ за гектолитръ, то есть 240 франковъ выручки съ гектара, то есть 20% прибыли; въ слѣдующемъ году, при урожаѣ въ 10 гектолитровъ, получаетъ по 30 франковъ за гектолитръ, т. е. 300 франковъ выручки съ гектора, т. е. 50% прибыли; а на третій годъ, при урожаѣ въ 13 гектолитровъ, получаетъ лишь по 15 фран. за гектолитръ, т. е. 195 фран. выручки съ гектара, т. е. подвергается убытку въ 2½%? Вѣдь это — путаница точно такого же рода, какъ отъ колебанія денежной единицы. Или нѣтъ, путаница гораздо худшаго рода: тамъ колебаніе шло независимо отъ успѣшности дѣла, и какіе бы незаслуженные убытки или незаслуженныя прибыли ни получалъ человѣкъ отъ перемѣны денежной единицы, все-таки чѣмъ успѣшнѣе шло его дѣло, тѣмъ меньше былъ убытокъ или тѣмъ больше была его прибыль. А здѣсь шаткая связь выручки съ успѣшностью дѣла ведетъ къ прямой противоположности выгодъ отъ дѣла съ его успѣшностью: чѣмъ меньше собрано хлѣба земледѣльческими хозяевами, тѣмъ больше получаютъ они прибыли; чѣмъ больше собрано ими хлѣба, тѣмъ больше шансъ для нихъ потерпѣть убытокъ. Согласитесь, что такая норма разсчета — прямая премія за безуспѣшность труда, прямой штрафъ за успѣшность его, прямое возбужденіе къ неподвижности или ухудшенію общественнаго положенія, прямое отвлеченіе человѣка отъ охоты къ улучшеніямъ.

Мы вовсе не то хотимъ сказать, что общественное положеніе въ какой бы то ни было странѣ становится хуже или хотя остается неподвижно: нѣтъ, мы положимъ, что оно постепенно улучшается

во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Но мы говоримъ, что если въ цивилизаціи, въ успѣхахъ знаній лежитъ непобѣдимая сила улучшать общественный бытъ, то находятся въ общественномъ бытѣ элементы, мѣшающей этой силѣ прогресса, и что одинъ изъ такихъ элементовъ — недостаточность точной и неизмѣнной пропорціи между успѣшностью дѣла и степенью выгодъ отъ него для трудившагося надъ нимъ, — шаткость, происходящая изъ неудовлетворительности нормы разсчета, называемой соперничествомъ.

Человѣку, сколько нибудь сообразительному, смѣшно слышать толки рутинныхъ политико-экономовъ о необходимости и неизбѣжности соперничества. Мы знаемъ, что принципъ этотъ примѣняется лишь къ одному изъ обстоятельствъ экономической жизни, — къ феномену покупки и продажи; мы знаемъ, что всѣ тѣ труды и продукты, которые идутъ на собственное потребленіе производителя, не поступая въ продажу, остаются неподвластны соперничеству, и никакъ не могутъ стать подвластны ему*). Мы спрашиваемъ: неужели эти труды совершаются, эти труды производятся безъ всякаго разсчета экономической выгоды? Если, напримѣръ, женщина шьетъ или чинитъ бѣлье для своего семейства, а не на продажу, неужели не заботится она, чтобы работа

*) Тутъ могутъ сдѣлать возраженіе, довольно тонкое. Извѣстно, что человѣкъ перестаетъ производить предметъ на личное свое потребленіе, когда разсчитаетъ, что выгоднѣе или, вообще, удобнѣе ему покупать этотъ предметъ. Такъ постепенно перестаютъ люди прясть и ткать холстъ и сукно для своего домашняго обихода, предпочитая покупать эти вещи. Слѣдовательно, принципъ соперничества захватываетъ подъ свою власть производство на собственное потребленіе, — захватываетъ тѣмъ, что уничтожаетъ его, ставитъ вмѣсто него покупку на свое потребленіе въ обмѣнъ за товаръ, производимый на продажу. Такъ; но все-таки остается очень обширная область дѣлъ и продуктовъ, въ которую не проникаетъ это вліяніе. Какъ за обѣдомъ, изготовленіе котораго поручено особенному ремесленнику, повару, человѣкъ оставляетъ самому себѣ изготовленіе нѣкоторыхъ принадлежностей обѣда, напримѣръ самъ себѣ дѣлаетъ саладъ (поваръ вѣроятно сдѣлалъ бы это искуснѣе; но что вы прикажете дѣлать со мной, когда я не хочу поручать ему того?), такъ и въ важныхъ случаяхъ экономическаго производства есть вещи, которыя не поддаются вліянію соперничества, не покупаются, а производятся дома. Каждому пріятно имѣть овощи изъ своего огорода, хотя покупка ихъ и обошлась бы дешевле домашняго производства. Такихъ случаевъ очень много. Мы не станемъ перечислять ихъ, потому что усердно занимаются такими перечнями рутинные экономисты, когда спорятъ противъ фаланстеріанцевъ и всякихъ коммунистовъ, у которыхъ впрочемъ вовсе не о томъ рѣчь идетъ, чтобы отнять у человѣка удовольствіе имѣть свой огородъ, свою комнату, свою мебель, и т. д.

ея шла успѣшно, чтобы матеріалы и орудія, — нитки, иголки, куски ситца или холста, — расходовались на работу какъ можно экономнѣе, словомъ сказать, чтобы стоимость продукта была наименьшая? Когда она готовитъ кушанье для своего семейства, развѣ не дѣйствуетъ она съ такою же разсчетливостью? Когда мужъ ея производитъ разныя починки по домашнему хозяйству, развѣ не поступаетъ онъ точно такъ же? Значитъ, экономическій разсчетъ существуетъ и безъ формы соперничества.

Да и какъ ему не существовать безъ нея? Развѣ можетъ человѣкъ, съ какою бы цѣлію ни работалъ, на себя или на другихъ, для продажи или не для продажи, не заботиться о томъ, чтобы употреблять для полученія извѣстнаго продукта какъ можно меньшее количество труда, или при употребленіи извѣстнаго количества труда получать какъ можно бо́льшее количество продукта или продуктъ какъ можно лучшаго качества? Не руководиться такимъ разсчетомъ — это не въ силахъ человѣка, какъ не въ силахъ его не заботиться о томъ, чтобы вообще было ему лучше и легче*).

*) Пожалуй, и тутъ можетъ представиться возраженіе, но только уже отъ совершеннаго непониманія предмета. Могутъ сказать: наемный работникъ, а еще гораздо замѣтнѣе — работникъ при обязательномъ трудѣ не заботится ни о хорошемъ качествѣ продукта, ни о томъ, чтобы наработать много продукта. Разумѣется, нѣтъ; онъ заботится исключительно объ уменьшеніи своего труда, о томъ, чтобы работать какъ можно меньше. Разумѣется, каждый заботится о томъ, въ чемъ заинтересованъ. Если человѣкъ исполняетъ работу въ свою пользу, главная мысль у него наработать побольше или получше; если же не въ свою пользу, то главная мысль у него получить плату за количество работы, какъ можно меньшее, и если вы вникните въ этотъ второй случай, онъ окажется по принципу одинаковъ съ первымъ, хотя и противоположенъ ему по результатамъ для хозяина. Наемный работникъ получаетъ извѣстныя деньги, то есть право на пріобрѣтеніе извѣстной суммы продуктовъ за свою работу; и когда онъ старается работать какъ можно болѣе вяло, небрежно, онъ старается о томъ, чтобы эта сумма продуктовъ обошлась ему въ количество труда, какъ можно меньшее. Точно такой же разсчетъ и у работника, исполняющаго обязательный трудъ. Негръ содержится своимъ владѣльцемъ для работы; и когда работаетъ лѣниво, онъ заботится собственно о томъ, чтобы назначенное ему содержаніе пріобрѣталось для него сколь возможно меньшимъ количествомъ труда. Цѣль у работника-хозяина и у наемнаго работника одна и та же, — чтобы наименьшимъ количествомъ труда достигать наибольшаго результата; только формы этого стремленія различны, смотря потому, какой изъ двухъ терминовъ пропорціи принимается за величину опредѣленную: если количество труда (какъ у работника-хозяина), то выгодность пропорціи состоитъ въ увеличеніи продукта; если же количество продукта, выгодность пропорціи достигается уменьшеніемъ количества труда.

Но если принципъ сочетанія труда и возникающій изъ него обмѣнъ составляетъ степень экономическаго развитія, высшую, чѣмъ патріархальная система производства всѣхъ предметовъ потребленія въ самомъ семействѣ только для этого семейства, то и форма соперничества, которую принимаетъ экономическій разсчетъ на этой болѣе высокой ступени развитія, вѣроятно должна заключать въ себѣ при всей своей неудовлетворительности какіе нибудь элементы превосходства надъ формою разсчета, существующаго въ патріархальномъ производствѣ. Конечно такъ, и открыть эти элементы не трудно. Какія данныя для своей разсчетливости имѣетъ производитель въ патріархальномъ бытѣ? Только свой личный или фамильный опытъ, съ прибавкою довольно скудныхъ свѣдѣній о производствѣ у нѣкоторыхъ сосѣдей. Когда является биржа или возникаютъ хотя зародыши ея, ярморки и покупки товаровъ купцами для перепродажи, кругъ сравненія чрезвычайно расширяется. Являясь на базаръ, на ярмарку, на биржу, производитель видитъ свой товаръ сравниваемымъ съ подобными товарами всѣхъ производителей цѣлаго обширнаго округа или цѣлой страны, цѣлаго свѣта; формою сравненія успѣшности производства тутъ служитъ цѣна. Производитель возбуждается къ заботѣ объ усовершенствованіяхъ уже не одними своими личными наблюденіями и знакомствами, а всякимъ усовершенствованіемъ у кого бы то ни было, гдѣ бы то ни было достигнутымъ. Словомъ сказать, перевѣсъ соперничества надъ патріархальными средствами разсчета тотъ, что оно сближаетъ разсчеты гораздо большаго числа производителей.

Есть у него и другое преимущество. При патріархальномъ разсчетѣ остается на произволъ производителя принимать или не принимать даже тѣ усовершенствованія, съ которыми онъ знакомится изъ скудныхъ источниковъ свѣдѣній того быта. А въ человѣкѣ, кромѣ экономическаго разсчета, кромѣ стремленія въ выгодѣ, существуютъ наклонности, прямо противоположныя этому стремленію. Изъ нихъ главныя: наклонность пристращаться къ рутинѣ и обольщаться фальшивымъ самолюбіемъ. — „Э, проживемъ по прежнему. Отцы и дѣды не глупѣе насъ были,“ и т. д. — „Славны бубны за горами. — Я самъ не глупѣе другихъ,“ и т. д.

Нѣтъ надобности говорить, какъ часто эти враждебныя прогрессу наклонности подчиняютъ себѣ человѣка до того, что не дозволяютъ ему учиться и измѣнять способовъ своихъ дѣйствій сообразно его выгодѣ. При формѣ соперничества разсчетъ выгоды пріобрѣтаетъ силу физической необходимости; въ этой формѣ онъ довольно быстро одолѣваетъ и рутину и фальшивое самолюбіе.

Мы не распространяемся объ этихъ преимуществахъ, потому что они очень подробно и рѣзко выставляются на видъ въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи. Но признавая громадный перевѣсъ формы соперничества надъ формами патріархальнаго разсчета, мы не можемъ скрыть, что она все еще далеко не представляетъ удобствъ, требуемыхъ теоріею науки. Просимъ читателя не приписывать намъ того направленія мыслей, которое ясно отвергается всѣмъ ходомъ нашего изложенія. Когда кто нибудь находитъ недостатки въ настоящемъ или новомъ, консервативная толпа возражателей кричитъ, что онъ хочетъ возвратить старину. Въ большей части случаевъ крикъ этотъ поднимается только отъ ослѣпленія. Но дѣйствительно случается довольно часто и то, что экономическіе реформаторы или употребляютъ неосторожныя выраженія, или даже и на самомъ дѣлѣ допускаютъ въ своихъ понятіяхъ примѣсь предубѣжденій о достоинствахъ старины. Напримѣръ, доказывая неудовлетворительность соперничества, выражаются или думаютъ такъ, какъ будто лучше его были формы, имъ вытѣсняемыя. Мы не имѣемъ ничего подобнаго такому взгляду въ своихъ мысляхъ и стараемся (не знаемъ, успѣваемъ ли) выражаться такъ, чтобы не возбуждать ошибочныхъ мыслей въ этомъ отношеніи. Настоящее нимало не представляется для насъ удовлетворительнымъ; новое не представляется идеаломъ совершенства. Но кажется ясно бываетъ изъ нашихъ словъ, что мы судимъ тутъ по требованіямъ науки, по средствамъ, какими снабжаетъ она человѣка, а не по старинному еще менѣе удовлетворительному быту. Не о томъ рѣчь, лучше ли стараго новое, удовлетворительнѣе ли настоящее прошедшаго; рѣчь о томъ, не слѣдуетъ ли искать еще лучшаго и не имѣетъ ли человѣкъ уже и теперь средствъ ввести въ свой бытъ принципы, которые были бы на столько же лучше нынѣшнихъ, на сколько

нынѣшніе лучше какихъ нибудь чисто варварскихъ старинныхъ. Напримѣръ: если мы видимъ, что положеніе наемнаго работника неудовлетворительно, а работа его слишкомъ неуспѣшна, разумѣется, тутъ нѣтъ у насъ ничего подобнаго пристрастію къ какой бы то ни было формѣ невольничества, — наемный трудъ гораздо лучше невольническаго, тутъ и разсуждать нечего, это доказывается въ каждомъ курсѣ политической экономіи; — нѣтъ, у насъ въ виду другое положеніе, положеніе хозяина. Точно такъ же мы говоримъ и о принципѣ соперничества. Его недостатки — недостатки не по сравненію съ патріархальными формами разсчета, а съ тѣми формами, какихъ требуетъ разумъ.

Посмотримъ же, удовлетворительно ли дѣйствуютъ даже тѣ стороны соперничества, въ которыхъ состоитъ его преимущество надъ патріархальными формами разсчета.

Онъ облегчаетъ производителю узнавать усовершенствованія, сдѣланныя въ производствѣ другими, и оцѣнивать ихъ. Но какимъ способомъ получаются эти свѣдѣнія? — прямымъ ли, самымъ ли простымъ и вѣрнымъ? Простота и вѣрность способа конечно требуются теоріей. Простѣйшій и вѣрнѣйшій способъ распространенія свѣдѣній объ извѣстномъ дѣлѣ — то, когда человѣкъ знакомится прямо съ самымъ дѣломъ, а не съ одними его результатами. Напримѣръ, что лучше и выгоднѣе: знать тотъ фактъ, что извѣстный производитель разбогатѣлъ, или сверхъ того знать также методъ производства, которымъ онъ разбогатѣлъ? Знать, что англійскіе стальные инструменты хороши, или знать методъ ихъ выдѣлки? Соперничество знакомитъ только съ результатомъ, а не съ методомъ, которымъ достигается результатъ. Это — своего рода Пинетти: извольте смотрѣть, вотъ какія удивительныя вещи умѣетъ дѣлать этотъ искусникъ; а какъ онъ ихъ дѣлаетъ, какіе пріемы употребляетъ и по какому методу развилъ въ себѣ способность къ такимъ пріемамъ, этого вы извольте доискиваться сами. Да, соперничество держится метода секретности. То, что уже придумано однимъ, должны придумывать послѣ него еще сотни тысячъ лицъ. Экономно ли это? Способъ распространенія свѣдѣній по принципу соперничества неудовлетворителенъ. При неудовлетворительности способа, по которому распростра-

няются свѣдѣнія, конечно должны быть неудовлетворительны и средства къ практическому ихъ примѣненію. Лучше всего устроивается дѣло человѣкомъ, научившимся устраивать его. Моя польза въ томъ, чтобы становился моимъ руководителемъ тотъ, кто искуснѣе меня. При соперничествѣ практическое искусство — такой же секретъ, какъ и теоретическое знаніе. Кто выучился пользоваться изобрѣтеніемъ, выгода того требуетъ, чтобы другіе какъ можно дольше не пользовались имъ. Мы не говоримъ о вещахъ не честныхъ (и очень убыточныхъ для общества), до которыхъ слишкомъ часто доводитъ такое отношеніе: фабрикантъ старается мѣшать другому въ заведеніи фабрики, ремесленникъ старается разстроить дѣла другаго ремесленника; тутъ бываютъ безчисленныя интриги, обманы и т. д. Обратимъ вниманіе лишь на тѣ черты дѣла, которыхъ необходимо держаться каждому производителю, какъ бы ни былъ онъ честенъ. Онъ сталъ бы дѣйствовать во вредъ себѣ, то есть измѣнилъ бы своей обязанностью къ своему семейству, если бы помогалъ другимъ производителямъ принять усовершенствованный процессъ, слѣдовать которому научился. Онъ въ положеніи нашей знахарки, лекарство которой теряетъ силу, какъ только она научитъ кого нибудь другаго его употребленію. Такимъ образомъ при соперничествѣ искусство должно осуществляться неискусными руками, знаніе должно распространяться незнаніемъ.

Каковы способы и средства, точно такова же и норма оцѣнки. Она ставится внѣ предмета, въ его случайной принадлежности, — въ продажѣ и въ цѣнѣ. Объ этомъ мы уже говорили, замѣтили, что связь между стоимостью предмета и его продажною цѣною слишкомъ не вѣрна, а для успѣшности производства необходимо, чтобы разсчетъ производился по стоимости предмета.

Такимъ образомъ принципъ соперничества дѣйствуетъ далеко неудовлетворительно въ облегченіи производителю знакомства съ усовершенствованіями и сужденія о нихъ; точно такъ же дѣйствуетъ онъ и въ томъ отношеніи, чтобы ставить производителя въ необходимость руководиться въ производствѣ пріобрѣтеннымъ знакомствомъ съ улучшеніями. То правда, что руководиться этимъ знакомствомъ производитель будетъ принужденъ

при соперничествѣ, но въ какомъ смыслѣ необходимо ему руководиться знакомствомъ съ улучшеніями, въ хорошемъ или дурномъ, въ выгодномъ или убыточномъ для общества смыслѣ, этого принципъ соперничества не рѣшаетъ или, лучше сказать, часто рѣшаетъ это въ убыточномъ смыслѣ. Онъ внушаетъ только ту заботу, чтобы производить успѣшнѣе другихъ, имѣть преимущество надъ другими; это проимущество достигается худою успѣшностью работы другихъ, точно такъ же, какъ и усиленіемъ успѣшности собственной работы. Если взять верхъ усовершенствованіемъ собственной работы не трудно, производитель будетъ заботиться объ этомъ; если же это кажется ему трудно, онъ обращается къ легчайшему способу,—старается мѣшать другимъ.

Мы разсматривали неудовлетворительность принципа соперничества съ теоретической точки зрѣнія, излагали его недостатки въ отвлеченныхъ понятіяхъ. Какими результатами отражается теоретическая неудовлетворительность его на практикѣ, очень подробно изложено во многихъ книгахъ. Каждый читатель знакомъ съ этою практическою стороною: промышленная непріязнь между разными странами, разными провинціями одной страны, разными производителями одной провинціи; экономическая непріязнь между сословіями; слишкомъ рискованные обороты, кончающіеся промышленными кризисами,—обо всемъ этомъ говорили мыслители, послѣ которыхъ наши слова о томъ же были бы слишкомъ слабы. Мы хотѣли обратить вниманіе читателя на то, что всѣ эти вредныя явленія практической жизни коренятся въ самомъ принципѣ, въ самой логикѣ соперничества, никакъ не могутъ быть устранены отъ него, и обратимъ вриманіе лишь на одно изъ этихъ практическихъ отношеній по элементу, который съ особенною силою выставляется Миллемъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Курсъ Милля весь проникнутъ глубокимъ сознаніемъ важности Мальтусовой теоремы. Если размноженіе идетъ быстрѣе, чѣмъ слѣдовало бы по прогрессу промышленнаго развитія страны, масса населенія необходимо терпитъ нужду; положеніе массы можетъ улучшиться только тогда, если сократится размноженіе, — вотъ мысли, которыя постоянно твердитъ Милль. Мы старались дока-

зать, что коренная причина нужды теперь не въ чрезмѣрности размноженія, а въ элементахъ, болѣе фундаментальныхъ; что при устраненіи этихъ элементовъ, зависящихъ отъ самого человѣка, размноженіе ни теперь, ни въ теченіе долгихъ вѣковъ еще не могло бы вредить благосостоянію массы. Но если эти элементы остаются, то Мальтусъ вполнѣ правъ. Когда человѣкъ нездоровъ, ему необходимо воздерживаться отъ пищи, которая была бы не вредна, а здорова ему здоровому. Такъ при нынѣшнихъ экономическихъ отношеніяхъ вредно обществу размноженіе. Посмотримъ же, какую связь съ размноженіемъ имѣетъ принципъ соперничества.

Соперничество имѣетъ въ виду цѣну. Цѣна продукта слагается изъ разныхъ элементовъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть въ последнемъ анализѣ оказывается только видоизмѣненіемъ рабочей платы. Слѣдовательно, при соперничествѣ всѣ наниматели труда влекутся понижать рабочую плату. Рабочая плата опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія. Чѣмъ больше людей, ищущихъ рабсты, тѣмъ ниже рабочая плата; слѣдовательно, прямая выгода каждаго нанимателя труда состоитъ въ томъ, чтобы людей, ищущихъ работы, являлось какъ можно больше, то есть, чтобы простонародье размножалось какъ можно быстрѣе. Смотрите же теперь, какое противорѣчіе: чтобы улучшилось положеніе работника, должно уменьшиться размноженіе; чѣмъ меньше будетъ масса простонародья, тѣмъ лучше будетъ каждому простолюдину; но чѣмъ больше будетъ размножаться простонародье, тѣмъ выгоднѣе нанимателю труда; слѣдовательно, на сколько размноженіе убыточно цѣлому обществу и каждому простолюдину, на столько же оно выгодно сословію господствующему надъ экономическими явленіями.

Почему Милль не выставляетъ этотъ результатъ соперничества такъ же настойчиво, какъ выставляетъ Мальтусову теорему? Просто потому, что онъ не надѣется на возможность формы экономическаго разсчета, которая замѣнила бы собою соперничество. Надобно дѣйствительно сказать, что практическое принятіе обществомъ такой формы экономическаго разсчета, которая была бы удовлетворительнѣе соперничества, — дѣло очень трудное при

нашихъ привычкахъ, требующее очень большаго прогресса въ понятіяхъ и обычаяхъ. Это мы должны видѣть изъ характера тѣхъ самыхъ недостатковъ, которые нашли въ соперничествѣ.

Коренной недостатокъ соперничества тотъ, что нормою разсчета беретъ оно не сущность дѣла, а внѣшнюю принадлежность его (не стоимость, а цѣну). Слѣдовательно, чтобы принципъ соперничества замѣнился хорошею формою разсчета, нужна очень твердая привычка судить о вещахъ по ихъ натурѣ, а не по внѣшнимъ признакамъ или случайнымъ послѣдствіямъ. Чтобы сознательно и тведо держаться такого принципа, людямъ нужно пріобрѣсти гораздо бо̀льшую твердость мыслей, чѣмъ къ какой способно теперь огромное большинство не однихъ простолюдиновъ, но и образованныхъ сословій. Если бы не существовало въ массѣ общества элементовъ, сильно ведущихъ къ такому укрѣпленію, надобно было бы сказать, что перспектива эта слишкомъ еще далека отъ нашего времени. Но существуютъ экономическіе элементы, сильно помогающіе прогрессу разсчетливости, требуемой теоріею. Общество раздѣляется въ экономическомъ отношеніи на двѣ части. Одну, конечно, всегда малочисленную по количеству, составляютъ люди, изъ которыхъ у каждаго доходъ получается въ послѣднемъ анализѣ не столько отъ его собственнаго труда, сколько отъ поступленія въ его пользу части труда нѣсколькихъ или многихъ другихъ людей. Человѣку въ такомъ положеніи невыгодна была бы оцѣнка вещей и заслугъ по ихъ сущности. Весь или почти весь доходъ его извлекается изъ преувеличенной оцѣнки его трудовъ или заслугъ по какому нибудь предубѣжденію, или по рутинѣ, или по какому нибудь фальшивому признаку. Не таковъ интересъ другой, несравненно многочисленнѣйшей части общества, составляемой людьми, изъ которыхъ каждый не только не получаетъ въ свою пользу часть труда или продукта другихъ, но и продуктомъ своего труда или заслугъ пользуется не вполнѣ, оставляя бо̀льшую или меньшую долю его въ пользу кого нибудь изъ первой части общества. Для человѣка, который долженъ разсчитывать лишь на свой трудъ, лишь на свои дѣйствительныя заслуги, оцѣнка вещей по ихъ существенному достоинству выгодна. Какъ только кто изъ такихъ людей

пріобрѣтаетъ привычку мыслить, онъ влечется своими мыслями къ переоцѣнкѣ предметовъ по ихъ сущности, находя подъ возбужденіемъ личнаго интереса неосновательными тѣ оцѣнки, какія установились по интересу классовъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Необходимость честной трудовой жизни дѣлаетъ человѣка нерасположеннымъ къ обольщенію. А масса націи въ каждой цивилизованной странѣ просвѣщается теперь, если и не съ восхитительною быстротою, то все-таки довольно замѣтно, и не очень далеко время, когда она пріобрѣтетъ способность судить о вещахъ своимъ умомъ по своимъ интересамъ. Соразмѣрно успѣхамъ ея умственной жизни, будетъ входить въ экономическія дѣла и норма разсчета, сообразная съ выгодами человѣчества.

Другой недостатокъ соперничества — то, что оно, кромѣ хорошаго способа пріобрѣтать выгоду, оставляетъ человѣку и противоположный, дурной способъ: человѣкъ выигрываетъ при соперничествѣ не только отъ успѣшности своей работы, но и отъ неуспѣшности работы другихъ. Очевидно, что этотъ второй вредъ происходитъ изъ перваго кореннаго недостатка, о которомъ мы сейчасъ говорили. Существенное достоинство предмета находится въ качествахъ самого предмета, а не въ томъ, лучше или хуже его другіе предметы того же разряда. Говорятъ: „годность предмета узнается по сравненію.“ Дѣйствительно; но по сравненію съ чѣмъ? Съ требованіями, какія надобно имѣть отъ этого предмета, съ потребностями человѣческой натуры, которыя должны быть удовлетворяемы этимъ предметомъ. Хорошая ли для торговыхъ дѣлъ рѣка — рѣка Темза? Очень хорошая, потому что самыя большія суда ходятъ по ней свободно, и настолько она широка, что просторно на ней всѣмъ судамъ, сколько бы ни пришло ихъ. Послѣ этого какая же надобность разсуждать, что Миссиссипи гораздо шире Темзы, а какая нибудь рѣчка Безъимянка гораздо уже и мельче ея? Отъ этихъ сравненій Темза нисколько не оказывается болѣе удобною или менѣе удобною для торговли, чѣмъ безъ нихъ. Хорошая ли рѣка — рѣка Темза по снабженію людей водою для питья? Рѣшительно негодная рѣка, потому что вода въ ней грязная и вонючая. Что же можетъ она проиграть въ этомъ отношеніи чрезъ сравненіе съ Невой, въ

которой вода для питья прекрасная? Вѣдь и безъ этого сравненія вода Темзы уже оказывалась совершенно непригодною для питья. Или что она выиграетъ отъ сравненія съ той же рѣчкой Безъимянкой, которая завалена навозомъ, такъ что вода въ ней не просто грязная и вонючая вода, а густѣйшій навозный настой? Развѣ меньше грязи и вони будетъ въ водѣ Темзы, если мы скажемъ, что существуютъ рѣчки еще болѣе вонючія? Норма сравненія для предмета — потребности того человѣческаго дѣла, на которое долженъ служить предметъ. По степени своей пригодности къ дѣлу, предметы одного разряда распредѣляются на хорошіе и дурные, очень или просто хорошіе или дурные. Но самое отношеніе извѣстнаго предмета къ дѣлу, то есть и существенное достоинство этого предмета нимало не выигрываетъ и не проигрываетъ отъ того, много ли предметовъ находится въ классахъ выше, чѣмъ онъ, и въ классахъ низшихъ, чѣмъ онъ. Вамъ угодно судить объ этомъ кускѣ сукна, продающагося по два рубля за аршинъ. На что вамъ нужно это сукно? На то, чтобъ имѣть платье теплѣе бумажнаго, или полотнянаго, или шелковаго? Если такъ, вы не найдете сукна, которое лучше этого куска удовлетворяло бы вашей надобности: оно плотно, прочно, не тяжело, мягко. Всѣми этими качествами обладаетъ оно, если говорить практически, въ совершенствѣ. Сравнивайте его съ какимъ хотите сукномъ, эти его качества не увеличатся и не уменьшатся. Разсматривайте со всевозможною внимательностью самый этотъ кусокъ, чтобы убѣдиться въ его качествахъ, а сравнивать его ни съ сермягою, ни съ высшими сортами сукна нѣтъ вамъ никакой надобности.

Или, нѣтъ, есть надобность: надобно удостовѣриться, стоитъ ли онъ по 2 рубля аршинъ. Но эта надобность не принадлежитъ къ сущности дѣла; она происходитъ оттого, что вы не знаете ни стоимости этого сукна, ни того, правильно ли назначается купцомъ цѣна. Слѣдовательно, чтобы судить о продуктѣ по его собственнымъ качествамъ, а не по сравненію съ другими предметами того же рода, нужны два условія: надобно, чтобы производство предмета велось открыто, какъ ведутся счетныя книги акціонерныхъ обществъ; надобно также, чтобы предметы оцѣни-

вались столь же открыто по этой явной для всѣхъ стоимости. Вотъ условія, безъ которыхъ невозможно замѣненіе принципа соперничества формою экономическаго разсчета, болѣе удовлетворительною. — Чтобы производство велось открыто, для этого нужно, чтобы самъ потребитель былъ хозяиномъ производителемъ. Счеты по коммерческому дѣлу открыты лишь хозяевамъ дѣла. Чтобы оцѣнка продукта дѣлалась по его стоимости, для того опять нужно, чтобы некому было выигрывать отъ оцѣнки предмета выше его стоимости, то есть опять нужно, чтобы потребитель самъ былъ и производителемъ. А при нынѣшнихъ формахъ производства, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, это чистая невозможность. Подумайте только: вѣдь тутъ предполагается, что кто пашетъ землю, тотъ имѣетъ на своемъ столѣ хлѣбъ, лучше котораго нѣтъ ни у кого въ цѣлой націи; а кому угодно носить бархатное платье, тотъ самъ долженъ сидѣть за станкомъ, чтобы выткать бархатъ (мимоходомъ говоря, надобно думать, что при такомъ условіи мало нашлось бы охотниковъ до бархата). — Читателю извѣстны формы экономическаго устройства, посредствомъ которыхъ должны быть достигнуты эти условія. Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы работники пріобрѣли искусство сами управлять предпріятіями, въ которыхъ работаютъ: цѣль новыхъ формъ та, чтобы работники сдѣлались изъ наемныхъ людей хозяевами; а хозяинъ, разумѣется, долженъ самъ имѣть неослабный надзоръ за предпріятіемъ и за всѣми людьми, которые завѣдываютъ тою или другою стороною его. При нынѣшнемъ своемъ развитіи большинство простолюдиновъ, даже и въ передовыхъ странахъ, еще слишкомъ мало подготовлено къ этому. Но и здѣсь опять мы должны сказать, что время подготовки значительно сокращается очевидностью большой выгоды новыхъ формъ для простолюдиновъ.

Послѣ этихъ разъясненій уже самъ собою ясенъ становится характеръ той высшей формы экономическаго разсчета, которою должно замѣниться соперничество, когда заинтересованныя въ этой замѣнѣ сословія пріобрѣтутъ самостоятельность мысли и привычку къ веденію промышленныхъ предпріятій. Нормою разсчета по требованію теоріи должна быть самая сущность разсчи-

тываемаго дѣла, то есть стоимость продукта. Производители, работая сами на себя, будутъ, конечно, соображать не случайную принадлежность продукта, цѣну, потому что главная масса ихъ продуктовъ вовсе и не пойдетъ на рынокъ, не будетъ выходить изъ ихъ рукъ, стало быть и не будетъ искать себѣ цѣны; работая на собственное потребленіе, они будутъ соображать коренные элементы дѣла: мы располагаемъ извѣстнымъ количествомъ рабочаго времени и рабочихъ силъ; въ какой пропорціи выгоднѣе всего для насъ распредѣлить эти силы, это время между разными производствами на удовлетвореніе разныхъ своихъ надобностей? Основаніемъ разсчета тутъ будетъ служить классификація надобностей съ соображеніемъ того, какая доля труда можетъ быть обращена на удовлетвореніе извѣстной надобности безъ вреда для другихъ надобностей, не менѣе или болѣе настоятельныхъ. Чтобы яснѣе было это, разсмотримъ гипотетическій случай.

Предположимъ, что существуетъ акціонерное общество, состоящее изъ 2000 населенія, въ числѣ которыхъ находятся 500 взрослыхъ работниковъ. (Мы, для краткости, будемъ считать трудъ работника представителемъ труда и работницы и дѣтей или стариковъ, составляющихъ одну единицу домашняго быта съ этимъ работникомъ). Предположимъ, что, за исключеніемъ праздничныхъ дней и болѣзней, приходится 300 рабочихъ дней въ году на человѣка, и что рабочій день считается въ 10 часовъ.

Въ такомъ случаѣ общество имѣетъ въ теченіе года 1,500,000 рабочихъ часовъ. Вотъ фондъ, которымъ оно располагаетъ на удовлетвореніе своихъ надобностей. Теперь слѣдуетъ ему сообразить свои потребности.

Пища, едва достаточная на поддержаніе жизни (скудная по количеству, дурная по качеству), можетъ быть произведена количествомъ труда 100 часовъ на человѣка; для снабженія цѣлаго общества такою пищею потребуется 200,000 рабочихъ часовъ. Для снабженія человѣка изобильною и разнообразною пищею хорошаго качества нужно вдвое больше труда, 200 часовъ на человѣка или 400,000 на общество. Для доставленія роскошнаго стола съ разными прихотями нужно еще вдвое больше труда, 400 часовъ на человѣка, 800,000 часовъ на общество.

Постепенное обзаведеніе хорошими жилищами и ремонтъ ихъ, вмѣстѣ съ топливомъ, требуетъ 150 часовъ на человѣка или 300,000 на цѣлое общество. Очень дрянныя жилища, кое-какъ отапливаемыя, требуютъ втрое меньше труда, 50 часовъ на человѣка, 100,000 на общество; а роскошныя жилища — втрое больше, 450 часовъ на человѣка, 900,000 на цѣлое общество.

Для снабженія человѣка порядочною одеждою въ нужномъ количествѣ надобно 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое общество. Если людямъ ходить оборванными или полунагими, на это потребуется труда вчетверо менѣе, по 25 часовъ на человѣка, 250,000 на общество. Роскошные наряды будутъ стоить труда, въ четыре раза большаго, 400 часовъ на человѣка, 800,000 на цѣлое общество.

Соединяя въ одну статью всѣ мелкія надобности домашняго быта, мы положимъ, что на порядочное удовлетвореніе ихъ нужно 50 часовъ работы на человѣка, 100,000 на цѣлое общество; но кое-какъ перебиваться можно количествомъ работы, въ пять разъ меньшимъ: 10 часовъ на человѣка, 20,000 на общество; а роскошь въ этихъ мелкихъ потребностяхъ будетъ требовать труда въ пять разъ большаго, то есть 250 часовъ на человѣка, 500,000 на общество.

Но кромѣ домашнихъ надобностей каждой отдѣльной группы близкихъ между собою людей, есть надобности цѣлаго общества; напримѣръ, ему нужны общественныя заботы о воспитаніи, о путяхъ сообщенія, объ охраненіи продуктовъ и лицъ. Скудное удовлетвореніе этимъ надобностямъ обойдется въ 20 часовъ на человѣка, въ 40,000 на общество; хорошее удовлетвореніе потребуетъ труда, въ 5 разъ большаго, то есть 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое общество. При роскошномъ удовлетвореніи понадобится конечно еще гораздо больше труда, но тутъ всякая излишняя трата противъ того, что нужно для хорошаго удовлетворенія — уже очевидно бываетъ не удовлетвореніемъ общественной надобности, а просто общественнымъ дурачествомъ; и вотъ открывается еще одинъ предметъ, стоющій расходовъ труда, —

Общественныя дурачества. По предметамъ дѣйствительной

общественной надобности сюда принадлежатъ, какъ мы сейчасъ сказали, расходы на приданіе дѣлу фальшиваго блеска, безполезнаго или даже вреднаго для дѣла. Но гораздо обширнѣйшій предметъ расхода составляютъ по разряду общественныхъ дурачествъ дѣла, не только при излишней роскоши исполненія, но и при всякомъ исполненіи, скудномъ, посредственномъ, роскошномъ, прямо вредныя благосостоянію общества; напримѣръ, расходы на пріобрѣтеніе перевѣса надъ другими обществами въ могуществѣ или политическомъ вліяніи, главнымъ образомъ войны съ разными своими принадлежностями. При хорошемъ общественномъ разсчетѣ такихъ дурачествъ вовсе не дѣлается. Самое скудное удовлетвореніе такимъ дурачествамъ обходится очень дорого, положимъ въ 200 часовъ на человѣка, 400,000 на цѣлое общество; а роскошное удовлетвореніе обходится несравненно дороже, напримѣръ въ 500 часовъ на человѣка, 1,000,000 на цѣлое общество.

Вотъ теперь мы имѣемъ данныя для соображенія расходовъ, какихъ потребуетъ удовлетвореніе общественнымъ надобностямъ и прихотямъ въ разныхъ степеняхъ.

	Скудное удовлетвореніе.		Хорошее удовлетвореніе.		Роскошное удовлетвореніе.	
	На человѣка.	На общество.	На человѣка.	На общество.	На человѣка.	На общество.
Пища	100	200,000	200	400,000	400	800,000
Жилище	50	100,000	150	300,000	450	900,000
Одежда.	25	50,000	100	200,000	400	800,000
Мелкія домаш. надобности.	10	20,000	50	100,000	250	500,000
Общественныя надобности.	20	40,000	100	200,000	100	200,000
Общественныя дурачества.	200	400,000	»	»	500	1,000,000
Итого.	405	810,000	600	1,200,000	2,100	4,200,000

Общество имѣетъ на удовлетвореніе своимъ надобностямъ и желаніямъ 1,500,000 часовъ. Стало быть о роскошномъ удовлетвореніи потребностей въ полномъ ихъ размѣрѣ нечего ему и думать: разумѣется, при нынѣшнемъ состояніи понятій и привычекъ роскошь пріятнѣе простаго изобилія; но что же дѣлать, когда не достаетъ для нея средствъ? Вѣдь если бы общество изъ

любви къ роскоши въ домашнемъ быту и удержалось отъ всякихъ общественныхъ дурачествъ, еслибъ оно пожертвовало для той же цѣли и всѣми общественными надобностями, все-таки на одну роскошь въ домашнемъ быту понадобилось бы 3,000,000 часовъ, — вдвое больше, чѣмъ имѣетъ общество. Но свои 1,500,000 часовъ оно можетъ распредѣлить по удовлетворенію разныхъ надобностей и желаній очень различными способами. Напримѣръ, оно можетъ расположить дѣло такимъ манеромъ:

Пусть одна десятая часть членовъ общества (200 человѣкъ) имѣетъ полную роскошь въ своемъ домашнемъ быту; для этого нужно по 1,500 часовъ на человѣка, слѣдовательно на 200 человѣкъ	300,000	часовъ.
Пусть вдвое бо̀льшее число людей, то есть 400 человѣкъ или двѣ десятыхъ доли общества живутъ въ домашнемъ быту изобильно; для этого нужно по 500 часовъ на человѣка, то есть на 400 человѣкъ	200,000	—
Остальная масса общества, то есть семь десятыхъ частей его или 1,400 человѣкъ, пусть живетъ въ до̀машнемъ быту скудно; для этого нужно по 185 часовъ на человѣка, то есть на 1,400 человѣкъ	259,000	—
Общественныя надобности пусть удовлетворяются скудно; на это нужно	40,000	—
Всего изъ 1,500,000 часовъ расходуется на эти предметы	799,000	—
Слѣдовательно остается на общественныя дурачества	701,000	часовъ.

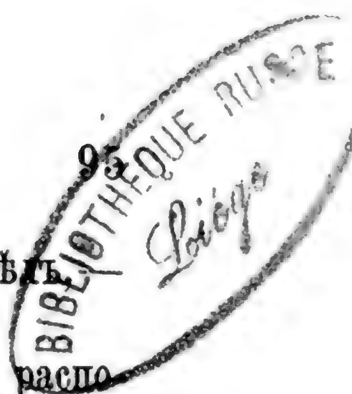
Вотъ такимъ маперомъ обыкновенно и распредѣляется общественный трудъ, когда дѣло ведется безъ точнаго соображенія расходовъ со средствами, безъ вниманія къ степени настоятельности той или другой человѣческой надобности, по безразсчетнымъ прихотямъ, по всякимъ случайнымъ капризамъ. Общій видъ исторіи до сихъ поръ былъ въ этомъ родѣ, лишь съ очень не-

многими, да и то почти во всѣхъ случаяхъ кратковременными отступленіями отъ обычной безразсчетливости. Тутъ не надобно нисколько винить человѣческую натуру; да и размѣръ общественныхъ средствъ тутъ виноватъ лишь въ обществахъ совершенно дикихъ, еще не познакомившихся съ способами придавать труду успѣшность. Въ обществахъ не то, что цивилизованныхъ, а даже и во всѣхъ тѣхъ, которыя успѣли выйти хотя изъ грубѣйшаго дикарства, стали осѣдлыми, земледѣльческими, — не только въ нынѣшней Англіи или въ Германіи, а даже въ Англіи IX вѣка, въ Германіи X вѣка, въ нынѣшней Персіи, въ нынѣшней Малой Азіи трудъ по степени своей внутренней успѣшности уже могъ бы содержать общество въ благосостояніи. А человѣческая натура опять-таки невиновата, если дѣло выходитъ плохо, когда человѣкъ дѣйствуетъ безразсчетно, на удачу: тутъ виноватъ только недостатокъ разсчета. Какъ бы ни былъ уменъ, распорядителенъ, дѣятеленъ банкиръ, какъ бы ни былъ онъ скроменъ въ личныхъ своихъ расходахъ, остороженъ и добросовѣстенъ въ своихъ операціяхъ, его дѣла тотчасъ разстроются, онъ обанкрутится самъ и разоритъ всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло, если ведетъ дѣла безъ бухгалтерскихъ книгъ, полагаясь на одну свою память и сообразительность. А общественное хозяйство несравненно обширнѣе, многосложнѣе всякаго банкирскаго дѣла. На угадъ, по памяти, по глазомѣру можно вести лишь свое частное хозяйство человѣку, у котораго оно очень не велико, да и у него, какъ бы благоразуменъ ни былъ онъ, часто будутъ оказываться въ хозяйствѣ прорѣхи, если не ведетъ онъ приходо-расходныхъ книгъ. А такихъ книгъ еще ни въ одномъ обществѣ не заведено. Сколько рабочихъ силъ находится, положимъ, во Франціи? Это никому неизвѣстно; говорится объ этомъ лишь на угадъ, въ такомъ родѣ: число взрослыхъ мужчинъ, способныхъ къ работѣ, вѣроятно около 9,000,000, а можетъ быть только 7,000,000; изъ нихъ производительнымъ трудомъ занимаются четыре пятыхъ части, а можетъ быть только три пятыхъ части; число взрослыхъ здоровыхъ женщинъ, помогающихъ труду, можетъ быть таково же, а можетъ быть и гораздо меньше, потому что слишкомъ многія женщины даже и въ рабочемъ классѣ отвле-

чены отъ дѣльной работы хлопотами, въ которыхъ трудъ тратится слишкомъ безуспѣшно; а можетъ быть число женщинъ, помогающихъ мужчинамъ въ дѣльной работѣ, и больше мужчинъ, занятыхъ ею, потому что женщина не берется въ солдаты, не берется въ бюрократическія должности; стало быть число женщинъ, работу которыхъ надобно считать производительной, можно считать отъ 3 $^1/_2$ милл. (половина изъ 7 милл.) до 8 милл. (восемь десятыхъ частей изъ (9 милл.); отношеніе успѣшности труда этихъ женщинъ къ труду мужчинъ можно считать только за одну половину единицы мужскаго труда, а можно считать и за три четверти. Посмотрите же, какая удовлетворительная точность получается изъ этихъ глазомѣрныхъ соображеній:

Производительныхъ работниковъ во Франціи отъ (7,000,000×0,6=) .	4,200,000	
до (9,000,000×0,8=) .		7,200,000
Трудъ женщинъ, участвующихъ въ производительномъ трудѣ, составляетъ такихъ же единицъ труда, отъ (3,500,000×0, 5=) . . .	1,750,000	
до (8,000,000×0,75=) . . .		6,000,000
Итого, Франція имѣетъ единицъ производительнаго труда отъ . . .	5,950,000	
до . . .		13,200,000

Какой прочный фундаментъ для хорошаго веденія дѣлъ! Какъ вы полагаете, можетъ ли хорошо вести свои дѣла негоціантъ, который, задавая себѣ вопросъ: „какъ великъ мой капиталъ?“ умѣетъ отвѣчать себѣ только: „не знаю, а вѣроятно не меньше 60 тысячъ, и не больше 130 тысячъ;“ который, спросивъ себя: „сколько у меня работниковъ на фабрикѣ?“ умѣетъ отвѣчать себѣ только: „не знаю хорошенько, а должно быть не меньше 600, и не больше 1,300,“ — какъ вы полагаете, могутъ ли хорошо идти экономическія дѣла этого негоціанта и отчего идутъ они плохо? Оттого ли, что работники у него — плохой народъ, или оттого, что капиталъ у него малъ? Нѣтъ, работники, можетъ быть, очень хороши и капиталъ достаточенъ; вся бѣда оттого,

что онъ не соблюдаетъ перваго условія экономическихъ дѣлъ, не ведетъ счетовъ.

Что мы говорили о разсчетѣ рабочихъ силъ, которыми располагаетъ общество, точно то же надобно сказать и о количествѣ труда, требующагося на хорошее удовлетвореніе той или другой потребности. Спросите кого хотите, никто не умѣетъ сказать вамъ, сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьезныхъ надобностей для извѣстнаго числа людей. Только по постройкѣ жилищъ дѣлаются смѣты подобнаго рода архитекторами, да и тутъ счетъ не доводится до конца: считается, сколько рабочихъ дней должны употребить на постройку дома каменьщики, столяры, кровельщики, — работники, прямо трудящіеся надъ этимъ домомъ; а какого количества работъ стоитъ ремонтъ орудій, ими употребляемыхъ, и производство матеріаловъ постройки, этого никто не считаетъ: кирпичъ, лѣсъ, желѣзо вносятся въ смѣту не количествомъ рабочихъ силъ, какихъ стоили, а своею рыночною цѣною; ремонтъ орудій не составляетъ особенной статьи, а безъ всякаго разсчета входитъ въ оцѣнку рабочей платы. Стало быть и по постройкѣ жилищъ не подведенъ разсчетъ съ способомъ, какого требуетъ наука. Но вѣдь постройка жилищъ — лишь одна часть расходовъ труда на этотъ предметъ: нуженъ ремонтъ построенныхъ жилищъ; по этой статьѣ расхода не составляются полнымъ образомъ смѣты даже и по такой неполной формѣ, какъ для постройки.

А по удовлетворенію другихъ надобностей домашняго быта ни о чемъ подобномъ еще и не думалъ никто ни изъ экономистовъ школы Адама Смита, ни изъ людей, имѣющихъ прямое вліяніе на общественныя дѣла. Составлялись бюджеты среднихъ расходовъ семейства въ томъ или другомъ общественномъ положеніи и смѣты доходовъ его, преимущественно въ простонародномъ бытѣ и въ бытѣ мелкихъ чиновниковъ; но бюджеты расходовъ составлялись по цѣнамъ вещей, а бюджеты доходовъ по вознагражденію въ денежномъ счетѣ; а это все совершенно не то, что нужно сдѣлать.

Не знаемъ, удалось ли намъ возбудить въ читателѣ отчетливое представленіе о положеніи дѣлъ, нами разсматриваемомъ. Если

удалось, онъ, пожимая плечами, говоритъ: „чего путнаго можно ждать при такомъ отсутствіи разсчета? Количество средствъ, какими располагаетъ общество, совершенно неизвѣстно; количество средствъ, нужное для удовлетворенія той или другой человѣческой потребности въ томъ или другомъ размѣрѣ, также совершенно неизвѣстно. Какого тутъ можно ждать порядка, какой можно ждать разсудительности въ экономическихъ дѣлахъ общества?"

Рутинные политико-экономы нимало не конфузятся этимъ: по ихъ мнѣнію, и нѣтъ надобности ни въ какомъ счетѣ, ни въ какой сообразительности обществу: все разсчитывается и улаживается безъ помощи сознательнаго разсужденія со стороны общества, естественнымъ дѣйствіемъ механизма цѣнъ и индивидуальныхъ интересовъ. Объ этомъ вѣроятно придется намъ подробнѣе говорить, когда будемъ излагать содержаніе III-й книги Милля, объ обмѣнѣ. А теперь, не вдаваясь въ техническія подробности, которымъ будетъ мѣсто въ одной изъ слѣдующихъ статей, мы разсудимъ объ основномъ принципѣ такого мнѣнія.

Мало ли есть въ природѣ разныхъ естественныхъ силъ, дѣйствіемъ которыхъ движутся человѣческія дѣла и живетъ самъ человѣческій организмъ; мало ли есть и въ самомъ человѣческомъ организмѣ силъ и стремленій, дѣйствующихъ самобытно и безъ всякаго преднамѣреннаго разсчета человѣческой сообразительности. Что же, есть ли изъ этихъ безчисленныхъ силъ природы и человѣческаго организма хотя одна, которая сама собою, безъ управленія сознательнымъ человѣческимъ соображеніемъ, дѣйствовала бы такъ, какъ нужно для пользы человѣка? Вотъ идетъ дождь, падаетъ роса, сами собою; что же, всегда нива получаетъ отъ нихъ самихъ столько влаги, сколько нужно для успѣшнаго роста хлѣба? Нѣтъ, изъ 100 лѣтъ развѣ въ одно, время и количество дождя и время сухой погоды расположатся сами собою наивыгоднѣйшимъ образомъ для роста хлѣба; въ остальныя 99 лѣтъ дождя падаетъ или больше или меньше, чѣмъ нужно, или не тогда, когда нужно; быть можетъ въ половинѣ этихъ лѣтъ отступленія отъ нужной для человѣка нормы не чрезмѣрно велики и хлѣбу удается вырости порядочно, хотя

вырось бы онъ лучше, если бы въ этотъ разъ дождь упалъ нѣсколькими днями раньше, въ другой нѣсколькими днями позже, въ этотъ разъ былъ нѣсколько разъ посильнѣе, въ другой разъ не былъ такъ силенъ. А сколько бываетъ лѣтъ очень тяжелаго неурожая то отъ чрезмѣрной засухи, то отъ чрезмѣрнаго количества дождей? Значитъ, сила дождя и ясной погоды дѣйствуетъ сама собою неудовлетворительно для человѣческихъ надобностей. Можете говорить, что человѣкъ еще не въ состоянiи руководить дѣйствiями этихъ силъ; но не говорите же, что не нуждался бы онъ въ томъ, чтобы руководить ими; что онѣ уже и сами собою дѣйствуютъ, какъ нельзя лучше для него. Да и въ томъ, что еще не можетъ онъ теперь руководить ими, вы будете правы лишь отчасти: кое-что онъ уже можетъ сдѣлать, кое-что онъ уже и дѣлаетъ: онъ устроиваетъ искуственную поливку, онъ устраиваетъ дренажъ. Разумѣется, эти опыты пока еще слабы, ничтожны сравнительно съ общей массой нивъ. Но вѣдь силы человѣка ростутъ, скоро онъ будетъ въ состоянiи дѣлать гораздо больше; да и теперь уже могъ бы дѣлать значительно больше, если бы употребилъ на то всѣ силы, какими можетъ располагать, если бы не тратилъ этихъ силъ на пустяки, если бы научился цѣнить дѣла по ихъ истинной важности, да не сбивался бы съ толку предразсудкомъ, что дескать и само собою все хорошо идетъ. Возьмите, какую хотите, другую естественную силу природы, вы увидите тоже самое: каждая дѣйствуетъ безъ всякаго постояннаго отношенiя къ надобностямъ человѣка: иной разъ, какъ нужно для нихъ, въ другой разъ во вредъ имъ, какъ случится; только чрезвычайно рѣдко случается, чтобы когда нибудь какая нибудь сила дѣйствовала совершенно такъ, какъ нужно человѣку, а слишкомъ часто, что она дѣйствуетъ чрезвычайно вредно для него. И разсудите сами, можетъ ли быть иначе, когда она дѣйствуетъ сама собою, безъ управленiя человѣкомъ? Развѣ она беретъ въ разсчетъ его нужды или желанiя? Бросайте горошину на Соломоновъ кругъ, иной разъ упадетъ она и на ту цифру, какой вамъ хочется, нерѣдко упадетъ близко къ этой цифрѣ; ну, а большею частью, какъ она упадетъ? Вовсе не такъ, какъ вамъ хочется.

Или вы думаете, что силы самаго организма человѣка не нуждаются въ руководствѣ соображеніемъ? Вѣдь еслибы мы не разсуждали объ интересѣ своего здоровья или не разсчитывали непріятныхъ ощущеній отъ излишняго обремененія желудка, почти каждый изъ насъ былъ бы обжорою, почти каждый — пьяницею, и безпрестанно каждый изъ насъ ѣлъ бы и пилъ бы ядовитыя вещества, — развѣ нѣтъ между ними очень пріятныхъ на вкусъ? Посмотрите на ребенка, на бушмена, у которыхъ нѣтъ соображенія въ этомъ дѣлѣ: они безпрестанно обжираются, и готовы ѣсть и ѣдятъ богъ-знаетъ какую дрянь. Всякая другая потребность организма, всякое другое стремленіе человѣка точно также нуждается въ руководствѣ соображенія. Возьмите расположеніе къ физической любви или къ идеальной довѣрчивости, возьмите добродушіе, разговорчивость, — всякая изъ этихъ наклонностей дѣлаетъ человѣку неисчислимый вредъ, когда нисколько не руководится разсудкомъ. Да и какъ быть иначе? Вѣдь что такое называется соображеніемъ, разсудкомъ, разсчетливостью? Сложеніе всѣхъ данныхъ, всѣхъ фактовъ и обстоятельствъ, причинъ и вѣроятныхъ послѣдствій; вѣдь только эта сила соображенія — представительница цѣлаго человѣческаго организма со всѣми его потребностями, силами и зависимостями отъ внѣшней природы; вѣдь только черезъ посредство ея человѣкъ является полнымъ человѣкомъ. Всѣ другія силы — частныя силы, односторонія, не обнимающія ни всего организма, ни всей его обстановки. Разумѣется, по одному данному почти всегда выйдетъ не то, что сообразно со всею совокупностью данныхъ.

Что же за исключеніе были бы изъ общихъ законовъ природы и человѣческаго организма экономическія наклонности и пружины дѣйствія, если бы каждая изъ нихъ сама собою постоянно дѣйствовала именно такъ, какъ полезно для цѣлаго человѣка, если бы дѣйствія каждой изъ нихъ въ отдѣльности не нуждались въ подведеніи къ общимъ выгодамъ цѣлаго организма? Это — слишкомъ неправдоподобное мнѣніе.

Мы видѣли одинъ изъ манеровъ, по которымъ распредѣляются общественныя силы, когда общество не соображаетъ ни своихъ средствъ, ни потребностей. Всѣ эти манеры, не смотря на необо-

зримое свое разнообразіе, имѣютъ точно тотъ же существенный характеръ, какъ и приведенный нами для примѣра: непремѣнно оказывается недостатокъ средствъ въ однѣхъ частяхъ общества, мотовство въ другихъ. Иначе и быть не можетъ при такомъ порядкѣ дѣлъ: откуда же явилась бы соразмѣрность распредѣленія силъ съ потребностями, когда неизвѣстны ни размѣръ силъ, ни размѣръ потребностей? Но читатель видѣлъ, что съ тѣмъ же самымъ размѣромъ средствъ и потребностей общество пользовалось бы полнымъ изобиліемъ, если бы распредѣляло свои средства разсудительно: въ самомъ дѣлѣ, на изобильное удовлетвореніе всѣхъ общественныхъ и частныхъ потребностей нужно только 1,200,000 рабочихъ часовъ, а общество располагаетъ средствами, равными 1,500,000 рабочихъ часовъ, то есть, за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ разсудительныхъ надобностей, у него остается еще 300,000 часовъ въ излишкѣ; оно можетъ теперь, удовлетворивъ своимъ настоятельнымъ надобностямъ, располагать этимъ излишкомъ средствъ уже какъ ему угодно, — вотъ доля, законно предоставляемая разсудкомъ игрѣ фантазіи, страстей, прихотей: за удовлетвореніемъ всѣхъ вашихъ нуждъ, у васъ остается излишекъ; вы, не рискуя быть безразсуднымъ, можете потѣшать себя на этотъ излишекъ, — но не больше, какъ на него. Изъ 1,200,000 рабочихъ часовъ вы не можете ни одного терять на бездѣлье или на дурачества, — это воспрещаетъ разсудокъ; а остающіеся затѣмъ 300,000 часовъ употребляйте какъ хотите. Вы можете пожертвовать ими на уменьшеніе вашего труда: работайте, вмѣсто 10 часовъ въ день, только по 8; или, если роскошь манитъ васъ сильнѣе, чѣмъ отдыхъ, употребляйте два эти лишніе часа каждаго рабочаго дня на производство предметовъ роскоши.

Вотъ принципъ экономическаго разсчета, поставляемый теоріею. Но мы уже нѣсколько разъ говорили, что только съ измѣненіемъ формъ производства возможно осуществленіе условій, имъ требуемыхъ. Главное изъ этихъ условій — точный счетъ общественныхъ силъ и потребностей. При нынѣшнихъ формахъ производства никакъ нельзя составить сколько нибудь удовлетворительной оцѣнки ихъ. Правда, правительства передовыхъ странъ

уже предпринимають обширныя статистическія работы съ этою цѣлью. Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ при каждой десятилѣтней переписи перечисляется не только населеніе по возрастамъ, но переписываются и оцѣниваются всѣ главныя статьи имущества и производства. Не говоримъ уже о томъ, что многія и важнѣйшія изъ этихъ статей оцѣниваются только по денежному счету, слишкомъ не точно выражающему дѣйствительныя качества предмета. Главная важность въ томъ, что научныя, теоретическія желанія оказываются недостаточными для приведенія въ извѣстность тѣхъ данныхъ, которыя стараются тутъ опредѣлить. Дѣло опредѣляется только самимъ дѣломъ. Что не нужно для дѣла, то никакъ не будетъ исполнено удовлетворительно. Возможно ли, чтобы переписчики или оцѣнщики добивались точныхъ показаній, когда самимъ людямъ, къ которымъ обращаются они за свѣдѣніями, нѣтъ никакой практической надобности хлопотать надъ точною оцѣнкою своихъ средствъ? Да большая часть этихъ людей при нынѣшнемъ порядкѣ производства не могутъ и оцѣнить своихъ средствъ точнымъ образомъ, по нормѣ, требуемой наукою. Знаетъ ли фабрикантъ, или даже можетъ ли знать онъ, сколькими часами работы произведенъ продуктъ его фабрики? Онъ могъ бы знать только число рабочихъ дней, да и по нимъ онъ не хранитъ счетовъ: онъ хранитъ счеты только количеству денегъ, выданныхъ рабочимъ. А сколькимъ рабочимъ днямъ соотвѣтствовала эта сумма, онъ уже не помнитъ черезъ полгода, быть можетъ черезъ мѣсяцъ или даже черезъ недѣлю; а записки объ этомъ брошены по ненадобности ихъ для его разсчетовъ. Да еслибъ онъ и хранилъ эти счеты рабочихъ дней, дѣло не слишкомъ много подошло бы къ точности: сколько часовъ рабочаго дня употребилъ тотъ или другой работникъ нынѣ, вчера на дѣйствительную работу и сколько пропало у него въ бездѣльѣ, и сколько часовъ онъ занимался дѣломъ съ полнымъ усердіемъ и занимался ли имъ съ полнымъ усердіемъ хотя одинъ часъ въ день, — этого не знаетъ хорошенько никто, кромѣ самого работника, и многомного двухъ-трехъ его сосѣдовъ по мѣсту въ фабричной комнатѣ. Смѣшно требовать и глупо надѣяться, чтобы взрослые люди, вся дѣловая жизнь которыхъ руководится только разсчетомъ

надобности и выгоды, стали терять время на вѣрный счетъ тому, чего считать нѣтъ имъ надобности или чего не могутъ они усчитать. Точный счетъ рабочихъ силъ, точный счетъ количеству труда, нужному на полученіе извѣстнаго продукта, на удовлетвореніе извѣстной надобности, будетъ веденъ лишь тогда, когда на этомъ счетѣ будетъ основано производство, которое теперь основано не на немъ, а на слишкомъ невѣрной принадлежности его, цѣнѣ.

Мы изложили только одну сторону дѣла — общій принципъ его. Каковъ долженъ быть или, по всей вѣроятности, будетъ способъ его осуществленія и въ какихъ формахъ оно осуществится? Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ. Одна и та же цѣль достигается въ иныхъ случаяхъ свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ — силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть понятно читателю, сколько нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучшій, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить человѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ идти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстоять своихъ правъ одинъ, я призову противъ неправильно мѣшающихъ мнѣ вмѣшательство общественной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или судебныя тяжбы или уголовные процессы; но войдите же въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ нравы въ родѣ англійскихъ и сѣверо-американскихъ, дѣло исполнится исключительно или преимущественно частнымъ образомъ. Мало ли что дѣлается въ такихъ странахъ частными силами? Вотъ, напримѣръ, гдѣ на свѣтѣ слыхано, чтобы война велась не правительствомъ, а добровольнымъ соглашеніемъ частныхъ людей? а теперь ведется же она такъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: собираются частные люди и рѣшаютъ, что быть войнѣ. Война объявляется.

Собираются частные люди и рѣшаютъ, что столько-то надобно выставить войска, и составляютъ изъ себя войско. Соображаютъ они, куда идти войску, и посылаютъ его туда. А правительство только принимаетъ и обнародуетъ факты, совершающіеся не по его инціативѣ. Мало ли что бываетъ въ иныхъ странахъ! Въ Индіи, напримѣръ, ростутъ пальмы, ходятъ по лѣсамъ слоны; слѣдуетъ ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ возможны такія явленія? Мало ли что бываетъ при иномъ развитіи общественныхъ нравовъ? Въ свободныхъ штатахъ Сѣверной Америки, напримѣръ, дѣвушка можетъ ѣздить по какимъ угодно дорогамъ одна, и не только по дорогамъ ѣздить, по большимъ улицамъ въ большихъ городахъ можетъ ходить одна и не подвергнется оскорбленію; а еслибъ и нашелся наглецъ, который вздумалъ бы привязаться къ ней, не нуженъ былъ бы ей родственникъ или провожатый: каждый посторонній наказалъ бы негодяя. Слѣдуетъ ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ можно теперь ждать того же? Со временемъ, — о, современемъ, конечно, вездѣ такъ будетъ, и даже лучше будетъ; ну, а теперь, что̀ прикажете дѣлать въ странахъ, гдѣ не такъ? Нечего дѣлать, приходится родственнику или знакомому сопровождать дѣвушку. — „По одежкѣ протягивай ножки,“ — эта поговорка прилагается не къ однимъ экономическимъ дѣламъ, а ко всякимъ; впрочемъ мы здѣсь и говоримъ объ экономическихъ дѣлахъ, къ которымъ она прямо и относится.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ и о формахъ хозяйства производительнаго и потребительнаго, требуемыхъ удовлетворительною формою экономическаго разсчета. Если бы могъ стоять домъ безъ фундамента, если бы можно было имѣть теплоту въ комнатахъ безъ печей, разумѣется, не было бы никакой надобности ни въ фундаментѣ, ни въ печахъ; а если бы можно было быть сытымъ безъ пищи, не нужна была бы и пища. Если бы вѣрная оцѣнка продуктовъ и разныхъ видовъ труда по ихъ внутреннимъ качествамъ, если бы хорошее распредѣленіе продуктовъ, если бы успѣшнѣйшій ходъ производства или экономное потребленіе возможны были безъ извѣстныхъ формъ экономическаго быта, то, разумѣется, не нужны были бы эти формы. Но изъ перечисленныхъ нами условій національнаго благосостоянія ни

одно невозможно безъ извѣстнаго экономическаго устройства. Напримѣръ, въ теоріи производства мы видѣли, что для его успѣшности нужны такія формы быта, при которыхъ *каждый работникъ былъ бы хозяиномъ*, а *единица производительнаго хозяйства должна имѣть такой огромный размѣръ, что нужны для ней сотни работниковъ;* слѣдовательно форма производительнаго устройства должна быть такова, что бы въ каждомъ предпріятіи былъ не одинъ хозяинъ, а сотни хозяевъ и чтобы никто не касался дѣла кромѣ хозяина, иначе сказать, чтобы всякій касающійся былъ хозяиномъ его на столько, на сколько касается. Теперь точно такое же требованіе мы находимъ въ условіяхъ удовлетворительнаго экономическаго разсчета. Онъ возможенъ лишь тогда, когда каждому потребителю извѣстна точная стоимость потребляемаго продукта, количество рабочихъ силъ, употребленныхъ на производство; а это можетъ быть извѣстно лишь хозяину производства; слѣдовательно каждый потребитель продукта долженъ быть его хозяиномъ-производителемъ. А по принципу сочетанія труда не только всѣ продукты, нужные для отдѣльнаго человѣка, но и ни одинъ изъ этихъ продуктовъ въ отдѣльности не долженъ быть произведеніемъ работы одного человѣка, а долженъ проходить въ своемъ производствѣ черезъ десятки и сотни рукъ (чѣмъ больше дробятся производительныя операціи на свои простѣйшіе элементы, тѣмъ успѣшнѣе идетъ ороизводство). Стало быть и тутъ, вмѣсто отдѣльнаго хозяина отдѣльнаго продукта, требуется соединеніе множества людей, занимающихся въ своей совокупности производствомъ разныхъ продуктовъ по разнымъ человѣческимъ потребностямъ, и притомъ такое сочетаніе, въ которомъ каждый участникъ по труду былъ бы соучастникомъ въ правѣ хозяйства.

Мы говоримъ только объ общемъ принципѣ формы хозяйства, требуемой теоріею. О подробностяхъ должны мы будемъ говорить при обзорѣ слѣдующихъ отдѣловъ трактатовъ Милля; и — почему знать? — быть можетъ и станемъ говорить о нихъ когда нибудь, въ противность принятому нами правилу — не говорить о томъ, о чемъ должно: вѣдь человѣкъ не ангелъ и погрѣшаетъ иногда противъ правилъ самыхъ хорошихъ и самыхъ любимыхъ.

В. Формы распредѣленія продукта при принципѣ частной собственности, по принципу соперничества или нормамъ экономическаго разсчета, еще менѣе удовлетворительнымъ.

Мы говорили о формѣ экономическаго разсчета, требуемой научною теоріею, и на этотъ разъ по своему правилу отказались отъ изложенія той формы распредѣленія, которая происходитъ изъ хорошаго разсчета и о которой по всѣмъ соображеніямъ здраваго смысла слѣдовало бы намъ теперь говорить. Мы впрочемъ и не жалѣемъ объ этомъ: къ чему наполнять и страницы разсужденіями о томъ, чего еще нѣтъ? вѣдь несуществующее не существуетъ, стало быть ничтожно. Есть еще другое основаніе къ тому. Вы, напримѣръ, говорите мнѣ, что я не долженъ разстроивать своего здоровья обжорствомъ, не долженъ портить судьбу близкихъ мнѣ людей мотовствомъ; я — простите „нагую рѣзкость выраженья“ — оборачиваюсь къ вамъ спиною: можете ли вы поддержать силу вашихъ замѣчаній судебнымъ порядкомъ? можете ли представить меня къ суду для наказанія за образъ жизни, который называете вы безразсуднымъ и вреднымъ для меня и для другихъ? Не можете? — Такъ что же мнѣ за охота слушать ваши рѣчи, которыя непріятны для меня и которыя я называю поэтому глупыми? Я уважаю только законъ, да и то лишь когда за закономъ стоитъ судебная власть съ своими наказаніями и не могу я отъ нихъ уйти. Пожалуй, я уважаю отчасти и обычай, потому что за обычаемъ стоитъ общественное мнѣніе съ своими наказаніями, и очень часто съ полицейскими наказаніями. Остальнаго ничего я знать не хочу. Такъ вотъ и теперь будемъ-те говорить лишь о тѣхъ формахъ распредѣленія, которыя существовали или существуютъ по волѣ закона или обычая: эти формы уже доказали свою возможность: что дѣлалось или дѣлается въ дѣйствительности, то, конечно, возможно. А всякія другія формы я называю утопическими мечтаніями и не хочу знать ихъ.

Впрочемъ, при моемъ нынѣшнемъ расположеніи духа, понятіе утопіи становится у меня очень широко: мнѣ кажется, что всякое

требованіе здраваго смысла — утопія. „Надобно заботиться о просвѣщеніи народа“ — утопія? Народъ такъ невѣжествененъ, что не чувствуетъ надобности въ просвѣщеніи: зачѣмъ же навязывать ему ненужное? Народъ обремененъ матеріальною работою, ему некогда просвѣщаться. — „Надобно заботиться, чтобы не было людямъ причинъ становиться обманщиками, плутами, ворами“ — утопія! Негодяю на роду написано быть негодяемъ, а честный человѣкъ устоитъ противъ всякихъ искушеній, даже сильнѣе разовьетъ себѣ честность борьбою противъ нихъ; да и нельзя устранить этихъ искушеній: когда, въ какомъ обществѣ не существовало ихъ? да и нельзя сдѣлать, чтобы въ обществѣ не было множества плутовъ и воровъ: когда же въ какомъ обществѣ не было ихъ? Слѣдовательно, все это вздоръ, подобно мечтаніямъ о какихъ то лучшихъ формахъ экономическаго распредѣленія. Займемся исключительно формами, доказавшими свою возможность на практикѣ.

Производство имѣетъ три элемента: землю, трудъ и капиталъ; смотря по тому, раздѣляется владѣніе этими элементами по разнымъ классамъ или соединяется въ одномъ классѣ, продуктъ распредѣляется между разными классами или весь остается въ рукахъ одного класса.

Самая невыгодная изъ формъ экономическаго устройства — рабство. Всѣ виды обязательнаго труда сходны въ этомъ отношеніи съ своимъ первообразомъ, рабствомъ. Каждый, сколько нибудь знакомый съ политическою экономіею, очень хорошо знаетъ это и потому намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ предметѣ.

При рабствѣ и разныхъ видахъ обязательнаго труда весь продуктъ принадлежитъ землевладѣльцу. Ему принадлежатъ всѣ три элемента производства: и земля, и капиталъ, и личность трудящихся. Рабы не получаютъ доли изъ продукта, а только содержатся своимъ владѣльцемъ, какъ содержится имъ домашній скотъ. Есть нѣсколько другихъ формъ, въ которыхъ продуктъ дѣлится между двумя классами, потому что одному изъ нихъ принадлежатъ два изъ трехъ элементовъ производства. Одна изъ этихъ формъ — половничество, до сихъ поръ остающееся очень

распространеннымъ на континентѣ западной Европы, между прочимъ въ Италіи и многихъ провинціяхъ Франціи. Оно имѣетъ много видовъ. Въ однихъ, земледѣльческимъ капиталомъ долженъ запасаться самъ работникъ, въ другихъ — капиталъ дается ему отъ землевладѣльца, въ третьихъ — извѣстная часть капитала дается отъ землевладѣльца, а извѣстною частью долженъ запасаться самъ работникъ; въ однихъ видахъ половничества уплата отъ половника землевладѣльцу производится натурою, въ другихъ — деньгами; въ однихъ она составляетъ половину продукта (отчего и произошло названіе половничества), въ другихъ — только третью или четвертую часть продукта, а двѣ трети или три четверти остаются у половника. Но общій признакъ всѣхъ видовъ половничества — тотъ, что доля, отдаваемая половникомъ землевладѣльцу, опредѣляется не соперничествомъ, а обычаемъ. Уже изъ этого ясно, что половничество можетъ держаться лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ новая промышленная дѣятельность еще не обратилась на земледѣліе, гдѣ оно еще остается въ средневѣковомъ экономическомъ положеніи. Вообще говоря, половники пользуются нѣсколько лучшимъ, а часто и значительно лучшимъ благосостояніемъ, чѣмъ наемные земледѣльческіе работники; но объ этой формѣ устройства мы не будемъ распространяться, потому что она очевидно должна уничтожиться въ довольно скоромъ времени и тамъ, гдѣ еще удержалась до сихъ поръ, а не то, чтобы могла распространяться на такія мѣста, гдѣ не существуетъ.

Она замѣтно и уничтожается, замѣняясь или господскимъ хозяйствомъ съ наемными работниками, или фермованіемъ земли по принципу соперничества или обращеніемъ платы владѣльцу изъ извѣстной доли продукта въ неизмѣнную сумму, которая уже составляетъ не то, что форму распредѣленія продукта, а родъ опредѣленнаго налога, — только налога, платимаго поселяниномъ не государству, а частному лицу; черезъ нѣсколько времени (иногда, конечно, очень нескоро) этотъ налогъ капитализуется и выкупается.

Итакъ, половничество — та форма распредѣленія продукта между двумя классами, въ которой пропорція раздѣла опредѣ-

ляется обычаемъ, а не соперничествомъ. Когда же пропорція раздѣла земледѣльческаго продукта между двумя классами опредѣляется соперничествомъ, то происходятъ двѣ главныя формы раздѣла: вопервыхъ, хозяйство можетъ вести самъ землевладѣлецъ посредствомъ наемныхъ работниковъ; вовторыхъ, хозяйство можетъ вести работникъ, арендующій землю по принципу соперничества. Первый случай надобно назвать господскимъ хозяйствомъ съ наемнымъ трудомъ; второй случай, очень хорошо знакомый англійскимъ политико-экономамъ, извѣстенъ у нихъ подъ именемъ коттерства.

О господскомъ хозяйствѣ съ вольнонаемнымъ трудомъ Милль говоритъ очень мало и лишь мимоходомъ, потому что въ Англіи оно совершенно неупотребительно. Большіе землевладѣльцы совершенно неспособны успѣшно вести хозяйство, по единодушному отзыву всѣхъ англійскихъ политико-экономовъ, очень хорошо знакомыхъ съ большимъ землевладѣніемъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Милль.

«Большіе землевладѣльцы повсюду бываютъ празднымъ сословіемъ и если трудятся, то развѣ въ такихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ сельское хозяйство, и вездѣ захвачены высшими сословіями. «Напрасно и неразсудительно было бы ожидать, говоритъ Джонсъ, чтобы порода знатныхъ собственниковъ, огражденныхъ привилегіями и титулами, привлекаемыхъ къ военной и политической карьерѣ выгодами и привычками своего положенія, могла когда нибудь сдѣлаться сословіемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ.» Каждый можетъ самъ разсудить, каковы были бы результаты даже въ Англіи, если бы сельское хозяйство въ помѣстьяхъ велось самими землевладѣльцами. Мало было бы примѣровъ знанія и энергіи, довольно много было бы отдѣльныхъ примѣровъ посредственнаго успѣха, а общее положеніе земледѣлія было бы никуда негодно.»

При обязательномъ трудѣ форма господскаго хозяйства владычествуетъ во многихъ странахъ оттого, что тутъ слишкомъ мало бываетъ капиталистовъ, желающихъ брать помѣстья въ аренду, а денежной платы несвободные работники часто не могутъ вносить въ количествѣ, какого желалъ бы владѣлецъ. Но съ вольно-наемнымъ трудомъ эта система хозяйства не можетъ долго удержаться. Если по уничтоженіи обязательнаго труда не производится выкупа земли законодательнымъ путемъ или не установ-

ляется, также законодательнымъ путемъ, неизмѣнная рента, а предоставляется дѣло вліянію соперничества, то происходитъ одно изъ двухъ: когда въ странѣ много капиталовъ и много капиталистовъ, находящихъ выгоду вести земледѣльческое хозяйство на свой капиталъ коммерческимъ способомъ, являются капиталисты-фермеры и продуктъ дѣлится между тремя классами: землевладѣльцами, капиталистами-фермерами и наемными работниками; а когда нѣтъ ни капитала, ни выгоды возникать классу капиталистовъ-фермеровъ и существуютъ лишь два класса, землевладѣльцы и вольные работники, происходитъ форма, называющаяся у англійскихъ писателей коттерствомъ. О законахъ, которымъ подчинено распредѣленіе продукта въ первомъ случаѣ, мы будемъ говорить въ особенной статьѣ подробно, потому что эта форма, — распредѣленіе земледѣльческаго продукта между тремя классами, — принимается въ школѣ Адама Смита за нормальную, ближе всѣхъ остальныхъ формъ экономическаго быта соотвѣтствующую требованіямъ науки. Съ свойствами втораго случая теперь же пусть познакомитъ насъ Милль, очень основательно разсматривающій его въ двухъ главахъ (IX и X гл. II-й кн.). IX-ю главу мы приведемъ здѣсь вполнѣ, X-ю почти вполнѣ, выпуская изъ нея лишь немногія, небольшія мѣста, не имѣющія для насъ интереса.

«Общимъ названіемъ коттерства я обозначаю всѣ безъ исключенія системы, по которымъ работникъ снимаетъ землю безъ посредства капиталиста фермера, а условія, на которыхъ беретъ онъ землю, и въ особенности, величина ренты, опредѣляются не обычаемъ, а соперничествомъ. Главный примѣръ этой системы въ Европѣ — Ирландія, изъ которой и заимствовано слово коттеръ *). Почти все земледѣльческое населеніе Ирландіи составляютъ коттеры; только въ Эльстерѣ фермеры, пользующіеся правомъ вознагражденія (tenant right), служатъ исключеніемъ. Правда, существуетъ въ Ирландіи многочисленный классъ такихъ работниковъ, которые не могутъ получить даже и малѣйшаго клочка земли въ постоянное пользованіе, потому что или собственники или фермеры, снявшіе землю, не

*) Словомъ «коттеръ» обозначается фермеръ, снимающій у другаго мелкаго фермера избу съ однимъ экромъ или двумя экрами земли; но въ экономической литературѣ значеніе этого термина давно расширилось, такъ что онъ обозначаетъ и мелкихъ фермеровъ, снимающихъ землю прямо у землевладѣльцевъ, и вообще обозначаетъ всѣхъ поселянъ-фермеровъ, ренты которыхъ опредѣляются соперничествомъ. *Прим. Милля.*

хотятъ увеличивать раздробленіе участковъ. Но по недостатку капитала въ Ирландіи господствуетъ обычай вознаграждать работника не деньгами, а землею; даже люди нанимающіеся на время въ работники у коттеровъ или у большихъ фермеровъ (гдѣ встрѣчаются въ Ирландіи большіе фермеры) обыкновенно получаютъ плату не деньгами, а дозволеніемъ на одно лѣто воздѣлывать себѣ кусокъ земли, который обыкновенно дается имъ отъ фермера уже удобренный и называется конэкръ. За этотъ кусокъ они обязываются уплатить ренту деньгами, часто по нѣскольку фунтовъ за экръ, но въ дѣйствительности денегъ не платится, а свой долгъ зарабатываютъ они днями по денежной оцѣнкѣ *). По системѣ коттерства продуктъ раздѣляется на двѣ части, ренту и вознагражденіе работника; очевидно, что величина одной части опредѣляется величиною другой. Работнику остается то, что не берется землевладѣльцемъ. Положеніе работника зависитъ отъ величины ренты. А рента, опредѣляясь соперничествомъ, зависитъ отъ отношенія между запросомъ на землю и предложеніемъ ея. Запросъ на землю зависитъ отъ числа соперничествующихъ съемщиковъ; а такими съемщиками являются всѣ поселяне. Такимъ образомъ система эта имѣетъ своимъ результатомъ то, что принципъ населенія дѣйствуетъ не на капиталъ, какъ въ Англіи, а прямо на землю. При этомъ положеніи дѣлъ рента зависитъ отъ пропорціи между населеніемъ и землею. Но земля составляетъ опредѣленную величину, а населеніе имѣетъ безпредѣльную способность размножаться; потому, если размноженіе не задерживается чѣмъ нибудь, соперничество въ запросѣ на землю скоро поднимаетъ ренту до крайней высоты, при какой только можетъ оставаться въ живыхъ народъ. Такимъ образомъ результаты коттерства зависятъ отъ границы, на которой способность населенія размножаться удерживается или обычаемъ, или личнымъ благоразуміемъ, или истощеніемъ отъ голода и болѣзнями.

«Нельзя безусловно сказать, что коттерство рѣшительно ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ благосостоянія рабочаго класса. Если бы возможно было предположить, что оно существуетъ у народа, у котораго высокій уровень благосостоянія вошелъ въ привычку, который такъ требователенъ на житейскія удобства, что не станетъ предлагать за землю ренты, не оставляющей ему хорошихъ средствъ къ жизни; который размножается съ медленностію, такъ что нѣтъ въ немъ незанятыхъ людей, поднимающихъ ренту своимъ соперничествомъ, когда увеличеніе земледѣльческаго продукта отъ усовершенствованія техники не даетъ народу возможности повысить ренту безъ вреда для себя, — если бы можно было представить такое положеніе дѣлъ, то при системѣ коттерства землепашцы могли бы имѣть не меньшее вознагражденіе, чѣмъ при какой нибудь другой системѣ, могли бы пользоваться значительнымъ благосостояніемъ. Но все-таки, при зависимости ренты отъ произвола, они не имѣли бы ни одной изъ тѣхъ особенныхъ выгодъ, которыя получаютъ по

*) Конэкровая система вышла изъ употребленія въ Ирландіи послѣ голода 1846 и 1847 годовъ. Но она должна сохранить свое мѣсто въ нашемъ опытѣ характеристики коттерства, служа естественной принадлежностью и слѣдствіемъ коттерской системы. Потому мы оставили текстъ въ прежнемъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ до 1846 года. *Прим. Милля.*

тосканской системѣ половники отъ прочнаго пользованія землею. Они не имѣли бы въ своемъ распоряженіи капитала, принадлежащаго землевладѣльцамъ, и недостатокъ капитала не вознаграждался бы у нихъ энергическими побужденіями къ усердному физическому и умственному труду, существующими въ поселянинѣ, при неизмѣнности ренты. Напротивъ, увеличеніе цѣнности земли отъ усердной работы поселянина вело бы только къ возвышенію ренты во вредъ ему или на слѣдующій годъ, или по истеченіи прежняго контракта. Правда, землевладѣльцы могли бы имѣть честность или разсчетливость, чтобы не пользоваться выгодою, какую давало бы имъ соперничество; но не у всѣхъ землевладѣльцевъ эта воздержность была бы одинакова. А вообще никакъ нельзя ожидать, чтобы какое нибудь сословіе людей стало поступать въ противность прямой своей денежной выгодѣ; и легчайшее сомнѣніе было бы тутъ почти столь же гибельно, какъ положительная увѣренность, потому что, если человѣкъ соображаетъ, дѣлать ли ему усиліе или пожертвованіе въ настоящемъ для будущаго, то рѣшеніе повернется противъ заботы о будущемъ при самомъ малѣйшемъ рискѣ, что плоды труда или пожертвованія будутъ отняты у него. Единственной оградой отъ этихъ сомнѣній было бы возникновеніе обычая, обезпечивающаго неотъемлемое пользованіе землею поселянину съ возвышеніемъ ренты лишь тогда, когда возвышеніе утверждалось бы общимъ мнѣніемъ всего населенія. Такой обычай — право фермера на вознагражденіе (tenant right), существующее въ Эльстерѣ. Значительность суммы, получаемой смѣняющимся фермеромъ отъ его преемника за уступку фермы [1]), ограничиваетъ кругъ соискателей людьми, могущими заплатить такую сумму; видно также изъ этого факта, что землевладѣлецъ не вполнѣ пользуется выгодами даже и отъ такого ограниченнаго соперничества, потому что рента, имъ получаемая, не составляетъ всей суммы, платимой новымъ фермеромъ. Новый фермеръ платитъ прежнему выкупъ, въ полной увѣренности, что рента не будетъ увеличина; это гарантируется ему обычаемъ, который не признанъ въ законѣ, но получаетъ свою обязательную силу отъ другой санкціи, очень хорошо извѣстной каждому въ Ирландіи [2]). Безъ той или другой

[1]) Нерѣдко фермеръ, не имѣющій контракта, продаетъ просто только привилегію занимать эту ферму, нисколько имъ не улучшенную, за сумму отъ 10 до 16, даже до 20 и даже до 40 годичныхъ платежей ренты съ этой фермы (Digest of Evidence taken by Lord Devon's Commission, Introductory Chapter). Составитель этого отчета прибавляетъ: «тишина, которою пользуется Эльстеръ сравнительно съ другими ирландскими провинціями, можетъ быть приписана преимущественно этому факту.» *Прим. Милля.*

[2]) Въ огромномъ большинствѣ случаевъ выкупъ — не вознагражденіе прежняго фермера за издержки или за улучшенія, а просто застрахованіе жизни или покупка личной безопасности (Digest, ut supra). — «Нынѣшній фермерстерскій выкупъ въ Эльстерѣ надобно считать зародышемъ состоянія арендаторовъ-собственниковъ» (copyhold), справедливо замѣчаетъ составитель отчета. — «Если право выкупа нарушено и фермеръ прогнанъ безъ уплаты ему уступочной цѣны, то вообще слѣдуетъ убійство или поджогъ» (гл. 8). — «Безпорядки, господствующіе въ Типперари и земледѣльческіе заговоры по всей Ирландіи слѣдуетъ считать систематизированной войною для полученія эльстерскаго права выкупа.» *Прим. Милля.*

изъ этихъ опоръ не можетъ въ странѣ, дѣлающей экономическіе успѣхи, возникнуть обычай, которымъ бы ограничивалась поземельная рента. Если богатство и населеніе будутъ въ неподвижномъ состояніи, то вообще будетъ въ немъ и рента; а нѣсколько времени просуществовавъ безъ перемѣнъ, она вѣроятно станетъ считаться не подлежащею перемѣнамъ. Но всякое увеличеніе богатства и населенія ведетъ къ возвышенію рентъ. При половничествѣ есть установившійся способъ для землевладѣльца непремѣнно получить часть увеличенія въ земледѣльческомъ продуктѣ. Но при коттерствѣ онъ можетъ получить эту часть только измѣненіемъ условій контракта, и въ прогрессирующемъ общество это измѣненіе почти всегда будетъ выгодно ему. Потому его выгода рѣшительно противна возникновенію обычая, придающаго рентѣ неизмѣнную величину.

«Гдѣ величина ренты не ограничена закономъ или обычаемъ, тамъ коттерство имѣетъ невыгоды самаго худшаго половническаго устройства, почти не имѣя ни одной изъ выгодъ, которыми онѣ вознаграждаются въ половничествѣ лучшаго устройства. При коттерствѣ почти нѣтъ возможности земледѣлію находиться не въ жалкомъ положеніи. Но положеніе земледѣльцевъ можетъ не быть несчастнымъ. И при этой системѣ соперничество въ запросѣ на землю можетъ быть сдерживаемо достаточными препятствіями размноженію людей; этимъ можетъ предотвращаться крайняя бѣдность; привычка къ благоразумію и къ высокому уровню благосостоянія, однажды установившись, можетъ сохраняться. Но и въ этихъ благопріятныхъ обстоятельствамъ побужденія къ благоразумію будутъ значительно слабѣе, чѣмъ у половниковъ, подобно тосканскимъ, защищенныхъ обычаемъ отъ опасности лишиться своихъ участковъ. Пользуясь такою защитою, семья половниковъ можетъ обѣднѣть лишь отъ собственнаго неблагоразумія въ размноженіи, а неблагоразуміе другихъ семей въ этомъ отношеніи не повредитъ ей. Напротивъ, какъ бы ни была благоразумна и воздержна семья коттеровъ, рента можетъ быть поднята во вредъ ей размноженіемъ другихъ семей. Отъ этого зла коттеры могутъ найти себѣ защиту лишь въ томъ, когда по всему сословію распространено спасительное чувство обязанностей или достоинства. Должно сказать, что это чувство можетъ доставлять имъ значительное огражденіе. Если обычный уровень потребностей въ цѣломъ сословіи будетъ высокъ, то молодой человѣкъ не захочетъ предлагать ренту, при которой сталъ бы въ положеніе, худшее своего предмѣстника; точно также можетъ установиться (и дѣйствительно установился въ нѣкоторыхъ странахъ) общій обычай не жениться иначе, какъ при существованіи незанятой фермы.

«Но дѣло въ томъ, что никакъ не представится намъ случая разсматривать коттерства при положеніи вещей, когда въ привычкахъ рабочаго класса укрепилась высокая норма благосостоянія. Коттерство встрѣчается лишь тамъ, гдѣ обычныя потребности сельскихъ работниковъ чрезвычайно низки, гдѣ поселяне размножаются до самаго предѣла голодной смерти, гдѣ населеніе сдерживается лишь болѣзнями и недолговѣчностію, отъ недостатка въ необходимомъ для поддержки физическаго существованія. Къ несчастію, таково положеніе огромнаго большинства ирландскихъ поселянъ. Когда народъ упалъ до такого положенія, когда онъ находится въ немъ съ незапамятнаго времени, коттерство бываетъ почти непреоборимымъ

препятствіемъ ему выдти изъ этого положенія. Когда привычки народа таковы, что размноженіе сдерживается лишь невозможностію физическаго пропитанія, и когда пропитаніе получается народомъ лишь отъ земледѣлія, то всѣ условія и договоры относительно величины ренты бываютъ чисто номинальными; соискательство на землю заставляетъ снимающихъ ее обѣщаться платить болѣе, чѣмъ возможно платить, и уплативъ все, что могутъ, они почти всегда будутъ оставаться въ долгу.

«Объ ирландскихъ поселянахъ, говоритъ Ривенсъ, секретарь коммиссіи, изслѣдовавшей дѣйствія законовъ о бѣдныхъ въ Ирландіи (Irish Poor Law Enquiry Commission) *), можно сказать, что въ каждой семьѣ, не имѣющей достаточно земли для своего прокормленія, одинъ или нѣсколько человѣкъ ходятъ по міру; изъ этого легко понять, что поселяне всячески стараются снимать мелкіе участки, и предлагаемая ими рента не основывается ни на достоинствѣ земли, ни на собственной ихъ возможности заплатить обѣщанныя деньги: они просто обѣщаютъ плату, какую угодно, лишь бы получить участокъ. Почти никогда не могутъ они уплатить обѣщанной ренты, и потому, какъ только вступили въ пользованіе землею, становятся должниками людямъ, у которыхъ сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ весь продуктъ земли, за исключеніемъ картофеля, нужнаго на ихъ прокормленіе; но вся эта плата бываетъ обыкновенно меньше обѣщанной ренты, потому долгъ ихъ постоянно ростетъ. Иногда обѣщанная рента бываетъ больше всего самаго урожайнаго продукта, какой когда либо случался на участкѣ или какой можетъ дать участокъ въ наилучшее лѣто, при существующей системѣ обработки; поэтому еслибы поселянинъ исполнилъ условія договора съ землевладѣльцемъ, которыхъ почти никогда не можетъ исполнить, то онъ воздѣлывалъ бы землю задаромъ и еще давалъ бы землевладѣльцу премію за позволеніе воздѣлывать ее. Въ приморскихъ мѣстахъ рыбаки, а въ сѣверныхъ графствахъ поселяне, имѣющіе ткацкій станокъ, часто платятъ за землю больше, чѣмъ стоитъ по рыночной цѣнѣ весь продуктъ ея. Можно бы предположить, что они стали бы жить нѣсколько лучше вовсе безъ земли. Но рыбная ловля можетъ прекращаться на недѣлю или на двѣ; можетъ останавливаться недѣли на двѣ и запросъ на продукты ткацкаго станка; въ это время они умерли бы съ голода, еслибъ не имѣли земли, съ которой собираютъ пищу. Рѣдко платятъ коттеры всю обѣщанную ренту. Поселянинъ постоянно находится въ долгу у землевладѣльца; продажею его жалкаго имущества, — нищенской одежды его и его семьи, двухъ-трехъ стульевъ и нѣсколькихъ штукъ глиняной посуды, — продажею всего имущества, находящагося въ его жалкой избушкѣ, не покрылся бы постоянный и вообще возростающій долгъ. Почти всѣ поселяне бываютъ должны уплатою за цѣлый годъ, и извиненіемъ въ неисправности бываетъ у нихъ нищета. Если въ какой нибудь годъ продуктъ участка будетъ больше обыкновеннаго, или какъ нибудь получитъ поселянинъ какое нибудь иму-

*) Evils of the State of Ireland, their Causes and their Remedy, стр. 10. Эта брошюра содержитъ между прочимъ превосходный сводъ показаній изъ массы свидѣтельствъ, собранныхъ коммиссіею, предсѣдателемъ который былъ архіепископъ Гуэтли. *Прим. Милля.*

щество, его благосостояніе не увеличится, онъ не можетъ ѣсть лучше прежняго или больше прежняго, не можетъ прикупить себѣ мебели и посуды, одѣть жену и дѣтей получше. Все полученное имъ должно пойдти къ тому, у кого снимаетъ онъ землю. Случайное увеличеніе дохода послужитъ только къ уменьшенію его долга, къ отстрочкѣ времени, когда его прогонятъ за неплатежъ долга. Но выше этого не должны простираться его ожиданія.

«Изъ показаній собранныхъ коммиссіею, бывшею подъ предсѣдательствомъ лорда Девона, мы приведемъ фактъ, засвидѣтельствованный Гёрли, коронннымъ секретаремъ (Clerk of the Crown) графства Керрійскаго; изъ этого показанія видно, до какой крайности доходитъ соперничество въ запросѣ на землю, и до какой чудовищной высоты иногда поднимаетъ оно номинальную ренту: «я знаю случай, когда нанималась ферма, дающая въ годъ, какъ въ точности извѣстно мнѣ, 50 фунтовъ; соперничество подняло цѣну до того, что она была сдана за 450 фунтовъ.

«При такомъ положеніи дѣлъ — какую пользу принесетъ земледѣльцу, снимающему землю, величайшее трудолюбіе, величайшее благоразуміе, какой убытокъ принесетъ ему безразсудство? Если землевладѣлецъ потребуетъ полной уплаты, у коттера не останется хлѣба на собственное пропитаніе. Если чрезмѣрнымъ усердіемъ онъ удвоитъ продуктъ своего участка, если по благоразумію не станетъ рождать дѣтей, онъ выиграетъ только то, что больше останется у него на уплату землевладѣльцу; а если у него будетъ хотя 20 человѣкъ дѣтей, все-таки землевладѣлецъ возьметъ у него лишь то, что останется за прокормленіемъ его семьи. Изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ, почти одинъ только ирландскій коттеръ въ такомъ положеніи, что какъ бы ни поступалъ онъ, онъ не можетъ ни улучшить, ни ухудшить своего положенія. Если онъ трудолюбивъ и благоразуменъ, отъ этого выиграетъ только его землевладѣлецъ; если онъ лѣнивъ или невоздерженъ, убытокъ отъ этого только землевладѣльцу. Никакое воображеніе не можетъ представить устройства, при которомъ было бы меньше побужденій къ труду или благоразумію. Тутъ уничтожены побужденія, управляющія свободными людьми, и не замѣнены побужденіями, управляющими рабомъ. Ирландецъ не имѣетъ ни надеждъ, ни опасеній, кромѣ опасенія быть прогнаннымъ съ участка; а противъ этой бѣды онъ ограждаетъ себя посредствомъ ultimo ratio, оборонительной междуусобной войны. «Рокизмъ» и «Уайтбоизмъ» — вотъ судьба народа, который можетъ назвать своимъ лишь тотъ кусокъ плохой пищи, который съѣдаетъ нынѣ, и не хочетъ лишаться этого куска въ угоду другимъ.

«И послѣ этого люди, претендующіе быть нашими наставниками, отсталость ирландской промышленности, недостатокъ въ ирландцахъ энергіи къ улучшенію своего быта — приписываютъ особенной лѣности и беззаботности, свойственной кельтскому племени, — не надобно ли назвать это горькою сатирою на манеру, по которой составляются мнѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ человѣческой натуры и жизни? Приписывать разницу въ образѣ дѣйствій и въ характерѣ врожденному естественному различію, — это самый обыкновенный и пошлый способъ изъ всѣхъ пошлыхъ способовъ уклоняться отъ надобности принимать въ соображеніе дѣйствія общественныхъ и нравственныхъ вліяній на человѣка. Какое племя не стало бы

лѣнивымъ и безпечнымъ при такомъ устройствѣ дѣлъ, что предусмотрительность и трудолюбіе не приноситъ никакой пользы? Если племя живетъ и работаетъ въ такой обстановкѣ, удивительно ли, что порожденная ею безпечность и апатія не отбрасываются въ одинъ мигъ, когда представляется случай трудиться съ дѣйствительною пользою для себя? Очень натурально, что народъ, любящій удовольствія и впечатлительный, каковъ ирландскій народъ, не такъ наклоненъ къ рутинному труду, какъ англичане, потому что жизнь имѣетъ для него много привлекательныхъ сторонъ независимо отъ труда; но ирландцы способны къ труду не менѣе своихъ кельтскихъ братьевъ французовъ, не меньше тосканцевъ или древнихъ грековъ. Люди впечатлительные способнѣе всѣхъ другихъ одушевляться усердіемъ къ работѣ, лишь бы находили достаточное побужденіе къ ней. Если люди не работаютъ, когда не имѣютъ побужденій къ труду, это еще вовсе не свидѣтельствуетъ, чтобы они не были способны къ трудолюбію. Никто не работаетъ усерднѣе ирландца въ Англіи или въ Америкѣ, но не работаетъ ирландецъ усердно, когда онъ коттеръ.

«Многолюдное населеніе, воздѣлывающее землю въ Индіи, находится въ положеніи, довольно сходномъ съ коттерствомъ и въ тоже время на столько различномъ отъ него, что сравненіе этихъ двухъ системъ поучительно. Въ большей части Индіи теперь находится, и вѣроятно всегда находилось, только два сословія, участвующія въ раздѣлѣ продукта: землевладѣлецъ и поселянинъ; землевладѣльцемъ вообще бываетъ государь; исключеніемъ служатъ лишь тѣ случаи, когда государь особеннымъ документомъ уступилъ свои права другому лицу, становящемуся его представителемъ. Но размѣръ уплатъ, производимыхъ поселянами или, по индійскому названію, райотами, почти никогда, или вовсе никогда, не былъ опредѣляемъ соперничествомъ, какъ опредѣляется въ Ирландіи. Мѣстные обычаи были до безконечности разнообразны, и не было такого обычая, который на практикѣ могъ бы устоять противъ воли государя, но всегда было въ извѣстномъ округѣ какое нибудь общее правило; сборщикъ не торговался съ отдѣльнымъ поселяниномъ, а налагалъ на каждаго плату по той же нормѣ, какъ на другихъ. Такимъ образомъ сохранилось понятіе, что землепашецъ имѣетъ на землю право собственности или по крайней мѣрѣ вѣчнаго владѣнія, и возникло аномальное сочетаніе наслѣдственной принадлежности земли поселянамъ фермерамъ, съ произвольной властью землевладѣльца увеличивать ренту.

«Когда туземные индійскіе правители въ большей части Индіи были замѣнены моголами, правительство стало дѣйствовать по другому принципу. Была произведена подробная перепись земли, и на основаніи этой переписи былъ распредѣленъ налогъ, назначавшій, сколько съ каждаго участка должно платиться правительству. Если бы эта норма осталась ненарушимою, райоты были бы въ довольно выгодномъ положеніи поселянъ собственниковъ, платящихъ тяжелую ренту. На самомъ дѣлѣ было иное. По отсутствію всякаго серьезнаго огражденія отъ незаконныхъ вымогательствъ, эта перемѣна улучшила положеніе поселянъ почти только номинальнымъ образомъ; за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда мѣстный правитель былъ гуманенъ и энергиченъ, поборы не имѣли на практикѣ никакого предѣла, кромѣ невозможности райота заплатить больше.

«Таково было положеніе дѣлъ, смѣнившееся въ Индіи властью англичанъ. Англійскіе правители рано почувствовали надобность положить конецъ этому произвольному характеру поземельнаго дохода и опредѣлить точный предѣлъ правительственнымъ требованіямъ. Они не захотѣли возвратиться къ нормѣ налога, опредѣленной моголами. Англійское правительство въ Индіи вообще мало смотрѣло на то, какъ представлялись туземныя учрежденія въ теоріи, а изслѣдовало только, какія права существовали и уважались на практикѣ, старалось оградить и расширить эти фактическія права туземцевъ. Принципъ этотъ былъ очень хорошъ, но долго англійскіе правители понимали факты очень фальшивымъ образомъ, грубо ошибались во взглядѣ на существующіе обычаи и права. Ошибки ихъ проистекали отъ неспособности людей обыкновеннаго ума представить себѣ общественный бытъ, радикально различный отъ быта, съ которымъ они практически свыклись. Англія привыкла къ большимъ помѣстьямъ и къ большимъ землевладѣльцамъ, и англійскіе правители считали дѣломъ несомнѣннымъ, что Индія тоже имѣетъ большихъ землевладѣльцевъ съ большими помѣстьями; они стали искать класса людей, которые могли бы соотвѣтствовать такому понятію, и на глаза имъ попался родъ сборщиковъ налога, называемыхъ земиндарами. «Земиндаръ, говоритъ авторъ научной «Исторіи Индіи» (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8), имѣлъ нѣкоторыя права, принадлежащія землевладѣльцу: онъ собиралъ ренту съ извѣстнаго округа, управлялъ его земледѣльцами, жилъ окруженный блескомъ и, по его смерти, наслѣдовалъ ему сынъ. Изъ этого, не задумываясь, заключили, что земиндары были собственники земли, составляли аристократію, владѣющую помѣстьями въ Индіи. Но земиндары, собирая ренту, не оставляли ее въ своихъ рукахъ, а за вычетомъ небольшаго процента, отдавали всю собранную сумму правительству, — этого англійскіе правители не сообразили. Не сообразили они и того, что если земиндары управляли райотами, имѣли надъ ними во многихъ отношеніяхъ деспотическую власть, то управляли имъ не какъ своими фермерами, не какъ людьми, снявшими ихъ землю по срочному или безсрочному контракту. Райотъ владѣлъ своею землею наслѣдственно; земиндаръ не имѣлъ права согнать его съ этой земли; земиндаръ обязанъ былъ давать отчетъ въ каждомъ фартингѣ, полученномъ отъ райота; и если онъ сверхъ небольшаго процента, который предоставлялся ему въ плату за трудъ собиранія, удерживалъ изъ собранной имъ суммы хотя одну ану, это было воровствомъ.

«Въ Индіи представлялся намъ случай, подобнаго которому никогда не встрѣчалось въ исторіи, продолжаетъ Милль *). Послѣ государя главнѣйшее право на землю принадлежало самимъ хлѣбопашцамъ. Земиндаровъ легко было бы вполнѣ вознаградить за ихъ права, т. е. за права сборщиковъ. Съ цѣлью улучшить земледѣліе было принято великодушное рѣшеніе пожертвовать правами собственности, какія имѣлъ государь. Англійскіе правители справедливо находили, что право собственности сильно возбуждаетъ людей къ усовершенствованію земледѣлія; это

*) Джемсъ Милль, авторъ «Исторіи Британской Индіи,» цитуемой здѣсь авторомъ «Основаній Политической Экономіи,» отецъ его.

право можно было дать людямъ, на которыхъ оно подѣйствовало бы несравненно сильнѣе, чѣмъ на людей всякаго иного класса, дать его людямъ, которые во всѣхъ странахъ необходимо бываютъ главными дѣятелями въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ, — дать это право тѣмъ самымъ людямъ, которые воздѣлываютъ землю. Такая мѣра была бы достойна считаться однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, когда либо оказанныхъ какой нибудь странѣ, она вознаградила бы индійскій народъ за бѣдствія, которымъ такъ долго подвергался онъ отъ дурныхъ правительствъ. Но законодателями были англійскіе аристократы, и они поступили по аристократическимъ предразсудкамъ» (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8).

«Принятая ими мѣра оказалась совершенно неудачною по отношенію къ результатамъ, которыхъ ждали отъ нея благонамѣренные законодатели. Не привыкши соображать видоизмѣненія, какимъ подвергается дѣйствіе извѣстнаго учрежденія въ разныхъ мѣстахъ даже одного королевства, они воображали, что создали въ бенгальскихъ областяхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, а на дѣлѣ оказалось, что они создали ирландскихъ землевладѣльцевъ. Новые поземельные аристократы обманули всю надежду, возлагавшуюся на нихъ. Нисколько не заботясь объ улучшеніи своихъ помѣстій, они позаботились быстро разорить самихъ себя. Правительство не приняло на себя труда дать землевладѣльцамъ возможность не бояться послѣдствій расточительности, какъ сдѣлало въ Ирландіи, и всю землю въ Бенгалѣ пришлось секвестровать и продать за долги или неплатежъ податей; въ одно поколѣніе исчезли почти всѣ прежніе земиндары. Теперь занимаютъ ихъ мѣсто другія фамиліи, большею частію потомки калькутскихъ банкировъ или туземныхъ чиновниковъ, и живутъ такими же безполезными трутнями на землѣ, отданной имъ. Правительство пожертвовало своими денежными выгодами для созданія этого класса; пожертвованіе оказалось совершенно напраснымъ или прямо вреднымъ для страны.

«Въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ британская власть установилась позднѣе, англичане не сдѣлали такой ошибки, не подарили безполезному сословію большихъ землевладѣльцевъ государственнаго дохода. Почти во всемъ мадрасскомъ президенствѣ и въ нѣкоторой части бомбейскаго президенства рента платится прямо правительству самими землепашцами. Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ правительство заключаетъ условія со всею сельскою общиною, опредѣляя, сколько долженъ платить каждый земледѣлецъ, но соединяетъ ихъ общею отвѣтственностію другъ за друга въ недоимкахъ. При всемъ томъ, въ большей части Индіи землепашцы не получили вѣчнаго пользованія съ платежемъ неизмѣнной ренты. Правительство ведетъ свое хозяйство по принципу, по которому хорошій ирландскій землевладѣлецъ поступаетъ въ своемъ помѣстьѣ: оно не подвергаетъ землю соперничеству, не хочетъ брать съ хлѣбопашцевъ всего, сколько обѣщались бы они платить, а само опредѣляетъ, сколько они въ состояніи заплатить, и ограничивается этимъ въ своемъ требованіи. Во многихъ округахъ есть землепашцы, считающіеся фермерами другихъ землепашцевъ, которые называются наслѣдниками первоначальныхъ поселенцевъ или завоевателей деревни; правительство обращается съ своими требованіями только къ этимъ поселянамъ, число которыхъ бываетъ во многихъ мѣстахъ велико. Рента

опредѣляется иногда только на одинъ годъ, иногда на три года, или на пять лѣтъ, но повсюду правительство стремится нынѣ ввести контракты съ долгими сроками, доходящими въ сѣверныхъ провинціяхъ Индіи до 30 лѣтъ. Этотъ порядокъ дѣлъ существуетъ еще не такъ много времени, чтобы опытъ могъ показать, въ какой степени слабѣе вѣчнаго пользованія дѣйствуютъ долговременные контракты относительно развитія въ землепашцахъ побужденій къ усовершенствованію. Но системы годичныхъ условій и контрактовъ на недолгій срокъ уже безвозвратно осуждены. Эти системы могутъ назваться успѣшными только по сравненію съ прежними безграничными поборами. Никто ихъ не одобряетъ, и съ самаго начала считались онѣ только переходными мѣрами, которыя предполагалось прекратить, когда полнѣйшее знакомство съ средствами страны доставитъ данныя для болѣе прочнаго устройства.

«Когда составлялось мною и печаталось первое изданіе этой книги, настоятельнѣйшимъ изъ всѣхъ практическихъ вопросовъ для англійскаго правительства былъ вопросъ, что дѣлать съ коттерами. Большинство населенія, простиравшагося до 8 милліоновъ человѣкъ, долго страдало въ безнадежной апатіи и крайней нищетѣ подъ господствомъ коттерства, было доведено имъ до того, что кормилось самою плохою пищею и не имѣло ничего кромѣ этой пищи, было доведено до неспособности сдѣлать что нибудь или захотѣть чего нибудь для улучшенія своей участи; наконецъ неурожаемъ своей плохой пищи оно было повергнуто въ состояніе, при которомъ не оставалось ему ничего иного, какъ, или умереть съ голоду, или содержаться чужимъ пособіемъ, или перейдти къ другому экономическому устройству, радикально различному отъ несчастнаго устройства, подъ которымъ жило оно до той поры. Такое положеніе дѣлъ привлекло къ себѣ вниманіе законодательной власти и націи; но трудно сказать, что законодательство и нація успѣли разрѣшить вопросъ. Бѣдствіе происходило отъ системы поземельныхъ отношеній, отнимавшихъ у народа всякія побужденія къ труду и бережливости, кромѣ побужденія, даваемаго страхомъ голодной смерти; а средство придуманное парламентомъ уничтожало и это побужденіе, давая народу законное право жить милостынею. Для отстраненія причины зла не было сдѣлано ничего; ограничились пустыми жалобами, купивъ отсрочку рѣшенія 10 милліонами фунтовъ стерлинговъ изъ національной казны.

«Нѣтъ надобности (замѣчалъ я тогда) тратить доказательства на то, что коренная причина экономическихъ бѣдствій Ирландіи находится въ системѣ коттерства, что ожидать трудолюбія, полезной дѣятельности, какихъ нибудь другихъ задержекъ размноженію, кромѣ смерти, ожидать хотя какого нибудь уменьшенія бѣдности въ народѣ, когда землепашцы этого народа платятъ ренту, опредѣляемую соперничествомъ, — значитъ, ждать смоквъ отъ репейника и гроздовъ отъ терновника. Если наши государственные люди еще не созрѣли до пониманія этого факта, или, признавая его въ теоріи, они еще не такъ осязательно чувствуютъ его практическую силу, чтобы основать на немъ свой образъ дѣйствій,то существуетъ чисто матеріальный аргументъ, уклониться отъ котораго не найдутъ они возможности. Если единственное растеніе, которымъ до сихъ поръ питался народъ, будетъ давать плохіе урожаи и въ слѣдующіе годы, то нуженъ будетъ какой нибудь новый

сильный толчокъ земледѣльческому искусству и трудолюбію, или ирландская земля не будетъ въ состояніи кормить нынѣшняго своего населенія. Весь продуктъ съ западной половины острова безъ всякаго вычета ренты, не можетъ теперь содержать изъ года въ годъ населеніе этой половины Ирландіи; оно по необходимости будетъ ежегодно содержаться на счетъ государственныхъ доходовъ, пока эмиграціею или голодною смертію уменьшатся до числа, соотвѣтствующаго низкому состоянію ирландской промышленности; это неизбѣжно, если не найдены будутъ средства сдѣлать ирландскій трудъ болѣе производительнымъ.

«Послѣ того, какъ были написаны эти слова, непредвидѣнныя никѣмъ событія избавили англійскихъ правителей Ирландіи отъ затрудненій, которыя были бы справедливымъ наказаніемъ за ихъ невнимательность и непредусмотрительность. Ирландія подъ владычествомъ коттерства не могла прокармливать свое населеніе. Парламентъ прибѣгъ къ мѣрамъ, усиливавшимъ размноженіе населенія, и нимало не усилившимъ производство. Но неожиданнымъ путемъ явилась помощь, которой не дала ирландскому народу мудрость политическихъ людей. Народъ началъ эмигрировать безъ пособія правительства; первые переселенцы накопляли деньги на переѣздъ слѣдующимъ переселенцамъ; это исполненіе уэкфильдовой системы въ гигантскомъ размѣрѣ уменьшило теперь число жителей Ирландіи до количества, которое можетъ находить себѣ занятіе и средства къ жизни при нынѣшней земледѣльческой системѣ. Ценсъ 1851 г. показалъ уменьшеніе населенія въ полтора милліона сравнительно съ ценсомъ 1841 года. Ирландцы нашли себѣ путь на тотъ цвѣтущій материкъ, на которомъ въ теченіе поколѣній можетъ безъ уменьшенія благосостоянія помѣщаться весь излишекъ людей съ цѣлаго свѣта; ирландскіе поселяне стали обращать свои взоры на земной рай за Океаномъ, какъ на вѣрное убѣжище и отъ угнетенія саксовъ и отъ тиранніи природы; какъ бы ни уменьшалось впослѣдствіи занятіе для земледѣльческаго труда всеобщимъ распространеніемъ англійскаго способа хозяйства по Ирландіи, люди остающіеся безъ занятій станутъ переселяться въ Америку съ такою же быстротою, какъ переселился туда милліонъ ирландцевъ въ три года съ 1848 до 1850 г. И точно также переселеніе не потребуетъ расходовъ отъ государства; весь излишекъ изъ Ирландіи успѣетъ переселиться туда, хотя бы вся Ирландія была обращена въ пастбище, подобно графству Сотерлендскому. Люди, думающіе, что земля страны существуетъ для нѣсколькихъ тысячъ землевладѣльцевъ и что пока ренты платятся, общество и правительство могутъ оставаться довольны собой, — такіе люди могутъ видѣть въ этомъ переселеніи счастливое прекращеніе ирландскихъ затрудненій.

«Но теперь не такое время, чтобы могли удержаться эти надменныя мнѣнія, и расположеніе умовъ не благопріятствуетъ имъ. Земля Ирландіи, земля всякой страны принадлежитъ народу этой страны. Отдѣльныя лица, называемыя землевладѣльцами, не имѣютъ по суду нравственности и справедливости права ни на что иное, кромѣ ренты или вознагражденія по продажной цѣнности ренты. Что же касается самой земли, главное дѣло тутъ въ томъ, какая форма собственности и воздѣлыванія можетъ доставить отъ земли больше пользы общей массѣ ея жителей. Для собственниковъ ренты можетъ быть очень выгодно, чтобы масса жителей,

отчаявшись получить справедливость въ странѣ, гдѣ жили и страдали она и предки ея, пошла на другой материкъ искать того, что отнято у ней на родинѣ поземельною собственностію. Но законодателямъ государства слѣдуетъ иными глазами смотрѣть на вынужденное переселеніе милліоновъ людей. Когда жители страны массою покидаютъ страну оттого, что правительство страны не хочетъ давать имъ мѣста для жизни въ ней, правительство осуждено. Парламентъ обязанъ преобразовать поземельное устройство Ирландіи. Нѣтъ необходимости лишать землевладѣльцевъ ни одного фартинга изъ денежной цѣнности ихъ законныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы люди, воздѣлывающіе землю, получили возможность стать въ Ирландіи тѣмъ, чѣмъ станутъ они переселившись въ Америку, — стать собственниками земли, ими воздѣлываемой.

«Политическое благоразуміе требуетъ этого и не удовлетворяется ни чѣмъ меньшимъ. Люди не знающіе ни Ирландіи, ни какой иностранной земли, берущіе единственною нормою общественнаго и экономическаго процвѣтанія — англійское устройство, предлагаютъ, какъ единственное лекарство для бѣдствій Ирландіи, обращеніе коттеровъ въ наемныхъ работниковъ. Но это проэктъ объ улучшеніи ирландскаго земледѣлія, а не объ улучшеніи положенія ирландскаго народа. Состояніе поденьщика не имѣетъ въ себѣ волшебной силы, чтобы влить предусмотрительность, бережливость и воздержность въ народъ, лишенный этихъ качествъ. Если бы ирландскіе поселяне могли быть мгновенно обращены въ наемныхъ работниковъ, при сохраненіи нынѣшнихъ привычекъ и нравственныхъ особенностей, мы только увидѣли бы 4 милліона или 5 милліоновъ людей, живущихъ въ состояніи наемныхъ работниковъ столь же бѣдственно, какъ жили они въ состояніи коттеровъ: они точно такъ же пассивно переносили бы всѣ лишенія, такъ же безразсудно размножались бы, и быть можетъ даже работали бы такъ же небрежно, потому что всѣхъ ихъ цѣлою массою нельзя было бы прогнать, а если бы можно было, это значило бы только отдать ихъ на прокормленіе деньгами налога для бѣдныхъ. Совершенно иное будетъ послѣдствіе, если сдѣлать ихъ поселянами собственниками. Народъ, не знающій разсчетливости и любви къ труду, признаваемый всѣми за одинъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ народовъ по умѣнью трудиться съ успѣхомъ, нуждается, для своего возрожденія, въ самыхъ могущественнѣйшихъ возбужденіяхъ къ трудолюбію и разсчетливости, а право собственности на землю — сильнѣйшее изъ этихъ побужденій. Вѣчная принадлежность продукта земли хлѣбопашцу служитъ почти неизмѣнною гарантіею неутомимѣйшаго трудолюбія; она служитъ если и не вполнѣ несомнѣннымъ, то все-таки наилучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ предохранительныхъ средствъ отъ излишняго размноженія, и гдѣ она не приведетъ къ цѣли, тамъ едва ли привело бы къ цѣли какое угодно другое экономическое устройство; въ этомъ случаѣ зло было бы непобѣдимо одними экономическими средствами.

«Потребности Ирландіи сходны съ потребностями Индіи. Въ Индіи мы дѣлали иногда большія ошибки, но все-таки никто даже и не предлагалъ, подъ предлогомъ земледѣльческихъ усовершенствованій, прогнать райотовъ или поселянъ-фермеровъ съ ихъ участковъ; достичь усовершенствованій въ земледѣліи предполагается тамъ

доставленіемъ болѣе прочнаго владѣнія райотамъ, и спорятъ лишь о томъ, нужно ли вѣчное владѣніе или достаточенъ будетъ долгій срокъ контрактовъ. Тотъ же самый вопросъ представляется въ Ирландіи. Нельзя не признать, что долговременные контракты при такихъ землевладѣльцахъ, какіе встрѣчаются иногда, произведутъ чудеса даже въ Ирландіи. Но для этого при долговременныхъ контрактахъ необходима низкая рента. Безъ нея не слѣдуетъ ожидать, чтобы коттерство устранилось одною долговременностію контрактовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ коттерство, контракты въ Ирландіи всегда были долговременные; обыкновенные сроки были 21 годъ или три жизни. Но рента опредѣлялась соперничествомъ, назначалась больше того, чѣмъ можно заплатить, потому поселянинъ не пріобрѣталъ и никакимъ трудолюбіемъ не могъ пріобрѣсти выгодъ отъ снятой земли, и контрактъ нимало не обезпечивалъ его въ дѣйствительности. Въ Индіи, гдѣ правительство не уступило безразсудно своихъ правъ собственности заминдарамъ, оно можетъ предотвращать это зло: будучи само землевладѣльцемъ, оно можетъ опредѣлять ренту по своему собственному разсчету. Но если земля принадлежитъ частнымъ лицамъ, рента опредѣляется соперничествомъ, а когда соискатели — поселяне бьющіеся изъ за куска хлѣба, то неизбѣжны номинальныя ренты, если само соперничество не остается чисто номинальнымъ по малочисленности населенія. Большинство землевладѣльцевъ будутъ жадны къ немедленному полученію большихъ доходовъ и власти; и пока находятся коттеры, предлагающіе имъ какую угодно ренту, напрасно будетъ ожидать, чтобы землевладѣльцы, съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ, стали сдерживать это вредное соискательство.

«Вѣчность владѣнія сильнѣе долговременнаго контракта возбуждаетъ къ усовершенствованію: самый долговременный контрактъ, прежде чѣмъ окончится, проходитъ черезъ всѣ постепенности кратковременныхъ контрактовъ до самаго уничтоженія контрактной гарантіи. Кромѣ того, есть другія причины, еще болѣе важныя, для предпочтенія вѣчности владѣнія. Даже въ дѣлахъ чистаго разсчета было бы грубою ошибкою забывать о вліяніи воображенія: въ понятіи «на вѣчное время» есть сила, которой лишенъ самый продолжительный срокъ. Если даже срокъ этотъ обнимаетъ жизнь дѣтей и всѣхъ людей лично дорогихъ для человѣка, человѣкъ не станетъ съ полнымъ усердіемъ увеличивать цѣнность земли, съ каждымъ годомъ уменьшающейся въ своей цѣнности лично для него; противнаго можно ожидать отъ человѣка лишь тогда, когда онъ достигнетъ высокой степени умственнаго развитія, при которой господствующимъ соображеніемъ у него становится общественное благо, для чего также нужна вѣчность связи личной выгоды съ общею. Притомъ же во всѣхъ европейскихъ странахъ поземельная собственность вообще соединена съ вѣчнымъ владѣніемъ; при такомъ порядкѣ дѣлъ временное владѣніе, хотя бы на очень долгій срокъ, непремѣнно должно казаться чѣмъ-то менѣе важнымъ и почетнымъ, чѣмъ поземельная собственность, и слѣдовательно люди съ меньшимъ жаромъ будутъ стремиться къ нему, а получивъ его, чувствовать къ нему менѣе привязанности, чѣмъ къ собственности. Но въ странѣ, гдѣ господствуетъ коттерство, вопросъ о вѣчности владѣнія лишь второстепенный вопросъ по сравненію съ важнѣйшимъ дѣломъ — съ ограниченіемъ ренты. Безопасно можно предоставить

соперничеству ту ренту, которую платитъ капиталистъ, снимающій землю для прибыли, а не для своего пропитанія; но не слѣдуетъ предоставлять соперничеству ренту, платимую работниками, если работники не достигли такой степени просвѣщенія и благосостоянія, какой еще нигдѣ они не достигли и едва ли могутъ достичь, пока рента ими платимая опредѣляется соперничествомъ. Рентамъ, платимымъ поселянами, никогда не слѣдуетъ быть произвольными, никогда не слѣдуетъ зависѣть отъ землевладѣльца; эти ренты необходимо должны быть неизмѣнно опредѣлены обычаемъ или закономъ; и гдѣ не установился, какъ въ тосканскомъ половничествѣ, взаимно выгодный обычай, тамъ разсудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рентамъ была назначена неизмѣнная величина государственной властью, т. е. чтобы рента обращена была въ неизмѣнную плату, а фермеръ въ поселянина-собственника.

«Самый простой способъ произвести эту перемѣну въ такомъ размѣрѣ, чтобы совершенно уничтожалось коттерство, — прямой законодательный способъ: совершеніе дѣла парламентскимъ актомъ, который объявилъ бы всю ирландскую землю собственностью занимающихъ ее хлѣбопашцевъ, обязавъ ихъ платежемъ рентъ какія теперь они дѣйствительно платятъ, то есть дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ рентъ. Подъ именемъ «вѣчнаго пользованія» (fixity of tenure), это было однимъ изъ требованій Союза Рипилеровъ въ успѣшнѣйшій періодъ ихъ агитаціи; гораздо лучше выразилъ это Коннеръ, самый первый, самый пылкій и неутомимый проповѣдникъ этого рѣшенія, словами: «оцѣнка на вѣчныя времена» (a valuation and a perpetuity). Въ послѣднее время, подъ именемъ «Лиги Фермерскаго Выкупа» (Tenant Right League), образовался Союзъ, имѣющій своею цѣлью между прочимъ и направленіе общественнаго мнѣнія къ этому рѣшенію. Такая мѣра не имѣла бы въ себѣ ничего несправедливаго, лишь бы землевладѣльцы были вознаграждены за нынѣшнюю цѣнность шансовъ возрастанія ренты, отказъ отъ которыхъ потребовался бы у нихъ. Потрясеніе существующихъ общественныхъ отношеній, конечно, было бы тутъ не сильнѣе того, какое произвели Штейнъ и Гадернбергъ, когда рядомъ эдиктовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка совершили революцію въ поземельной собственности Прусскаго государства и увѣковѣчили свои имена въ числѣ величайшихъ благодѣтелей своей страны. Просвѣщенные иностранцы, писавшіе объ Ирландіи, фонъ Раумеръ и Гюставъ де Бомонъ, считали это средство столь прямо и вѣрно соотвѣтствующимъ болѣзни, что трудно имъ казалось понять, какъ до сихъ поръ не исполнено такое дѣло.

«Эта мѣра не превышала бы предѣловъ справедливой законодательной власти и не была бы нарушеніемъ собственности, если бы землевладѣльцамъ было предоставлено право, при несогласіи на ограниченіе ренты, взять за свои земли полную цѣнность, капитализованную по обыкновенному проценту изъ нынѣшняго дохода; но я знаю, что есть противъ такой мѣры серьезныя возраженія. Вопервыхъ, такая мѣра — полная экспропріація высшихъ сословій Ирландіи; по принципамъ, нами изложеннымъ, такой переворотъ совершенно оправдывается, но только въ такомъ случаѣ, если онъ единственное средство къ достиженію великаго общественнаго блага. Вовторыхъ, само по себѣ не очень выгодно для націи, если вовсе уже нѣтъ

никакихъ поземельныхъ собственниковъ, кромѣ поселянъ. Важную часть хорошей земледѣльческой системы составляютъ большія фермы, воздѣлываемыя большимъ капиталомъ и принадлежащія лицамъ, получившимъ самое высокое воспитаніе, по своей образованности способнымъ оцѣнивать научныя открытія, имѣющимъ средства для рискованныхъ, продолжительныхъ и дорогихъ опытовъ. Даже и теперь есть въ Ирландіи много такихъ землевладѣльцевъ, и вредно для націи было бы прогонять ихъ изъ помѣстій. Кромѣ того между нынѣшними участками, конечно, находится много слишкомъ мелкихъ, на которыхъ нельзя было бы собственнику вести хозяйство выгоднымъ образомъ, а изъ людей, занимающихъ нынѣ участки, не всѣ таковы, чтобы нашлись въ нихъ качества, нужныя для поселянъ собственниковъ, заводящихъ свое хозяйство. Для многихъ изъ нихъ было бы полезнѣе получить надежду на пріобрѣтеніе поземельной собственности трудолюбіемъ и бережливостію, чѣмъ прямо получить собственность.

«Но если самый прямой и энергичный способъ создать поселянъ-собственниковъ имѣетъ свои неудобства, то онъ все-таки гораздо лучше, чѣмъ оставленіе дѣла въ нынѣшнемъ видѣ. Если правители Ирландіи не позаботятся заблаговременно достичь великой общественной цѣли средствами, менѣе разрушительными для нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то вѣроятно дѣло это будетъ вынуждено у нихъ необходимостію обстоятельствъ, при которыхъ уже не будетъ въ ихъ власти руководить условіями исполненія.

«Когда общественное устройство страны требуетъ не исправленія подробностей, а радикальнаго измѣненія, то затрудненія, представляемыя имъ правительству, должны быть не сглаживаемы слегка, а прямо устранены людьми, способными возвыситься надъ собственною безпечностью и надъ своими и чужими предразсудками.

«При многосложности сцѣпленія человѣческихъ дѣлъ, и полезныя, и вредныя дѣйствія причинъ всегда остаются на практикѣ недостигающими полнаго теоретическаго размѣра. Но исторія не лишена примѣровъ тому, что были перемѣны, подобныя измѣненію, очеркъ котораго я сдѣлалъ, и результаты этихъ перемѣнъ не лишены поучительности. Въ продолженіе французской исторіи три раза были поселяне покупщиками земли, и за этими періодами тотчасъ же наступали три главныя эпохи земледѣльческаго благосостоянія Франціи.

«Во времена очень тяжелыя, говоритъ Мишле (Le Peuple, часть 1, гл. 1), въ эпохи всеобщей бѣдности, когда и богачъ бываетъ принужденъ продавать, бѣднякъ видитъ себя въ состояніи покупать; не является никакихъ покупателей; приходитъ въ лохмотьяхъ поселянинъ съ своимъ луидоромъ и пріобрѣтаетъ клочекъ земли. За этими временами разоренія, когда поселянинъ могъ дешево пріобрѣтать землю, всегда слѣдовало внезапное возвышеніе изобилія, котораго не умѣли объяснить. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, довершаетъ свое разореніе въ Италіи, дворянство, идущее въ походъ, принуждено продавать; земля, перейдя въ новыя руки, вдругъ расцвѣтаетъ; народъ работаетъ, строится. Это прекрасное время на языкѣ монархической исторіи называется временемъ *добраго* Людовика XII.

«Къ несчастію, оно непродолжительно. Едва земля приведена въ хорошее поло-

женіе, на нее обрушивается фискъ; начинаются религіозныя волненія, истребляющія все, что есть на землѣ, начинаются ужасныя бѣдствія, страшные голодные годы, въ которые матери ѣдятъ своихъ дѣтей. Можно ли повѣрить, что страна оправится? Но едва окончилась война, на этомъ опустошенномъ полѣ, изъ этой еще дымящейся хижины является поселянинъ съ деньгами, которыя успѣлъ сберечь. Онъ покупаетъ; черезъ 10 лѣтъ лицо Франціи измѣнилось; черезъ 20 или 30 всѣ имѣнья удвоились, утроились въ цѣнности. Эта эпоха также называется именемъ короля, именемъ *добраго Генриха IV* и великаго Ришельё.»

«О третьей эпохѣ не нужно и говорить, — это была эпоха революціи.

«Кто хочетъ изучать картины, противоположныя этимъ, пусть сравнитъ эти историческіе періоды, ознаменованные раздробленіемъ большой и созданіемъ малой собственности, съ тяжелымъ страданіемъ націи, сопровождавшимъ изгнаніе мелкихъ йоменовъ для очищенія мѣста большимъ пастбищамъ, съ этимъ великимъ экономическимъ событіемъ англійской исторіи въ XVI вѣкѣ, и съ продолжительнымъ ухудшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ послѣ этого событія.»

Эти факты и мысли возбуждаютъ много соображеній, имѣющихъ прямой интересъ для насъ; но статья и безъ того вышла уже очень длинна; потому отложимъ наши замѣчанія до другаго удобнѣйшаго случая.

Затѣмъ, кромѣ формы, въ которой хозяйство ведется капиталистами-фермерами, остается еще только одна форма земледѣльческаго быта — хозяйство поселянъ собственниковъ. По вопросу о распредѣленіи, эта форма имѣетъ внѣшнюю одинаковость съ формою невольническаго производства: какъ тамъ, такъ и здѣсь продуктъ вовсе не распредѣляется между разными классами, а весь остается въ однихъ рукахъ землевладѣльцевъ. Но этотъ землевладѣлецъ — работникъ, трудящійся самъ въ свою пользу, и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, — въ политическомъ, нравственномъ, экономическомъ, — результаты этой формы прямо противоположны результатамъ невольническаго труда. При невольничествѣ работникъ, говоря вообще, не получаетъ ничего сверхъ необходимѣйшаго для поддержанія жизни; въ бытѣ поселянъ-собственниковъ работникъ пользуется всѣмъ благосостояніемъ, какое только возможно для простолюдина по политическому и промышленному положенію страны. Высокъ ли или довольно низокъ этотъ наибольшій размѣръ возможнаго благосостоянія — дѣло зависящее отъ степени населенности страны, климатическихъ условій и уровня цивилизаціи въ ней; но каковъ

бы ни былъ этотъ наивысшій размѣръ, работникъ пользуется имъ. Каково бы ни было благосостояніе поселянина-собственника въ извѣстной мѣстности, половникъ въ той же мѣстности имѣлъ бы вдвое меньше благосостоянія, коттеръ (поселянинъ, нанимающій землю у владѣльца на условіяхъ соперничества) еще меньше, наемный работникъ также гораздо меньше, не говоря уже о человѣкѣ несвободномъ. Столь же рѣзокъ результатъ быта поселянъ собственниковъ относительно успѣшности труда. Высока или низка наибольшая возможная успѣшность труда въ данной странѣ, дѣло опять зависящее отъ политическихъ и климатическихъ условій и отъ того, какой методъ производства употребляется. Но каковъ бы ни былъ этотъ maximum, работа поселянина-собственника всегда достигаетъ его, между тѣмъ какъ при тѣхъ же условіяхъ работа половника имѣла бы гораздо менѣе успѣшности, работа вольнаго наемщика — еще меньше, не говоря уже объ обязательномъ трудѣ. Англійскіе политико-экономы, вмѣстѣ со всею англійскою публикою, вообще почти не имѣютъ понятія о бытѣ поселянина-собственника, уцѣлѣвшемъ лишь въ немногихъ и маленькихъ темныхъ уголкахъ Англіи, куда еще не успѣла проникнуть новая коммерческая жизнь. Потому Милль, ставящій эту форму земледѣльческаго быта выше всѣхъ другихъ перечисляемыхъ имъ, описываетъ ея результаты очень подробно, и въ особенности выставляетъ изумительное усердіе поселянина-собственника въ работѣ, — усердіе, изумляющее людей, подобно англичанъ, не привыкшихъ съ малолѣтства видѣть его. Онъ разсказываетъ своимъ читателямъ о трудолюбіи поселянъ-собственниковъ такимъ тономъ, какимъ сталъ бы разсказывать, напримѣръ, нашему простонародью русскій писатель о чудесахъ кристальнаго дворца или тропической природы: въ каждомъ словѣ такъ и слышится прибавка: „да поймите же это, вѣдь вы сроду объ этомъ понятія не имѣли; да повѣрьте же, что это возможно, что это такъ, что я не обманываю васъ сказками." Намъ, русскимъ, это — не новость, не рѣдкость: мы знаемъ, какъ работаетъ поселянинъ на своей нивѣ. Потому изъ множества примѣровъ и свидѣтельствъ, собранныхъ у Милля, приведемъ лишь небольшіе отрывки для примѣра

отношеній его и англійской публики къ этому вопросу. Вотъ начало отдѣла о поселянахъ-собственникахъ, показывающее до какой степени чуждо обыкновенному англійскому воззрѣнію это понятіе.

«Когда земля принадлежитъ поселянамъ-собственникамъ, то весь продуктъ, какъ при системѣ рабства, достается одному собственнику земли и нѣтъ раздѣла его на ренту, прибыль и рабочую плату. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти двѣ формы общественнаго устройства составляютъ крайнія противоположности: одна изъ нихъ — состояніе величайшаго угнетенія и униженія рабочихъ классовъ, а при другой они имѣютъ полнѣйшую независимость въ своей судьбѣ.

«Но выгодность мелкой поземельной собственности составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ политической экономіи. На континентѣ благотворность существованія многочисленнаго сословія собственниковъ представляется для громаднаго большинства аксіомою, хотя и есть нѣкоторые люди, несогласные съ господствующимъ мнѣніемъ. Но англійскіе авторитеты или вовсе не знаютъ о мнѣніи континентальныхъ агрономовъ, или считаютъ достаточнымъ для его отстраненія говорить, что эти агрономы не имѣли случая видѣть, какъ полезна большая собственность въ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Выгода большой собственности, говорятъ англійскіе авторитеты, обнаруживается только тамъ, гдѣ и земледѣльческія хозяйства велики, а для большихъ фермъ нужно накопленіе капиталовъ значительнѣе того, какое обыкновенно встрѣчается на континентѣ, и потому большія континентальныя помѣстья, за исключеніемъ обращенныхъ подъ пастбища, почти всѣ отдаются на обработку мелкими участками. Въ этихъ словахъ есть часть правды, но тотъ же самый аргументъ можно обратить и противъ англійскихъ авторитетовъ: если континентъ мало знаетъ по опыту земледѣльческія хозяйства большаго размѣра съ большимъ капиталомъ, то англійскіе писатели вообще столь мало знакомы по практикѣ съ хозяйствомъ поселянъ-собственниковъ и почти всѣ имѣютъ самое ошибочное представленіе о ихъ положеніи и образѣ жизни. А между тѣмъ и въ Англіи старинныя преданія говорятъ въ пользу мнѣнія, господствующаго на континентѣ. Йомены, которыхъ называли славою Англіи, пока они существовали, о которыхъ такъ часто жалѣютъ теперь, когда они изчезли, — эти йомены были мелкіе собственники или мелкіе фермеры, и если большинство ихъ были фермеры, а не собственники, то тѣмъ замѣчательнѣе репутація энергической независимости характера, которой они пользовались. Есть въ Англіи уголокъ, къ несчастію слишкомъ маленькій уголокъ, въ которомъ еще много поселянъ-собственниковъ; я говорю о statesmen, «государственныхъ людяхъ» Комберленда и Уэстморленда. Они собственники, хотя (впрочемъ, сколько я знаю, не всѣ, а только большая часть ихъ) платятъ нѣкоторыя обычныя повинности; эти повинности неизмѣнны, потому не мѣшаютъ имъ быть настоящими собственниками, какъ не мѣшаетъ тому поземельный налогъ. Только они въ цѣлой Англіи могли послужить оригиналомъ, съ котораго писаны «Картины сельской жизни» Уордсворта.

«Но общая система англійскаго земледѣлія не такова, чтобы англичане по опыту знали характеръ и результаты хозяйства поселянъ-собственниковъ; а земледѣль-

ческое устройство другихъ странъ вообще совершенно незнакомо англичанамъ, такъ что самое понятіе о поселянахъ-собственникахъ чуждо англійскому уму и не легко проникаетъ въ него. Самыя выраженія англійскаго языка мѣшаютъ этому: собственникъ земли обозначается обыкновенно словомъ landlord (землевладѣлецъ или помѣщикъ), — терминомъ, который всегда пробуждаетъ мысль объ арендаторахъ-фермерахъ, снимающихъ у него землю (tenants). Когда въ недавнее время проникла въ парламентскія и газетныя пренія мысль, что надобно сдѣлать ирландскихъ поселянъ собственниками для улучшенія состоянія Ирландіи, то нашлись писатели, претендовавшіе на знакомство съ дѣломъ, и, однако же, до такой степени непонимавшіе самаго слова proprietor (собственникъ), что воображали, будто бы поселяне-собственники, о которыхъ идетъ рѣчь, то самое, что ирландскіе коттеры, берущіе въ наймы землю мелкими участками. При такомъ плохомъ знакомствѣ съ предметомъ необходимо, прежде чѣмъ излагать его теорію, позаботиться о разъясненіи фактическаго положенія дѣла; по этой необходимости я изложу вопросъ подробнѣе, чѣмъ слѣдовало бы по общему размѣру частей моего трактата; я представлю нѣсколько свидѣтельствъ о состояніи земледѣлія, о благосостояніи и довольствѣ земледѣльцевъ въ тѣхъ государствахъ или провинціяхъ, гдѣ большая часть земель не имѣетъ никакихъ ни лендлордовъ, ни фермеровъ, кромѣ самихъ земледѣльцевъ, пашущихъ землю.»

Мы привели этотъ отрывокъ, чтобъ онъ свидѣтельствовалъ, какъ медленно проникаетъ въ науку вліяніе фактовъ, которые не находились прямо подъ глазами у людей, основавшихъ науку. Кажется, что можетъ быть сообразнѣе съ принципами теоріи Адама Смита, какъ не признаніе быта поселянъ-собственниковъ выгоднѣйшею формою экономическаго устройства? А вотъ, мы видимъ, что до сихъ поръ большинство англійскихъ политико-экономовъ даже не поняло что такое значитъ выраженіе поселянинъ собственникъ, и Милль явился почти-что первымъ политико-экономомъ въ Англіи, рѣшительно признавшимъ превосходство этой формы надъ другими. Мы тутъ можемъ также подумать еще вотъ о чемъ: до какой степени нуждается въ передѣлкѣ теорія, составившаяся при незнаніи такого факта, какъ бытъ поселянина-собственника? Читатель знаетъ, что въ господствующей школѣ эта передѣлка не только не произведена, а даже и не считается нужною. Именно то, что мы допускаемъ къ должному участію въ установленіи политико-экономическихъ принциповъ понятіе о поселянинѣ-собственникѣ, и служитъ одною изъ главныхъ причинъ разницы нашихъ мнѣній отъ господствующихъ.

Вотъ общая характеристика хозяйства поселянъ-собственниковъ, приводимая Миллемъ изъ Ленга.

«Если мы послушаемъ большаго фермера, ученаго агронома» (англійскаго) «политико-эконома, то хорошее хозяйство должно погибнуть съ погибелью большихъ фермъ; имъ кажется нелѣпостью самая мысль о томъ, что хорошее хозяйство можетъ существовать безъ большихъ фермъ, воздѣлываемыхъ большимъ капиталомъ: дренажъ, удобреніе, разсчетливое распредѣленіе земли, расчистка ея, правильные сѣвообороты, хорошій скотъ, хорошія орудія — все это, по ихъ словамъ, исключительно принадлежитъ большимъ фермамъ, которыя воздѣлываются большимъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ. На бумагѣ доказывать это легко, но если мы обратимъ глаза съ ихъ книгъ на ихъ поля и хладнокровно сравнимъ хозяйство наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ большими фермами, съ хозяйствомъ наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ малыми фермами, то мы увидимъ, во Фландріи, восточной Фрисландіи, Гольштейнѣ и по всей полосѣ удобной земли на континентѣ отъ Зунда до Кале, что хлѣбопашество тутъ лучше, чѣмъ на противоположномъ берегу Англіи на такой же почвѣ и подъ тѣми же градусами отъ Фортскаго залива до Дувра. При одинаковости почвы и климата земля, очевидно, получаетъ высшую производительность тамъ, гдѣ внимательнымъ трудомъ воздѣлываются мелкіе участки, составляющіе собственность земледѣльцевъ, какъ это мы видимъ во Фландріи и гольштейнскомъ Дитмарсенѣ. Наши агрономы не смѣютъ утверждать, что наши большіе фермеры, даже въ графствахъ Бервикскомъ и Роксберкскомъ или въ Лотаямскомъ округѣ приближаются къ тому совершенству, какимъ отличается хозяйство мелкихъ фландрскихъ фермеровъ, что они такъ внимательно удобряютъ, дренируютъ и очищаютъ землю или получаютъ отъ нея столько продуктовъ, сколько собираютъ въ Фландріи съ небольшихъ участковъ, имѣющихъ отъ природы почву не очень плодородную. Даже въ тѣхъ приходахъ Шотландіи или Англіи, гдѣ существуетъ наилучшее хозяйство, на большихъ фермахъ бросается безъ пользы очень много земли по угламъ и краямъ полей и пропадаетъ подъ полевыми дорогами, которыя необходимо должны быть широки по дурному своему состоянію и дурны по своей широтѣ; пропадаетъ много земли въ невоздѣланныхъ клочкахъ подъ общественными выгонами, подъ безполезными закраинами, подъ дряпными кустарниками, — пропадаетъ столько земли, что если бы всѣ эти пропадающіе клочки соединить и воздѣлать, ихъ достало бы на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ прихода. Но когда прилагается къ хозяйству большой капиталъ, то, разумѣется, онъ обращается лишь на лучшую почву. Онъ не можетъ прилагаться къ маленькимъ непроизводительнымъ клочкамъ, оплодотвореніе которыхъ требовало бы больше труда и времени, чѣмъ дается надобностью въ скорой выручкѣ капитала. Время и трудъ наемныхъ работниковъ не могутъ быть употреблены съ выгодою на воздѣлываніе такихъ участковъ; но если бы работникъ былъ собственникомъ, онъ нашелъ бы выгоду воздѣлывать ихъ. На первое время онъ довольствуется и тѣмъ, что можетъ кормиться отъ своей земли. Но трудомъ поколѣній сообщается этимъ клочкамъ плодородіе и цѣнность. Средства къ жизни улучшаются и достигаются очень высокіе

способы обработки. Дренажъ, кормленіе скота въ стойлахъ цѣлое лѣто, жидкое удобреніе — это вещи общеупотребительныя въ маленькихъ хозяйствахъ Фландріи, Ломбардіи, Венеціи. У насъ, при системѣ большихъ фермъ, эти усовершенствованія только еще начинаются въ округахъ съ самымъ лучшимъ хозяйствомъ. Въ странахъ, гдѣ земля принадлежитъ мелкимъ собственникамъ поселянамъ, мы находимъ даже хозяйство, основанное на молочныхъ скопахъ, выдѣлку огромныхъ сыровъ сотрудничествомъ многихъ маленькихъ хозяевъ *); взаимное застрахованіе отъ огня и града соединеніемъ силъ мелкихъ хозяевъ, производство самой мудреной и обширной изъ всѣхъ новыхъ земледѣльческихъ операцій, — производство свекловичнаго сахара; эти мелкіе хозяева снабжаютъ европейскій рынокъ льномъ и пенькою; въ этихъ странахъ, даже бѣднѣйшіе люди каждый день имѣютъ въ изобиліи овощи, плоды, птицу за своимъ столомъ, а у насъ даже средніе классы совершенно лишены такого разнообразія въ пищѣ; это разнообразіе и составляетъ существенную принадлежность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Всѣ эти факты заставляютъ наблюдателя усомниться въ справедливости мнѣнія нашихъ агрономовъ, будто бы большія фермы, воздѣлываемыя наемнымъ трудомъ и большимъ капиталомъ, извлекаютъ изъ земли наибольшій продуктъ, снабжаютъ населеніе страны наибольшимъ количествомъ предметовъ необходимости и комфорта; и будто бы при иной системѣ это невозможно.»

Предупрежденіе, будто бы хозяйство фермеровъ-капиталистовъ лучше хозяйства поселянъ-собственниковъ, подкрѣпляется тѣмъ, что сравниваютъ результаты, получаемые при первой изъ этихъ формъ въ Англіи, съ результатами, какихъ вторая успѣваетъ достигать въ другихъ странахъ, гдѣ обстановка гораздо менѣе

*) Достоинъ вниманія способъ, по которому швейцарскіе поселяне соединяютъ свои капиталы для выдѣлки сыра. «Каждый швейцарскій приходъ для выдѣлки сыра нанимаетъ особеннаго человѣка, обыкновенно урожденна Грюйерскаго округа (во фрейбургскомъ кантонѣ). На 40 коровъ считается нужнымъ имѣть одного сырника съ помощникомъ, или выжимальщикомъ, и пастуха. У каждаго хозяина коровъ есть книжка, въ которой каждый день отмѣчается, сколько молока дано каждой коровой. Сырникъ и его помощники доятъ коровъ, сливаютъ ихъ молоко вмѣстѣ, дѣлаютъ изъ нихъ сыръ и въ концѣ лѣта каждый поселянинъ получаетъ количество сыра, соразмѣрное тому, сколько молока дали его коровы. При такомъ сотрудничествѣ поселянинъ вмѣсто маленькихъ, негодныхъ на продажу сыровъ, какіе могъ бы дѣлать изъ молока трехъ или четырехъ своихъ коровъ, получаетъ большіе, годные на продажу сыры лучшаго качества; они имѣютъ хорошее качество потому, что дѣлаются людьми, спеціально занимающимися этою работою. Сырникъ и его помощники получаютъ извѣстную плату съ каждой коровы деньгами или сыромъ, или нанимаютъ коровъ у хозяевъ и платятъ за нихъ деньгами или сыромъ.» (Notes of a Traveller, стр. 315). Подобная система существуетъ во Франціи въ департаментѣ Жюры. Въ этомъ интересномъ примѣрѣ сочетанія труда очень замѣчательную черту составляетъ довѣріе къ честности людей выдѣлывающихъ сыръ, — дѣло не могло бы производиться, еслибъ такое довѣріе не существовало и не оправдывалось опытомъ.

англійской благопріятна успѣхамъ сельскаго хозяйства. Тутъ забываютъ, что сравнивать достоинства двухъ принциповъ надобно при одинаковыхъ условіяхъ для дѣйствія обоихъ и что успѣшность англійскаго сельскаго хозяйства происходитъ не отъ формы его, а отъ выгодности общей обстановки всякихъ промышленныхъ дѣлъ въ Англіи. Милль находитъ примѣръ быта поселянъ собственниковъ въ условіяхъ, въ какихъ дѣйствуютъ фермеры капиталисты, и обнаруживаетъ на этомъ примѣрѣ, что хозяйство поселянъ собственниковъ при одинаковости условій несравненно успѣшнѣе хозяйства фермеровъ-капиталистовъ.

«Острова Британскаго канала служатъ такимъ рѣшительнымъ примѣромъ полезныхъ результатовъ, производимыхъ принадлежностью земли поселянамъ, что я не могу не прибавить къ сдѣланнымъ мною многочисленнымъ выпискамъ отрывка изъ описанія экономическаго устройства ихъ. Отрывокъ этотъ беру я изъ Уильяма Торнтона, писателя, соединяющаго личныя наблюденія съ внимательнымъ изученіемъ свѣдѣній, собранныхъ другими. Его «Plea for Peasant Proprietors»—книга, которую надобно назвать классической по вопросу о пользѣ принадлежности земли поселянамъ; такъ превосходно собраны и обработаны въ ней матеріалы. Вотъ что говоритъ онъ объ устройствѣ Гернзи (стр. 99—104): «этотъ маленькій островъ посылаетъ на рынокъ гораздо бо́льшее количество продуктовъ, чѣмъ посылаютъ въ самой Англіи округи такой величины, — фактъ, уже самъ по себѣ доказывающій, что поселяне на Гернзи должны быть далеки отъ бѣдности, потому что, будучи полными собственниками всѣхъ своихъ продуктовъ, они, конечно, продаютъ только ту часть ихъ, которая остается не нужна имъ самимъ. Удовлетворительность ихъ положенія очевидна каждому наблюдателю. Изъ всѣхъ обществъ, какія случалось мнѣ видѣть, говоритъ Гилль, самое зажиточное нашелъ я на маленькомъ островѣ Гернзи; — куда бы не пошелъ на этомъ островѣ путешественникъ, говоритъ сэръ Джорджъ Гедъ, вездѣ онъ увидитъ, что господствуетъ на немъ благосостояніе. Англичанина, который идетъ или ѣдетъ въ поле изъ Порта св. Петра, прежде всего поражаетъ видъ домовъ, разсѣянныхъ по пейзажу. Многіе изъ этихъ домовъ такъ хороши, что въ Англіи могли бы принадлежать только людямъ средняго сословія; англичанинъ не можетъ сообразить, какіе же люди живутъ въ этихъ домахъ, которые не такъ велики, какъ дома англійскихъ фермеровъ, но почти всѣ слишкомъ хороши для работниковъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ рыбацкихъ шалашей, на цѣломъ островѣ буквально нѣтъ ни одного дома, который можно было бы сравнить съ обыкновеннымъ жилищемъ англійскаго земледѣльческаго работника. Посмотрите на дрянныя жилища англійскихъ земледѣльческихъ работниковъ, говоритъ Делиль Брокъ, бывшій бальи острова Гернзи, и сравните ихъ съ домами нашихъ поселянъ! — Нищіе на Гернзи совершенно неизвѣстны; пролетаріевъ такъ же почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ пролетаріевъ между людьми способными къ работѣ. Сберегательныя кассы также свидѣтельствуютъ о всеобщей зажиточности рабочихъ сосло-

вій на Гернзи. Въ 1841 году въ Англіи, при населеніи около 15 милліоновъ, имѣли деньги въ сберегательныхъ кассахъ менѣе 700,000 человѣкъ, т. е. 1 изъ 20 человѣкъ населенія, и средняя величина вкладовъ была 30 фунтовъ. На Гернзи въ томъ же году изъ 26,000 человѣкъ имѣли вклады 1920 человѣкъ и средняя величина вкладовъ была 40 фунтовъ.» Тоже самое мы читаемъ о Джерзи и Альдерни.

«Торнтонъ подробно показываетъ успѣшность и производительность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ на островахъ Британскаго канала и выводъ изъ этихъ подробностей выражаетъ слѣдующими словами: «Мы видимъ, что на двухъ главныхъ изъ этихъ острововъ земледѣльческое населеніе гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ Великобританіи, — на одномъ въ два раза, на другомъ въ три раза: въ Великобританіи приходится только одинъ земледѣлецъ на 22 экра воздѣланной земли, а на Джерзи одинъ на 11 экровъ, на Гернзи одинъ на 7 экровъ. А кромѣ землепашцевъ, земледѣліе этихъ острововъ содержитъ неземледѣльческое населеніе, которое также гораздо лучше, чѣмъ въ Великобританіи, — на Джерзи въ четыре раза, а на Гернзи въ пять разъ. Разница эта происходитъ не отъ того, чтобы почва или климатъ на островахъ Британскаго канала были лучше, — нѣтъ, почва на нихъ отъ природы менѣе плодородна, а климатъ такой же, какъ въ южныхъ графствахъ Англіи. Вся разница происходитъ отъ неутомимой заботливости земледѣльцевъ и изобильнаго удобренія» (Торнтонъ, стр. 38).

«Въ 1837 году, говоритъ онъ (стр. 9), средній урожай пшеницы на большихъ фермахъ Англіи былъ только 21 бушель съ экра, и въ самомъ плодородномъ изъ всѣхъ графствъ средній урожай не превышалъ 26 бушелей. Самый высокій средній урожай, о какомъ только слыхивали въ Англіи — 30 бушелей. На Джерзи, гдѣ средняя величина земледѣльческихъ хозяйствъ только 16 экровъ, средній урожай пшеницы въ 1834 году былъ, по словамъ Инглиса, 36 бушелей, а по оффиціальнымъ таблицамъ за пятилѣтіе 1829 — 1833 годовъ мы знаемъ, что онъ былъ 40 бушелей. На Гернзи, гдѣ размѣръ хозяйствъ еще меньше, урожай въ 4 квартера съ экра считается, по словамъ Инглиса, хорошимъ, но очень обыкновеннымъ.» — «30 шиллинговъ за экръ земли средняго достоинства считалось бы въ Англіи очень хорошей рентой, но на островахъ Британскаго канала только уже очень плохая земля не даетъ 4 фунта ренты за экръ» (Торнтонъ, стр. 32).»

Вотъ наконецъ общій выводъ Милля о поселянахъ-собственникахъ:

«Мнѣ кажется, что этимъ изслѣдованіемъ прямыхъ дѣйствій и косвенныхъ вліяній принадлежности земли поселянамъ я доказалъ, что нѣтъ необходимой связи между этою формою поземельной собственности и несовершенствомъ производительныхъ искусствъ; что если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и неблагопріятна успѣшнѣйшему пользованію силами земли, то не менѣе важны и другія отношенія, по которымъ она благопріятна ему; что изъ всѣхъ существующихъ системъ земледѣльческаго устройства она производитъ самое выгодное вліяніе на трудолюбіе, умственное развитіе, бережливость и благоразуміе народа, и самымъ сильнѣйшимъ образомъ удерживаетъ людей отъ непредусмотрительнаго размноженія; что поэтому

нѣтъ изъ существующихъ устройствъ ни одного, столь благопріятнаго нравственному и физическому состоянію населенія. По сравненію съ англійскою системою обработки земли наемнымъ трудомъ она должна считаться чрезвычайно полезною для рабочаго класса. Сравнивать ее съ системою общей принадлежности земли товариществу работниковъ мы здѣсь не имѣемъ обязанности.»

Милль упоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хозяйство поселянъ-собственниковъ представляется не самою выгодною формою земледѣльческаго устройства; тутъ разумѣются извѣстные элементы преимущества большаго хозяйства надъ малымъ: большее сочетаніе труда, употребленіе болѣе могущественныхъ способовъ производства и предполагаемый многими перевѣсъ большаго хозяйства въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отрасляхъ сельской промышленности, напр. въ овцеводствѣ. Мы на этотъ разъ можемъ ограничиться ссылкою на дополненіе наше къ той главѣ 1-й книги Милля, гдѣ разсматривается въ общемъ принципѣ вопросъ о большомъ и маломъ размѣрѣ производства (Перев. Милля Т I, стр. 294 — 303*). Довольно будетъ замѣтить, что нѣтъ раціональныхъ причинъ считать сельское хозяйство исключеніемъ изъ общихъ законовъ промышленной дѣятельности. Перевѣсъ выгодъ, даваемыхъ дѣлу усовершенствованными процессами, требующими обширныхъ размѣровъ производства, такъ великъ, что ни въ какой отрасли экономическаго быта мелкое хозяйство не можетъ выдерживать соперничества съ большимъ, какъ скоро прогрессъ технологіи и механики открываетъ возможность усовершенствованныхъ процессовъ въ этомъ дѣлѣ и начинаетъ прилагаться къ дѣлу капиталъ большими массами: никакое усердіе въ трудѣ не спасаетъ мелкаго хозяина, когда являются у большаго хозяина усовершенствованные процессы, недоступные мелкому. Если при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ поселяне-собственники еще сохранились на континентѣ Западной Европы, это лишь потому, что земледѣліе въ ихъ мѣстахъ еще сохранило неразвитые процессы производства и въ большихъ хозяйствахъ. Когда оно станетъ (а оно уже начинаетъ становиться) не патріархальнымъ, а коммерческимъ дѣломъ, мелкія хозяйства должны погибнуть при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ. Чтобы сохранились они,

*) См. Томъ III настоящаго изданія.

и чтобы животворились усовершенствованные процессы усердною работою работниковъ-хозяевъ, для этого нужно другое устройство, то самое, выгодность и неизбѣжность котораго обнаруживается при внимательномъ разсмотрѣніи и каждаго частнаго вопроса и каждаго общаго принципа экономической науки.

Вотъ наша статья почти уже и кончена. Но читатели, конечно, замѣтили въ ней одинъ важный пробѣлъ: онъ слишкомъ рѣзко чувствуется въ обозрѣніи формъ сельскаго хозяйства, дѣлаемомъ писателемъ, защищающимъ наше обычное общинное землевладѣніе. Объ общинномъ землевладѣніи Милль ни слова не говоритъ въ главахъ, содержаніе которыхъ мы пересматривали, а мы не дополнили этого пропуска, понятнаго въ англійской книгѣ, не натуральнаго у насъ. Что жь дѣлать! будто ужь всегда дѣйствуешь натурально: иной разъ поступаешь такъ, что самъ пожимаешь плечами. Отложимъ этотъ предметъ до другаго случая; оно тѣмъ извинительнѣе будетъ, что дѣло объ общинномъ землевладѣніи принадлежитъ не столько частному, занимавшему насъ теперь вопросу о классахъ, между которыми дѣлится продуктъ, сколько общему принципу всей теоріи распредѣленія. Когда намъ удастся говорить объ этомъ общемъ принципѣ, поговоримъ о многомъ оставляемомъ въ сторонѣ теперь, между прочимъ и объ общинномъ землевладѣніи.

Въ сельскомъ хозяйствѣ владѣніе капиталомъ очень часто отдѣляется отъ владѣнія землею. Въ фабричномъ дѣлѣ и въ другихъ отрасляхъ промышленности это бываетъ слишкомъ рѣдко; а когда и бываетъ, доля землевладѣльца невелика сравнительно съ долею капиталиста. Во всѣхъ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ (кромѣ земледѣльческихъ) участокъ земли, на которомъ стоитъ промышленное заведеніе, и самое зданіе, въ которомъ оно помѣщается, составляетъ обыкновенно собственность того же лица, которое ведетъ предпріятіе на свой капиталъ: фабрика принадлежитъ фабриканту, заводъ заводчику и т. д. Слѣдовательно, тутъ существуютъ лишь два класса: капиталисты-землевладѣльцы и работники. Когда бываетъ иначе, когда напримѣръ, фабрика или заводъ отдается въ аренду, бо́льшая часть суммы, платимой арендаторомъ-хозяиномъ предпріятія соб-

ственнику-хозяину арендуемой фабрики, платится не за землю, а за зданіе съ его обзаведеніемъ, то есть за капиталъ, принадлежащій къ разряду основнаго капитала. Доля, платимая собственно за землю, остается за этимъ вычетомъ уже невелика и не заслуживаетъ большаго вниманія. А выдѣлъ той части продукта, которая бываетъ велика, служитъ выдѣломъ отъ одного капиталиста другому. Дѣйствительно, тутъ два капиталиста: одному принадлежитъ оборотный капиталъ и нѣкоторая часть основнаго (напр. машины ставитъ, или по крайней мѣрѣ ремонтируетъ арендаторъ), а другому — часть основнаго капитала (зданіе и, быть можетъ, машины). Раздѣлъ, остающейся на долю капитала части продукта между этими двумя капиталистами, слѣдуетъ обыкновенной пропорціи раздѣла между двумя соучастниками по величинѣ вклада, даваемаго каждымъ изъ нихъ въ общую сумму. Такимъ образомъ, распредѣленіе продукта въ остальныхъ отрасляхъ производства гораздо проще, чѣмъ въ земледѣльческой и представляетъ гораздо меньше разнообразныхъ формъ. Поселянамъ-собственникамъ соотвѣтствуютъ тѣ мелкіе ремесленники и мастера, которые работаютъ въ своихъ мастерскихъ по одиночкѣ, при помощи лишь своей семьи, да развѣ двухъ-трехъ несовершеннолѣтнихъ учениковъ. Коттерамъ соотвѣтствуютъ тѣ работники мануфактуръ, которые занимаются работою у себя на дому, получая работу отъ большаго хозяина. Но масса работниковъ во всѣхъ заводскихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ быстро переходитъ въ состояніе наемныхъ работниковъ, а въ отрасляхъ промышленности, гдѣ наиболѣе усовершенствованы процессы производства, уже вся сполна перешла въ это положеніе.

ТРЕХЧЛЕННОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРОДУКТА.

(гл. XI — XVI).

Господствующая экономическая теорія возникла и развилась как мы видѣли изъ предшествующаго очерка, въ такомъ обществѣ, которое не знало о существованіи поселянъ-собственниковъ.

Французскіе и нѣмецкіе политико-экономы знали этотъ бытъ, и многіе изъ нихъ очень высоко цѣнили его. Но не было изъ нихъ ни одного человѣка, равнявшагося умомъ Адаму Смиту, Мальтусу и Рикардо; всѣ они оказывались безсильны проникнуть до самыхъ основаній теоріи, чтобы восполнить, на основаніи знакомаго имъ факта, пробѣлъ, вкравшійся въ нее у Адама Смита и не пополненный ни Мальтусомъ, ни Рикардо. Сочувствіе быту поселянъ-собственниковъ оставалось у нихъ какъ будто бы дѣломъ внѣшнимъ, не успѣвало войдти въ самую теорію. Они были только популяризаторами (напримѣръ, Жанъ Батистъ Сэ) и учеными компиляторами (напримѣръ, Рау и Рошеръ), а творческаго духа не было въ нихъ; они умѣли только растолковывать чужія мысли или подбирать къ нимъ факты. Милль несравненно выше ихъ логическою силою, но и онъ не изъ тѣхъ людей, которые бываютъ въ состояніи переработать науку. Главная сила его въ томъ, что онъ — мыслитель совершенно честный и человѣкъ сочувствующій добру. Сойдти съ точки зрѣнія, на какую онъ поставленъ своими учителями, Мальтусомъ и въ особенности Рикардо, онъ не можетъ. Онъ умѣетъ только цѣнить все хорошее, что успѣваетъ замѣтить съ этой точки зрѣнія. Онъ замѣтилъ, что есть мыслители, считающіе положеніе работниковъ-хозяевъ единственнымъ нормальнымъ. Какъ человѣкъ добросовѣстный, онъ вникъ въ этотъ взглядъ и нашелъ его справедливымъ. Поэтому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ выражаетъ желаніе, чтобы работникъ возвысился до положенія хозяина. Но онъ не въ силахъ пересоздать по одобряемой имъ идеѣ теорію, созданную людьми, не имѣвшими этого принципа. Потому остается у него почти безплоденъ разборъ разныхъ формъ распредѣленія продукта. Мы видѣли, что въ этомъ разборѣ онъ съ благороднымъ восторгомъ учитъ англичанъ понимать все экономическое превосходство быта поселянъ - собственниковъ надъ другими формами общественнаго быта. Но за разборомъ разныхъ существующихъ формъ общественнаго устройства слѣдуетъ у него анализъ распредѣленія продукта по тремъ элементамъ производства, — анализъ въ духѣ Адама Смита и Рикардо, которые, не имѣя идеала, замѣченнаго Миллемъ, разсуждали въ томъ предположеніи, что это распре-

дѣленіе продукта по тремъ разнымъ классамъ составляетъ совершеннѣйшую форму экономическаго устройства, — точка зрѣнія, не согласная съ мыслями самого Милля о поселянахъ-собственникахъ.

Мы не къ тому ведемъ рѣчь, что не нуженъ въ наукѣ разборъ участія, какое принадлежитъ при производствѣ продукта каждому изъ трехъ элементовъ производства; и не къ тому мы ведемъ рѣчь, что не нужно было въ наукѣ раздробленіе продукта на три части (ренту, прибыль и рабочую плату), соотвѣтственно каждому изъ трехъ элементовъ производства (землѣ, капиталу и труду). Напротивъ, это очень нужно, совершенно необходимо для теоріи. Теорія непремѣнно должна стараться о разложеніи факта на самые коренные, простѣйшіе элементы. Геодезія непремѣнно раздробляетъ всякую мѣстность на простѣйшія составныя части, треугольники: пока многоугольникъ не разбитъ на треугольники, его нельзя вычислить. Такъ и политическая экономія непремѣнно должна разлагать продуктъ на доли, соотвѣтствующія разнымъ элементамъ производства, ренту, прибыль и рабочую плату. Мы увидимъ, что не безполезно для науки провести дробленіе еще дальше, различить въ каждой изъ этихъ трехъ долей еще новыя доли по разнымъ разрядамъ ренты, капитала и труда. Но этою частью дѣла, на которой останавливается господствующая теорія, еще не исчерпывается вся задача науки. Геометрія не ограничиваетъ своихъ соображеній геодезическимъ раздробленіемъ данной плоскости на треугольники: она разсуждаетъ также о томъ, какое сочетаніе треугольниковъ наиболѣе удовлетворительно для разныхъ надобностей человѣка; напримѣръ, она показываетъ, что если нужно имѣть какъ можно меньшую периферію при данной вмѣстимости, то надобно строить правильный многоугольникъ съ возможно бо̀льшимъ числомъ сторонъ, такъ что десятиугольникъ тутъ будетъ удовлетворительнѣе треугольника, стоугольникъ еще удовлетворительнѣе, а идеальная фигура съ этой точки зрѣнія — кругъ; геометрія прибавляетъ, что съ математическою точностью этого идеала нельзя достигнуть въ практикѣ: совершенно правильнаго круга нѣтъ въ природѣ и не можетъ онъ быть начерченъ человѣкомъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ она говоритъ, что

этою недостижимостью идеала не нужно огорчаться и не слѣдуетъ ставить ее возраженіемъ противъ надобности округлять данную площадь: если безусловно точнаго круга человѣкъ начертить не можетъ, то легко человѣку начертить фигуру, которая не будетъ имѣть никакой замѣтной разницы отъ круга, такъ что въ практикѣ она ничѣмъ не будетъ отличаться отъ математически совершеннаго круга; а пока замѣтно въ практикѣ различіе начерченной фигуры отъ круга, человѣкъ не долженъ успокоиваться, долженъ видоизмѣнять фигуру, пока приблизится она къ кругу до совершенной незамѣтности различія отъ него въ практическомъ отношеніи.

Точно такова же задача и требовательность экономической теоріи. Разложивъ продуктъ на доли, соотвѣтствующія разнымъ элементамъ производства, она должна искать, какое сочетаніе этихъ элементовъ и долей даетъ наивыгоднѣйшій практическій результатъ. Въ чемъ тутъ состоитъ задача, понятно каждому: надобно отыскать, при какомъ сочетаніи элементовъ производства данное количество производительныхъ силъ даетъ наибольшій продуктъ. Когда теорія покажетъ такую форму сочетанія, то само собою будетъ разумѣться, что безусловнаго совершенства въ осуществленіи формы этой достичь невозможно человѣку не только теперь, но и рѣшительно никогда; таково уже общее свойство всѣхъ требованій всякой науки; ни одно изъ нихъ не можетъ быть осуществлено въ безусловномъ совершенствѣ, потому что безусловнаго совершенства вообще никогда ни въ чемъ не бываетъ и не можетъ быть: нельзя начертить безусловно правильнаго круга; нельзя начертать ни безусловно правильнаго квадрата, ни безусловно правильнаго треугольника съ какими бы то ни было углами, ни вообще какой бы то ни было геометрической фигуры. Точно такъ же невозможно безусловное совершенство ни въ какомъ другомъ дѣлѣ: невозможно получить безусловно чистую воду или умыться до безусловной чистоты лица или рукъ, или до безусловнаго совершенства овладѣть хотя бы своимъ роднымъ языкомъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что заботы о полученіи чистой воды или заботы объ опрятности надобно назвать утопіею и бросить какъ химеру, и что не надобно

мыть рукъ и изучать языки? Каждому понятно, что если бъ человѣкъ высказалъ такое заключеніе, онъ высказалъ бы лишь свое тупоуміе (когда самъ вѣрилъ бы тому, что говоритъ) или свою недобросовѣстность (когда употребляетъ такой аргументъ лишь для полемическихъ цѣлей, самъ понимая, какую пошлость говоритъ, но разсчитывая на непривычку большинства къ научному мышленію). Каждому извѣстно, что во всѣхъ этихъ дѣлахъ легко достигается человѣкомъ та степень совершенства, какую по свойствамъ даннаго случая принимаетъ человѣкъ на практикѣ за абсолютное совершенство. На что вамъ вода? для питья? Во многихъ рѣкахъ и родникахъ она имѣетъ ту степень чистоты, что вы не можете замѣтить на вкусъ никакихъ нечистотъ; а всякая вода можетъ быть доведена фильтровкою до этой степени чистоты, не различаемой вами отъ абсолютной чистоты по критеріуму, даваемому вашими невооруженными чувствами. Но быть можетъ у васъ другая потребность, для химическихъ занятій вамъ нужна вода, несравненно болѣе чистая, безъ всякихъ примѣсей? Такой воды нѣтъ готовой въ природѣ; и фильтровка тутъ недостаточна; вы должны дистиллировать воду, и легко получите ее въ такой чистотѣ, что никакими реагентами не откроете въ ней уже никакой примѣси. Значитъ ли это, что вы получили воду абсолютно чистую? Вовсе нѣтъ: какъ бы хорошо ни была она дистиллирована, въ ней все-таки будетъ нѣкоторое количество газовъ и минеральныхъ частицъ. Но что же вамъ огорчаться этимъ, когда они незамѣтны и для вашихъ вооруженныхъ чувствъ, когда вода эта не различается замѣтнымъ образомъ отъ абсолютно чистой воды? — Для чего вы умываетесь? для опрятности? Этой степени совершенства каждый день достигаетъ каждый опрятный человѣкъ. Подъ микроскопомъ вы замѣтите нѣкоторый потъ, нѣкоторую пыль на его рукахъ. Но вѣдь вы не смотрите на нихъ въ микроскопъ? вы не замѣчаете этого? Слѣдовательно чистота его рукъ въ практикѣ равно-значительна абсолютной чистотѣ. Но быть можетъ вамъ представилась особенная надобность, требующая гораздо высшей степени чистоты, быть можетъ вы хотите наблюдать въ микроскопъ ходъ физіологическихъ процессовъ въ сосудахъ кожи? И до такой степени

можно очистить руку, нужно только употребить техническія средства для достиженія технической цѣли: взять для мытья рукъ препараты, болѣе тонкіе, чѣмъ мыло. — То же самое и съ искусствомъ говорить на какомъ нибудь языкѣ. Вы хотите говорить на родномъ языкѣ. Вы хотите говорить такъ, чтобы кругъ общества, въ которомъ вы живете, не замѣчалъ никакихъ недостатковъ въ вашихъ разговорахъ со стороны правильности языка? Этой степени совершенства достигаетъ каждый: каждый говоритъ на своемъ языкѣ такъ, что рѣчь его кажется совершенно правильною кругу, въ которомъ онъ выучился говорить. Вамъ угодно достичь высшаго совершенства? Для этого уже нужны техническія средства: займитесь грамматикою, изучайте книги, писанныя хорошимъ языкомъ, слѣдите внитательно за оборотами вашей рѣчи, и — вы легко достигнете того, что люди, говорящіе самымъ правильнымъ языкомъ, будутъ находить вашу рѣчь совершенно правильною.

Такъ во всякомъ дѣлѣ; такъ и въ дѣлѣ о сочетаніи элементовъ производства наивыгоднѣйшимъ образомъ. Абсолютное совершенство недостижимо, но достижима всякая степень совершенства, какая потребуется на практикѣ соотвѣтственно надобностямъ человѣка, такъ чтобы не чувствовалъ онъ практически разницы между идеальнымъ совершенствомъ и фактическимъ положеніемъ дѣла. Если это еще не достигнуто, если практически замѣтно несовершенство даннаго положенія, значитъ человѣкъ еще не позаботился сдѣлать всего, что нужно для усовершенствованія дѣла, значитъ ему нужно думать и работать надъ усовершенствованіемъ дѣла.

Само собою разумѣется, что на каждой данной степени этого прогресса усовершенствованій дѣло будетъ идти въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ, такъ что случаи втораго рода будутъ оказываться практически неудовлетворительными по сравненію съ случаями перваго рода, которые въ ту эпоху прогресса практически представляются сходными съ идеаломъ совершенства. Для уравненія менѣе удовлетворительныхъ случаевъ съ этими вполнѣ удовлетворительными человѣкъ будетъ придумывать новыя улучшенія; отъ приложенія этихъ новыхъ улучшеній къ случаямъ, бывшимъ прежде наиболѣе успѣшными,

сами эти случаи окажутся лучше прежняго и отъ того поднимется норма, считающаяся практическимъ совершенствомъ. Сравнительно съ нею будутъ казаться несовершенными менѣе удовлетворительные случаи, хотя бы и доведены они были произведенными улучшеніями до высоты, прежде казавшейся практическимъ совершенствомъ. Разумѣется, отъ этого возникнетъ охота придумывать новыя улучшенія, и такимъ образомъ ходъ прогресса безконеченъ: вѣчно будутъ оказываться случаи менѣе другихъ удовлетворительные, и отъ придумыванья средствъ къ ихъ улучшенію будутъ улучшаться также удовлетворительнѣйшіе случаи, и отъ этого вѣчно будетъ оставаться разница успѣшнѣйшаго и менѣе успѣшнаго хода дѣлъ, — разница, требующая новыхъ улучшеній. Но если постоянно будетъ являться надобность въ новыхъ улучшеніяхъ, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы чувство неудовлетворенности менѣе успѣшными случаями оставалось безъ уменьшенія, иначе сказать, чтобы человѣкъ не чувствовалъ себя все довольнѣе и счастливѣе съ каждымъ усовершенствованіемъ. Разстояніе между безусловнымъ совершенствомъ и достигнутою степенью совершенства остается все меньше и меньше; а человѣческіе потребности удовлетворяются все полнѣе и полнѣе съ каждымъ новымъ успѣхомъ. А чѣмъ меньше остается разница между безусловной и достигнутой полнотой удовлетворенія, тѣмъ менѣе болѣзненно становится чувство этой разницы, и очень скоро достигается въ серьезныхъ потребностяхъ такая степень удовлетворенія, что болѣзненность или прискорбность разницы между абсолютною и достигнутою полнотою удовлетворенія совершенно исчезаетъ, и впечатлѣніе, ощущаемое человѣкомъ отъ этой разницы, принимаетъ другой характеръ, — характеръ свѣтлаго состоянія души, когда человѣкъ чувствуетъ: „мнѣ и теперь хорошо, а если я буду работать надъ улучшеніемъ, будетъ мнѣ еще лучше.“ Серьезныя, реальныя потребности человѣка удовлетворяются до такой степени свѣтлаго наслажденія неслишкомъ высокою степенью совершенства. Напримѣръ, до безконечности можетъ простираться усовершенствованіе качества въ породахъ рогатаго скота, воспитываемыхъ для мяса; точно также до безконечности можетъ простираться усовершенствованіе кухоннаго

искусства. Но очень легко получить такую говядину, изъ которой можно приготовить уже очень вкусное блюдо, и очень легко приготовить эту говядину такъ, чтобы блюдо было очень вкусно. Точно то же во всякомъ другомъ сортѣ порядочной пищи; точно то же и въ одеждѣ и въ помѣщеніи; точно то же и въ удовлетвореніи всѣхъ другихъ реальныхъ, серьезныхъ потребностей, — тѣхъ потребностей, которыя вытекаютъ изъ органическаго устройства, которыя признаются разсудкомъ за потребности основательныя, разумныя, неудовлетворенность которыхъ производитъ въ человѣкѣ физическое или нравственное страданіе серьезнаго рода, признаваемое за дѣйствительное страданіе добрыми и умными людьми. Другое дѣло — тѣ фальшивыя потребности, при неудовлетворенности которыхъ въ извѣстномъ человѣкѣ разсудительные люди не сочувствуютъ его жалобѣ, а смѣются надъ нимъ или презираютъ его. Эти потребности никогда не могутъ быть удовлетворены на столько, чтобы допускали постоянное свѣтлое наслажденіе въ человѣкѣ, ими заразившемся: онѣ всегда приносятъ ему больше огорченій, чѣмъ удовольствія. Но не объ удовлетвореніи такихъ потребностей разсуждаетъ наука. Она разсуждаетъ объ искорененіи обстоятельствъ, подвергающихъ человѣка этимъ нравственнымъ болѣзнямъ.

Все это мы говоримъ къ тому, что формулу абсолютно выгоднѣйшаго сочетанія элементовъ производства наука можетъ давать лишь самымъ отвлеченнымъ образомъ, лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, не представляющихъ никакой опредѣленной картины нашему воображенію. Силы воображенія совершенно недостаточны для того, чтобы представились намъ въ отчетливой картинѣ подробности, которыми опредѣлялся бы реальный очеркъ не только этого математическаго совершенства, но хотя бы какой-нибудь степени совершенства, довольно близкаго къ нему сравнительно съ нынѣшнею дѣйствительностію. Фантазія — способность очень слабая; она не въ силахъ отдаляться отъ дѣйствительности. Она не въ силахъ создать для своихъ картинъ ни одного элемента, кромѣ даваемыхъ ей дѣйствительностью. Въ дѣйствительности по вопросу о пользованіи продуктомъ труда высшій элементъ, знакомый нашему воображенію, — положеніе поселянина-соб-

ственика. Всѣ теоріи коренныхъ улучшеній человѣческаго быта построены на этомъ понятіи. Со временемъ, конечно, будетъ представлять дѣйствительность данныя для идеаловъ, болѣе совершенныхъ; но теперь никто не въ силахъ отчетливымъ образомъ описатъ для другихъ или хотя бы представить самому себѣ иное общественное устройство, которое имѣло бы своимъ основаніемъ идеалъ болѣе высокій. Да, изъ этого скромнаго основанія возникаютъ и только эту скромную цѣль дѣйствительно имѣютъ въ виду всѣ такъ-называемыя утопіи: дайте намъ такой бытъ, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы занимать положеніе поселянина-собственника или другое положеніе, равнозначительное ему, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы работать дѣйствительно въ свою пользу. Судите же теперь сами, до какой степени слѣдуетъ называть утопіею такое скромное требованіе.

Конечно люди, у которыхъ доставало силы соображенія, чтобы отчетливо представить себѣ результаты удовлетворенія этому скромному требованію, предвидѣли, что съ его осуществленіемъ уровень благосостоянія чрезвычайно возвысится; конечно нѣкоторые изъ нихъ очень яркими красками описывали довольство, какого слѣдуетъ ожидать отъ предполагаемой ими реформы; конечно были и такіе, которые старались во всѣхъ подробностяхъ предугадать перемѣну чувствъ, какая произойдетъ отъ столь значительной перемѣны экономическаго положенія; конечно въ подобныхъ случаяхъ краски выходили иногда слишкомъ блистательны, подробности оказывались иногда соображенными не безошибочно. Но что жь такое? Развѣ не случается того же самого съ каждымъ успѣвшимъ понять выгоду какого бы то ни было дѣла? Развѣ каждый изобрѣтатель или нововводитель въ какомъ бы то ни было дѣлѣ отъ cache-nez до электрическихъ телеграфовъ, отъ хромолитографіи до воскресныхъ школъ не преувеличиваетъ нѣкоторыхъ сторонъ пользы, какую принесетъ его дѣло и не ошибается въ нѣкоторыхъ подробностяхъ при развитіи своей мысли? Что жь изъ этого?

Конечно для осуществленія самаго простаго, скромнаго и практичнаго требованія нужна бываетъ иногда очень большая передѣлка обстановки. Но если эта передѣлка и представляется

вамъ трудною, трудность находится не въ характерѣ самаго требованія, а въ обстановкѣ, какая была у извѣстнаго человѣка или у извѣстнаго общества. Напримѣръ, что можетъ быть проще и скромнѣе того требованія, чтобы люди не продавали плѣнныхъ въ рабство? Мы видимъ, что это требованіе безусловно принято всѣми сколько нибудь цивилизованными народами, принято до того, что не натурально имъ кажется и подумать о его нарушеніи. Попробуйте же разсудить, какая передѣлка быта понадобится у племенъ западнаго берега Африки, чтобы осуществилось у нихъ это требованіе. Имъ нужно совершенно перевоспитаться, отбросить бо̀льшую часть своихъ нынѣшнихъ понятій и обычаевъ, пріобрѣсти совершенно новыя для нихъ мысли и привычки. Очень можетъ быть, что для нихъ ваше скромное требованіе представится утопіей. Смутитъ ли васъ такое возраженіе? Развѣ не готовъ у васъ неопровержимый отвѣтъ на него? Вы навѣрное скажете: „чѣмъ труднѣе западно-африканскимъ племенамъ осуществить это требованіе при своемъ нынѣшнемъ бытѣ, тѣмъ значитъ хуже ихъ нынѣшній бытъ и тѣмъ сильнѣе выказывается надобность передѣлки его.“ — Къ этому вы конечно прибавите, что передѣлка эта — необходимость, налагаемая на нихъ исторіею, и что отъ этой необходимости не уйдти имъ ни въ какомъ случаѣ, какъ бы ни были кому нибудь изъ нихъ милы нынѣшніе ихъ порядки. Да; есть возраженія, которыя служатъ только сильнѣйшимъ подтвержденіемъ пользы и неизбѣжности дѣла, противъ котораго выставляются. Если, напримѣръ, вы полагаете, что человѣку не слѣдуетъ быть пьяницей, и если какой нибудь человѣкъ станетъ спорить противъ васъ, у васъ только появляется мнѣніе, что именно къ нему-то и примѣняется сильнѣйшимъ образомъ ваша мысль: по всей вѣроятности, онъ — или несчастный пьяница, или стоитъ въ какомъ нибудь вредномъ для общества положеніи, въ которомъ получаетъ пользу отъ существованія пьяницъ. Чѣмъ упрямѣе споритъ онъ съ вами, тѣмъ больше утверждаетесь вы въ мысли, что надобно ему измѣнить обстановку, вліяніе которой мѣшаетъ ему принять мысль, что пьяница вреденъ себѣ и другимъ.

Но мы выходимъ отъ предположенія, что возможно сочетаніе

элементовъ производства болѣе выгодное, чѣмъ принимаемая господствующею теоріею форма, при которой существуютъ три разные класса, дѣлящіе между собою продуктъ по тремъ элементамъ производства, такъ что одинъ классъ получаетъ ренту, другой — прибыль, третій — рабочую плату. Мы видѣли, что даже изъ послѣдователей господствующей теоріи предпочитаютъ этому устройству другой порядокъ дѣлъ всѣ тѣ, которые знакомы съ бытомъ поселянина-собственника и одарены самостоятельнымъ разсудкомъ на столько, чтобы не оставаться попугаями, повторяющими слова первыхъ основателей политической экономіи, не знавшихъ этого быта. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы видѣли, что даже у Милля, самаго сильнаго изъ нихъ по уму, сочувствіе къ быту поселянина - собственника остается почти безплоднымъ, или по крайней мѣрѣ не имѣющимъ вліянія на общій характеръ теоріи. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что симпатія къ положенію поселянина - собственника происходитъ лишь отъ филантропіи, безсильной передъ необходимостью вещей? Не надобно ли думать, что каковы бы ни были результаты трехчленнаго дѣленія продукта по тремъ классамъ, это дѣленіе неизбѣжно требуется промышленнымъ прогрессомъ, и всякая другая форма, хотя бы и казалась благотворнѣе для массы, должна неминуемо уступать мѣсто трехчленному дѣленію? Отвѣтъ на это легко найдти въ самой господствующей теоріи. Мы видѣли, что трехчленное дѣленіе сама господствующая теорія находитъ только въ земледѣліи. Мы спрашиваемъ теперь: почему же нѣтъ подобнаго трехчленнаго дѣленія въ заводской и фабричной промышленности? Вѣдь и въ ней есть элементы, на которыхъ могъ бы построиться подобный порядокъ. Зданіе фабрики съ находящеюся подъ ней землею и съ долговѣчными машинами могло бы принадлежать собственнику, отдѣльному отъ капиталиста, снимающаго въ аренду веденіе фабрикаціи на свой оборотный капиталъ. Но вѣдь не существуетъ же такого раздѣла: выгоднѣе для производства оказывается, чтобы капиталистъ, ведущій фабрикацію, былъ и собственникомъ фабрики. А между тѣмъ фабричная промышленность стоитъ гораздо выше земледѣлія по техническому совершенству своихъ процессовъ, и ея обороты гораздо ближе соот-

вѣтствуютъ условіямъ экономической теоріи, чѣмъ земледѣльческіе обороты. Изъ этого мы можемъ заключить, что есть такія формы двухчленнаго дѣленія продукта, которыя должны и по господствующей теоріи считаться выше трехчленнаго дѣленія, примѣняющагося въ значительномъ размѣрѣ лишь къ самой отсталой по техническому совершенству отрасли производства. Если же при извѣстномъ способѣ сочетанія двухъ элементовъ въ рукахъ одного класса производство становится совершеннѣе, чѣмъ при трехчленномъ дѣленіи, то естественно является предрасположеніе думать, что для дальнѣйшаго усовершенствованія производства нужно сочетаніе всѣхъ трехъ элементовъ въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Каковы должны быть условія такой формы производства и на какомъ разсчетѣ должно основываться проистекающее изъ нея распредѣленіе продукта, это мы разсмотримъ когда нибудь въ другой разъ, а теперь займемся обозрѣніемъ свойствъ трехчленнаго дѣленія, рекомендуемаго господствующею теоріею. Этотъ обзоръ доставитъ намъ матеріалы для окончательнаго признанія неудовлетворительности такого дѣленія и покажетъ, какія перемѣны существующаго устройства нужны для соотвѣтствія съ принципами самой господствующей теоріи, — принципами, которымъ противорѣчитъ трехчленное дѣленіе, являющееся въ ней чрезвычайною несообразностью, какими впрочемъ вообще она изобилуетъ.

Форма трехчленнаго распредѣленія предполагаетъ, какъ извѣстно читателю, что изъ трехъ элементовъ производства каждый особо принадлежитъ отдѣльному классу, и доля изъ продукта, достающаяся этому классу, опредѣляется соперничествомъ. Классъ, которому принадлежитъ трудъ, является при этой формѣ быта сословіемъ наемныхъ работниковъ, получающихъ рабочую плату; капиталъ принадлежитъ классу промышленныхъ антрепренеровъ, получающихъ прибыль, а земля — классу владѣльцевъ недвижимой собственности, не принимающему никакого личнаго участія въ веденіи предпріятія, но получающему отъ предпринимателя ренту за дозволеніе пользоваться недвижимою собственностью (землею), какъ орудіемъ и помѣщеніемъ для промышленнаго предпріятія. Свой анализъ трехъ долей распредѣленія Милль начинаетъ съ рабочей платы.

РАБОЧАЯ ПЛАТА.

Въ разныхъ занятіяхъ рабочая плата имѣетъ неодинаковую величину; причины, отъ которыхъ зависитъ эта разница, излагаются господствующею теоріею очень удовлетворительно, такъ-что намъ довольно будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ въ концѣ отдѣла, а главное вниманіе надобно обратить на вопросъ о величинѣ рабочей платы вообще или платы за массу обыкновеннаго чернаго труда, не требующаго ни особенной подготовки, ни чрезвычайныхъ физическихъ или нравственныхъ силъ. Чѣмъ опредѣляется величина этой обыкновенной рабочей платы при трехчленномъ дѣленіи продукта? Милль говоритъ:

«Рабочая плата, подобно другимъ экономическимъ элементамъ, опредѣляется или соперничествомъ, или обычаемъ. Въ нашей землѣ (Англіи) мало найдется такихъ родовъ труда, вознагражденіе за которые не было бы ниже нынѣшняго, если бы хозяинъ вполнѣ пользовался выгодою соперничества. Но все-таки соперничество при нынѣшнемъ состояніи общества должно считаться главнымъ регуляторомъ рабочей платы, а обычай или личный характеръ только видоизмѣняющимъ обстоятельствомъ и притомъ слабымъ сравнительно съ соперничествомъ.

«Итакъ рабочая плата главнымъ образомъ зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ труда или, какъ часто говорятъ, между населеніемъ и капиталомъ. Подъ населеніемъ разумѣется тутъ лишь численность рабочаго класса или, точнѣе говоря, людей работающихъ по найму; а подъ капиталомъ только оборотный капиталъ, и даже не весь оборотный капиталъ, а лишь та часть его, которая расходуется на прямую покупку труда. Но къ ней тутъ прибавляются всѣ суммы, которыя, не составляя части капитала, платятся въ обмѣнъ за трудъ, какъ, напримѣръ, плата солдатамъ, домашней прислугѣ и всѣмъ другимъ непроизводительнымъ работникамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ общеупотребительнаго слова, которымъ можно было бы обозначить то, что мы обозначимъ выраженіемъ «фондъ рабочей платы» извѣстной страны. Плата за производительный трудъ составляетъ почти всю массу этого фонда, потому обыкновенно оставляютъ безъ вниманія меньшую по величинѣ и по важности часть его, говоря, что рабочая плата опредѣляется величиною населенія и капитала. Для простоты мы будемъ употреблять это выраженіе, но не должны забывать, что въ буквальномъ смыслѣ оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣлу.

«Понимая такимъ образомъ термины «населеніе и капиталъ,» надобно сказать, что рабочая плата, опредѣляющаяся относительною величиною капитала и населенія, зависитъ при господствѣ соперничества исключительно отъ этого отношенія. Рабочая плата (то есть, разумѣется, общая величина ея) можетъ подниматься

только отъ увеличенія суммы фондовъ, употребляемыхъ на наемъ работниковъ, или отъ уменьшенія въ числѣ соискателей, нанимающихся работать; падать она можетъ только или отъ уменьшенія фондовъ, опредѣленныхъ на плату за трудъ, или отъ увеличенія въ числѣ работниковъ, получающихъ плату.»

Есть факты, на первый взглядъ кажущіеся несогласными съ этой теоріей; но они только подтверждаютъ ее при точнѣйшемъ разборѣ. Напримѣръ говорятъ, что въ одной и той же странѣ, при данномъ числѣ рабочаго населенія, рабочая плата возвышается въ эпохи успѣшнаго хода промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, понижается въ періоды застоя, — слѣдовательно величина рабочей платы зависитъ не отъ пропорціи между капиталомъ и населеніемъ, а отъ успѣшности или неуспѣшности коммерческихъ дѣлъ. Дѣлать такое возраженіе, значитъ не понимать факта, на который ссылаешься. Во время застоя часть капитала, шедшаго прежде на рабочую плату, удерживается безъ употребленія на нее, въ ожиданіи выгоднѣйшихъ обстоятельствъ; въ періоды оживленнаго хода коммерческихъ дѣлъ обращается въ капиталъ, идущій на рабочую плату, часть средствъ, оставляемыхъ въ другія времена безъ употребленія или потребляемыхъ непроизводительно. Слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ величина рабочей платы измѣняется отъ измѣненія въ количествѣ капитала, служащаго фондомъ рабочей платы.

Это разъясненіе совершенно вѣрно; но не возбуждаетъ ли оно мысли о томъ, что необходимо для высоты рабочей платы, то есть для благосостоянія массы такое устройство, при которомъ какъ можно большая часть средствъ страны обращалась бы въ фондъ рабочей платы, и какъ можно меньшая часть этихъ средствъ оставлялась бы безъ занятія или потреблялась бы непроизводительно? До какой степени можно было бы ожидать прочной пользы изъ этого источника, мы разсмотримъ ниже по поводу замѣчаній Милля о разныхъ планахъ для возвышенія рабочей платы.

Другимъ возраженіемъ противъ зависимости рабочей платы отъ пропорціи между населеніемъ и капиталомъ служитъ мнѣніе, что величина рабочей платы измѣняется соотвѣтственно цѣнѣ хлѣба.

«Часто утверждаютъ (говоритъ Милль), что рабочая плата (т. е., разумѣется, денежная величина рабочей платы) измѣняется съ цѣною пищи: поднимается при ея возвышеніи, опускается при ея паденіи. Я нахожу, что это мнѣніе справедливо не вполнѣ, а только отчасти, и справедливая сторона его нимало не противорѣчитъ зависимости рабочей платы отъ пропорціи между капиталомъ и трудомъ, потому что когда цѣна хлѣба дѣйствуетъ на величину рабочей платы, то дѣйствуетъ на нее чрезъ посредство этого закона. Разница въ цѣнѣ пищи по разнымъ временамъ года не имѣетъ вліянія на рабочую плату (если это вліяніе не устанавливается искусственно, закономъ или благотворительностью), или скорѣе имѣетъ нѣкоторую тенденцію дѣйствовать на рабочую плату способомъ, противнымъ обыкновенному мнѣнію: когда запасъ пищи скуденъ, работники вообще должны работать больше, и такимъ образомъ они понижаютъ рабочую плату во вредъ себѣ. Но если дороговизна или дешевизна пищи бываетъ продолжительна и можетъ быть предусмотрѣна заранѣе, то она можетъ имѣть вліяніе на рабочую плату. Вопервыхъ, если работники получаютъ не больше того, сколько нужно имъ на поддержаніе своей способности къ труду и на прокормленіе обыкновеннаго числа дѣтей (а рабочая плата часто не превышаетъ этого уровня), то, когда пища надолго вздорожаетъ безъ возвышенія рабочей платы, преждевременно станетъ умирать больше дѣтей, чѣмъ прежде; отъ этого рабочая плата напослѣдокъ возвысится, но только потому, что число людей станетъ меньше, чѣмъ было бы при дешевизнѣ пищи. Вовторыхъ, если рабочая плата даже и имѣетъ такую высоту, что цѣна пищи могла бы повыситься безъ отнятія возможности пропитанія у работниковъ и ихъ семействъ, то работники быть можетъ не захотятъ переносить скудость, которую могъ бы выносить человѣческій организмъ. Быть можетъ нѣкоторый комфортъ сталъ для нихъ по привычкѣ необходимостью, и скорѣе, чѣмъ отказаться отъ него, они станутъ еще болѣе прежняго воздерживать свою способность къ размноженію, такъ что рабочая плата повысится не отъ увеличенія числа умирающихъ, а отъ уменьшенія числа рождающихся. Мы видимъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ рабочая плата приходитъ въ соотвѣтствіе съ цѣною хлѣба, но приходитъ только черезъ періодъ времени, почти равняющійся жизни поколѣнія. Рикардо полагаетъ, что подъ эти два случая подводятся всѣ возможные случаи. Онъ принимаетъ, что вездѣ существуетъ наименьшая величина рабочей платы, равняющаяся или самой низкой платѣ, при какой можетъ не вымирать населеніе отъ голода, или самой низкой, при какой соглашается народъ не уменьшаться въ числѣ. Онъ принимаетъ, что общій уровень рабочей платы всегда клонится къ этой наименьшей величинѣ; что оставаться ниже этой величины онъ можетъ только на то время, какое нужно для осуществленія результата, производимаго ослабленіемъ размноженія людей, и выше этого уровня рабочая плата никакъ не можетъ удержаться долго. Такая теорія имѣетъ въ себѣ на столько истины, что можетъ быть принимаема въ соображеніяхъ отвлеченной науки; а выводъ дѣлаемый Рикардо изъ этой теоріи, тотъ выводъ, что рабочая плата въ разсчетѣ продолжительныхъ періодовъ возвышается и понижается сообразно долговременнымъ измѣненіямъ цѣны пищи, — это заключеніе, подобно почти всѣмъ заключені-

ямъ Рикардо, справедливо гипотетически, то есть въ томъ случаѣ, когда существуютъ посылки, изъ которыхъ дѣлается выводъ. Но въ приложеніи въ практикѣ не слѣдуетъ забывать, что можетъ измѣняться самая норма наименьшей величины рабочей платы, въ особенности, если эта норма опредѣлена не физическими, а нравственными потребностями. Если рабочая плата была такъ высока, что могла быть доступна уменьшенію, и если препятствіемъ для уменьшенія была привычка работниковъ къ высокой нормѣ благосостоянія, то возвышеніе цѣны пищи, и всякая другая невыгодная для работниковъ перемѣна обстоятельствъ можетъ произвести двоякій результатъ: она можетъ уравновѣситься повышеніемъ рабочей платы черезъ постепенное дѣйствіе разсчетливой воздержности работниковъ отъ размноженія, или можетъ понизить благосостояніе работниковъ, если ихъ прежнія привычки относительно размноженія окажутся сильнѣе ихъ прежнихъ привычекъ относительно благосостоянія. Въ этомъ случаѣ вредъ, понесенный ими, останется вѣчнымъ; новое положеніе, худшее прежняго, станетъ новою наименьшею величиною рабочей платы, и эта величина будетъ имѣть тенденцію держаться неизмѣнно, какъ прежде имѣла прежняя, не столь скудная наименьшая величина. Къ несчастію, надобно полагать, что этотъ послѣдній результатъ повышенія цѣны пищи бываетъ почти всегдашнимъ, или по крайней мѣрѣ обыкновеннымъ результатомъ, такъ что въ практикѣ не имѣютъ никакой силы всѣ теоріи, говорящія, будто бы бѣдствія, которымъ подвергается рабочій классъ, исцѣляются сами собою. Есть большое число фактовъ, доказывающихъ, что не разъ въ нашей исторіи положеніе земледѣльческихъ работниковъ въ Англіи подвергалось большому постоянному ухудшенію отъ причинъ, результатомъ которыхъ было уменьшеніе запроса на хлѣбъ. Бѣдность, въ которую на много лѣтъ были повергнуты работники, отучила ихъ отъ прежней нормы, и слѣдующее поколѣніе, никогда не знавшее прежняго благосостоянія, стало въ свою очередь размножаться, не дѣлая никакихъ попытокъ возвратить его.

«Когда цѣна предметовъ, необходимыхъ работникамъ, понижается земледѣльческими усовершенствованіями, отмѣною хлѣбныхъ законовъ и другими тому подобными причинами; когда работники за прежнюю рабочую плату могутъ получать больше условій благосостоянія, чѣмъ прежде, то происходитъ обратное явленіе. Рабочая плата упадетъ не тотчасъ; она можетъ даже возвыситься; напослѣдокъ она упадетъ до того, что положеніе работниковъ станетъ не лучше прежняго, если въ продолженіе благопріятнаго времени не возвысится прочнымъ образомъ норма благосостоянія, считаемаго работниками за необходимость для себя. Къ несчастію, никакъ нельзя разсчитывать на это благотворное послѣдствіе. Норма благосостоянія, пользоваться которымъ считаютъ работники дѣломъ болѣе необходимымъ, чѣмъ жениться и имѣть семейство, — эта норма падаетъ легко, но возвышается вовсе не такъ легко. Если работники станутъ только пользоваться большимъ благосостояніемъ, пока оно продолжается, а не привыкнуть считать его необходимостью, они размножатся до прежней нормы образа жизни. Если прежде они не могли по бѣдности хорошо выкармливать дѣтей, теперь они будутъ выкармливать дѣтей больше прежняго, и когда дѣти выростутъ, то своимъ соперниче-

ствомъ понизятъ рабочую плату, понизятъ ее вѣроятно на всю ту пропорцію, въ какой удешевилась пища. Если не этимъ, то другими такими же способами, напримѣръ, увеличеніемъ числа бракосочетаній, болѣе раннимъ вступленіемъ въ бракъ или увеличеніемъ числа рождающихся отъ каждаго брака, будетъ произведенъ такой же результатъ. Всѣ факты свидѣтельствуютъ, что за періодами дешевизны пищи и живаго запроса на трудъ непремѣнно слѣдуетъ значительное увеличеніе въ количествѣ браковъ. Потому я не могу приписывать отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ ту важность для благосостоянія работниковъ, какая часто ей приписывается; не могу также придавать важности ни одному плану небольшихъ улучшеній въ положеніи работниковъ, ни одному изъ этихъ плановъ, попеременно бывающихъ въ модѣ. Небольшая перемѣна въ положеніи работниковъ не сдѣлаетъ прочнаго измѣненія въ ихъ привычкахъ и требованіяхъ, и скоро они опустятся до своего прежняго положенія. Для произведенія прочнаго улучшенія, временная причина, дѣйствующая на нихъ, должна быть такъ сильна, чтобы значительно измѣнить ихъ положеніе, такъ сильна, чтобы измѣнить его на многіе годы, не смотря на то, что отъ нея же увеличится размноженіе работниковъ къ теченіе всей жизни цѣлаго поколѣнія. Если улучшеніе имѣетъ такую большую силу, если явится поколѣніе, съ дѣтства привыкшее къ улучшенному положенію, то привычки этого новаго поколѣнія относительно размноженія сформируются по высшей нормѣ наименьшей рабочей платы, и положеніе работниковъ улучшится прочнымъ образомъ. Самый замѣчательный примѣръ такого случая представляетъ Франція послѣ революціи. Большинство населенія внезапно перешло отъ нищеты къ независимости и лучшему житейскому положенію; немедленнымъ слѣдствіемъ этого было безпримѣрно быстрое размноженіе населенія, несмотря на истребительныя тогдашнія войны: благодаря улучшенію обстоятельствъ выросло много дѣтей, которыя безъ того умерли бы, да и самое число рожденій увеличилось. Но все-таки новое поколѣніе выросло въ привычкахъ совершенно непохожихъ на прежнія, и хотя никогда небыло во Франціи такого благосостоянія, какъ теперь, ежегодное число рождающихся въ ней почти не возростаетъ, а населеніе возростаетъ чрезвычайно медленно.

«Итакъ рабочая плата опредѣляется пропорціею между числомъ рабочаго населенія и капиталомъ или другими суммами, назначенными для покупки труда (для краткости будемъ просто говорить: капиталъ). Если въ данное время или въ данномъ мѣстѣ рабочая плата выше, чѣмъ въ другое время или въ другомъ мѣстѣ, и классъ наемныхъ работниковъ пользуется лучшею пищею и большимъ благосостояніемъ, причина этому только то, что капиталъ находится въ большей пропорціи къ населенію. Для рабочаго класса важна не абсолютная величина накопленія или производства, даже не абсолютная величина суммъ, назначенныхъ къ распредѣленію между работниками, а пропорція между этими суммами и числомъ людей, по которому они раздѣляются. Положеніе рабочаго класса можетъ улучшиться не иначе, какъ измѣненіемъ этой пропорціи въ его выгоду, и всякій планъ улучшенія неосновывающійся на этомъ, составляетъ обольщеніе, не могущее дать никакой прочной пользы.»

Этотъ взглядъ имѣетъ въ себѣ очень суровую сторону, и рѣдкій изъ континентальныхъ политико-экономовъ имѣетъ мужество держаться его неизмѣнно, какъ держится Милль. Но что жь дѣлать, когда это такъ? Мы старались доказать, при разборѣ мальтусовой теоремы, что въ каждой странѣ, какъ бы густо ни была она теперь населена, размноженіе могло бы продолжаться въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній со всевозможною быстротою, не понижая уровень благосостоянія, еслибъ онъ зависѣлъ только отъ законовъ природы и естественныхъ средствъ страны. Но когда прибыль и рента отдѣляются отъ рабочей платы, являются, какъ мы показывали въ томъ же этюдѣ, искусственныя задержки надлежащему возростанію продукта, такъ что съ увеличеніемъ числа работниковъ непремѣнно должна уменьшаться доля, достающаяся каждому работнику; и къ трехчленному дѣленію продукта прилагается въ полной своей силѣ мальтусовъ законъ. Эта система имѣетъ тенденцію отвлекать отъ выгодныхъ для общества производствъ къ убыточнымъ какъ можно большее число рукъ, стремясь оставлять на выгодныя производства какъ можно меньше рукъ (Перев. Милля. Томъ I, стр. 93 — 107 и стран. 142 — 149 *). Исключеніемъ бываютъ лишь тѣ рѣдкіе случаи, когда по недостаточности числа работниковъ сословіе работниковъ пріобрѣтаетъ вліяніе на пропорцію, по какой распредѣляются его труды между выгодными и убыточными занятіями. Это бываетъ лишь въ странахъ, только-что начинающихъ населяться; въ нихъ работникъ, имѣя возможность располагать своею судьбою, вводитъ въ общественную промышленность такой порядокъ, что прежде всего озабочивается она производствомъ предметовъ необходимости, требуемыхъ простолюдинами. Вотъ собственно по этому обстоятельству, по сильному вліянію простонародныхъ надобностей на ходъ общественной промышленности, производство предметовъ необходимости ростетъ въ новыхъ странахъ быстро, и населеніе можетъ въ нихъ размножаться безъ вреда благосостоянію массы. Во всѣхъ другихъ случаяхъ общественная промышленность при трехчленномъ дѣленіи продукта слишкомъ сильно направляется вліяніемъ прибыли

*) См. Томъ III настоящаго изданія.

и ренты къ производствамъ, убыточнымъ для общества, и части продукта, нужныя для простолюдиновъ, ростутъ слишкомъ медленно. Почему такъ бываетъ, мы отчасти показывали въ этюдѣ о мальтусовой теоремѣ, а полнѣе покажемъ на слѣдующихъ страницахъ этой статьи. При такомъ порядкѣ дѣлъ населеніе дѣйствительно не можетъ быстро возрастать безъ вреда благосостоянію массы, и тутъ слова Милля совершенно справедливы. Если размноженіе не сдерживается какими нибудь средствами, рабочая плата быстро падаетъ до minimum, и дальнѣйшее ея пониженіе задерживается только физическою невозможностью поддерживать жизнь при меньшей величинѣ ея. Постоянно возникающій излишекъ населенія постоянно уносится послѣдствіями матеріальной нужды, — порокомъ и болѣзнью. Поэтому при трехчленной системѣ распредѣленія необходимо пріискивать искусственныя средства, чтобы отвратить излишекъ размноженія и избавить общество отъ его убійственныхъ послѣдствій. Милль переходитъ къ перечисленію этихъ средствъ.

«Если гдѣ нибудь рабочій классъ, не имѣвшій, кромѣ рабочей платы, ни собственности, ни надежды пріобрѣсти ее, удерживался отъ слишкомъ быстраго размноженія, то по моему мнѣнію всегда бывала тутъ особенная причина — или фактическое законодательное препятствіе, или какой нибудь обычай, отъ котораго непреднамѣренно и незамѣтно давалось направленіе образу дѣйствій работниковъ или возбуждался въ нихъ прямой разсчетъ не жениться. Публика мало знаетъ о томъ, что въ очень многихъ европейскихъ странахъ законъ ставитъ прямыя препятствія заключенію непредусмотрительныхъ браковъ. Синьйоръ говоритъ, что въ странахъ, гдѣ законъ признаетъ за бѣднымъ право на вспоможеніе, «повсюду запрещено вступленіе въ бракъ лицамъ, получающимъ пособіе, и очень рѣдко дозволяется вступать въ бракъ лицамъ, у которыхъ не предполагается средствъ къ независимому существованію.» Такъ въ Норвегіи нельзя жениться, не представивъ священнику удостовѣренія о прочныхъ средствахъ къ существованію, ручающихся за возможность содержать семейство.»

Подобныя законодательныя мѣры, запрещающія бракъ, существуютъ во многихъ нѣмецкихъ государствахъ. Особенно поразительно ихъ существованіе въ Швейцаріи, странѣ, гдѣ законодательная власть принадлежитъ самимъ простолюдинамъ.

«Швейцарскій народъ, говоритъ Кэ, очень хорошо знаетъ по опыту, какъ полезно, чтобы молодые люди не спѣшили бракомъ; государственные совѣты 4 или 5

самыхъ демократическихъ кантоновъ постановили законы, по которымъ подвергаются тяжелому штрафу молодые люди, которые женились, не доказавъ начальнику округа, что имѣютъ средства содержать семейство (не забудемъ, что эти совѣты избираются всѣми совершеннолѣтними людьми кантона). Такіе законы давно существуютъ въ Люцернѣ, Аргау, Унтервальденѣ и, если не ошибаюсь, Санктъ-Галленѣ, Швицѣ и Ури.»

При недостаткѣ подобныхъ законовъ точно такое же вліяніе имѣютъ иногда народные обычаи, — напримѣръ обычай, по которому родители отдаютъ дочь за человѣка лишь тогда, когда онъ обзавелся самостоятельнымъ хозяйствомъ; или обычай, по которому наемные работники и работницы живутъ въ одной квартирѣ съ семействомъ хозяина, такъ что останутся безъ мѣста, если вступятъ въ бракъ: хозяинъ конечно не найдетъ удобнымъ, чтобы его семейство стѣснялось присутствіемъ другаго семейства въ томъ же помѣщеніи.

Люди, у которыхъ нѣтъ понятія объ устройствѣ лучшемъ, чѣмъ разсматриваемое нами теперь трехчленное устройство, могутъ очень подробно и глубокомысленно разсматривать сравнительныя выгоды и невыгоды этихъ двухъ системъ задержки размноженію. Мы не обязаны разсуждать о подробностяхъ дѣла, когда самый принципъ его кажется намъ неудовлетворителенъ. Довольно будетъ сказать, что законодательное препятствіе вступленію совершеннолѣтнихъ людей въ бракъ ведетъ только къ замѣнѣ правильныхъ брачныхъ отношеній другими, совершенно такими же по сущности, но отвергаемыми обществомъ за неправильность формы, потому располагающими мужчину къ эгоизму, а женщину обрекающими на безчисленныя лишенія и оскорбленія. Что же касается до обычая, — онъ сила, принадлежащая патріархальному быту и исчезающая съ развитіемъ самостоятельной личности. Потому нигдѣ въ большихъ городахъ онъ не держится, падаетъ и въ деревняхъ съ распространеніемъ новыхъ формъ жизни; въ Англіи, напримѣръ, онъ уже совершенно упалъ даже между земледѣльческими работниками, не говоря уже о другихъ классахъ простолюдиновъ. По этой неудовлетворительности законодательныхъ мѣръ и обычая вопросъ о размноженіи населенія представляется по господствующей теоріи очень затруднительнымъ. Мы

замѣчали, что изъ континентальныхъ политико-экономовъ почти ни у кого не достаетъ характера, чтобы понимать всю суровость представляющейся имъ задачи. Еще менѣе понимается она большинствомъ публики, и Милль говоритъ:

«Къ несчастію, люди, разсуждая о подобныхъ предметахъ, руководятся обыкновенно не здравымъ смысломъ, а сантиментальностью; ростетъ сочувствіе къ несчастіямъ бѣдняковъ и готовность признавать ихъ права на помощь со стороны другихъ людей; но съ тѣмъ вмѣстѣ почти никто не хочетъ прямо взглянуть на истинную причину ихъ тяжелаго положенія, никто не хочетъ сообразить условій, необходимыхъ по законамъ природы для улучшенія ихъ матеріальнаго быта. Никогда и нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не было столько какъ теперь въ Англіи разсужденій о положеніи работника, сожалѣній о его бѣдственности, выходокъ противъ людей, кажущихся равнодушными къ нему, разныхъ проэктовъ для его улучшенія; но разсуждающіе какъ будто согласились между собою совершенно не думать о принципѣ, опредѣляющемъ рабочую плату, или мимоходомъ отдѣлываться отъ него какою нибудь фразою, въ родѣ выраженія «безжалостный мальтусіанизмъ»; какъ будто бы не въ тысячу разъ безжалостнѣе бываетъ говорить людямъ, что они могутъ рождать безчисленное множество существъ, навѣрное обреченныхъ нищетѣ.

«Пока люди оставались въ полуварварскомъ положеніи, имѣли безпечность дикарей съ неразвитыми потребностями, вѣроятно, было бы вредно сдерживать размноженіе. На этой степени развитія, матеріальная нужда, быть можетъ, служила человѣку необходимымъ возбужденіемъ къ трудолюбію и умственной дѣятельности для совершенія величайшаго изъ всѣхъ историческихъ переворотовъ въ человѣческомъ бытѣ, — переворота, по которому промышленная жизнь восторжествовала надъ охотническою и пастушескою и надъ воинственнымъ или хищническимъ бытомъ. Въ тѣ времена имѣла свою пользу крайняя бѣдность, какъ имѣло свою пользу даже рабство; быть можетъ и теперь остаются на землѣ такія страны, въ которыхъ она еще не потеряла своей пользы, хотя легко потеряла бы ее при помощи болѣе образованныхъ обществъ. Но въ Европѣ, если когда нибудь существовало, то давно уже прошло время, когда матеріальная нищета могла сколько-нибудь содѣйствовать, чтобы люди трудолюбивѣе работали или цивилизовались. Напротивъ, каждый видитъ, что еслибы положеніе земледѣльческихъ работниковъ улучшилось, они стали бы болѣе усердными работниками и болѣе хорошими гражданами. Теперь я спрашиваю: правда ли, что они стали бы получать болѣе высокую плату, еслибы число ихъ было меньше? Въ этомъ состоитъ вопросъ, и напрасно отвлекать вниманіе отъ него нападеніями на какую-нибудь второстепенную мысль Мальтуса или какого-нибудь другаго писателя, и увѣреніями, что опровергнуть эту мысль, значитъ опровергнуть принципъ населенія.»

Дѣйствительно, нѣтъ ничего смѣшнѣе опроверженій мальтусовой теоремы у бо́льшей части континентальныхъ послѣдователей Адама Смита и у многихъ англійскихъ публицистовъ той же

школы. Они обыкновенно основываются на совершенномъ непониманіи смысла мальтусовой теоремы. Вмѣсто того, чтобы дополнить пробѣлы, оставшіеся послѣ изслѣдованій Мальтуса, эти возражатели обыкновенно отвергаютъ и ту часть истины, которая уже обнаружена Мальтусомъ. На этомъ незнаніи основаны разные планы облегчить участь массы наемныхъ работниковъ возвышеніемъ рабочей платы.

Самымъ простымъ средствомъ къ тому представляется — законодательнымъ путемъ опредѣлить minimum рабочей платы, установить для нея таксу, обезпечивающую порядочныя средства къ жизни работниковъ. Противъ этого мнѣнія Милль говоритъ:

«Опредѣлить наименьшую величину рабочей платы будетъ безполезно, если не принять мѣръ, чтобы находилась работа, или по крайней мѣрѣ рабочая плата для каждаго требующаго. Это составляетъ необходимую часть плана и принимается многими людьми, несогласными на юридическое или нравственное опредѣленіе наименьшей величины рабочей платы. Въ обществѣ распространено мнѣніе, что на богатыхъ людяхъ или на государствѣ лежитъ обязанность доставлять занятіе всѣмъ бѣднымъ. Если нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія не заставляетъ богатыхъ ограничивать свое потребленіе на столько, чтобы дать всѣмъ бѣднымъ работу за «удовлетворительную плату,» то вмѣняется въ обязанность государству установлять для этой цѣли налоги по округамъ или по всему государству. Этимъ способомъ предполагаютъ измѣнить пропорцію между трудомъ и фондомъ рабочей платы въ выгоду работниковъ, не черезъ задержку размноженія, а черезъ увеличеніе капитала.

«Еслибы это требованіе отъ общества могло быть ограничено нынѣшнимъ поколѣніемъ; еслибы нужно было только обязательное накопленіе, достаточное на снабженіе существующаго числа людей постоянною работою за хорошую плату, то никто не былъ бы такимъ ревностнымъ поборникомъ этого предложенія, какъ я. Общество состоитъ главнымъ образомъ изъ людей, живущихъ физическимъ трудомъ; и если общество, т. е., если работники ограждаютъ своею физическою силою безопасность людей, пользующихся излишествомъ, то они имѣютъ право ограждать ихъ только подъ условіемъ облагать этотъ излишекъ налогами для общественной пользы, и огражденіе всегда давалось только подъ этимъ условіемъ; а изъ предметовъ общественной пользы самый первый — продовольствованіе народа. Никто не отвѣчаетъ за то, что онъ родился; потому нѣтъ такой денежной жертвы, которую люди, имѣющіе излишекъ, не были бы обязаны сдѣлать для доставленія довольства каждому изъ людей, уже родившихся на свѣтъ.

«Но совершенно иное дѣло, когда требуютъ, чтобы люди, которые произвели и накопили капиталъ, воздерживались отъ потребленія, пока снабдятъ пищею и одеждою не только всѣхъ, существующихъ нынѣ людей, а также и всѣхъ, которымъ

эти люди или ихъ потомки заблагоразсудятъ дать жизнь. Принятіе и исполненіе такого обязательства уничтожило бы всѣ положительныя и предупредительныя задержки размноженію; населеніе стало бы безпрепятственно размножаться со всею возможною быстротою; а естественное возрастаніе капитала было бы никакъ не быстрѣе прежняго; потому для покрытія возрастающаго дефицита налогъ сталъ бы возрастать въ той же гигантской пропорціи, какъ населеніе. Конечно, общество стало бы пытаться требовать труда въ замѣнъ вспоможенію. Но опытъ показалъ, какой работы слѣдуетъ ожидать отъ людей, содержимыхъ общественною благотворительностью. Когда не плата дается за работу, а работа пріискивается для платы, неуспѣшность работы — дѣло извѣстное. Заставить дѣйствительно трудиться работниковъ, которымъ нельзя отказать въ работѣ, — этого можно достичь только бичемъ. Конечно, есть способъ устранить это возраженіе. Фондъ, собираемый налогомъ, можно вообще раздѣлять по всему рабочему рынку, не давая ни одному незанятому работнику права требовать вспоможенія въ какомъ-нибудь особенномъ мѣстѣ, у особеннаго чиновника, — кажется, такъ и предполагали сдѣлать французскіе приверженцы «права на работу» (droit au travail). Тогда осталась бы возможность отказывать въ работѣ отдѣльнымъ работникамъ; правительство только стало бы создавать добавочную работу въ случаѣ недостатка работы, предоставляя себѣ выборъ работниковъ, какъ имѣютъ его другіе хозяева. Но какъ бы успѣшно ни работало возрастающее населеніе, оно не могло бы увеличивать продукта пропорціонально своему размноженію, — мы говорили объ этомъ много разъ; излишекъ, остающійся за прокормленіемъ всѣхъ членовъ общества, составлялъ бы все меньшую и меньшую пропорцію сравнительно съ цѣлымъ продуктомъ и населеніемъ; при размноженіи народа по постоянной прогрессіи и возрастаніи продукта по уменьшающейся прогрессіи былъ бы современемъ поглощенъ весь излишекъ, налогъ на содержаніе бѣдныхъ поглотилъ бы весь доходъ страны; лица платящія налогъ и содержимыя на него слились бы въ одну массу. Тогда уже нельзя было бы отстрочить дѣйствія задержки размноженію; смерть или благоразуміе должны были бы вдругъ начать задерживать его, а между тѣмъ въ предъидущій періодъ погибло бы все, чѣмъ человѣческій родъ возвышается надъ обществомъ муравьевъ или бобровъ.

«Эти результаты были столько разъ и такъ ясно высказываемы знаменитыми писателями въ общеизвѣстныхъ и общедоступныхъ книгахъ, что незнаніе ихъ непростительно образованнымъ людямъ. Еще безчестнѣе человѣку, берущему на себя претензію учить общество, игнорировать эти доводы, проходить ихъ молчаніемъ и разсуждать или декламировать о налогѣ въ пользу бѣдныхъ такъ, какъ будто эти доводы не то что могутъ быть опровергнуты, но какъ будто они вовсе не существуютъ.

«Каждый имѣетъ право жить. Это мы предполагаемъ безспорно. Но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, которыхъ обязаны будутъ содержать другіе люди. Кто хочетъ настаивать на первомъ изъ этихъ правъ, долженъ отказаться отъ всякой претензіи на второе. Если человѣкъ не можетъ содержать даже самого себя безъ помощи другихъ, эти другіе имѣютъ право сказать, что не бурутъ на себя обязанности содержать всѣхъ дѣтей, произвести которыхъ на свѣтъ имѣетъ

онъ физическую способность. А между тѣмъ, есть множество писателей и ораторовъ, и въ томъ числѣ людей съ самыми хвастливыми претензіями на возвышенность чувствъ, — множество писателей и ораторовъ, которые имѣютъ на жизнь такой животный взглядъ, что называютъ жестокосердіемъ мѣшать нищимъ рождать наслѣдственныхъ нищихъ въ самомъ уоркгаузѣ. Потомство нѣкогда съ изумленіемъ станетъ спрашивать, что это былъ за народъ, въ которомъ такіе проповѣдники могли находить прозелитовъ?

«Государство могло бы гарантировать работу съ хорошею платою всѣмъ уже родившимся на свѣтъ. Но если оно сдѣлаетъ это, оно для самоохраненія и по требованію всѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ правительство, должно принять мѣры, чтобы не родился ни одинъ человѣкъ безъ его согласія. При отстраненіи обыкновенныхъ естественныхъ побужденій къ самообладанію, на мѣсто ихъ надобно поставить другія побужденія. Необходимы будутъ ограниченія права вступать въ бракъ, не менѣе строгія, чѣмъ существующія въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, или строгія наказанія людямъ, которые рождаютъ дѣтей, не будучи въ состояніи содержать ихъ. Общество можетъ кормить нуждающихся, если беретъ подъ свой контроль ихъ размноженіе, или, будучи лишено всякаго нравственнаго чувства къ несчастнымъ дѣтямъ, можетъ оставить размноженіе на произволъ нуждающихся, оставляя ихъ самихъ безъ помощи. Но оно не можетъ безнаказанно принять на себя прокормленіе нуждающихся, оставляя имъ свободу размножаться.

«Щедро давать вспоможеніе народу подъ именемъ благотворительности или работы—значитъ расточать средства благотворительности, не достигая цѣли, если народъ вмѣстѣ съ этимъ не окружается вліяніями, сообщающими силу побужденіямъ къ воздержности. Оставьте народъ въ такомъ положеніи, чтобы его благосостояніе явнымъ образомъ зависѣло отъ числа людей, — въ этомъ случаѣ принесетъ наибольшую прочную пользу всякое пожертвованіе, дѣлаемое съ цѣлью улучшить матеріальное благосостояніе нынѣшняго поколѣнія, и возвысить чрезъ это привычки подростающаго поколѣнія. Но если вы устраните зависимость рабочей платы отъ числа людей, если закономъ или общественнымъ мнѣніемъ обезпечите людямъ извѣстную плату, то какое бы ни дали вы благосостояніе людямъ, они и ихъ дѣти не поймутъ, что собственная воздержность должна служить истиннымъ средствомъ поддержать это благосостояніе; они только будутъ съ ожесточеніемъ требовать, чтобы вы продолжали обезпечивать судьбу ихъ и всего потомства, какое могутъ они имѣть.»

Въ примѣненіи къ системѣ трехчленнаго распредѣленія продукта это возраженіе совершенно достаточно. Если изъ писателей, предлагавшихъ когда нибудь установить „право на работу“ или возложить на общество обязанность снабжать работою каждаго желающаго и способнаго работать, кто нибудь останавливался мыслью на системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, какъ на окончательной формѣ экономическаго устройства, тотъ дѣйствительно

говорилъ несообразность, когда вмѣстѣ съ этою обязанностью давать работу не возлагалъ на общество и обязанность сдерживать размноженіе какими нибудь принудительными средствами. Мы видимъ на фактѣ, что во всѣхъ старыхъ странахъ населеніе уже размножилось до крайняго предѣла, допускаемаго системою трехчленнаго дѣленія продукта, и степень благосостоянія массы при этой системѣ дѣйствительно зависитъ отъ медленности размноженія. Другое дѣло было бы при системѣ, допускающей націю вполнѣ пользоваться естественными средствами страны: въ разборѣ мальтусовой теоремы мы видѣли, что при нынѣшнемъ состояніи техническихъ знаній, страны, имѣющія нынѣ самое густое населеніе, могли бы производить продовольствіе для населенія, въ 8 разъ бо̀льшаго, чѣмъ нынѣшнее, и производить этотъ продуктъ пропорціею труда, не бо̀льшею, а меньшею, нынѣшней, то есть не съ обремененіемъ, а съ облегченіемъ быта массы. А при наибольшей физіологически возможной быстротѣ размноженія три періода удвоенія [1]) не могли бы занять собою меньше цѣлаго столѣтія времени [2]); а въ это время техническія знанія, конечно, успѣютъ двинуться впередъ, и развитіемъ ихъ срокъ снова удлиняется. Такимъ образомъ мы тутъ имѣемъ очень продолжительную перспективу отсутствія надобности сдерживать размноженіе и можемъ предоставить эту заботу нашимъ отдаленнымъ потомкамъ, нравы которыхъ, вѣроятно, не будутъ сходны съ нашими, такъ что еще неизвѣстно, о чемъ придется заботиться этимъ отдаленнымъ потомкамъ: о томъ ли, чтобы населеніе въ ихъ время не размножалось или о томъ, чтобы оно хотя не уменьшалось. Мы держимся такого взгляда. Но вѣдь онъ основанъ на предположеніи устройства, допускающаго націю извлекать полную выгоду изъ естественныхъ средствъ страны. При системѣ трехчленнаго дѣленія, отвлекающей трудъ отъ выгодныхъ занятій къ убыточнымъ, — это невозможно. При ней нѣтъ вѣковой отсрочки, когда страна будетъ чувствовать излишекъ населенія, — при ней каждая страна уже имѣетъ излишекъ населенія, какъ скоро перестала быть пустыней. При ней, дѣйстви-

[1]) Нужные для того, чтобы населеніе увеличилось въ 8 разъ.

[2]) Безъ эмиграціи; а съ эмиграціею срокъ этотъ удлиняется на нѣсколько вѣковъ.

тельно, существуетъ для каждой европейской націи дилемма: или общество не можетъ обезпечивать работу каждому желающему работать, или принуждено принимать мѣры противъ размноженія.

Но это — все-таки дилемма, то есть возможность выбора между двумя рѣшеніями, а неизбѣжность только одного единственнаго рѣшенія, какъ утверждаютъ послѣдователи рутинныхъ понятій, увѣряющіе, что „право на трудъ" — утопія. Еслибъ мы были приверженцами стѣсненія, мы безъ всякаго неудовольствія провозглашали бы „право на работу" идеально хорошимъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Если бы мы признавали окончательною формою экономическаго быта систему трехчленнаго дѣленія продукта, мы сказали бы: „право на работу соединено съ условіями, непріятными для нашихъ понятій о свободѣ личности, но все-таки оно — лучшее изъ всѣхъ возмножныхъ рѣшеній соціальнаго вопроса," — какъ и говоритъ Милль на страницахъ, отрывки изъ которыхъ мы приведемъ ниже. Но не будучи ни приверженцами стѣсненій, ни приверженцами теоріи не умѣющей выбиться изъ системы трехчленнаго дѣленія, мы думаемъ, что соціальный вопросъ находитъ себѣ рѣшеніе, несравненно лучшее, чѣмъ простое „право на работу," провозглашенное людьми, которые не имѣли рѣшимости идти до конца, но не имѣли бездушнаго тупоумія говорить, что общество ничего не можетъ сдѣлать въ пользу массы.

Простое „право на работу," не сопровождаемое мѣрами къ возвышенію общества изъ системы трехчленнаго дѣленія къ болѣе выгодному устройству, — дурно тѣмъ, что требуетъ подвергать нѣкоторую часть работниковъ нѣкоторому стѣсненію. Оно неудовлетворительно и тѣмъ, что обезпечиваетъ степень благосостоянія гораздо низшую, чѣмъ какая возможна при лучшемъ рѣшеніи вопроса. Но должно сказать, что извѣстную степень благосостоянія оно дѣйствительно обезпечиваетъ работникамъ. Совершенно иное значеніе имѣютъ другіе планы облегченія участи работниковъ, — планы, основанные не на половинчатомъ признаніи вѣрнаго принципа, который гораздо лучше уже признавать вполнѣ, а на незнаніи законовъ, управляющихъ рабочею платою при системѣ трехчленнаго дѣленія.

Общій характеръ этихъ плановъ тотъ, чтобы общество, оставляя работника добывать наймомъ работу, давало ему въ той или другой формѣ прибавку къ платѣ, какую получаетъ онъ за свой трудъ подъ вліяніемъ соперничества. Изъ разныхъ формъ, какія придумывались въ этомъ родѣ, для насъ интересна система, которая въ Англіи извѣстна подъ именемъ участковой системы, Allotment System, и которую на этотъ разъ мы оставимъ подъ англійскимъ названіемъ, не пріискивая соотвѣтствующаго русскаго имени. Она состоитъ въ томъ, чтобы давать работнику небольшой участокъ земли, недостаточный для полнаго его обезпеченія, такъ чтобы онъ имѣлъ нужду наниматься въ работу. Вотъ что говоритъ объ этомъ Милль:

«Поправлять недостаточность рабочей платы средствами, дающими чистую прибавку къ валовому продукту страны, конечно, не то, что покрывать этотъ недостатокъ суммами, собираемыми посредствомъ налоговъ. Помогать работнику черезъ посредство его собственнаго труда, конечно, не то, что давать ему пособіе способомъ, развивающимъ въ немъ беззаботность и праздность. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ участковая система имѣетъ безспорное преимущество надъ системою прибавочнаго пособія отъ прихода. Но я не вижу причинъ думать, чтобы двѣ эти системы существенно разнились по своему вліянію на рабочую плату и на размноженіе. Всѣ пособія, пополняющія рабочую плату, даютъ работнику возможность брать меньше вознагражденія и потому въ окончательномъ результатѣ понижаютъ цѣну труда на всю ту сумму, какую получаетъ работникъ изъ этихъ источниковъ. Иначе можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если измѣняются понятія и потребности рабочаго класса, если удовлетвореніе своимъ инстинктамъ начинаетъ считать онъ дѣломъ, менѣе важнымъ для себя, чѣмъ увеличеніе житейскаго благосостоянія своего и своихъ близкихъ. Мнѣ кажется, нельзя ожидать, чтобы такую перемѣну въ характерѣ работниковъ могла произвести участковая система. «Владѣніе землею дѣлаетъ работника предусмотрительнымъ,» говорятъ намъ на это нѣкоторые писатели. Правда, есть много свидѣтельствъ о томъ, что полученіе участковъ имѣло полезное вліяніе на характеръ и состояніе работниковъ. Я не оспориваю достовѣрности этихъ свидѣтельствъ. Таковъ и долженъ быть результатъ, пока лишь немногіе работники имѣютъ участки, пока это люди привилегированнаго класса, стоящіе выше общаго уровня и не желающіе упасть до него. Притомъ же, это всегда бывали съ самаго начала люди отборные, взятые изъ самыхъ лучшихъ людей между работниками. (Это преимущество соединено однакоже съ тою невыгодою, что тутъ облегчается женитьба и рожденіе дѣтей именно для тѣхъ, которые были бы всего готовѣе удерживаться отъ размноженія благоразуміемъ). Но по своему вліянію на состояніе всего рабочаго класса, эта система кажется мнѣ или пустою или вредною. Если участки даются лишь немногимъ работникамъ, они естественно

даются тѣмъ, которые лучше другихъ жили бы и безъ участковъ, и цѣлому сословію нѣтъ никакой пользы. А если бы система обобщилась и каждый или почти каждый работникъ имѣлъ участокъ, результатъ по моему мнѣнію былъ бы тотъ же самый, какъ если бы каждый или почти каждый работникъ получалъ пособіе въ пополненіе рабочей платы. Если бы въ концѣ прошлаго вѣка, вмѣсто системы пособій была принята по всей Англіи участковая система, то несомнѣнно, что она точно также уничтожила бы прежнія задержки размноженію, что населеніе стало бы размножаться точно съ такою быстротою, и черезъ 20 лѣтъ рабочая плата вмѣстѣ съ участкомъ точно такъ же не превышала бы прежней платы безъ всякаго участка, какъ рабочая плата съ прибавочнымъ пособіемъ не превышала прежней платы безъ пособія. На сторонѣ участковой системы было бы одно то преимущество, что по ней самъ народъ выработывалъ бы пособіе себѣ.

«Я готовъ совершенно согласиться въ томъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ рабочая плата не понижается, а возвышается, если масса работниковъ имѣетъ землю даже и не въ собственности, а въ наймѣ за умѣренную ренту. Но обстоятельства эти состоятъ въ томъ, когда земля дѣлаетъ работниковъ независимыми отъ наемной работы въ полученіи средствъ пропитанія. Положеніе народа, живущаго рабочею платою и получающаго отъ земли только прибавочный доходъ, совершенно не таково, какъ положеніе народа, который можетъ въ случаѣ необходимости жить однимъ продуктомъ своей земли и нанимается въ работу лишь для увеличенія своего благосостоянія. Рабочая плата едва ли можетъ не быть высокой тамъ, гдѣ никто не принужденъ крайностью продавать свой трудъ. «Люди, имѣющіе собственность, на которой могутъ работать, не станутъ продавать свой трудъ за такую плату, которая не дастъ имъ пищи лучше картофеля и маиса, хотя бы по бережливости они питались преимущественно картофелемъ и маисомъ. Путешествуя по континенту, мы часто удивляемся тому, какъ высока тамъ рабочая плата сравнительно съ изобиліемъ и дешевизною пищи. Это оттого, что на континентѣ много мѣстностей, въ которыхъ масса народа владѣетъ землею; тамъ нѣтъ необходимости или расположенія работать по найму, потому наемный трудъ рѣдокъ и сравнительно съ цѣною продовольствія дорогъ» (Notes of a Traveller, стр. 456). Есть на континентѣ такія мѣста, гдѣ даже между горожанами почти ни у одного средства къ жизни не ограничены исключительно тою профессіею, которой онъ занимается въ особенности; только этимъ объясняется высота платы, какой требуютъ они за свой трудъ, и равнодушіе ихъ къ тому, имѣютъ ли они работу по найму. Но совершенно не таковъ былъ бы результатъ, если бы земля и другіе источники ихъ пропитанія давали бы имъ лишь часть пропитанія, не уменьшая для нихъ необходимости продавать свой трудъ за плату на переполненномъ рынкѣ. Тогда ихъ земля лишь давала бы имъ возможность брать меньшую плату и болѣе нынѣшняго размножаться, отдаляя предѣлъ наименьшей рабочей платы, ниже котораго они не могли бы или не захотѣли бы спуститься.»

Показавъ ничтожность этой палліативной мѣры, Милль переходитъ къ средству, которое считаетъ наилучшимъ. Прочнымъ

образомъ судьба работниковъ можетъ улучшиться только при измѣненіи нравовъ ихъ, говоритъ онъ:

«Ни одно изъ тѣхъ средствъ, которыя не дѣйствуютъ на понятія и привычки народа и не дѣйствуютъ черезъ посредство ихъ, не имѣетъ ни малѣйшей вѣроятности успѣха повысить рабочую плату. Когда понятія и привычки остаются безъ перемѣны, даже тѣ способы временно улучшить положеніе бѣднѣйшихъ людей, которые были бы успѣшны, только ослабили бы узы, которыми прежде сдерживалось размноженіе; потому они имѣли бы прочное дѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если бы возбуждающимъ тяготѣніемъ налога капиталъ былъ принужденъ возростать столь же быстро, какъ населеніе. Но этотъ процессъ не могъ бы длиться много времени, а его остановка оставила бы страну съ увеличеннымъ числомъ бѣднѣйшаго класса и съ уменьшенною пропорціею всѣхъ сословій, кромѣ бѣднѣйшаго; — если бы онъ продолжался до крайности, не осталось бы никого, кромѣ бѣднѣйшихъ людей.»

Совершенная правда. Но нравы и привычки людей какого бы то ни было названія, — работниковъ ли, купцовъ ли, китайцевъ ли, англичанъ ли, все равно, — не могутъ же улучшиться иначе, какъ отъ перемѣны обстоятельствъ, которая порождала бы такое улучшеніе. Вѣдь безъ причины ничего не бываетъ. Если человѣкъ держитъ себя неблагоразумно или дурно, на это есть причины; отстраните ихъ, онъ измѣнится къ лучшему; а безъ того ждать, чтобы онъ измѣнился, значитъ убаюкивать себя наивною иллюзіею, совершенно непристойною для положительной науки. Милль разсуждаетъ объ этомъ очень странно, — на половину говоритъ очень справедливыя вещи, а на половину поддается рутиннымъ иллюзіямъ. Если бы, говоритъ онъ, не было возможности устроиться дѣлу такъ, чтобы наемные работники получали хорошую плату, политическая экономія была бы очень печальною наукою. —

«Но такое воззрѣніе на человѣческія дѣла неосновательно. Подобно почти всѣмъ другимъ бѣдствіямъ, бѣдность существуетъ потому, что люди безъ должной разсудительности слѣдуютъ своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество именно потому и возможно, что человѣкъ можетъ не оставаться животнымъ. Цивилизація во всѣхъ своихъ сторонахъ — борьба противъ животныхъ инстинктовъ. Она доказала, что человѣкъ можетъ пріобрѣтать достаточную власть даже надъ такими инстинктами, которые принадлежатъ къ числу сильнѣйшихъ. Своимъ искусственнымъ вліяніемъ она такъ преобразовала значительныя массы человѣческаго рода, что едва остается въ нихъ слѣдъ или воспоминаніе многихъ изъ самыхъ естественнѣйшихъ наклонностей.»

Тутъ Милль указываетъ предразсудки, поддерживающіе вредную безпечность въ людяхъ. Такъ; предразсудки вредны, но объяснять серьезныя вещи одними ими очень недостаточно. Противъ очевидной выгоды предразсудокъ не можетъ долго держаться; если онъ держится, значитъ, онъ поддерживается какими нибудь эгоистическими разсчетами. Размноженіе вредно для массы при нынѣшнемъ устройствѣ; но не приноситъ ли оно выгоды кому нибудь? Низкость рабочей платы, происходящая отъ излишества въ населеніи, непріятна для работниковъ; но нѣтъ ли въ обществѣ такихъ членовъ, которымъ она пріятна? На это отвѣчаетъ самъ Милль:

«Можно усомниться въ томъ, существовало ли когда нибудь въ какомъ нибудь классѣ общества, кромѣ бѣднѣйшаго сословія, искреннее и серьезное желаніе, чтобы рабочая плата была высока. Другіе классы всегда очень сильно желали, чтобы налогъ въ пользу бѣдныхъ былъ невеликъ. Но затѣмъ они очень усердно желали, чтобы рабочіе классы были бѣдны. Изъ тѣхъ людей, которые сами не работники, почти каждый нанимаетъ работниковъ и не станетъ горевать, что они продаютъ свой трудъ дешево.»

Этого довольно. При трехчленной системѣ, общество дѣлится на два сословія, интересы которыхъ оказываются прямо противоположными по вопросу о рабочей платѣ. Классъ, которому выгодна низкость ея, управляетъ ходомъ экономическихъ дѣлъ; теперь явна причина, по которой и рабочая плата низка, и размноженіе чрезмѣрно; причина эта — трехчленное дѣленіе пропродукта, раздѣльность рабочей платы отъ прибыли, то, что одинъ человѣкъ нанимается, а другой нанимаетъ въ работу. Но Милль, забывая обстоятельство, которое самъ выставилъ на видъ, ждетъ, что какими-то судьбами можетъ распространиться въ сословіи наемныхъ работниковъ рѣшимость не размножаться, что эта рѣшимость будетъ создана силою убѣжденія въ томъ, что человѣкъ, производящій на свѣтъ дѣтей, судьбу которыхъ не въ состояніи обезпечить, поступаетъ дурно. Хорошо; но развѣ нѣтъ множества вещей, которыя считаются за дурныя каждымъ ихъ совершающимъ и отъ которыхъ однакоже не удерживается почти никто изъ людей, находящихся въ извѣстномъ положеніи. Напримѣръ, въ какомъ классѣ общества не убѣждены рѣши-

тельно всѣ, что пьянство — дѣло убыточное и дурное? Но развѣ мѣшаетъ такое общее убѣжденіе владычеству пьянства въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ обстоятельства благопріятны развитію этого порока? Дѣло въ томъ, что мысль сама по себѣ слишкомъ слаба передъ тяготѣніемъ дѣйствительности, убѣжденіе въ огромномъ большинствѣ людей оказывается безсильно передъ житейскими надобностями. Потому всѣ внушенія о воздержности останутся напрасны относительно огромнаго большинства людей. Нужны средства болѣе дѣйствительныя, чтобы люди въ жизни стали соблюдать правило, рекомендуемое для нихъ теоріею о вредѣ излишняго размноженія. Милль самъ чувствуетъ это и пріискиваетъ доводы, которыми оправдывалась бы его надежда на благотворное вліяніе мысли о вредѣ излишняго размноженія, въ случаѣ принятія этой мысли большинствомъ. Онъ говоритъ:

«Не надобно забывать, что если распространится мнѣніе, о которомъ мы говоримъ, то оно будетъ имѣть сильныхъ помощницъ въ огромномъ большинствѣ женщинъ. Многочисленность дѣтей никогда не бываетъ слѣдствіемъ желанія жены, на которой, кромѣ физическихъ страданій, лежатъ всѣ невыносимыя домашнія хлопоты, происходящія отъ слишкомъ большаго числа дѣтей, и которая не меньше, если не больше мужа, терпитъ отъ бѣдности. Избавиться отъ этого положенія показалось бы счастіемъ для множества женщинъ, которыя теперь никакъ не отваживаются предъявить этого требованія, но предъявили бы его, если бы нашли опору въ нравственныхъ мнѣніяхъ общества.

«Если бы утвердилось въ рабочемъ классѣ мнѣніе, что для благосостоянія работниковъ нужно извѣстное ограниченіе числа ихъ дѣтей, то работники солиднаго и почтеннаго характера будутъ поступать сообразно этому требованію, а нарушать его станутъ лишь тѣ, которые вообще не уважаютъ общественныхъ обязанностей. Тогда очевиднымъ образомъ можно будетъ оправдать обращеніе въ законную обязанность нравственной обязанности не производить на свѣтъ дѣтей, которыя были бы обремененіемъ для общества. Мы имѣемъ много такихъ случаевъ, когда благодаря общественному мнѣнію, подъ конецъ возлагаются закономъ на упорное меньшинство такія обязаноости, которыя для общей пользы должны соблюдаться всѣми и которыя огромное большинство добровольно приняло на себя по убѣжденію въ ихъ пользѣ. Но законодательныхъ постановленій не понадобится, если женщинамъ даны будутъ равныя съ мужчинами гражданскія права, которыя несомнѣннѣйшимъ образомъ и должны быть даны имъ. Пусть обычай перестанетъ дѣлать для женщинъ единственнымъ средствомъ для жизни и единственнымъ источникомъ вліянія одну физическую функцію, и женщины получатъ тогда въ вопросахъ объ этой функціи равный съ мужчинами голосъ, котораго никогда не имѣли. Изъ всѣхъ полезныхъ реформъ, какія можемъ мы теперь предусматривать въ будущемъ, эту

реформу надобно считать самою обильнѣйшею всевозможными полезными послѣдствіями для людей въ нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ.

«Теперь намъ надобно разсмотрѣть, существуетъ ли надежда, чтобы распространились между рабочими классами убѣжденія и правила, основанныя на законѣ зависимости рабочей платы отъ количества населенія, и какими средствами могутъ быть распространены эти убѣжденія и правила. Конечно, многіе прямо готовы сказать, не разбирая дѣла, что надѣяться на это — нелѣпо; и прежде чѣмъ излагать основанія надежды я замѣчу, что если нельзя удовлетворительно отвѣчать на предложенные мною вопросы, то безвозвратно осуждено господствующее въ Англіи экономическое устройство, по которому весь рабочій классъ общества живетъ платою за свою работу, исполняемую по найму, — это устройство, которое многіе писатели считаютъ nec plus ultra цивилизаціи. Мы теперь разсматриваемъ, слѣдуетъ ли считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого устройства чрезмѣрное размноженіе и низкое положеніе рабочаго класса. Если размноженіе не можетъ сдерживаться въ разумныхъ границахъ при системѣ наемнаго труда, то система эта гибельна, и главною цѣлью экономической политики должно быть то, чтобы какими бы то ни было преобразованіями собственности и перемѣнами способовъ производства подвергнуть работниковъ вліянію сильнѣйшихъ и простѣйшихъ побужденій сохранять въ размноженіи разсудительность, которая не дается системою наемнаго труда.»

Первая половина этого соображенія совершенно справедлива: когда голосъ женщинъ будетъ участвовать въ составленіи общественнаго мнѣнія, національныхъ нравовъ и учрежденій наравнѣ съ голосомъ мужчинъ, вопросъ о размноженіи, конечно, станетъ въ удовлетворительное положеніе. Но само признаніе правъ женщины обусловливается высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ массы, то есть высокимъ благосостояніемъ массы, потому что безъ благосостоянія ни умъ, ни нравственность не могутъ развиваться. Слѣдовательно, ходъ благотворной перемѣны не можетъ совершиться иначе, какъ въ порядкѣ противоположномъ тому, какой повидимому предполагается здѣсь Миллемъ. Благосостояніе массы должно возвыситься прежде чѣмъ будутъ признаны права женщины; когда права женщины будутъ признаны, ея интересы оградятъ общество отъ чрезмѣрнаго размноженія; натуральное приведеніе животной способности размноженія въ границы, требуемыя общественнымъ благосостояніемъ, является уже какъ послѣдній результатъ общественнаго благосостоянія, которое должно искать другихъ источниковъ для своего возникновенія.

Милль какъ будто думаетъ иначе. Онъ спрашиваетъ, совмѣстна ли съ бытомъ класса наемныхъ работниковъ воздержность въ размноженіи, отъ которой должна произойти по его мнѣнію высокость рабочей платы и благосостоятельность работниковъ. Онъ даже отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Наемные работники могутъ понять, что величина рабочей платы обусловливается пропорціею между капиталомъ и населеніемъ, и понявъ это, они могутъ воздержаться отъ размноженія. Подобнымъ образомъ рѣшаютъ вопросъ и всѣ рутинные политико-экономы. Но вслѣдъ затѣмъ Милль какъ будто понимаетъ, что такой отвѣтъ слишкомъ наивенъ. Онъ сознается, что огромное большинство наемныхъ работниковъ до сихъ поръ остается неспособно понять и сохранить принципъ воздержности, и приписываетъ это двумъ обстоятельствамъ: невѣжеству и нищетѣ. Чтобы достичь цѣли, нужно, по его мнѣнію, отстранить эти препятствія.

«Такимъ образомъ для измѣненія привычекъ работниковъ нужно дѣйствовать вмѣстѣ и на ихъ умъ и на ихъ матеріальное положеніе. Первая необходимость заключается въ общенародномъ серьезномъ воспитаніи дѣтей работниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ необходима система мѣръ для истребленія крайней бѣдности на цѣлое поколѣніе.»

Рутинные политико-экономы обыкновенно удовлетворяются рекомендаціею перваго средства; „просвѣщайте народъ, больше ничего не нужно,“ говорятъ они. Милль справедливо находитъ, что заботиться объ одномъ этомъ значитъ напрасно тратить слова.

«Воспитаніе, направленное къ развитію здраваго смысла въ народѣ и къ доставленію ему тѣхъ знаній, которыя нужны людямъ, чтобы судить о своихъ поступкахъ, — такое воспитаніе навѣрное возбудитъ общественное мнѣніе къ порицанію невоздержности и непредусмотрительности всякаго рода, хотя бы и не внушало прямо такихъ мнѣній: непредусмотрительность, переполняющая трудовой рынокъ, подверглась бы тогда строгому осужденію, какъ вредная общему благу. Мнѣ кажется, что если образуется такое мнѣніе, то несомнѣнно оно уже будетъ достаточнымъ, чтобы сдерживать размноженіе въ надлежащихъ границахъ; но самое образованіе такого мнѣнія не слѣдуетъ предоставлять только воспитанію. Воспитаніе несовмѣстно съ крайнею бѣдностію. Невозможно серьезнымъ образомъ учить нуждающееся населеніе. Трудно сдѣлать, чтобы стали чувствовать цѣну благосостоянія люди, никогда имъ не пользовавшіеся, понимать бѣдственность необезпеченной жизни, люди, ставшіе безпечными отъ привычки жить со дня на день. Отдѣльные люди

часто выбиваются изъ бѣдности въ благосостояніе; но отъ цѣлаго народа можно ждать лишь того, чтобы онъ умѣлъ сохранить благосостояніе. Улучшить привычки и возвысить потребности массы чернорабочихъ поденьщиковъ будетъ дѣломъ труднымъ и медленнымъ, если не придумать средствъ къ тому, чтобы возвысить весь классъ ихъ до порядочнаго благосостоянія и удержать въ немъ до той поры, пока выраcтетъ новое поколѣніе.»

Разумѣется, это правда; но какими же средствами можно дать массѣ наемныхъ работниковъ благосостояніе, безъ котораго не можетъ она просвѣтиться? Милль рекомендуетъ два средства: быстрое веденіе колонизаціи въ обширномъ размѣрѣ правительственными средствами, такъ чтобы вдругъ удалить изъ страны значительную часть рабочаго населенія, и раздачу невоздѣланныхъ общинныхъ земель наемнымъ работникамъ съ выдачею имъ (изъ общественныхъ суммъ) пособія на обзаведеніе хозяйствомъ. При этомъ онъ справедливо замѣчаетъ:

«Но ни то, ни другое средство, ни оба они вмѣстѣ не принесутъ большаго облегченія рабочему классу, если не будутъ исполняться въ такомъ размѣрѣ, чтобы вся масса земледѣльческихъ наемныхъ работниковъ, остающаяся на родинѣ, получила не только занятіе, но и большую прибавку къ нынѣшней рабочей платѣ, — такую прибавку, чтобы стала она жить и воспитала дѣтей въ благосостояніи и независимости, которыя до сихъ поръ оставались чужды ей. Когда наша цѣль — прочное улучшеніе народнаго быта, то мелкія мѣры не производятъ даже и мелкихъ результатовъ, и вовсе не производятъ никакого результата. Если благосостояніе не будетъ сдѣлано столь же привычнымъ цѣлому поколѣнію, какъ привычна теперь нужда, то не будетъ сдѣлано нами ровно ничего; слабыми полумѣрами только расточаются средства, которыя гораздо лучше беречь до той поры, пока прогрессъ общественнаго мнѣнія и воспитанія создастъ государственныхъ людей, которые не будутъ холодными къ плану реформы лишь за то, что онъ обѣщаетъ быть очень полезнымъ.»

Конечно такъ; есть вещи, которыя остаются безъ всякаго вліянія, когда производятся въ слишкомъ маломъ размѣрѣ. Но мы думаемъ, что и сами по себѣ подлежатъ этому отзыву предлагаемыя Миллемъ средства, въ какомъ бы размѣрѣ ни были примѣнены: они слишкомъ слабы. Въ каждой густо населенной странѣ составляютъ незначительное пространство тѣ земли, которыя соединяли бы въ себѣ три условія, опредѣляемыя Миллемъ: не были бы населены, не были бы уже обращены въ частную собственность и были бы хорошаго качества. Пустыхъ земель

вездѣ много, даже въ самой Англіи, но онѣ почти всѣ или слишкомъ дурны, или уже обращены въ частную собственность. — Что же касается до колонизаціи, она можетъ лишь удерживать существующій уровень быта, но не можетъ значительно возвышать его: человѣкъ разстается съ родиною лишь тогда, когда гонитъ его мысль: „мнѣ приходится на родинѣ слишкомъ плохо,“ т. е. когда ему приходится на родинѣ хуже, чѣмъ какъ онъ привыкъ. Если же не становится ему на родинѣ хуже прежняго, онъ не покинетъ ее добровольно (Милль, конечно, говоритъ о добровольномъ переселеніи; о принудительномъ не слѣдуетъ и думать). Милль предлагаетъ палліативныя мѣры, ничему въ сущности не помогающія.

Вспомнимъ, что мы слышали отъ него самого; низкость рабочей платы выгодна для нанимателей труда; желать, чтобы рабочая плата возвысилась, они не могутъ, потому что это было бы противно ихъ выгодѣ. Послѣ этого, какую пользу можетъ принести чья бы то ни было забота объ уменьшеніи излишка наемныхъ работниковъ раздачею земли въ собственность нѣкоторымъ изъ нихъ или выселеніемъ какой бы то ни было части ихъ, — какую пользу могутъ принесть эти мѣры, пока веденіе промышленныхъ дѣлъ остается въ рукахъ предпринимателей, которымъ выгодна низкость рабочей платы, то есть выгодно, чтобы число людей, желающихъ наниматься въ работу, было чрезмѣрно велико? Положимъ, что трудъ вздорожалъ въ Англіи отъ эмиграціи или раздачи общинныхъ земель, — положимъ, что случилось такъ, хотя случиться этого не можетъ по недостаточности подобныхъ средствъ для такого результата. Англійскіе наемные работники стали дороги. Наниматели труда ищутъ дешевыхъ работниковъ и вызываютъ въ Англію нѣмцевъ, бельгійцевъ. Это — фактъ извѣстный и неизбѣжный при трехчленномъ дѣленіи продукта. Каждый разъ, какъ работники въ извѣстной отрасли промышленности потребуютъ возвышенія платы, наниматели труда въ Англіи отвѣчаютъ имъ: „мы выпишемъ себѣ дешевыхъ работниковъ изъ-за границы;“ и дѣйствительно, выписываютъ каждый разъ, когда англійскіе работники медлятъ отказаться отъ требованій.

Повторимъ же коротко нашъ выводъ изъ анализа, сдѣланнаго не нами, а самимъ Миллемъ.

При данномъ состояніи націи величина рабочей платы опредѣляется пропорціею между суммою капитала, идущаго на рабочую плату, и числомъ людей, нанимающихся въ работу. Чѣмъ больше число этихъ людей, тѣмъ ниже уровень рабочей платы. Чѣмъ ниже уровень рабочей платы, тѣмъ больше выгоды нанимателямъ труда. Это говоритъ самъ Милль. Изъ этого слѣдуетъ, что размноженіе можетъ войти въ надлежащія границы, а рабочая плата можетъ имѣть удовлетворительную высоту лишь тогда, когда ходъ промышленныхъ дѣлъ будетъ основываться не на наемной работѣ; иначе сказать, величина рабочей платы можетъ быть удовлетворительна лишь тогда, когда въ дѣйствительности не будетъ наемнаго труда, то есть не будетъ и рабочей платы,— когда въ дѣйствительности этотъ элементъ будетъ сочетаться въ однихъ рукахъ съ прибылью, когда отдѣльные классы наемныхъ работниковъ и нанимателей труда исчезнутъ, замѣнившись однимъ классомъ людей, которые будутъ работниками и хозяевами вмѣстѣ.

До сихъ поръ мы вслѣдъ за Миллемъ говорили о законахъ платы за обыкновенный черный трудъ, не представляющій никакихъ спеціальныхъ особенностей, — тотъ трудъ, которымъ въ каждой странѣ занята главная масса наемныхъ работниковъ. Но извѣстно, что есть много занятій, отправляемыхъ по найму съ платою, отличающеюся отъ платы за обыкновенный трудъ. Причины этихъ отступленій отъ общаго уровня излагаются въ господствующей теоріи очень удовлетворительно. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Если занятіе особенно пріятно, самая пріятность его служитъ частью вознагражденія, и соразмѣрно тому уменьшается рабочая плата. Наоборотъ, она возвышается соразмѣрно непріятности занятія. Вѣрное занятіе находитъ для себя работниковъ за меньшую плату, чѣмъ рискованное. Если подготовленіе къ занятію требуетъ долгаго времени и значительныхъ затратъ на обученіе, рабочая плата возвышается на столько, чтобы вознаграждался

капиталъ, затраченный для подготовленія работника къ дѣлу. — По правилу, ясно обнаруживающемуся изъ этихъ частныхъ случаевъ, можно легко составить очень длинный перечень безчисленнаго множества обстоятельствъ, имѣющихъ свойство поднимать плату въ отдѣльныхъ занятіяхъ выше общаго уровня или спускать ее ниже его. Вообще всякая особенная пріятность, легкость или доступность занятія имѣетъ тенденцію понижать плату за него, а всякое противоположное обстоятельство — возвышать ее. Намъ довольно и этихъ немногихъ словъ. чтобы замѣтить фактъ, довольно важный для теоріи: въ платѣ, получаемой работникомъ, есть много элементовъ, кромѣ того элемента, который надобно назвать рабочею платою въ точномъ смыслѣ слова.

Вопервыхъ, въ плату наемному работнику входитъ обыкновенно страховая премія въ бо́льшемъ или меньшемъ размѣрѣ. Въ платѣ матросу есть доля, служащая вознагражденіемъ за небезопасность его ремесла. Въ платѣ носильщику, дожидающемуся нанимателя на углу улицы или на рынкѣ, есть доля вознаграженія за то, что онъ рискуетъ иной день остаться безъ работы.

Вовторыхъ, всегда есть въ рабочей платѣ элементъ вознагражденія за затрату капитала на подготовленіе работника къ дѣлу. Плотникъ получаетъ больше землекопа между прочимъ потому, что дольше землекопа долженъ учиться своему дѣлу. Громадныхъ размѣровъ достигаетъ эта доля въ платѣ за трудъ высокаго спеціальнаго характера, — въ платѣ медику или адвокату, технологу или инженеру. Но и воспитаніе человѣка, занимающагося самымъ простымъ чернымъ трудомъ, составляетъ значительную затрату капитала. Взрослый работникъ получаетъ извѣстную долю платы собственно потому только, что взрослые работники вообще должны затрачивать часть своей платы на воспитаніе дѣтей. Тутъ какъ будто бы круговая порука поколѣній: каждое поколѣніе въ рабочіе годы вознаграждается за затрату капитала предыдущимъ поколѣніемъ на его воспитаніе.

Можно было бы отмѣтить еще нѣсколько элементовъ, входящихъ въ рабочую плату, но для нашей цѣли достаточно выставить эти два. Мы хотимъ сказать, что если полагать совершенство экономическаго устройства въ существованіи отдѣльнаго класса

людей для каждаго элемента, участвующаго въ производствѣ, то не слѣдуетъ останавливаться на трехчленномъ дѣленіи продукта, а надобно принять дѣленіе, гораздо многосложнѣйшее: каждый изъ трехъ главныхъ элементовъ производства распадается опять на нѣсколько элементовъ. Страховая премія и вознагражденіе за капиталъ — элементы, ставимые господствующею теоріею подъ разрядъ прибыли. Мы теперь видимъ, что они входятъ и въ рабочую плату. Не слѣдуетъ ли желать, чтобы они отдѣлились отъ нея, чтобы наемный работникъ получалъ именно только рабочую плату въ строгомъ смыслѣ слова? Можно придумать устройство, при которомъ такъ и будетъ. Воспитаніемъ дѣтей и приготовленіемъ молодыхъ людей для спеціальныхъ профессій можетъ заняться особенный классъ предпринимателей, которые и будутъ потомъ выручать затраченный на то капиталъ, отдавая приготовленныхъ ими работниковъ въ наемъ на такомъ условіи, чтобы работникъ отдавалъ имъ извѣстную долю изъ получаемой платы. Не правда ли, такой порядокъ будетъ гораздо ближе соотвѣтствовать принципу раздѣленія занятій, если принципъ этотъ понимать въ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его рутинные экономисты, т. е. что для каждаго занятія должно быть отдѣльное сословіе людей, уже ничѣмъ, кромѣ того, не занимающихся? А то посудите сами: наемный работникъ, кромѣ того, что работаетъ, воспитываетъ дѣтей, — на что это похоже? Вѣдь одно занятіе должно мѣшать другому, не правда ли?

Что касается до страховой преміи, она уже выдѣляется и изъ рабочей платы и изъ прибыли тѣми страховыми обществами, которыя составляются не чрезъ взаимное ручательство самихъ застраховывающихся лицъ, а чрезъ образованіе особенныхъ страховыхъ компаній, извлекающихъ для себя особенный доходъ отъ своего занятія. До сихъ поръ эти компаніи не подумали застраховать работу для того работника, который согласится выдѣлять имъ часть своей платы. А вѣдь это очень возможно. Правда, работникъ, кромѣ извѣстной доли своей платы, терялъ бы тогда и самостоятельность; но что жь такое? За то не оставался бы онъ безъ работы.

Если разсуждать по понятіямъ рутинныхъ экономистовъ,

надобно придти къ такимъ выводамъ. Дѣйствительно, чтобы отдѣльный элементъ производства былъ въ чистой своей отдѣльности принадлежностью особеннаго класса людей, изъ нынѣшней рабочей платы должны выдѣлиться страховая премія и затрата капитала. Иначе наемный работникъ все еще остается не собственно только наемнымъ работникомъ, а какою-то смѣсью работника съ страхователемъ и предпринимателемъ. Полное раздѣленіе занятій еще не достигнуто. Оно конечно, если осуществить его, то наемный работникъ переходитъ въ состояніе человѣка, закабаленнаго капиталисту, его воспитавшему, и капиталисту, его застраховавшему. Но этимъ не слѣдуетъ смущаться: такъ и нужно для удовлетворенія рутинному взгляду на принципъ раздѣленія занятій. Рутинные политико-экономы не смущаются такими пустяками, какъ переходъ работника изъ положенія, болѣе самостоятельнаго, въ менѣе самостоятельное. Но вотъ бѣда: послѣдовательнымъ проведеніемъ ихъ взгляда на принципъ раздѣленія занятій уничтожается и классъ наемныхъ работниковъ. Человѣкъ, закабаленный другому чѣмъ бы-то ни было, принимаетъ экономическій характеръ невольника. Значитъ, остаются только разные разряды капиталистовъ, которые отдаютъ своихъ кабальныхъ людей, своихъ невольниковъ въ работу другихъ капиталистамъ; значитъ, и рабочая плата, очищаясь отъ примѣси другихъ элементовъ, сама исчезаетъ: вмѣсто нея остаются расходы хозяина на воспитаніе и содержаніе невольниковъ. Это ужь не годится и по господствующей теоріи.

Конечно, до этого еще не дошло, да и не дойдетъ, потому что начинается поворотъ къ другому устройству, противоположному той формѣ, которая превозносится господствующею теоріею. Не успѣвъ дойдти до полнаго развитія, она будетъ вытѣснена изъ науки и жизни принципомъ совершенно инаго характера. Но если бы она не встрѣтила этого противника, она сама себя уничтожила бы своимъ развитіемъ. Она привела бы къ возстановленію невольничества подъ новымъ какимъ нибудь именемъ.

Вотъ еще какую особенность формы трехчленнаго распредѣленія замѣчаетъ Милль: она въ сущности равносильна тому восточному устройству, которое такъ поносятъ политико-экономы, когда

читаютъ о немъ — у Геродота. Извѣстно, что въ Египтѣ существовали касты. Извѣстно также каждому политико-эконому, что онъ по своему званію долженъ находить существованіе кастъ вещью самою нелѣпою, самою несообразною съ принципами своей теоріи. Посмотрите же, какое признаніе дѣлаетъ честный Милль:

«Раздѣленіе между разными разрядами работниковъ до сихъ поръ остается такъ твердо и линія разграниченія между ними такъ рѣзка, что результатъ почти равняется наслѣдственному раздѣленію на касты: каждое занятіе пополняется главнымъ образомъ дѣтьми людей, уже занимавшихся имъ или профессіями, равными ему въ общественномъ мнѣніи, или дѣтьми людей, которыя родившись на низшей степени успѣли подняться своею энергіею. Свободныя профессіи пополняются почти исключительно сыновьями людей тѣхъ же профессій или празднаго класса; высшіе разряды механическихъ занятій пополняются сыновьями людей занимавшихся ими, или торговцевъ, стоящихъ на одной съ ними степени; точно такъ же и въ низшихъ разрядахъ техническаго труда; а чернорабочіе, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, остаются наслѣдственно въ своемъ прежнемъ состояніи. Поэтому величина платы въ каждомъ изъ такихъ разрядовъ до сихъ поръ опредѣляется не столько степенью размноженія общаго населенія страны, сколько размноженіемъ людей этого самаго разряда.»

Онъ говоритъ это, какъ видитъ читатель по послѣднимъ словамъ отрывка, все для разъясненія зависимости рабочей платы отъ размноженія. А мы возьмемъ засвидѣтельствованный имъ фактъ и разсудимъ, случайная ли принадлежность или одно изъ коренныхъ свойствъ превозносимаго господствующею теоріею порядка этотъ фактъ. Впрочемъ можно и не разсуждать объ этомъ долго: дѣло ясно само собою.

Есть извѣстное число положеній, болѣе выгодныхъ, чѣмъ другія. Кѣмъ будутъ вообще заняты эти положенія? захотятъ ли лица, занимающія ихъ теперь, позаботиться, чтобы передать ихъ своимъ дѣтямъ? Этого слѣдуетъ ждать, судя по законамъ человѣческой природы. Успѣютъ ли отцы въ этомъ стремленіи? Они по самому преимуществу своихъ положеній имѣютъ средства приготовить своихъ дѣтей къ этимъ положеніямъ; у другихъ отцовъ этихъ средствъ нѣтъ. Результатъ не подлежитъ сомнѣнію.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство, также указываемое Миллемъ. Если въ семействѣ находятся не одинъ человѣкъ, а два человѣка, способные работать, то выгодно ли для общества,

чтобы работалъ только одинъ изъ нихъ, а другой содержался на его счетъ въ бездѣйствіи или въ занятіи пустомъ, пригодномъ лишь для занятія пустаго времени какими нибудь ненужными хлопотами, чтобы человѣкъ отъ праздности убивалъ время на вздоръ? Для общества это не выгодно, но для самой семьи тутъ нѣтъ невыгоды при трехчленномъ дѣленіи продукта. Послушайте, что говоритъ Милль. Онъ замѣчаетъ, что если наемный работникъ, кромѣ главнаго своего занятія работой по найму, получаетъ нѣкоторый доходъ отъ какой нибудь домашней работы, то рабочая плата за его главное занятіе уменьшается соразмѣрно этому побочному доходу. Вѣдь онъ можетъ жить на уменьшенную плату, благодаря своему побочному доходу; слѣдовательно можетъ довольствоваться уменьшенною платою; а если можетъ, то чего жь ему еще? Соперничество принудитъ его довольствоваться ею. Замѣтивъ это, Милль продолжаетъ:

«По той же самой причинѣ оказывается, что при равенствѣ другихъ условій вообще бываетъ хуже плата въ занятіяхъ, въ которыхъ жена и дѣти помогаютъ труду работника. Въ этихъ занятіяхъ доходъ, требуемый привычками сословія,— доходъ, до котораго почти непремѣнно понижается плата отъ размноженія,— составляется заработками всего семейства, между тѣмъ какъ въ другихъ занятіяхъ тотъ же доходъ долженъ получаться трудомъ одного мужчины. Вѣроятно даже, что всѣ заработки всей семьи будутъ составлять сумму меньше заработка одного мужчины въ другихъ занятіяхъ, потому что благоразумная воздержность въ заключеніи брака чрезвычайно слаба, когда единственнымъ прямымъ слѣдствіемъ брака кажется улучшеніе быта,— соединивъ свои заработки мужчина и женщина могутъ завести хозяйство лучше послѣ свадьбы, чѣмъ имѣли до свадьбы. Такъ и бываетъ у ткачей при ручныхъ станкахъ. Почти во всѣхъ отрасляхъ ткачества женщина можетъ получать и получаетъ столько же, какъ мужчина, а дѣти работаютъ съ очень раннихъ лѣтъ. Но нѣтъ почти ни одного занятія, въ которомъ цѣлое семейство получало бы дохода такъ мало и гдѣ люди женились бы такъ рано, какъ въ сословіи ткачей. Замѣчательно то, что есть извѣстныя отрасли ткацкой работы, въ которыхъ плата гораздо выше обыкновенной ткацкой платы, и что эти отрасли — именно тѣ, въ которыхъ не работаютъ ни женщины, ни дѣти. Факты эти засвидѣтельствованы коммиссіею, изслѣдовавшею положеніе ткачей (Handloom Weavers Commission), отчетъ которой изданъ въ 1841 году. Но нельзя выводить изъ этого аргументовъ объ исключеніи женщинъ отъ свободнаго соперничества на трудовомъ рынкѣ. Если трудъ мужчины и женщины даетъ имъ даже и не больше платы, чѣмъ получилъ бы одинъ мужчина, то очень важна выгода для женщины, что существованіе ея не зависитъ отъ господина. Но дѣти по необходимости должны быть въ зависимомъ положеніи, потому пониженіе платы отъ ихъ соперничества на тру-

довомъ рынкѣ служитъ важнымъ обстоятельствомъ въ вопросѣ объ ограниченіи труда ихъ для того, чтобы могли они лучше воспитываться.»

Очень милая вещь — этотъ принципъ трехчленнаго дѣленія. Чѣмъ больше вы всматриваетесь въ него, тѣмъ яснѣе обнаруживается прелестная соотвѣтственность его съ коренными идеями экономической науки. Если мужъ работаетъ одинъ, онъ получаетъ извѣстную плату. Если жена, вмѣсто пустой траты времени на вздорныя дрязги, станетъ работать дѣльнымъ образомъ подобно мужу, она вмѣстѣ съ мужемъ будетъ получать плату не больше той, какая прежде давалась одному мужу. Если дѣти станутъ помогать родителямъ, положеніе родителей и дѣтей нимало не улучшается. Какое прекрасное поощреніе людямъ къ тому, чтобы занимался дѣльною работою каждый, кто въ силахъ заниматься ею, — какое хорошее возбужденіе къ трудолюбію и какая справедливая сообразность вознагражденія съ количествомъ труда.

Порядочную кипу рекомендацій въ пользу трехчленной системы распредѣленія доставилъ намъ анализъ одного изъ элементовъ этой системы. Посмотримъ, что найдется въ анализѣ двухъ остальныхъ.

ПРИБЫЛЬ.

При трехчленномъ дѣленіи продукта, затраты на производство дѣлаетъ капиталистъ; за вычетомъ этихъ расходовъ остается ему изъ продукта доля, называющаяся прибылью. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Часть ея служитъ капиталисту вознагражденіемъ за то, что онъ обратилъ на производство свой капиталъ; эта часть называется въ строгомъ смыслѣ слова процентами на капиталъ. Изъ остающагося, за вычетомъ этихъ процентовъ, излишка прибыли часть служитъ вознагражденіемъ за рискъ предпріятія. Другая часть излишка служитъ вознагражденіемъ за трудъ управленія дѣломъ. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ прибыли очень часто отдѣляется отъ другихъ. Капиталистъ имѣетъ иногда наемнаго распорядителя, при которомъ самъ уже вовсе не вмѣшивается въ дѣло; этотъ распорядитель получаетъ вознагражденіе за веденіе дѣла, а капиталисту оста-

ются только проценты съ капитала и страховая премія. Но часто предприниматель занимаетъ на веденіе дѣла капиталъ у другаго капиталиста, которому и выдѣляетъ проценты, а самъ получаетъ только страховую премію и вознагражденіе за управленіе дѣломъ, — если же имѣетъ при этомъ наемнаго распорядителя, то одну только страховую премію. Чтобы велись промышленныя дѣла при системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, прибыль должна имѣть величину, достаточную на образованіе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ прибыли въ размѣрѣ, какой нуженъ по состоянію даннаго общества въ данное время. Но при разномъ состояніи общества величина каждаго изъ трехъ элементовъ прибыли бываетъ очень различна. Чѣмъ больше спокойствія и благоустройства въ обществѣ, тѣмъ ниже бываетъ страховая премія и величина процентовъ. Чѣмъ болѣе распространены въ обществѣ знанія и нравственныя качества, нужныя для управленія коммерческимъ дѣломъ, тѣмъ ниже бываетъ величина вознагражденія за управленіе имъ.

Какъ видоизмѣняется средній уровень элементовъ прибыли, смотря по разницамъ въ положеніи націй, точно такъ же бываютъ отступленія отъ этого средняго уровня въ разныхъ занятіяхъ, смотря по различію въ характерѣ занятій. Въ занятіи болѣе рискованномъ страховая премія стоитъ выше средняго уровня; въ занятіи особенно пріятномъ вознагражденіе распорядителю бываетъ ниже средняго уровня; словомъ сказать, тутъ примѣняются всѣ тѣ соображенія, по которымъ устанавливается и различіе между рабочею платою въ разныхъ занятіяхъ. За вычетомъ этихъ неравенствъ, соотвѣтствующихъ особенностямъ каждаго дѣла, величина прибыли во всѣхъ занятіяхъ имѣетъ тенденцію уравниваться. Часть прибыли, составляющая проценты на капиталъ, подчиняется этой тенденціи такъ легко, что величина процентовъ при одинаковомъ достоинствѣ обезпеченія дѣйствительно бываетъ одинакова во всѣхъ занятіяхъ. Заимодавцу все равно, на какое дѣло будетъ употребленъ его капиталъ; потому, когда являются занимать капиталъ два лица изъ разныхъ занятій, представляя кредитору одинаковое обезпеченіе, онъ всегда предпочтетъ того, кто дастъ бо̀льшій процентъ; взаимнымъ соперниче-

ствомъ эти лица принуждаются возвышать проценты до такой величины, что весь готовый идти въ суды капиталъ раздѣляется между ними на одинаковыхъ условіяхъ пропорціонально ихъ надобности и пропорціонально величинѣ представляемаго ими обезпеченія. А по соперничеству между лицами, дающими капиталъ въ ссуду, величина процентовъ останавливается на такомъ уровнѣ, при которомъ предприниматели находятъ выгоднымъ взять въ ссуду весь предлагаемый въ ссуду капиталъ. Если капиталистъ ведетъ дѣло и на свой, а не на занятой капиталъ, онъ руководится точно такимъ же разсчетомъ; и когда капиталъ при затратѣ на одно занятіе сталъ бы давать ему меньше процентовъ, чѣмъ въ другомъ занятіи, онъ старается перенести его въ другое занятіе.

Но кромѣ процентовъ на капиталъ, въ прибыль входятъ страховая премія и вознагражденіе за искусство управленія дѣломъ. Эти элементы не такъ легко подчиняются дѣйствію уравнивающей тенденціи. Въ одномъ и томъ же занятіи распорядитель болѣе искусный лучше избѣжитъ потерь и личныхъ растратъ, то есть получитъ больше прибыли, чѣмъ распорядитель менѣе искусный. Много тутъ зависитъ и отъ случая; потому величина валовой прибыли различна у разныхъ предпринимателей въ одномъ занятіи. Но все-таки средняя вѣроятность полученія прибыли для одинаковыхъ предпринимателей должна быть одинакова въ разныхъ занятіяхъ: если въ одномъ занятіи шансъ этотъ будетъ лучше, чѣмъ въ другомъ, капиталъ будетъ переливаться изъ занятія, обѣщающаго меньшую прибыль, къ занятію, обѣщающему большую прибыль, пока средняя величина ожидаемой выгоды въ обоихъ занятіяхъ уравняется (конечно, за вычетомъ разностей, происходящихъ отъ особеннаго характера разныхъ занятій, о чемъ говорили мы выше).

Вотъ понятіе о томъ, что называется среднею или обыкновенною величиною прибыли или среднимъ уровнемъ прибыли. Но мы видѣли, что этотъ средній уровень самъ то понижается, то возвышается. Отъ чего же зависитъ его величина? Трудами англійскихъ экономистовъ, въ особенности Рикардо, вопросъ этотъ превосходно разъясненъ, и у Милля, достойнаго ученика

Рикардо, онъ изложенъ какъ нельзя лучше. Приводимъ слова Милля:

«Человѣку, незнакомому съ наукой, представляется, будто бы прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль повидимому тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль — результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукою люди полагаютъ, будто производитель получаетъ прибыль только отъ того, что есть покупщики на товаръ; будто бы запросъ, — покупщики, — рынокъ товара, вотъ причина выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу.

«Но думать такъ, значитъ смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества. На самомъ дѣлѣ мы находимъ, что самыя деньги, переходящія отъ одного лица къ другому, никогда не бываютъ сущностью дѣла въ экономическихъ феноменахъ. Если мы всмотримся поближе въ операціи производителя, мы замѣтимъ, что деньги, получаемыя имъ за товаръ, вовсе не служатъ причиною того, что онъ имѣетъ прибыль, а служатъ только способомъ, которымъ выплачивается ему его прибыль.

«Причина прибыли то, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока ростетъ пища (и пока они заняты устройствомъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій). Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то кромѣ возвращенія своей затраты онъ получитъ нѣсколько лишняго. Иными словами теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ больше того времени, какое было нужно для производства ихъ; такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами, съ условіемъ получать все, что они производятъ, то они за воспроизведеніемъ потребляемыхъ ими предметовъ необходимости и орудій будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видимъ, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно хотя бы и не происходило никакого обмѣна. Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20 % больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20 %, каковы бы ни были цѣны. Случайная величина цѣны можетъ на время давать одному разряду производителей больше 20 % выгоды, а другому меньше, когда одинъ товаръ ставится выше своей натуральной цѣнности относительно другихъ товаровъ, а другой ниже, и это будетъ продолжаться, пока цѣны снова уравняются; но въ общей сложности производители будутъ непремѣнно получать ровно по 20 %.

«Для развитія этихъ кратко выраженныхъ мыслей я подробнѣе покажу теперь способъ, которымъ опредѣляется величина прибыли.

«Я предположу исключительное господство того порядка вещей, который съ немногими исключеніями преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ работники и капиталисты составляютъ разныя сословія, — предположу, что капиталистъ затрачиваетъ впередъ всѣ расходы, въ томъ числѣ и все вознагражденіе работника.»

При этомъ предположеніи всѣ затраты на производство дѣлаются капиталистомъ и весь продуктъ получается имъ. Прибыль его (продолжаетъ Милль) составляется излишкомъ продукта надъ затратами; а процентъ прибыли будетъ та пропорція, какую составляетъ этотъ излишекъ сравнительно съ суммою затраты. Но изъ чего состоятъ затраты капиталиста?

«Значительную часть расхода каждаго капиталиста составляетъ прямая выдача рабочей платы. Кромѣ этого, расходъ его составляютъ матеріалы и орудія, считая въ числѣ орудій строенія. Но матеріалы и орудія производятся трудомъ, а нашъ предполагаемый капиталистъ долженъ представлять собою не отдѣльное предпріятіе, а типъ производительной промышленности всей страны, потому мы можемъ предположить, что онъ самъ дѣлаетъ свои орудія и добываетъ свои матеріалы. Онъ дѣлаетъ и добываетъ ихъ посредствомъ предварительныхъ затратъ, которыя опять состоятъ единственно изъ рабочей платы. Если же предположимъ, что онъ не самъ производитъ, а покупаетъ орудія и матеріалы, сущность дѣла не измѣняется; онъ въ этомъ случаѣ уплачиваетъ предшествующему производителю рабочую плату, которую израсходовалъ этотъ предшествующій производитель. Правда, онъ выплачиваетъ ему ее съ прибылью; а если бы самъ произвелъ эти вещи, то самъ получилъ бы прибыль на эту часть своего расхода, какъ получаетъ ее на всѣ другія части. Но остается тотъ фактъ, что во всемъ процессѣ производства, начинающемся матеріалами и орудіями и кончающемся готовымъ продуктомъ, всѣ затраты состояли исключительно изъ рабочей платы; разница только въ томъ, что нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ капиталистовъ получили уплату своей части прибыли до окончанія операціи, — такъ было удобнѣе для нихъ и остальныхъ капиталистовъ. Вся та часть окончательнаго продукта, которая не составляетъ прибыли, служитъ возвращеніемъ капиталисту затратъ сдѣланныхъ на рабочую плату.

«Такимъ образомъ оказывается, что выигрышъ капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: вопервыхъ, отъ величины продукта, иначе сказать, отъ производительной силы труда, и вовторыхъ, отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники, отъ пропорціи между вознагражденіемъ работниковъ и всею суммою, ими производимою. Эти два элемента служатъ данными, которыми опредѣляется вся сумма, раздѣляющаяся въ видѣ прибыли между всѣми капиталистами страны. Но *величина* прибыли, процентное отношеніе ея къ капиталу, опредѣляется только вторымъ изъ этихъ элементовъ, — тѣмъ, какую долю получаетъ работникъ, а не суммою, раздѣляемою между работникомъ и капиталистомъ. Если продуктъ труда удвоится, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него какъ прежде, то есть, если ихъ вознагражденіе также

удвоится, то капиталисты, правда, получатъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя.

«Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу Рикардо и другихъ политико-экономовъ, доказавшихъ, что величина прибыли зависитъ отъ рабочей платы, возвышается по мѣрѣ паденія рабочей платы и падаетъ по мѣрѣ ея возвышенія. Но, принимая эту теорію, я нахожу нужнымъ сдѣлать перемѣну въ ея терминологіи,— перемѣну, рѣшительно необходимую. Вмѣсто того, чтобы говорить: прибыль опредѣляется рабочею платою, мы скажемъ: она опредѣляется *стоимостію труда*, о которой и думалъ на самомъ дѣлѣ Рикардо, дѣлая свой выводъ.

«Рабочая плата и стоимость труда, — сумма, получаемая за трудъ работникомъ, и сумма, которой стоитъ трудъ капиталисту, — это два понятія, совершенно различныя, и помнить различіе между ними чрезвычайно важно. А чтобы не смѣшивать ихъ, необходимо не обозначать ихъ однимъ терминомъ, какъ обозначаютъ почти всѣ политико-экономы. Въ парламентскихъ преніяхъ и въ литературѣ на рабочую плату гораздо чаще смотрятъ съ точки зрѣнія платящихъ, нежели съ точки зрѣнія получающихъ ее; потому безпрестанно говорятъ о высотѣ или низости рабочей платы, когда думаютъ только о высотѣ или низости стоимости труда. Большею частью сущность дѣла бываетъ наоборотъ: часто стоимость труда бываетъ самая высокая, когда рабочая плата бываетъ самая низкая. Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Вопервыхъ, дешевый трудъ можетъ быть неуспѣшенъ. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ самая низкая рабочая плата въ Ирландіи (по крайней мѣрѣ такова она была тамъ прежде). Вознагражденіе земледѣльческаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половину самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ, — платы дорсетширтскому работнику. Но если по меньшему своему искусству и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше. Прибыль капиталиста зависитъ отъ того, сколько стоитъ трудъ, а не отъ того, сколько получаетъ работникъ. Что разница въ успѣшности ирландскаго и англійскаго труда дѣйствительно такъ велика, доказывается многочисленными свидѣтельствами, а главное тѣмъ фактомъ, что не смотря на низость рабочей платы, прибыль на капиталъ никогда не бывала въ Ирландіи выше, чѣмъ въ Англіи.

«Разница въ стоимости предметовъ, потребляемыхъ работникомъ, — вотъ вторая причина, по которой рабочая плата не можетъ служить мѣрою стоимости труда. Если эти предметы дешевы, рабочая плата можетъ быть высока въ томъ смыслѣ, какой важенъ для работника, между тѣмъ какъ стоимость труда низка. Если они дороги, то работникъ можетъ имѣть слишкомъ мало, хотя его трудъ стоитъ капиталисту много; таково бываетъ положеніе земли, въ которой населеніе слишкомъ велико сравнительно съ количествомъ земли: пища тогда дорога и скудость дѣйствительнаго вознагражденія работнику не мѣшаетъ труду стоить много для покупателя; при низкой рабочей платѣ тутъ низка и прибыль. Примѣромъ противнаго служатъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Работникъ тамъ пользуется такимъ

изобиліемъ житейскихъ удобствъ, какъ нигдѣ въ мірѣ, кромѣ нѣкоторыхъ новыхъ колоній; но благодаря дешевой цѣнѣ этихъ удобствъ (и большой успѣшности труда), стоимость труда капиталисту значительно ниже, чѣмъ въ Европѣ. Это мы видимъ изъ того, что величина прибыли тамъ выше, какъ доказывается величиною процентовъ: въ Нью-Йоркѣ платится 6 %, когда въ Лондонѣ платится 3 % или 3¼ %.

«Итакъ, говоря математическимъ языкомъ, стоимость труда есть функція трехъ измѣняемыхъ: успѣшности труда, рабочей платы (то есть, существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Ясно, что стоимость труда для капиталиста зависитъ отъ каждаго изъ этихъ трехъ обстоятельствъ, и что только эти обстоятельства имѣютъ на нее вліяніе. Слѣдовательно ими опредѣляется и величина прибыли, и величина эта можетъ измѣняться только отъ ихъ вліянія. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ, а вознагражденіе за него не возвысится; если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе не увеличится, и самъ трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ; или если предметы составляющіе вознагражденіе работнику, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, — то въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ или отъ ухудшенія въ его воспитаніи); или если работникъ станетъ получать больше вознагражденія безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей; или если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но стоимость получаемыхъ имъ вещей будетъ больше, — то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль подвергнется уменьшенію. Кромѣ этихъ случаевъ, нѣтъ другихъ комбинацій обстоятельствъ, отъ которыхъ могла бы падать или возвышаться общая величина прибыль въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности.»

Та сторона дѣла, которая изложена здѣсь, изложена совершенно удовлетворительно. Но не всѣ стороны дѣла изложены здѣсь. Пользуемся случаемъ, чтобы напомнить читателю о коренныхъ чертахъ разницы нашего взгляда на экономическія дѣла отъ взгляда, выдаваемаго за абсолютно вѣрный рутинными политико-экономами. Первая черта разницы — та, что за основаніе своихъ понятій мы беремъ экономическую теорію въ томъ видѣ, какой получила она отъ своихъ великихъ основателей Смита, Мальтуса и Рикардо, а не въ той жалкой передѣлкѣ, какой подвергается эта теорія, у континентальныхъ болтуновъ или компиляторовъ, недобросовѣстно или безсмысленно искажающихъ ея суровый, но благородный характеръ, набивающихъ въ нее безъ разбора всякую дрянь. Вотъ, напримѣръ, Рикардо доказалъ, что прибыль

есть остатокъ продукта за вычетомъ стоимости труда, или, при гипотезѣ наемнаго труда, остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы. У континентальныхъ политико-экономовъ эта суровая истина замазывается разными вздорами схоластическаго или реторическаго характера. Мы несогласны на эту пошлую передѣлку и вслѣдъ за Рикардо говоримъ, что при данномъ положеніи производства величина прибыли обратно пропорціональна величинѣ рабочей платы. Дѣлайте изъ этого выводъ какой хотите, но мы не намѣрены утаивать истину.

Вотъ первая причина разницы нашего взгляда отъ господствующей теоріи. Мы не допускаемъ искаженій, внесенныхъ въ науку риторами и компиляторами. Но принимая за истину главные результаты изслѣдованій великихъ англійскихъ основателей науки, мы не думаемъ, что ихъ трудами исчерпана вся истина. Вообще говоря, у нихъ очень удовлетворительно объяснены тѣ стороны дѣла, которыя изслѣдованы ими внимательно; но они были все-таки не боги, а люди, и замѣтивъ многое, многое оставили безъ вниманія. Ихъ труды нуждаются въ пополненіяхъ. Эти пополненія сдѣланы мыслителями, которыхъ мы признаемъ своими прямыми учителями.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы въ вопросѣ о прибыли. Ни Рикардо, ни кто другой изъ политико-экономовъ смитовской школы не обратили надлежащаго вниманія на результаты, происходящіе отъ свойства прибыли и въ особенности отъ свойства процентовъ рости по геометрической прогрессіи. Отчасти надобно объяснять такую забывчивость видимымъ разнорѣчіемъ дѣйствительныхъ фактовъ съ математическимъ закономъ. Но все-таки очень странна эта забывчивость, потому что законъ возрастанія процентовъ и вообще прибыли представляетъ точную параллель мальтусовой теоремѣ. Каждому извѣстно, съ какою огромною силою ростетъ капиталъ, когда проценты прилагаются къ первоначальной суммѣ и снова даютъ на себя проценты. Каждому извѣстенъ разсчетъ, по которому для курьёза доказывается, что если бы Адамъ положилъ въ банкъ одну копѣйку, то нынѣ каждому изъ насъ пришлось бы получить изъ банка массу золота, гораздо бо́льшую, чѣмъ какая могла бы помѣститься въ шарообразномъ мѣшкѣ,

діаметромъ своимъ равняющемся всему поперечнику солнечной системы, до орбиты Нептуна. Мы не будемъ забавлять читателя подобными курьёзными разсчетами, и ограничимъ свои соображенія небольшимъ періодомъ времени, обозрѣваемымъ очень легко, напримѣръ, однимъ столѣтіемъ. Вотъ таблица, показывающая, до скольких рублей возрастаетъ въ 25, 50, 75 и 100 лѣтъ капиталъ, первоначально равнявшійся 100 рублямъ, при разныхъ величинахъ процентовъ отъ 3 до 10.

До какого числа рублей возрастаетъ первоначальная сумма 100 рублей при величинѣ процента.	въ 25	50	75	100 лѣтъ.
3	209	438	918	1,921
4	266	711	1,894	5,050
5	339	1,147	3,883	13,150
6	429	1,842	7,906	33,930
7	543	2,946	15,988	86,772
8	685	4,690	32,121	219,970
9	864	7,436	64,119	552,900
10	1,083	11,739	127,190	1,378,050

Читатель знаетъ, чтъ въ самой Англіи, гдѣ величина процентовъ самая наименьшая, она постоянно держится выше 3% по ссудамъ, дающимъ наименьшій процентъ (по фондамъ государственнаго долга), а по коммерческимъ векселямъ наилучшаго качества (по векселямъ, дисконтируемымъ въ англійскомъ банкѣ) вообще платится гораздо больше, обыкновенно отъ 4 до 5%, а очень часто до 6% и даже 7%. Но эти ссуды составляютъ лишь назначительную часть коммерческихъ ссудъ въ Англіи: по главной массѣ ссудъ подъ самое вѣрное обезпеченіе платится процентъ выше требуемаго англійскимъ банкомъ. Въ континентальныхъ странахъ и въ Сѣверной Америкѣ проценты выше, чѣмъ въ Англіи. Коммерческій человѣкъ во Франціи, Германіи полагаетъ, что заключилъ заемъ очень выгодный, если долженъ платить только 6%; обыкновенно платитъ онъ больше. Изъ таблицы мы видимъ, что при 3% капиталъ въ теченіе одного вѣка возрастаетъ слишкомъ въ 19 разъ, при 6% слишкомъ въ 339 разъ; при 8% почти въ 2,200 разъ, наконецъ при 10%

слишкомъ въ 13,500 разъ. Величина 10% по хорошимъ ссудамъ — вовсе не рѣдкость, не только у насъ, но и въ континентальной западной Европѣ. Она не слишкомъ рѣдко является даже въ Англіи.

Но собственно такъ-называемые проценты, платимые по ссудамъ, составляютъ лишь часть коммерческой прибыли, которая вообще несравненно больше. Въ Англіи, напримѣръ, принимается, по словамъ Милля, за правило, что въ розничной торговлѣ надбавка цѣнъ должна составлять 50% противъ оптовой цѣны товара. Конечно, изъ этихъ 50% должны быть покрыты расходы по содержанію лавки и потери отъ продажи долговъ на нѣкоторыхъ покупщикахъ. Но если не искусному розничному торговцу остается не очень много чистой прибыли за этими вычетами, у торговца искуснаго чистая прибыль остается велика, — 30%, быть можетъ 40%, быть можетъ и больше на его оборотный капиталъ, потому что капиталъ у него успѣваетъ въ годъ сдѣлать нѣсколько оборотовъ. Посмотримъ же, какъ будетъ рости капиталъ при разныхъ величинахъ прибыли отъ 10% до 40%. Считать тутъ по четвертямъ столѣтія и продолжать счетъ до цѣлаго столѣтія значило бы приходить къ цифрамъ, которыя не помѣстились бы въ строку таблицы. Напримѣръ, при 40% прибыли, изъ 100 рублей дѣлается черезъ 100 лѣтъ болѣе 41,000,950,000,000,000 рублей, — для ясности попробуемъ произнести эту цифру: сорокъ одна тысяча билліоновъ, девять сотъ пятьдесятъ тысячъ милліоновъ рублей, — сумма, въ сравненіи съ которой совершенно ничтожна вся сумма богатствъ, находящихся на всемъ земномъ шарѣ; если положить населеніе земнаго шара въ 1,000 милліоновъ человѣкъ и раздѣлить между ними эту цифру, на каждаго человѣка придется по 41,000,950 р., — на каждаго человѣка такая сумма богатства, какою едва ли владѣетъ вся фамилія Родшильдовъ. Чтобы соображеніе наше могло справиться съ цифрами, какія будутъ получаться у насъ, мы должны ограничить разсчетъ временемъ, соотвѣтствующимъ дѣятельности одного поколѣнія, тридцатью годами; сдѣлаемъ счетъ по десятилѣтіямъ.

До какого числа рублей возрастаетъ первоначальная сумма 100 руб. при величинѣ прибыли.	въ 10	20	30 лѣтъ.
10%	259	673	1,741
15%	404	1,637	6,621
20%	619	3,834	23,738
25%	931	8,674	80,780
30%	1,379	19,004	262,000
35%	2,011	40,427	812,850
40%	2,892	83,663	2,420,240

Возможно ли коммерческому человѣку получать по 40% чистой прибыли? Да, это очень возможно; иначе не было бы примѣровъ тому, что начавъ свои торговые обороты лѣтъ въ 20 съ какою нибудь сотнею рублей, человѣкъ становится въ 50 лѣтъ милліонеромъ. Такихъ примѣровъ мало; отчего мало, мы увидимъ ниже; но сама по себѣ чистая прибыль въ 40% вовсе не рѣдкость: мы безпрестанно видимъ примѣры тому, что въ какія нибудь 5 лѣтъ начинающій мелкій торговецъ увеличиваетъ свой капиталъ въ 5 разъ, — это значитъ, что каждый годъ капиталъ увеличивался на 40% прибавкою изъ чистой его прибыли. Но не будемъ останавливаться на этихъ 40%, не будемъ останавливаться ни на 35%, ни на 30%, ни на 25%, ни даже на 20%, — остановимся только на 15% чистой прибыли. Это процентъ уже очень умѣренный, слишкомъ умѣренный: очень плохъ или очень несчастливъ тотъ мелкій торговецъ, который не наживаетъ въ годъ 150 рублей прибыли на 1000 рублей своего капитала. Всѣ товарищи должны жалѣть и осмѣивать его. При этомъ процентѣ, который ниже обыкновеннаго, капиталъ въ теченіе одного поколѣнія возрастаетъ въ 66 разъ.

Спрашиваемъ теперь, бывало ли когда нибудь и возможно ли было когда нибудь, чтобы сумма богатствъ, принадлежащихъ націи, возрасла въ теченіе какихъ нибудь 30 лѣтъ,—не говоримъ въ 66 разъ, а хотя въ 30 разъ, хотя въ 20 разъ? Соединенные Штаты представляютъ поразительнѣйшій примѣръ самаго быстраго возрастанія суммы богатствъ общества, имѣющаго такую численность, чтобы можно было назвать его отдѣльнымъ цѣлымъ въ экономическомъ отношеніи. Съ 1800 до 1860 г.

населенiе Соединенныхъ Штатовъ возрастало въ шесть разъ; если бы богатство страны возрасло хотя въ 20 разъ въ каждое 30-лѣтiе, въ 60 лѣтъ оно возрасло бы въ 400 разъ ($20^2 = 400$); раздѣливъ это увеличенiе на цифру, въ какой увеличилось населенiе, мы получили бы, что каждый житель Соединенныхъ Штатовъ въ 1860 г. былъ среднимъ числомъ слишкомъ въ 60 разъ богаче, чѣмъ былъ его дѣдъ въ 1800 г. Это явная нелѣпость. Едва ли можно предположить, чтобы сталъ онъ богаче хотя въ 4 раза, — вѣроятно и того нѣтъ, — едва ли общiй уровень благосостоянiя поднялся въ эти 60 лѣтъ хотя въ 2 раза. Но положимъ, что онъ поднялся въ 6 разъ; а населенiе возрасло, какъ мы знаемъ, также въ 6 разъ, значитъ сумма богатствъ въ 60 лѣтъ возрасла въ 36 разъ, значитъ въ каждыя 30 лѣтъ возрастала въ 6 разъ ($6^2 = 36$).

Что же мы имѣемъ теперь? — По слишкомъ высокой оцѣнкѣ сумма богатствъ нацiи въ случаѣ самаго быстраго увеличенiя возростала въ 6 разъ въ 30 лѣтъ. А прибыль по слишкомъ низкой оцѣнкѣ возростала въ эти 30 лѣтъ въ 20 разъ. — Что изъ этого слѣдуетъ?

Мы знаемъ, что величина прибыли есть остатокъ продукта, за вычетомъ рабочей платы (рента тутъ въ счетъ нейдетъ, потому что она сама — только излишекъ прибыли, остающейся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства, какъ мы увидимъ ниже; когда дѣло идетъ о прибыли, въ разсчетъ входитъ только рабочая плата). Мы видимъ, что одна изъ двухъ долей продукта ростетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ вся сумма продукта. Это значитъ, что другая доля продукта, уменьшается. Чтобы яснѣе было это, представимъ таблицу процентнаго содержанiя рабочей платы и прибыли въ продуктѣ Соединенныхъ Штатовъ по гипотезѣ возрастанiя, нами принятой.

Мы положили, что сумма продукта ростетъ въ 6 разъ въ 30 лѣтъ; это значитъ, что годичный процентъ возрастанiя продукта 6,15. — Мы положили, что прибыль ростетъ только въ 20 разъ въ 30 лѣтъ; это значитъ, что ежегодный процентъ ея возрастанiя 10,5, — цифра, очевидно слишкомъ малая, потому что недалекъ

отъ такой величины въ Соединенныхъ Штатахъ процентъ по ссудамъ, составляющій лишь часть всей чистой прибыли.

Попробуемъ же сосчитать, какъ будутъ рости по десятилѣтіямъ при этой гипотезѣ сумма продукта и сумма прибыли, какую часть изъ суммы продукта будетъ составлять сумма прибыли, и какая доля продукта будетъ оставаться на рабочую плату. Положимъ, что первоначально продуктъ былъ = 10,000, и прибыль составляла въ немъ десятую долю = 1,000. Мы будемъ имѣть:

Годы.	Сумма продукта.	Сумма прибыли.	Сколько изъ суммы продукта остается на рабочую плату.	Какую долю изъ суммы продукта составляетъ сумма прибыли.	Какая доля изъ суммы продукта остается на рабочую плату.
1-й	10,000	1,000	9,000	10%	90%
11-й	18,171	2,714	15,457	15	85
21-й	33,019	7,681	25,338	22	78
31-й	60,000	20,000	40,000	33	67
41-й	109,030	54,288	54,942	48	52
51-й	198,120	147,360	50,760	74	36
61-й	360,000	400,000	40,000	111	11

Вникнемъ въ смыслъ этой таблицы. Мы предположили общество, въ которомъ продуктъ ростетъ быстрѣе, чѣмъ населеніе. Слѣдуетъ ожидать, что благосостояніе всѣхъ классовъ общества будетъ увеличиваться. По крайней мѣрѣ нѣтъ къ тому естественныхъ препятствій.

Но мы знаемъ какъ фактъ, что при трехчленномъ дѣленіи продукта одна изъ долей этого продукта, прибыль ростетъ быстрѣе суммы продукта. Чтобы видѣть результатъ этого факта, мы приняли въ первый годъ періода сумму прибыли, незначительную сравнительно съ продуктомъ. По этой своей первоначальной незначительности она въ первыя десятилѣтія еще не можетъ поглощать всю прибавку продукта: она захватываетъ себѣ все бо́льшую и бо́льшую долю въ немъ, и доля рабочей платы уменьшается, но безотносительная сумма фонда рабочей платы еще ростетъ. Черезъ нѣсколько времени прибыль разрослась на столько, что захватываетъ уже всю годичную прибавку продукта, а потомъ больше

годичной прибавки. Начинаетъ уменьшаться уже и безотносительная величина фонда рабочей платы. Съ каждымъ годомъ этотъ процессъ идетъ быстрѣе, потому что прибыль разростается очень быстро, и скоро она поглощаетъ весь продуктъ, готова была бы поглотить даже больше, чѣмъ весь продуктъ, оставляя на долю рабочей платы нуль, а потомъ отрицательную величину.

Очевидно, что этотъ окончательный результатъ представляетъ собою практическую невозможность. Онъ выражаетъ теоретическую тенденцію прибыли уничтожить рабочую плату и поглотить все, что могло остаться въ рукахъ наемнаго работника отъ платы, получавшейся въ прежніе годы.

Мы не приняли тутъ въ разсчетъ, размножается или не размножается классъ наемныхъ работниковъ. Если онъ и не размножается, все-таки очевидно, что рабочая плата начнетъ чрезъ нѣсколько времени падать. Очевидно также, что если населеніе и размножается, то при первоначальной незначительности суммы, какую беретъ прибыль изъ продукта, рабочая плата будетъ возрастать при нашей гипотезѣ, потому что сумма продукта ростетъ быстрѣе, чѣмъ размножается населеніе. Вотъ таблица, сопоставляющая оба эти случая. Лѣвая половина таблицы показываетъ величину рабочей платы при населеніи неразмножающемся. Въ правой половинѣ таблицы мы приняли, что населеніе въ теченіе 60 лѣтъ увеличилось въ 6 разъ, — цифра, близкая къ тому, что было въ Соединенныхъ Штатахъ. Годичный процентъ размноженія въ этомъ случаѣ 3,03.

Годы.	Фондъ рабочей платы.	Населеніе неразмножающееся. Число работниковъ.	Населеніе неразмножающееся. Величина рабочей платы.	Населеніе размножающееся. Число работниковъ.	Населеніе размножающееся. Величина рабочей платы.
1-й	9000	1,000	9,00	1,000	9,00
11-й	15457	1,000	15,46	1,351	11,47
21-й	25338	1,000	35,39	1,817	13,94
31-й	40000	1,000	40,00	2,449	16,33
41-й	54942	1,000	54,94	3,302	16,66
51-й	50760	1,000	50,76	4,451	11,40
61-й	40000	Невозможное состояніе общества.			

Въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ одинаковый ходъ дѣла.

Пока прибыль не успѣла разростись, рабочая плата возвышается; черезъ нѣсколько времени прибыль разростается до того, что уменьшаетъ своими захватами величину фонда рабочей платы, и рабочая плата начинаетъ падать; ея паденіе идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ шло ея возвышеніе: дѣйствительно, понижается она отъ прибыли, захваты которой ростутъ по прогрессіи, гораздо быстрѣйшей, чѣмъ по какой возрастаетъ продуктъ, часть прибавки къ которому шла прежде на увеличеніе фонда рабочей платы. Этотъ ходъ дѣла одинаковъ и при неразмножающемся и при размножающемся населеніи. Разница лишь въ томъ, что при населеніи неразможающемся рабочая плата сначала возвышалась бы значительнѣе, чѣмъ при размножающемся.

Теперь мы видимъ, что при трехчленномъ дѣленіи продукта пониженіе рабочей платы происходитъ не собственно отъ размноженія людей, какъ показалось Мальтусу. Причины этого феномена при существующемъ устройствѣ совершенно иныя. Онѣ заключаются въ самомъ этомъ устройствѣ. Двѣ изъ нихъ мы уже видѣли при анализѣ Мальтусовой теоремы: нынѣ общественный бытъ таковъ, что прибавка къ населенію поглощается городами; число людей, занимающихся не земледѣльческими отраслями промышленности или ничѣмъ не занимающихся, ростетъ слишкомъ быстро сравнительно съ числомъ землепашцевъ, которое или почти вовсе не ростетъ или даже уменьшается. Другая причина, какъ мы говорили въ анализѣ Мальтусовой теоремы, заключается въ томъ, что слишкомъ многія изъ земледѣльческихъ улучшеній, нужныхъ для благосостоянія націи, не представляютъ достаточной выгоды капиталисту. Этими двумя причинами объясняется недостаточность земледѣльческаго продукта, то есть и недостаточность рабочей платы, въ которой главную статью составляетъ продовольствіе. Теперь мы видимъ третью причину низкости рабочей платы: прибыль имѣетъ настоящую тенденцію развиваться до того, чтобы захватывать какъ можно бо̀льшую долю изъ фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этотъ фондъ и останавливается въ такомъ стремленіи лишь матеріальною невозможностью для работника существовать иначе, какъ при извѣстной величинѣ рабочей платы.

Но всѣ наши таблицы кончались цифрами физически невозможными: по таблицамъ возрастанія процентовъ оказывалось, что капиталъ, даваемый въ ссуду, очень скоро долженъ далеко превзойти всю сумму богатствъ, существующихъ или могущихъ когда либо существовать на земномъ шарѣ; по таблицамъ возростанія чистой прибыли оказывалось, что каждый торговецъ, начавши торговать рублей на 200 или на 300, долженъ сдѣлаться лѣтъ черезъ 25 или 30 милліонеромъ, если не особенно несчастливъ; по другимъ таблицамъ возрастанія чистой прибыли оказывалось, что она должна поглощать всю рабочую плату. Отчего же не доходитъ дѣло до подобныхъ результатовъ при столь сильномъ стремленіи прибыли доходить до нихъ? Что мѣшаетъ ей развиваться, какъ бы слѣдовало по ея натурѣ?

Причины, задерживающія ея развитіе, извѣстны каждому, кто сколько нибудь вникалъ въ ходъ житейскихъ дѣлъ. Онѣ лежатъ въ натурѣ человѣка.

По натурѣ прибыли, коммерческое дѣло быстро расширяется, если хозяинъ его не подвергается особеннымъ несчастіямъ и оставляетъ хотя часть чистой прибыли идти на расширеніе дѣла: тутъ дѣйствуетъ сила сложныхъ процентовъ, сила очень быстро увеличивающая капиталъ въ 5, въ 10, во 100, въ 1000 разъ. Но при этой тенденціи прибыли къ быстрому расширенію дѣла какимъ образомъ измѣняется отношеніе къ дѣлу человѣка, бывающаго хозяиномъ дѣла? Извѣстно какъ оно измѣняется.

Чѣмъ обширнѣе становится дѣло, тѣмъ больше выходятъ его подробности изъ подъ прямаго контроля хозяина. Все бóльшая и бóльшая часть надзора за веденіемъ дѣла переходитъ въ руки наемныхъ распорядителей. Кто же не знаетъ, какъ ведется дѣло наемнымъ распорядителемъ? Почти всегда небрежно и едва ли не въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстно. Наемные распорядители стараются прибирать себѣ хозяйскія деньги. Извѣстно, какая трата порождается плутовствомъ. Чтобы украсть рубль, почти всегда бываетъ нужно дать погибнуть многимъ рублямъ, иногда многимъ десяткамъ рублей. Такимъ образомъ, если наемные распорядители успѣваютъ присвоивать себѣ десятую часть прибыли, это значитъ, что кромѣ десятой части, попадающей въ ихъ руки,

еще цѣлая половина прибыли теряется, не доходя ни до чьихъ рукъ. А та потеря, которая происходитъ не отъ плутовства, а только отъ небрежности наемныхъ распорядителей, остается уже вся чистою потерею.

Большому дѣлу нужны наемные распорядители; они небрежны. Но и въ самомъ хозяинѣ бо́льшею частію развивается небрежность соразмѣрно увеличенію его капитала. По нашей поговоркѣ „копѣйка рубль бережетъ;“ но скучно слѣдить за копѣйками тому, у кого прежніе рубли разрослись въ тысячи.

Надзоръ хозяйскаго глаза все меньше и меньше можетъ проникать все дѣло, да и самъ становится все плоше по мѣрѣ увеличенія дѣла. Отъ этого процентъ прибыли уменьшается съ увеличеніемъ имущества, на которое идетъ прибыль. Это — фактъ до такой степени всеобщій, что въ Англіи уже никто не станетъ спорить, если вы скажете: процентъ прибыли, получаемой коммерческимъ человѣкомъ съ его капитала, обратно пропорціоналенъ размѣру его капитала. Кто торгуетъ на милліонъ фунтовъ, получаетъ съ каждой тысячи фунтовъ меньше прибыли, чѣмъ тотъ, кто торгуетъ на десять тысячъ фунтовъ; а кто торгуетъ на одну тысячу, получаетъ съ нея бо́льшій процентъ прибыли, чѣмъ торгующій на 10 тысячъ съ каждой своей тысячи. Чѣмъ больше становится дѣло, тѣмъ меньше становится процентъ прибыли отъ усиливающагося участія небрежности и недобросовѣстности въ распоряженіяхъ. Но это еще не все. Пока благосостояніе человѣка ростетъ до степени, сообразной съ его разумными нуждами, человѣкъ становится все разсудительнѣе и разсудительнѣе. Но есть размѣръ средствъ, превышающій силу обыкновеннаго человѣческаго благоразумія. Каждый знаетъ, вѣрна ли поговорка „съ жиру бѣсится.“ Если у человѣка гораздо больше дохода, чѣмъ ему дѣйствительно нужно, онъ начинаетъ дѣлать пустые глупые расходы, пріобрѣтаетъ привычку къ дурачествамъ, которыя скоро переходятъ въ мотовство. Очень нерѣдки примѣры людей, глупѣющихъ по мѣрѣ своего обогащанія. Еще чаще видимъ, что разбогатѣвшій человѣкъ проматываетъ деньги, которыя достались ему такъ тяжело, и которыя онъ такъ благоразумно берегъ, пока не почувствовалъ себя очень богатымъ. Но если часто встрѣчаются

и примѣры противоположнаго, если остаются до конца бережливы и благоразумны люди разбогатѣвшіе собственными усиліями, то рѣдко уже бывають таковы ихъ дѣти: то, что накоплено отцомъ, проматывается сыномъ, — это обыкновенная исторія.

Не къ выгоднымъ мыслямъ о системѣ трехчленнаго дѣленія приводитъ насъ анализъ характера прибыли въ ея отдѣльности отъ рабочей платы. Посмотримъ, къ чему приведетъ насъ анализъ ренты въ ея отдѣльности отъ прибыли и рабочей платы.

РЕНТА.

Землевладѣлецъ получаетъ изъ продукта долю, называемую рентой, не за то, что участвуетъ чѣмъ нибудь въ производствѣ, а за то, что дозволяетъ другимъ пользоваться землею, ему принадлежащею. Плодородіе разныхъ участковъ земли различно. Есть такіе участки, которые сверхъ рабочей платы и прибыли обыкновеннаго размѣра даютъ излишекъ; есть такіе, которые не даютъ этого излишка, но даютъ прибыль обыкновенной величины, — земли этого сорта могутъ воздѣлываться капиталистами для прибыли только въ томъ случаѣ, когда за выдачею рабочей платы, весь продуктъ остается у капиталистовъ. Землю худшаго сорта, которая не даетъ прибыли обыкновеннаго размѣра, уже не можетъ воздѣлывать капиталистъ для прибыли, а можетъ воздѣлывать только работникъ для своего прокормленія. Но при системѣ трехчленнаго дѣленія промышленныя дѣла ведутся капиталистами для прибыли, потому земля этого послѣдняго сорта не воздѣлывается, и воздѣлываніе не спускается ниже того сорта земли, который, за вычетомъ рабочей платы, оставляетъ капиталисту обыкновенную прибыль безъ всякаго излишка. За право воздѣлывать этотъ сортъ земли капиталистъ не можетъ платить владѣльцу ничего: еслибъ землевладѣлецъ сталъ требовать платы, у капиталиста не осталось бы обыкновенной прибыли и онъ бросилъ бы воздѣлываніе. Землевладѣлецъ уступаетъ ему пользованіе землею этого сорта за-даромъ. (Разумѣется, надобно понимать это относительно тѣхъ участковъ послѣдняго сорта, которые лежатъ небольшими

клочками среди лучшей земли. Они воздѣлываются, благодаря своему мѣстоположенію, но ничего не прибавляютъ къ платѣ, получаемой землевладѣльцемъ за лучшую землю). Этотъ самый низшій изъ воздѣлываемыхъ сортовъ земли служитъ нормою, по которой опредѣляется величина ренты, даваемой каждымъ изъ высшихъ сортовъ земли.

«Если же (говоритъ Милль) изъ воздѣлываемыхъ земель наименьшій доходъ употребленному на нее труду и капиталу дастъ та часть, которая даетъ только обыкновенную прибыль на капиталъ, не оставляя ничего для ренты, этимъ дается норма для опредѣленія ренты, даваемой всякимъ другимъ сортомъ земли. Каждый сортъ земли дастъ ровно столько больше обыкновенной прибыли на затраченную сумму, сколько больше самаго худшаго изъ воздѣлываемыхъ сортовъ даетъ онъ. Этотъ излишекъ — сумма, которую фермеръ можетъ платить въ ренту землевладѣльцу; а еслибы онъ не уплачивалъ этого излишка, онъ получалъ бы прибыль больше обыкновенной, и соперничество другихъ капиталистовъ, — соперничество, уравнивающее прибыль на разныя затраты капитала, — дало бы землевладѣльцу возможность взять этотъ излишекъ. Такимъ образомъ рента, даваемая извѣстнымъ сортомъ — излишекъ продукта надъ тою суммою, какая получилась бы на такой же капиталъ, употребленный для обработки худшаго изъ воздѣлываемыхъ сортовъ земли. Земля, отдаваемая капиталисту-фермеру, никакъ не можетъ давать постояннымъ образомъ ренту больше этой, а если даетъ меньше, то лишь оттого, что земледѣлецъ уступаетъ фермеру часть суммы, которую, если захочетъ, можетъ получить.»

Вотъ теорія ренты, прочно введенная въ науку трудами Рикардо. Противъ нея было много возраженій, но они возникали только изъ непониманія дѣла. Только одно изъ нихъ, придуманное Кери, должно быть упомянуто здѣсь, потому что успѣло спутать мысли довольно многихъ и у насъ, благодаря знаменитому Бастіа, заимствовавшему его у Кери и рекомендовавшему континентальной публикѣ какъ свое собственное изобрѣтеніе. (Впрочемъ, можетъ статься, и подлинно Бастіа не заимствовалъ, а самъ изобрѣлъ его: вѣдь случалось же иногда что дѣлалось двумя мыслителями, однимъ независимо отъ другаго, какое нибудь великое открытіе, — вѣдь изобрѣли же и Ньютонъ и Лейбницъ, каждый самъ по себѣ, дифференціальное исчисленіе; такъ почему же двѣ головы противоположнаго сорта не могутъ изобрѣсти одинаковаго вздора, независимо одна отъ другой?) — Намъ отъ себя не нужно ничего говорить въ опроверженіе этой нелѣпости,

потому что достаточно обнаружена ея несообразность Миллемъ. Вотъ въ чемъ эта исторія.

Къ рентѣ обыкновеннно причисляются нѣкоторые платежи, составляющіе собственно не ренту, а прибыль на капиталъ. Напримѣръ, часть суммы, платимой землевладѣльцу, арендаторъ фермы даетъ за пользованіе жилищемъ и другими постройками, — эта часть платежа не рента въ строгомъ смыслѣ слова, а прибыль на затраченный въ постройкахъ капиталъ, съ процентами погашенія этого капитала, разрушаемаго временемъ. Но если затраченъ капиталъ на улучшеніе самой земли, та часть платы, которая дѣлается за этотъ капиталъ, скорѣе можетъ назваться по мнѣнію Милля рентою, чѣмъ вознагражденіемъ за капиталъ. Если такъ, часть ренты съ нѣкоторыхъ земель — вознагражденіе за капиталъ, а другая часть ренты съ тѣхъ же земель и вся рента съ другихъ — вознагражденіе за силы природы. Замѣтивъ это, Милль продолжаетъ:

«Американскій политико-экономъ Кери уничтожаетъ различіе между этими двумя источниками ренты, совершенно отрицая одинъ изъ нихъ: онъ считаетъ всякую ренту результатомъ затраченнаго капитала. Въ доказательство тому онъ утверждаетъ, что вся денежная цѣнность всей земли какого угодно государства, напр., Англіи или Соединенныхъ Штатовъ, далеко меньше суммы, какая была израсходована или какую надобно было бы израсходовать теперь, чтобы довести эту страну до нынѣшняго положенія изъ состоянія первобытнаго лѣса. За эту рѣзкую мысль схватились Бастіа и другіе писатели, какъ за средство защитить поземельную собственность аргументомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ другіе аргументы. Очевиднѣйшій смыслъ теоремы Кери равнозначителенъ тому, что еслибы вдругъ прибавилась къ землямъ Англіи невоздѣланная территорія, равная этимъ землямъ по естественному плодородію, то не стоило бы жителямъ Англіи приниматься за ея воздѣлываніе, потому что прибыль отъ этой операціи не равнялась бы обыкновеннымъ процентамъ на израсходованный для того капиталъ. Если можно думать, что требуется отвѣтъ на такое мнѣніе, то довольно будетъ замѣтить, что въ Англіи постоянно обращается подъ обработку земля не равнаго, а гораздо низшаго качества, чѣмъ земли уже воздѣланныя, и что расходы на это вполнѣ выплачиваются рентою съ такой земли въ небольшое число лѣтъ.

«Но мысль Кери не совершенно такая, какой могла бы показаться по этимъ его словамъ, безъ другихъ его объясненій. Онъ утверждаетъ не то, что земли какой угодно страны по среднему выводу не стоятъ суммъ, употребленныхъ на нихъ улучшеніе, и что улучшеніе земли въ общей сложности было ошибочнымъ разсчетомъ для хозяевъ. Въ свою оцѣнку капитала, положеннаго въ землю, онъ включаетъ

всѣ расходы на сооруженіе дорогъ и каналовъ, т. е. не на увеличеніе цѣнности земель, уже воздѣлываемыхъ, а на открытіе доступа къ другимъ землямъ, соперничествующимъ съ прежними. Но и съ этою поправкою его теорія почти столь же неосновательна, если придавать ей тотъ смыслъ, въ которомъ она только и можетъ служить опорою его выводовъ. Положимъ, какъ мы полагаемъ, что прибавилась къ нынѣшней Англіи вторая Англія, по природѣ столь же плодородная: можетъ ли кто нибудь усомниться, что люди, которымъ была бы отдана новая земля, нашли бы въ денежномъ отношеніи выгоднымъ дѣломъ устроивать дороги, нужныя для доставленія продукта на рынокъ, по мѣрѣ того какъ воздѣлывалась бы земля? Кери вѣроятно отвѣчалъ бы, что устройствомъ этихъ дорогъ они могли бы возвысить свои ренты, но навѣрное понизили бы ренты старой англійской территоріи. Отвѣтъ совершенно вѣренъ и показываетъ обманчивость критеріума, принятаго Кери. Можетъ быть, что вся земля на свѣтѣ не имѣетъ продажной цѣны, равной суммѣ издержекъ, сдѣланныхъ на ея приведеніе въ нынѣшній видъ, съ прибавленіемъ издержекъ на устройство всѣхъ существующихъ путей сообщенія. Усовершенствованіе путей сообщенія имѣетъ тенденцію понижать существующія ренты, уменьшая монополію земли сосѣдней съ мѣстами, гдѣ собраны большія массы потребителей. Дороги и каналы строятся не затѣмъ, чтобы поднимать цѣнность земли, уже снабжающей рынки, а затѣмъ (между прочимъ), чтобы удешевлять предложеніе товара допущеніемъ на рынокъ продукта другихъ земель, болѣе отдаленныхъ; и чѣмъ успѣшнѣе достигается эта цѣль, тѣмъ сильнѣе понижается рента. Если бы вообразить, что желѣзныя дороги и каналы Соединенныхъ Штатовъ не просто удешевляютъ перевозку, а исполняютъ свое дѣло такъ успѣшно, что совершенно уничтожаютъ расходы перевозки и даютъ возможность продукту Мичигана достигать нью-йоркскаго рынка такъ же быстро и дешево, какъ достигаетъ продуктъ Лонгъ-Айленда, то уничтожилась бы вся цѣнность всей земли Соединенныхъ Штатовъ (кромѣ земли, по своему положенію удобной для построекъ) или, точнѣе сказать, наилучшая земля продавалась бы лишь за сумму, какой равняется расходъ на разчистку ея и плату по 1¹/₄ доллеру за экръ, взимаемую правительствомъ при отводѣ новой земли, потому что съ такими расходами можно получать въ безграничномъ изобиліи землю въ Мичиганѣ, равняющуюся достоинствомъ наилучшей землѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но странно то, что Кери почелъ этотъ фактъ противорѣчащимъ теоріи ренты Рикардо. Если согласиться со всѣмъ, что онъ говоритъ, все-таки останется справедливымъ, что пока есть земля, не дающая ренты, то земля, дающая ренту, даетъ ее вслѣдствіе какого нибудь преимущества своего по плодородію или близости къ рынкамъ надъ землею, не дающею ренты; и мѣра этого преимущества служитъ также мѣрою ренты. А причина, почему эта земля даетъ ренту, — то обстоятельство, что она обладаетъ естественною монополіею оттого, что количество земли, пользующейся равными съ нею выгодами, недостаточно для снабженія рынка. Эти мысли составляютъ теорію ренты, изложенную Рикардо, и если онѣ справедливы, я не вижу, какую важность имѣетъ то обстоятельство, больше, или меньше рента, даваемая нынѣ землею, чѣмъ проценты капитала, израсходованнаго на возвышеніе ея цѣнности, вмѣстѣ съ процентами

капитала, израсходованнаго на пониженіе ея цѣнности. — Въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи «The Past, the Present, and the Future» Кери приводитъ другое основаніе опровергать теорію ренты Рикардо: онъ ссылается на историческій фактъ, что земли, воздѣланныя раньше всѣхъ другихъ, были не самыя плодородныя, а безплодныя: «мы находимъ, что переселенцы всегда занимали землю въ верховьяхъ долинъ, гдѣ слой растительной почвы тонокъ, землю, легко расчищаемую и не требующую осушенія, вознаграждающую трудъ малымъ урожаемъ; потомъ всегда спускались они все ниже и ниже, очищая и осушая плодородныя низменности по мѣрѣ того, какъ росло населеніе и богатство. Когда населеніе малочисленно и земли много, воздѣлываніе начинается и всегда должно начинаться съ почвъ небогатыхъ. Съ возрастаніемъ населенія и богатства всегда расширяется воздѣлываніе на другія почвы, болѣе плодородныя, такъ что вознагражденіе за употребленный на нихъ трудъ постоянно растетъ.»

«Правда, что рѣдко воздѣлываніе начинается съ земель, расчистка и осушеніе которыхъ требуютъ наибольшаго труда: вѣроятно справедливо то, что въ новыхъ странахъ воздѣлываніе обыкновенно начинается на холмахъ и спускается съ нихъ въ долины; потому часто можетъ случаться (хотя, разумѣется, непремѣннаго правила тутъ нѣтъ), что плодороднѣйшія земли остаются невоздѣланными дольше другихъ земель, природная производительность которыхъ меньше, даже и по пропорціи труда и расхода, требуемаго ихъ воздѣлываніемъ. Но Кери едва ли можетъ сказать, что въ какой бы то ни было старой странѣ невоздѣланныя земли — вообще земли такого сорта, который былъ бы наивыгоднѣйшимъ для воздѣлыванія. Впрочемъ сдѣлаемъ даже и эту уступку: предположимъ вмѣстѣ съ Кери, что расширеніе нивъ идетъ къ лучшимъ землямъ, отъ безплодныхъ къ плодоноснымъ, а не къ худшимъ, не отъ плодоносныхъ къ безплоднымъ, и что, напримѣръ, невоздѣланная земля Англіи, Шотландіи и Ирландіи составляетъ именно ту часть этихъ странъ, которая назначена со временемъ давать наиобильнѣйшее вознагражденіе земледѣльческому труду. Читатель согласится, что это уступка довольно большая; но даже и она не послужитъ возраженіемъ противъ закона ренты, изложеннаго нами въ этой главѣ. Если болота и скалы въ родѣ Дартмура и Шепъ-Фельза — плодороднѣйшія земли въ Англіи, то когда онѣ обратятся подъ воздѣлываніе, онѣ будутъ давать наибольшую ренту, а земли, которыя тогда вовсе не станутъ давать ренты, будутъ вѣроятно нынѣшнія плодороднѣйшія земли, въ родѣ Эссекской равнины и Carse of Gowrie. Въ какомъ бы порядкѣ ни обращались земли подъ воздѣлываніе, но цѣну земледѣльческаго продукта непремѣнно будутъ опредѣлять тѣ земли, воздѣлываніе которыхъ даетъ наименьшую выручку по пропорціи употребляемаго на нихъ труда; а всѣ другія земли будутъ платить ренту, прямо равняющуюся излишку ихъ продукта надъ этимъ minimum.»

Рента представляетъ собою сбереженіе расхода на землѣ лучшаго качества сравнительно съ худшею землею, которая не платитъ ренты. Изъ этого видно, что отъ платежа ренты только уравниваются расходы капиталистовъ, воздѣлывающихъ земли

разнаго качества, но нисколько не возвышается размѣръ расхода, нужнаго для воздѣлыванія земли худшаго сорта. А при соперничествѣ, цѣна продукта должна быть одинакова, хотя бы часть продукта получалась съ однимъ расходомъ, другая часть — съ другимъ. Изъ этого заключаютъ, что рента вообще не увеличиваетъ собою расходовъ производства. Если смотрѣть на дѣло только со стороны продажныхъ цѣнъ при трехчленномъ дѣленіи продукта, оно дѣйствительно кажется такъ. Если бы капиталистъ не платилъ ренту, то кажется, что онъ продавалъ бы хлѣбъ все-таки за ту же цѣну, за какую продаетъ его при платежѣ ренты. Но совершенно иное открывается, когда мы, не останавливаясь на цѣнѣ, феноменѣ внѣшнемъ и случайномъ, разберемъ сущность дѣла.

Предположимъ, что общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи 1000 рабочихъ дней, которые могло бы употребить на земледѣліе. Предположимъ, что этому обществу нужно 40 четвертей хлѣба. Предположимъ, что земля, находящаяся подъ руками этого общества, раздѣляется на три сорта. На землѣ лучшаго сорта 1 четверть хлѣба получается трудомъ 15 дней. Земля этого сорта имѣетъ такое пространство, что съ нея можно получить 20 четвертей. На землѣ втораго сорта 1 четверть хлѣба получается трудомъ 30 дней, а на землѣ третьяго сорта трудомъ 40 дней; земля каждаго изъ этихъ двухъ сортовъ имѣетъ такое пространство, что можно съ каждаго сорта получить по 10 четвертей. Предположимъ, что это общество составляетъ одно хозяйство, — гипотеза, не превышающая размѣра нынѣшнихъ хозяйствъ: 40 четвертей хлѣба соотвѣтствуютъ потребленію семьи, имѣющей около 15 человѣкъ въ своемъ составѣ. Посмотримъ, что будетъ съ потребностью семейства въ земледѣльческомъ продуктѣ при гипотезѣ платежа и при гипотезѣ неплатежа ренты въ чужія руки.

Если семейство не платитъ ренты въ чужія руки, оно конечно позаботится употребить на земледѣльческій продуктъ всѣ силы, какими можетъ располагать для этого дѣла. Земледѣльческая часть его хозяйства будетъ имѣть такой видъ:

Какой сортъ земли воздѣлывается.	Сколько дней труда употребляется на каждую четверть.	Количество полученнаго продукта.	Количество дней, употребляемыхъ на полученіе продукта.
1-й.....	15	20	300
2-й.....	30	10	300
3-й.....	40	10	400
Итого....	—	40	1,000

Семейство получаетъ земледѣльческій продуктъ въ полномъ количествѣ, какое нужно ему, благодаря тому, что употребляетъ на земледѣліе всѣ тѣ рабочіе дни, какіе можетъ употреблять на него безъ вреда для другихъ своихъ потребностей.

Предположимъ теперь, что рента платится въ чужія руки. Въ сущности, всѣ платежи производятся трудомъ, — деньги только служатъ векселями на полученіе труда, а требованіе уплаты продуктомъ вмѣсто уплаты трудомъ имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что сокращаетъ для получающаго уплату періодъ между полученіемъ уплаты и обращеніемъ ея на потребленіе. Примемъ же для простоты, что форма платежа соотвѣтствуетъ его сущности, что рента и по формѣ уплачивается рабочими днями, какъ всегда уплачивается ими въ существѣ дѣла. Тогда мы будемъ имѣть:

Если бы семейство воздѣлывало только земли перваго сорта, никакого платежа ренты не было бы. Но съ этой земли получается только 20 четвертей, а нужно 40 четвертей. Изъ 1000 рабочихъ дней употреблено только 300; остается въ распоряженіи семейства еще 700 дней. Конечно, оно обратитъ ихъ на увеличеніе земледѣльческаго продукта, станетъ воздѣлывать землю втораго сорта. Земля втораго сорта дастъ 10 четвертей съ употребленіемъ на то 300 рабочихъ дней. Она еще не платитъ ренты, но земля перваго сорта уже платитъ ренту, по 15 рабочихъ дней съ каждой четверти даваемаго ею хлѣба. Подведемъ теперь разсчетъ.

Сорты земли.	Сколько дней употребляется на четверть.	Количество получаемаго продукта.	Количество дней употребленныхъ на полученіе продукта.	Количество дней употребленныхъ на уплату ренты.	Всего израсходовано дней.
1-й...	15	20	300	300	600
2-й...	30	10	300	„	300
Итого..	„	30	600	300	900

Но продукта все еще недостаточно, а рабочихъ дней израсходовано только 900 и остается въ распоряженіи семейства еще 100 дней. Конечно, они будутъ употреблены на пополненіе продукта. Такъ ли вы полагаете? Если такъ, воздѣлываніе расширится на земли третьяго сорта. Посмотримъ, что тогда будетъ. На землѣ 3-го сорта 1 четверть требуетъ 40 дней труда; значитъ 1 четверть хлѣба съ земли 2-го сорта будетъ платить 10, а 1 четверть хлѣба съ земли 1-го сорта — 25 рабочихъ дней въ ренту. Положимъ, что будетъ сначала употреблено на землю 3-го сорта количество рабочихъ дней, нужное на полученіе только 1 четверти хлѣба. Мы будемъ имѣть:

Сорты земли.	Число дней на четверть.	Полученный продуктъ.	Число дней употребленныхъ на полученіе продукта.	Число дней уплаченныхъ въ ренту.	Всего израсходовано дней.
1-й....	15	20	300	500	800
2-й....	30	10	300	100	400
3-й....	40	1	40	„	40
Итого...	„	31	640	600	1,240

Мы видѣли, что семейство безъ вреда для другихъ своихъ потребностей могло употреблять на земледѣліе только 1000 дней; но вѣдь было же у него кромѣ этихъ 1,000 дней извѣстное количество дней, употреблявшихся на другія потребности, — вотъ теперь ему и представляется выборъ поступить какъ угодно: или не воздѣлывать землю третьяго сорта, и остаться съ недостаточнымъ количествомъ земледѣльческаго продукта, или переносить на увеличеніе этого продукта рабочіе дни отъ другихъ потребностей, которыя останутся уже не вполнѣ удовлетворены. На практикѣ вопросъ рѣшается тѣмъ, имѣетъ ли семейство достаточное число дней, чтобы перенесеніемъ ихъ на земледѣліе могъ пополнится земледѣльческій продуктъ до нужнаго количества 40 четвертей. Положимъ, что весь фондъ рабочихъ дней въ другихъ занятіяхъ составлялъ 800 дней. Если перенести на земледѣліе всѣ дни, нужные для пополненія земледѣльческаго продукта, счетъ будетъ таковъ:

Сорты земли.	Число дней на четверть.	Полученный продуктъ.	Число дней употребленныхъ на полученіе продукта.	Число дней уплаченныхъ въ ренту.	Всего израсходовано дней.
1-й....	15	20	300	500	800
2-й....	30	10	300	100	400
3-й....	40	10	400	„	400
Итого...	„	40	1,000	600	1,600

При этомъ счетѣ потребность въ земледѣльческомъ продуктѣ была бы удовлетворена хорошо; но на всѣ другія потребности, вмѣсто нужныхъ 800 дней, оставалось бы только 200. Лишенія по этимъ другимъ потребностямъ были бы слишкомъ уже тяжелы, и потому принимается средній путь: часть рабочихъ дней переносится отъ другихъ занятій на земледѣліе, но въ такомъ размѣрѣ, что земледѣльческій продуктъ получается не въ полномъ количествѣ, за то другія потребности удовлетворяются не на 1 четвертую часть, какъ было бы при полученіи полнаго земледѣльческаго продукта, а на цѣлую половину или на пять осьмыхъ, — положимъ на половину; тогда положеніе семейства будетъ:

Изъ 800 дней отъ всѣхъ другихъ потребностей перенесено на земледѣліе 400 дней; земледѣліе имѣетъ 1,400 дней; земледѣльческій продуктъ получается въ такомъ количествѣ:

Сорты земли.	Число дней на четверть.	Полученный продуктъ.	Число дней употребленныхъ на полученіе продукта.	Число дней уплаченныхъ въ ренту.	Всего израсходовано дней.
1-й....	15	20	300	500	800
2-й....	30	10	300	100	400
3-й....	40	5	200	„	200
Итого...	„	35	800	600	1,400

Вмѣсто нужныхъ 40 лотовъ хлѣба съѣсть только 35 лотовъ, — это значитъ остаться лишь немножко голоднымъ; а по нуждѣ можно назвать себя и сытымъ послѣ такой ѣды. Употреблять на одежду, жилище и т. д. только половину труда, какой былъ бы нуженъ, — это значитъ имѣть одежду плохую, жилище дрянное, но все-таки еще не оставаться безъ одежды и жилища. Чего же больше? — Жить можно.

Вотъ вліяніе ренты, когда она отдѣляется отъ рабочей платы. Если угодно, вы можете доказывать, что рента не входитъ въ издержки производства, что она не составляетъ лишняго расхода, а выражаетъ собою только экономію труда въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ трудомъ въ менѣе хорошихъ условіяхъ. Положимъ, что все это такъ; но какъ бы то ни было, рента составляетъ долю продукта; если она отдѣляется отъ рабочей платы, это значитъ, что у человѣка, занимающагося производствомъ, остается ровно настолько меньше продукта, насколько выдѣляется изъ продукта рентой. Такова сущность дѣла. Какимъ способомъ она проявляется при нынѣшнемъ устройствѣ, когда распредѣленіе совершается посредствомъ обмѣна, это мы увидимъ, когда будемъ разсматривать вопросъ о цѣнахъ.

Извѣстно, что рента, подобно прибыли, имѣетъ тенденцію захватывать все бо̀льшую и бо̀льшую долю изъ продукта. Никто изъ серьезныхъ политико-экономовъ не сомнѣвается въ этомъ. Изъ маленькихъ таблицъ, приведенныхъ нами, уже можно замѣтить, что величина ренты имѣетъ свойство возрастать гораздо быстрѣе, чѣмъ растетъ сумма продукта. Но чтобы этотъ ходъ дѣла былъ еще виднѣе, приведемъ таблицу, составленную для разъясненія именно этой стороны дѣла.

Положимъ, что земля извѣстной страны раздѣляется по своему плодородію на 10 сортовъ, изъ которыхъ лучшій дастъ при извѣстномъ количествѣ труда 10 четвертей, второй — 9, третій — 8 и т. д., а самый низшій только 1 четверть пшеницы съ десятины. Положимъ для простоты, что пространство всѣхъ сортовъ земли одинаково, напримѣръ, каждаго сорта находится по 100 десятинъ. Посмотримъ теперь, какъ будетъ возрастать доля ренты по мѣрѣ распространенія хлѣбопашества на низшіе сорты земли.

Пока воздѣлывается только земля перваго сорта, ренты нѣтъ. Продуктъ $(100 \times 10) = 1000$ четвертей.

Когда воздѣлываніе спускается на второй сортъ, продуктъ увеличивается на 900 четвертей (100×9); земля перваго сорта даетъ ренту по 1 четверти съ десятины; всего получается 1,900 четвертей продукта; изъ нихъ 100 четвертей идутъ въ ренту.

Продолживъ этотъ счетъ до послѣдняго сорта земли, мы будемъ имѣть слѣдующую таблицу:

Сортъ земли, до котораго расширилось воздѣлываніе.	Сумма продукта съ этого и высшихъ сортовъ земли.	Изъ этого продукта идутъ въ ренту.	Остается на рабочую плату и прибыль.	Какую долю въ суммѣ продукта составляетъ рента.	Какая доля изъ продукта остается на рабочую плату и прибыль.
1-й (10 четв.)	1,000	00	1,000	00%	100%
2-й (9 —)	1,900	100	1,800	5%	95%
3-й (8 —)	2,700	300	2,400	11%	89%
4-й (7 —)	3,400	600	2,800	18	82
5-й (6 —)	4,000	1,000	3,000	25	75
6-й (5 —)	4,500	1,500	3,000	33	67
7-й (4 —)	4,900	2,100	2,800	43	57
8-й (3 —)	5,200	2,800	2,400	54	46
9-й (2 —)	5,400	3,600	1,800	67	33
10-й (1 —)	5,500	4,500	1,000	82	18

Мы тутъ видимъ, что рента играетъ относительно прибыли и рабочей платы точно такую же роль, какую прибыль играетъ относительно рабочей платы. Она развивается по быстрѣйшей прогрессіи, чѣмъ сумма продукта. Но начинается она маленькою величиною, такъ что на первыхъ порахъ прибавка къ продукту еще не вся поглощается ея развитіемъ: уменьшается только процентное содержаніе части, остающейся на прибыль и рабочую плату, но еще ростетъ абсолютная величина этой части; потомъ рента становится уже такъ велика, что вся прибавка къ продукту поглощается ею; дальше, вся эта прибавка оказывается недостаточна, рента захватываетъ все больше и больше изъ части продукта, остававшейся прежде на прибыль и рабочую плату, такъ что и абсолютная величина этой части начинаетъ уменьшаться, все быстрѣе и быстрѣе.

Но въ дѣйствительности рента рѣдко достигаетъ такой силы, чтобы уменьшать абсолютную величину части, остающейся на рабочую плату и прибыль; обыкновенно, возрастаніе ренты держится на такомъ предѣлѣ, что уменьшается только пропорція, составляемая въ возрастающемъ продуктѣ прибылью и рабочею

платою, но абсолютная величина фонда прибыли и рабочей платы остается безъ уменьшенія или даже нѣсколько возрастаетъ, только возрастаетъ во всякомъ случаѣ гораздо медленнѣе, чѣмъ сумма продукта. — Чѣмъ производится эта задержка поглощающему возрастанію ренты? При трехчленномъ дѣленіи она производится дѣйствіемъ двухъ силъ, совершенно противоположныхъ по вліянію на общественное благосостояніе, но совершенно одинаково дѣйствующихъ на ренту.

Первая изъ этихъ силъ — сила совершенно посторонняя трехчленному дѣленію продукта, сила цивилизаціи, прогресса, усовершенствованій. Общая формула всякаго прогресса состоитъ въ томъ, что онъ уменьшаетъ силу неравенствъ. Въ примѣненіи къ земледѣльческому производству каждое усовершенствованіе, возвышая успѣхъ дѣла въ лучшихъ обстоятельствахъ, обыкновенно еще значительнѣе возвышаетъ его въ обстоятельствахъ менѣе хорошихъ, а во всякомъ случаѣ устраняетъ надобность вести дѣло въ обстоятельствахъ, бывшихъ прежде самыми худшими. Напр., если отъ замѣны сохи хорошимъ плугомъ на землѣ перваго сорта будетъ родиться 12 четвертей вмѣсто прежнихъ 10, то на землѣ пятаго сорта будетъ въ большей части случаевъ родиться вмѣсто прежнихъ 6 четвертей не 8, а 9; а во всякомъ случаѣ отъ значительнаго увеличенія продукта съ этихъ первыхъ пяти сортовъ земли отстранится надобность воздѣлывать землю шестаго сорта, которая воздѣлывалась прежде, давая только 5 четвертей. Такимъ образомъ низшая норма успѣшности дѣла, норма, опредѣляющая ренту, значительно облегчается. Напримѣръ: предполагая даже, что продуктъ земли пятаго сорта возвысился отъ усовершенствованія не больше, чѣмъ продуктъ земли перваго сорта, и предполагая, что обществу нуженъ продуктъ въ 4,500 четвертей, мы будемъ имѣть слѣдующія очень различныя положенія дѣлъ до усовершенствованія и послѣ усовершенствованія (полагаемъ, что всѣ сорты земли равны по пространству, какъ полагали выше).

До усовершенствованія:

Сорты земли.	Продуктъ съ десятины.	Сумма продукта.	Рента съ десятины.	Сумма ренты.	Доля, остающаяся на прибыль и рабочую плату.
1-й. . . .	10	1000	5	500	500
2-й. . . .	9	900	4	400	500
3-й. . . .	8	800	3	300	500
4-й. . . .	7	700	2	200	500
5-й. . . .	6	600	1	100	500
6-й. . . .	5	500	„	„	500
Итого	„	4,500	„	1,500	3,000

По усовершенствованіи:

1-й. . . .	12	1200	4	400	800
2-й. . . .	11	1100	3	300	800
3-й. . . .	10	1000	2	400	800
4-й. . . .	9	900	1	100	800
5-й. . . .	8	800	„	„	800
Итого	„	5,000	„	1,000	4,000

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ продуктъ увеличился отъ усовершенствованія на 500 чет., рента уменьшилась на 500 четвертей; до усовершенствованія она захватывала третью часть продукта, послѣ усовершенствованія беретъ только пятую часть его; уменьшилась на третью часть прежняго количества и абсолютная величина ренты; за то увеличилась на третью часть прежняго количества абсолютная величина доли, остающейся на прибыль и рабочую плату.

Другая сила, задерживающая возрастаніе работы при трехчленномъ дѣленіи, находится въ самой чрезмѣрности стремленія ренты возрастать: рента идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы, то есть къ низверженію трехчленнаго дѣленія продукта, къ замѣнѣ его формою устройства, еще менѣе удовлетворительною, — формою, при которой и предприниматель и работникъ потеряли бы самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при

этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собою разумѣется, что такая ретроградная тенденія отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности, то есть, рента при трехчленномъ дѣленіи идетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, то есть ведетъ къ уменьшенію населенія; а при уменьшеніи населенія конечно прекращается надобность воздѣлывать послѣдній изъ воздѣлывающихся прежде сортовъ земли, и отъ этого рента подрываетъ сама себя. — Эта тенденія ренты уменьшать сумму продукта конечно борется съ силою прогресса, стремящеюся увеличить его, и въ новыя времена сила прогресса стала уже на столько велика, что одерживаетъ постоянный перевѣсъ, и дѣйствіе ренты въ новой исторіи является не уменьшающимъ продуктъ, а только уменьшающимъ его увеличеніе.

По характеру книги Милля и нашъ очеркъ, держащійся этой книги, имѣетъ характеръ чисто теоретическій, отвлеченный; мы только анализируемъ принципы, предоставляя самому читателю соображать факты, соотвѣтствующіе принципамъ въ дѣйствительности; мы почти не приводимъ ни статистическихъ, ни историческихъ фактовъ, потому что довольно обильные матеріалы для этого существуютъ въ памяти каждаго читателя, а мы стараемся, подобно Миллю, объ уменьшеніи числа страницъ, которое все-таки выходитъ очень велико. Лишь въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ надобности мы отступаемъ отъ своего правила и къ теоретическимъ соображеніямъ присоединяемъ краткое указаніе на факты. Такъ, напримѣръ, здѣсь мы должны сослаться на исторію и статистику, чтобы засвидѣтельствовать, съ какою точностью подтверждается всею суммою фактовъ теоретическій анализъ, представленный нами.

Мы видѣли, что рента въ чрезмѣрности своего стремленія расширяться идетъ къ уменьшенію суммы продукта, отвергая успѣшнѣйшія формы производства для осуществленія своей тен-

денціи поглотить прибыль и рабочую плату. Вся Англія служитъ подтвержденіемъ тому. Лендлорды враждебны срочнымъ контрактамъ, которые были бы выгоднѣе контрактовъ безсрочныхъ, оставляющихъ лендлорду власть удалить фермера когда хочетъ. Рента стремится подчинить себѣ прибыль и рабочую плату, — въ переводѣ на дѣйствительные факты это значитъ, что лендлордъ враждебенъ самостоятельности фермера и работника; и мы видимъ въ Англіи, что лендлордъ старается держать ихъ въ этой зависимости отъ себя даже съ убыткомъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самого себя.

Мы видѣли, что прибыль стремится поглотить рабочую плату; это значитъ, что капиталисту нужно держать работника въ такой же зависимости отъ себя, въ какой лендлорду нужно держать и капиталиста и работника. Исторія всѣхъ цивилизованныхъ странъ — одно непрерывное свидѣтельство постоянства этой тенденціи.

Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками.

Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ, исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ.

Надобно ли намъ заканчивать статью краткимъ перечнемъ результатовъ, полученныхъ изъ анализа системы трехчленнаго дѣленія? Быть можетъ это нужно, потому что статья длинна и слѣдуетъ напомнить выводы, разсѣянные по ней. Но вѣдь конецъ одного дѣла служитъ началомъ другаго; почему же перечень, которому слѣдовало бы служить заключеніемъ этой статьи, не послужитъ началомъ для другой? — пусть послужитъ когда нибудь. Намъ кажется, что на этотъ разъ и безъ всякаго заклю-

ченія довольно ясно останется въ читателѣ то общее впечатлѣніе, что система трехчленнаго дѣленія не соотвѣтствуетъ требованіямъ экономической теоріи.

Теорія говоритъ, что успѣшность труда зависитъ отъ качествъ труда, т. е. отъ качествъ работника. Теорія принимаетъ за аксіому, что хорошія качества въ чемъ бы то ни было обусловливаются у человѣка благосостояніемъ. Слѣдовательно, успѣшность труда зависитъ отъ благосостоянія работника. При трехчленномъ дѣленіи рабочая плата не можетъ быть удовлетворительна, работникъ не можетъ быть хорошъ. Прибыль стремится при этомъ дѣленіи оставить ему какъ можно меньшую долю продукта.

Теорія говоритъ, что прибыль должна служить возбужденіемъ къ дѣятельности и бережливости. При трехчленномъ дѣленіи прибыль постоянно развивается до степени излишества, повергающей человѣка въ праздность и мотовство. О рентѣ мы ничего не говоримъ.

Трехчленное дѣленіе продукта несообразно съ требованіями экономической теоріи не какими нибудь случайными принадлежностями своими, а самою сущностью своею. Противорѣчіе съ наукою и съ условіями человѣческаго благосостоянія лежитъ не въ подробностяхъ, которыя могли бы измѣниться съ сохраненіемъ принципа, а въ самомъ принципѣ трехчленной системы распредѣленія.

ОБМѢНЪ

(МИЛЛЬ, КНИГА ТРЕТЬЯ)

ЦѢННОСТЬ И СТОИМОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА.

(гл. I—VI).

Въ теоріи распредѣленія встрѣчали мы такіе отдѣлы, которые достаточно разработаны основателями господствующей теоріи и у Милля изложены совершенно удовлетворительно. Еще больше мы найдемъ подобныхъ отдѣловъ въ теоріи обмѣна. Съ опасностью наскучить читателю слишкомъ частымъ повтореніемъ одной и той же мысли, мы скажемъ и здѣсь, что совершенно ошибаются люди, полагающіе, будто бы разница ученія, раздѣляемаго нами, отъ господствующей теоріи состоитъ въ опроверженіи теоремъ, найденныхъ Смитомъ и съ наибольшею точностью формулированныхъ Рикардо. Вовсе нѣтъ. Почти всѣ эти формулы совершенно справедливы, и мы даже защищаемъ ихъ противъ невѣрныхъ учениковъ господствующей теоріи, старающихся замаскировать ихъ силу разными пустыми возраженіями. Такъ напримѣръ, теорія ренты Рикардо имѣетъ въ насъ самыхъ усердныхъ защитниковъ. Но науку въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ ее Рикардо и въ какомъ съ небольшими улучшеніями излагаетъ Милль, мы считаемъ только началомъ экономической науки, — началомъ въ обоихъ смыслахъ этого слова: и въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее развитіе науки выводится изъ этого начала, и въ томъ, что въ слѣдующемъ развитіи глубже и полнѣе изслѣдуется значеніе формулъ Рикардо, дѣлаются изъ нихъ выводы, которыхъ еще не сдѣлано вначалѣ. Если хотите вульгарное, но очень вѣрное срав-

неніе, тутъ — первая часть ариѳметики и вся ариѳметика. Первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми и отвлеченными числами служатъ основаніемъ для всего остальнаго. Если хотите, они и въ своей отдѣльности отъ всего остальнаго чрезвычайно важны и полезны. Но не слѣдуетъ приверженцу ихъ скрывать отъ себя, что безъ вытекающаго изъ нихъ ученія объ именованныхъ и дробныхъ числахъ, о тройномъ правилѣ и т. д., далеко не уйдешь въ разрѣшеніи житейскихъ задачъ, требующихъ рѣшенія отъ ариѳметики.

Въ теоріи обмѣна главное понятіе — цѣнность и притомъ мѣновая цѣнность. Были политико-экономы, ставившіе это понятіе основнымъ понятіемъ всей науки, которая у нихъ имѣла почти исключительнымъ предметомъ своимъ теорію обмѣна: о производствѣ и распредѣленіи говорили они лишь для объясненія законовъ, по которымъ происходитъ обмѣнъ. Милль справедливо вооружается противъ такого взгляда, замѣтнаго у бо́льшей части нынѣшнихъ послѣдователей Адама Смита не только на континентѣ, но и въ самой Англіи. Уже тотъ самый фактъ, что изъ пяти книгъ своего трактата могъ Милль изложить цѣлыхъ двѣ книги, почти не касаясь цѣнности, достаточно свидѣтельствуетъ, по его словамъ, о чрезмѣрной узкости взгляда, имъ опровергаемаго.

«Очевидно, что изъ двухъ великихъ отдѣловъ политической экономіи понятіе цѣнности относится лишь къ распредѣленію богатства, не относясь къ его производству; да и распредѣленія касается оно лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силою является соперничество, а не обычай или обыкновеніе. Условія и законы производства остались бы точно тѣ же, какъ нынѣ, еслибы устройство общества не зависѣло отъ обмѣна или не допускало его. Даже и при нынѣшнемъ устройствѣ промышленной жизни, когда занятія раздѣлены очень дробно и вознагражденіе всѣхъ участвующихъ въ производствѣ опредѣляется цѣною какого-нибудь одного товара, даже и тутъ обмѣнъ не служитъ основнымъ закономъ распредѣленія продукта, — все равно какъ дороги и фуры не служатъ существенными законами движенія, а составляютъ лишь часть механизма, посредствомъ котораго идетъ движеніе. Смѣшивать эти понятія значитъ, по моему мнѣнію, дѣлать не только логическую, но и практическую ошибку. Въ политической экономіи слишкомъ часто дѣлаютъ ту ошибку, что не различаютъ необходимость, возникающую изъ

существа дѣла, отъ необходимости, создаваемой общественнымъ устройствомъ, и это, мнѣ кажется, всегда производитъ два противоположныя дурныя послѣдствія. Съ одной стороны политико-экономы ставятъ часто временныя истины своего предмета въ рядъ вѣчныхъ и всеобщихъ его законовъ; а съ другой стороны отъ того же самаго многіе принимаютъ вѣчные законы производства (какъ напримѣръ законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать размноженіе людей) за временныя и случайныя послѣдствія нынѣшняго общественнаго устройства, — послѣдствія, которыми можно пренебрегать при составленіи новой системы общественнаго устройства.»

Но при нынѣшней системѣ распредѣленія понятіе цѣнности очень важно. Если хотите, оно останется столь же важно и при болѣе удовлетворительной системѣ распредѣленія. Но важность будетъ придаваться тогда не тому видоизмѣненію этого понятія, которое выставляется теперь на первый планъ, а другому, о которомъ господствующая теорія говоритъ очень мало. Читателю извѣстно, что сама эта теорія различаетъ два вида цѣнности: внутреннюю и мѣновую. О внутренней цѣнности она забываетъ тотчасъ же, какъ только скажетъ мимоходомъ, что есть кромѣ мѣновой цѣнности внутренняя, и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на одной мѣновой. Мы считаемъ это недостаткомъ и, разсмотрѣвъ законы мѣновой цѣнности, изслѣдуемъ, насколько позволяютъ намъ предѣлы статьи, вопросъ о томъ, какое вліяніе на экономическую судьбу общества должна произвести та неизбѣжная перемѣна, когда при развитіи разсудительности люди станутъ прилежнѣе нынѣшняго всматриваться во внутреннюю цѣнность предметовъ. Итакъ — сначала о мѣновой цѣнности.

Есть пріемъ, посредствомъ котораго очень легко усвоить себѣ понятіе мѣновой цѣнности, несмотря на его высокую отвлеченность. Что такое цѣна вещи, это очень ясно для каждаго. Теперь: цѣна вещи именно и есть ея мѣновая цѣнность, выраженная въ денежномъ счетѣ. Замѣните именованныя числа рублей и копѣекъ отвлеченными числами, проще сказать, отбросьте эти слова — рубль и копѣйка, оставьте только цифры, при которыхъ они стоятъ, и вы будете имѣть мѣновую цѣнность вещи. Положимъ, что въ извѣстное время въ извѣстномъ мѣстѣ четверть пшеницы стоитъ 5 рублей, за рабочій день плотнику платится одинъ рубль, за кубическую сажень березовыхъ дровъ 15 рублей.

Это цѣны. Отбросьте теперь слово рубль, и у васъ останутся мѣновыя цѣнности, состоящія въ цифрахъ 5, 1, 15. Имѣя только эти цифры, вы уже будете разсматривать не то, сколько денегъ нужно на покупку извѣстной вещи, а то, въ какой пропорціи одна вещь обмѣнивается на другую. Понятіе о деньгахъ отвлекаетъ ваше вниманіе отъ того факта, что четверть пшеницы (5) обмѣнивается на 5 рабочихъ дней плотника (1) или на одну третью часть кубической сажени березовыхъ дровъ (15). А вотъ въ этомъ самомъ отношеніи, въ этой пропорціи и заключается сущность дѣла. Мѣновая цѣнность вещи есть покупательная сила вещи, степень власти къ пріобрѣтенію другихъ вещей въ замѣнъ за эту вещь. При нынѣшнемъ устройствѣ общества мѣновая цѣнность вообще совпадаетъ съ цѣною, потому очень долго эти два понятія смѣшивались не только практикою, а даже и теоріею. Но наука должна стремиться къ разложенію всякаго сложнаго понятія на основныя. Мы видимъ, что понятіе цѣны составляется изъ двухъ понятій: мѣновая цѣнность и деньги. Потому наука должна отдѣльно изслѣдовать каждое изъ этихъ двухъ понятій. Приступая къ анализу понятія мѣновой цѣнности, Милль дѣлаетъ предварительное замѣчаніе, небезполезное для нашей спеціальной цѣли, — для показанія недостаточности господствующей теоріи и того порядка, къ которому одному приложима она. Вотъ что говоритъ Милль:

«5. Прежде, чѣмъ начать изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны, надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Я долженъ разъ навсегда предупредить, что случаи, разсматриваемые мною, — тѣ случаи, въ которыхъ цѣнности и цѣны опредѣляются однимъ соперничествомъ. Лишь насколько цѣнности и цѣны опредѣляются имъ, настолько и можно подвести ихъ подъ опредѣленные законы; надобно полагать, что покупщики столько же заботятся о дешевой покупкѣ, сколько продавцы о дорогой продажѣ. Такимъ образомъ цѣнности и цѣны, къ которымъ примѣняются наши выводы, — цѣнности и цѣны коммерческія; напримѣръ, тѣ цѣны, какія выставляются въ прейсъ-курантахъ, цѣны, оптовыхъ рынковъ, на которыхъ и покупка и продажа — коммерческое дѣло, въ которыхъ покупщики озабочиваются узнать и вообще говоря, знаютъ наименьшую цѣну, по какой можно получить товаръ извѣстнаго качества и на которыхъ потому имѣетъ дѣйствительную силу аксіома, что не можетъ существовать на одномъ рынкѣ двухъ цѣнъ одному товару одного качества. Далеко не такъ безусловно будутъ примѣняться наши выводы къ цѣнамъ розничной торговли, къ цѣнамъ, платимымъ въ лавкахъ за товаръ, покупаемый для

личнаго потребленія. Тутъ часто бываютъ одному товару не только двѣ цѣны, а много разныхъ цѣнъ въ разныхъ лавкахъ и даже въ одной лавкѣ, потому что привычка и случай въ этомъ дѣлѣ имѣютъ не меньше участія, чѣмъ общія причины. Покупку для личнаго употребленія даже и торговые люди дѣлаютъ не всегда по коммерческому принципу: чувства, руководящія дѣломъ полученія и дѣломъ расходованія своего дохода, часто у нихъ бываютъ чрезвычайно различны. По лѣности или безпечности, или по амбиціи, запрещающей торговаться при покупкѣ вещи, изъ четырехъ человѣкъ, могущихъ заплатить цѣну выше настоящей, трое платятъ гораздо дороже, чѣмъ было бы можно; а бѣдные платятъ дороже надлежащаго по незнанію и несообразительности, по недостатку времени на розыски и справки, а нерѣдко и по явному или покрытому принужденію. Отъ этихъ причинъ розничныя цѣны не слѣдуютъ вліянію опредѣляющихъ оптовыя цѣны причинъ съ такою правильностію, какой иные могли бы ожидать. Вліяніе этихъ причинъ напослѣдокъ обнаруживается на розничныхъ рынкахъ и служитъ истиннымъ источникомъ тѣхъ перемѣнъ въ различныхъ цѣнахъ, которыя имѣютъ общій и прочный характеръ, но соотвѣтственность эта не регулярна и не точна. Сапоги одного сорта продаются въ разныхъ лавкахъ по очень различнымъ цѣнамъ, и отъ пониженія цѣны кожи можетъ непонизиться цѣна, какая берется съ зажиточныхъ людей за сапоги, но все-таки цѣна сапогъ иногда уменьшается, и когда она уменьшается, причиною тому всегда бываетъ какое нибудь общее обстоятельство, — въ родѣ пониженія цѣны кожи; а когда кожа дешевѣетъ, то, если цѣна сапогъ и не измѣняется въ лавкахъ, гдѣ покупщики богатые люди, — мастеровой и чернорабочій вообще начинаютъ покупать сапоги дешевле, и чувствительно уменьшаются подрядныя цѣны, по которымъ ставятся сапоги для полка солдатъ или уоркгауза. При всѣхъ соображеніяхъ о цѣнахъ, надобно подразумѣвать оговорку: «въ томъ предположеніи, что всѣ участники дѣла заботятся о своей выгодѣ;» забвеніе этихъ ограниченій часто вело къ тому, что отвлеченные принципы политической экономіи прилагались къ фактамъ неправильно, а еще чаще къ тому, что колебалось убѣжденіе въ этихъ принципахъ, изъ-за того, что они прилагались къ фактамъ, неподходящимъ подъ нихъ и не могущимъ быть въ гармоніи съ ними.»

Быть можетъ, читателю казалось, что мы говорили что нибудь новое — и почему знать? — что нибудь недостовѣрное, когда мы въ прошлой статьѣ говорили о неудовлетворительности той формы экономическаго разсчета, которая называется соперничествомъ. Теперь онъ видитъ, что мы взяли эту мысль изъ самой господствующей теоріи. Вотъ напримѣръ, Милль говоритъ, что по разсчету соперничества покупаетъ только торговецъ для перепродажи, а покупка для личнаго потребленія не находитъ себѣ достаточной гарантіи въ этой формѣ. Только это и говорили мы въ сущности, когда показывали неудовлетворительность соперничества. Чѣмъ

же наши понятія отличаются отъ понятій самого Милля? Если хотите, ровно ничѣмъ не отличаются. Но мысль, общую намъ и ему, мы выставили на первый планъ, между тѣмъ какъ у него она спряталась въ какомъ-то уголкѣ, гдѣ и не замѣтитъ ее невнимательный читатель. Мы обратили вниманіе на то, о чемъ онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ. Отъ этого произошла и другая разница: если эта форма неудовлетворительна, то надобно искать другой, удовлетворительной, — и стали искать ее. Согласитесь, что этотъ выводъ необходимо слѣдуетъ изъ факта, замѣчаемаго и господствующею теоріею. Но она не замѣчаетъ, что этотъ фактъ важенъ, и потому не заботится подумать о томъ, какой выводъ изъ него слѣдуетъ. По нынѣшнему порядку гораздо болѣе половины обмѣновъ (покупка на личное потребленіе) производится въ такихъ условіяхъ, при которыхъ покупающая сторона не умѣетъ охранить своего интереса; изъ остальныхъ покупокъ (покупка отъ производителя торговцемъ на перепродажу), въ большей части не умѣетъ охранить своего интереса продающая сторона. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что для экономическаго порядка нужна другая форма обмѣна, которая ограждала бы интересы потребителя и производителя, страдающіе при нынѣшнемъ порядкѣ? Важнѣйшая часть обмѣновъ производится при нынѣшнемъ порядкѣ подъ вліяніемъ незнанія, небрежности, лѣности. Сообразно ли это съ условіями экономическаго благосостоянія страны или хотя бы съ условіями правильной торговли?

Но это мы замѣчаемъ здѣсь лишь мимоходомъ для новаго подтвержденія идей, изложенныхъ въ предыдущей статьѣ; а здѣсь мы должны поспѣшить къ анализу мѣновой цѣнности. Чтобы предметъ имѣлъ мѣновую цѣнность, нужно, вопервыхъ, быть ему годнымъ на извѣстное употребленіе, — по мнѣнію покупателя. Никто ничего не дастъ за то, что̀ ему ни для чего непригодно. На языкѣ политической экономіи это выражается такъ: мѣновую цѣнность имѣютъ лишь тѣ предметы, которые имѣютъ внутреннюю цѣнность. Но никто ничего не дастъ за предметъ самый необходимый или полезный, если онъ пріобрѣтается безъ всякаго затрудненія, одною силою желанія имѣть его. Итакъ затрудни-

тельность пріобрѣтенія служитъ вторымъ элементомъ, необходимымъ для составленія мѣновой цѣнности.

Эта затруднительность пріобрѣтенія бываетъ различнаго рода. Есть вещи, количество которыхъ нельзя увеличить. Таковы, напримѣръ, древнія статуи. Но большинство обмѣниваемыхъ вещей таково, что затруднительность пріобрѣсти ихъ заключается только въ количествѣ труда и издержекъ, требуемомъ для ихъ производства. Однѣ изъ нихъ могутъ быть производимы въ какомъ угодно количествѣ, безъ возвышенія пропорціи труда, требуемаго производствомъ. Таковы мануфактурные товары. Количество другихъ товаровъ можетъ быть увеличиваемо такъ же неопредѣленно, но не иначе, какъ съ постояннымъ возвышеніемъ пропорціи труда по мѣрѣ увеличенія ихъ количества. Таковы земледѣльческіе продукты, характеръ которыхъ съ этой стороны выставленъ въ особенности мальтусовою теоремою и теоріею ренты Рикардо.

Если количество извѣстнаго предмета можетъ быть увеличиваемо по произволу, мѣновая цѣнность его опредѣляется уравненіемъ снабженія*) и запроса, то есть мѣновая цѣнность этихъ вещей имѣетъ такую величину, при которой снабженіе и запросъ равны другъ другу. Отъ увеличенія цѣнности запросъ уменьшается, а снабженіе возрастаетъ; отъ уменьшенія цѣнности, бываетъ противное. Потому, если при извѣстной высотѣ цѣнности, запросъ будетъ больше снабженія, цѣнность предмета станетъ возвышаться, пока снабженіе увеличится, а запросъ уменьшится настолько, что оба эти элемента сравняются. Если же, наоборотъ, снабженіе будетъ больше запроса, тотъ же результатъ будетъ произведенъ пониженіемъ цѣнности.

Таковъ основной законъ мѣновой цѣнности. Прямымъ образомъ и съ физическою необходимостью дѣйствуетъ онъ лишь въ немногихъ товарахъ, количество которыхъ вовсе не можетъ увеличиваться. Но искусственнымъ образомъ можетъ быть подводимъ подъ его прямое дѣйствіе всякій предметъ при монополіи, если монополистъ имѣетъ возможность производить или продавать

*) Я замѣняю терминомъ «снабженіе» слово «предложеніе,» явившееся у насъ какъ переводъ слова l'offre, которымъ французы неудачно перевели англійскій терминъ supply.

не все то количество товара, какое могъ бы производить или продавать, а лишь то количество, при которомъ товаръ даетъ ему наибольшую сумму чистой прибыли, за вычетомъ издержекъ производства. А всѣ остальные товары подводятся подъ силу уравненія запроса и снабженія косвеннымъ путемъ, посредствомъ элемента, называемаго стоимостью производства. Этотъ элементъ имѣетъ примѣненіе не къ одной только системѣ быта, основанной на соперничествѣ, въ которой одной существуетъ мѣновая цѣнность, отдѣльная отъ внутренней цѣнности,—онъ входитъ основнымъ элементомъ во всякую систему экономическаго устройства; онъ не есть результатъ частнаго историческаго факта, какъ мѣновая цѣнность, а вытекаетъ изъ неизмѣнной натуры вещей; потому онъ долженъ обратить на себя все наше вниманіе. Выставить его съ полною силою тѣмъ полезнѣе, что въ обыкновенныхъ курсахъ политической экономіи слишкомъ заслоняется онъ производною формою мѣновой цѣнности, какъ вообще коренные законы природы заслоняются въ ней частными случаями дѣйствія этихъ законовъ при формѣ, которую она воображаетъ или единственно возможною, или наилучшею. Потому, чрезвычайно сокращая тѣ отдѣлы III-й книги Милля, которыя говорятъ о предметахъ, достаточно развиваемыхъ и рутинными курсами, мы приведемъ здѣсь вполнѣ двѣ главы, въ которыхъ говоритъ нашъ авторъ о стоимости производства.

«Можетъ ли или не можетъ безгранично увеличиваться количество товара, производимаго трудомъ и расходомъ, все равно есть minimum цѣнности, необходимо нужной для его безостановочнаго производства. Въ каждое данное время цѣнность его — результатъ запроса и снабженія, и всегда бываетъ такова, какая нужна на то, чтобы существующее снабженіе находило себѣ сбытъ. Но производство товара не будетъ продолжаться, если эта цѣнность недостаточна на вознагражденіе стоимости производства съ прибавленіемъ прибыли по обыкновенному разсчету. Капиталисты не захотятъ постоянно производить убытокъ; не станутъ производить и съ прибылью, меньшею той, какая нужна имъ на то, чтобы жить ею. Люди, капиталъ которыхъ положенъ въ дѣло и не можетъ легко быть вынутъ изъ него, довольно долго будутъ продолжать производство и безъ прибыли, продолжаютъ его иногда и съ убыткомъ себѣ, въ ожиданіи лучшаго времени. Но не станутъ они продолжать такого производства вѣчно и не имѣя признаковъ, что время для нихъ улучшится. Новый капиталъ не будетъ затраченъ въ дѣло, если оно не обѣщаетъ прибыли, и притомъ прибыли равной той, какую обѣщаютъ въ этомъ мѣстѣ и въ это время

другія занятія, по своему свойству имѣющія одинаковую степень привлекательности. Когда очевидно нельзя ожидать такой прибыли, то капиталъ или вынимается изъ дѣла, или по крайней мѣрѣ не замѣщается новымъ, по мѣрѣ того, какъ потребляется. Потому стоимость производства, съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли, можно назвать необходимою цѣною, или цѣнностью всѣхъ предметовъ, производимыхъ трудомъ и капиталомъ. Ни у кого нѣтъ охоты производить съ перспективою убытка. Кто производитъ въ убытокъ, производитъ лишь по ошибкѣ въ разсчетѣ, которую поправляетъ при первой возможности.

«Если товаръ, производимый трудомъ и капиталомъ, можетъ быть производимъ ими въ безграничномъ количествѣ, эта необходимая цѣнность, этотъ minimum, которымъ могутъ удовольствоваться производители, будетъ также и maximum'омъ, котораго они могутъ ожидать, когда соперничество свободно и дѣятельно. Если цѣнность товара такова, что стоимость производства оплачивается ею не съ обыкновеннымъ, а съ болѣе высокимъ процентомъ прибыли, то капиталъ устремляется участвовать въ этой лишней выгодѣ и, увеличивъ снабженіе товаромъ, уменьшаетъ его цѣнность. Это не простое предположеніе или догадка, а фактъ, извѣстный каждому, знающему коммерческія операціи. Если представляется новый родъ дѣла, обѣщающій чрезвычайную прибыль, или если существующая отрасль промышленности или торговли считается дающею прибыль больше обыкновенной, то навѣрное въ скоромъ времени производство или ввозъ товара увеличится до того, что не только исчезнетъ излишекъ прибыли, но и упадетъ она ниже нормы, а цѣнность упадетъ настолько же ниже необходимой величины, насколько прежде была выше ея, пока наконецъ излишекъ снабженія устранится временнымъ прекращеніемъ или уменьшеніемъ дальнѣйшаго производства. Эти колебанія въ размѣрѣ производства, какъ мы уже говорили (стр. 700), могутъ и не влечь за собою ни для кого надобности перемѣнять занятія. Тѣ, у которыхъ дѣло идетъ живо, увеличиваютъ свое производство, сильнѣе пользуясь кредитомъ; а тѣ, которые не получаютъ обыкновенной прибыли, уменьшаютъ свои обороты и, по фабричному выраженію, работаютъ неполные часы. Этимъ способомъ непремѣнно и быстро уравнивается, если и не дѣйствительная прибыль, то вѣроятность прибыли въ разныхъ занятіяхъ.

«Слѣдовательно общее правило таково, что предметы имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычною прибылью; иными словами — которыя даютъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ расходъ. Но чтобы на равный расходъ, то есть на равную стоимость производства, была равная прибыль, предметы должны въ среднемъ выводѣ обмѣниваться другъ на друга пропорціонально стоимости своего производства; предметы, стоимость производства которыхъ одинакова, должны имѣть одинаковую цѣнность, потому что лишь въ этомъ случаѣ будетъ равная выручка съ равнаго расхода. Если фермеръ капиталомъ, равнымъ 1,000 квартеровъ хлѣба, можетъ производить 1,200 квартеровъ, дающихъ ему прибыль въ 20 %, то всякій предметъ, производимый въ то же время капиталомъ въ 1,000 квартеровъ, долженъ стоить 1,200 квартеровъ,

то есть обмѣниваться на 1,200 квартеровъ; иначе производитель получилъ бы не 20% прибыли, а больше или меньше.

«Адамъ Смитъ и Рикардо называютъ пропорціональную стоимость производства предмета, его натуральною цѣнностью (или натуральною цѣной). Подъ этимъ они разумѣютъ цифру, около которой колеблется, и къ которой постоянно стремится возвратиться цѣнность; центральную цѣнность, къ которой, по выраженію Адама Смита, постоянно тяготѣетъ рыночная цѣнность предмета и всякое отклоненіе отъ которой бываетъ лишь временною неправильностью, самымъ своимъ возникновеніемъ вызывающею дѣйствіе силъ, стремящихся исправить ее. Если взять число лѣтъ, достаточное для того, чтобы колебанія въ одну сторону по этой центральной линіи могли вознаграждаться колебаніями въ другую сторону отъ нея, то средняя рыночная цѣна совпадаетъ съ натуральною цѣнностью; но очень рѣдко она совершенно совпадаетъ съ нею въ какую-нибудь данную минуту. Море всегда стремится къ уровню, но никогда не бываетъ съ точностью въ уровнѣ; поверхность его постоянно колеблется волнами и часто возмущается бурями. Довольно того, что нѣтъ по крайней мѣрѣ на открытомъ морѣ ни одной точки, которая постоянно была бы выше другой. Каждый пунктъ моря поочередно поднимается и падаетъ, но океанъ сохраняетъ свой уровень.

«Тайное вліяніе, заставляющее цѣнности вещей въ среднемъ выводѣ быть сообразными со стоимостью производства, — это тайное вліяніе состоитъ въ томъ, что иначе измѣнился бы размѣръ снабженія товаромъ. Снабженіе возрасло бы, если бы предметъ продолжалъ продаваться выше, чѣмъ соразмѣрно со стоимостью его производства; оно уменьшилось бы, еслибы цѣнность предмета упала ниже этой соразмѣрности. Но изъ этого мы не должны заключать, что снабженію на практикѣ необходимо уменьшаться или возрастать. Предположимъ, что стоимость производства предмета удешевилась отъ какого нибудь механическаго изобрѣтенія, или увеличилась отъ налога. Цѣнность предмета, если не тотчасъ, то скоро, упадетъ въ первомъ случаѣ и возвысится во второмъ; это будетъ потому, что безъ того снабженіе въ первомъ случаѣ возрастало бы, пока не упадетъ цѣна, а во второмъ уменьшалось бы, пока она не поднимется. Поэтому и по ошибочному представленію, будто бы цѣнность опредѣляется *пропорціею* между запросомъ и снабженіемъ, многіе предполагаютъ, что эта пропорція должна измѣняться, лишь только измѣнится цѣнность товара; что цѣнность не упадетъ отъ уменьшенія въ стоимости производства, если снабженіе не возрастетъ постояннымъ образомъ; и наоборотъ — что цѣнность не поднимется, если снабженіе не уменьшится также постояннымъ образомъ. Но это не такъ: нѣтъ надобности размѣру снабженія дѣйствительно измѣняться; а если онъ измѣняется постояннымъ образомъ, то его измѣненіе бываетъ не причиною, а слѣдствіемъ измѣненія цѣнности. Если бы снабженіе *не могло* возрастать, то уменьшеніе стоимости производства дѣйствительно не понизило бы цѣнности; но вовсе нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы снабженіе *дѣйствительно* возрасло. Часто достаточно бываетъ и одной возможности: негоціанты понимаютъ, чего имъ слѣдуетъ ждать, и взаимное соперничество заставляетъ ихъ предупреждать этотъ результатъ пониженіемъ цѣны. Возрастетъ ли постояннымъ

образомъ снабженіе товаромъ по удешевленіи его производства, это зависитъ отъ совершенно иного вопроса, именно отъ того, понадобится ли товара больше прежняго при уменьшеніи его цѣнности. Почти всегда надобится его больше прежняго; но этого можетъ и не быть. «Товаръ, немедленно идущій на личное потребленіе, человѣкъ покупаетъ охотнѣе и въ большемъ количествѣ, когда онъ дешевѣетъ,» говоритъ де-Квинси (Logic of Political Economy, стр. 230—231). Если вдвое подешевѣютъ шелковые носовые платки, ихъ станутъ покупать быть можетъ втрое больше. Но паровыхъ машинъ человѣкъ не купитъ больше прежняго оттого, что онѣ подешевѣли. Размѣръ его запроса на паровыя машины почти всегда впередъ опредѣленъ обстоятельствами его положенія. Если онъ и стѣсняется размѣромъ расходовъ, то не расходомъ на покупку машины, а расходомъ, какого требуетъ ея работа. Есть также много товаровъ, размѣръ сбыта которыхъ безусловно и исключительно опредѣленъ существующею *системою,* въ которой эти товары служатъ подчиненными частями или членами. Можемъ ли мы искусственною дешевизною сдѣлать, что часовыхъ циферблатовъ будетъ продаваться больше, чѣмъ часовыхъ механизмовъ или пружинъ? Можетъ ли продажа винныхъ бочекъ увеличиться безъ увеличенія продажи вина? Можетъ ли увеличиться сбытъ инструментовъ корабельнаго плотничества, пока не увеличится постройка судовъ?.. Предложите городу, имѣющему 3,000 жителей, нѣсколько катафалковъ, — никакая дешевизна не склонитъ этотъ городъ купить больше одного. Предложите нѣсколько яхтъ, — главная издержка тутъ — на жалованье и содержаніе экипажа, на починку яхтъ; уменьшеніе въ цѣнѣ самой яхты не соблазнитъ купить ее никого, кто уже не былъ расположенъ къ такой покупкѣ по своимъ привычкамъ и наклонностямъ. То же надобно сказать объ особенномъ платьѣ, кокое носятъ епископы, адвокаты, оксфордскіе студенты. Но никто не сомнѣвается, что при уменьшеніи стоимости производства этихъ вещей, цѣна и цѣнность ихъ понизилась бы. Причиною пониженія опасеніе, что явятся новые соперники и снабженіе увеличится. Но сильный рискъ, которому подвергался бы новый соискатель въ товарѣ, сбытъ котораго не можетъ значительно увеличиться, дозволилъ бы прежнимъ торговцамъ удерживать прежнюю цѣну гораздо дольше, чѣмъ можетъ она держаться въ товарѣ, представляющемъ болѣе поощреній къ соперничеству.

«Предположимъ наоборотъ, что стоимость производства увеличилась, напримѣръ, отъ наложенія пошлины на товаръ. Цѣнность поднимется, и вѣроятно тотчасъ же. Уменьшится ли снабженіе? Лишь въ томъ случаѣ, если возвышеніе цѣнности уменьшитъ запросъ. Уменьшился ли запросъ, это не замедлитъ обнаружиться; и если онъ уменьшился, то поднявшаяся цѣнность нѣсколько понизится по излишку снабженія, пока не уменьшится производство; тогда она вновь поднимется. Есть много товаровъ, въ которыхъ нужно очень значительное возвышеніе цѣны на то, чтобы запросъ чувствительно уменьшился. Въ особенности таковы предметы необходимости, напримѣръ обыкновенная пища народа, какою служитъ въ Англіи пшеничный хлѣбъ. При цѣнѣ довольно дорогой его потребляется, вѣроятно, столько же, сколько и при цѣнѣ значительно меньшей. Но особенно въ такихъ предметахъ большинство и смѣшиваетъ дороговизну съ недостаточностью запаса. Хлѣбъ можетъ

быть дорогъ отъ недостаточности запаса, напримѣръ послѣ неурожая. Но дороговизна, происходящая, напримѣръ, отъ налоговъ или отъ хлѣбныхъ законовъ, не имѣетъ ничего общаго съ недостаточностью снабженія: отъ такихъ причинъ количество хлѣба въ странѣ не уменьшается сильнымъ образомъ; отъ нихъ скорѣе уменьшается количество другихъ предметовъ, чѣмъ хлѣба, потому что люди, платящіе дороже за хлѣбъ, меньше могутъ издержать на другіе предметы, и производство ихъ сокращается соразмѣрно уменьшенію запроса.

«Такимъ образомъ цѣнность предметовъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу, опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія лишь иногда, да и то лишь на срокъ, нужный для ихъ производства; а общій ходъ дѣла иной: не цѣнность этихъ предметовъ опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, а напротивъ — само это уравненіе опредѣляется цѣнностью, — таковъ точный законъ. Есть запросъ на извѣстное количество товара по его естественной цѣнѣ, и снабженіе постоянно стремится сообразоваться съ этою цѣною. Если когда оно отступаетъ отъ нея, причина тому — или ошибка въ разсчетѣ, или какая нибудь перемѣна въ элементахъ задачи: въ естественной цѣнности, то есть стоимости производства, — или въ запросѣ, отъ перемѣны во вкусѣ общества или въ числѣ или богатствѣ потребителей. Эти причины колебанія являются очень часто, и какъ явится одна изъ нихъ, — рыночная цѣнность предмета уклоняется отъ его естественной цѣнности. Естественный законъ запроса и снабженія, уравненіе между ними, и тутъ не перестаетъ дѣйствовать: если цѣнность, отступающая отъ естественной цѣнности, необходима для уравненія запроса съ снабженіемъ, рыночная цѣнность отклонится отъ естественной; но отклонится лишь на время, потому что само снабженіе имѣетъ постоянную тенденцію соразмѣряться съ запросомъ, какой по опыту оказывается существующимъ при продажѣ товара по естественной цѣнности. Если снабженіе превышаетъ эту норму или становится ниже ея, это лишь временное положеніе, и при немъ получается прибыль, которая или выше или ниже обыкновенной, а при свободномъ, сильномъ соперничествѣ это не можетъ оставаться долго.

«Вотъ краткій перечень нашихъ выводовъ: уравненіе запроса и снабженія управляетъ цѣнностью всѣхъ тѣхъ предметовъ, количество которыхъ не можетъ увеличиваться по произволу; но даже и для нихъ, если они производятся промышленностью, существуетъ minimum цѣнности, опредѣляемый стоимостью производства. А во всѣхъ тѣхъ предметахъ, количество которыхъ можетъ безгранично увеличиваться, уравненія запроса и снабженія опредѣляются лишь колебаніемъ цѣнности въ теченіе періода, который не можетъ быть продолжительнѣе времени, нужнаго для перемѣны въ размѣрѣ снабженія. Управляя этими колебаніями цѣнности, само уравненіе запроса и снабженія подчиняется болѣе коренной силѣ, дѣйствіемъ которой цѣнность тяготѣетъ къ стоимости производства и которая установила и навсегда держала бы цѣнность на этой величинѣ, если бы не возникали постоянно новыя колеблющія вліянія, отклоняющія цѣнность отъ этой точки. Запросъ и снабженіе постоянно стремятся къ равновѣсію, но положеніе «устойчиваго равновѣсія» (по нашему метафорическому языку) — то, когда предметы обмѣниваются

другъ на друга соразмѣрно стоимости своего производства, или, по прежнему нашему термину, когда предметы имѣютъ свою естественную цѣнность.

«1. Составные элементы стоимости производства были показаны въ первой части нашего изслѣдованія (томъ I, стр. 100). Мы нашли, что главный изъ нихъ — трудъ, передъ которымъ ничтожны всѣ остальные. Предметъ обходится производителю или ряду производителей во столько, сколько стоитъ израсходованный на него трудъ. Если мы разсматриваемъ, какъ производителя, капиталиста, дѣлающаго затраты, — слово « трудъ » можно замѣнить словомъ « рабочая плата »: предметъ обходится производителю во столько, сколько рабочей платы пошло на него. На первый взглядъ, правда, кажется, что это лишь часть расхода, потому что капиталистъ не только платилъ рабочимъ, а также и снабжалъ ихъ орудіями, матеріалами и быть можетъ строеніями. Но эти орудія, матеріалы и строенія произведены трудомъ и капиталомъ, и цѣнность ихъ, подобно цѣнности предметовъ, производству которыхъ они служатъ, опредѣляется стоимостью производства, которая опять приводится къ стоимости труда. Стоимость производства сукна состоитъ не изъ одной рабочей платы ткачамъ, которые одни получаютъ плату прямо отъ суконнаго фабриканта. Она состоитъ также и изъ рабочей платы прядильщикамъ и чесальщикамъ, къ которымъ можно прибавить и пастуховъ, — всѣмъ имъ суконный фабрикантъ заплатилъ, когда купилъ пряжу. Она состоитъ также изъ платы работникамъ, строившимъ фабрику и дѣлавшимъ кирпичи на постройку, — суконный фабрикантъ заплатилъ имъ деньгами, отданными подрядчику за постройку фабрики. Отчасти состоитъ она изъ платы работникамъ, дѣлавшимъ машины, выдѣлавшимъ желѣзо изъ руды и выкопавшимъ руду. Къ нимъ надобно прибавить работниковъ, перевозившихъ всѣ нужныя для производства вещи на то мѣсто, гдѣ теперь ткутъ сукно, и перевозящихъ самое сукно на мѣсто продажи.

«Такимъ образомъ цѣнность товаровъ главнымъ образомъ опредѣляется количествомъ труда, требующагося на ихъ производство, включая въ понятіе производства и доставку на рынокъ. (Исключительно ли этимъ главнымъ элементомъ опредѣляется цѣнность, мы увидимъ ниже). « Разсматривая мѣновую цѣнность, напримѣръ, чулковъ, мы найдемъ, говоритъ Рикардо (Principles of Political Economy and Taxation, гл. I, отд. 3), что ихъ цѣнность сравнительно съ цѣнностью другихъ предметовъ опредѣляется количествомъ всего того труда, какое нужно, чтобы произвесть чулки и доставить ихъ на рынокъ. Вопервыхъ, входитъ въ эту сумму трудъ, нужный на обработку земли, произращающей хлопокъ; вовторыхъ, трудъ перевозки хлопка въ страну, гдѣ будутъ сработаны чулки; въ этотъ трудъ входитъ часть труда, употребленнаго на постройку корабля, перевозящаго хлопокъ, и эта часть оплачивается фрахтомъ хлопка; въ третьихъ, трудъ прядильщика и ткача; въ четвертыхъ, часть труда механика, кузнеца, каменьщика и плотника, построившихъ зданія и машины, помощію которыхъ идетъ обработка матеріала; въ пятыхъ, трудъ розничнаго торговца и многихъ другихъ лицъ, перечислять которыя нѣтъ надобности. Суммою всѣхъ этихъ разныхъ родовъ труда опредѣляется количество другихъ предметовъ, за какое обмѣниваются эти чулки.

А точно такой же счетъ разныхъ количествъ труда, употребленнаго на эти другіе предметы, точно также опредѣляетъ, какое количество ихъ дается за чулки.

«Чтобы убѣдиться, что таково дѣйствительное основаніе мѣновой цѣнности, предположимъ, что сдѣлано какое нибудь улучшеніе, сокращающее трудъ въ какомъ нибудь изъ разныхъ процессовъ, черезъ которые долженъ пройдти хлопокъ, чтобы явиться на рынокъ готовыми чулками для обмѣна на другіе предметы, и посмотримъ, что изъ этого произойдетъ. Если нужно стало меньше людей на воздѣлываніе хлопка, или меньше матросовъ на привозящемъ къ намъ хлопокъ кораблѣ, или меньше рабочихъ на постройку этого корабля; если меньше рукъ было занято постройкой зданія и машинъ, или посредствомъ этихъ машинъ и зданія можно стало сдѣлать больше работы, — то цѣнность чулокъ непремѣнно упадетъ и станетъ получаться другихъ предметовъ меньше за нихъ. Чулки упадутъ, потому что меньше труда стало нужно на ихъ производство, и потому они станутъ обмѣниваться на меньшее количество тѣхъ предметовъ, въ которыхъ не произошло такого уменьшенія труда.

«Сбереженіе въ трудѣ непремѣнно уменьшаетъ относительную цѣнность товара, все равно въ чемъ бы ни сдѣлано было сбереженіе: въ трудѣ ли, потребномъ на выдѣлку самого товара, или въ трудѣ, потребномъ на образованіе капитала, помощію котораго производится товаръ. Если меньше будетъ занято дѣломъ людей, непосредственно нужныхъ для выдѣлки чулокъ, — бѣлильщиковъ, прядильщиковъ и ткачей, — или меньше станетъ занято дѣломъ людей, косвенно участвующихъ въ немъ, — матросовъ, извощиковъ, механиковъ, — въ томъ и другомъ случаѣ цѣна чулковъ упадетъ. Въ первомъ случаѣ на чулкахъ отзовется весь размѣръ сбереженія въ трудѣ, потому что весь трудъ этого сорта былъ занятъ одними чулками; во второмъ случаѣ отзовется на чулкахъ лишь часть сбереженія, а другая часть его разложится по всѣмъ другимъ товарамъ, производству которыхъ способствуютъ строенія, машины и транспортировка.»

«2. Читатель замѣтитъ, что Рикардо выражается такъ, какъ будто *количество* труда, котораго стоитъ производство предмета и доставка его на рынокъ, — единственная вещь, опредѣляющая цѣнность товара. Но стоимость производства для капиталиста — не трудъ, а рабочая плата, и количество труда остается одинаково при высокой и при низкой рабочей платѣ; потому казалось бы, что цѣнность продукта опредѣляется не исключительно количествомъ труда, а количествомъ труда вмѣстѣ съ размѣромъ вознагражденія за него, и что цѣнности опредѣляются отчасти размѣромъ рабочей платы. Чтобы рѣшить это, надобно сообразить, что цѣнность — явленіе относительное, что словомъ «цѣнность» товара обозначается не какое нибудь внутреннее и существенное качество самого предмета, а количество другихъ предметовъ, какое можно получить въ обмѣнъ за него. Когда говорится «цѣнность предмета», всегда должно подразумѣваться «относительно другаго предмета» или «относительно предметовъ вообще». А взаимное отношеніе предметовъ не измѣняется отъ причины, дѣйствующей одинаково на оба предмета. Общее возвышеніе или упадокъ рабочей платы — фактъ, одинаково дѣйствующій на всѣ товары и потому не дающій основанія для измѣненія пропорціи, въ какой обмѣнивались они другъ на друга. Предположить, что отъ высокой рабочей платы возвышаются цѣны,

значитъ, предположить, что возможно такое явленіе, какъ общее возвышеніе цѣнностей; а оно — логическая несообразность: возвышеніе цѣнности нѣкоторыхъ предметовъ равнозначительно упадку цѣнности другихъ. Недоразумѣніе это возникаетъ оттого, что смотрятъ только на цѣны, а не на цѣнности. Общее возвышеніе цѣнностей невозможно, но общее возвышеніе цѣнъ — дѣло возможное. Какъ только поймемъ мы ясно, что такое цѣнность, мы увидимъ, что высота или низкость рабочей платы не можетъ имѣть никакого отношенія къ цѣнностямъ. Но что отъ высоты рабочей платы возвышаются цѣны, это мнѣніе, очень распространенное. Всю ошибочность его мы поймемъ вполнѣ лишь тогда, когда займемся теоріею денегъ; теперь довольно будетъ сказать, что еслибъ оно было справедливо, то дѣйствительное возвышеніе рабочей платы было бы невозможностью: если бы рабочая плата не могла возвышаться безъ пропорціональнаго возвышенія цѣны всѣхъ предметовъ, то и возвышеніе рабочей платы не могло бы имѣть никакого существеннаго смысла... Это reductio ad absurdum достаточно показываетъ изумительную нелѣпость мнѣній, которыя еще могутъ становиться и становятся и долго остаются политико-экономическими аксіомами въ умахъ большинства. Надобно также вспомнить, что если произошло общее повышеніе цѣнъ, то оно не можетъ давать никакой пользы ни производителю, ни торговцу по ихъ дѣламъ: если увеличивается у нихъ денежная выручка, то и всѣ ихъ расходы увеличиваются въ той же степени. Капиталисты никакимъ способомъ не могутъ вознаградить себя за возвышеніе стоимости труда: никакая перемѣна цѣнностей или цѣнъ не вознаградитъ ихъ, не отвратитъ пониженія прибыли отъ возвышенія стоимости труда. Если работники дѣйствительно стали получать больше прежняго, то есть стали получать продуктъ большаго количества труда, то на прибыль, конечно, останется процентъ меньше прежняго. Этотъ законъ распредѣленія, основывающійся на ариѳметическомъ законѣ, не отвращается никакимъ способомъ. Механизмъ обмѣна и цѣны можетъ прикрывать его отъ насъ, но рѣшительно безсиленъ измѣнить его.

«3. *Общая* высокость или низкость рабочей платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но если въ одномъ занятіи рабочая плата выше, чѣмъ въ другомъ, или если она надолго повышается или падаетъ въ одномъ занятіи, оставаясь безъ перемѣны въ другихъ, эти неравенства дѣйствительно оказываютъ вліяніе на цѣнности. Причины разницы рабочей платы въ разныхъ занятіяхъ мы уже разсматривали въ одной изъ предыдущихъ главъ. Если въ извѣстномъ занятіи постоянно существуетъ рабочая плата выше средней величины, соразмѣрно тому и цѣнность предмета, производимаго этимъ занятіемъ, будетъ выше уровня, опредѣляемаго простымъ количествомъ труда. Напримѣръ, предметы, производимые техническимъ трудомъ, обмѣниваются за продуктъ гораздо большаго количества чернорабочаго труда, и только потому, что плата за техническій трудъ выше. Если бы образованіе распространилось настолько, что отъ увеличенія числа работниковъ, способныхъ къ техническимъ занятіямъ, уменьшилась бы разница между платою имъ и чернорабочимъ, то всѣ предметы, производимые высшими сортами труда, упали бы въ цѣнности сравнительно съ предметами, производимыми черною работою, и о продуктахъ черной работы можно бы сказать тогда, что цѣнность ихъ поднялась. Мы уже

говорили, что по трудности перехода отъ извѣстнаго рода занятій къ занятіямъ гораздо высшаго рода, въ каждомъ разрядѣ работниковъ, отдѣленномъ отъ другихъ очень рѣзкою чертою, плата гораздо больше, чѣмъ иной предположилъ бы, зависѣла до сихъ поръ отъ степени размноженія самого этого класса отдѣльно отъ другихъ классовъ; мы говорили также, что неравенство въ вознагражденіи за трудъ гораздо значительнѣе того, какое существовало бы, если бы соперничество общей массы работниковъ практически касалось каждаго отдѣльнаго занятія. Изъ этого слѣдуетъ, что рабочая плата въ разныхъ занятіяхъ поднимается и падаетъ не одновременно, а бываетъ иногда не надолго, а иногда даже и надолго, почти независимо въ одномъ занятіи отъ другаго. Всѣ такія неравенства, очевидно, измѣняютъ *относительную* стоимость производства разныхъ товаровъ и потому вполнѣ отражаются на ихъ естественной или средней цѣнности.

«Изъ этого мы видимъ, что когда нѣкоторые изъ первокласныхъ политико-экономовъ говорили, будто бы рабочая плата не входитъ въ разсчетъ цѣнности, — то они придавали своей теоремѣ слишкомъ широкій размѣръ, несогласный съ истиною и съ сущностью ихъ собственнаго понятія о дѣлѣ... Рабочая плата входитъ въ разсчетъ цѣнности. Относительнымъ *размѣромъ рабочей платы* за трудъ производства разныхъ товаровъ опредѣляется ихъ цѣнность точно такъ же, какъ относительнымъ количествомъ труда. То правда, что абсолютная величина рабочей платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но не имѣетъ его и абсолютное количество труда. Если бы оно одновременно и ровно измѣнилось во всѣхъ занятіяхъ, то цѣнности не измѣнились бы. Если, напримѣръ, общая успѣшность всякаго труда возрасла, такъ что всѣ безъ исключенія предметы производятся въ прежнемъ количествѣ меньшимъ количествомъ труда, то въ цѣнностяхъ предметовъ не обнаружился бы никакой слѣдъ этого общаго уменьшенія стоимости производства. Въ цѣнностяхъ можетъ произойти лишь та перемѣна, которая представляетъ неравенство вліянія, произведеннаго улучшеніемъ на разные предметы; она состоитъ въ томъ, что подешевѣютъ предметы, въ которыхъ размѣръ сбереженія труда былъ наибольшій, а цѣнность предметовъ, въ которыхъ сбереженіе труда было не такъ велико, поднимется. Итакъ, строго говоря, размѣръ рабочей платы имѣетъ точно такое же вліяніе на цѣнность, какъ и количество труда. И ни Рикардо, никто другой не отрицалъ этого факта. Но если мы станемъ разсматривать причины *измѣненій* въ цѣнности, то важнѣе всѣхъ будетъ количество труда: когда измѣняется оно, то обыкновенно измѣняется въ данное время лишь въ одномъ или въ немногихъ товарахъ; а измѣненія въ рабочей платѣ (кромѣ мимолетныхъ колебаній) относятся обыкновенно ко всѣмъ предметамъ и не имѣютъ значительнаго вліянія на цѣнность.

«4. Мы говорили объ одномъ элементѣ стоимости производства, — о трудѣ или рабочей платѣ. Но въ первой книгѣ, разбирая элементы производства, мы нашли, что кромѣ труда есть еще другой необходимый элементъ его — капиталъ. Онъ — результатъ воздержанія, и продуктъ или цѣнность прокукта, кромѣ вознагражденія за весь требуемый трудъ, заключаетъ въ себѣ вознагражденіе за воздержность всѣхъ лицъ, затраты которыхъ служили вознагражденіемъ для разныхъ разрядовъ работниковъ. Вознагражденіемъ за воздержаніе служитъ прибыль. А прибыль, какъ

мы видѣли, состоитъ не изъ одного излишка, остающагося капиталисту за покрытіемъ его расхода, — она почти всегда составляетъ немаловажную часть и самого расхода. У хозяина льняной прядильни часть издержекъ состоитъ въ покупкѣ льна и машинъ, въ цѣнѣ которыхъ онъ, кромѣ платы за трудъ, возраставшій ленъ и сдѣлавшій машину, уплачиваетъ прибыль хозяину, воздѣлывавшему ленъ, хозяину, который обмялъ ленъ, хозяину рудника, желѣзному заводчику и фабриканту машинъ. Вся сумма этихъ прибылей, вмѣстѣ съ прибылью самого прядильнаго фабриканта, также впередъ уплачивается хозяиномъ ткацкой фабрики въ цѣнѣ, какую онъ заплатилъ за свой матеріалъ — льняную пряжу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще уплачиваетъ прибыль другому ряду машинныхъ фабрикантовъ и хозяевамъ рудниковъ и желѣзнымъ заводчикамъ, снабдившимъ ихъ желѣзнымъ матеріаломъ. Всѣ эти затраты составляютъ часть стоимости производства полотна. Такимъ образомъ прибыль, подобно рабочей платѣ, входитъ въ стоимость производства, опредѣляющую цѣнность продукта.

«Но будучи явленіемъ чисто относительнымъ, цѣнность не можетъ зависѣть отъ абсолютной величины прибыли, какъ не зависитъ и отъ абсолютной величины рабочей платы; она зависитъ только отъ относительнаго неравенства разныхъ прибылей. Общее возвышеніе прибыли, подобно общему возвышенію рабочей платы, не можетъ возвышать цѣнностей, потому что общее возвышеніе цѣнностей — нелѣпость и логическая несообразность. Часть прибыли, входящая въ стоимость производства всѣхъ предметовъ, не имѣетъ вліянія на цѣнность никакого предмета. Только тотъ излишекъ прибыли, который входитъ въ стоимость производства лишь нѣкоторыхъ предметовъ, оказываетъ вліяніе на цѣнность ихъ.

«Напримѣръ, мы видѣли, что по нѣкоторымъ причинамъ необходимъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ занятіяхъ постоянный процентъ прибыли выше, чѣмъ въ остальныхъ, чтобы служить вознагражденіемъ за рискъ, хлопотливость и непріятность. Его можетъ доставить только продажа товара по цѣнности выше той, какая приходилась бы по количеству труда, нужнаго на производство. Если бы порохъ обмѣнивался на другіе предметы не выше пропорціи труда, употребленнаго на весь процессъ его производства, то никто не захотѣлъ бы устроивать пороховой заводъ. Мясники несомнѣнно получаютъ больше хлѣбниковъ, и вѣроятно подвержены не большему риску, чѣмъ хлѣбники, потому что, сколько извѣстно, банкротятся не чаще ихъ. Прибыль болѣе высокая, чѣмъ у хлѣбниковъ, получается ими, конечно, только оттого, что соперничества для нихъ меньше, по непріятности и нѣкоторой непопулярности ихъ промысла. А если они получаютъ болѣе высокую прибыль, это значитъ, что товаръ ихъ продается по цѣнности болѣе высокой, чѣмъ какая приходилась бы соразмѣрно труду и расходу ихъ. Всѣ необходимыя и постоянныя неравенства прибыли выражаются въ относительныхъ цѣнностяхъ товаровъ.

«5. Но если и нѣтъ разницы между двумя занятіями въ *процентѣ* прибыли, прибыль можетъ составлять въ элементахъ производства одного товара болѣе значительную долю, чѣмъ въ элементахъ другаго. Одинъ товаръ можетъ требовать прибыли за болѣе долгій срокъ времени, чѣмъ другой. Въ примѣръ тому обыкновенно приводятъ вино. Положимъ, что извѣстное количество вина и извѣстное

количество сукна произведены одинаковымъ количествомъ труда, по одинаковой рабочей платѣ. Сукно не улучшается а вино улучшается отъ того, что становится старѣе. Положимъ, что для достиженія требуемаго достоинства нужно вину простоять пять лѣтъ. Производитель или торговецъ не станетъ беречь его пять лѣтъ, если по ихъ истеченіи не можетъ продать его настолько дороже сукна, насколько должна возрасти прибыль за пять лѣтъ по сложнымъ процентамъ. Первоначальный расходъ на производство сукна и вина былъ одинаковъ; стало быть относительная естественная цѣнность этихъ двухъ товаровъ соразмѣряется тутъ не съ одною стоимостью ихъ производства, а еще съ инымъ элементомъ, прибавляющимся къ ней. Впрочемъ, чтобы подвести этотъ случай подъ общую формулу, мы можемъ включить въ стоимость производства вина ту прибыль, отъ которой въ теченіе пяти лѣтъ отказывается винный торговецъ, и смотрѣть на эту сумму, какъ на особенный видъ прибавочнаго расхода, который дѣлается имъ сверхъ другихъ затратъ и за который онъ долженъ быть вознагражденъ результатомъ.

«О всѣхъ товарахъ, производимыхъ машинами, надобно сказать приблизительно то же, что мы говорили въ предыдущемъ примѣрѣ о винѣ. Прибыль составляетъ въ стоимости ихъ производства болѣе значительную долю, чѣмъ въ предметахъ, работаемыхъ исключительно непосредственнымъ трудомъ. Возьмемъ два товара, на производство которыхъ одинаково нуженъ годичный срокъ и капиталъ, выражаемый нами на этотъ случай въ деньгахъ, 1,000 фунтовъ. Товаръ А работается исключительно непосредственнымъ трудомъ, и всѣ 1,000 фунтовъ идутъ въ немъ прямо на рабочую плату. Товаръ В выдѣлывается посредствомъ труда, стоющаго 500 фунтовъ, и машины, стоющей 500 фунтовъ и изнашивающейся годичною работою. Оба товара будутъ имѣть совершенно одинаковую цѣнность, — если считать ее на деньги, полагая прибыль въ 20%, она будетъ 1,200 фунтовъ. Но изъ этихъ 1,200 фунтовъ, въ товарѣ А только 200 фунтовъ или шестая часть цѣнности составляетъ прибыль; а въ товарѣ В, кромѣ этихъ 200 фунтовъ, есть еще прибыль машиннаго заводчика, вошедшая въ цѣну, какая заплачена за машину; если мы положимъ, что производство заняло также годъ, прибыль эта въ 500 фунтовъ (цѣна машины) составляетъ опять одну шестую часть. Такимъ образомъ, въ товарѣ А прибыль только $^1/_6$ всей выручки, а въ товарѣ В $^1/_6$ всей выручки съ прибавкою еще $^1/_6$ изъ значительной части остальной выручки.

«Чѣмъ значительнѣе часть капитала, состоящая изъ машинъ, строеній, матеріала и другихъ предметовъ, которые должны быть заготовлены до начала непосредственнаго труда, тѣмъ значительнѣйшую часть будетъ составлять прибыль въ издержкахъ производства. Не столь очевидно съ перваго взгляда, но столь же вѣрно и то, что большая прочность части капитала, состоящей изъ машинъ и строеній, имѣетъ точно такое же значеніе, какъ большій размѣръ капитала. Мы предполагали ту крайность, что машина совершенно изнашивается отъ годичной работы; предположимъ теперь противоположную и еще сильнѣйшую крайность, — что машина вѣчна и не требуетъ ремонта. Въ этомъ предполагаемомъ случаѣ, который годится для разъясненія дѣла столько же, какъ если бъ и былъ возможнымъ на практикѣ, фабриканту никогда не понадобилось бы получать въ продуктѣ выручку за 500

фунтовъ, заплаченныхъ за машину, потому что у него вѣчно цѣла сама машина, стоющая 500 фунтовъ; но по прежнему онъ долженъ получать прибыль на нее. Потому товаръ В, которому въ прежнемъ примѣрѣ приходилось продаваться за 1,200 фунтовъ (чтобы 1,000 фунтовъ шло на возвращеніе капитала, а 200 фунтовъ въ прибыль), можетъ теперь продаваться за 700 фунтовъ — (500 фунтовъ надобно на возвращеніе рабочей платы, а 200 въ прибыль на весь капиталъ). Такимъ образомъ, въ цѣнности В прибыль составляетъ 200 фунтовъ изъ 700 фунтовъ, то есть, двѣ седьмыхъ части или $28^4/_7$%, между тѣмъ какъ въ цѣнности товара А, какъ мы видѣли, прибыль составляетъ лишь одну шестую долю или $16^2/_3$%. Разумѣется, этотъ случай чисто идеальный, потому что никакая машина, никакая другая часть основнаго капитала не остается цѣла вѣчно; но чѣмъ больше въ нихъ прочности, тѣмъ ближе подходятъ онѣ къ этому идеальному случаю, тѣмъ значительнѣе доля прибыли въ выручкѣ. Если, напримѣръ, машина, стоющая 500 фунтовъ, теряетъ отъ годичной работы пятую часть цѣнности, то для вознагражденія этой потери должно прибавиться къ выручкѣ 100 фунтовъ, и цѣна товара будетъ 800 фунтовъ. Тогда прибыль будетъ составлять 200 фунтовъ въ 800 фунтахъ, или четвертую долю, что все еще гораздо болѣе шестой доли, какую составляютъ въ товарѣ А 200 фунтовъ въ 1,200 фунтахъ.

«Изъ неравенства доли, которую въ разныхъ занятіяхъ составляетъ прибыль въ затратахъ капиталиста, а потому и въ необходимой для него выручкѣ происходятъ относительно цѣнности два послѣдствія. Первое изъ нихъ то, что предметы обмѣниваются не по простой соразмѣрности количествъ требующагося на ихъ производство труда и даже не по той соразмѣрности, какая оказалась бы по разсчету неравенствъ постояннаго вознагражденія за разные разряды труда. Мы уже объяснили это примѣромъ вина; приведемъ еще примѣръ — цѣнность товаровъ, производимыхъ машинами. Возьмемъ по прежнему товаръ А, производимый расходомъ 1,000 фунтовъ на непосредственный трудъ. Но вмѣсто товара В, производимаго непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт. и машиною въ 500 фунт., возьмемъ товаръ С, производимый непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт., при помощи машины произведенной также непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт.; положимъ, что нуженъ годъ на то, чтобы сдѣлать эту машину, и что она изнашивается годичной работой, а прибыль по прежнему положимъ 20%. Товары А и С произведены одинаковыми количествами труда, получавшаго одинаковую плату: расходъ прямаго труда на товаръ А — 1,000 фунтовъ; на С только 500 ф., но эта цифра доводится до 1,000 ф. трудомъ, израсходованнымъ на постройку машины. Еслибы трудъ (или вознагражденіе за трудъ) былъ единственнымъ элементомъ стоимости производства, оба эти продукта обмѣнивались бы другъ на друга. Но такъ ли будетъ теперь? Разумѣется, нѣтъ. Машина сдѣлана въ теченіе года расходомъ въ 500 ф., а прибыль составляетъ 20%; потому естественная цѣна машины — 600 фунт.; такимъ образомъ выходитъ, что фабрикантъ С сдѣлалъ сверхъ остальныхъ своихъ расходовъ еще прибавочную затрату въ 100 ф., которые должны выручаться ему съ прибылью въ 20%. Такимъ образомъ товаръ С не можетъ имѣть постоянную цѣну меньше 1,320 ф., между тѣмъ, какъ товаръ А продается за 1,200 ф.

«Второе послѣдствіе — то, что отъ общаго пониженія или возвышенія прибыли цѣнности измѣняются неизбѣжно. Измѣненіе состоитъ не въ томъ, чтобы являлось въ нихъ общее возвышеніе или пониженіе (это, какъ мы уже часто говорили, логическая несообразность и невозможность), а въ томъ, что измѣняется доля цѣнности разныхъ предметовъ, имѣя въ себѣ долю прибыли за неодинаковые сроки времени, измѣняются не въ одинаковой пропорціи. Если два предмета, произведенные равнымъ количествомъ труда, имѣютъ неодинаковую цѣнность оттого, что одинъ долженъ давать прибыль за большее число лѣтъ или мѣсяцевъ, чѣмъ другой, то эта разница цѣнностей увеличится при возвышеніи прибыли и уменьшится при ея пониженіи. Вино, которое должно давать прибыль за 5 лѣтъ больше, чѣмъ сукно, гораздо значительнѣе будетъ превосходить своею цѣнностью сукно при прибыли 40%, чѣмъ при прибыли въ 20%. Товары А и С, произведенные одинаковыми количествами труда, продавались: одинъ за 1,200, другой за 1,320 фунтовъ, — разница составляла 10%; а если прибыль уменьшится на половину, они будутъ продаваться: одинъ за 1,600, другой за 1,155 фунтовъ, и разница будетъ только 5%.

«Изъ этого слѣдуетъ, что даже и общее возвышеніе рабочей платы нѣсколько измѣняетъ цѣнности, если соединено съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ стоимости труда. Оно измѣняетъ ихъ не такъ, какъ предполагаютъ обыкновенно, — оно не возвышаетъ всѣ цѣнности. Но отъ увеличенія стоимости труда понижается прибыль; потому понижается естественная цѣнность предметовъ, въ цѣнности которыхъ прибыль составляетъ долю больше средней, и возвышаетъ цѣнность предметовъ, въ которыхъ прибыль составляетъ долю меньше средней. При пониженіи прибыли падаетъ относительная цѣнность всѣхъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ значительно участвуютъ машины (особенно, когда машины эти очень прочны) или, что тоже самое, сравнительно съ ними поднимается цѣнность другихъ предметовъ. Теорему эту выражаютъ иногда такъ: отъ возвышенія рабочей платы поднимается цѣнность предметовъ, производимыхъ трудомъ, относительно предметовъ, производимыхъ машинами. Такой способъ выраженія простъ, но неправиленъ: предметы, производимые машинами, производятся трудомъ, точно такъ же, какъ и другіе предметы, именно тѣмъ трудомъ, которымъ производятся сами машины; разница лишь въ томъ, что въ производствѣ предметовъ, дѣлаемыхъ помощію машинъ, прибыль составляетъ нѣсколько бо̀льшую долю, хотя и тутъ главная статья расхода все-таки трудъ. Потому лучше представлять этотъ фактъ, какъ послѣдствіе упадка прибыли, чѣмъ какъ результатъ возвышенія рабочей платы, тѣмъ болѣе, что послѣдній способъ выраженія очень двусмысленъ: онъ возбуждаетъ вовсе неидущую сюда мысль о возвышеніи реальнаго вознагражденія работника, вмѣсто идущей къ дѣлу мысли о возвышеніи стоимости труда хозяину.

«6. Кромѣ естественныхъ и необходимыхъ элементовъ стоимости производства, — кромѣ труда и прибыли, — есть въ ней другіе элементы, искусственные и случайные, напр. налогъ. Налогъ на бумагу и на солодъ составляетъ часть стоимости производства этихъ товаровъ, наравнѣ съ рабочею платою. Расходы, налагаемые закономъ, подобно расходамъ, налагаемымъ сущностью дѣла, должны быть съ обыкновенною прибылью вознаграждаемы цѣнностью продукта, или производство пред-

метовъ прекратится. Но вліяніе налога на цѣнность подлежитъ тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ вліяніе рабочей платы и прибыли. Вліяніе на цѣнность имѣетъ не общая высота или низкость налога, а разница между его величинами. Если бы всѣ продукты были обложены пошлиною, берущею равный процентъ изъ всѣхъ прибылей, отношеніе между цѣнностями нимало не измѣнилось бы. Если подвергаются налогу лишь нѣкоторые товары, цѣнность ихъ поднимается; если остаются свободны отъ налога лишь нѣкоторые предметы, цѣнность ихъ падаетъ. Если обложить налогомъ половину товара, а другую не облагать, первая половина поднимется, а вторая упадетъ по взаимной оцѣнкѣ. Эти перемѣны цѣнностей необходимы для уравненія вѣроятности прибыли во всѣхъ занятіяхъ, безъ чего обложенныя налогомъ занятія были бы, если не тотчасъ, то черезъ нѣсколько времени, покинуты. Но общій налогъ, равно лежащій на всемъ и не измѣняющій взаимнаго отношенія продуктовъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на цѣнности.

«До сихъ поръ мы предполагали, что всѣ силы и принадлежности, входящія въ стоимость производства товаровъ, сами въ своей цѣнности опредѣляются стоимостью производства. Но иныя изъ нихъ принадлежатъ къ разряду предметовъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу, и которые потому пріобрѣтаютъ цѣнность недостачи, если запросъ превышаетъ извѣстный размѣръ. Для многихъ орнаментальныхъ вещей, изготовляемыхъ въ Италіи, матеріалами служатъ вещества, называющіяся rosso, giallo и verde antico, о которыхъ,— не знаю, справедливо или нѣтъ,— утверждаютъ, будто бы онѣ могутъ добываться лишь изъ разрушенія древнихъ колоннъ и другихъ орнаментовъ, потому будто бы, что каменоломни, изъ которыхъ первоначально получены эти камни, уже истощены или затеряны. Если существуетъ большой запросъ на матеріалъ такого рода, онъ будетъ имѣть цѣнность недостачи; она войдетъ въ стоимость производства, стало быть и въ цѣнность изготовленнаго товара. Повидимому близко время, когда цѣнность дорогихъ мѣховъ подвергнется вліянію недостачи матеріала. До сихъ поръ уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей, доставляющихъ эти мѣха, въ пустыняхъ Сибири и на берегахъ Эскимоскаго моря, дѣйствовало на цѣнность ихъ лишь тѣмъ, что для полученія извѣстнаго количества этого товара становилось все больше и больше труда,— а употребляя больше труда, чѣмъ употребляется, конечно еще можно было бы въ теченіе нѣкотораго времени добывать этихъ мѣховъ больше, чѣмъ теперь.

«Но главнымъ образомъ увеличивается стоимость производства цѣнностью недостачи въ предметахъ, производимыхъ самою природою. Если силы ея, дѣйствующія въ производствѣ, не обращены въ частную собственность и могутъ быть въ рукахъ каждаго желающаго, онѣ не входятъ въ стоимость производства, а входитъ въ нее лишь трудъ, какой понадобится на приспособленіе къ дѣлу. Если же онѣ и обращены въ частную собственность, то получаютъ цѣнность, какъ мы видѣли, не отъ самаго этого факта, а лишь отъ недостачи ихъ, то есть отъ ограниченности снабженія ими. Но то достовѣрно, что онѣ часто имѣютъ цѣнность недостачи. Предположимъ водопадъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нужно больше мельницъ, чѣмъ сколько могутъ снабдиться водою; пользованіе этимъ водопадомъ будетъ имѣть цѣнность недостачи, а высота этой цѣнности будетъ такая, чтобы или запросъ понизился до

существующаго снабженія или, чтобы оплачивалось созданіе искуственной силы, — паровой или какой нибудь другой, — равняющейся своимъ дѣйствіемъ силѣ воды.

«Сила природы остается вѣчнымъ имуществомъ и служитъ человѣку лишь продуктами, производимыми постояннымъ ея занятіемъ; потому обыкновенный способъ получать выгоду отъ такой собственности — ежегодная уплата изъ продукта, получаемаго отъ нея лицомъ, пользующимся ею. Эта уплата всегда можетъ называться и обыкновенно называется рентою. Потому вопросъ о вліяніи, какое имѣетъ на цѣнности обращеніе силъ природы въ частную собственность, часто поставляется въ такой формѣ: входитъ ли рента въ стоимость производства? — Лучшіе политико-экономы отвѣчаютъ на него отрицательно. Такія безъ оговорочныя теоремы очень соблазнительны даже для людей, замѣчающихъ ограниченія, съ которыми должны приниматься подобныя выраженія; дѣйствительно, они напечатлѣваютъ общій принципъ въ умѣ тверже, чѣмъ когда бы онъ и въ теоріи огороженъ былъ всѣми исключеніями, являющимися въ практикѣ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ они смущаютъ, ведутъ къ ошибкамъ и производятъ невыгодное для политической экономіи впечатлѣніе, будто бы она пренебрегаетъ очевидными фактами. Нельзя не согласиться, что иногда рента входитъ въ стоимость производства. Если я покупаю или беру въ аренду кусокъ земли и строю на немъ суконную фабрику, рента этой земли дѣйствительно составляетъ часть издержекъ моего производства, издержекъ, которыя долженъ уплатить продуктъ. А всѣ фабрики строятся на землѣ и почти всѣ строятся въ мѣстахъ, гдѣ земля особенно дорога, потому средняя величина ренты за землю должна вознаграждаться въ цѣнностяхъ всѣхъ предметовъ, производимыхъ на фабрикахъ. Но въ какомъ смыслѣ справедлива теорема, что рента не входитъ въ стоимость производства и не имѣетъ вліянія на цѣнность земледѣльческаго продукта, это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.»

Изъ теоремы Мальтуса и теоріи ренты Рикардо мы знаемъ, что каждая прибавка къ земледѣльческому продукту получается по бо̀льшей стоимости производства, чѣмъ прежнія части продукта, стало быть и естественная или необходимая мѣновая цѣнность этой прибавки выше. Но высшая цѣнность сообщается и всѣмъ другимъ частямъ продукта, потому что если необходимо одну четверть пшеницы продавать не ниже цѣнности 5, то нѣтъ препятствія брать также по 5 и за всякую другую четверть пшеницы того же сорта, хотя бы стоимость производства этой другой четверти была меньше. Такимъ образомъ прежнія части продукта, обходящіяся производителю дешевлѣ послѣдней, продаваясь по одной цѣнности съ послѣднею, будутъ давать производителю лишнюю прибыль; эта лишняя прибыль передается подъ именемъ ренты землевладѣльцу силою соперничества между капи-

талистами, снимающими землю. Стало быть рентою не возвышается цѣнность продукта, опредѣляемая стоимостью производства послѣдней его части, не платящей ренты. — То же самое, что съ земледѣльческимъ продуктомъ, бываетъ въ этомъ отношеніи и со всѣми товарами, количество которыхъ можетъ увеличиваться неопредѣленно, но съ возвышеніемъ стоимости производства при каждомъ увеличеніи ихъ количества. Къ этому разряду принадлежатъ всѣ такъ-называемые сырые или непереработанные продукты.

Мы сдѣлали огромную выписку изъ Милля и кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ замѣчаній относительно второстепенныхъ подробностей, ровно ничего не можемъ сказать противъ изложеннаго имъ взгляда. Во всемъ, что мы слышали отъ него, надобно совершенно съ нимъ согласиться. Но все ли мы слышали отъ него, что надобно знать о предметѣ?

Если вы читаете его съ одною только мыслью — провѣрять, справедливо ли все, что онъ говоритъ, вы дойдете до конца его анализа, не замѣтивъ никакихъ ошибокъ въ немъ. Но если вы станете перечитывать тѣ же страницы съ другою, болѣе широкою мыслью, — посмотрѣть, не остается ли пробѣловъ въ этомъ анализѣ, — вы будете шокированы нѣкоторыми выраженіями, прямо выдающими неполноту анализа. Довольно будетъ напомнить одно изъ нихъ. Говоря о товарахъ, цѣнность которыхъ опредѣляется стоимостью производства, онъ замѣчаетъ, что если при производствѣ даннаго количества такого товара, эта естественная его цѣнность не соотвѣтствуетъ уравненію запроса и снабженія, дѣйствующему тутъ черезъ уравненіе прибыли этого производства съ другими производствами, то производство этого товара увеличивается или уменьшается соотвѣтственно уравненію прибыли. Совершенно такъ; но онъ прибавляетъ: „эти измѣненія въ количествѣ производимаго товара не требуютъ, чтобы кто нибудь измѣнялъ свое занятіе. Если дѣло идетъ очень хорошо, производство расширяется черезъ усиленное пользованіе кредитомъ, а если производство идетъ дурно, оно уменьшается черезъ уменьшеніе размѣра операцій и уменьшеніе рабочаго времени.“ Кто же теперь эти люди, изъ которыхъ „никому“ нѣтъ необходимости

измѣнять прежнее занятіе отъ перемѣны въ размѣрѣ производства? Существуетъ суконная фабрика, занимающая 500 работниковъ. Суконное дѣло идетъ очень прибыльно. Нѣтъ необходимости основываться новой фабрикѣ, нѣтъ надобности дѣлаться суконнымъ фабрикантомъ капиталисту, занимавшемуся другимъ дѣломъ. Хозяинъ прежней фабрики расширяетъ ея операціи; производитъ вдвое больше прежняго. Если дѣло идетъ неприбыльно, ему нѣтъ необходимости бросать свое занятіе, — онъ только уменьшаетъ свои операціи, производитъ сукна вдвое меньше. Изъ капиталистовъ дѣйствительно „никому“ нѣтъ необходимости перемѣнять свое занятіе отъ этихъ перемѣнъ. Если мы имѣемъ въ виду только капиталистовъ, Милль говоритъ совершенную правду. Но то ли дѣло съ работниками? Если суконная фабрика вдвое увеличитъ свою фабрикацію, она займетъ 1,000 работниковъ, вмѣсто прежнихъ 500, — прибавочные 500 работниковъ перейдутъ на суконное производство отъ какого нибудь другаго занятія. Если она вдвое сократитъ производство, она займетъ только 250 работниковъ, вмѣсто прежнихъ 500, — остальные 250 должны бросить суконное производство, обратиться къ другому занятію. Стало быть слова Милля къ работникамъ не прилагаются. Его „кто нибудь“ — только капиталисты. А работники у него — „никто.“ Объ нихъ онъ позабылъ. Угодно ли вамъ прямое свидѣтельство, что это такъ? Вотъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько страницъ онъ говоритъ: главный элементъ стоимости производства — трудъ. „Если производителемъ мы станемъ считать капиталиста, дѣлающаго затраты, слово „трудъ“ можно замѣнить словомъ „рабочая плата;“ стоимость продукта производителю — количество рабочей платы, израсходованное имъ на продуктъ.“ — „Если, — если,“ то „да;“ а „если нѣтъ,“ тогда что? Что тогда, это неизвѣстно. Милль забылъ, что его „если“ не имѣетъ безусловнаго значенія; ему не представляется надобности подумать о случаяхъ, къ которымъ не примѣнялось бы это „если.“ Безъ капиталиста нѣтъ производства или по крайней мѣрѣ нѣтъ такого производства, о которомъ стоило бы думать теоріи.

Да, весь анализъ стоимости производства, прочтенный нами,

замѣчаетъ только капиталиста, который для него все, между прочимъ и истинный производитель; работники являются только принадлежностью капиталиста; стоитъ ли смотрѣть на дѣло по отношенію къ нимъ! Разумѣется, не стоитъ, „если“ капиталистъ — „производитель.“

А если нѣтъ? Если нѣтъ, то анализъ стоимости производства не полонъ, не полонъ и анализъ мѣновой цѣнности. Мы видѣли, какъ подробно изслѣдуются у Милля законы этой мѣновой цѣнности: цѣлыя двѣ главы, приведенныя нами, посвящены мануфактурнымъ товарамъ; цѣлая глава, изъ которой мы представили лишь краткое извлеченіе, посвящена земледѣльческому продукту; нашлось мѣсто сказать даже о „древнихъ статуяхъ:“ видно, что очень полное перечисленіе товаровъ, когда не забытъ даже такой маловажный въ экономическомъ отношеніи товаръ. Но какъ же это мы ничего не видѣли о самомъ главномъ товарѣ, — о трудѣ? Неужели о немъ нѣтъ ничего у Милля? Какъ не быть! есть, именно вотъ что. Въ концѣ анализа мѣновой цѣнности товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо и которые прямо подлежатъ уравненію снабженія и запроса, Милль говоритъ: „наконецъ есть товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться или уменьшаться до значительной и даже неопредѣленной степени, но цѣнность которыхъ всегда зависитъ исключительно отъ уравненія запроса и снабженія. Таковъ въ особенности товаръ, называемый трудомъ; о цѣнности его мы подробно говорили въ предыдущей книгѣ.“ Только и всего; далѣе ни слова о немъ. Но вѣдь теорія ренты Рикардо была также подробно изложена въ предыдущей книгѣ, а между тѣмъ нашелъ же Милль нужнымъ посвятить вопросу о рентѣ еще новую главу въ анализѣ мѣновой цѣнности. Почему же не понадобилось этого сдѣлать относительно труда? Ясно почему: анализъ ведется съ точки зрѣнія капиталиста; для капиталиста трудъ только — элементъ стоимости производства; о стоимости производства сказано достаточно, слѣдовательно о трудѣ толковать нечего.

Но если мы вспомнимъ, что трудъ — единственный или важнѣйшій товаръ для огромнаго большинства людей, то вѣроятно

нелишнимъ будетъ взглянуть на мѣновую его цѣнность повнимательнѣе.

Если не сдѣлать кореннаго вопроса объ этомъ странномъ товарѣ, то ничего особеннаго и нельзя будетъ сказать о его мѣновой цѣнности: товаръ — какъ товаръ; подчиненъ уравненію снабженія и запроса, только и всего. Милль правъ, что не распространяется объ этомъ. Но коренной-то вопросъ состоитъ въ томъ: слѣдуетъ ли труду быть товаромъ, слѣдуетъ ли ему имѣть мѣновую цѣнность?

Что такое — товаръ? Или продуктъ человѣка, или предметъ природы, обращенный въ частную собственность; въ томъ и другомъ случаѣ — нѣчто существующее отдѣльно отъ человѣка. А трудъ? что это такое? Тоже нѣчто существующее отдѣльно отъ человѣка? Нѣтъ, онъ больше ничего, какъ часть человѣческаго существа, никакимъ способомъ не могущая существовать отдѣльно отъ человѣка. Продаются перчатки для рукъ, но рука человѣка не продается; продается книга, но мозгъ писателя не бываетъ на рынкѣ. То есть, мы выражаемся неправильно: если писатель обязался за деньги писать все, что ему прикажутъ, то мозгъ его продается. Но вѣдь не говорится же, что этотъ писатель продалъ свой мозгъ, — говорится просто, что онъ продалъ себя. Точно такъ же продаются и руки человѣка: бразильскій португалецъ, покупая негра, покупаетъ собственно только руки этого негра. Итакъ мозгъ и руки человѣка дѣйствительно продаются. только не иначе можно продать или купить ихъ, какъ вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ. Точно такъ же и трудъ: продажа и покупка его — не иное что, какъ продажа и покупка человѣка. Если трудъ — товаръ, то это не можетъ быть иначе, какъ если самъ человѣкъ — товаръ. Слѣдуетъ ли человѣку быть товаромъ, объ этомъ можно думать различно; но политическая экономія утверждаетъ, что не слѣдуетъ. А если такъ, то продажа и покупка труда противорѣчитъ основному требованію господствующей теоріи, и о мѣновой цѣнности труда говоритъ она не тѣмъ тономъ, какимъ говоритъ о мѣновой цѣнности бразильскихъ негровъ лишь потому, что забыла подумать хорошенько объ отношеніи труда къ человѣческому организму, о томъ, что трудъ — не предметъ

отдѣльный отъ человѣка, то есть не такой предметъ, который дозволительно покупать и продавать, не такой предметъ, которому слѣдуетъ имѣть мѣновую цѣнность.

Законами странъ, отвергнувшихъ невольничество, воспрещается человѣку продавать себя. Политическая экономія не находитъ, чтобы этимъ запрещеніемъ стѣснялась свобода человѣка. Напротивъ, оно только ограждаетъ свободу человѣка отъ гибельнаго дѣйствія его опрометчивости. Чѣмъ же отличается покупка труда отъ покупки человѣка, воспрещенной законами этихъ странъ? Только двумя обстоятельствами: вопервыхъ, продолжительностью времени, на которое совершается продажа, вовторыхъ, степенью власти, какую даетъ надъ собою продающійся покупающему. Но очевидно, что то и другое различіе — различіе только количественное, а не качественное, только по степени, а не по основному характеру. И притомъ, прямо такъ называемая покупка человѣка можетъ принимать формы, ни чѣмъ не отличающіяся отъ такъ называемой покупки труда и по этимъ обоимъ отношеніямъ.

Въ странахъ, гдѣ существуетъ невольничество, человѣкъ можетъ продавать себя и не на всю жизнь, а только на извѣстный срокъ, не въ вѣчную, а во временную кабалу. Если работникъ запродаетъ свой трудъ на мѣсяцъ или на недѣлю, то и въ кабалу можетъ онъ поступить только на мѣсяцъ или на недѣлю; договоръ перваго рода недозволителенъ въ образованныхъ государствахъ; зачѣмъ же называть дозволительнымъ договоръ втораго рода? „Но если договоръ о кабалѣ можетъ не отличаться отъ договора о продажѣ труда срокомъ, на который заключается, то очень значительно различіе между ними по размѣру власти, какую даетъ надъ собою продающій себя и продающій только свой трудъ.“ Конечно; кромѣ права требовать отъ невольника исполненія работы, невольничество обыкновенно даетъ господину право судить самому, исполняетъ ли невольникъ свои обязанности, и взыскивать за ихъ неисполненіе. Но это бываетъ только въ грубѣйшей формѣ невольничества. Въ его смягченныхъ формахъ судебная и исполнительная власть господина постепенно уменьшается... Да и въ тѣхъ формахъ, гдѣ господинъ самъ бываетъ судьею и исполнителемъ, эта власть присвоивается ему только какъ второстепенная

принадлежность главнаго права, — права требовать труда, присвоивается лишь для облегченія настоящихъ судей и администраторовъ. Если же они берутъ на себя изъ рукъ господина разборъ его требованій, они, конечно, облегчаютъ положеніе невольника, но съ тѣмъ вмѣстѣ облегчаютъ и господина, который все-таки остается господиномъ. Сущность невольничества не въ этой судебной и административной власти, а собственно въ правѣ на трудъ. Мы вовсе не то говоримъ, что продажа труда равняется грубѣйшей формѣ невольничества; напротивъ, мы хотимъ только сказать, что она представляетъ существенное сходство съ наиболѣе смягченными его формами, представляетъ собой какъ бы очищеніе невольничества отъ грубыхъ его неудобствъ для самого господина, съ сохраненіемъ основной черты его — власти частнаго человѣка надъ экономическими силами другаго человѣка.

Юристъ и администраторъ могутъ интересоваться разницею между покупкою труда и невольничествомъ; но политико-экономъ не долженъ.

Можно спорить о томъ, удобоисполнимо или неудобоисполнимо въ данномъ состояніи общества то или другое требованіе экономической или какой угодно другой науки. Есть политико-экономы, находящіе, что въ нѣкоторыхъ странахъ еще рано желать уничтоженія невольничества даже и въ грубѣйшемъ его видѣ. Подобнымъ образомъ, пожалуй, могутъ другіе политико-экономы находить, что еще ни въ одной изъ передовыхъ странъ не пришла пора заботиться объ уничтоженіи послѣдней формы невольничества, называющейся покупкою труда. Это будетъ вопросъ практики, а съ практической стороны можетъ ловкій діалектикъ очень благовидно защищать интересы, противные общему благу.

Мало ли что бываетъ товаромъ на практикѣ, — бываетъ товаромъ и любовь, бываетъ товаромъ и трудъ. Но теорія должна признавать обѣ эти функціи человѣческаго организма предметами, составляющими неотчуждаемую собственность организма, такими принадлежностями его, власти надъ которыми самъ человѣкъ не долженъ отнимать у себя, въ родѣ того, какъ не можетъ отказываться отъ права имѣть свое мнѣніе или дѣйствовать по собственному

убѣжденію. Умъ или совѣсть, чувства или честность, впечатлительносiь нервовъ, дѣятельность мускуловъ — все это такія вещи, которыя принадлежатъ къ порядку явленій, несовмѣстному съ понятіемъ мѣновой цѣнности. Извѣстное состояніе или обнаруженіе этихъ качествъ или дѣятельностей организма можетъ приносить человѣку и цѣлому обществу экономическую пользу; но по своей натурѣ — это вещи непродажныя, если непродажная вещь самъ человѣкъ.

Коннчно не такъ легко дойти до понятія о непродажности труда, какъ до понятія о непродажности нѣкоторыхъ другихъ функцій человѣческой жизни, какъ напримѣръ совѣсти или чувства. Но эта разница зависитъ лишь отъ особенностей быта, къ которому мы привыкли. Были другія состоянія общества, въ которыхъ дѣло это было ясно каждому. Свободный грекъ или римлянинъ считалъ наниматься въ работу вещью такою же унизительною для себя, какъ теперь считается у насъ поступать мужчинѣ на содержаніе какой нибудь капиталистки. Многіе ошибочно думаютъ, что въ классическомъ мірѣ считался унизительнымъ для свободнаго человѣка самый трудъ. Нѣтъ, считался унизителенъ для него только наемный трудъ. Много разъ мы имѣли случай говорить, что трудность пріобрѣсти извѣстное убѣжденіе при данномъ состояніи общества нимало не свидѣтельствуетъ противъ этого убѣжденія, а свидѣтельствуетъ только о неудовлетворительности быта, въ которомъ трудно для человѣка признать извѣстную истину.

Если же трудъ по своей неотдѣлимости отъ самого человѣка не доженъ быть предметомъ покупки и продажи, то есть не долженъ имѣть мѣновой цѣнности, то окажется недостаточно принимаемое господствующею теоріею основаніе для опредѣленія стоимости производства другихъ товаровъ. Дѣйствительно, мы видѣли, что она слагается изъ мѣновой цѣнности труда, употребленнаго на предметъ, и прибыли на этотъ трудъ. Если одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ, и притомъ важнѣйшій, не долженъ имѣть мѣновой цѣнности, то чѣмъ же опредѣлится стоимость производства? Очевидно, что она должна получить какую нибудь другую норму, и не трудно увидѣть, въ чемъ будетъ состоять эта новая норма.

Мы нашли, что понятіе труда не должно соединяться съ понятіемъ мѣновой цѣнности. Слѣдовательно отъ прежней нормы надобно отбросить понятіе мѣновой цѣнности, и что тогда остается у насъ? Остается только коренное понятіе о количествѣ труда.

Не знаемъ, удалось ли намъ изложить свой взглядъ такъ ясно, чтобы читатель нашелъ излишними дальнѣйшія наши поясненія.

Приписывать труду мѣновую цѣнность — значитъ сравнивать его съ предметами, посторонними для человѣка. Положимъ, напримѣръ, что четверть пшеницы мы оцѣнимъ въ 5 рабочихъ дней, имѣющихъ по 12 часовъ. Это значитъ, что 60 часовъ человѣческаго труда мы ставимъ равными одной четверти пшеницы. Пусть читатель разсудитъ, годится ли ставить знакъ равенства между такими понятіями? Трудъ есть дѣятельность человѣческаго организма, не могущая быть подведена къ одному знаменателю ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ дѣятельности того же организма. Мы всѣ говоримъ, что напримѣръ въ извѣстномъ человѣкѣ влеченіе къ вину сильнѣе заботы о здоровьи, въ другомъ человѣкѣ эти двѣ силы уравновѣшиваются, въ третьемъ забота о здоровьи сильнѣе. Что жь, подобныя выраженія правильны; тутъ сравниваются предметы одной и той же сферы понятій или явленій. Точно такъ же можно сравнивать между собою всякія другія наклонности или влеченія, мотивы дѣйствій человѣка. Но вѣдь не сравниваемъ же мы пудъ съ саженью или свѣтъ съ звукомъ; не говоримъ же мы, что два дюйма равны или не равны данному золотнику, а звукъ фортепьянъ сильнѣе или слабѣе свѣта стеариновой свѣчи.

Точно такъ же можно сравнивать между собою продукты труда; но нельзя сравнивать ихъ съ трудомъ: это — предметы несоизмѣримые. Положимъ, что трудъ превращается въ продуктъ, но все-таки сравнивать ихъ другъ съ другомъ точно такъ же не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ звукъ фортепьянъ сравнивать съ деревомъ и желѣзомъ, изъ которыхъ возникаетъ этотъ звукъ. Конечно, чѣмъ больше труда, тѣмъ больше продукта; конечно, чѣмъ лучше трудъ, тѣмъ лучше и продуктъ. Но точно такъ же, чѣмъ толще струна, тѣмъ сильнѣе звукъ, чѣмъ лучше металлъ и дерево, тѣмъ лучше звукъ. Мало ли какой предметъ превращается въ какой другой предметъ или какое явленіе въ другое явленіе,

но не смотря на происхожденіе одного изъ другаго, все-таки нельзя же ихъ сравнивать, если они совершенно разнородны.

Но если такъ, если трудъ и продуктъ — величины несоизмѣримыя, то какое же основаніе можетъ быть найдено для экономическаго разсчета? — Надобно только вникнуть въ способъ, которымъ создается самое понятіе мѣновой цѣнности продукта, чтобы замѣтить это основаніе.

Мы замѣтили, что предметы совершенно разнородные не могутъ быть сравниваемы между собою. Какимъ же образомъ подводятся подъ одну норму мѣновой цѣнности сукно и хлѣбъ, дрова и картина? Мы знаемъ, что пропорція цѣнности ихъ дается уравненіемъ снабженія и запроса, или прямо, или косвенно, черезъ стоимость производства. Теперь, что же такое запросъ, и что такое снабженіе? Запросъ — это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ пріобрѣтенію предмета; снабженіе — это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ производству предмета. Такимъ образомъ все сводится къ одному общему знаменателю — къ энергіи человѣческихъ побужденій. Вотъ мы и нашли коренную норму всякаго экономическаго разсчета; она заключается въ человѣческихъ побужденіяхъ, наклонностяхъ и потребностяхъ. Сообразно этому анализу, уравненіе запроса и снабженія обозначаетъ ни больше, ни меньше, какъ тотъ фактъ, что сила побужденій къ производству предмета бываетъ соразмѣрна силѣ побужденій къ пользованію предметомъ. Чѣмъ сильнѣе у человѣка надобность въ продуктѣ или влеченіе къ нему, тѣмъ сильнѣе человѣкъ и обращается къ производству его. Только и всего. А этотъ фактъ извѣстенъ каждому изъ ежедневнаго житейскаго опыта.

„Только-то!“ — скажутъ въ первую минуту рутинные политико-экономы: „стоило же толковать такъ долго, чтобы придти къ такому выводу! Да вѣдь ваше открытіе написано бываетъ въ первыхъ строкахъ каждаго курса нашей школы. Мы сами съ того и начинаемъ, что основная пружина и коренная норма всѣхъ экономическихъ явленій заключается въ потребностяхъ человѣка. Нечего сказать, сдѣлали вы открытіе.“ — Точно такъ; каждый курсъ политической экономіи начинается съ этой истины. Жаль только, что она въ рутинныхъ курсахъ не проникаетъ

дальше перваго параграфа. Наше дѣло только въ томъ и состоитъ, что мы не забываемъ этого основнаго принципа, и стараемся возводить къ нему каждый вопросъ, между тѣмъ какъ рутинная школа совершенно забываетъ о немъ, замѣняя его по каждому частному вопросу какою нибудь рутинною иллюзіею.

„Но позвольте однако," говорятъ черезъ нѣсколько времени рутинные политико-экономы: „мы обманулись на первый взглядъ, подумавъ, будто ничего важнаго не слѣдуетъ изъ вашихъ разсужденій о человѣческихъ потребностяхъ, по поводу вопроса о мѣновой цѣнности. Нѣтъ, слѣдуетъ изъ этого, что вы хотите отрицать мѣновую цѣнность. Какъ же это можно! Вѣдь отъ этого вся наука рушится!" — Отрицать мѣновую цѣнность не мы хотимъ, а хочетъ тотъ самый принципъ, который провозглашаютъ основнымъ началомъ политической экономіи сами послѣдователи рутинной школы. Наука отъ этого не разрушается, а только исправляются тѣ погрѣшности въ ней, которыя произошли отъ забвенія объ основной идеѣ при разборѣ частнаго вопроса. А „какъ это можно," то есть какъ можно исправить эти погрѣшности, — мы сейчасъ увидимъ.

Черезъ подведеніе частнаго вопроса о мѣновой цѣнности подъ основную идею всей экономической науки, понятіе мѣновой цѣнности превращается въ понятіе внутренней цѣнности. Дѣйствительно, измѣреніе цѣнности потребностями человѣка даетъ норму уже вовсе не мѣновой, а внутренней цѣнности. Мы видимъ, что по сущности дѣла мѣновая цѣнность должна совпадать съ внутреннею, и отклоняется отъ нея только вслѣдствіе ошибочнаго признанія труда за товаръ, которымъ труду никакъ не слѣдуетъ быть. Поэтому возможность отличать мѣновую цѣнность отъ внутренней свидѣтельствуетъ только объ экономической неудовлетворительности быта, въ которомъ существуетъ разность между ними. Теорія должна смотрѣть на раздѣльность мѣновой цѣности отъ внутренней точно такъ же, какъ смотритъ на невольничество, монополію, протекціонизмъ. Она можетъ и должна изучать эти явленія со всевозможною подробностью, но не дожна забывать, что она тутъ описываетъ уклоненія отъ естественнаго порядка. Она можетъ находить, что устраненіе того или другаго этихъ феноменовъ

экономической жизни потребуетъ очень долгаго времени и очень значительныхъ усилій; но какъ бы далекъ ни представлялся ей срокъ излеченія той или другой экономической болѣзни, не должна же она не представлять, каково должно быть здоровое положеніе вещей.

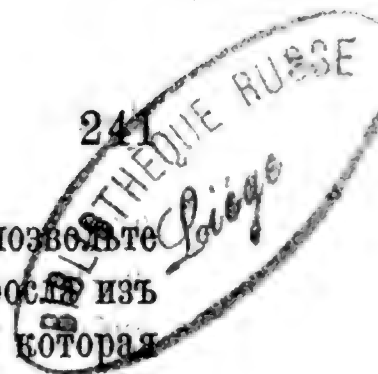
Точно такъ и мы говоримъ объ отдѣленіи мѣновой цѣнности отъ внутренней, какъ о феноменѣ болѣзненномъ, отвергаемомъ теоріею. Легко ли и скоро ли вполнѣ избавится отъ него дѣйствительная жизнь, — это другой вопросъ. Но если кто нибудь говоритъ, что, напримѣръ, чесотка — такая болѣзнь, которая собственно не должна была бы существовать, которая неизбѣжно исчезнетъ при извѣстныхъ благопріятныхъ перемѣнахъ въ бытѣ сословій, нынѣ подвергающихся ей, слѣдуетъ ли порицать его за непрактичность? А впрочемъ, судите какъ хотите о практичности или непрактичности его мыслей, но что жь ему дѣлать съ своими мыслями, когда онѣ кажутся ему справедливыми? Неужели скрывать ихъ изъ опасенія показаться утопистомъ?

Скоро ли могутъ произойти въ бытѣ и привычкахъ какой нибудь націи такія перемѣны, послѣ которыхъ трудъ перестанетъ быть товаромъ и мѣновая цѣнность совпадаетъ съ внутреннею, — это вопросъ о будущемъ, исторію котораго съ обозначеніемъ годовъ мы не беремся разсказывать. Мы видимъ, что прогрессъ ведетъ къ уничтоженію невольничества; что въ передовыхъ странахъ онъ уже давно устранилъ грубѣйшія его формы и постепенно устраняетъ остатки его, продолжающіе существовать въ смягченныхъ формахъ. Самъ человѣкъ перестала быть товаромъ въ нѣкоторыхъ странахъ; понемногу перестаетъ быть имъ и въ другихъ; надобно думать, что со временемъ перестанетъ быть товаромъ и трудъ.

Надобно ли говорить о томъ, какое вліяніе на экономическую жизнь окажетъ сліяніе мѣновой цѣнности съ внутреннею, — сліяніе, которое возникнетъ изъ того, что трудъ перестанетъ быть товаромъ? Мы видѣли, какимъ запутаннымъ способомъ установляется мѣновая цѣнность при своей отдѣльности отъ внутренней. Дѣйствіе человѣческихъ потребностей организма тутъ затемняется и спутывается многосложностью формъ, чрезъ которыя идетъ

къ своему результату, такъ что не только жизнь, но и сама теорія теряетъ изъ виду эту первоначальную силу, прячущуюся и искажающуюся въ денежныхъ цѣнахъ съ ихъ колебаніями. Если же дѣло упрощается чрезъ его подведеніе подъ законъ внутренней цѣнности, то есть прямо подъ разсчетъ человѣческихъ потребностей, то гораздо легче становится различать въ экономической жизни нужное отъ ненужнаго, убыточное отъ выгоднаго, или, что то же самое — глупое отъ умнаго, безразсудное отъ разсудительнаго.

Беремъ въ примѣръ хотя бы городъ Парижъ. Въ немъ въ 1859 году было 1,500,129, — положимъ, 1,500,000 жителей. Предположимъ, что у каждаго изъ нихъ есть желудокъ, требующій пищи (можетъ быть это предположеніе ошибочно, но мы и не выдаемъ его за фактъ, а приводимъ только какъ гипотезу). Предположимъ, что изъ этихъ 1,500,000 человѣкъ у 1 милліона потребность желудка въ пищѣ удовлетворяется плохо. Прекрасно (то есть очень дурно), что же дѣлаютъ эти милліонъ человѣкъ? Они очень усердно работаютъ. Надъ чѣмъ же это они работаютъ? — Они дѣлаютъ фортепьяны, бронзовыя вещи, духи, помаду и т. д. и т. д. Умно или нѣтъ употребляютъ они свои силы? Начинаете вы разбирать дѣло по механизму мѣновой цѣнности въ ея отдѣльности отъ внутренней, — и начинаетъ мелькать передъ вашими глазами такой безконечный рядъ продажъ и покупокъ (изъ которыхъ каждая очень выгодна сама по себѣ), что вы считаете, пока достаетъ у васъ охоты, и все-таки до конца не досчитываетесь, и въ утомленіи восклицаете: „должно быть, что все это очень умно и выгодно!“ Не можете досчитаться ни до чего яснаго вы, человѣкъ начитанный, можетъ быть ученый, — гдѣ же тутъ досчитаться до настоящаго баланса этимъ бѣднякамъ-парижанамъ? Вообразите себѣ, вотъ этотъ парижанинъ работаетъ у знаменитаго Эрара; за свою работу получаетъ онъ деньги. Эраръ отправляетъ ройяль въ Казань; изъ Казани за него отправляется сало въ Лондонъ; изъ Лондона стеариновыя свѣчи идутъ въ Шеффильдъ, гдѣ покупаются за нихъ бритвы; бритвы эти ѣдутъ въ Нью-Йоркъ; изъ Нью-Йорка идетъ за нихъ хлопчатая бумага въ Ливерпуль и т. д. и т. д., —

и каждая сдѣлка выгодна. Восторгъ, восторгъ! Только позвольте васъ спросить, что же наконецъ, какимъ образомъ выросла изъ работы эрарова работника та говядина или пшеница, которая нужна ему? и выросла ли она изъ его работы? Конечно, говорите вы; потому что онъ не остается безъ пищи. Слѣдовательно, такъ или иначе, его работа надъ ройялемъ произрастила пшеницу. Можетъ быть по вашей догадкѣ такъ и выходитъ (вѣдь вы только догадываетесь, вы не прослѣдили до конца, вы не можете прослѣдить до конца рядъ обмѣновъ, начинающихся этимъ ройялемъ, вы не знаете, какъ обратился этотъ ройяль въ пшеницу, вамъ только угодно предполагать, что онъ обратился въ нее); а если вы, оставивъ восхищеніе рядомъ обмѣновъ, прослѣдить котораго вы не можете по его запутанности, который быть можетъ и обманываетъ васъ, — если вы потрудитесь обратиться отъ этого механизма обмѣновъ къ простой сущности дѣла, то найдете ли вы правдоподобнымъ, что изъ Эрарова рояля выростаетъ пшеница? Если этотъ рояль сжечь и обратить его пепелъ на удобреніе, то безъ сомнѣнія изъ него выростетъ пшеница; кромѣ этого способа я не вижу другихъ способовъ сдѣлать этотъ рояль полезнымъ для желудка.

„Софизмы наглаго невѣжества!" воскликнетъ рутинный политико-экономъ: „работникъ, сдѣлавшій фортепьяно, произвелъ своимъ трудомъ пшеницу, потому что не остается же онъ безъ пищи." — Вотъ въ томъ-то и дѣло, что вовсе не произвелъ: пшеница, которую онъ потребляетъ, просто взята у другаго для отдачи ему: количество хлѣба, произведенное однимъ, дѣлится на двухъ, — вотъ почему не достаетъ продовольствія ни тому, ни другому, вотъ почему плохъ столъ и у парижскаго работника, дѣлающаго рояль, и у нормандскаго землепашца, который кормитъ этого работника. — „Нѣтъ, это не такъ," продолжаетъ рутинный политико-экономъ: „у нѣкоторыхъ лицъ есть излишекъ хлѣба; эти лица покупаютъ рояли, то есть отдаютъ часть своего хлѣба работникамъ, дѣлающимъ рояли; кто покупаетъ рояль, тотъ не терпитъ нужды въ продовольствіи, онъ не отнимаетъ у себя нужнаго хлѣба; прокормленіе Эрарова работника берется изъ излишка хлѣба." —Пусть берется онъ изъ излишка другихъ;

пусть покупщикъ рояля не терпитъ нужды въ продовольствіи; но Эраровъ работникъ терпитъ ее; стало быть, если не для чьего нибудь другаго, то для его собственнаго продовольствія невыгодно то, что онъ получаетъ отъ другихъ, а не самъ производитъ его. Если извѣстное дѣло не даетъ хорошаго прокормленія, то выгодное ли это дѣло? Бродя по безконечной цѣпи обмѣновъ, вы теряетесь въ многосложной путаницѣ ихъ; но приведите вопросъ къ простѣйшему виду, къ тому факту, что у Эрарова работника плохое продовольствіе, и вы сознаетесь, что этому работнику слѣдовало бы заботиться о производствѣ хлѣба, въ которомъ нуждается, а не о производствѣ роялей, которые ему ненужны и которыми онъ не пользуется. Рутинные политико-экономы любятъ твердить афоризмы въ родѣ слѣдующихъ: laissez faire, laissez passer, „свобода дѣятельности,“ — chacun chez soi, chacun pour soi, „каждый заботься о самомъ себѣ“ и т. д., въ этомъ родѣ; они воображаютъ, что этими афоризмами очень крѣпко защищается ихъ система. Напротивъ, стоитъ только покрѣпче взяться за любой изъ такихъ афоризмовъ, и окажется, что каждымъ изъ нихъ разбивается система, въ защиту которой онъ придуманъ. Объ афоризмѣ: laissez faire, laissez passer мы поговоримъ съ этой стороны когда нибудь въ другой разъ, а теперь возьмемся за афоризмъ: chacun chez soi, chacun pour soi. Точный смыслъ его въ устахъ рутинныхъ политико-экономовъ; „каждый пусть будетъ полнымъ хозяиномъ въ своихъ дѣлахъ, каждый пусть работаетъ на себя.“ Что жь, по нашему мнѣнію, это превосходный постулятъ, мы принимаемъ его вполнѣ, — только принимаемъ уже на самомъ дѣлѣ, уже серьезно, чтобъ онъ былъ не пустымъ звукомъ, произносимымъ и забываемымъ по произволу, а прочнымъ критеріумомъ экономическихъ дѣлъ. — „Каждый пусть будетъ полнымъ хозяиномъ въ своихъ дѣлахъ,“ chacun chez soi, — ну вотъ этого мы именно и добиваемся: каждый пусть будетъ хозяиномъ; а наемный работникъ какой же хозяинъ? — „Каждый пусть работаетъ на себя,“ chacun pour soi, — отлично, какъ разъ идетъ къ предмету нынѣшней нашей рѣчи. Да, пусть каждый работаетъ на себя. Стало быть, кому нуженъ рояль, тотъ пусть самъ и дѣлаетъ рояль. Разумѣется,

люди сходнаго положенія, съ одинаковыми надобностями, могутъ обмѣниваться своими однородными продуктами: мнѣ нуженъ рояль, нужна коляска, нужны золотые часы; вамъ тоже нужны всѣ эти предметы; нашему съ вами пріятелю г. Пѣночкину также нужны всѣ эти вещи; что жь, сообразно принципу раздѣленія труда, мы можемъ заняться каждый однимъ дѣломъ; я буду дѣлать рояли, вы коляски, г. Пѣночкинъ золотые часы, и каждый изъ насъ посредствомъ обмѣна будетъ снабжать своимъ продуктомъ двухъ остальныхъ. Наши продукты и потребности однородны. Но въ какой обмѣнъ мы, порядочные люди, изящныхъ потребностей, вступимъ съ Пантелеями, Сидорами, Прокофьями, Кондратьями? Какую компанію намъ могутъ составлять эти необтесанные мужики? Прилично ли красоваться золотымъ часамъ на зипунѣ Захара? Какую фигуру представила бы разъѣзжающая въ коляскѣ Матрена, законная супружница Макара? Не смѣшна ли была бы за роялемъ Дементьева дочь Ульяна? Не къ лицу имъ наши съ вами прекрасныя занятія и милыя вещи. Да онѣ и не нужны имъ. Чѣмъ же мы будемъ съ ними обмѣниваться? Наши продукты ненужны имъ. Они — грубые обжоры, все думаютъ о ѣдѣ (и какое количество ржанаго хлѣба можетъ поглотить каждый изъ нихъ, если станетъ ѣсть до сыта, — это ужасно! Мы всѣ втроемъ: я, вы и г. Пѣночкинъ — не можемъ скушать столько, сколько съѣстъ одинъ Потапъ), — все только и думаютъ о ѣдѣ. Я, какъ порядочный человѣкъ, съ надлежащимъ презрѣніемъ къ нимъ восклицаю: „chacun pour soi!" — я, порядочный человѣкъ, буду дѣлать для себя и для васъ, порядочныхъ людей, рояли и не стану ничего брать у этихъ людей, не давая имъ ничего изъ своихъ прекрасныхъ продуктовъ. Пусть обходятся безъ меня, какъ знаютъ, а мнѣ, порядочному человѣку, стыдно и думать, что я могу нуждаться въ нихъ. Такъ ли?

Если мѣновая цѣнность должна совпадать съ внутреннею, а внутренняя цѣнность измѣряется потребностями человѣка, то нетрудно дойти до слѣдующихъ выводовъ:

Соразмѣряться между собою прямымъ образомъ могутъ только потребности однородныя, — напримѣръ, разные виды потребно-

стей, относящихся къ физическому благосостоянію организма. Потому должны имѣть мѣновую цѣнность относительно другъ друга предметы первой необходимости. Но не должны быть сравниваемы прямо между собою потребности совершенно разнородныя. Напримѣръ, какъ вы станете опредѣлять отношеніе между потребностью ѣды и потребностью чтенія, или между потребностями въ обуви и въ музыкѣ? Потому и продукты, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ, прямо не должны имѣть мѣновой цѣнности относительно другъ-друга. Во сколько разъ меньше или больше, чѣмъ сапоги, нужна человѣку скрипка? Во сколько разъ меньше или больше, чѣмъ жилище, нужна ему бронза? Это вещи несоизмѣримыя прямымъ образомъ.

Итакъ, вопервыхъ, является у насъ по вопросу о цѣнности классификація потребностей; съ экономической точки зрѣнія, онѣ дѣлятся на потребности матеріальнаго благосостоянія, потребности умственной дѣятельности и эстетическаго наслажденія. Каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ потребностей имѣетъ свои особенныя свойства, особеннымъ образомъ видоизмѣняющія норму для оцѣнки предметовъ, удовлетворяющихъ имъ.

Потребности эстетическаго наслажденія никакъ не могутъ уже и сами по себѣ идти въ сравненіе съ потребностями матеріальнаго благосостоянія. Наслаждаться чѣмъ нибудь изящнымъ удобно человѣку лишь тогда, когда его матеріальныя потребности удовлетворены. Выражаясь быть можетъ слишкомъ сурово, но совершенно вѣрно, надобно сказать, что эстетическое наслажденіе годится собственно лишь на то время, котораго уже ни на что другое не способенъ человѣкъ употребить или по отсутствію всякихъ надобностей, или по истощенію силъ предшествующимъ трудомъ; оно всегда бываетъ или отдыхомъ, или праздностью. Но отдыхъ и праздность, конечно, не должны имѣть мѣновой цѣнности. Потому не слѣдуетъ имѣть ея и предметамъ эстетическаго наслажденія. Разумѣется, мы очень хорошо знаемъ, что опи имѣютъ ее теперь: за входъ въ театръ собирается плата, картина или статуя продается. Но мы говоримъ, что этимъ оскорбляется самая природа подобныхъ вещей. Красота и изящество не должны имѣть никакой цѣны, — если эта фраза покажется вамъ жестка

для этихъ уважаемыхъ вами предметовъ, можете выразить тотъ же принципъ самымъ лестнымъ для нихъ образомъ: они безцѣнны или неоцѣненны. Ставьте ихъ несравненно ниже или несравненно выше предметовъ нужныхъ для физическаго благосостоянія, это какъ вы хотите; но сравненія между ними нѣтъ никакого. Точно то же вы должны будете сказать, если отъ потребностей, которымъ они удовлетворяютъ, вы обратитесь къ способу ихъ происхожденія. Одни изъ нихъ производятся самою природою, безъ человѣческаго усилія, какъ, напримѣръ, красота природы и человѣческая красота. Для произведенія другихъ нужна спеціальная, преднамѣренная дѣятельность человѣка; таковы танцы, драматическія представленія, картины; но дѣятельность, ихъ производящая, не можетъ быть названа трудомъ въ экономическомъ смыслѣ слова: она сама по себѣ уже составляетъ наслажденіе для занимающагося ею; она принадлежитъ къ тому разряду дѣятельностей, къ которому принадлежитъ приниманіе пищи или любовь. Вознагражденія за такія дѣятельности не должно состоять въ чемъ нибудь внѣшнемъ. онѣ по своей сущности отвергаютъ всякую идею о вознагражденіи. Кто декламируетъ или играетъ на скрипкѣ, самъ наслаждается своею декламаціею или игрою, — которая по настоящему и хороша бываетъ, которая по настоящему и для другихъ можетъ служить источникомъ наслажденія лишь тогда, когда служитъ наслажденіемъ для декламирующаго или играющаго *). Потому дѣятельность, производящая предметы эстетическаго наслажденія, не должна имѣть никакого другаго вознагражденія, кромѣ удовольствія, чувствуемаго занимающимся ею человѣкомъ. О мѣновой цѣнности не должно быть тутъ никакого помина и съ этой стороны.

Точно также не должна имѣть мѣновой цѣнности и та умственная дѣятельность, которая имѣетъ своимъ результатомъ развитіе самого человѣка, ею занимающагося, а источникомъ своимъ имѣетъ потребность узнать истину. Сюда принадлежитъ, вопервыхъ, всякая ученая дѣятельность; вовторыхъ. дѣятельность учащагося. Учащійся долженъ по настоящему учиться только изъ желанія

*) Если вы замѣчаете, что актеръ играетъ не по влеченію натуры, а только по найму, его игра уже отвратительна для васъ.

выучиться, изъ потребности знанія. Точно такъ же ученый долженъ заниматься наукою только изъ желанія овладѣть ею или двинуть ее впередъ. Самая успѣшность въ томъ и другомъ случаѣ бываетъ соразмѣрна преобладанію этой, такъ сказать, само-наслаждающейся любви къ дѣлу надъ всякими другими разсчетами.

Но есть умственная дѣятельность другаго рода, составляющая не самонаслажденіе, а жертву для занимающагося ею. Это дѣятельность педагогическая. Конечно, воспитатель или учитель бываетъ хорошъ лишь тогда, когда занимается своимъ дѣломъ усердно, добросовѣстно; а для этого нужна и нѣкоторая привязанность къ дѣлу. Но и по своему внутреннему характеру, и по своему отношенію къ другимъ чувствамъ этого человѣка, такая привязанность ничѣмъ не отличается отъ привязанности всякаго порядочнаго работника, плотника или ткача къ ремеслу: вѣдь и каменьщикъ долженъ любить свое дѣло, заниматься имъ усердно и добросовѣстно. Эта привязанность — просто привязанность честнаго человѣка къ исполненію принятаго на себя долга. Она возникаетъ только изъ нежеланія быть обманьщикомъ и сознанія о полезности даннаго дѣла. Это — далеко еще не такое чувство, какъ органическая потребность заниматься именно извѣстнымъ предметомъ, — потребность, которая создаетъ и живописца, и актера, и ученаго, — не такая потребность, которая принадлежитъ къ дѣятельностямъ, противоположнымъ понятію внѣшняго вознагражденія. Педагогъ — такой же чернорабочій, какъ землекопъ или портной. Его трудъ долженъ имѣть экономическую цѣнность.

Но лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ эта экономическая цѣнность педагогическаго труда можетъ прямо соразмѣряться съ цѣнностью труда, производящаго внѣшніе предметы. Это надобно сказать о ремесленномъ или вообще техническомъ обученіи. Обученіе плотничеству приноситъ лишь ту пользу, что дѣлаетъ человѣка способнымъ успѣшнѣе производить внѣшніе предметы, цѣнностью которыхъ можетъ опредѣлиться цѣнность обученія. Но совершенно иное дѣло — то воспитаніе или обученіе, которое развиваетъ умственныя или нравственныя достоинства человѣка, окончательный продуктъ котораго не предметъ, посто-

ронній человѣку, а самъ человѣкъ. Этимъ дѣломъ удовлетворяются надобности совершенно инаго рода, чѣмъ надобность въ домахъ или стульяхъ, въ сапогахъ или рубашкахъ. Прямой соразмѣрности нельзя тутъ найдти, и педагогическій трудъ общаго нравственнаго или научнаго воспитанія не можетъ быть оцѣненъ сравнительно съ трудомъ, производящимъ внѣшніе предметы.

Что касается этого труда, разныя отрасли его имѣютъ общую норму, потому что предметы, имъ производимые, имѣя одно общее назначеніе, находятъ мѣру своей цѣнности въ томъ, насколько каждый изъ нихъ нуженъ для этого общаго результата. Въ предъидущихъ статьяхъ мы уже имѣли случай разсматривать классификацію этихъ предметовъ и потребностей. Мы говорили о предметахъ первой необходимости, предметахъ комфорта и предметахъ роскоши; мы говорили о потребностяхъ основательныхъ и неосновательныхъ при данномъ положеніи дѣлъ, о производствѣ выгодномъ и производствѣ убыточномъ.

Необходимость безконечно сильнѣе комфорта, а роскошь ничтожна предъ комфортомъ. Если у человѣка нѣтъ сапогъ, перчатки безполезны ему; если у человѣка нѣтъ перчатокъ, ему безполезны перстни, — наше выраженіе соотвѣтствуетъ господствующей терминологіи, основанной на понятіи обмѣна, а не на понятіи потребленія или пользованія; по ней слѣдуетъ сказать такъ: если человѣкъ, имѣющій перстни, не имѣетъ перчатокъ, разсудительность требуетъ, чтобы онъ продалъ перстень для покупки перчатокъ; если онъ, не имѣя сапогъ, имѣетъ перчатки, ему слѣдуетъ продать перчатки, чтобы купить сапоги. Но господствующая терминологія въ этомъ случаѣ не удовлетворяетъ двумъ кореннымъ пріемамъ метода политической экономіи. Первый изъ этихъ пріемовъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать не готовый, неподвижный фактъ, а силы, производящія этотъ фактъ; разсматривать продукты не какъ произведенные, а какъ производимые, (оно дѣйствительно такъ и слѣдуетъ, потому что масса существующихъ продуктовъ всегда незначительна передъ массою продуктовъ, требуемыхъ постояннымъ потребленіемъ общества: земледѣльческій продуктъ производится только на одинъ годъ, запасъ другихъ продуктовъ еще меньше въ обществѣ.)

Другой коренной пріемъ науки состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать каждое данное положеніе экономическихъ силъ или фактовъ какъ самостоятельное цѣлое, не спутывая его съ посторонними дѣлу феноменами. Сообразно этимъ пріемамъ, должны мы взять отдѣльнаго человѣка или цѣлое общество какъ самостоятельную единицу, производящую предметы своего потребленія. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ три предмета: сапоги (предметъ необходимости), перчатки (предметъ комфорта) и перстни (предметъ роскоши). Разсматривая вопросъ о нихъ по изложеннымъ нами пріемамъ, мы такъ и должны будемъ сказать, какъ выразились въ самомъ началѣ: пока нѣтъ сапоговъ, безполезны перчатки; пока нѣтъ перчатокъ, безполезны перстни, или: не имѣя сапогъ, нельзя заниматься производствомъ перчатокъ, не имѣя перчатокъ, нельзя заниматься производствомъ перстней. А что безполезно, то не имѣетъ цѣнности.

Такимъ образомъ мы видимъ слѣдующее отношеніе между предметами необходимости, комфорта и роскоши: пока нѣтъ достаточнаго количества предметовъ необходимости, не должны имѣть никакой цѣнности предметы комфорта; когда нѣтъ достаточнаго количества предметовъ комфорта, не должны имѣть никакой цѣнности предметы роскоши.

Теперь: по какой же нормѣ должно устанавливаться отношеніе между цѣнностью предметовъ необходимости и предметовъ комфорта или роскоши? — Увидѣть это очень просто.

Предположимъ, какъ уже нѣсколько разъ предполагали въ предъидущихъ статьяхъ, семейство, состоящее, напримѣръ, изъ 20 человѣкъ, сумма труда которыхъ равна труду 10 работниковъ. Полагая въ годъ по 300 рабочихъ дней, мы будемъ имѣть 3,000 рабочихъ дней. Предположимъ, что всѣ предметы необходимости подведены подъ слѣдующіе четыре рязряда:

1) Пища, переведенная въ счетъ на пшеницу; пшеницы нужно семейству въ годъ 60 четвертей; это количество производится трудомъ 1,500 рабочихъ дней.

2) Одежда, переведенная въ счетъ на аршины сукна; его нужно въ годъ 100 аршинъ; они добываются трудомъ 500 дней.

3) Топливо, въ кубическихъ саженяхъ дровъ; нужно 10 саженей, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

4) Жилище съ принадлежностями, переведенное на счетъ тысячъ кирпича; нужно въ годъ 5 тысячъ, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

Всѣ 3,000 дней идутъ на эти предметы необходимости; предметовъ комфорта некогда производить; они не имѣютъ никакой цѣнности, потому что не существуютъ. Угодно ли вамъ знать цѣнность предметовъ необходимости? Вы видите сами, какъ она опредѣляется:

Четверть пшеницы стоитъ	(1,500 : 60) =	25	раб.	дней.
Аршинъ сукна	(500 : 100) =	5	—	—
Кубическая сажень дровъ	(500 : 10) =	50	—	—
Тысяса кирпича	(500 : 5) =	100	—	—

Предположимъ теперь, что, благодаря усовершенствованiямъ, предметы необходимости стали производиться количествомъ труда, меньшимъ прежняго на одну пятую долю. Изъ 3000 рабочихъ дней, на эти предметы стало нужно только 2,400; остальные 600 дней могутъ (и почему же теперь не должны?) употребляться на предметы комфорта. Подведемъ ихъ для краткости подъ одинъ разрядъ хорошей мёбели, переложенной въ счетъ диваномъ, положимъ, что диванъ производится 60 днями работы; счетъ цѣнностей будетъ:

Четверть пшеницы	20
Аршинъ сукна	4
Куб. саж. дровъ	40
Тысяча кирпича	80
Диванъ	60

Предположимъ новыя усовершенствованiя, уменьшившiя трудъ производства еще на четвертую долю этого количества; остается опять 600 свободныхъ рабочихъ дней. На что употребить ихъ? Достаточно ли было прежнее количество предметовъ комфорта? Положимъ, что нѣтъ, что вмѣсто 10 дивановъ нужно было для полнаго удобства 20 дивановъ. Тогда мы будемъ имѣть:

	Нужное количество.	Цѣнность.	Итого.
Пшеница. . . .	60	15	900
Сукно.	100	3	300
Дрова	10	30	300
Кирпичъ. . . .	5	60	300
Диваны	20	45	900
		Итого . .	2,700

Остается 300 свободныхъ дней. Ихъ можно употребить на предметы роскоши, которые всѣ сведемъ къ счету на бархатъ. Аршинъ бархату производится въ 5 рабочихъ дней; его цѣнность 5.

„Послушайте, однако, вѣдь вы не говорите ровно ничего новаго,“ замѣчаютъ рутинные политико-экономы: „по нашей теоріи цѣнность точно также опредѣляется стоимостью производства.“ — Тѣмъ лучше, если такъ. Разница дѣйствительно заключается только въ одномъ обстоятельствѣ: какіе предметы служатъ регуляторами общаго количества цѣнности, принадлежащей всему производимому количеству предметовъ каждаго разряда. Разница только въ количествѣ, въ какомъ производятся предметы того или другаго разряда, какъ распредѣляются рабочія силы. У насъ послѣдній счетъ выходилъ, напримѣръ, такъ (А):

Пшеница . .	900	=	60 четв. . .	по	15
Сукно	300	=	100 арш. . .	—	3
Дрова. . . .	300	=	10 куб. саж.	—	30
Кирпичъ . .	300	=	25 тыс . . .	—	12
Диваны . . .	900	=	20 штукъ. .	—	45
Бархатъ. . .	300	=	60 арш. . .	—	5
	3,000				

А вмѣсто этого, при точно такомъ же состояніи производительныхъ искусствъ, иначе сказать, при той же стоимости производства суммы цѣнностей могутъ являться совершенно иныя; напримѣръ (В):

Пшеница . .	720	=	48	четв. . .	по	15
Сукно	240	=	80	арш. . .	—	3
Дрова	240	=	8	куб. саж.	—	30
Кирпичъ. . .	240	=	20	тыс . . .	—	12
Диваны . . .	900	=	20	штукъ. .	—	45
Бархатъ. . .	760	=	125	арш. . .	—	5
	3,000					

Общество В по своему экономическому быту очень различно отъ общества А, хотя и цѣнности товаровъ и стоимость ихъ производства въ обоихъ обществахъ одинаковы. Разница зависитъ не отъ количества населенія, и не отъ состоянія техническихъ искусствъ, — эти элементы также одинаковы по нашему предположенію объ одинакомъ состояніи производительныхъ силъ, — нѣтъ, разница происходитъ отъ неодинаковаго распредѣленія производительныхъ силъ между разными занятіями.

Чѣмъ же опредѣляется то или другое распредѣленіе силъ между разными занятіями? — При системѣ производства, основанной прямо на потребностяхъ производителя, или при производствѣ для личнаго потребленія, этотъ элементъ, конечно, опредѣляется прямо потребностями производителя. При системѣ производства, основанной на обмѣнѣ, или при производствѣ на продажу, распредѣленіе производительныхъ силъ между разными занятіями — опредѣляется распредѣленіемъ покупательной силы въ обществѣ. — Слѣдующая статья наша будетъ разсматривать свойства покупательной силы при нынѣшнемъ устройствѣ общества. А теперь скажемъ нѣсколько словъ о свойствахъ той системы производства, которая основывалась бы прямо на потребностяхъ производителя.

Вопервыхъ, безспорное дѣло то, что при непосредственной связи между двумя элементами они опредѣляются другъ другомъ гораздо точнѣе, чѣмъ при отношеніи косвенномъ, при которомъ вліяніе одного элемента на другой оказывается только черезъ длинный рядъ посредствующихъ элементовъ. Напримѣръ, ваши мысли будутъ гораздо точнѣе извѣстны другому человѣку въ томъ случаѣ, когда вы прямо говорите съ нимъ самимъ, чѣмъ въ томъ

случаѣ, когда они доходятъ отъ васъ до него по слухамъ, то есть чрезъ множество посредниковъ. Точно такъ же вы гораздо точнѣе установите ваши часы по хронометру главнаго штаба, въ томъ случаѣ, если будете устанавливать ихъ прямо по нему, чѣмъ когда сдѣлаете это по часамъ какого нибудь встрѣчнаго человѣка, у котораго часы впрочемъ также находятся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ хронометромъ, служащимъ для регулированія хода всѣхъ часовъ въ Петербургѣ. Точно такъ же характеръ и количество продукта будутъ гораздо точнѣе соотвѣтствовать потребностямъ потребителя въ томъ случаѣ, если производство опредѣляется прямо этими потребностями, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда это соотвѣтствіе устанавливается лишь длиннымъ косвеннымъ путемъ обмѣна.

Но производство опредѣляется прямо потребностями самого производителя лишь въ томъ случаѣ, когда потребителемъ бываетъ самъ производитель. При неразвитомъ состояніи производительныхъ искусствъ маленькое семейное хозяйство можетъ служить единицею производствъ. Но по мѣрѣ усовершенствованія техники, съ принципомъ раздѣленія труда исчезаетъ эта возможность для маленькой производительной единицы, каково семейство; производительная единица должна возрастать соотвѣтственно прогрессу раздѣленія труда.

Вѣроятно не мѣшаетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Мы говоримъ вовсе не противъ обмѣна продуктовъ между единицами производительнаго хозяйства. Какъ не быть и зачѣмъ не быть между ними обмѣну? Вѣдь происходитъ же обмѣнъ продуктовъ и между цѣлыми странами, — тѣмъ больше въ немъ надобности и удобства между отдѣльными провинціями, городами, селами. Но количество продуктовъ, посылаемое страной въ обмѣнъ за границу, или получаемое въ обмѣнъ изъ за границы, составляетъ лишь меньшую половину и вообще лишь незначительную долю въ общей массѣ потребленія и производства страны. Главная масса ея продуктовъ производится для внутренняго потребленія. Только вотъ объ этомъ мы говоримъ и по отношенію къ производительнымъ единицамъ. Теорія требуетъ, чтобы въ каждой группѣ производителей главная масса продуктовъ производилась

на внутреннее потребленіе самой этой группы; а если затѣмъ нѣкоторая часть продукта обмѣнивается, это ничему не мѣшаетъ, — напротивъ, можетъ быть очень полезно.

Въ заключеніе своего анализа теоріи цѣнности Милль представляетъ краткій перечень главныхъ результатовъ этого изслѣдованія:

«I. Цѣнность есть явленіе относительное. Цѣнность предмета — это значитъ количество какого нибудь другаго предмета или количество предметовъ вообще, за какое онъ обмѣнивается. Потому цѣнности всѣхъ предметовъ не могутъ одновременно ни подниматься, ни падать. Общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей — дѣло невозможное. Всякое возвышеніе извѣстной цѣнности связано съ упадкомъ другой цѣнности, и наоборотъ.

«II. Временная или рыночная цѣнность предмета опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, поднимаясь при возвышеніи запроса, падая при возвышеніи снабженія. Но запросъ измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью, вообще становясь при дешевизнѣ предмета больше, чѣмъ бываетъ при дороговизнѣ его; и цѣнность всегда приспособляется къ этому такъ, что запросъ бываетъ равенъ снабженію.

«III. Кромѣ временной цѣнности предметы имѣютъ постоянную или можно сказать естественную цѣнность, къ которой постоянно стремится возвратиться рыночная цѣнность послѣ каждаго колебанія; и эти колебанія взаимно вознаграждаются, такъ что въ среднемъ выводѣ товары обмѣниваются приблизительно по своей естественной цѣнности.

«IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ — цѣнность недостачи; но огромное большинство предметовъ естественно обмѣнивается другъ на друга пропорціонально стоимости самого производства или по цѣнности, которую можно назвать цѣнностью стоимости.

«V. Предметы, естественно и постоянно имѣющіе цѣнность недостачи, — тѣ предметы, снабженіе которыми или вовсе не можетъ быть увеличено, или не можетъ быть увеличено до количества, достаточнаго на удовлетвореніе всего запроса, какой существовалъ бы на нихъ по цѣнности ихъ стоимости.

«VI. Монопольная цѣнность значитъ цѣнность недостачи. Монополія можетъ придавать цѣнность предмету лишь ограниченіемъ его снабженія.

«VII. Каждый товаръ, снабженіе которымъ можетъ неограниченно увеличиваться черезъ трудъ и капиталъ, обмѣнивается за другіе предметы пропорціально стоимости производства и доставки на рынокъ той части требуемаго снабженія, которая обходится по наибольшей стоимости. Естественная цѣнность равнозначительна съ цѣнностью стоимости, а цѣнность стоимости предмета значитъ цѣнность стоимости той части предмета, стоимость которой наиболѣе велика.

«VIII. Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, между которыми одни постоянны и всеобщи, другіе случайны. Всеобщіе элементы стоимо-

сти производства — рабочая плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Случайные элементы —налоги и всякая лишняя стоимость, производимая цѣнностью недостачи какихъ нибудь принадлежностей производства.

«IX. Рента не составляетъ элемента въ стоимости производства товара, дающаго ее; исключеніемъ служатъ лишь случаи (не столько дѣйствительные, сколько возможные въ отвлеченной теоріи), когда рента бываетъ результатомъ и представительницею цѣнности недостачи. Но если земля, способная давать ренту въ земледѣліи, употребляется на другое назначеніе, — рента, которую давала бы она, составляетъ элементъ стоимости производства того товара, на производство котораго обращена земля.

«X. Если оставить въ сторонѣ случайные элементы цѣнности, то предметы, количество которыхъ можетъ возрастать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство, и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату.

«XI. Пропорція между количествами рабочей платы не зависитъ отъ безотносительной величины рабочей платы. Высокость рабочей платы не возвышаетъ цѣнностей, низкость ея не понижаетъ ихъ. Пропорція между количествами рабочей платы опредѣляется отчасти пропорціею между количествами требуемаго труда, и отчасти пропорціею величинъ вознагражденія за него.

«XII. Точно такимъ же образомъ относительная доля прибыли опредѣляется не безусловною величиною прибыли; высокій или низкій процентъ прибыли ни возвышаетъ, ни понижаетъ цѣнностей. Относительная доля прибыли опредѣляется отчасти относительною продолжительностію времени, на какое занятъ капиталъ производствомъ, отчасти относительною величиною прибыли въ разныхъ занятіяхъ.

«XIII. Если два предмета производятся одинаковымъ количествомъ труда, получающаго одинаковую плату, и если рабочая плата должна затрачиваться въ нихъ на одинаковое время, а сущность занятія не требуетъ постоянной разницы между ними въ процентѣ прибыли; то эти два предмета будутъ, въ среднемъ выводѣ, обмѣниваться ровно другъ за друга, все равно, высока или низка будетъ рабочая плата и прибыль, и велико или мало количество расходуемаго труда.

«XIV. Если въ среднемъ числѣ одинъ предметъ имѣетъ цѣнность больше другаго, причиною тому должно служить то, что на его производство требуется или большее количество труда, или сортъ труда, постоянно получающій высшую пропорцію платы, или что на болѣе долгій срокъ надобно затрачивать капиталъ или часть капитала для содержанія этого труда, или наконецъ производство сопровождается обстоятельствами, требующими для своего уравновѣшенія постоянный, болѣе высокій процентъ прибыли.

«XV. Изъ этихъ элементовъ самый важный — количество труда, нужнаго на производство; вліяніе другихъ элементовъ не такъ велико, хотя каждый изъ нихъ немаловаженъ.

«XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ слабѣе становится вліяніе второстепенныхъ

элементовъ стоимости производства и тѣмъ меньше отклоняются товары отъ цѣнности, пропорціальной количеству и качеству нужнаго на ихъ производство труда.

«XVII. Но всякое пониженіе прибыли нѣсколько понижаетъ цѣнность стоимости предметовъ, въ выдѣлкѣ которыхъ много участвуютъ машины или участвуютъ прочныя машины, и возвышаетъ цѣнность предметовъ, производимыхъ ручнымъ трудомъ; а возвышеніе прибыли дѣйствуетъ наоборотъ.

Всѣ эти выводы совершенно вѣрны; но читатель видитъ, что намъ теперь можно дополнить ихъ еще нѣсколькими другими выводами, не менѣе важными.

XVIII. Всѣ предшествующіе выводы относятся исключительно къ мѣновой цѣнности. Она отдѣляется отъ внутренней когда бываетъ товаромъ человѣческій трудъ. Но такое состояніе вещей невыгодно ни для самого работника, ни для общества при низкомъ качествѣ наемнаго труда, сравнительно съ трудомъ на самого себя.

XIX. Если же трудъ не считать продажнымъ товаромъ, то мѣновая цѣнность совпадаетъ съ внутреннею, и понятія запроса, снабженія, стоимости производства получаютъ точнѣйшій характеръ, возводясь прямо къ основнымъ элементамъ экономической дѣятельности, къ потребностямъ человѣка. Размѣръ снабженія тутъ опредѣляется количествомъ производительныхъ силъ; размѣръ запроса — интенсивностью надобности производителя въ продуктѣ; стоимость производства опредѣляется прямо количествомъ труда. Уравненіе запроса и снабженія получается черезъ разсчетъ о томъ, по какой пропорціи должны быть распредѣлены производительныя силы по разнымъ занятіямъ, для наилучшаго удовлетворенія надобностей человѣка.

А. ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СИЛА.

(ГЛ. VII—XIII).

Главная цѣль наша теперь — изслѣдованіе понятія покупательной силы, которая играетъ такую важную роль въ бытѣ, основанномъ не на прямомъ сочетаніи производства и потребленія, не на тожествѣ производителя и потребителя, а на обмѣнѣ,

посредствующимъ терминомъ котораго служитъ покупательная сила. — Господствующая теорія очень ясно выставляетъ затруднительность прямаго обмѣна продукта на продуктъ и необходимость такого общаго орудія обмѣна всякихъ продуктовъ, какимъ являются деньги. Она превосходно объясняетъ свойства, нужныя для хорошаго орудія обмѣновъ или для денегъ, и очень основательно доказываетъ, что лучше всѣхъ другихъ продуктовъ и предметовъ годятся для исполненія роли денегъ благородные металлы. Все, что она говоритъ объ этихъ сторонахъ вопроса, мы предполагаемъ извѣстнымъ читателю или предоставляемъ ему узнать изъ обыкновенныхъ курсовъ политической экономіи, а сами обратимъ вниманіе на одинъ очень важный вопросъ, вникнуть въ который забываютъ авторы этихъ трактатовъ, забываетъ и самъ Милль: какое вліяніе на распредѣленіе и потребленіе продуктовъ, а черезъ то и на характеръ производства имѣетъ отдѣленіе покупательной силы отъ частныхъ продуктовъ, служащихъ для потребленія, — въ какомъ направленіи экономическій бытъ общества видоизмѣняется централизованіемъ, конденсаціею и увѣковѣченіемъ покупательной силы въ деньгахъ и денежныхъ знакахъ?

Представимъ себѣ отношеніе между человѣкомъ очень богатымъ и человѣкомъ очень зажиточнымъ, при такъ-называемомъ — въ противоположность „денежному“ — „естественномъ“ хозяйствѣ, въ которомъ деньги не играютъ важной роли. Въ табунахъ киргиза Абдаллы 10,000 головъ; у киргиза Юсуфа весь табунъ состоитъ только изъ 100 головъ. Какую экономическую власть надъ Юсуфомъ можетъ имѣть Абдалла своимъ богатствомъ, если они кочуютъ въ такой части степи, куда еще не проникло денежное хозяйство? Предположивъ Юсуфа человѣкомъ обыкновеннаго характера, мы не можемъ не сказать, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго разсчета становиться въ экономическую зависимость отъ своего богатаго соплеменника. Что такое, особенно нужное для него, можетъ дать ему Абдалла? Лошадей и кумыса у Юсуфа довольно, онъ не нуждается въ этихъ предметахъ *).

*) Отъ обычной проницательности рутинныхъ политико-экономовъ надобно предусматривать здѣсь не меньше цѣлыхъ двухъ возраженій. Вопервыхъ, между

А кромѣ ихъ, ничего не можетъ предложить ему Абдалла *). Предположимъ теперь, что введено въ этомъ племени денежное хозяйство. Пусть лошадь круглымъ счетомъ стоитъ 10 р. Абдалла располагаетъ суммою имущества на 100 тысячъ, Юсуфъ имѣетъ его только на 1 тысячу рублей. Каждому изъ ежедневнаго опыта извѣстно, каково при денежномъ хозяйствѣ отношеніе небогатаго человѣка къ сосѣду, который въ 100 разъ богаче его. Это отношеніе зависимое. Изъ чего возникаетъ зависимость? Изъ того самого, что деньги служатъ всеобщею покупательною силою, даютъ возможность удовлетворенія не одной какой нибудь потребности, какъ даетъ продуктъ, прямо служащій для потребленія, а общую возможность удовлетворенія всякимъ вообще наклонностямъ и желаніямъ. Человѣкъ можетъ чувствовать, что ему нѣтъ нужды въ томъ или въ другомъ предметѣ, что этотъ извѣстный предметъ былъ бы для него лишній: но онъ никакъ не можетъ чувствовать увѣренности, что ему никогда не понадобится ничего. А чтобы не желать денегъ, надобно имѣть такую увѣренность, и не только за настоящее или близкое будущее, а за всю свою будущность: мы не даромъ употребили слово „никогда." Почти всѣ предметы, прямо служащіе для потребленія, очень недолговѣчны. Значительнымъ исключеніемъ изъ этого правила можно назвать только благородные металлы, матеріалъ, изъ котораго дѣлаются деньги, отъ которыхъ довольно мало и

полудикими племенами, каковы калмыки, господствуетъ насиліе. Абдалла можетъ, при помощи своей многочисленной дружины, безнаказанно ограбить и убить Юсуфа. Конечно; кромѣ того, калмыки многоженцы, не имѣютъ литературы, театра и т. д. — Помилосердуйте; вѣдь нельзя же спутывать всего въ одну безпорядочную груду. Мы говоримъ собственно объ экономическихъ отношеніяхъ, и только о нихъ. Иначе, пришлось бы намъ разсуждать здѣсь о леченіи чахотки кумысомъ, какъ г. Буслаевъ разсуждаетъ о картинахъ Микель-Анджело при разборѣ какой нибудь пѣсни о Добрынѣ Никитичѣ. — Другое возраженіе, такого же достоинства: при страсти Юсуфа къ отличнымъ скакунамъ, въ табунахъ Абдаллы найдется такая лошадь, что Юсуфъ готовъ будетъ сдѣлать за нее для Абдаллы все (въ доказательство, смотр. разсказъ: «Бэла,» въ романѣ Лермонтова «Герой нашего времени»). — Разумѣется, мало ли что случается подъ вліяніемъ страстей. Но просимъ не забывать, что мы здѣсь излагаемъ не теорію страстей, а экономическіе законы, основанные на соображеніяхъ обыкновенной разсчетливости, въ которой Юсуфъ не найдетъ достаточной причины ставить себя въ зависимость отъ Абдаллы.

*) Тутъ можетъ быть сдѣлано третье возраженіе, ничѣмъ не хуже двухъ первыхъ: «какъ ничего? Кромѣ лошадей и кумыса, у Абдаллы есть кибитки, войлоки» и т. д. — Разумѣется, — только все это есть и у Юсуфа, также въ достаточномъ количествѣ.

отличаются золотые или серебряные слитки, хотя бы и не имѣли штемпеля, дѣлающаго ихъ деньгами въ строгомъ смыслѣ слова. Остальные важные въ экономическомъ отношеніи предметы не имѣютъ свойства долго сохраняться сами собою, — это свойство принадлежитъ только деньгамъ. Есть многочисленный разрядъ продуктовъ, которые не могутъ быть долѣе нѣсколькихъ лѣтъ сбережены никакою заботливостью. Сюда принадлежитъ хлѣбъ, во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ самый главный по своей цѣнности продуктъ. Эти продукты сохраняются только воспроизведеніемъ, то есть посредствомъ переработки продукта такою же массою труда, какая была нужна на первое производство. Другіе предметы долго остаются цѣлы, — напримѣръ, каменныя зданія, — но требуютъ ремонта, который за нѣсколько лѣтъ въ сложности составитъ сумму труда, равную той массѣ его, которая требовалась на первоначальное производство предмета. Безъ того, они быстро теряютъ годность и цѣнность. Такимъ образомъ, говоря вообще, деньги отличаются отъ другихъ продуктовъ тѣмъ, что продолжаютъ существовать сами собою, безъ надобности въ дальнѣйшемъ производительномъ трудѣ, даютъ полное увольненіе отъ него человѣку, ихъ имѣющему, — между тѣмъ какъ сохраненіе всѣхъ другихъ предметовъ требуетъ продолженія работы, которою они первоначально пріобрѣтены. Только въ деньгахъ пріобрѣтается человѣкомъ экономическій источникъ совершенно празднаго наслажденія *). Отчасти по недолговѣчности, отчасти по громоздкости продуктовъ, прямо служащихъ для потребленія, ихъ накопленіе въ рукахъ одного лица имѣетъ предѣлы гораздо болѣе тѣсные, чѣмъ накопленіе денегъ, которыя занимаютъ мало мѣста и составляютъ сокровище, можно сказать, нетлѣнное. Собрать въ свои анбары десять жатвъ хлѣба — дѣло едва ли возможное; но деньги за двадцать и тридцать жатвъ собираются въ сундукъ столь же удобно, какъ за одну жатву.

*) Не мѣшаетъ напомнить, что мы здѣсь имѣемъ въ виду только явленія, основанныя на экономическихъ законахъ, а не на другихъ вещахъ, подобныхъ завоеванію, праву собственности надъ человѣкомъ и т. п. Насиліемъ и обманомъ могутъ жить нѣкоторые люди безъ производительнаго труда во всѣхъ состояніяхъ общества; но степень законности и экономической полезности такихъ явленій очевидна безъ всякихъ разъясненій. Намъ надобно вникать только въ тѣ отношенія, вліяніе которыхъ на экономическую жизнь не для всѣхъ ясно.

Такимъ образомъ, сравнительно съ системою быта, основанною прямо на потребляемыхъ продуктахъ, денежная система болѣе благопріятствуетъ сосредоточенію богатства въ рукахъ отдѣльнаго человѣка, способствуетъ росту неравенства имуществъ; даетъ богатому болѣе власти надъ другими людьми, въ которыхъ расположеніе къ независимости уменьшается при ней черезъ замѣненіе мыслей объ удовлетвореніи опредѣленныхъ потребностей неопредѣленною и потому неограниченною мыслью о средствахъ, удовлетворяющихъ всякимъ желаніямъ; наконецъ, въ бытѣ, основанномъ на деньгахъ, является экономическая возможность совершенно празднаго наслажденія.

„Вотъ, вы начинаете читать мораль о гибельномъ вліяніи золота на сердце человѣка и благосостояніе общества,“ скажетъ политико-экономъ рутинной школы. Не совсѣмъ такъ. Возставая противъ вредныхъ вліяній золота, моралисты имѣютъ въ виду самое стремленіе человѣка къ увеличенію своего благосостоянія, вооружаются противъ корыстолюбивой разсчетливости, называемой у нихъ испорченностью сердца и т. д., — словомъ сказать, они недовольны человѣческою природою и толкуютъ объ измѣненіи кореннаго ея стремленія. Мы говоримъ вовсе не о томъ; безкорыстія мы не думаемъ требовать отъ людей, измѣнять ихъ природы не желаемъ. Въ признаніи принципа личной пользы за основное побужденіе и за послѣднюю норму всей экономической дѣятельности человѣка мы не уступаемъ ни одному писателю школы Адама Смита, и идемъ гораздо дальше большинства рутинныхъ политико-экономовъ, которымъ предоставляемъ толковать вслѣдъ за моралистами о необходимости идеальныхъ стремленій. — Мы считаемъ важными и заботы о матеріальныхъ потребностяхъ, потому что пока онѣ не удовлетворены, нельзя съ успѣхомъ заботиться о чемъ либо другомъ; мы находимъ, что разсчетъ личной выгоды есть одинъ изъ главныхъ руководителей человѣка, и разсуждаемъ только о томъ, что наиболѣе сообразно съ личною выгодою человѣка, а желаемъ лишь того, чтобы люди стали разсчетливѣе. — Расходясь съ моралистами во взглядѣ на коренныя начала человѣческой жизни, мы совершенно иными глазами, чѣмъ они, смотримъ и на вопросъ о такъ-назы-

ваемомъ господствѣ золота. Порядокъ дѣлъ, при которомъ надъ всѣмъ господствуютъ деньги, мы находимъ неудовлетворительнымъ не потому, что люди при немъ своекорыстны, — они всегда будутъ, да и должны больше всего думать о своей личной выгодѣ, — а просто потому, что при немъ слишкомъ плохо удовлетворяется потребность матеріальнаго благосостоянія у огромнаго большинства людей, что для этого огромнаго большинства онъ невыгоденъ. Но мы находимъ, что сущность дѣла тутъ вовсе не въ деньгахъ, а въ другомъ, несравненно болѣе важномъ фактѣ, изъ котораго возникаетъ и само преобладаніе денегъ, — въ томъ, что нынѣшній экономическій бытъ основанъ на обмѣнѣ, а не прямо на тожествѣ производства съ потребленіемъ. Обмѣнъ такъ и долженъ вестись, какъ ведется, посредствомъ денегъ, или какой нибудь другой общей мѣры цѣнностей, равносильной деньгамъ. Иначе вестись ему слишкомъ неудобно, и само по себѣ употребленіе денегъ или равнозначительныхъ имъ общихъ знаковъ цѣнностей — дѣло очень полезное. Возставать противъ нихъ значитъ то же самое, что вооружаться противъ носовыхъ платковъ, — которые сами по себѣ тоже вещь превосходная и необходимая въ порядочномъ обществѣ для дѣла, къ которому предназначена. Мы вовсе не желаемъ возвратить людей къ тому состоянію, когда они „обходились безъ посредства носоваго платка.“ Но совершенно иной вопросъ то, хорошая ли вещь насморкъ, при которомъ роль носоваго платка становится очень велика. Мы полагаемъ, что человѣку слѣдуетъ лѣчиться отъ насморка, и что когда насморкъ пройдетъ, носовой платокъ самъ собою потеряетъ ту излишнюю занимательность, въ которой виноватъ вовсе не онъ самъ. — Точно такъ же мы полагаемъ, что и важность денегъ въ экономической жизни уменьшится, когда главную массу своихъ продуктовъ будетъ потреблять самъ производитель и главную массу потребляемыхъ каждымъ человѣкомъ продуктовъ будетъ составлять продуктъ его собственнаго труда, а въ обмѣнъ будетъ идти лишь довольно незначительная часть всей производимой массы продуктовъ, — словомъ сказать, когда порядочно будетъ исполняться принципъ экономической теоріи: „работай каждый больше всего на себя и для себя самого.“ Мы видѣли, что

главныя черты такого порядка: каждому работнику выгоднѣе быть хозяиномъ, а хозяйственная единица должна имѣть очень значительный размѣръ. Мы видѣли, что по спеціальному вопросу занимающаго теперь насъ отдѣла науки, отдѣла о цѣнности, главными противорѣчіями этому требованію экономической науки являются въ нынѣшнемъ бытѣ отступленіе мѣновой цѣнности отъ внутренней, отъ которой не слѣдуетъ ей отступать, и воззрѣніе на трудъ, какъ на товаръ, подлежащій продажѣ и покупкѣ, между тѣмъ, какъ труду естественнѣе ни продаваться и покупаться, ни быть товаромъ. Вотъ этотъ нераціональный порядокъ и есть тотъ экономическій насморкъ, при которомъ до неудобной для человѣка значительности развилась роль нашего метафорическаго носоваго платка, денегъ.

Мы не будемъ вдаваться въ подробное изложеніе законовъ, которыми опредѣляется цѣнность звонкой монеты, потому что они удовлетворительно объясняются въ обыкновенныхъ курсахъ политической экономіи. Довольно будетъ, для избѣжанія пробѣла, привести въ немногихъ словахъ основныя черты этого дѣла. Звонкая монета точно такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары, отъ кружева и брильянтовъ до хлѣба и дровъ; цѣнность ея, то есть пропорція, въ какой обмѣнивается она на другіе товары, иначе сказать, общій уровень цѣнъ всѣхъ другихъ товаровъ*), опредѣляется тѣми же самыми элементами, какъ и цѣнность всякаго другаго товара — уравненіемъ запроса и снабженія и стоимостью производства. Выдѣлка этого товара изъ матеріала, служащаго для него (изъ благородныхъ металловъ), составляетъ трудъ совершенно ничтожный сравнительно съ массою труда, нужнаго на полученіе самаго матеріала. Потому стоимость звонкой монеты равна стоимости золота или серебра, изъ котораго

*) Читатель знаетъ, что цѣнность товара становится его цѣною, когда опредѣляется счетомъ на деньги. Такимъ образомъ, цѣнность денегъ и цѣна товаровъ одно и тоже. Цѣны товаровъ повысились — это значитъ, что цѣнность денегъ упала; цѣны товаровъ понизились — это значитъ, что цѣнность денегъ увеличилась. Подъ цѣнностью мы понимаемъ всегда мѣновую цѣнность, если прямо не прибавляемъ слово « внутренняя ».

она вычеканена [1]). Стоимостью производства [2]) опредѣляется для монеты, какъ и для другихъ товаровъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться при возвышеніи цѣнности, прочный или долговременный уровень цѣнности, а временныя колебанія этого уровня опредѣляются уравненіемъ запроса и снабженія. Но благородные металлы — такой долговѣчный продуктъ, что накопившееся отъ прежняго производства количество ихъ несравненно значительнѣе того количества, какое прибавляется ежегоднымъ производствомъ. Потому чувствительное уменьшеніе или увеличеніе въ существующемъ количествѣ отъ сокращенія или расширенія ихъ производства обнаруживается лишь очень медленно, и колебанія цѣнности звонкой монеты, опредѣляемыя уравненіемъ запроса и снабженія, бываютъ гораздо замѣтнѣе этого медленнаго измѣненія въ постоянномъ уровнѣ ихъ цѣнности. Иначе сказать, то повышеніе или пониженіе общаго уровня цѣнъ на товары, которое происходитъ отъ колебанія запроса и снабженія относительно звонкой монеты, бываетъ гораздо замѣтнѣе того, которое происходитъ или отъ постепеннаго истощенія прежнихъ рудниковъ, или открытія новыхъ изобильнѣйшихъ рудниковъ. Теперь, въ чемъ же состоитъ уравненіе запроса и снабженія относительно звонкой монеты? Запросъ тутъ составляется всѣмъ количествомъ товаровъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ за монету, то есть, готовыхъ идти на продажу, — но чѣмъ опредѣляется размѣръ снабженія? Въ продуктахъ, прямо идущихъ на потребленіе, снабженіе извѣстнымъ товаромъ равняется количеству его, предлагаемому въ удовлетвореніе запроса на него. Но монета не идетъ въ потребленіе, пока остается монетою; она только служитъ орудіемъ покупки, и сдѣлавъ одну покупку, тотчасъ же можетъ для новаго своего хозяина сдѣлать новую покупку. Изъ этого видимъ, какъ опредѣляется размѣръ снабженія ею. Положимъ, что въ извѣстный періодъ времени, напримѣръ въ годъ, сумма покупокъ, совершаемыхъ на звонкую монету въ извѣстномъ обществѣ, простирается на 1000 мил-

[1]) Говоря строго, цѣнность денегъ выше цѣнности слитковъ, но лишь на такую ничтожную долю, которая не имѣетъ почти никакой важности.

[2]) Или, для странъ, въ которыхъ золото и серебро не домашній, а привозный товаръ, стоимостью полученія этихъ металловъ изъ-за границы.

ліоновъ рублей. Если каждый рубль въ это время идетъ на покупку только одинъ разъ, для совершенія покупокъ должно существовать въ этомъ обществѣ количество звонкой монеты, равное 1000 милліонамъ рублей. Но если каждый рубль идетъ въ годъ на покупку, среднимъ числомъ, по 5 разъ, — для совершенія всей суммы покупокъ нужно только 200 милліоновъ рублей. То, сколько разъ въ извѣстное время обращается рубль звонкой монеты на совершеніе покупки, называется степенью быстроты обращенія денегъ. Такимъ образомъ, относительно звонкой монеты размѣръ снабженія равняется существующему количеству ея, помноженному на быстроту ея обращенія, на покупки. Именно эту цифру и составляетъ по счету на звонкую монету сумма предметовъ, проданныхъ въ этотъ періодъ времени. Положимъ, напримѣръ, что количество продаваемыхъ предметовъ осталось то же самое, какое было при 200 милліонахъ рублей, обращавшихся съ успѣшностью 5 разъ въ годъ, но или быстрота обращенія увеличилась до 6 разъ, или количество звонкой монеты возрасло до 240 милліоновъ. Въ томъ и другомъ случаѣ сумма выйдетъ уже не 1000, а 1200 милліоновъ рублей (200×6 или 240×5). И такъ, по денежному счету сумма продажъ составляетъ уже 1200 милл., то есть общій уровень цѣнъ поднимется на одну пятую часть. Четверть пшеницы, стоющая 5 руб., будетъ стоить 6 руб.; кусокъ сукна, стоющій 50 руб., будетъ стоить 60 руб., и т. д. Наоборотъ будетъ, цѣны упадутъ, когда уменьшится или количество звонкой монеты, или быстрота ея обращенія. Напримѣръ, если вмѣсто 5 разъ рубль поступаетъ на покупку только 4 раза, сумма продажъ въ денежномъ счетѣ составитъ только 800 милліоновъ (200×4) и соразмѣрно тому упадутъ цѣны предметовъ. Четверть пшеницы будетъ стоить только 4, кусокъ сукна только 40 рублей.

Такимъ образомъ, цѣнность звонкой монеты или, что то же самое, общій уровень цѣнъ измѣняется сообразно уравненію запроса и снабженія. Если количество продажъ (запросъ на деньги) ростетъ быстрѣе количества и быстроты обращенія денегъ, идущихъ на покупку (то есть, быстрѣе снабженія деньгами), цѣнность денегъ возвышается, иначе сказать, цѣны предметовъ пада-

ютъ. То же бываетъ, если уменьшается снабженіе деньгами, то есть уменьшается быстрота обращенія при неизмѣнности количества ихъ, или уменьшается количество ихъ при неизмѣнности въ быстротѣ обращенія. Въ обратныхъ случаяхъ бываетъ обратный результатъ, то есть цѣнность денегъ падаетъ, иначе сказать, цѣны предметовъ ростутъ.

Само собою разумѣется, что тутъ идетъ рѣчь только о тѣхъ деньгахъ, которыя идутъ или готовы идти на покупки. Тѣ деньги, которыя хозяинъ ихъ хранитъ безъ употребленія, не желая ничего покупать на нихъ, не дѣйствуютъ на цѣны товаровъ. Эта часть звонкой монеты находится, такъ сказать, въ летаргическомъ состояніи.

Написавъ этотъ отдѣлъ объ элементахъ, опредѣляющихъ цѣнность денегъ, я думаю, не слѣдуетъ ли вычеркнуть его, чтобы не растягивать статьи изложеніемъ предмета, который долженъ я предполагать извѣстнымъ каждому читателю. Но опять я думаю и то: попробуй вычеркнуть, и какой нибудь рутинистъ, воображающій это дѣло о цѣнности монеты геркулесовыми столпами экономической мудрости, необыкновенно гордящійся тѣмъ, что дошелъ до нихъ, и по трудности, съ какою лично онъ понялъ эту вовсе не мудрую штуку, полагающій, что обыкновеннымъ смертнымъ во вѣки вѣковъ не уразумѣть такую глубокую тайну науки, — вотъ какой нибудь господинъ ученый подобнаго разряда и вздумаетъ, что она тебѣ неизвѣстна. Полноте, господа: да чего же тутъ не знать то? Да и вообще, трудно ли узнать всю господствующую теорію во всѣхъ ея тонкостяхъ и подробностяхъ? Несравненно легче, чѣмъ выучиться вязать чулки. А если вамъ досталось это пониманіе дѣла очень тяжело, то вы ужь по крайней мѣрѣ — не обнаруживали бы этого факта намеками, что дескать вы, профаны, не въ состояніи уразумѣть такой головоломной мудрости.

Мы до сихъ поръ говорили о такомъ состояніи общества, въ которомъ единственнымъ орудіемъ обмѣна служитъ звонкая

монета. Она дѣйствительно навсегда остается кореннымъ денежнымъ знакомъ, по которому измѣряется цѣнность всѣхъ другихъ орудій обмѣна. Но какъ при извѣстномъ развитіи общества прямая мѣна продуктовъ на продукты замѣняется продажею и покупкою ихъ на деньги, такъ при дальнѣйшемъ экономическомъ развитіи является на помощь звонкой монетѣ другое орудіе обмѣна — кредитные знаки, которые находятся точно въ такомъ же отношеніи къ золотымъ и серебрянымъ деньгамъ, въ какомъ эти деньги находятся ко всѣмъ остальнымъ продуктамъ: звонкая монета — знакъ, представляющій собою цѣнность продуктовъ; кредитная бумага (банковый билетъ, коммерческій вексель) — знакъ, представляющій собою цѣнность звонкой монеты. Отношеніемъ кредитныхъ знаковъ къ звонкой монетѣ очень хорошо поясняется и отношеніе звонкой монеты къ другимъ продуктамъ, то есть самая сущность назначенія, исполняемаго ею. Золотая или серебряная монета — тоже ассигнація, отличающаяся отъ настоящихъ кредитныхъ билетовъ только тѣмъ, что ручательство за мѣновую цѣнность ея лежитъ въ мѣновой цѣнности самаго матеріала, изъ котораго она сдѣлана, то есть въ стоимости производства этого матеріала, между тѣмъ какъ въ кредитномъ билетѣ цѣнность самаго матеріала ничтожна, и ручательствомъ за мѣновую его цѣнность служитъ только обязательство выдающаго билетъ правительственнаго или частнаго банка обмѣнивать этотъ билетъ на количество золота и серебра, обозначаемое билетомъ.

Насколько бумажныя деньги имѣютъ цѣнность сравнительно съ звонкою монетою, настолько онѣ совершенно замѣняютъ ее въ дѣлѣ покупокъ. Но сами онѣ составляютъ лишь одну изъ многихъ формъ кредита, о которомъ вообще надобно сказать то же самое: насколько онъ существуетъ, онъ во всѣхъ своихъ формахъ можетъ служить покупательною силою, то есть замѣнять звонкую монету. Чѣмъ дѣятельнѣе развивается экономическая жизнь въ обществѣ, бытъ котораго основанъ на обмѣнѣ, тѣмъ значительнѣе становится въ немъ часть обмѣновъ, совершаемыхъ при посредствѣ кредита, и потому очень легко рождается иллюзія, ставящая кредитъ источникомъ экономическаго прогресса,

между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ — только одинъ изъ способовъ, которыми обнаруживается дѣйствіе силъ, производящихъ этотъ прогрессъ. Чтобы увидѣть сущность дѣла, мы начнемъ съ разъясненій, даваемыхъ обыкновенными курсами политической экономіи и представляемыхъ Миллемъ съ довольно значительными усовершенствованіями въ техническихъ подробностяхъ постановки относящихся сюда вопросовъ.

«1. Нѣтъ въ политической экономіи вопроса, который представлялъ бы болѣе недоразумѣній и спутанности понятій, какъ вопросъ о функціяхъ кредита. Это происходитъ не отъ особенной трудности теоріи кредита, а отъ сложности нѣкоторыхъ коммерческихъ феноменовъ, возникающихъ изъ формъ, принимаемыхъ кредитомъ, — эти сложные феномены отвлекаютъ вниманіе отъ общихъ свойствъ кредита къ особенностямъ его частныхъ формъ.

«Примѣромъ сбивчивости понятій о сущности кредита можетъ служить утрированный тонъ, которымъ такъ часто говорятъ о его національной важности. Кредитъ имѣетъ большую, но не волшебную силу, какую повидимому придаютъ ему нѣкоторые. Онъ не можетъ создать нѣчто изъ ничего. Очень часто разсуждаютъ о расширеніи кредита такъ, какъ будто оно равносильно созданію капитала, или какъ будто кредитъ и есть самъ капиталъ. Странна необходимость доказывать, что будучи лишь разрѣшеніемъ одному лицу пользоваться капиталомъ другаго, кредитъ не увеличиваетъ, а лишь переноситъ средства производства. Насколько увеличиваются кредитомъ средства къ производству и къ занятію труда у лица, занявшаго ихъ, настолько же уменьшаются они у кредитора. Одной суммѣ нельзя быть капиталомъ и для собственника, и для лица, занявшаго ее: она не можетъ за одинъ разъ вдвойнѣ сполна служить рабочею платою, орудіями и матеріалами для двухъ группъ работниковъ. Правда, что капиталъ, занятый А у В и употребляемый въ дѣло А, еще составляетъ въ другихъ отношеніяхъ часть богатства В; В можетъ заключать обязательства, обезпечиваемыя этимъ капиталомъ, и подъ залогъ его можетъ, если понадобится, занять равнозначительную ему сумму; такимъ образомъ, на поверхностный взглядъ можетъ казаться, что и А и В одновременно пользуются этимъ капиталомъ. Но если хоть немного вникнемъ въ дѣло, мы увидимъ, что когда В отдалъ свой капиталъ А, употребленіе капитала остается уже у одного А, и В не получаетъ отъ этого капитала никакой иной услуги, кромѣ той, что право получить этотъ капиталъ назадъ служитъ ему для полученія въ пользованіе другаго капитала отъ третьяго лица С. Весь чужой капиталъ, которымъ дѣйствительно пользуется извѣстный человѣкъ, непремѣнно взятъ изъ чьего нибудь капитала.

«2. Но если кредитъ всегда остается не больше, какъ только перенесеніемъ капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія, то по естественному порядку онъ вообще бываетъ перенесеніемъ капитала въ руки, болѣе способныя успѣшно употреблять

его на производство. Если бы не существовало кредита, или, по общей небезопасности или по недостатку довѣрія, кредитъ почти не существовалъ бы, то не получали бы выгоды отъ своего капитала многія лица, имѣющія болѣе или менѣе капитала, но, по своимъ занятіямъ или по недостатку нужнаго искусства и знанія, не могущія лично наблюдать за его употребленіемъ; собранные ими запасы лежали бы праздно или, быть можетъ, растрачивались и уничтожались бы въ неловкихъ опытахъ получить отъ нихъ прибыль. Весь этотъ капиталъ отдается теперь въ проценты и становится пригоденъ для производства. Часть капитала, находящаяся въ такомъ положеніи, составляетъ въ каждой промышленной странѣ значительную часть ея производительныхъ средствъ; и естественно влечется она къ тѣмъ производителямъ или торговцамъ, которые, живѣе всѣхъ ведя дѣло, имѣютъ возможность употреблять ее съ наибольшею выгодою; потому что они и сильнѣе другихъ желаютъ получить капиталъ, и лучше всѣхъ могутъ обезпечивать его; потому хотя производительный фондъ страны и не увеличивается кредитомъ, но вызывается имъ къ полнѣйшему занятію производительной дѣятельностью. По мѣрѣ того, какъ расширяется довѣріе, на которомъ основанъ кредитъ, развивается возможность служить для производительнаго употребленія даже самымъ мелкимъ частямъ капитала, суммамъ, которыя каждый держитъ при себѣ на непредвидѣнный случай. Главными орудіями къ тому являются депозитные банки. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ разсудительный человѣкъ долженъ держать у себя въ рукахъ безъ занятія сумму, достаточную на уплату по всякому требованію, какое только можетъ представиться ему. Но когда вошло въ обычай держать этотъ резервъ не въ своемъ сундукѣ, а у банкира, сосредоточилось въ рукахъ банкира множество мелкихъ суммъ, лежавшихъ прежде праздными; а банкиръ, узнавъ по опыту, какая доля этихъ суммъ можетъ понадобиться въ данное время, и зная, что когда одинъ изъ вкладчиковъ потребуетъ больше, чѣмъ среднюю пропорцію, то другой потребуетъ меньше, — можетъ отдавать остатокъ, то есть гораздо больше половины этихъ суммъ, въ ссуду производителямъ и торговцамъ; а черезъ это увеличивается количество — не всего существующаго, это — правда, но количество занятаго капитала, и соотвѣтственно тому увеличивается сумма производства въ обществѣ.

«При такой необходимости своей для обращенія всего капитала страны на производство, кредитъ служитъ также средствомъ къ тому, чтобы изъ промышленнаго таланта страны извлекалось больше пользы для производства. Изъ людей, не имѣющихъ или почти не имѣющихъ собственнаго капитала, но имѣющихъ дѣловыя способности, узнанныя и оцѣненныя владѣльцами капитала, многіе получаютъ въ кредитъ или деньги или, какъ чаще бываетъ, товары и такимъ образомъ промышленныя способности ихъ обращаются на увеличеніе общественнаго богатства; еще гораздо больше пользы будетъ получаться такимъ способомъ, когда при улучшеніи законовъ и воспитанія, честность въ обществѣ разовьется настолько, что личную репутацію человѣка можно будетъ принимать за достаточное обезпеченіе не только противъ безчестнаго завладѣнія, но и противъ безчестнаго рискованья чужимъ имуществомъ.

«Вотъ съ самой общей точки зрѣнія роль кредита въ производительныхъ сред-

ствахъ человѣчества. Но эти соображенія примѣняются лишь къ кредиту, даваемому людямъ промышленнаго класса, производителямъ и торговцамъ. Кредитъ, даваемый торговцами непроизводительнымъ потребителямъ, никогда не бываетъ прибавленіемъ, а всегда бываетъ убылью для источниковъ общественнаго богатства. Онъ передаетъ во временное пользованіе не капиталъ непроизводительнаго класса производительному, а капиталъ производительнаго класса непроизводительному. Если А торговецъ снабжаетъ В землевладѣльца или рентьера товарами съ отсрочкою уплаты на пять лѣтъ, — остается на пять лѣтъ непроизводительною часть капитала А, равная цѣнности этихъ товаровъ. При немедленной уплатѣ сумма эта въ теченіе пяти лѣтъ была бы нѣсколько разъ израсходована и выручена и нѣсколько разъ были бы произведены, потреблены и воспроизведены товары на эту сумму. Слѣдовательно, если В наконецъ и заплатитъ 100 фунтовъ, которые не платилъ 5 лѣтъ, то самая отсрочка платежа равнозначительна была въ эти пять лѣтъ для работающихъ сословій общества тому, какъ если бы они совершенно потеряли эту сумму, и не одинъ разъ, а нѣсколько. Самъ А лично вознаграждается тѣмъ, что полагаетъ за свои товары высшую цѣну, которую по истеченіи срока уплачиваетъ ему В; но нѣтъ никакого вознагражденія рабочему классу, который больше всѣхъ страдаетъ отъ каждаго безвозвратнаго или временнаго отклоненія капитала на непроизводительное употребленіе. Въ эти пять лѣтъ капиталъ страны уменьшился на 100 фунтовъ оттого, что В взялъ эту сумму изъ капитала А и растратилъ ее непроизводительно, проживъ впередъ свои средства, и лишь черезъ пять лѣтъ отложитъ изъ своего дохода сумму на вознагражденіе А, и она обратится въ капиталъ.

«3. Вотъ общая функція кредита въ производствѣ. Самъ по себѣ онъ не составляетъ производительной силы, хотя безъ него существующія производительныя силы не могли бы вполнѣ обратиться на занятіе. Но вліяніе кредита на цѣны — вопросъ, болѣе запутанный; оно — главная причина почти всѣхъ тѣхъ коммерческихъ феноменовъ, объясненіе которыхъ трудно. Когда въ торговлѣ обыкновенно дается много кредита, общія цѣны товаровъ всегда опредѣляются гораздо больше состояніемъ кредита, чѣмъ количествомъ денегъ; потому что кредитъ, не будучи производительною силою, служитъ покупательною силою, и лицо, которое, имѣя кредитъ, пользуется имъ въ покупкѣ товаровъ, создаетъ столько же запроса на товары и столько же поднимаетъ ихъ цѣны, какъ еслибъ дѣлало такое же количество покупокъ на наличныя деньги.

«Кредитъ, который мы теперь должны разсматривать, какъ отдѣльную покупательную силу, независимую отъ денегъ, разумѣется не есть кредитъ въ своей простѣйшей формѣ, не кредитъ въ формѣ денегъ, даваемыхъ однимъ лицомъ въ ссуду другому, и притомъ наличными деньгами: если лицо, получившее такую ссуду, расходуетъ ее на покупки, оно дѣлаетъ покупки на деньги, а не на кредитъ, и не проявляетъ покупательной силы сверхъ той, какая дается деньгами. Формы кредита, создающія покупательную силу, — тѣ формы, въ которыхъ не переходитъ изъ рукъ въ руки никакихъ денегъ при самой покупкѣ, а очень часто и вовсе никогда, а вся сдѣлка, вмѣстѣ съ массою другихъ сдѣлокъ, включается въ счетъ,

и уплачивается лишь балансъ этого счета. Это происходитъ разными способами; мы поочередно разсмотримъ ихъ, начиная, по нашему обыкновенію, простѣйшими.

«Вопервыхъ, предположимъ, что А и В --два торговца, имѣющіе между собою сдѣлки, въ которыхъ бываютъ оба и покупателями, и продавцами. А покупаетъ у В кредитъ. В покупаетъ у А также кредитъ. Въ концѣ года сумма, какую А долженъ В, сравнивается съ суммою, какую В долженъ А, и узнается, кто долженъ заплатить по балансу. Этотъ балансъ, который можетъ быть меньше, чѣмъ иная одна сдѣлка, а во всякомъ случаѣ меньше суммы всѣхъ сдѣлокъ,—только и уплачивается деньгами; а можетъ быть и онъ не уплачивается, а переносится въ текущій счетъ слѣдующаго года. Этимъ способомъ уплата 100 фунтовъ можетъ оказаться достаточною на очищеніе длиннаго ряда сдѣлокъ, изъ которыхъ иныя простирались на тысячи фунтовъ.

«Но, вовторыхъ, А можетъ уплачивать свои долги В безъ посредства денегъ, хотя бы В и не былъ ничего долженъ А. А можетъ удовлетворить В, переводя на него долгъ, который имѣетъ самъ на третьемъ лицѣ С. Это удобнымъ образомъ дѣлается посредствомъ документа, называемаго коммерческимъ векселемъ; такой вексель въ сущности составляетъ записку кредитора, посредствомъ которой онъ передаетъ другому свое требованіе денегъ съ своего должника, и если эта записка акцептируется должникомъ, то есть свидѣтельствуется его подписью, она становится признаніемъ долга со стороны должника.

«3. Коммерческіе векселя первоначально были введены для сбереженія расхода и риска, соединеннаго съ перевозкою золота и серебра. «Предположимъ, говоритъ Торнтонъ, что есть въ Лондонѣ десять фабрикантовъ, продающихъ свой товаръ десяти йоркскимъ купцамъ, пускающимъ его въ розничную торговлю; и предположимъ, что въ Йоркѣ есть десять фабрикантовъ другаго товара, продающихъ его десяти лондонскимъ купцамъ. Если такъ, не будетъ надобности для десяти лондонскихъ купцовъ ежегодно посылать гинеи въ Йоркъ на уплату йоркскимъ фабрикантамъ, а для десяти йоркскихъ купцовъ ежегодно посылать столько же гиней въ Лондонъ. Надобно только будетъ йоркскимъ фабрикантамъ принять въ конторахъ деньги отъ йоркскихъ купцовъ, давъ имъ въ замѣнъ письма, удостовѣряющія въ полученіи такой уплаты, и говорящія, чтобы деньги, приготовленныя ихъ должниками въ Лондонѣ, были уплачены лондонскимъ фабрикантамъ, чтобы въ Лондонѣ долгъ уплатился такимъ же способомъ, какъ въ Йоркѣ. Весь расходъ и рискъ денежныхъ пересылокъ будетъ сбереженъ черезъ это. Письма, по которымъ передаются долги, называются на нынѣшнемъ языкѣ коммерческими векселями. Это росписки, которыми долгъ одного лица обмѣнивается на долгъ другаго, и точно также полученіе долга въ одномъ мѣстѣ переводится въ другое мѣсто.»

За этимъ слѣдуетъ у Милля изложеніе того, какимъ способомъ происходятъ и какое значеніе имѣютъ различныя формы кредита —коммерческій вексель, коммерческая записка объ уплатѣ, записка на банкира отъ лица, не ведущаго коммерческихъ оборотовъ,

продажа въ кредитъ съ простою запискою по книгѣ, наконецъ банковый билетъ. Намъ здѣсь нѣтъ надобности вдаваться въ эти подробности, принадлежащія скорѣе спеціальному трактату о коммерческихъ обычаяхъ, чѣмъ общей политико-экономической теоріи. Довольно сказать одно: по внимательномъ разборѣ разныхъ формъ кредита, Милль приходитъ къ заключенію, что по своему дѣйствію на цѣны, то есть по своей покупательной силѣ, всѣ частныя формы кредита существенно одинаковы: дѣйствуетъ на цѣны не собственно то, въ какой формѣ расширяется или сокращается кредитъ, а только обстоятельство, что онъ расширяется или сокращается. Этотъ выводъ значительно приближаетъ насъ къ истинному и простому взгляду на дѣло, обыкновенно затемняемое въ курсахъ политической экономіи смѣшиваніемъ мелочныхъ подробностей, относящихся только къ коммерческой практикѣ, а не къ научной теоріи. Если мы теперь, узнавъ маловажность этихъ мелочей для научной теоріи, постараемся совершенно отвлечь отъ нихъ наше вниманіе, чтобы сосредоточить его на сущности дѣла, мы увидимъ, что она очень проста.

Кредитъ — ни больше, ни меньше, какъ долгъ, ссуда. Получать кредитъ, значитъ — получать въ ссуду, дѣлать долгъ; давать кредитъ — давать въ долгъ, въ ссуду. Спрашиваемъ теперь: признакомъ какого положенія служитъ исканіе ссудъ, заключеніе долговъ? — Признакомъ затруднительнаго положенія, невозможности извернуться собственными средствами. Признакомъ чего служитъ согласіе давать въ ссуду, въ долгъ? — Признакомъ нежеланія или неспособности человѣка самому заниматься приложеніемъ своихъ средствъ къ производительному труду. Такъ ли? Да, это самое можно найти и въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ Милля. Попробуемъ же не лукавить сами передъ собою въ отвѣтѣ на вопросъ: что изъ этого слѣдуетъ? — Изъ этого слѣдуетъ, что самымъ прикосновеніемъ своимъ къ извѣстному дѣлу кредитъ свидѣтельствуетъ о неудовлетворительномъ состояніи покупательной силы по этому дѣлу, — онъ открываетъ, что покупательной силы нѣтъ тамъ, гдѣ она нужна и полезна и что нахо-

дится она тамъ, гдѣ ненужна и неполезна*). Годится ли такое положеніе дѣлъ?

Не говорите о томъ, что кредитъ исправляетъ его, — мы это сами знаемъ, и согласны со всѣми вашими похвалами кредиту; мы находимъ только, что не слѣдуетъ признавать удовлетворительнымъ такой бытъ, въ которомъ кредитъ играетъ постоянную и важную роль. — Не говорите также, что въ старину, до развитія кредита, было еще хуже. Мало ли что было въ старину! Вообще, было въ старину гораздо хуже. Да не о томъ теперь рѣчь, а о томъ, каково нынѣ.

Какую же роль долженъ имѣть кредитъ въ общественной жизни при удовлетворительномъ устройствѣ экономическаго быта? — Чтобы отвѣчать на это, не мѣшаетъ подумать о томъ, въ чемъ собственно состоитъ экономическая дѣятельность общества. Въ обмѣнѣ ли состоитъ она? Нѣтъ, обмѣнъ ничего не производитъ; онъ — только одинъ изъ способовъ, которыми распредѣляется продуктъ, — способъ, получающій преобладаніе надъ другими способами распредѣленія при извѣстныхъ формахъ быта, но вовсе не единственный: гдѣ продуктъ потребляется тѣми же лицами, которыми производится, тамъ распредѣленіе продукта между ними совершается не косвеннымъ путемъ обмѣна, а прямымъ путемъ непосредственнаго разсчета, сколько слѣдуетъ получить кому изъ нихъ. Да и самое распредѣленіе — только посредствующее звено между производствомъ и потребленіемъ, имѣющими надъ нимъ рѣшительное преобладаніе въ экономической дѣятельности народа даже и при нынѣшнемъ устройствѣ быта, которое, будучи основано на обмѣнѣ, чрезвычайно сильно развиваетъ его до ненормальной чрезмѣрности. Выраженіе „торговый народъ“ — чистая иллюзія. Торговля оглушаетъ насъ своею шумною хлопотливостью, но болѣе тихое дѣло производства занимаетъ собою

*) Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ только о кредитѣ, дѣйствующемъ по направленію, одобряемому теоріею, переносящемъ покупательную силу отъ безплоднаго бездѣйствія или расточенія къ экономической дѣятельности, о ссудахъ отъ непроизводительнаго класса къ производительному. Кредитъ, дѣйствующій въ противоположномъ направленіи, въ видѣ ссудъ непроизводительному сословію, безусловно осуждаетъ и Милль, какъ мы видѣли; слѣдовательно это дѣло не нуждается въ нашихъ разъясненіяхъ. Что осуждаетъ въ нынѣшнемъ бытѣ даже господствующая теорія, того мы навѣрное уже не станемъ хвалить.

массу каждой націи, а торговля все-таки остается занятіемъ лишь довольно незначительной части населенія. Въ самой Англіи торговцы малочисленны сравнительно съ земледѣльцами, ремесленниками, фабричными работниками, и даже въ этой странѣ, которую мы, по поверхностному впечатлѣнію, воображаемъ страною, живущею по преимуществу дѣломъ заграничной торговли, масса продуктовъ, отправляемыхъ въ другія земли и получаемыхъ изъ другихъ земель, едва составляетъ одну пятую часть всѣхъ производимыхъ и потребляемыхъ продуктовъ *). Теперь, представимъ себѣ хозяйство, которое продаетъ лишь одну пятую часть своихъ продуктовъ и покупаетъ лишь пятую часть потребляемыхъ въ немъ предметовъ: должно ли нуждаться такое хозяйство въ ссудахъ? Оно имѣетъ средства производить немедленную уплату по всякой своей покупкѣ, потому что эти уплаты незначительны въ сравненіи съ его доходами. Такимъ образомъ, даже заграничная торговля должна была бы вестись, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, безъ помощи кредита. А если кредитъ по настоящему не нуженъ для обыкновеннаго хода даже заграничной торговли, въ которой онъ наиболѣе развитъ, тѣмъ легче должна была бы обходиться безъ него, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, внутренняя торговля, которая пользуется его помощью гораздо менѣе, чѣмъ заграничная.

Но мы говоримъ только про обыкновенныя обстоятельства. Самое хорошее хозяйство подвержено нечаяннымъ случайностямъ, иногда заставляющимъ его дѣлать займы. Такимъ несчастнымъ случайностямъ подвержена и экономическая жизнь націи. Впрочемъ, для цѣлой націи теперь остается уже только одинъ источникъ этихъ слишкомъ обширныхъ недостатковъ — неурожай. Въ неурожайный годъ можетъ понадобиться привозъ такой массы заграничнаго хлѣба, за которую трудно уплатить безъ нѣкоторой

*) Цѣнность товаровъ, отпускаемыхъ изъ Англіи въ послѣдніе пять лѣтъ (годы самаго сильнаго развитія заграничной торговли) была среднимъ числомъ менѣе 140 милл. фунтовъ стерлинг. въ годъ. Цѣнность продуктовъ, производимыхъ самою Англіею, составляла за эти годы никакъ не меньше, а по всей вѣроятности больше 700 милл. фунтовъ. (Земледѣліе, занимающее менѣе одной третьей части всѣхъ работниковъ, производитъ болѣе, чѣмъ на 200 милл. фунт. Трудъ ремесленнаго или фабричнаго работника производитъ цѣнность болѣе значительную, чѣмъ трудъ земледѣльческаго.)

разсрочки. Вотъ единственный натуральный случай надобности въ кредитѣ для заграничной торговли. Для отдѣльныхъ мѣстностей страны существуютъ другіе случаи этой несчастной необходимости. Напримѣръ, трудно обойтись безъ займа прибрежью рѣки, сильно пострадавшему отъ наводненія, или городу, опустошенному пожаромъ. Отдѣльное хозяйство можетъ сильно страдать, сверхъ этихъ, и отъ нѣкоторыхъ другихъ случайностей,— напримѣръ, отъ случайнаго совпаденія слишкомъ многихъ случаевъ болѣзни и смерти въ его составѣ. — Вотъ случаи, въ которыхъ дѣйствительно нуженъ кредитъ отдѣльному хозяйству, округу или цѣлой націи. Это все только случаи чрезвычайныхъ несчастій, очень тяжело ложащихся на жизнь въ данную минуту, но заглаживаемыхъ общимъ ходомъ жизни. Кредитъ долженъ облегчать ихъ, разлагая тяжесть ихъ на болѣе долгій срокъ времени, чтобы она становилась менѣе чувствительна.

Словомъ сказать, кредитъ — лѣкарство. Отрицать пользу лѣкарствъ никакъ не слѣдуетъ. Но плохо состояніе того человѣка, жизнь котораго — непрерывный рядъ принманія микстуръ и пилюль. Экономическая наука — медицина экономическаго быта. Но кромѣ даванія лѣкарствъ, у медицины есть другая, еще болѣе важная обязанность: разъяснить человѣку условія, которыя слѣдуетъ ему соблюдать, чтобы не нуждаться въ лѣкарствахъ. Господствующая теорія ограничивается одною патологіею. Гигіэническая часть, — важнѣйшая часть науки, — пренебрежена въ ней. Она не говоритъ о томъ, что происходитъ въ худосочномъ организмѣ, развивающемся въ холодѣ и сырости, въ которыхъ нельзя человѣку быть здоровымъ, въ организмѣ, преданномъ хмѣлю дикихъ страстей, завѣщанныхъ варварскими нравами старины, въ организмѣ, продолжающемъ питаться вредною пищею, приготовляемою по предразсудкамъ первобытнаго невѣжества. Господствующая теорія или сама слишкомъ труситъ истины, или слишкомъ угодничаетъ передъ дикими капризами, грубыми привычками, нелѣпою апатіею невѣжественнаго быта, призывающаго ее на помощь себѣ. Это не хорошо. Истина должна быть выше всего для науки. Надобно прямо говорить: „ты пичкаешь себя микстурами кредита и другихъ фармацевтическихъ ингредіентовъ.

Этого мало для тебя. Твоя обстановка негодится для здоровья, твой образъ жизни нелѣпъ. Измѣни обстановку, прими другія правила для жизни.“ — И смутимся ли мы, если на эту правду будутъ отвѣчать: „я не вижу этой надобности.“ — „Нынѣшній образъ жизни мнѣ милъ.“ — „У меня недостаетъ средствъ измѣнить обстановку.“ — „Вы утописты и невѣжды.“ — Смутимся ли мы этимъ? Развѣ смущался Стефенсонъ, когда ему говорили, что желѣзныя дороги ненужны, что пріятнѣе мальпостовъ и шоссе ничего быть не можетъ, что средства механики недостаточны для постройки желѣзныхъ дорогъ и локомотивовъ, что онъ утопистъ и невѣжда. Противъ него говорили все, что говорятъ противъ насъ. А онъ настойчиво твердилъ и твердилъ свое, и добился до торжества своей правды. Наша правда гораздо многосложнѣе и пообширнѣе Стефен овой, — натурально, и хлопотъ надъ распространеніемъ ея въ обществѣ должно быть для насъ гораздо побольше, чѣмъ было Стефенсону, — но что жь такое? — Насколько больше намъ труда съ нашимъ дѣломъ, настолько же и выше оно по своей пользѣ для людей, настолько же больше и любви къ себѣ внушаетъ оно тѣмъ, кто разноситъ прекрасную истину его.

Но само собою разумѣется, что кредитъ постоянно долженъ играть значительную роль при хозяйствѣ, основанномъ на обмѣнѣ, и чѣмъ живѣе развивается экономическая дѣятельность при системѣ денежнаго хозяйства, тѣмъ большая пропорція должна исполняться посредствомъ кредита и кредитныхъ знаковъ. Звонкая монета — вещь все-таки довольно объемистая, тяжелая, неповоротливая. При быстромъ ходѣ огромныхъ коммерческихъ сдѣлокъ, производить уплаты ею неудобно. Притомъ же, звонкая монета изнашивается отъ употребленія, а это убыточно по дороговизнѣ изнашивающагося матеріала ея. Потому въ странахъ, пользующихся твердымъ законнымъ порядкомъ, звонкая монета постоянно замѣняется въ ежедневномъ обращеніи кредитными знаками, и главная масса ея спокойно лежитъ резервнымъ фондомъ въ учрежденіяхъ, выпускающихъ банковые билеты, которые составляютъ самую удобную для денежнаго обращенія форму кредита. Этотъ резервный фондъ нуженъ собственно для обезпеченія размѣна банковыхъ билетовъ на звонкую монету, представителями

которой они служатъ. Если кредитъ выпускающаго билеты учрежденія очень проченъ, резервный фондъ безопасно можетъ составлять только довольно небольшую долю всего количества билетовъ, — одну треть, или одну четверть, быть можетъ даже и меньше. Изъ этого и разныхъ другихъ обстоятельствъ явилась мысль о возможности безопаснаго обращенія и такихъ банковыхъ билетовъ или бумажныхъ денегъ, которыя не имѣли бы за собою резервнаго фонда звонкой монеты или не давали бы владѣльцамъ своимъ права требовать размѣна ихъ на звонкую монету изъ кассы выпустившаго ихъ учрежденія. Эта иллюзія имѣетъ очень многихъ приверженцевъ; потому приведемъ изъ Милля разборъ ея.

«1) Опытъ показалъ, что куски бумаги, не имѣющіе никакой внутренней цѣнности, могутъ быть введены въ обращеніе съ цѣнностью звонкой монеты просто вслѣдствіе надписи на нихъ, что они равняются извѣстному числу франковъ, долларовъ или фунтовъ; опытъ показалъ, что лицамъ, выпускающимъ ихъ, они приносятъ всю ту выгоду, какую могла бы принести звонкая монета, представительницами которой называются эти бумаги; правительства стали думать, что выгодно было бы имъ присвоить себѣ эту выгоду, не соблюдая условія, которому подчинены были частныя лица, выпускающія эту бумагу, которою замѣняются деньги, — не соблюдая обязанности давать по востребованію за этотъ знакъ обозначаемую имъ вещь. Правительства рѣшили сдѣлать попытку, нельзя ли имъ освободиться отъ этой непріятной обязанности и дать выпущенному ими куску бумаги ходъ фунта просто тѣмъ, чтобы назвать его фунтомъ и принимать его въ уплату налоговъ. И вліяніе почти всѣхъ прочныхъ правительствъ такъ сильно, что вообще они успѣли достичь этой цѣли; кажется, могъ бы я сказать, что всегда они успѣвали въ томъ на нѣкоторое время, и теряли эту силу лишь вслѣдствіе того, когда слишкомъ неумѣренно пользовались ею.

«Въ предполагаемомъ нами случаѣ роль денегъ исправляется вещью, которая получаетъ силу исполнять ее единственно по соглашенію людей; но для доставленія такой силы предмету уже и достаточно такого соглашенія; потому что, если человѣкъ убѣжденъ, что извѣстная вещь будетъ принимаема другими точно такъ же, какъ имъ, этого уже и довольно, чтобы онъ принималъ какую нибудь вещь, какъ деньги, и даже по какой угодно цѣнности. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность такого орудія обмѣна, потому что она не можетъ опредѣляться цѣнностью производства, какъ опредѣляется цѣнность золота и серебра или бумаги, размѣниваемой на нихъ по первому востребованію.

«Но мы видѣли, что даже и цѣнность звонкой монеты непосредственно опредѣляется количествомъ этой монеты. Если бы количество ея зависѣло не отъ обыкновенныхъ коммерческихъ разсчетовъ прибыли и убытка, а могло бы опредѣляться

по произволу правительства, цѣнность звонкой монеты опредѣлялась бы распоряженіемъ этого правительства, а не стоимостью производства. Количество бумажныхъ денегъ, не подлежащихъ размѣну на золото и серебро по желанію предъявителя, можетъ опредѣляться произвольно, въ особенности если выпускаются эти деньги верховнымъ государственнымъ правительствомъ. Потому цѣнность такихъ денегъ совершенно произвольна.

«Предположимъ, что въ странѣ, въ которой обращалась только звонкая монета, вдругъ выпускаются бумажныя деньги на половину той суммы, какую составляла звонкая монета; выпускаются не банковымъ учрежденіемъ и не въ формѣ займа, а правительствомъ въ уплату жалованья и въ покупку товаровъ. Количество обращающихся денегъ вдругъ увеличилось на половину; потому поднимутся цѣны всѣхъ предметовъ, и между прочимъ цѣны всѣхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ золота и серебра. Цѣнность унціи золота въ издѣльяхъ станетъ выше цѣнности унціи золотыхъ денегъ больше, чѣмъ на обыкновенную разницу, вознаграждающую за цѣнность выдѣлки; и будетъ прибыльно переплавлять монету для передѣлки въ золотыя вещи, пока сумма денегъ уменьшится этою переливкою золотыхъ денегъ настолько, сколько прибавилось къ ней выпускомъ бумаги. Тогда цѣны спустятся опять до первоначальной величины и все будетъ по прежнему, кромѣ той одной перемѣны, что бумажныя деньги замѣстили собою половину звонкой монеты, существовавшей прежде. Предположимъ теперь новый выпускъ бумаги; возобновится тотъ же рядъ послѣдствій; и отъ слѣдующихъ выпусковъ бумаги исчезнетъ наконецъ вся звонкая монета (то есть, если выпускается бумага — наименованія, равнаго самой мелкой монетѣ; а если не выпускается бумаги такого малаго наименованія, останется столько мелкой звонкой монеты, сколько надобно для мелкихъ платежей). Отъ прибавки въ количествѣ золота и серебра, готоваго идти на украшенія, цѣнность этого товара на нѣкоторое время нѣсколько понизится; и хотя бы выпущено было бумажныхъ денегъ на всю первоначальную сумму звонкой монеты, но вмѣстѣ съ бумагою удержится въ обращеніи столько звонкой монеты, сколько нужно, чтобы держать цѣнность денегъ наравнѣ съ уменьшенною цѣнностью металлическаго матеріала: эта часть звонкой монеты будетъ держаться въ обращеніи, пока цѣнность золота и серебра остается ниже прежняго: но цѣнность этихъ металловъ упала ниже стоимости производства, и снабженіе золотомъ и серебромъ изъ рудниковъ остановится или уменьшится; такимъ образомъ излишекъ ихъ уничтожится путемъ обыкновеннаго уничтоженія, и послѣ того благородные металлы и деньги снова пріобрѣтутъ свою естественную цѣнность. Мы тутъ предполагаемъ, какъ предполагали постоянно до сихъ поръ, что страна имѣетъ собственные рудники и не имѣетъ никакихъ коммерческихъ сношеній съ другими странами; а въ странѣ, имѣющей заграничную торговлю, звонкая монета, сдѣлавшаяся излишнею отъ выпуска бумаги, уносится способомъ, гораздо болѣе быстрымъ *).

«До сихъ поръ, вліяніе бумажныхъ денегъ въ сущности одинаково, будутъ ли или не будутъ имѣть они размѣнъ на звонкую монету; разница между этими двумя положеніями бумажныхъ денегъ начинаетъ обнаруживаться, когда звонкая

*) То есть уходитъ за границу.

монета уже совершенно замѣщена бумажными деньгами и вытѣснена изъ обращенія. Предположимъ, что когда все золото и серебро уже вышло изъ обращенія, будучи замѣщено бумажными деньгами на такую же сумму, прибавился еще новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Возобновляется прежній рядъ явленій: поднимаются цѣны, между прочимъ цѣны золотыхъ и серебряныхъ вещей, и попрежнему является выгода доставать звонкую монету для переплавки въ слитки. Звонкой монеты уже нѣтъ въ обращеніи; но если бумажныя деньги подлежатъ размѣну на нее, можно еще, въ обмѣнъ за билеты, получать ее отъ учрежденія, выпускающаго билеты. Потому, всѣ прибавившіеся билеты, которые вталкивались въ обращеніе по совершенномъ замѣщеніи золота и серебра бумагою, возвратятся къ выпустившему ихъ учрежденію для размѣна на звонкую монету; и если бумага размѣнивается на металлы, нельзя будетъ удержать въ обращеніи такого количества бумаги, при которомъ цѣнность ея упала бы ниже металла, представляемаго ею. Но не то бываетъ съ неразмѣнною бумагою. Возрастанію количества ея нѣтъ остановки, если она допущена закономъ. Она можетъ безгранично размножаться новыми выпусками, понижающими ея цѣнность и соразмѣрно тому поднимающими цѣны, иначе сказать, безгранично роняющими ее.

«Всѣ перемѣны въ цѣнности орудія обмѣна вредны: онѣ нарушаютъ существующіе договоры и соображенія, и при опасеніи такихъ перемѣнъ становятся совершенно невѣрны денежныя обязательства на долгій срокъ. Лицо, покупающее себѣ или дающее другому пожизненный доходъ въ 100 фунтовъ, не знаетъ, чему будетъ равняться эта сумма черезъ нѣсколько лѣтъ, — 200 фунтамъ или 50 фунтамъ на нынѣшнія деньги.

«2. Чтобы цѣнность денегъ была безопасна отъ преднамѣренныхъ измѣненій и какъ можно меньше подвергалась случайнымъ колебаніямъ, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ сдѣланы нормою денежной цѣнности товары, менѣе всѣхъ извѣстныхъ товаровъ подверженные колебанію цѣнности, — благородные металлы, и не слѣдуетъ существовать бумажнымъ деньгамъ, цѣнность которыхъ не сообразовалась бы съ цѣнностью этихъ металловъ. Это основное правило никогда и никѣмъ не забывалось вполнѣ. Вообще лица или общества, выпускавшія бумажныя деньги, объявляли, что намѣрены когда нибудь въ будущемъ начать уплаты звонкою монетою за бумажныя деньги; а если и не говорили этого, то уже тѣмъ самымъ, что всегда давали своимъ бумажнымъ деньгамъ имена металическихъ монетъ, они уже дѣлали подразумѣваемое обѣщаніе держать ихъ въ цѣнности, равной съ золотыми и серебряными монетами. Держать въ такой цѣнности даже и неразмѣнныя бумажныя деньги — дѣло не невозможное. Правда, при неразмѣнности нѣтъ той самодѣйствующей остановки размноженію бумажныхъ денегъ, какая дается размѣномъ. Но все-таки есть ясный, несомнѣнный признакъ, по которому видно бываетъ, упала ли цѣнность бумажныхъ денегъ, и насколько именно упала. Этотъ признакъ — цѣна золота и серебра. Когда уже не остается звонкой монеты въ обращеніи, и нельзя доставать ее на переплавку въ слитки, цѣна золота и серебра поднимается и падаетъ, подобно цѣнѣ другихъ предметовъ. Если она выше цѣны, установленной для чеканки денегъ, если унція золота, изъ которой вычеканивалось бы 3 фунта, 17 шиллинговъ, $10^1/_2$

пенсовъ, продается за 4 или 5 фунтовъ бумажныхъ денегъ, это значитъ, что въ такой пропорціи цѣнность ихъ упала ниже цѣнности, какую имѣла бы звонкая монета. Потому бумажныя неразмѣнныя деньги не будутъ имѣть ни одного изъ неудобствъ, обыкновенно считаемыхъ принадлежащими самой натурѣ ихъ, если выпускъ такихъ денегъ подчиненъ строгимъ правиламъ, изъ которыхъ однимъ будетъ, что когда цѣна слитковъ поднимается выше монетной цѣны металла, количество выпущенныхъ бумажныхъ денегъ должно быть уменьшаемо до того, пока рыночная цѣна слитковъ и монетная цѣна опять сравняются.

«Но при такой системѣ неразмѣнность бумажныхъ денегъ и не имѣла бы столько выгоды, чтобы принять ее. Неразмѣнныя бумажныя деньги, выпуски которыхъ опредѣляется цѣною слитковъ, совершенно сходились бы во всемъ съ бумажными деньгами, подлежащими размѣну, и выгода отъ неразмѣнности ихъ была бы та, что при ней не было бы надобности держать никакого резервнаго фонда изъ золота и серебра; этотъ разсчетъ не очень важенъ, особенно потому, что пока добросовѣстность правительства не заподозрѣна, ему не нужно держать такого большаго резервнаго фонда, какъ частнымъ банкирамъ, по невозможности столь большихъ и внезапныхъ востребованій: серьезныхъ сомнѣній въ его состоятельности никогда быть не можетъ. Эта неважная выгода перевѣшивается, вопервыхъ, возможностью обманчивыхъ спекуляцій надъ цѣною слитковъ, съ цѣлью дѣйствовать на цѣну денегъ, въ родѣ того, какъ среднія цѣны хлѣба колеблются фиктивными его продажами, на которыя такъ много и справедливо жаловались въ Англіи при существованіи хлѣбныхъ законовъ. Но еще сильнѣе тотъ разсчетъ, что выгодно держаться простаго правила самому необразованному уму. Каждому понятно, что такое бумажныя деньги, размѣниваемыя на звонкую монету; каждый видитъ, что вещь, которую всегда тотчасъ же можно обмѣнивать на 5 фунтовъ, стоитъ 5 фунтовъ. Регулированіе бумажныхъ денегъ цѣною слитковъ — понятіе, болѣе сложное и лишенное выгодной связи съ обычными представленіями. Масса публики далеко не имѣла бы довѣрія къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ, какъ при размѣнѣ бумажныхъ денегъ на звонкую монету; да и образованнѣйшій человѣкъ справедливо могъ бы сомнѣваться, будетъ ли неуклонно соблюдаемо правило объ ограниченіи количества денегъ. Основанія этого правила не вполнѣ понятны для публики; потому общественное мнѣніе вѣроятно не стало бы совершенно строго вынуждать къ его соблюденію, а въ затруднительныхъ обстоятельствахъ обратится противъ него; а для самого правительства остановить размѣнъ на звонкую монету представляется мѣрою, гораздо болѣе крутою и крайнею, чѣмъ представлялось бы отступленіе отъ правила, могущаго казаться нѣсколько искусственнымъ Итакъ очень сильны причины предпочитать размѣнъ на звонкую монету неразмѣнности бумажныхъ денегъ, хотя бы она регулировалась наилучшимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ финансовыхъ случаяхъ соблазнъ къ выпуску лишняго количества бумажныхъ денегъ такъ силенъ, что нельзя допускать ничего, сколько бы то ни было ведущаго къ ослабленію преградъ, удерживающихъ отъ этого излишества.

«3. Нѣтъ въ политической экономіи ни одного вывода, основаннаго на такихъ очевидныхъ причинахъ, какъ вредность бумажныхъ денегъ, не удерживаемыхъ

въ одной цѣнности съ звонкою монетою, или своею размѣнностью, или какимъ нибудь равносильнымъ ей принципомъ ограниченія; потому этотъ выводъ, хотя и не безъ долголѣтнихъ споровъ, довольно порядочно вколоченъ наконецъ въ общественное сознаніе; но до сихъ поръ еще многочисленны люди, отвергающіе его, и безпрестанно появляются прожектеры съ планами объ исцѣленіи всѣхъ экономическихъ бѣдствій общества посредствомъ неограниченнаго выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Правда и то, что есть въ этой мысли большая очаровательность. Возможность уплатить государственный долгъ, покрывать правительственные расходы безъ налоговъ и ни больше, ни меньше, какъ обогатить каждаго человѣка въ обществѣ, — эта программа блестящая, если только способенъ человѣкъ думать, что можно исполнить ее печатаніемъ нѣсколькихъ словъ и цифръ на лоскуткахъ бумаги. Развѣ отъ философскаго камня можно ждать такой же пользы!

«Какъ ни много разъ были убиваемы эти проэкты, они постоянно возрождаются; потому не лишнемъ дѣломъ будетъ разсмотрѣть два-три обольщенія, которыми обманываютъ самихъ себя изобрѣтатели ихъ. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обольщеній тутъ — мысль, будто бы излишка въ выпускѣ бумажныхъ денегъ не можетъ быть, пока каждая выпущенная бумажка *представляетъ* собою имущество или имѣетъ себѣ *основаніе* въ дѣйствительно существующемъ имуществѣ. Съ этими словами «представлять собою» и «основываться» рѣдко соединяется ясное или точно опредѣленное понятіе; а если бываетъ оно въ нихъ, то смыслъ ихъ бываетъ лишь тотъ, что лица, выпускающія бумагу, должны *имѣть* имущество, свое собственное или ввѣренное имъ, на полную цѣнность всѣхъ выпускаемыхъ бумажекъ; но къ чему это нужно, хорошенько разобрать нельзя; потому что не легко разгадать, какимъ манеромъ простое существованіе имущества можетъ служить поддержкою цѣнности бумажекъ, если этого имущества нельзя требовать въ обмѣнъ за нихъ. Предположу однакоже, что оно назначено служить для имѣющихъ бумажки гарантіею того, что они были бы наконецъ вознаграждены, въ случаѣ, если бы какое нибудь несчастное событіе заставило бросить всю эту систему. По этой теоріи составлено много плановъ «перечеканить всю землю страны въ деньги» и т. п.

«Насколько эта мысль имѣетъ хоть какую нибудь связь съ разсудкомъ, она возникаетъ изъ смѣшенія двухъ совершенно разныхъ дурныхъ сторонъ, какія бываютъ въ бумажныхъ деньгахъ. Первая сторона — несостоятельность лицъ, выпустившихъ бумажки; если бумажки основаны на ихъ кредитѣ, на обѣщаніи уплаты звонкою монетою по первому востребованію или въ извѣстный срокъ, эта несостоятельность конечно лишаетъ бумажки всей цѣнности, какую даетъ обѣщаніе размѣна. Бумажныя деньги могутъ подвергаться этой бѣдѣ, въ какомъ бы умѣренномъ количествѣ ни были выпущены; и противъ нея дѣйствительно успѣшною предосторожностью было бы условіе, что всякій выпускъ долженъ «основываться на собственности». Напримѣръ, что билеты должны выпускаться лишь съ залогомъ подъ нихъ какого нибудь цѣннаго предмета, прямо назначеннаго на ихъ выкупъ. Но теорія эта не принимаетъ въ разсчетъ другой бѣды, которой могутъ подвергаться билеты самой состоятельной фирмы, компаніи или правительства: они могутъ упасть въ цѣнѣ оттого, что выпущены въ чрезмѣрномъ количествѣ. Ассиг-

наты во время французской революціи были примѣромъ денегъ, основанныхъ на этихъ принципахъ. Они «представляли» собою громадную массу чрезвычайно цѣннаго имущества, именно коронныя, церковныя, монастырскія земли и земли эмигрантовъ. Все это вмѣстѣ составляло, быть можетъ, около половины французской территоріи. Ассигнаты были закладными записями на эту массу земли или квитанціями на полученіе земель. Революціонное правительство вздумало «перечеканить» эти земли въ деньги; но, къ чести его, должно сказать, первоначально не думало о безмѣрномъ размноженіи этихъ билетовъ, къ которому было принуждено силою событій, при исчезновеніи всѣхъ другихъ финансовыхъ средствъ. Оно думало, что ассигнаты станутъ быстро возвращаться въ руки правительства въ обмѣнъ за землю, и что ему можно будетъ постоянно выпускать ихъ вновь, пока всѣ земли распродадутся, и постоянно будетъ въ обращеніи очень умѣренное количество ихъ. Оно обманулось въ этой надеждѣ: земля не продавалась такъ быстро, какъ оно ожидало; покупщики не были расположены обращать свои деньги въ имущества, которыя вѣроятно были бы взяты назадъ безъ вознагражденія, если революція была бы подавлена. Лоскуты бумаги, представлявшіе собою землю, чрезвычайно размножившись, точно такъ же не могли сохранить своей цѣнности, какъ не сохранила бы ее и самая земля, если бы вся вдругъ явилась на рынокъ; результатъ былъ тотъ, что наконецъ за чашку кофе требовалось платить ассигнатъ въ 500 франковъ.

«Говорятъ, что примѣръ ассигнатовъ неубѣдителенъ, потому что ассигнатъ представлялъ собою только землю вообще, а не какое нибудь опредѣленное количество земли. Утверждаютъ, что вѣрнымъ средствомъ предотвратить упадокъ ихъ цѣны было бы сдѣлать оцѣнку всего конфискованнаго имущества, по цѣнности его, на звонкую монету и выпускать ассигнаты до этой суммы, но не выше ея, давая владѣльцамъ ассигнатовъ право брать какой угодно кусокъ земли по ея кадастровой оцѣнкѣ, въ обмѣнъ за такую же сумму ассигнатовъ. Не можетъ быть спора о томъ, что такой планъ лучше системы, которой тогда слѣдовали. Если бы приняли этотъ методъ, ассигнаты никакъ не могли бы упасть до нелѣпой цѣны, до какой упали: они сохранили бы всю свою покупательную силу относительно земли, какъ бы сильно ни упали относительно другихъ предметовъ; потому вѣроятно были бы они предъявляемы на обмѣнъ за землю прежде, чѣмъ потеряли бы много изъ своей рыночной цѣнности. Но должно не забывать, что если бы они не теряли цѣнности, это значило бы, что количество ихъ, продолжающее находиться въ обращеніи, — не больше того, какое находилось бы въ обращеніи и при размѣнѣ ихъ на звонкую монету. И такъ, если въ революціонное время и были очень полезны эти деньги, размѣниваемыя на землю по первому востребованію, какъ способъ быстро продать большое количество земли съ наименьшею по возможности потерею, но трудно сказать, какую выгоду для страны, сравнительно съ бумажными деньгами, размѣниваемыми на звонкую монету, имѣла бы эта система, какъ постоянное учрежденіе; а каковы были бы ея невыгоды, вовсе нетрудно сказать: цѣнность земли гораздо измѣнчивѣе цѣнности золота и серебра; сверхъ того, для большинства владѣніе землею пріятно лишь при возможности обратить ее въ деньги, а безъ того было бы скорѣе обременительно, чѣмъ пріятно; изъ этого слѣдуетъ, что нуженъ гораздо

большій упадокъ въ цѣнности денегъ, чтобы люди стали обмѣнивать ихъ на землю, чѣмъ какой достаточенъ для того, чтобы обмѣнивать ихъ на золото и серебро *).

«4. Одно изъ самыхъ явныхъ заблужденій, которыми думали опровергнуть надобность въ размѣнѣ бумажныхъ денегъ на звонкую монету, — ошибка, проникающая всю книгу, недавно изданную Джономъ Грè (Lectures on the Nature and use of Money, by John Gray). Изъ всѣхъ плановъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, какіе читалъ я, планъ Грè самый замысловатый, и менѣе всѣхъ другихъ имѣетъ въ себѣ недостатковъ. Авторъ очень сильно проникся нѣкоторыми изъ главныхъ мыслей политической экономіи, и въ томъ числѣ важною мыслью, что истиннымъ рынкомъ для товаровъ служатъ сами товары и что производство — существенная причина и мѣра запроса. Но по его словамъ эта теорема, примѣняющаяся къ системѣ мѣны, не прилагается къ денежной системѣ, управляемой золотомъ и серебромъ, потому что если сумма товаровъ возрастаетъ быстрѣе суммы денегъ, цѣны должны падать и всѣ производители подвергаться потерямъ; а количество золота, серебра «рѣшительно не можетъ быть увеличиваемо по произволу такъ быстро, какъ увеличивается общая сумма всѣхъ другихъ предметовъ, имѣющихъ цѣнность»; такимъ образомъ, произвольно ставится предѣлъ суммѣ производства, какое можетъ быть ведено безъ потери для производителей; и на этомъ основаніи Грè обвиняетъ существующую систему въ томъ, что отъ нея продуктъ Англіи становится по крайней мѣрѣ на 100 милліоновъ фунтовъ въ годъ меньше, чѣмъ былъ бы при денежной системѣ, могущей расширяться совершенно пропорціонально возрастанію количества товаровъ.

«Но, вопервыхъ, что мѣшаетъ количеству золота или какого другаго товара, «увеличиваться столь же быстро, какъ возрастаетъ общая сумма всѣхъ другихъ предметовъ, имѣющихъ цѣнность?» Когда общая сумма всѣхъ производимыхъ на земномъ шарѣ товаровъ удвоилась, что же препятствуетъ также удвоиться годичному производству золота? А вѣдь только это и было бы нужно, а не то, чтобы (какъ можно подумать по способу выраженія Грè) оно удвоилось столько разъ, сколько есть другихъ, имѣющихъ цѣнность предметовъ, сравниваемыхъ съ золотомъ. Пока не будетъ доказано, что производство благородныхъ металловъ не можетъ увеличиться отъ увеличенія употребляемаго на то труда и капитала, останется очевиднымъ дѣломъ, что возрастаніе цѣнности товара будетъ точно такъ же возбуждать къ расширенію рудокопныхъ операцій, какъ возбуждаетъ (по признанію самого Грè) къ расширенію операцій во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства.

*) Вотъ одинъ изъ тѣхъ плановъ относительно денежной системы, которые, странно сказать, оказываются имѣющими за себя писателей замѣчательнаго ума. Государство должно принимать въ залогъ всякую собственность безъ ограниченія суммы, напримѣръ, землю, скотъ и т. д., и выдавать собственникамъ неразмѣнныя бумажныя деньги, по сдѣланной оцѣнкѣ. Такія деньги не имѣли бы даже и тѣхъ достоинствъ, какъ воображаемые ассигнаты, о которыхъ говоритъ наша гипотеза: лица, которымъ заплатили бы этими билетами люди, получавшіе ихъ, не могли бы возвращать ихъ правительству и требовать въ обмѣнъ за нихъ землю или скотъ, потому что эти вещи только заложены, а не отчуждены. Такіе ассигнаты не возвращались бы въ руки правительства, и упадокъ ихъ цѣны не имѣетъ границы.

«Но, вовторыхъ, если бъ количество денегъ и вовсе не могло увеличиваться, и если бъ всякое увеличеніе въ суммѣ продукта страны необходимо сопровождалось пропорціональнымъ пониженіемъ общей высоты цѣнъ, то все-таки непонятно, какъ человѣкъ, вникавшій въ дѣло, можетъ не видѣть, что упадокъ цѣны, происходящій отъ этой причины, не обращается въ потерю производителя; они получаютъ меньше денегъ; но меньшая сумма имѣетъ теперь во всѣхъ и производительныхъ, и личныхъ расходахъ ровно такую же силу, какую имѣла прежде большая сумма. Единственная перемѣна была бы въ томъ, что увеличилась бы тяжесть неизмѣняющихся денежныхъ платежей; а при очень медленномъ ходѣ, какой имѣла бы эта перемѣна, лишь очень малая доля этого обремененія упала бы на производительные классы, на которыхъ мало бываетъ давнишнихъ долговъ и которые потерпѣли бы почти только отъ увеличенія тяжести своей доли въ платежѣ тѣхъ налоговъ, которыми уплачиваются проценты государственнаго долга.

«5. Третье обольщеніе, на которомъ опираются приверженцы неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, — мысль, будто бы отъ увеличенія количества денегъ оживляется промышленность. Эту мысль зарекомендовалъ Юмъ въ своемъ «трактатѣ о деньгахъ,» и съ той поры она имѣла много преданныхъ приверженцевъ, напримѣръ писателей, называющихся Бирмингамскою школою (Birmingham Currency School), замѣчательнѣйшимъ представителемъ которой былъ нѣкогда Аттвудъ. Онъ утверждалъ, что возвышеніе цѣнъ, производимое увеличеніемъ количества бумажныхъ денегъ, возбуждаетъ каждаго производителя къ самой усиленной энергіи и вводитъ въ полное занятіе весь капиталъ и трудъ страны, что это всегда бывало во всѣ періоды возвышенія цѣнъ, когда возвышеніе происходило въ достаточно большомъ размѣрѣ. Но я полагаю, что побужденіемъ, поощрявшимъ, по словамъ Аттвуда, къ этому необыкновенному усердію всѣхъ людей, занятыхъ производствомъ, было ожиданіе получить въ обмѣнъ за продуктъ своего труда вообще большее количество всякихъ вообще товаровъ, получить больше реальнаго богатства, а не просто только получить больше лоскутовъ бумаги. А самая терминологія гипотезы показываетъ, что въ этомъ ожиданіи люди обманывались; потому что при гипотезѣ равнаго возвышенія всѣхъ цѣнъ, въ сущности никто не получалъ за свои товары больше прежняго. Писатели, соглашающіеся съ Аттвудомъ, могли бы склонить людей къ этой чрезвычайной дѣятельности лишь продолженіемъ того, что на самомъ дѣлѣ оказывалось бы обольщеніемъ, лишь такимъ устройствомъ дѣлъ, чтобы постоянно возрастали денежныя цѣны и каждому производителю постоянно казалось, будто бы онъ вотъ уже и получаетъ вознагражденіе больше прежняго, чего на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не получаетъ. Довольно будетъ, не приводя другихъ возраженій противъ этого плана, указать только на его совершенную неосуществимость. Онъ разсчитываетъ на то, что всѣ вѣчно будутъ держаться мнѣнія, будто бы отъ увеличенія въ числѣ лоскутовъ бумаги они богатѣютъ, и никогда не замѣтятъ, что на всю свою бумагу не могутъ они купить никакого предмета больше, чѣмъ покупали прежде. Такого заблужденія не бывало въ людяхъ ни въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ возвышенія цѣнъ, опыту которыхъ придаетъ такъ много важности Бирмингамская школа. Въ тѣ періоды, которые Аттвудъ ошибочно считалъ временами благоденствія и

которыя были просто временами спекуляціи (какъ непремѣнно должны быть и всѣ періоды возвышенія цѣнъ при размѣнивающихся бумажныхъ деньгахъ), — въ эти періоды спекулянты думали, будто бы они обогащаются не потому, что высокія цѣны удержатся, а потому что онѣ не удержатся и что каждый, успѣвшій реализировать во время дороговизны, найдетъ себя послѣ упадка цѣнъ — имѣющимъ большее прежняго количество фунтовъ стерлинговъ, которые станутъ имѣть не меньше цѣнности, чѣмъ прежде. Если бы въ концѣ спекуляціи сдѣланъ былъ выпускъ бумажныхъ денегъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы удержались цѣны на крайней высотѣ, какой достигали, никто не былъ бы огорченъ такъ сильно, какъ спекулянты, потому что растаялъ бы въ ихъ рукахъ барышъ, который, какъ имъ казалось, пріобрѣли они своевременнымъ реализированіемъ (на счетъ своихъ сотоварищей, покупавшихъ, когда они продавали, и ставившихся въ необходимость продавать, по упадкѣ цѣнъ), и вмѣсто этого барыша не пріобрѣли бы они ничего, кромѣ того, что приходится имъ пересчитывать нѣсколько больше лоскутковъ бумаги, чѣмъ прежде.

«У Юма эта теорія имѣла нѣсколько иной видъ, чѣмъ у Аттвуда. Онъ думалъ, что не всѣ товары поднимутся въ цѣнѣ одновременно и что потому нѣкоторые люди получатъ дѣйствительный выигрышъ, получивъ за свои проданные товары денегъ больше прежняго, между тѣмъ, какъ еще не всѣ тѣ предметы, которые желаютъ они купить, поднялись въ цѣнѣ. И кажется, онъ думалъ такъ, что достанется этотъ выигрышъ непремѣнно тѣмъ, кто покончитъ дѣло раньше другихъ. Но очевидно, что на каждаго, получающаго такимъ образомъ больше обыкновеннаго, непремѣнно долженъ приходиться кто нибудь другой, получающій меньше обыкновеннаго. Если бы дѣла шли по гипотезѣ Юма, теряющимъ лицомъ былъ бы продавецъ товаровъ, поднимающихся въ цѣнѣ медленнѣе другихъ: онъ по этой гипотезѣ отдаетъ свои товары за прежнія цѣны покупщикамъ, уже воспользовавшимся новыми цѣнами; онъ получилъ за свой товаръ лишь прежнее количество денегъ, между тѣмъ какъ ужь есть вещи, которыхъ нельзя купить въ прежнемъ количествѣ за эти деньги. Потому, если онъ знаетъ ходъ дѣла, онъ возвыситъ свою цѣну, и тогда покупщикъ не получитъ барыша, которымъ, по гипотезѣ Юма, возбуждается его дѣятельность. Если же, напротивъ, продавецъ не знаетъ положенія дѣлъ и догадается о немъ лишь когда найдетъ при расходованіи своихъ денегъ, что недостаетъ ихъ на прежнія покупки, — если будетъ такъ, то онъ получаетъ за свой трудъ и капиталъ вознагражденіе меньше обыкновеннаго, и если дѣятельность другаго торговца поощряется, то надобно думать, что, по противоположности его обстоятельствъ, его дѣятельность ослабляется.

«6. Общее и прочное возвышеніе цѣнъ или, иными словами, упадокъ цѣнности денегъ — не можетъ никому послужить въ выгоду иначе, какъ съ убыткомъ кому нибудь другому. Замѣненіе звонкой монеты бумажными деньгами — выигрышъ для націи: всякое увеличеніе количества бумажныхъ денегъ сверхъ этой границы — только особенный видъ налога.

«Выпускъ билетовъ — явный выигрышъ для выпускающихъ лицъ, которыя пользуются билетами, какъ будто билеты эти — дѣйствительный капиталъ, пока

не возвращаются къ нимъ на уплату сами билеты: и пока билеты не увеличиваютъ постояннаго количества денегъ, а лишь замѣняютъ равную ихъ суммѣ сумму золота или серебра, выигрышъ лица, выпускающаго билеты, не служитъ убыткомъ никому. Онъ получается чрезъ то, что общество избавляется отъ издержекъ на матеріалъ, который обходится обществу дороже. Но если уже не остается золота или серебра на замѣну билетами, если билетами увеличивается количество денегъ, а не просто замѣняется металлическая часть денегъ, то люди, въ рукахъ которыхъ находятся деньги, теряютъ черезъ упадокъ ихъ цѣнности ровно столько же, сколько выигрываетъ выпускающій билеты. Въ сущности дѣла, съ нихъ берется налогъ въ его пользу. Могутъ возразить, что выигрываютъ также производители и торговцы, которые получаютъ ссуды, благодаря вновь выпущеннымъ билетамъ. Но ихъ выигрышъ — не прибавка къ выигрышу, получаемому выпускающимъ билеты лицомъ на счетъ всѣхъ, у кого въ рукахъ были деньги, а составляетъ лишь часть этого выигрыша. Лицо, выпускающее билеты, не оставляетъ у себя, а дѣлитъ съ своими кліентами налогъ, собираемый съ публики.

Все это совершенно справедливо, и мысль о возможности прочной системы бумажныхъ денегъ, не размѣниваемыхъ по первому востребованію на звонкую монету выпустившимъ ихъ учрежденіемъ, — о возможности обезпечивать прочную цѣнность бумажныхъ денегъ чѣмъ бы то ни было, кромѣ звонкой монеты, — эта мысль ни больше, ни меньше, какъ чистѣйшіе пустяки. — Но планы выпуска бумажныхъ денегъ въ огромномъ количествѣ имѣютъ еще другое значеніе, кромѣ того, какое показываетъ въ нихъ Милль. Бываютъ и такіе выпуски чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ, которые имѣютъ цѣлью одно покрытіе государственныхъ расходовъ черезъ эту особенную форму безпроцентнаго займа. Но едва ли найдется хотя одинъ значительный теоретикъ или публицистъ, который защищалъ бы подобные обороты. Но есть многіе замѣчальные теоретики, требующіе такого же выпуска бумажныхъ денегъ совершенно съ иною цѣлью, съ цѣлью употребить эти деньги на совершеніе важныхъ реформъ въ экономическомъ бытѣ страны.

Постройка желѣзныхъ дорогъ, устройство дренажа или орошенія полей въ широкомъ размѣрѣ, забота о развитіи какой нибудь отрасли промышленности, и т. д., и т. д., — словомъ сказать, всякое улучшеніе, совмѣстное съ коренными принципами нынѣшняго быта, легко можетъ быть произведено безъ всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ, каковъ бы ни былъ размѣръ затраты, нужной на него.

Обычный ходъ дѣлъ самъ собою доставляетъ по мѣрѣ надобности средства, нужныя для его развитія. Тутъ правительству надобно только захотѣть, надобно только понять пользу дѣла и выставить ее биржевому міру, — онъ или самъ исполнитъ всякое полезное для него дѣло, или обильно снабдитъ правительство деньгами на него.

Но есть улучшенія совершенно иного рода, которыхъ никогда не захотятъ совершить собственными средствами господствующія надъ экономическимъ бытомъ силы. Это — реформы, которыми измѣнялись бы принципы устройства, выгоднаго для нихъ. При малѣйшемъ подозрѣніи, что правительство намѣрено заняться такими реформами, коммерческій міръ тревожится, наступаетъ торговый кризисъ, и деньги исчезаютъ съ биржи. Такъ было во Франціи въ 1848 г.: тогда страхъ и озлобленіе коммерческаго міра были совершенно напрасны: во временномъ правительствѣ господствовали люди, рѣшительно не желавшіе никакихъ важныхъ перемѣнъ въ экономическомъ бытѣ. Но предположимъ, что оно дѣйствительно желало бы совершить какія нибудь перемѣны. На всякое дѣло нужны деньги; на такое большое дѣло, какъ измѣненіе экономическаго быта въ пользу работниковъ и въ невыгоду капиталистовъ, нужно очень много денегъ. Разумѣется, разъ начавшись, дѣло будетъ развиваться собственными средствами; — но чтобы завести его, чтобы дать ему возможность начаться, все-таки нужно очень много денегъ. Это одинъ изъ тѣхъ экстренныхъ случаевъ, которыми оправдывается заключеніе долговъ, требуется поставить на ноги милліоны людей, забитыхъ нуждою, избавить ихъ отъ бѣдственной судьбы. Чтобы прекратить постоянное несчастіе, тяготѣющее надъ массою населенія, на это и долженъ былъ бы поспѣшить кредитъ съ своимъ пособіемъ. Но кредитъ не можетъ пособить тутъ, потому что кредита нѣтъ. Откуда же взять деньги?

Сообразнѣе всего съ экономическою теоріею было бы прямое, откровенное рѣшеніе вопроса, которое рекомендуется теоріею и для всякихъ экстренныхъ государственныхъ расходовъ: взять нужныя для дѣла деньги посредствомъ налога. Такъ, если правительство чувствуетъ себя прочнымъ. Но вспомнимъ, что мы

говоримъ о временахъ, подобныхъ 1848 г., и во Франціи, когда правительство едва-едва держалось противъ партій, желавшихъ возвращенія къ старому порядку. Въ этомъ шаткомъ положеніи приходится лавировать, сообразоваться съ господствующими предубѣжденіями, принимать не тотъ способъ дѣйствія, который самъ по себѣ наилучшій, а тотъ, который произведетъ наименѣе тяжелое впечатлѣніе на общество, хотя въ сущности будетъ тяжело для него. Что дѣлать? Тутъ задача исполняется не такими людьми, которые спокойно могутъ разсчитывать на свою будущность, а такими, жизнь которыхъ виситъ на волоскѣ, и волосокъ этотъ оборвется, непремѣнно оборвется, не нынѣ — завтра оборвется, и погибнетъ съ ними ихъ дѣло, если волосокъ оборвется нынѣ, — во что бы то ни стало, надобно продержаться нынѣшній день, чтобы умѣть хотя что нибудь сдѣлать. — Да, представьте себѣ это положеніе, и вы поймете мысль о неограниченномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ для произведенія коренныхъ реформъ въ устройствѣ экономическаго быта.

Въ нынѣшнемъ году французское правительство должно сдѣлать экстренные расходы на сумму, быть можетъ, равняющуюся всему обыкновенному бюджету*). Удвоить налоги? Этого будетъ мало. Удвоенный налогъ даетъ сумму дохода, далеко меньше чѣмъ двойную. Надобно утроить ихъ. Но утроить налоги — какъ тяжело покажется это каждому! А при заключеніи займа, равносильнаго утроенію налоговъ, публика не понимаетъ, что берется съ нея и расходуется точно такое количество продуктовъ, какъ и при установленіи налога, — она не понимаетъ этого, она ропщетъ гораздо меньше или вовсе не ропщетъ, даже остается довольна, даже радуется. Обыкновеннаго займа сдѣлать нельзя по исчезновенію кредита, — остается сдѣлать прикрытый заемъ въ формѣ выпуска бумажныхъ денегъ. Эта форма самая неудобная, — тутъ и спора нѣтъ, — но что жь дѣлать, когда она одна возможна для совершенія дѣла, которое дороже всего? Нечего жалѣть ничего для улучшенія судьбы народа: salus populi lex suprema est.

*) Въ 1861 г., когда была написана эта статья, нужно было покрыть дефицитъ, который вмѣстѣ съ неоплаченными расходами, оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ, составлялъ болѣе 1000 милліоновъ фр. и произвести новыя значительныя издержки, требуемыя вмѣшательствомъ въ иностранныя дѣла. *Издатели.*

Разсуждая объ этомъ вопросѣ въ спокойныя времена, разсматривая его издали, конечно, разсуждаешь иначе. И мы теперь, когда пишемъ эту статью, разсуждаемъ иначе, и всегда будемъ разсуждать, когда будемъ писать подобныя статьи. Но, господа, мало ли какихъ вещей не оправдываетъ историческая необходимость? Всѣ тѣ эпизоды исторіи, которые называются славными, всѣ тѣ реформы, за которыя благодарятъ наши современники своихъ предковъ, — всѣ они имѣли въ себѣ много, много такого, что гораздо потяжеле слишкомъ большаго выпуска бумажныхъ денегъ. Сладка была бы обязанность вѣрныхъ служителей прогресса, если бы требовала только такихъ отступленій отъ безукоризненной чистой теоріи.

Всякій государственный заемъ есть прикрытый налогъ, и притомъ налогъ болѣе тяжелый, чѣмъ налоги, называющіеся этимъ именемъ. Публицисты, предлагавшіе выпускъ бумажныхъ денегъ на совершеніе экономическихъ реформъ, предлагали только одну изъ самыхъ дурныхъ формъ займа, — и разумѣется, предлагали ее вовсе не потому, чтобы не знали, насколько она хуже другихъ формъ, а потому, что предусматривали обстоятельства, при которыхъ всѣ другія формы займа невозможны. Вотъ только и всего.

Бываютъ ли обстоятельства, извиняющія государственный заемъ? По чистой теоріи, такихъ обстоятельствъ не бываетъ. По ней налогъ всегда лучше и легче займа. Но если вы, принимая въ соображеніе господствующіе предразсудки, допускаете, что въ практикѣ невозможно иногда правительству не прибѣгать къ займу, то нечего и спорить намъ съ вами о той особенной формѣ займа, которая называется чрезмѣрнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Что она дурна, мы объ этомъ не споримъ съ вами. А дозволительна ли она при невозможности другихъ формъ, это зависитъ уже просто отъ вашего взгляда на дѣло. ради котораго дѣлается заемъ; пожертвованіе тутъ велико; но если дѣло стоитъ пожертвованій, люди, не отступавшіе передъ ними, оправдываются исторіею.

В. КОЛЕБАНІЯ ЦѢННОСТЕЙ И НОРМА ЦѢННОСТЕЙ.

(МИЛЛЬ, КН. III, ГЛ. XIV И XV.)

Мы видѣли, что кредитныя бумаги представляютъ собою только развитіе отношеній, изъ которыхъ возникаетъ звонкая монета. Онѣ только живѣе звонкой монеты исполняютъ ту же самую функцію, какъ она; и какъ она не производитъ никакой перемѣны въ направленіи экономической дѣятельности, только способствуетъ облегченію оборотовъ въ бытѣ, основанномъ на обмѣнѣ, точно такъ же и кредитныя бумаги только еще больше облегчаютъ и развиваютъ эти обороты, не внося въ ихъ сущность ровно ничего новаго. Но какъ при нѣкоторомъ развитіи быта, основаннаго на обмѣнѣ, необходимо является звонкая монета, точно такъ же, при болѣе высокомъ его развитіи, необходимо являются кредитныя бумаги. А при высокомъ развитіи такого быта, пріобрѣтаютъ поразительную силу явленія, почти незамѣтныя при слабомъ его развитіи. По обыкновенной иллюзіи поверхностнаго взгляда, смѣшивающей внѣшнюю принадлежность дѣла съ самимъ дѣломъ, симптомъ или формулу явленія съ причиною явленія, очень распространенъ предразсудокъ, приписывающій собственно кредитнымъ бумагамъ тѣ феномены, которые достигаютъ громаднаго размѣра только при высокомъ развитіи экономической дѣятельности. Изъ числа этихъ феноменовъ очень занимательны такъ называемые коммерческіе кризисы. Вотъ краткое извлеченіе изъ отдѣла, посвященнаго Миллемъ разъясненію этихъ экономическихъ землетрясеній, ломающихъ фирмы, разрушающихъ фабрики, оставляющихъ безъ куска хлѣба тысячи бывшихъ богачей и милліоны работниковъ.

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ пользуется только частью своей покупательной силы, оставляя другую часть ея въ запасѣ. Но если онъ воспользуется ею всею, запросъ на товары увеличится. Это расположеніе пользоваться всею своею покупательною силою является у торговца, когда онъ ждетъ возвышенія цѣны на товаръ по предусматриваемому недостатку

снабженія или экстренному увеличенію потребленія: онъ думаетъ при этомъ воспользоваться будущимъ возвышеніемъ цѣны для перепродажи закупленнаго товара. Но отъ самаго увеличенія его закупокъ, цѣна товара ростетъ. Увлеченные этимъ, всѣ спекулянты начинаютъ усиленно закупать товаръ, разсчитывая на дальнѣйшее возвышеніе цѣны. Такимъ образомъ, цѣна поднимается до высоты, на которой не можетъ держаться. Замѣтивъ это, спекулянты спѣшатъ продавать закупленный товаръ, цѣна его быстро падаетъ; спекулянтами овладѣваетъ паническій страхъ, они стараются поскорѣе продавать товаръ во что бы то ни стало, пока цѣна не упала еще ниже, и отъ этого цѣна падаетъ чрезвычайно низко. Всѣ, кто не успѣлъ продать своихъ закупокъ очень рано, терпятъ очень большіе убытки и очень многіе разоряются; — то, что происходитъ съ однимъ извѣстнымъ товаромъ, можетъ произойти со всѣми вообще товарами, если спекулянты ожидаютъ общаго возвышенія цѣнъ отъ предполагаемаго какого нибудь особеннаго оживленія торговли. Когда это чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ отъ закупокъ на спекуляцію для перепродажи простирается на всѣ товары, то натурально подвергнутся всѣ они и чрезмѣрному упадку цѣнъ. Это называется коммерческимъ кризисомъ. — Очевиднымъ образомъ, дѣло тутъ зависитъ не отъ того, какія формы кредита употребляются, и употребляются ли какія нибудь формы кредита, выпускаются ли или не выпускаются для увеличенія закупокъ новыя суммы кредитныхъ бумагъ, — дѣло зависитъ просто отъ расположенія торговцевъ и спекулянтовъ пользоваться всею своею покупательною силою для чрезвычайнаго увеличенія закупокъ. Если не будутъ выпускаться для этого новыя кредитныя бумаги, увеличеніе покупокъ можетъ точно такъ же произойти посредствомъ покупки подъ простую росписку или по простому внесенію ихъ въ коммерческіе счеты. Если бы необходимо было производить покупки не въ кредитъ, а съ немедленною уплатою звонкою монетою, точно то же могло бы происходить черезъ увеличеніе быстроты въ обращеніи звонкой монеты. Связь коммерческихъ кризисовъ съ кредитными бумагами въ существѣ дѣла только та, что быстрый ходъ закупокъ въ огромномъ размѣрѣ возможенъ конечно только при высокомъ развитіи экономической

жизни, основанной на обмѣнѣ, а при такомъ развитіи экономической жизни непремѣнно существуетъ и высокое развитіе кредита, а въ числѣ другихъ его формъ — и высокое развитіе такъ называемыхъ кредитныхъ бумагъ.

Съ коммерческими кризисами связанъ вопросъ о такъ-называемомъ излишкѣ снабженія. Вотъ какъ разъясняется онъ у Милля.

«1. Изложивъ въ предыдущихъ главахъ элементарную теорію денегъ, мы возвратимся къ тому вопросу общей теоріи цѣнности, котораго нельзя было удовлетворительно анализировать, не разъяснивъ сущности и роли денегъ, потому что ошибки, съ которыми намъ придется спорить, возникаютъ главнымъ образомъ изъ невѣрнаго представленія о роли денегъ.

«Мы видѣли, что цѣнность каждаго предмета тяготѣетъ къ извѣстной средней точкѣ, которая названа естественною цѣнностью, — къ величинѣ, при которой предметы обмѣниваются между собою пропорціонально стоимости своего производства. Мы видѣли также, что дѣйствительная или рыночная цѣнность совпадаетъ или почти совпадаетъ съ естественною лишь по среднему выводу за нѣсколько лѣтъ, и постоянно поднимается выше или падаетъ ниже естественной цѣнности по перемѣнамъ въ запросѣ или случайнымъ колебаніямъ въ снабженіи; но что эти отклоненія выравниваются тенденціею снабженія приспособляться къ запросу, существующему на товаръ при его естественной цѣнности. Такимъ образомъ изъ уравновѣшенія противоположныхъ уклоненій происходитъ общее стремленіе къ одному центру. Дороговизна или недостача, а съ другой стороны излишекъ снабженія или завалъ рынка — явленія, случающіяся со всѣми товарами. При недостачѣ, пока тянется она, товаръ даетъ производителямъ или продавцамъ необыкновенно высокій процентъ прибыли. При завалѣ рынка продавцы должны довольствоваться прибылью меньше обыкновенной, а въ крайнихъ случаяхъ подвергаться даже убытку, потому что снабженіе имѣетъ величину больше той, на какую существуетъ запросъ, при цѣнности, дающей обыкновенную прибыль.

«Изъ того, что феномену излишка снабженія и возникающей изъ него невыгодѣ или потерѣ для производителей можетъ подвергаться рѣшительно всякій товаръ, многіе писатели, въ томъ числѣ и нѣкоторые знаменитые политико-экономы, заключали, что можетъ подвергаться ему вся сумма товаровъ, что можетъ случаться чрезмѣрность въ общемъ производствѣ богатства, что по всей сложности всѣхъ товаровъ снабженіе можетъ быть больше запроса, имѣя своимъ послѣдствіемъ стѣсненіе для всѣхъ разрядовъ производителей. Противъ этого мнѣнія, главными проповѣдниками котораго были въ Англіи Мальтусъ и докторъ Чомерсъ, а на континентѣ Сисмонди, я уже спорилъ въ первой книгѣ; но въ томъ періодѣ нашего изслѣдованія нельзя было сдѣлать полнаго разбора этой ошибки, происходящей, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ отъ ошибочнаго пониманія феноменовъ цѣнности и цѣны.

«Самыя понятія, связываемыя этою теоріею, кажутся мнѣ столь несообразными

между собою, что я затрудняюсь найдти для нея изложеніе, которое было бы и удовлетворительно для ея защитниковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ ясно. Держащіеся ея писатели утверждаютъ, что можетъ случаться, и иногда случается, въ общей суммѣ продуктовъ излишекъ надъ запросомъ на продукты; что когда это случается, нельзя бываетъ найдти покупщиковъ по цѣнамъ, оплачивающимъ съ прибылью стоимость производства; что изъ этого происходитъ тогда общая низкость цѣнъ или цѣнностей (онѣ вообще смѣшиваютъ оба эти понятія), такъ что производители видятъ себя не богатѣющими, а бѣднѣющими соразмѣрно увеличенію своего производства; и потому докторъ Чомерсъ внушаетъ капиталистамъ, чтобъ они подчиняли себя нравственному воздержанію въ исканіи выгоды; а Сисмонди проклинаетъ машины и другія изобрѣтенія, увеличивающія производительную силу. Оба они утверждаютъ, что накопленіе капитала можетъ идти быстрѣе, чѣмъ требуютъ не одни только нравственные, но также и матеріальные интересы производящихъ и накопляющихъ лицъ; и оба они рекомендуютъ богатымъ предотвращать это зло большимъ непроизводительнымъ потребленіемъ.

«2. Трудно хорошенько понять, который изъ двухъ элементовъ запроса разумѣютъ эти писатели, когда говорятъ объ излишкѣ снабженія товарами надъ запросомъ, — разумѣютъ ли они желаніе имѣть товары или средства покупать ихъ; то ли хотятъ сказать они, что при излишкѣ снабженія существуетъ для потребленія больше продуктовъ, чѣмъ сколько желаетъ потреблять общество, или только то, что ихъ больше, чѣмъ сколько могутъ купить желающіе. Не зная, какую изъ этихъ двухъ гипотезъ разумѣютъ Чомерсъ и Сисмонди, мы должны разсмотрѣть обѣ.

«Сначала предположимъ, что количество произведенныхъ товаровъ не больше того, какое была бы рада потребить нація; возможно ли въ этомъ случаѣ, чтобы была недостача запроса на всѣ товары по недостатку средствъ уплаты? Люди, считающіе это возможнымъ, не сообразили, въ чемъ собственно состоятъ средства уплаты за товары. Они состоятъ просто въ товарѣ. Средства каждаго къ уплатѣ за товары другихъ людей состоятъ въ тѣхъ товарахъ, которыми владѣетъ онъ самъ. Всѣ продавцы неизбѣжно и по самому смыслу слова — покупщики. Если бы могли мы вдругъ удвоить производительныя силы страны, мы удвоили бы снабженіе товарами на всѣхъ рынкахъ; но тѣмъ же самымъ удвоили бы мы покупательную силу. Каждый явился бы на рынокъ съ удвоеннымъ снабженіемъ, но и съ удвоеннымъ запросомъ; каждый могъ бы купить вдвое больше, потому что предлагалъ бы въ обмѣнъ вдвое больше прежняго. Конечно, по всей вѣроятности въ нѣкоторыхъ товарахъ былъ бы излишекъ. Общество радо было бы удвоить общую сумму своего потребленія, но нѣкоторыхъ товаровъ оно можетъ быть уже имѣло и прежде столько, что больше ему ненужно; и оно, вмѣсто того, чтобы удвоить потребленіе ихъ, захотѣло бы употреблять другихъ товаровъ больше, чѣмъ вдвое, или обратить свою увеличившуюся покупательную силу на новые предметы. Въ этомъ случаѣ приспособилось бы къ тому снабженіе, и цѣнности предметовъ продолжали бы быть сообразны съ стоимостью производства. А во всякомъ случаѣ чистая нелѣпость — говорить, что цѣнность всѣхъ предметовъ упадетъ, и что поэтому всѣ производители будутъ получать вознагражденіе недостаточное. Если цѣнности остаются

прежнія, то перемѣны цѣнъ не важны, потому что вознагражденіе производителей опредѣляется не тѣмъ, сколько денегъ, а тѣмъ, сколько потребляемыхъ вещей получаютъ они за свои товары. Притомъ же и деньги также — товаръ; если мы предположили, что количество всѣхъ товаровъ удвоилось, значитъ мы предположили, что удвоилось также и количество денегъ; а въ такомъ случаѣ не упадутъ и цѣны, какъ не падаютъ цѣнности.

«3. Мы видимъ, что общій излишекъ снабженія всѣми товарами надъ запросомъ — невозможность, если запросъ состоитъ въ средствахъ уплаты. Но, быть можетъ, предположатъ недостачу не въ средствахъ покупать, а въ желаніи имѣть; предположатъ, что общій продуктъ промышленности больше того, сколько желаетъ потреблять общество или по крайней мѣрѣ та часть общества, которая имѣетъ средства покупать. Дѣло очевидное, что рынкомъ для продукта служитъ продуктъ и что страна имѣетъ довольно богатства на покупку всего находящагося въ ней богатства; но у кого есть средства, у тѣхъ можетъ не быть надобности, а у кого есть надобность, у тѣхъ можетъ не быть средствъ. Потому часть произведенныхъ товаровъ можетъ не найти себѣ рынка по недостатку средствъ у тѣхъ, которые желаютъ потреблять, и по недостатку желанія у тѣхъ, которые имѣютъ средства.

«Вотъ самая благовидная форма, которую можно придать мнѣнію, нами оспориваемому; въ ней оно уже не представляется, какъ въ прежней формѣ, логическою несообразностью. Въ дѣйствительности легко можетъ быть извѣстнаго товара больше, чѣмъ желаютъ имѣть люди, могущіе покупать, а въ теоріи возможно предположить это относительно всѣхъ товаровъ. Ошибка происходитъ оттого, что не замѣчаютъ одного обстоятельства: лица, могущія покупать, предполагаются *имѣющими* все, какое хотятъ имѣть, количество всѣхъ потребляемыхъ товаровъ; это можно предположить; но тотъ фактъ, что они продолжаютъ производить свой товаръ, показываетъ, что они еще *не имѣютъ* такого количества товаровъ. Возьмемъ благопріятнѣйшую для опровергаемой нами теоріи гипотезу: предположимъ неразмножающееся общество, каждый членъ котораго имѣетъ столько предметовъ необходимости и всѣхъ извѣстныхъ предметовъ роскоши, сколько ему хочется имѣть. Нелѣпостью было бы думать, что лица, потребности которыхъ вполнѣ удовлетворены, станутъ трудиться и сберегать, чтобы получить вещи, которыхъ они не желаютъ. Предположимъ же, что прибылъ иностранецъ, и что онъ производитъ прибавочное количество какого нибудь продукта, котораго уже и безъ того было довольно. «Вотъ тутъ и будетъ, скажутъ намъ, излишекъ производства». — Правда, отвѣчаю я: — излишекъ производства этого отдѣльнаго товара; обществу ненужно было увеличивать количество этого товара, но нужно было увеличить количество какого нибудь другаго товара. Прежнимъ жителямъ ненужно было ничего, я согласенъ; но не было ли чего нужно самому иностранцу? Производя излишній товаръ, развѣ онъ работалъ безъ какого нибудь побужденія? Онъ только произвелъ не то, что было нужно. Быть можетъ, ему нужна была пища, а онъ производилъ часы, которыми всѣ были достаточно снабжены. Этотъ пріѣзжій принесъ въ страну съ собою запросъ на товары, равный всему, что могъ онъ произвести своимъ трудомъ, и ему слѣдовало сообразить, чтобы внесенное имъ снаб-

женіе соотвѣтствовало этому запросу. Если онъ не могъ произвести чего нибудь способнаго возбудить новую потребность или новое желаніе въ обществѣ, чтобы для удовлетворенія этого желанія, кто нибудь произвелъ больше пищи и далъ ему ее въ обмѣнъ продукта, у него была другая возможность: онъ могъ произвести пищу для себя, или распахавъ новую землю, если есть незанятая земля, или сдѣлавшись фермеромъ, или товарищемъ, или работникомъ какого нибудь прежняго хозяина, желающаго нѣсколько облегчиться отъ труда. Онъ произвелъ ненужную вещь, вмѣсто нужной вещи; да можетъ быть и самъ онъ — производитель не того рода, какой нуженъ; но излишка производства тутъ нѣтъ: производство нечрезмѣрно, а лишь дурно размѣщено. Мы уже видѣли, что каждый, кто приноситъ на рынокъ прибавку къ товарамъ, приноситъ прибавку къ покупательной силѣ; теперь мы видимъ, что онъ приноситъ также прибавку и къ желанію потреблять; потому что, не имѣя этого желанія, онъ не сталъ бы и утруждать себя производствомъ. Такимъ образомъ, когда есть прибавка къ снабженію, то не можетъ быть недостачи ни въ томъ, ни въ другомъ изъ двухъ элементовъ запроса, — хотя очень можетъ быть, что запросъ существуетъ на одинъ предметъ, а снабженіе состоитъ, по несчастію, изъ другаго.

«Сбитый со всѣхъ пунктовъ, противникъ, можетъ быть, скажетъ, что есть люди, производящіе и накопляющіе просто лишь по привычкѣ, не потому, чтобы имѣли какую нибудь цѣль въ увеличеніи своего богатства, чтобы желали въ чемъ нибудь увеличить свое потребленіе, а по силѣ косности, vis inertiæ. Они продолжаютъ производить потому, что машина ужь заведена; они сберегаютъ и снова пускаютъ въ дѣло свои сбереженія, потому что ни на что не хочется имъ тратить ихъ. Я согласенъ, что это возможно и что у нѣкоторыхъ, немногихъ людей оно вѣроятно такъ и бываетъ; но эти случаи нимало не колеблютъ нашего вывода. Что дѣлаютъ эти люди съ своими сбереженіями? Они употребляютъ ихъ на производство, т. е. расходуютъ ихъ на занятіе труда. Иными словами, имѣя у себя покупательной силы больше, чѣмъ сколько умѣютъ употребить на себя, они передаютъ этотъ излишекъ въ общую пользу рабочаго класса. А развѣ рабочій классъ тоже не съумѣетъ употребить ее на себя? Развѣ предполагать намъ, что его потребности также уже совершенно удовлетворены и онъ продолжаетъ работать только по привычкѣ? Пока этого еще нѣтъ, пока рабочій классъ еще не достигъ этой черты насыщенія, не будетъ недостатка въ запросѣ на продуктъ капитала, съ какою быстротою ни накоплялся бы капиталъ: онъ до той поры всегда найдетъ себѣ занятіе въ производствѣ предметовъ необходимости или роскоши для рабочаго класса, если ужь не на что идти ему, кромѣ этого. А когда и рабочій классъ тоже не будетъ имѣть желанія увеличивать потребленіе ни предметовъ необходимости, ни предметовъ роскоши, онъ воспользуется всякимъ дальнѣйшимъ возрастаніемъ рабочей платы для уменьшенія своей работы; такъ что излишекъ производства, который лишь тутъ въ первый разъ становился бы возможенъ по теоріи, не могъ бы и тогда явиться фактически — по недостатку работниковъ. Слѣдовательно, въ какомъ бы видѣ ни представляли мы себѣ теорію общаго излишка въ производ-

ствѣ, хотя бы мы дошли до крайняго предѣла въ придумываніи благопріятнѣйшей для нея гипотезы, все-таки эта теорія оказывается нелѣпостью.

«4. Чѣмъ же приведены были къ принятію такого нераціональнаго мнѣнія люди, столь много размышлявшіе объ экономическихъ феноменахъ и даже способствовавшіе своими оригинальными идеями пролитію новаго свѣта на нихъ? Мнѣ кажется, что они были введены въ эту ошибку ошибочнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ торговыхъ фактовъ. Имъ представлялось, будто возможность излишка въ общей суммѣ снабженія товара доказывается опытомъ. Они думали, что видятъ этотъ феноменъ въ извѣстныхъ состояніяхъ рынка, истинное объясненіе которыхъ совершенно иное.

«Я уже описывалъ положеніе товарныхъ рынковъ, какимъ сопровождается такъ называемый коммерческій кризисъ. Въ такія эпохи дѣйствительно бываетъ излишекъ всѣхъ товаровъ надъ денежнымъ запросомъ; иными словами, — бываетъ недостача снабженія деньгами. Отъ внезапнаго уничтоженія значительной массы кредита никому не хочется разставаться съ наличными деньгами, а много бываетъ людей, хлопотливо старающихся достать ихъ съ какимъ угодно пожертвованіемъ. Потому почти каждый становится продавцомъ, а покупщиковъ почти нѣтъ; такъ что дѣйствительно можетъ являться (впрочемъ только на время кризиса) чрезвычайный общій упадокъ всѣхъ цѣнъ, рождающійся отъ завала рынковъ товарами или, что тоже, отъ дороговизны денегъ. Но совершенная ошибка — предполагать съ Сисмонди, что коммерческій кризисъ происходитъ отъ общаго излишка производства. Онъ происходитъ просто отъ излишка спекулятивныхъ покупокъ. Тутъ не постепенно приближаются низкія цѣны, а внезапно падаютъ цѣны, сумасбродно высокія; непосредственною причиною кризиса бываетъ сокращеніе кредита, и исцѣляется онъ не уменьшеніемъ снабженія, а возстановленіемъ довѣрія. Очевидно также, что это временное разстройство рынковъ бываетъ бѣдствіемъ лишь потому, что оно временное. Тутъ падаютъ лишь денежныя цѣны; и если бы онѣ не поднимались потомъ вновь, ни одинъ торговецъ не потерпѣлъ бы убытка, потому что и уменьшившаяся цѣна имѣла бы для него такую же стоимость, какъ прежде имѣла большая цѣна. Этотъ феноменъ рѣшительно непохожъ на картину, въ какой изображаются Чомерсомъ и Сисмонди бѣдствія излишка производства. Постоянное ухудшеніе состоянія производителей по недостатку рынковъ, воображаемое этими знаменитыми политико-экономами,—такая мысль, которая нимало не доказывается сущностью коммерческихъ кризисовъ.

«Другимъ основаніемъ для мнѣнія объ общемъ излишкѣ богатства и объ излишествѣ накопленія служитъ по моему мнѣнію фактъ, болѣе постоянный, — естественное паденіе прибыли и процентовъ при увеличеніи населенія и производства. Причина этого упадка прибыли — увеличеніе издержекъ на содержаніе труда; а это увеличеніе происходитъ оттого, что населеніе и запросъ на пищу ростутъ быстрѣе, чѣмъ идетъ земледѣльческое улучшеніе. Эта важная черта экономическаго процесса націй будетъ нами подробно разсмотрѣна и обсужена ниже (кн. IV, гл. 4). Очевидно, что этотъ фактъ — совершенно иная вещь, чѣмъ недостатокъ рынка для товаровъ, хотя часто и смѣшивается съ нимъ въ жалобахъ производительныхъ и промышленныхъ классовъ. Истинное понятіе о нынѣшнемъ состояніи общественнаго

быта таково, что можно было бы вести промышленные обороты въ чрезвычайно громадномъ размѣрѣ, если довольствоваться малою прибылью; но даже люди, покоряющіеся современной необходимости, ропщутъ на эту необходимость и желаютъ, чтобы уменьшилось количество капитала, или, по ихъ выраженію, уменьшилось соперничество, чтобы возможно стало получать больше прибыли. Но низкость прибыли совершенно иная вещь, чѣмъ недостатокъ запроса; то производство и накопленіе, отъ котораго только уменьшается прибыль, не можетъ быть названо излишкомъ снабженія или производства. Истинный характеръ этого феномена, его послѣдствія и границы, превышать которыхъ онъ не можетъ, мы увидимъ, когда будемъ разсматривать вопросъ о пониженіи прибыли.

«Кромѣ этихъ двухъ, я не знаю ни одного экономическаго факта, который могъ бы подавать собою поводъ къ мнѣнію, что существовалъ или существуетъ когда нибудь въ дѣйствительности общій излишекъ производства товаровъ. Я убѣжденъ, что въ коммерческихъ дѣлахъ нѣтъ ни одного случая, который для своего объясненія нуждался бы въ этой химерической гипотезѣ.

«Дѣло это имѣетъ коренную важность; изъ различія во взглядахъ на него происходятъ коренныя разницы въ политико-экономическихъ системахъ, особенно съ практической стороны. При одномъ взглядѣ, намъ будетъ нужно думать лишь о томъ, какъ сочетать достаточное производство съ наилучшимъ возможнымъ распредѣленіемъ; при другомъ взглядѣ, надобно думать еще о третьемъ элементѣ, о томъ, какъ создать рынокъ для продукта, или какъ ограничить производство по размѣру рынка. Мало того, теорія, столь нелогическая, непремѣнно должна вносить спутанность въ самые основные принципы предмета и отнимать всякую возможность яснаго пониманія очень многихъ изъ числа сложныхъ экономическихъ явленій общественной жизни. Мнѣ кажется, что отъ этой ошибки три великихъ политико-эконома, о которыхъ я упоминалъ, — Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди построили свои системы ошибочнымъ образомъ; каждый изъ нихъ превосходно понималъ и разъяснилъ нѣкоторыя изъ элементарныхъ теоремъ политической экономіи; но это основное недоразумѣніе, какъ туманъ, закрыло отъ него многосложнѣйшіе отдѣлы науки, совершенно затемнивъ ихъ передъ нимъ. Еще болѣе сбиваются и смущаются этимъ спутаннымъ представленіемъ въ своихъ соображеніяхъ люди не столь великаго ума. Справедливость требуетъ сказать, что заслуга истиннаго разъясненія этого чрезвычайно важнаго дѣла болѣе всего принадлежитъ двумъ знаменитымъ людямъ: на континентѣ проницательному Жану Батисту Сэ, а въ Англіи — Джемсу Миллю, который убѣдительно изложилъ это дѣло въ своей «Элементарной политической экономіи,» а прежде того съ замѣчательной силою и ясностью представилъ взглядъ на дѣло въ памфлетѣ, написанномъ по случаю тогдашнихъ споровъ, подъ названіемъ « Защита торговли » (Commerce Decended); съ этого сочиненія началась его извѣстность, и онъ тѣмъ болѣе дорожилъ имъ, что черезъ него пріобрѣлъ дружбу Рикардо, — дружбу, которая была для него самою дорогою и самою тѣсною во всю его жизнь.»

Все, что говоритъ Милль, — чистая правда. Но неужели такіе люди, какъ Сисмонди и Мальтусъ, не умѣли понимать того, что

называется коммерческимъ кризисомъ? Они дошли до мысли, рѣшительно ошибочной, и когда, для отвращенія бѣдствій коммерческихъ кризисовъ, они упрашиваютъ богачей увеличивать непроизводительное потребленіе, они доходятъ до нелѣпости, изумляющей своей колоссальностью. Неужели они могли бы избавиться отъ своего страннаго заблужденія такимъ простымъ соображеніемъ, какъ мысль о происхожденіи коммерческаго кризиса изъ чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ? — Но вѣдь это соображеніе навѣрное было имъ очень хорошо знакомо. Какъ же могли удержаться въ такихъ головахъ такія нелѣпости, какія опровергаются Миллемъ? — Дѣло въ томъ, что Милль останавливается только на одной коммерческой сторонѣ процесса, не считая нужнымъ упомянуть о его вліяніи на производство и потребленіе. — Въ первой половинѣ дѣла, когда цѣны ростутъ, производители, надѣясь на чрезвычайно выгодный и легкій сбытъ, усиливаютъ свою дѣятельность точно такимъ же необычайнымъ образомъ, какъ усиливаются закупки. Въ два, въ три мѣсяца фабрики изготовляютъ столько товаровъ, сколько изготовляется при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ въ полгода. Но вѣдь сбытъ усиливается возрастаніемъ только спекулятивныхъ закупокъ, а не самого потребленія; оно, напротивъ, быть можетъ, даже уменьшается, по чрезмѣрной дороговизнѣ. Что же бываетъ съ производствомъ, когда цѣны начинаютъ падать? — Въ предшествующій періодъ заготовлено товаровъ въ три мѣсяца на полгода; ясно, что производство должно было бы остановиться на три мѣсяца, чтобы запасы уменьшены были до обыкновеннаго размѣра обыкновеннымъ потребленіемъ. Но потребленіе въ эпоху кризиса, не смотря на упадокъ цѣнъ, бываетъ меньше обыкновеннаго, потому что у всѣхъ разстроены денежныя дѣла. Отъ этого чрезмѣрные запасы еще дольше остаются не потребленными. А пока они не потреблены, не уменьшились до обыкновеннаго размѣра, новое производство не находитъ себѣ сбыта. — Такимъ образомъ, съ коммерческимъ кризисомъ всегда бываетъ соединенъ промышленный, во время котораго ослабѣваетъ производство, по излишеству сдѣланныхъ запасовъ и недостатку сбыта. Вотъ этою стороною дѣла и были смущены Мальтусъ, Чомерсъ, Сисмонди. — Милль совершенно

правъ, доказывая противъ нихъ, что производство не можетъ превышать потребностей человѣка, что капиталъ (то есть, часть продуктовъ, употребляемая на новое производство) не можетъ возрастать слишкомъ быстро, что съ какою быстротою ни возрасталъ бы онъ, всегда можно было бы желать еще быстрѣйшаго возрастанія, потому что всегда нашлось бы ему нужное занятіе и т. д., — все это совершенная правда, и въ словахъ Мальтуса, Чомерса, Сисмонди находится противорѣчіе съ неопровержимыми принципами экономической теоріи. Но это противорѣчіе произошло только отъ того, что Сисмонди и Мальтусъ остановились на половинѣ пути, не доискались до коренныхъ фактовъ, пораждающихъ въ самой дѣйствительности противорѣчіе съ экономическою теоріею.

Теорія предполагаетъ, что производство ведется по разсчету сбыта на потребленіе; въ такомъ случаѣ, производство никогда не можетъ оказываться чрезмѣрнымъ. Но что, если въ дѣйствительности отъ сбыта на потребленіе отдѣляется сбытъ на спекуляцію, на перепродажу, и если производство регулируется этимъ послѣднимъ видомъ сбыта? Тогда, при всякомъ отклоненіи въ размѣрѣ сбыта на спекуляцію отъ сбыта на потребленіе, будетъ оказываться несоразмѣрность производства съ потребленіемъ, и мы видѣли, какъ это происходитъ въ дѣйствительности. Потребленіе по своей натурѣ наклонно имѣть величину постоянную, — оно расположено имѣть довольно медленный и постепенный ходъ какъ въ случаяхъ возрастанія, такъ и въ случаяхъ уменьшенія. Къ такому ходу производство могло бы приспособляться очень удобно, такъ что не оказывалось бы значительной разницы между количествомъ производимыхъ и количествомъ сбываемыхъ продуктовъ. Но спекуляція расположена, по своей натурѣ, стремиться къ чрезмѣрнымъ крайностямъ. Она получаетъ выгоду отъ разности между нынѣшнею и завтрашнею цѣною; чѣмъ больше эта разница, тѣмъ пригоднѣе она для спекуляціи. Потому спекуляція идетъ порывистыми движеніями, все рвется къ чрезмѣрному расширенію и потомъ падаетъ отъ недостатка силъ поддержать свой стремительный порывъ. Регулируясь ею, производство также увлекается работать не по разсчету потребленія, опережать размѣръ сбыта на дѣйствительное потребленіе. Отъ этого происходитъ

періодическій излишекъ производства надъ потребленіемъ, ведущій къ остановкѣ въ производствѣ.

Значитъ ли это, что люди могутъ наработать больше продуктовъ, чѣмъ было бы въ самомъ дѣлѣ нужно для нихъ, чѣмъ могли они или желали бы потребить? Говоря вообще, о всей массѣ продуктовъ, — нѣтъ, вовсе не значитъ. Своими стремительными порывами въ періоды чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ, предшествующихъ кризису, производство достигаетъ излишка не сравнительно съ потребностями человѣка въ продуктахъ, а только сравнительно съ обыкновеннымъ умѣреннымъ своимъ ходомъ, по которому образуется обычный размѣръ потребленія. Если бы производство долго пошло въ этомъ усиленномъ размѣрѣ, потребленіе развилось бы соразмѣрно ему, и отъ этого люди только выиграли бы. Но вѣдь усиленіе производства произошло лишь отъ минутнаго порыва спекуляціи, которая тотчасъ же и падаетъ, не давъ потребленію приспособиться къ этому усиленному размѣру. Усиленный потокъ производства не успѣлъ еще дойти до области потребленія, какъ онъ уже сжимается, сохнетъ, по безсилію спекуляціи питать его долгое время.

Такимъ образомъ, производство, которое никогда не можетъ превышать размѣра человѣческихъ потребностей, можетъ повременамъ превышать обычный уровень потребленія, и неминуемымъ слѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго усилія, вызываемаго не развитіемъ самого потребленія, а только спекуляціею, бываетъ временный упадокъ производства, остановка работъ. Корень этого бѣдствія заключается въ отдѣленіи покупательной силы отъ производства и потребленія, то есть ни меньше, ни больше, какъ то, что называется у насъ торговлею въ отдѣльности отъ занятій, чисто производительныхъ.

Коммерческій кризисъ представляетъ собою крайность, до которой дѣло доходитъ лишь по временамъ, въ сроки, обыкновенно отдѣляющіеся другъ отъ друга нѣсколькими годами. Но если экономическая жизнь общества основана на торговлѣ, то въ меньшемъ размѣрѣ непрерывно идетъ тотъ же самый процессъ поочередной смѣны чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ съ соотвѣтственнымъ усиленіемъ производства и чрезмѣрнаго упадка цѣнъ съ

ослабленіемъ производства. Дѣйствительно, мы знаемъ, что кромѣ постепеннаго возрастанія или уменьшенія отъ перемѣнъ въ стоимости труда, — кромѣ этого медленнаго измѣненія натуральной или средней цѣнности товара, мѣновая цѣнность каждаго товара безпрерывно колеблется на рынкѣ, если экономическая жизнь страны идетъ довольно дѣятельно. Эти непрерывныя колебанія возбуждаютъ вопросъ: неужели же нѣтъ для цѣнностей никакой общей нормы, которая могла бы ихъ измѣрять довольно прочнымъ образомъ? — Взглядъ господствующей теоріи на этотъ вопросъ изложенъ у Милля довольно подробно:

«Много спорили между собою политико-экономы о мѣрѣ цѣнности. Вопросу этому придавали больше важности, чѣмъ онъ стоитъ, и разсужденія о немъ послужили однимъ изъ главныхъ поводовъ къ упреку въ логомахіи, — упреку, который очень утрированно, но не совершенно безосновательно дѣлаютъ политико-экономамъ. Но все-таки необходимо коснуться этого предмета, хотя бы затѣмъ, чтобы показать, какъ мало можно сказать о немъ.

«Мѣра цѣнности, по обыкновенному смыслу слова «мѣра», должна означать какую нибудь вещь, по сравненію съ которою можно опредѣлять цѣнность всѣхъ остальныхъ вещей. А самая цѣнность — явленіе относительное, и для него необходимо двѣ вещи, независимо отъ третьей вещи, которою мы хотимъ измѣрять ихъ; сообразивъ это, мы должны сказать, что мѣра цѣнности — такая вещь, сравнивая съ которой двѣ другія вещи, мы можемъ находить цѣнность этихъ двухъ вещей по отношенію одной изъ нихъ къ другой.

«Въ этомъ смыслѣ мѣрою цѣнности въ данное время, въ данномъ мѣстѣ можетъ служить всякій товаръ: зная пропорцію, по какой двѣ вещи обмѣниваются на какую нибудь третью вещь, мы всегда можемъ вывесть изъ этого, въ какой пропорціи обмѣниваются онѣ другъ на друга. Служить удобною мѣрою цѣнности — одна изъ функцій товара, который выбранъ орудіемъ обмѣна. На этотъ товаръ обыкновенно опредѣляются цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ. Мы говоримъ, что одинъ предметъ стоитъ два фунта, а другой — три фунта; изъ этого уже и безъ особеннаго опредѣленія извѣстно, что первый предметъ стоитъ двухъ третей другаго предмета, или что они обмѣниваются между собою въ пропорціи 2 къ 3. Деньги вполнѣ служатъ мѣрою цѣнности.

«Но политико-экономы желаютъ отыскать мѣру, которой опредѣлялась бы не цѣнность вещей, находящихся одновременно въ одномъ мѣстѣ, а цѣнность одной вещи въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ; найдти предметъ, по сравненію съ которымъ было бы видно, больше или меньше цѣнности имѣетъ какая нибудь вещь нынѣ, чѣмъ 100 лѣтъ назадъ въ Англіи, или въ Англіи, чѣмъ въ Америкѣ или Китаѣ. И для этого деньги или всякій другой товаръ могутъ служить точно такъ же, какъ для опредѣленія цѣнностей предметовъ въ одномъ мѣстѣ въ данное время

для этого нужно лишь имѣть точно такія же данныя, нужно имѣть для сравненія съ мѣрою не одинъ товаръ, а два товара или нѣсколько товаровъ (потому что изъ одного товара безъ другаго не возникаетъ понятія цѣнности). Если квартеръ пшеницы стоитъ нынѣ 40 шиллинговъ и баранъ тоже 40 шиллинговъ, а при Генрихѣ II квартеръ пшеницы стоилъ 20 шиллинговъ, баранъ 10 шиллинговъ, мы видимъ, что квартеръ пшеницы стоилъ тогда двухъ барановъ, а нынѣ стоитъ лишь одного барана и слѣдовательно баранъ, по оцѣнкѣ на пшеницу, стоитъ нынѣ вдвое больше, чѣмъ при Генрихѣ II; и такой выводъ совершенно независимъ отъ цѣнности денегъ въ эти два періода по отношенію къ этимъ двумъ товарамъ (относительно которыхъ цѣнность денегъ вѣроятно понизилась), или по отношенію къ другимъ товарамъ (относительно которыхъ нѣтъ надобности и упоминать, повысилась ли или понизилась денежная ихъ цѣнность).

«Но писатели, разсуждавшіе объ этомъ предметѣ, желали повидимому найти средство опредѣлять цѣнность товара простымъ сравненіемъ его съ мѣрою цѣнности, безъ сравненія его съ какимъ нибудь другимъ товаромъ. Они желали возможности опредѣлять по одному тому факту, что квартеръ пшеницы стоитъ 40 шиллинговъ, а прежде стоилъ 20, измѣнилась ли и насколько измѣнилась цѣнность пшеницы, — опредѣлять это, не выбирая для сравненія съ пшеницею никакого другаго предмета, какъ мы брали барана; они желали знать не то, какъ измѣнилась цѣнность пшеницы относительно барана, а то, какъ она измѣнилась относительно всѣхъ предметовъ вообще.

«Первымъ препятствіемъ этому служитъ неизбѣжная неопредѣленность понятія всеобщей мѣновой цѣнности, цѣнности — не по сравненію съ извѣстнымъ товаромъ, а съ товарами вообще. Еслибъ мы и знали съ точностью, на какое количество всякой продажной вещи въ отдѣльности обмѣнивался въ извѣстное историческое время квартеръ пшеницы, еслибъ мы и узнали, что нынѣ покупается за него извѣстныхъ вещей больше прежняго, а другихъ меньше прежняго, все-таки часто не умѣли бы мы сказать, поднялась или упала цѣнность пшеницы относительно всѣхъ товаровъ вообще. Еще гораздо менѣе возмножности рѣшить это, зная перемѣну цѣнности пшеницы лишь относительно мѣры цѣнности. Чтобы денежная цѣна вещи въ двухъ разныхъ періодахъ могла служить мѣрою общаго количества товаровъ, обмѣниваемаго за эту вещь, нужно было бы, чтобы извѣстная сумма денегъ соотвѣтствовала въ обоихъ періодахъ одинаковому количеству предметовъ вообще, то есть, чтобы деньги всегда имѣли одинаковую мѣновую цѣнность, одинаковую общую покупательную силу. А въ дѣйствительности ни деньги, ни какой другой товаръ не имѣютъ такой неизмѣнности, и нельзя даже предположить такихъ обстоятельствъ, при которыхъ была бы такая неизмѣнность.

«Мы видимъ изъ этого, что мѣра мѣновой цѣнности невозможна; и писатели, говорившіе о ней, сформировали себѣ подъ словами «мѣра цѣнности» понятіе, которое вѣрнѣе будетъ назвать «мѣрою стоимости производства». Они вообразили товаръ, неизмѣнно производимый всегда одинаковымъ количествомъ труда; къ этому условію необходимо прибавить другое, чтобы употребляемый на производство основной капиталъ оставался въ неизмѣнной пропорціи къ рабочей платѣ за

непосредственный трудъ, и всегда имѣлъ одну и ту же прочность; словомъ сказать, чтобы одинаковая сумма капитала затрачивалась на одинаковое время, такъ чтобы оставался неизмѣннымъ не одинъ тотъ элементъ цѣнности, который состоитъ изъ рабочей платы, но и тотъ, который состоитъ изъ прибыли. Мы имѣли бы тогда товаръ, всегда производимый въ одномъ и томъ же сочетаніи всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ постоянная цѣнность. Мѣновая цѣнность такого товара никакъ не была бы неизмѣнною. Не считая временныхъ колебаній отъ перемѣнъ въ снабженіи и запросѣ, мы видимъ, что постоянная мѣновая цѣнность его измѣнялась бы отъ каждой перемѣны въ условіяхъ производства тѣхъ вещей, на которыя онъ обмѣнивается Но еслибы существовалъ такой товаръ, онъ давалъ бы намъ ту пользу, что при всѣхъ перемѣнахъ цѣнности другихъ вещей сравнительно съ нимъ, мы знали бы, что причина перемѣны не въ немъ, а въ другихъ вещахъ. Мѣрою цѣнности другихъ вещей онъ все-таки не годился бы служить, но годился бы служить мѣрою стоимости ихъ производства. Если постоянная покупательная сила извѣстной вещи по отношенію къ этому неизмѣнному товару увеличивается, это значило бы, что стоимость ея производства увеличивается; а въ противномъ случаѣ стоимость ея производства уменьшается. Говоря о мѣрѣ цѣнности, политико-экономы вообще разумѣли эту мѣру стоимости.

«Но если эту мѣру цѣнности очень возможно представить себѣ теоретически, то въ дѣйствительности не можетъ быть ея, точно такъ же, какъ и мѣры мѣновой цѣнности. Нѣтъ такого товара, стоимость производства котораго была бы неизмѣнна. У золота и у серебра она мѣняется меньше, чѣмъ у другихъ товаровъ, но и у нихъ она измѣняется отъ истощенія прежнихъ источниковъ снабженія, отъ открытія новыхъ и отъ улучшеній въ способѣ добыванія. Если мы станемъ опредѣлять перемѣны въ стоимости производства извѣстнаго товара по перемѣнамъ въ его денежной цѣнѣ, то выводъ нужно будетъ по возможности исправлять по соображеніямъ о перемѣнахъ, произошедшихъ въ стоимости производства самыхъ денегъ.

«Адамъ Смитъ воображалъ, что есть два товара, особенно пригодные служить мѣрою цѣнности: хлѣбъ и трудъ. О хлѣбѣ онъ говорилъ, что цѣнность его сильно измѣняется съ года на годъ, но мало измѣняется изъ столѣтія въ столѣтіе. Теперь мы знаемъ, что это — ошибка: стоимость производства хлѣба имѣетъ тенденцію подниматься съ размноженіемъ населенія и падать отъ земледѣльческихъ улучшеній въ самой странѣ или въ заграничныхъ земляхъ, изъ которыхъ беретъ она часть своего снабженія. Предполагаемая неизмѣнность стоимости производства хлѣба требуетъ, чтобы сохранялось полное равновѣсіе между этими противоположными силами, равновѣсіе, которое бываетъ лишь случайно, если бываетъ когда нибудь. — О трудѣ, какъ мѣрѣ цѣнности, Адамъ Смитъ не вездѣ выражается одинаково. Иногда онъ говоритъ, что трудъ хорошая мѣра лишь для короткихъ періодовъ, что цѣнность труда (или рабочей платы) мало мѣняется съ году на годъ, много мѣняясь изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ другихъ мѣстахъ онъ выражается такъ, какъ будто трудъ, по самой сущности вопроса, удобнѣйшая мѣра цѣнности, потому что обыкновенная поденная мускульная работа одного мужчины можетъ считаться равной для него всегда одинаковому усилію или пожертвованію. Но эта мысль

правильная или неправильная сама по себѣ все равно, совершенно устраняетъ понятіе мѣновой цѣнности, замѣняя его совершенно инымъ понятіемъ, болѣе похожимъ на внутреннюю цѣнность. Если за день труда въ Америкѣ покупается вдвое больше обыкновенныхъ предметовъ потребленія, чѣмъ въ Англіи, то напрасною тонкостью будетъ доказыванье, что въ той и въ другой странѣ трудъ имѣетъ одинаковую цѣнность, и что различна въ нихъ цѣнность не труда, а другихъ предметовъ. Справедливо будетъ сказать, что въ этомъ случаѣ трудъ и на рынкѣ и для самаго работника имѣетъ въ Америкѣ вдвое больше цѣнности, чѣмъ въ Англіи.

«Если бы цѣлью нашею было найти приблизительную мѣру для оцѣнки внутренней цѣнности, то вѣроятно лучше всего было бы принять мѣрою суточное продовольствіе средняго человѣка, высчитанное на обыкновенную пищу, потребляемую классомъ чернорабочихъ. Если въ Америкѣ работникъ продовольствуется фунтомъ маисовой муки въ день, то цѣнность каждаго предмета опредѣлялась бы числомъ фунтовъ маисовой муки, за какое онъ обмѣнивается. Если извѣстная вещь сама или покупаемыми за нее вещами можетъ дать суточное продовольствіе работнику, а другая даетъ ему недѣльное продовольствіе, справедливо будетъ сказать, что вторая вещь для обыкновенныхъ человѣческихъ нуждъ имѣетъ цѣнность въ семь разъ больше первой вещи. Но черезъ это не измѣрялась бы важность, какую самъ владѣлецъ вещи придаетъ ей по своимъ мыслямъ, — важность, которая можетъ до неопредѣленной пропорціи быть больше (и не можетъ быть меньше) той важности, какую имѣетъ количество пищи, покупаемое на эту вещь.

«Понятіе мѣры цѣнности не должно смѣшивать съ понятіемъ регулирующаго принципа цѣнности или условій, опредѣляющихъ цѣнность. Когда Рикардо и другіе политико-экономы говорятъ, что цѣнность вещи опредѣляется количествомъ труда, они говорятъ не о томъ количествѣ труда, за какое обмѣнивается вещь, а о томъ количествѣ, какое нужно на ея производство. Они разумѣютъ то, что количествомъ труда, производящаго вещь, опредѣляется ея цѣнность, что въ немъ основаніе, почему цѣнность вещи бываетъ такая, а не иная. Но когда Адамъ Смитъ и Мальтусъ говорятъ, что трудъ — мѣра цѣнности, они разумѣютъ не тотъ трудъ, какимъ была или можетъ быть сдѣлана вещь, а то количество труда, какое обмѣнивается или покупается за эту вещь; иначе сказать, цѣнность вещи по оцѣнкѣ на трудъ. И говорятъ они не то, что этотъ трудъ *опредѣляетъ* общую мѣновую цѣнность вещи или сколько нибудь участвуетъ въ ея опредѣленіи, — нѣтъ, они говорятъ только, что по нему можно узнавать цѣнность вещи и степень разницы въ ней въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Смѣшивать эти два понятія значитъ то же самое, какъ забывать разницу между термометромъ и огнемъ.»

Мы должны сказать, по обыкновенію, что Милль очень справедливо излагаетъ ту сторону дѣла, о которой говоритъ: и должны, также по обыкновенію, прибавить, что кромѣ стороны, имъ излагаемой, есть въ дѣлѣ другая сторона. — Вопросъ о мѣрилѣ цѣнности неваженъ, по мнѣнію Милля. Дѣйствительно неваженъ.

если мы хотимъ добиваться лишь до сравниванія пропорцій, въ какихъ находились мѣновыя цѣнности разныхъ предметовъ въ разныя времена: тутъ мѣриломъ цѣнностей очень удобно могутъ служить деньги или какой угодно другой товаръ; но избранный мѣриломъ другихъ цѣнностей товаръ самъ измѣняется въ своей цѣнности, и невозможно пріискать товара, цѣнность котораго оставалась бы всегда неизмѣнна. Но въ словахъ о трудѣ, какъ вѣрномъ мѣрилѣ чего-то похожаго не на мѣновую, а на внутреннюю цѣнность или на стоимость производства, проглядываетъ истинный смыслъ вопроса, котораго не умѣли ясно представить себѣ Адамъ Смитъ и Мальтусъ, и который понятъ былъ ихъ послѣдователями какъ вопросъ о мѣновой цѣнности.

При нынѣшнемъ бытѣ, благосостояніе человѣка всего больше зависитъ отъ распредѣленія, которое своею неравномѣрностью закрываетъ несоотвѣтственность между состояніемъ производства и степенью благоденствія. Въ странахъ, пользующихся высокими успѣхами техническихъ искусствъ, масса населенія живетъ немногимъ лучше, чѣмъ въ земляхъ, въ которыхъ производительные процессы совершаются самыми грубыми и неуспѣшными способами. Но все-таки, не смотря на заслоняющее вліяніе неравномѣрнаго распредѣленія, связь между размѣромъ производства и размѣромъ потребленія довольно замѣтна и въ дѣйствительности, а въ теоріи она очевидна.

Въ обществѣ, основанномъ на системѣ наемнаго труда, степень благосостоянія работника измѣряется величиною рабочей платы. Но рабочая плата составляетъ только часть продукта; она еще не опредѣляетъ собою степень производительности труда, а этотъ элементъ былъ бы очень важенъ для соображеній о томъ, какой уровень благосостоянія возможенъ былъ бы въ данномъ обществѣ въ извѣстное время, при данной густотѣ населенія. Зная это, мы имѣли бы и для историческихъ и для общественныхъ выводовъ прочную норму. Напримѣръ, если бы мы знали, что дѣйствительная успѣшность земледѣльческаго труда въ нынѣшней Франціи равняется 5 единицамъ, а масса населенія пользуется земледѣльческимъ продуктомъ, составляющимъ 4 такихъ единицы,— мы должны были бы сказать, что устройство экономическаго быта

во Франціи удовлетворительно со стороны распредѣленія, — маловажность разницы между 4 и 5 изобличила бы пустоту такъ называемыхъ демагогическихъ теорій. Если бы мы узнали, что наибольшая возможная успѣшность земледѣльческаго труда при нынѣшнемъ состояніи техническихъ искусствъ не превышаетъ 6 единицъ, пустота этихъ демагогическихъ теорій обнаружилась бы и въ отношеніи вопросовъ о производствѣ: если при наилучшемъ возможномъ устройствѣ производилось бы только 6, а въ дѣйствительности производится 5, — что жь, это ужь очень и очень удовлетворительно. Наоборотъ, совсѣмъ иное оказалось бы дѣло, если бы мы узнали, что наибольшая возможная успѣшность земледѣльческаго труда равняется 15 единицамъ, дѣйствительная успѣшность только 5, а размѣръ пользованія земледѣльческимъ продуктомъ у массы населенія только 2.

Такимъ образомъ, неизмѣнная мѣра цѣнностей была бы очень важна для сужденій объ удовлетворительности производства и распредѣленія продукта въ извѣстной странѣ. Адамъ Смитъ отчасти предчувствовалъ важность ея въ этомъ отношеніи; но еще больше занимала его другая сторона вопроса — найти общую норму для сравненія разныхъ состояній быта и производства въ разныя времена. Имѣя такую норму, мы могли бы, напримѣръ, узнать, сколькимъ единицамъ ея равнялась успѣшность земледѣльческаго труда во Франціи при Карлѣ Великомъ, при Людовикѣ XII, при Людовикѣ XVI, и сравнивая эти данныя съ нынѣшнею величиною, имѣли бы точную оцѣнку исторической жизни французскаго народа въ отношеніи къ земледѣльческому продукту. Словомъ сказать, Адамъ Смитъ, заботясь найти общую норму цѣнностей, думалъ не о мѣновой цѣнности, а о чемъ то прямо пригодномъ для оцѣнки національнаго благосостоянія и успѣховъ производства.

Но у него самого мысли эти были смутны; а по мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ господствующей теоріи мѣновая цѣнность все больше и больше заслоняла собою всѣ другія понятія, утрачивалось у послѣдователей Смита и сознаніе надобности въ общей нормѣ цѣнностей.

Мы теперь отчетливо понимаемъ эту надобность, смутно пред-

ставлявшуюся Адаму Смиту и забытую его послѣдователями. Основнымъ элементомъ для сравненія разныхъ экономическихъ состояній должна быть успѣшность труда. Какое количество труда взять тутъ за единицу, это въ сущности все равно, и каждый изъ главныхъ сроковъ счета времени имѣетъ свои особенныя удобства, такъ что трудно сказать, который изъ нихъ заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія передъ другими. Часъ — единица слишкомъ мелкая, но она имѣетъ надъ другими единицами преимущество полной точности. Рабочій день не только въ разные историческіе періоды или у разныхъ народовъ состоитъ не изъ одинаковаго числа часовъ, но и у одного народа даже въ одномъ и томъ же занятіи имѣетъ неодинаковую продолжительность. Напримѣръ, работы производящіяся на открытомъ воздухѣ пользуются среди лѣта болѣе продолжительнымъ рабочимъ днемъ, нежели въ раннюю весну или позднюю осень. — Самымъ раціональнымъ срокомъ единицы труда былъ бы годъ, по крайней мѣрѣ для нашего европейскаго климата, въ которомъ земледѣльческій продуктъ получается по годичнымъ періодамъ. Но годъ у разныхъ народовъ или у одного народа въ разныя времена состоитъ далеко не изъ одинаковаго количества рабочихъ дней. Напримѣръ, у протестантовъ гораздо меньше праздниковъ, чѣмъ у католиковъ или у насъ. Кромѣ того, и годъ и часъ уступаютъ дню въ томъ отношеніи, что производить счетъ по нимъ значило бы вводить единицу, довольно непривычную въ подобныхъ соображеніяхъ, между тѣмъ какъ счетъ по днямъ каждому привыченъ. Впрочемъ, вообще мы полагаемъ, что нововведеній не слѣдуетъ бояться, когда они нужны для удобства самого дѣла. Если же единицею выбрать, какъ и слѣдовало бы, не часъ и не день, а годъ, то по неравенству рабочаго годичнаго времени въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, прежде всего надобно установить понятіе о нормальномъ рабочемъ годѣ, положивъ для него извѣстное число рабочихъ дней и часовъ, и потомъ, по приблизительному счету часовъ, сравнивать съ нимъ обычный рабочій годъ той страны и того народа, о которыхъ идетъ рѣчь. — Положимъ, напримѣръ, что норму 10 часовъ работы въ день мы нашли не чрезмѣрно обременительною и не слишкомъ лѣнивою въ обыкновенныхъ

занятіяхъ, а число 300 рабочихъ дней въ году нашли дающимъ не слишкомъ мало и не слишкомъ много времени для праздниковъ или отдыховъ, которые необходимы человѣку, чтобы могъ онъ легко и усердно работать въ остальные дни. Если такъ, рабочій годъ будетъ имѣть нормальнымъ образомъ 3,000 рабочихъ часовъ. Положимъ теперь, что у земледѣльцевъ южной Франціи сохраняется чрезмѣрное число праздниковъ, такъ что они занимаютъ цѣлую треть года, оставляя только 240 дней рабочаго времени. Но положимъ, что въ эти дни люди работаютъ до упаду, желая вознаградить теряемое на излишніе праздники время,— напримѣръ, работаютъ по 12 часовъ въ день. Если такъ, рабочій годъ южно-французскаго поселянина имѣетъ только 2,880 (=240×12) рабочихъ часовъ, и равняется только 96% нормальнаго рабочаго года. Иначе сказать, мы должны будемъ помнить, что народными нравами уменьшается въ южной Франціи на одну двадцать-пятую часть успѣшность земледѣльческаго труда. — То же самое будетъ, если неудобный климатъ отнимаетъ извѣстное количество рабочихъ дней, — напримѣръ, у насъ въ Россіи набирается въ осеннюю и въ весеннюю пору довольно много такихъ дней, когда почти ничего нельзя дѣлать поселянину, не имѣющему ремесла для работы въ избѣ при ростопеляхъ и непастьѣ.

Читатель видитъ и сходство и разницу между этимъ взглядомъ на количество труда, какъ норму цѣнностей, и тѣмъ понятіемъ, которое извѣстно въ господствующей теоріи подъ именемъ стоимости производства. Близость этихъ идей такъ велика, что поражаетъ съ перваго взгляда: и тамъ и здѣсь считается количество труда, употребленнаго на производство предмета. Но въ стоимости производства считается, кромѣ труда, прибыль, да и самый трудъ принимается только какъ стоимость рабочей платы. Точка зрѣнія, изъ которой возникаетъ идея стоимости производства — точка зрѣнія производителя, и собственно только производителя, покупающаго трудъ у наемныхъ работниковъ. Цѣль разсчета тутъ — опредѣлить продажную цѣнность предмета. Норма, о которой мы говоримъ, принадлежитъ совершенно иной точкѣ зрѣнія, и цѣль у ней совершенно иная. Мы хотимъ знать, какое

количество труда нужно потребителю для того, чтобы произвести своимъ трудомъ продуктъ своего потребленія. Тутъ нѣтъ отдѣленія прибыли отъ рабочей платы, нѣтъ и понятія объ отдѣльной отъ самого продукта рабочей платѣ. Тутъ вознагражденіемъ за трудъ принимается весь продуктъ; но и самое понятіе вознагражденія тутъ не съ полною точностью соотвѣтствуетъ сущности взгляда: собственно говоря, тутъ продуктъ разсматривается не какъ вознагражденіе за трудъ, а какъ результатъ труда. Вознагражденіемъ предполагается какое-то постороннее лицо, усвояющее себѣ продуктъ и выдѣляющее изъ него производителю извѣстную часть. Въ излагаемомъ нами взглядѣ нѣтъ посторонняго цѣновщика, усвояющаго себѣ продуктъ и отдѣляющаго работнику долю изъ продукта. Мѣновая цѣнность продукта оставляется безъ всякаго вниманія; продуктъ прямо подводится подъ потребности человѣка, разсматривается только его годность для ихъ удовлетворенія, — внутренняя цѣнность его; пріобрѣтеніе мѣновой цѣнности продуктомъ предполагается дѣломъ случайнымъ, исключительнымъ, потому что масса продуктовъ и не идетъ въ продажу или въ обмѣнъ, а прямо служитъ на потребленіе производителя; если же часть продуктовъ и идетъ въ обмѣнъ на продукты другихъ производителей, мѣновая цѣнность не является различною отъ внутренней, — внутренняя цѣнность прямо превращается въ мѣновую безъ всякаго увеличенія или уменьшенія. — Натуральная вещь, что этотъ взглядъ, предполагающій прямую связь между производствомъ и потребленіемъ, безъ посредства обмѣна, предполагающій соединеніе прибыли съ рабочею платою въ рукахъ трудящагося, предполагающій тожество потребителя и производителя, отрицающій систему наемнаго труда, — натуральная вещь, говоримъ мы, что этотъ взглядъ не былъ ясно понятъ ни Адамомъ Смитомъ, ни его послѣдователями, не умѣвшими представить себѣ систему быта, которая была бы выше трехчленнаго дѣленія продукта между тремя различными сословіями. — А между тѣмъ, даже и при нынѣшнемъ бытѣ, нельзя не видѣть преобладанія условій, соотвѣтствующихъ этому взгляду, если обратиться мыслями отъ частнаго хозяйства отдѣльныхъ лицъ къ національному хозяйству. Для цѣлой націи, потребители и производители

— одно и то же; потребленіе прямо опредѣляется производствомъ; рабочая плата, прибыль и рента сливаются въ одно цѣлое, въ продуктъ національнаго труда. Только односторонняя и узкая привычка забывать о національной или общечеловѣческой точкѣ зрѣнія, по увлеченію ходомъ дѣлъ въ частномъ хозяйствѣ, могла заставить господствующую теорію ограничиваться тѣмъ поверхностнымъ понятіемъ о стоимости труда и производства для нанимателя капиталиста, какое мы находимъ въ ней. При малѣйшемъ вниманіи къ національному хозяйству, какъ одному экономическому цѣлому, этотъ поверхностный взглядъ на дѣло замѣнился бы изложенною нами идеею общей нормы цѣнностей. Нація, какъ мы не разъ говорили, обмѣниваетъ лишь небольшую долю своего продукта на заграничные продукты, и получаетъ изъ-за границы лишь небольшую долю своего потребленія. Обмѣнъ тутъ играетъ роль не очень значительную, и масса производства сливается съ массою потребленія. Національный продуктъ производится національнымъ трудомъ. Кажется, очень не трудно дойти съ этой точки зрѣнія до идеи, что количество труда служитъ общею нормою цѣнности.

„Но если трудъ — общее мѣрило цѣнностей, то какимъ же образомъ доказывали вы въ одной изъ предыдущихъ статей, что трудъ не долженъ имѣть мѣновой цѣнности?“ — Очень легко убѣдиться, что эти два понятія о трудѣ, какъ дѣятельности, которая служитъ мѣриломъ цѣнностей и однако не должна сама быть цѣнностью, — что эти два понятія не противорѣчатъ другъ другу, а наоборотъ, необходимо вытекаютъ одно изъ другаго. Мѣриломъ предмета или понятія, конечно, не можетъ служить самъ предметъ или само понятіе, — для этого нужны другой предметъ, другое поятіе, находящіеся въ тѣсной связи съ измѣряемыми, какъ ихъ источники, причины или результаты, но совершенно различные отъ нихъ. Напримѣръ, нормою осадки рѣчныхъ судовъ служитъ не глубина какого нибудь рѣчнаго судна, а глубина рѣки; глубина рѣки и плавающее по рѣкѣ судно — двѣ вещи, совершенно различныя. Нормою одежды служитъ никакъ не самая одежда, а очертаніе человѣческой фигуры и климатъ. Нормою закона служитъ общественное благо; нормою пищи —

желудокъ и языкъ человѣка; нормою помады или духовъ — обоняніе человѣка. Словомъ сказать, норма вещи всегда нѣчто совершенно иное, нежели сама вещь. Такимъ образомъ, если цѣнность должна имѣть свою норму (какъ имѣетъ свою норму все въ человѣческой жизни), то сама эта норма не можетъ быть цѣнностью. Господствующая теорія только потому и не могла понять норму цѣнности, что причислила трудъ къ цѣнностямъ. — Припомнимъ афоризмъ, который сама господствующая теорія ставитъ верховнымъ принципомъ ученія о цѣнности и обмѣнѣ: „продукты обмѣниваются на продукты.“ Трудъ не есть продуктъ. Онъ еще только производительная сила, онъ только источникъ продукта. Онъ отличается отъ продукта, какъ мускулъ отъ поднимаемой мускуломъ тяжести, какъ человѣкъ отъ сукна или хлѣба.

C. ТОРГОВЛЯ.

(Милль, кн. III, гл. XVII—XXII и XXV).

Отдѣляя покупательную силу отъ продуктовъ, создавая для нея спеціальную представительницу — звонкую монету, замѣняя звонкую монету орудіемъ еще болѣе подвижнымъ, кредитными бумагами, люди имѣютъ въ виду облегченіе торговыхъ оборотовъ. При системѣ быта, въ которой хозяйственная единица не имѣетъ значительнаго размѣра, требуемаго теоріею, и не можетъ, по недостаточному своему объему, совмѣстить занятіе множествомъ нужныхъ человѣку производствъ съ высокимъ раздѣленіемъ труда въ каждомъ производствѣ, — при такой системѣ быта всякое возвышеніе экономической дѣятельности становится увеличеніемъ обмѣновъ между хозяйственными единицами, такъ что наконецъ, при высокомъ развитіи такого быта, торговые обороты владычествуютъ, повидимому, надъ всею экономическою дѣятельностью.

Сущность всѣхъ торговыхъ оборотовъ съ особенною ясностью выступаетъ на видъ въ заграничной торговлѣ, которая составляетъ какъ будто бы отдѣльное цѣлое въ общей суммѣ торговыхъ

оборотовъ страны, и которую каждый привыкъ разсматривать какъ нѣчто цѣлое, и между тѣмъ какъ истинный смыслъ оборотовъ внутренней торговли нѣсколько затемняется отсутствіемъ такой привычки обозрѣвать всю совокупность их одним взглядомъ. Вопросы относящіеся къ внѣшней торговлѣ изложены у Милля съ чрезвычайною ясностью, такъ что намъ здѣсь остается только пользоваться съ признательностью его изложеніемъ.

Очевидно, что если уровень успѣшности производства во всѣхъ занятіяхъ одинаковъ у двухъ странъ, то не можетъ начаться торговля между ними. Если въ Англіи кусокъ сукна производится 15 днями труда, кусокъ полотна 10 днями, въ Германіи также,— ни для Англіи, ни для Германіи нѣтъ выгоды обмѣниваться сукномъ и полотномъ,—стоимость провоза и другіе торговые расходы были бы тутъ лишь чистою потерею. Точно тоже было бы, если бы уровень общей успѣшности былъ и неодинаковъ, но пропорція этой неодинаковости была одна и та же во всѣхъ занятіяхъ. Если въ Англіи успѣшность труда во всѣхъ занятіяхъ вдвое больше, чѣмъ въ Германіи, — если, напримѣръ, сукно производится въ Англіи 15 днями, въ Германіи 30 днями труда, полотно въ Англіи 10, въ Германіи 20 днями труда, обмѣна продуктовъ также не будетъ. Англія, пославъ сукно въ Германію, получила бы за него полтора куска полотна (больше этого Германія не дастъ, потому что сама имѣетъ сукно за такое количество полотна); но полтора куска полотна въ самой Англіи равны одному куску сукна; слѣдовательно, Англія не получитъ никакой выгоды отъ обмѣна; также не получитъ никакой выгоды и Германія. Провозъ и другіе торговые расходы тутъ были бы чистымъ убыткомъ. Но предположимъ, что пропорція успѣшности труда въ разныхъ производствахъ неодинакова. Пусть, напримѣръ, въ производствѣ сукна англійскій трудъ вдвое успѣшнѣе германскаго, а въ производствѣ полотна только въ полтора раза успѣшнѣе его. Тогда, если въ Германіи кусокъ сукна производится 20 днями, а кусокъ полотна 15 днями труда, въ Англіи кусокъ сукна производится 10 днями, и кусокъ полотна также 10 днями труда. Если англійское сукно будетъ обмѣниваться на нѣмецкое полотно, произойдетъ въ этомъ случаѣ уменьшеніе расходовъ труда на производ-

ство обоихъ товаровъ для обѣихъ странъ. Положимъ, что Англія употребляетъ 1,000 кусковъ сукна, — по 10 дней труда, это составитъ 10,000 дней труда; столько же труда нужно ей, чтобы произвести 1,000 кусковъ полотна. Итого, Англіи нужно было до начала торговли 20,000 дней труда, чтобы снабдить себя сукномъ и полотномъ. А Германіи нужно было, по 20 дней на кусокъ сукна, 20,000 дней на производство 1,000 кусковъ сукна, и (по 15 дней на кусокъ) 15,000 дней на производство 1,000 кусковъ полотна. Итого, въ обѣихъ странахъ производилось 2,000 кусковъ сукна трудомъ 30,000 дней и 2,000 кусковъ полотна трудомъ 25,000 дней; всего на оба продукта обѣ страны должны были употреблять 55,000 дней. — Положимъ теперь, что начался обмѣнъ. Англія производитъ для Германіи сукно (сукно, потому что въ этомъ производствѣ трудъ ея имѣетъ выгоднѣйшую пропорцію сравнительно съ германскимъ), получая за то отъ Германіи полотно (въ которомъ пропорція труда наименѣе невыгодна для Германіи по сравненію съ Англіею). Въ Англіи, на производство 2,000 кусковъ сукна нужно (по 10 дней на кусокъ) только 20,000 рабочихъ дней; въ Германіи на производство 2,000 кусковъ полотна (по 15 дней на кусокъ) только 30,000 рабочихъ дней. Итого, обѣ страны употребляютъ на снабженіе себя обоими товарами только 50,000 дней, вмѣсто прежней суммы 55,000, такъ что черезъ торговлю выигрывается 5.000 рабочихъ дней, которые могутъ быть употреблены или на увеличеніе снабженія сукномъ и полотномъ, или на снабженіе торгующихъ странъ другими продуктами, которыхъ не могли онѣ по недостатку времени производить до начала торговли *).

Но эти 5,000 дней — сумма выигрыша, получаемаго отъ торговли обѣими странами; какъ раздѣлится онъ между ними? Это зависитъ отъ сравнительной силы запроса каждой страны на товаръ, ей предлагаемый другою страною. Въ Германіи 15 кусковъ сукна обмѣнивались на 20 кусковъ полотна, — слѣдова-

*) Разумѣется, изъ этого выигрыша 5,000 дней, надобно исключить расходы на провозъ и другія дѣла по торговлѣ, — положимъ на это 1,000 дней, остается чистаго выигрыша 4.000 дней. Для краткости изложенія, мы оставили безъ вниманія эти расходы, которыми легко дополнитъ наши соображенія каждый читатель.

тельно, ей выгодно будетъ получать отъ Англіи и 16 кусковъ сукна за это количество полотна. Если такъ, Англія будетъ получать за 16 кусковъ сукна 20 кусковъ полотна, а прежде получала только 16; стало быть, при каждомъ обмѣнѣ 16 кусковъ сукна на 20 кусковъ полотна, Германія выигрываетъ 1 кусокъ сукна, Англія 4 куска полотна. — Но пропорція можетъ установиться и совершенно иная. Англія за 10 кусковъ сукна имѣла только 10 кусковъ полотна; слѣдовательно, ей уже выгодно будетъ получать и по 11 кусковъ полотна. Если такъ, Германія будетъ имѣть за 11 кусковъ полотна 10 кусковъ сукна, а прежде имѣла ихъ не меньше, какъ за 15 кусковъ полотна; стало быть, при каждомъ обмѣнѣ 10 кусковъ сукна на 11 кусковъ полотна, Англія будетъ выигрывать 1 кусокъ полотна, а Германія 4 куска сукна. — По первой пропорціи цѣнностей, бо́льшая часть выигрыша достанется Англіи, по второй пропорціи — Германіи. Но мы знаемъ, по какому закону устанавливаются мѣновыя цѣнности, онѣ опредѣляются уравненіемъ запроса и снабженія. Если для Англіи легко увеличить снабженіе сукномъ по запросу изъ Германіи, а запросъ Германіи на англійское сукно слабъ, между тѣмъ какъ англійскій запросъ на германское полотно силенъ, то установится между англійскимъ сукномъ и нѣмецкимъ полотномъ пропорція цѣнностей, соотвѣтствующая второму нашему случаю, и бо́льшая часть выигрыша будетъ оставаться у Германіи. Въ противномъ случаѣ, когда англійскій запросъ на германское полотно слабъ, а германскій запросъ на англійское сукно силенъ, будетъ наоборотъ, и бо́льшая часть выигрыша достанется Англіи. — Само собою разумѣется, что уравненіе запроса и снабженія устанавливается въ заграничной торговлѣ страны не отдѣльно по ея торговлѣ съ каждою изъ другихъ странъ, а по всей суммѣ ея торговли со всѣми заграничными странами. Способъ, которымъ устанавливается оно, ясенъ для насъ при знакомствѣ съ общимъ принципомъ мѣновыхъ цѣнностей. Если заграничный запросъ на наши товары слишкомъ слабъ, сравнительно съ нашимъ запросомъ на заграничные товары, такъ что цѣнность ввоза превышаетъ цѣнность отпуска, нашъ запросъ уменьшается возвышеніемъ цѣнностей заграничныхъ товаровъ, и ввозъ ихъ уменьшается;

или запросъ заграничныхъ странъ на наши товары усиливается пониженіемъ цѣнностей нашихъ товаровъ, и нашъ вывозъ отъ этого увеличивается.

Но общею мѣрою мѣновыхъ цѣнностей принята звонкая монета, и очень легко понять, какъ дѣйствуетъ на нее происходящее посредствомъ нея уравненіе запроса и снабженія въ заграничной торговлѣ. Если цѣнность ввоза больше цѣнности вывоза, недочетъ уплаты продуктами нашего производства за ввозимые товары покрывается звонкою монетою, — она идетъ отъ насъ за границу; отъ этого за границею цѣнность монеты падаетъ, то есть цѣны заграничныхъ товаровъ возвышаются, а у насъ цѣнность монеты возвышается, то есть, цѣны отпускаемыхъ нами товаровъ падаютъ; отъ дороговизны заграничныхъ товаровъ привозъ ихъ уменьшается, а отъ дешевизны нашихъ товаровъ вывозъ ихъ увеличивается, и это измѣненіе цѣнностей черезъ передвиженіе звонкой монеты совершается до той поры, пока установится уравненіе запроса и снабженія, то есть, пока останется у насъ лишь такое количество звонкой монеты, при которомъ цѣны нашихъ товаровъ установились бы такія, какія удовлетворяютъ необходимому равенству ввоза и вывоза. — Когда вывозъ больше ввоза, происходитъ наоборотъ, — звонкая монета идетъ въ нашу страну, дешевѣетъ у насъ, и цѣны нашихъ товаровъ возвышаются до того, чтобы заграничный запросъ на нихъ уменьшился до равенства съ цѣнностью ввозимыхъ нами заграничныхъ товаровъ. — Слѣдовательно, звонкая монета (или, все равно, матеріалъ ея, золото и серебро въ слиткахъ) переливается изъ страны въ страну такъ, что общій уровень цѣнъ въ каждой странѣ устанавливается сообразно уравненію запроса и снабженія по заграничной торговлѣ. — Когда звонкая монета отчасти замѣняется кредитными знаками, съ ними происходитъ тоже самое, что происходило бы съ нею. Если, напримѣръ, нашъ ввозъ больше отпуска, въ уплату за излишекъ ввоза должна была бы идти за границу и дешевѣть тамъ звонкая монета; но когда она замѣняется векселями, идутъ въ излишествѣ за границу наши векселя и дешевѣютъ отъ этого излишества на заграничныхъ биржахъ; а цѣна такого удобоподвижнаго товара, какъ векселя, не можетъ значительно разниться

на разныхъ биржахъ; потому наши векселя дешевѣютъ и на нашихъ биржахъ, — иначе сказать, цѣна векселей, даваемыхъ намъ отъ заграничныхъ негоціантовъ, возвышается надъ цѣною векселей, даваемыхъ нашими негоціантами заграничнымъ ихъ корреспондентамъ.

Попробуемъ теперь перевести эти техническія выраженія на обыкновенный разговорный языкъ. Мы видѣли, что вексельный курсъ и цѣнность звонкой монеты въ странѣ, имѣющей заграничную торговлю, устанавливаются соотвѣтственно уравненію запроса и снабженія. На простомъ языкѣ это будетъ значить вотъ что. Положимъ, что кусокъ сукна производится въ Англіи трудомъ 15 дней, въ Германіи трудомъ 30 дней. Но кусокъ сукна —все тотъ же кусокъ сукна, какимъ бы количествомъ труда ни производился, — все равно, онъ долженъ обмѣниваться на одинакое количество другихъ товаровъ. А представительница мѣновой цѣнности всѣхъ вообще товаровъ—звонкая монета. Потому кусокъ сукна, сработанный въ Германіи 30 днями труда и сработанный въ Англіи 15 днями труда, долженъ имѣть одинаковую цѣну [1]). Положимъ, что эта цѣна — 6 р. сер. Она получается въ Англіи за 15, а въ Германіи за 30 дней труда. Стало быть, средняя цѣнность звонкой монеты въ Англіи вдвое дешевле, чѣмъ въ Германіи, — 20 коп. сер. для нѣмца значитъ не меньше, чѣмъ 40 коп. для англичанина. Конечно, если такъ, то англичанинъ вдвое богаче нѣмца. Но отчего это произошло? Вовсе не отъ заграничной торговли, не отъ перехода звонкой монеты изъ Германіи въ Англію, не отъ состоянія вексельнаго курса, — нѣтъ, просто отъ того, что успѣшность труда въ Англіи вдвое больше, чѣмъ въ Германіи: англичанинъ успѣваетъ сработать два куска сукна въ то время, какъ нѣмецъ успѣваетъ сработать только одинъ кусокъ, — какъ же англичанину не быть вдвое богаче нѣмца? [2]) Положимъ теперь, что нѣмецъ будетъ жаловаться на свою бѣдность, — чѣмъ можно пособить ему? Только

[1]) Разумѣется, за исключеніемъ разницы, зависящей отъ расхода на перевозку и соединенныя съ нею издержки. Но повторяемъ, ввести этотъ элементъ можетъ каждый читатель самъ.

[2]) Разумѣется, сукно тутъ принимается только какъ примѣръ общаго хода дѣлъ во всѣхъ производствахъ.

заботами о томъ, чтобы его трудъ сталъ успѣшнѣе, то есть, чтобы онъ занялся работами, наиболѣе удобными для него по характеру его страны, чтобы онъ принялъ въ своемъ производствѣ улучшенные процессы, чтобы законы и обычаи его страны стали благопріятнѣе для успѣшности труда. Когда онъ подобно англичанину станетъ производить въ 15 дней вещь, которую производитъ теперь въ 30, онъ будетъ также богатъ. Иначе никакъ не достигнуть ему этого.

Мы видимъ, что вопросъ о распредѣленіи звонкой монеты по различнымъ странамъ, при свободной торговлѣ сводится къ вопросу объ успѣшности труда въ нихъ. Чѣмъ успѣшнѣе трудъ страны, тѣмъ больше можетъ она получить всякихъ товаровъ, въ томъ числѣ золота и серебра. А при всеобщемъ значеніи золота и серебра, каждое лицо и каждая группа лицъ желаетъ имѣть какъ можно больше этихъ товаровъ. Стало быть, чѣмъ успѣшнѣе трудъ страны, тѣмъ больше въ ней золота и серебра, то есть и звонкой монеты; значитъ, тѣмъ выше и уровень цѣнъ въ ней сравнительно съ другими странами [1]). Возьмемъ теперь двѣ страны, которыя торгуютъ между собою, и въ одной изъ которыхъ успѣшность труда вдвое больше, чѣмъ въ другой. Пусть, напримѣръ, въ Англіи успѣшность труда вдвое выше, чѣмъ въ Германіи. При заграничной торговлѣ между ними, мы будемъ имѣть три разряда товаровъ съ тремя разными уравнями цѣнъ. Вопервыхъ, англійскіе товары, не идущіе въ заграничную торговлю, сохранятъ англійскій уровень цѣнъ, вдвое высшій германскаго. Вовторыхъ, германскіе товары, не идущіе въ заграничную торговлю, сохранятъ германскій уровень цѣнъ, вдвое низшій англійскаго. Въ третьихъ, товары, которыми ведется торговля между этими двумя странами, будутъ имѣть какой нибудь уровень цѣнъ, одинаковый для обѣихъ странъ [2]). Назовемъ представителемъ

[1]) Если въ производствѣ извѣстнаго товара происходитъ улучшеніе, цѣнность его понижается; но вѣдь пониженіе цѣнности извѣстнаго товара равнозначительно возвышенію цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ сравнительно съ нимъ. Такимъ образомъ, общій уровень цѣнъ отъ этого не понижается; напротивъ, онъ возвышается, потому что въ общей сложности всего производства страны успѣшность труда увеличилась.

[2]) За исключеніемъ разницы, происходящей отъ стоимости провоза и другихъ торговыхъ издержекъ. Мы, по прежнему, оставляемъ безъ вниманія этотъ элементъ,

двухъ первыхъ разрядовъ — трудъ. Трудъ въ Англіи будетъ имѣть цѣну, вдвое высшую, чѣмъ въ Германіи. Если, напримѣръ, въ Англіи день труда стоитъ 50 к., въ Германіи онъ стоитъ только 25 коп. *). Пусть будутъ представителями товаровъ заграничной торговли сукно, производимое Англіею, и полотно, производимое Германіею для обѣихъ странъ. Пусть кусокъ сукна продается по 50 рублей, кусокъ полотна по 8 рублей въ той и другой странѣ. Посылая въ Германію 20 кусковъ сукна (на 1,000 р.), Англія получаетъ за него изъ Германіи также на 1,000 р. полотна, то есть 125 кусковъ полотна. По цѣнѣ труда, Англія за 2,000 единицъ цѣны своихъ товаровъ получила отъ Германіи 4,000 единицъ цѣны германскихъ товаровъ. Ясно, что для Англіи нѣмецкое полотно обходится вдвое дешевле, чѣмъ англійское сукно для Германіи. На темномъ, инстинктивномъ чувствѣ этого факта основано заблужденіе протекціонистовъ, говорящихъ, что въ этомъ случаѣ только Англія выигрываетъ, а Германія проигрываетъ отъ заграничной торговли. Нѣтъ, выигрываетъ и Германія. Вѣдь свое полотно она обмѣниваетъ на англійское сукно только потому, что не могла бы заниматься производствомъ сукна такъ успѣшно, какъ производствомъ полотна. Если производство 125 кусковъ полотна обходится ей въ 4,000 единицъ ея внутренняго уровня цѣнъ, то производство 20 кусковъ сукна обошлось бы ей дороже, въ 5,000 такихъ

имѣющій своимъ результатомъ только уменьшеніе размѣра, то есть и степени вліянія заграничной торговли, а не какую нибудь перемѣну въ характерѣ ея вліянія.

*) Мы говорили, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ; но вѣдь въ нынѣшнемъ бытѣ онъ товаръ, и составляетъ самую обширную статью въ общей суммѣ всѣхъ товаровъ страны. Общее количество рабочей платы въ странѣ продается за количество денегъ, гораздо большее, чѣмъ общее количество хлѣба, который перевышаетъ своею торговою важностью каждый изъ остальныхъ товаровъ. Это ясно изъ того, что почти вся масса хлѣба потребляется простонародьемъ (количество, потребляемое высшимъ и среднимъ классомъ, невелико по ихъ сравнительной малочисленности). А кромѣ хлѣба, простой народъ долженъ покупать многіе другіе товары на свою рабочую плату. — Мы приняли, что трудъ имѣетъ въ каждой странѣ свою особую цѣну, независимую отъ заграничной торговли, какъ будто вовсе не идетъ въ эту торговлю. На самомъ дѣлѣ, ведется нѣкоторая заграничная торговля и этимъ товаромъ. Нѣмецкіе работники переселяются въ Англію, то есть привозятъ свой единственный товаръ, трудъ, на продажу въ Англію. Но число ихъ, то есть и количество привозимаго ими товара, такъ незначительно передъ массою ихъ и ихъ товара въ той и другой странѣ, что цѣна труда въ Германіи не возвышается, а въ Англіи не понижается чувствительнымъ образомъ.

единицъ; а теперь она получаетъ эти 20 кусковъ изъ Англіи за 4,000 такихъ единицъ, то есть выигрываетъ 1,000 единицъ. А то, что единицы въ ней меньше, чѣмъ въ Англіи, зависитъ уже не отъ заграничной торговли, а отъ малой успѣшности труда, и заграничная торговля не развиваетъ, а исправляетъ этотъ недостатокъ. Исправляетъ она его двумя способами: вопервыхъ, она обращаетъ германскій трудъ отъ занятій, въ которыхъ былъ бы онъ менѣе успѣшенъ, къ занятіямъ болѣе успѣшнымъ, то есть въ общей сложности увеличиваетъ его успѣшность. Еще важнѣе для Германіи то обстоятельство, что черезъ заграничную торговлю осязательно обнаруживается малая успѣшность ея труда и указывается надобность заботиться объ улучшеніи производительныхъ процессовъ для увеличенія его успѣшности. Протекціоннымъ тарифомъ лишь замаскировалось бы это зло малой успѣшности германскаго труда. Такимъ образомъ, Германія получаетъ отъ свободы заграничной торговли еще гораздо больше выгоды, чѣмъ Англія: въ Англіи свободная торговля только обращаетъ трудъ къ занятіямъ болѣе успѣшнымъ, а въ Германіи, сверхъ того, она улучшаетъ производительные процессы.

Самый усердный приверженецъ свободной торговли останется доволенъ нашимъ взглядомъ на этотъ предметъ. Если же мы безусловно признаемъ пользу заграничной торговли, о которой съ большими оговорками разсуждаютъ очень многіе послѣдователи господствующей теоріи, то, конечно, уже не меньше кого бы то ни было изъ учениковъ Адама Смита мы цѣнимъ выгоды, приносимыя въ нынѣшнемъ бытѣ внутреннею торговлею, противъ которой не имѣютъ никакихъ возраженій и самые заклятые протекціонисты. Въ бытѣ, основанномъ на раздѣленіи рабочей платы отъ прибыли, на раздѣленіи ренты отъ рабочей платы и прибыли, почти всякій продуктъ идетъ въ обмѣнъ, почти все производимое продается, почти все потребляемое покупается. Потому развитіе торговли тутъ служитъ мѣриломъ развитія экономической дѣятельности. При такомъ бытѣ, справедливо говорятъ, что торговля смягчаетъ нравы, соединяетъ народы, уничтожаетъ національные предразсудки, уменьшаетъ возможность войнъ и т. д., и т. д.,— словомъ, служитъ могущественнѣйшею изъ цивилизующихъ силъ.

Тутъ подъ торговлею понимается экономическая дѣятельность, которая вся переходитъ въ торговлю при нынѣшнемъ устройствѣ быта.

Но совершенно иное дѣло будетъ, если мы обратимъ вниманіе на коренныя черты того быта, при которомъ получаетъ такое безграничное значеніе торговля, при которомъ она обнимаетъ собою всю экономическую дѣятельность. Мы видѣли, что этотъ бытъ несообразенъ съ принципами экономической теоріи. А въ неудовлетворительномъ механизмѣ производитъ неудовлетворительный результатъ своимъ дѣйствіемъ каждая пружина, какъ бы хороша ни была сама по себѣ. Всякому извѣстно, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ торговля имѣетъ очень много дурнаго. Она — дѣло очень рискованное: убытки въ ней очень часты, банкротства очень не рѣдки. Соотвѣтственно значительности риска, въ торговую прибыль должна входить очень значительная страховая премія, и прибыль эта имѣетъ очень большую величину. Потому, пока торговецъ не подвергается несчастнымъ случаямъ, онъ получаетъ очень много выигрыша на свой капиталъ. Отъ этого происходятъ два послѣдствія. Вообще говоря, отдѣльный человѣкъ гораздо быстрѣе можетъ разбогатѣть торговлею, чѣмъ производствомъ, и дойти черезъ нее до гораздо бо̀льшаго богатства. Второстепенный банкиръ или оптовый негоціантъ богаче хозяина самой огромной фабрики. Эта перспектива быстраго и громаднаго обогащенія отвлекаетъ самыхъ дѣятельныхъ и даровитыхъ людей отъ производства, въ которомъ всего полезнѣе были бы для общества ихъ способности, къ торговлѣ, въ которой силы ихъ обращены не на увеличеніе продукта, а только на разныя перестановки уже готоваго продукта. Общество много теряетъ отъ этой потери лучшихъ силъ для производства. Но и вообще оно теряетъ слишкомъ много всякихъ силъ при нынѣшнемъ ходѣ торговыхъ дѣлъ. Посмотрите на гостиный дворъ въ большомъ городѣ: длиннымъ рядомъ тянутся десятки совершенно одинаковыхъ лавокъ, напримѣръ, съ шелковыми матеріями. Зачѣмъ нужно обществу такое множество ихъ въ одномъ мѣстѣ? Чтобы шло между ними соперничество къ выгодѣ покупателей, довольно было бы двухъ, трехъ лавокъ вмѣсто пятидесяти или шестидесяти. Три

большія лавки, занимая какихъ нибудь 300 квадратныхъ саженъ помѣщенія, имѣя всего какихъ нибудь 60 человѣкъ сидѣльцевъ, удовлетворяли бы спросу покупателей такъ же легко, какъ теперь удовлетворяютъ 50 не очень большихъ лавокъ, которыя занимаютъ 1,000 квадратныхъ саженъ помѣщенія и имѣютъ 200 человѣкъ сидѣльцевъ. Работа на возведеніе и ремонтъ 700 лишнихъ квадратныхъ саженъ торговаго помѣщенія и трудъ лишнихъ 140 сидѣльцевъ — чистая потеря для общества. Та же самая пропорція потери во всѣхъ отрасляхъ торговли, во всѣхъ городахъ и селахъ. Тѣмъ, на что была бы достаточна работа одной тысячи торговцевъ, заняты три, четыре тысячи ихъ. Почему ихъ столько? Не потому, что столько ихъ нужно для общественнаго удобства, а потому, что столько ихъ можетъ прожить въ убытокъ обществу торговою прибылью, которая сама поглощаетъ слишкомъ большую долю продукта между прочимъ отъ этой чрезмѣрной многочисленности своего штата.

Мы говорили только о потеряхъ, заключающихся въ самомъ правильномъ, честномъ, благоразумномъ ходѣ торговли при нынѣшнемъ порядкѣ, не касаясь гибельныхъ крайностей, въ которыя постоянно вовлекается она. Выше была рѣчь о коммерческихъ кризисахъ и о безразсудной спекуляціи. Спекуляція постоянно влечется въ безразсудство. А спекуляція — душа нынѣшней торговли. Возставать противъ спекуляціи или стараться обуздать ее при нынѣшнемъ порядкѣ — пустая трата словъ, напрасная игра въ безплодныя стѣснительныя мѣры. Наука требуетъ, чтобы вмѣсто ребяческой борьбы съ неизбѣжнымъ результатомъ извѣстнаго устройства, мы занялись разборомъ и исправленіемъ самого устройства, производящаго такой результатъ.

Нынѣшняя торговля — частная форма, принимаемая принципомъ обмѣна въ такомъ обществѣ, гдѣ покупательная сила отдѣляется отъ производительной силы, прибыль отъ рабочей платы, трудъ имѣетъ характеръ товара и продуктъ имѣетъ своимъ хозяиномъ не самого работника, а лицо, нанимающее работниковъ. Но когда трудъ — товаръ, а работникъ не хозяинъ продукта, роль обмѣна въ обществѣ расширяется гораздо далѣе границъ, допускаемыхъ принципами экономической теоріи.

Мы видѣли, каково нормальное условіе возникновенія обмѣна. Оно открыто намъ господствующею теоріею въ изслѣдованіи заграничной торговли. Въ заграничной торговлѣ, одна изъ обмѣнивающихся сторонъ производитъ для себя и для другой стороны продуктъ, въ которомъ трудъ ея болѣе успѣшенъ, получая отъ другой стороны товаръ, въ производствѣ котораго менѣе успѣшенъ трудъ первой стороны и болѣе успѣшенъ трудъ второй стороны, также производящей его для себя и для первой стороны. Въ этомъ сосредоточеніи силъ каждаго народа, города или лица на успѣшнѣйшемъ производствѣ заключается выгода всякаго обмѣна товаровъ, между различными ли народами, или городами, или лицами. Подъ этотъ принципъ совершенно подходятъ тѣ случаи, когда портной или столяръ обмѣниваютъ свой продуктъ на продуктъ сапожника или кузнеца, — подходятъ всѣ тѣ случаи, когда люди, занимающіеся производствомъ одного продукта, обмѣниваютъ свой продуктъ на продуктъ людей, занимающихся другимъ производствомъ. Но подходитъ ли подъ принципъ выгодности обмѣна тотъ случай, когда обмѣнъ происходитъ не изъ разности продуктовъ, а только изъ продажи труда? У фермера трудится надъ производствомъ хлѣба наемный работникъ, получающій рабочую плату, — вотъ первый обмѣнъ: трудъ обмѣнивается на рабочую плату. Работнику нужно ѣсть, — онъ покупаетъ на свою плату хлѣбъ, — вотъ второй обмѣнъ. Спрашиваемъ: къ чему привели эти два обмѣна? Только къ тому, чтобы продуктъ возвратился въ руки человѣка, занимавшагося производствомъ этого самаго продукта. Спрашиваемъ: выгоденъ ли для общества этотъ лишній оборотъ? Вѣдь это все равно, какъ если бы въ заграничной торговлѣ Англія сначала продавала свое сукно въ Германію, потомъ покупала его изъ Германіи. Вѣдь это верхъ экономической несообразности. Всѣ торговые расходы тутъ совершенно лишніе расходы, — вѣдь это все равно, какъ если бы весь хлѣбъ изъ провинцій свозить въ Петербургъ, чтобы изъ Петербурга опять развозить его по Симбирской, Самарской и т. д. губерніямъ, изъ которыхъ онъ привезенъ въ Петербургъ. — Мы видѣли, что продажа труда противорѣчитъ принципу распредѣленія продуктовъ, противорѣчитъ условіямъ успѣшнаго

производства продуктовъ; теперь мы видимъ, что она противорѣчитъ и принципу обмѣна. Торговля трудомъ совершенно лишняя торговля. — Теорія производства и распредѣленія, какъ мы видѣли, предполагаетъ работника хозяиномъ продукта. Если работникъ хозяинъ, онъ продаетъ изъ своего продукта только то, что у него остается за собственнымъ потребленіемъ, а покупаетъ на свое потребленіе только тѣ продукты, производствомъ которыхъ не занимается *). Мы видѣли, что при высокомъ развитіи экономической дѣятельности, теорія предполагаетъ хозяйственную единицу, имѣющую значительный размѣръ и совмѣщающую въ себѣ множество разнородныхъ производствъ, такъ что доля покупаемыхъ ею продуктовъ была бы тутъ невелика, сравнительно съ массою тѣхъ потребляемыхъ ею продуктовъ, которые произвела она сама для себя, а количество продаваемыхъ ею продуктовъ также невелико сравнительно со всею массою ея производства. Совершенно иное дѣло, когда работникъ не хозяинъ продукта, а только наемникъ. Тутъ онъ покупаетъ всѣ предметы своего потребленія, а хозяинъ продаетъ весь продуктъ, какой получаетъ. По принципу обмѣна, только одна пятая или одна десятая часть продуктовъ должна была бы проходить отъ производства къ потребленію черезъ ступень продажи. Теперь проходитъ вся масса. — Это противорѣчитъ экономическому принципу обмѣна, какъ мы говорили. Точно также противорѣчитъ ему, по прежнимъ нашимъ словамъ, и то, что поступаетъ въ продажу трудъ, — отъ этого количество продажъ и покупокъ еще увеличивается вдвое противъ надобности самого дѣла. Это все равно, какъ если хлѣбъ продается не одинъ разъ, когда собранъ и обмолоченъ не самимъ фермеромъ, а еще прежде того продается имъ на корню какому нибудь другому капиталисту, который, собравъ и обмолотивъ жатву, продаетъ ее во второй разъ. Каждому извѣстно, выгодно ли для сельскаго хозяина продавать свой хлѣбъ на корню, когда онъ продаетъ, такъ сказать, еще не хлѣбъ, а только

*) Совершенно такъ, какъ видимъ въ заграничной торговлѣ, которая одна раціонально разбирается господствующей теоріею, потому что одна имѣетъ хотя нѣсколько раціональный видъ при нынѣшнемъ бытѣ (въ странахъ, принявшихъ принципъ свободной торговли).

возможность полученія хлѣба. Точно также убыточенъ для работника порядокъ, по которому онъ продаетъ не готовый продуктъ своего труда, а только возможность полученія этого продукта, заключающуюся въ трудѣ. Такимъ образомъ, продажа труда вдвойнѣ невыгодна. Вопервыхъ, она убыточна для массы населенія, продающей свой трудъ съ огромнымъ дисконтомъ, неизбѣжнымъ при каждой продажѣ, которая совершается преждевременно: вѣдь продажа труда — ни больше, ни меньше, какъ преждевременная продажа продукта. Вовторыхъ, продажа труда убыточна для всего общества, торговые расходы котораго чрезмѣрно увеличиваются отъ чрезмѣрнаго увеличенія торговыхъ сдѣлокъ этою преждевременною продажею, совершенно противорѣчащею экономическому принципу обмѣна.

Читатель, безпристрастно понимающій наши слова, самъ видитъ нелѣпость рутинныхъ возраженій противъ раздѣляемаго нами взгляда, — возраженій, говорящихъ, что эта теорія враждебна самому принципу обмѣна, неблагопріятна принципу раздѣленія труда и т. д. Вѣдь у насъ рѣчь вовсе не о томъ, чтобы не продавать товаровъ, — напротивъ, пусть они продаются всегда, когда нужно. Мы говоримъ только вотъ о чемъ: если по сущности дѣла, по экономическому принципу обмѣна и по принципу раздѣленія труда, нужно продать товара на 100 рублей, то и надобно продать его на 100 рублей, чтобы купить на эту сумму другаго товара, котораго у насъ нѣтъ у самихъ; а не слѣдуетъ намъ продавать нашего товара на 500 рублей, чтобы потомъ его же обратно купить на 400 рублей, — эта продажа на лишніе 400 рублей лишняя продажа. Повторяемъ наше сравненіе внутренней торговли съ заграничною. Изъ Англіи выходитъ за границу только то сукно, котораго не потребляетъ она сама. Изъ рукъ работника должна выходить на продажу только та часть продукта, которой не потребляетъ самъ работникъ. Только и всего, — кажется тутъ нѣтъ ровно ничего, противнаго принципамъ господствующей теоріи, и не мы виноваты, если она не умѣетъ подводить частные вопросы подъ принципы, ею самою провозглашаемые.

Отъ продажи труда возникаетъ громадное количество излишнихъ продажъ и покупокъ, въ десять или двадцать разъ пре-

вышающее ту сумму продажъ и покупокъ, какая оправдывается принципомъ обмѣна. Этого одного было бы достаточно, чтобы торговля была дѣломъ запутаннымъ. Но еще больше запутанности вносится въ нее нынѣшнимъ порядкомъ производства, основаннымъ не на разсчетѣ потребленія, а на шансахъ сбыта въ руки торговцевъ, скупающихъ продуктъ для перепродажи. Въ статьѣ о соперничествѣ и объ экономическомъ разсчетѣ мы говорили, что нынѣшній производитель трудится въ потемкахъ, на удачу, не зная ни того, сколько товара нужно потребителямъ, ни того, сколько товара работается другими производителями. При такомъ невѣрномъ, загадочномъ размѣрѣ нужнаго производства и дѣйствительнаго потребленія, сбытъ продукта становится дѣломъ многосложнымъ, затруднительнымъ, рискованнымъ, и очень натураленъ тотъ фактъ, что посредники между производителями и потребителями являются самостоятельными хозяевами, ведущими посредничество на свой рискъ. Но извѣстно, что черезъ эту самостоятельность посредниковъ теряется независимость производителей: оптовый торговецъ становится господиномъ фермера или ремесленника, сбывающаго ему товаръ, биржа владычествуетъ надъ фабрикою.—Мы видѣли, что экономическая теорія не одобряетъ порядка, при которомъ производство идетъ на удачу, по невѣрнымъ шансамъ сбыта на перепродажу, а не на потребленіе. Экономическій разсчетъ требуетъ, чтобы все было ясно для производителя и для потребителя. Производитель долженъ знать, сколько его товара нужно потребителю; потребитель долженъ знать, во сколько обходится товаръ производителю. Безъ этой обоюдной извѣстности нѣтъ въ экономической жизни ничего вѣрнаго и солиднаго, производство идетъ слишкомъ шатко, потребленіе колеблется между безразсчетною расточительностью (когда товара заготовлено слишкомъ много, и цѣна его падаетъ) и между недостаточностью снабженія. А при обоюдной извѣстности дѣлъ потребителя производителю и дѣлъ производителя потребителю, сбытъ товара вѣренъ, и производитель не допуститъ посредника между нимъ и потребителемъ занять самостоятельное положеніе, господствующее надъ нимъ, производителемъ. Гдѣ нѣтъ риска, тамъ нѣтъ охоты передавать дѣло въ чужія руки.

Посредникъ (если остается нуженъ посредникъ) становится не больше, какъ коммиссіонеромъ, повѣреннымъ. Это ясно само собою. Что за охота фабриканту продавать свой товаръ, не прямо потребителю, а купцу, если фабрикантъ знаетъ, сколько товара будетъ продано потребителямъ въ такомъ то городѣ и если потребитель, зная стоимость товара, не дастъ за него ни копѣйки больше, чѣмъ слѣдуетъ, то есть, если продажа на потребленіе идетъ безъ лавочническихъ уловокъ? Фабрикантъ просто откроетъ отъ своей фабрики контору для розничной продажи.

Мы видимъ, что при сообразнѣйшемъ съ экономическими принципами устройствѣ быта количество товаровъ, поступающихъ въ обмѣнъ, будетъ составлять въ общей суммѣ производимыхъ и потребляемыхъ продуктовъ пропорцію гораздо меньшую, чѣмъ нынѣ, и роль обмѣна въ общественной жизни уменьшится, а способъ, которымъ онъ станетъ происходить, будетъ совершенно различенъ отъ запутаннаго механизма нынѣшней торговли, если даже и сохранитъ имя торговли. Покупка на спекуляцію не будетъ имѣть мѣста. Запасы товаровъ, накопляемые теперь спекуляціею, будутъ накопляться разсчетливостью самихъ потребителей, въ томъ родѣ, какъ теперь дѣлаются запасы каждымъ предусмотрительнымъ хозяиномъ, имѣющимъ возможность жить не со дня на день. Теперь эти средства бываютъ далеко не въ каждомъ хозяйствѣ; потому что масса населенія живетъ преждевременною продажею своихъ продуктовъ въ ихъ зародышѣ, продажею труда; но если устранится нужда продавать трудъ, это уже само по себѣ значитъ, что исчезнетъ стѣснительность обстоятельствъ, мѣшающая нынѣ развитію хозяйственной предусмотрительности въ массѣ населенія.

D. ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЯ.

Книгу объ обмѣнѣ Милль заключаетъ краткимъ обозрѣніемъ результатовъ, доставляемыхъ анализомъ теоріи обмѣна для теоріи распредѣленія. Само собою разумѣется, что и выводы эти у него

сдѣланы только въ примѣненіи къ быту, основанному на трехчленномъ дѣленіи продукта, какъ вообще не идетъ онъ въ своемъ изслѣдованіи дальше частнаго видоизмѣненія экономическихъ принциповъ, свойственнаго этой формѣ устройства. Въ примѣненіи къ ней, его заключенія совершенно справедливы. Но мы должны будемъ дополнить ихъ нѣкоторыми замѣчаніями сообразно характеру нашихъ очерковъ, постоянно старающихся показывать, въ какомъ отношеніи находятся нынѣшнія формы экономическихъ явленій къ общимъ принципамъ науки.

«Мы (говоритъ Милль) изложили механизмъ, посредствомъ котораго продуктъ страны раздѣляется между разными классами общества; механизмъ этотъ ни больше, ни меньше, какъ механизмъ обмѣна, факторами дѣйствій котораго служатъ законы цѣнности и цѣны. Воспользуемся же пріобрѣтеннымъ знаніемъ, чтобы оглянуться и обозрѣть всю теорію распредѣленія. Раздѣлъ продукта между классами работниковъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ являлся подчиненнымъ силѣ извѣстныхъ общихъ законовъ, когда мы разсматривали его безъ всякаго отношенія къ обмѣну. Теперь намъ слѣдуетъ сообразить, продолжаютъ ли дѣйствовать тѣ же самые законы, когда распредѣленіе совершается посредствомъ многосложнаго механизма обмѣна и денегъ, — или основные принципы видоизмѣняются вліяніемъ особенныхъ свойствъ этого механизма.

«Мы видѣли, что кореннымъ образомъ продуктъ человѣческой энергіи и умѣренности раздѣляется на три доли: рабочую плату, прибыль и ренту; и что эти части выдѣляются получающимъ ихъ лицамъ въ видѣ денегъ, процессомъ обмѣна; точнѣе сказать: капиталистъ, у котораго по обыкновенному общественному устройству остается продуктъ, выплачиваетъ деньгами двумъ другимъ участникамъ рыночную цѣнность ихъ труда и земли. Разсматривая условія, которыми опредѣляется денежная цѣнность труда и пользованія землею, мы найдемъ, что эти цѣнности опредѣляются тѣми же самыми законами, какими опредѣлялась бы рабочая плата и рента въ обществѣ, въ которомъ не было бы ни денегъ, ни обмѣна товаровъ.

«Вопервыхъ, очевидно, что законъ рабочей платы остается одинаковъ при существованіи или несуществованіи денегъ. Рабочая плата опредѣляется пропорціею населенія къ капиталисту; опредѣлялась бы ею во всякомъ случаѣ, хотя бы весь капиталъ на земномъ шарѣ былъ собственностью одной ассоціаціи, или хотя бы каждый изъ капиталистовъ, между которыми онъ раздѣленъ, содержалъ заведеніе для производства всѣхъ товаровъ, потребляемыхъ обществомъ, и обмѣна товаровъ не существовало бы. А пропорція между населеніемъ и капиталомъ повсюду (кромѣ новыхъ колоній) зависитъ отъ силы задержекъ, которыми останавливается слишкомъ быстрое размноженіе людей; потому для простоты можно сказать, что рабочая плата опредѣляется силою задержекъ размноженія; что если задержкою ему не служитъ смерть отъ голода или изнуренія, то рабочая плата опредѣляется благоразуміемъ рабочаго класса; и что она бываетъ въ извѣстной странѣ очень низка, если работ-

ники ея соглашаются на упадокъ своего положенія, не соглашаясь сдерживать своего размноженія.

«Но подъ рабочею платою понимается здѣсь реальный размѣръ благосостоянія работниковъ, количество получаемыхъ ими вещей; рабочая плата въ томъ смыслѣ, въ какомъ размѣръ ея важенъ для получающаго; а въ томъ смыслѣ, въ какомъ размѣръ ея важенъ для платящаго, она опредѣляется не исключительно одними этими простыми принципами. Рабочая плата въ первомъ смыслѣ, плата, величиною которой опредѣляется благосостояніе работника, будетъ у насъ называться реальная рабочая плата или рабочая плата натурою. Рабочую плату во второмъ смыслѣ можно въ настоящемъ случаѣ называть намъ денежною рабочею платою; при этомъ будемъ мы принимать (какъ имѣемъ право принимать здѣсь), что деньги въ данное время остаются неизмѣнны, и что не происходитъ измѣненій въ условіяхъ, подъ которыми добывается или получается самое орудіе обмѣна. Если стоимость самихъ денегъ не подвергается измѣненію, то денежная цѣна труда служитъ точною мѣрою стоимости труда и удобно можетъ служить символомъ для ея обозначенія.

«Денежная рабочая плата — сложный результатъ двухъ элементовъ: первый изъ нихъ — реальная рабочая плата или плата натурою, иначе сказать, количество обыкновенныхъ предметовъ потребленія, получаемое работникомъ; второй элементъ — денежныя цѣны этихъ предметовъ. Во всѣхъ старыхъ странахъ, — во всѣхъ странахъ, гдѣ размноженіе населенія болѣе или менѣе задерживается трудностью добывать пропитаніе, — обыкновенная денежная цѣна труда — ровно та, при какой работники въ общей сложности только что могутъ покупать товары, безъ которыхъ не могли бы или не захотѣли бы поддерживать свое размноженіе по привычному проценту. При данной нормѣ ихъ благосостоянія (а подъ нормою благосостоянія рабочаго класса разумѣется та степень благосостоянія, отказаться отъ которой имъ труднѣе, чѣмъ удержаться отъ размноженія) размѣръ денежной рабочей платы опредѣляется денежною цѣною, слѣдовательно стоимостью производства товаровъ, обыкновенно потребляемыхъ работниками; иначе, если рабочая плата не доставляетъ имъ даннаго количества этихъ товаровъ, ихъ размноженіе ослабѣетъ и рабочая плата поднимется. Пища и другіе земледѣльческіе продукты составляютъ такую преобладающую статью въ этой суммѣ, что мало вліянія остается другимъ предметамъ.

«Вотъ здѣсь мы можемъ призвать на помощь себѣ принципы, изложенные въ этой третьей части нашего трактата. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы анализировали стоимость производства пищи и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Она опредѣляется производительностью наименѣе плодородной земли или дающей наименьшую выручку части употребленнаго капитала, изъ той земли или того капитала, какіе нужны обществу для земледѣльческихъ надобностей. Стоимостью производства пищи, воздѣланной въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, опредѣляется, какъ мы видѣли, мѣновая цѣнность и денежная цѣна всей произведенной пищи. Потому при данномъ состояніи привычекъ работника, денежная плата ему опредѣляется производительностью наименѣе плодородной земли или наименѣе

производительной части земледѣльческаго капитала, — тою степенью, до какой спустилось хлѣбопашество въ своемъ понижающемся ходѣ, въ своемъ захватываніи плохихъ земель и въ своемъ обременяющемся тяготѣніи надъ силами болѣе плодородныхъ земель. А мы знаемъ, что сила, влекущая хлѣбопашество въ этомъ понижающемся ходѣ — размноженіе, противодѣйствующей силой которому служитъ улучшеніе земледѣльческой науки и практики, задерживающее этотъ спускъ тѣмъ, что даетъ извѣстной почвѣ силу съ прежнимъ количествомъ труда доставлять выручку, большую прежней. Стоимость той части продукта, воздѣлываніе которой самое дорогое, служитъ выраженіемъ того, въ какомъ положеніи находится въ данное время борьба, постоянно происходящая между силою размноженія и силою земледѣльческаго искусства.

«Докторъ Чомерсъ очень вѣрно замѣчаетъ, что многія важнѣйшія истины политической экономіи раскрываются на послѣднемъ предѣлѣ воздѣлыванія, на той границѣ, которой достигло хлѣбопашество въ своей борьбѣ съ самодѣйствующими силами природы. Степень производительности этого предѣла служитъ показателемъ того положенія, въ какомъ находится въ данное время распредѣленіе продукта между дѣлящими его тремя классами—земледѣльцами, капиталистами и землевладѣльцами.

«Когда запросъ возрастающаго населенія на увеличеніе количества хлѣба не можетъ быть удовлетворенъ безъ расширенія хлѣбопашества на менѣе плодородныя земли, или безъ прибавки менѣе производительныхъ затратъ на землю, уже воздѣлываемую, необходимымъ условіемъ этого увеличенія земледѣльческаго продукта служитъ, чтобы предварительно поднялась цѣнность и цѣна этого продукта. Но какъ скоро цѣна поднялась настолько, чтобы приходилась обыкновенная прибыль на прибавочную затрату капитала, цѣна и цѣнность уже не станутъ подниматься выше, чтобы отъ новой земли или отъ новаго расхода на старую землю получалась сверхъ прибыли еще рента. Послѣдняя потребованная въ дѣло часть земли или капитала, занимающая, по выраженію Чомерса, границу хлѣбопашества, не даетъ и не дастъ ренты. Если же она не даетъ ренты, то рента, доставляемая всѣми другими частями земли или земледѣльческаго капитала, будетъ въ точности равняться излишку производимаго ими продукта надъ продуктомъ этой послѣдней части. Средняя цѣна хлѣба всегда будетъ такова, чтобы худшая земля и наименѣе производительная часть капитала, употребленнаго на лучшую землю, ровно давали выручку расхода съ обыкновенною прибылью. Если эта часть земли и капитала даетъ такую выручку, то всѣ другія части земли или капитала будутъ давать излишекъ прибыли, равный выручкѣ съ получаемаго отъ большей ихъ производительности излишка продукта; и дѣйствіемъ соперничества этотъ излишекъ прибыли перейдетъ къ землевладѣльцамъ. Итакъ существованіемъ обмѣна и денегъ нимало не измѣняется законъ ренты: онъ остается тотъ самый, какой нашли мы первоначально. Рента — излишекъ выручки на земледѣльческій капиталъ, употребляемый съ особенною выгодою; она въ точности равноцѣнна сбереженію въ стоимости производства, получаемому производителями отъ этихъ выгодъ, и происходитъ оттого, что цѣнность и цѣна продукта устанавливаются стоимостью производства тѣхъ произ-

водителей, которые не имѣютъ никакихъ особенныхъ выгодъ; выручкою съ той части земледѣльческаго капитала, которая находится въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

«Если же рабочая плата и рента, будучи выплачиваемы деньгами, подчиняются тѣмъ же принципамъ, какими опредѣлялись бы, будучи выдѣляемы продуктомъ въ натурѣ, то ясно, что таково же и положеніе прибыли; потому что прибыль составляетъ излишекъ, остающійся за покрытіемъ рабочей платы и уплатою ренты.

«Въ послѣдней главѣ 2 книги мы нашли, что затраты капиталиста, анализируемыя до послѣднихъ элементовъ, оказываются состоящими изъ покупки или содержанія труда и изъ прибылей предшествующихъ капиталистовъ, и что поэтому въ послѣднемъ выводѣ прибыль опредѣляется стоимостью труда, падая при ея возвышеніи, и возвышаясь при ея пониженіи. Попробуемъ теперь подробнѣе обозначить ходъ дѣйствій этого закона.

«Стоимость труда, вѣрно выражаемая (при предположеніи неизмѣнности денегъ) денежною платою работнику, можетъ увеличиваться двумя способами. Или работникъ можетъ получать большее благосостояніе, то есть можетъ возрастать плата натурою, — реальная рабочая плата; или размноженіе можетъ спускать хлѣбопашество на низшія земли и къ болѣе дорогимъ процессамъ, возвышая такимъ образомъ стоимость производства, цѣнность и цѣну главныхъ предметовъ работническаго потребленія. При той и при другой гипотезѣ величина прибыли падаетъ.

«Если работникъ получаетъ товаровъ больше прежняго лишь потому, что они удешевились; если при увеличеніи получаемаго имъ количества не увеличилась сумма стоимости этого количества товаровъ, то увеличится реальная, но не увеличится денежная рабочая плата, и величинѣ прибыли не отчего будетъ измѣняться. Но если онъ получаетъ товаровъ больше прежняго, а стоимость производства этихъ товаровъ не уменьшилась, онъ получаетъ большую сумму стоимости, и денежная плата ему увеличивается. Расходъ отъ этого увеличенія денежной рабочей платы весь падаетъ на капиталиста. Нѣтъ возможности вообразить, какъ бы капиталисту уйти отъ этого. Могутъ сказать, да и говорили прежде, — что онъ избавится отъ убытка, поднявъ цѣну продукта. Но это мнѣніе мы уже опровергли вполнѣ и даже не разъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, мысль, будто бы отъ возвышенія рабочей платы происходитъ равномѣрное возвышеніе цѣнъ, противорѣчитъ сама себѣ: при возвышеніи цѣнъ не было бы возвышенія рабочей платы; работникъ не получалъ бы никакого товара больше прежняго, какъ бы ни возвышалась денежная плата ему; возвышеніе реальной рабочей платы было бы невозможностью. Это противорѣчитъ и теоріи и факту; потому очевидно, что возвышеніе рабочей платы не возвышаетъ цѣнъ. Общее возвышеніе рабочей платы падаетъ на прибыль; другой альтернативы тутъ нѣтъ.

«Разсмотрѣвъ случай, когда денежная рабочая плата и стоимость труда возвышается оттого, что увеличивается получаемая работникомъ плата натурою, предположимъ теперь, что денежная рабочая плата и стоимость труда увеличивается отъ увеличенія стоимости производства предметовъ, потребляемыхъ работникомъ,

то есть отъ размноженія, не сопровождаемаго равносильнымъ увеличеніемъ земледѣльческаго искусства. Прибавка къ снабженію, требуемая размножившимся населеніемъ, получится лишь при такомъ возвышеніи цѣны хлѣба, которымъ вознаграждается фермеръ за увеличеніе стоимости производства. Но фермеръ въ этомъ случаѣ подвергается двойному убытку. Онъ долженъ вести хлѣбопашество при условіяхъ производительности, менѣе прежняго благопріятныхъ. Этотъ убытокъ относится лишь къ нему, какъ къ фермеру, и не раздѣляется съ нимъ другими хозяевами, — слѣдовательно по общимъ принципамъ цѣнности фермеръ будетъ вознагражденъ за него возвышеніемъ цѣны своего товара; да онъ и не представитъ на рынокъ требуемой прибавки къ продукту, пока не возвысится цѣна. Но это самое возвышеніе цѣны вовлекаетъ его въ другую необходимость, за которую онъ не вознаграждается. Онъ долженъ давать своимъ работникамъ денежную плату больше прежней. Эту необходимость раздѣляютъ съ нимъ всѣ другіе капиталисты, потому она не даетъ основанія къ возвышенію цѣны. Цѣна будетъ подниматься до той степени, чтобы онъ сталъ относительно прибыли въ положеніе, равное съ другими капиталистами, чтобы онъ былъ вознагражденъ за ту прибавку къ употребляемому имъ труду, какая нужна для производства даннаго количества хлѣба; но увеличеніе платы за трудъ — обремененіе, общее всѣмъ капиталистамъ, и никто изъ нихъ не можетъ быть вознагражденъ за него. Оно все будетъ выплачиваться изъ прибыли.

«Итакъ мы видимъ, что когда увеличеніе рабочей платы бываетъ общимъ для всѣхъ производительныхъ работниковъ и дѣйствительно выражаетъ собою увеличеніе стоимости труда, то оно всегда и необходимо бываетъ на счетъ прибыли. Сдѣлавъ гипотезу съ обратными условіями, мы точно также найдемъ, что когда уменьшеніе рабочей платы представляетъ собою реальное уменьшеніе стоимости производства, оно равнозначительно возвышенію прибыли. Но являющаяся тутъ противоположность денежныхъ выгодъ между классомъ капиталистовъ и классомъ работниковъ остается въ значительной мѣрѣ лишь видимой противоположностью. Размѣръ реальной рабочей платы — вещь совершенно иная, чѣмъ размѣръ стоимости труда, и вообще реальная рабочая плата бываетъ особенно высока въ тѣхъ странахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и когда, по легкости условій, на которыхъ земля еще даетъ весь требуемый отъ нея продуктъ, цѣнность и цѣна пищи низка, а потому несмотря на значительность вознагражденія за трудъ, стоимость труда для хозяина очень дешева, и потому прибыль высока; примѣръ тому нынѣ — Соединенные Штаты. Итакъ мы получаемъ полное подтвержденіе первоначальной нашей теоремы, что величина прибыли опредѣляется стоимостью труда или, выражая еще точнѣе ту же мысль, величина прибыли и стоимость труда измѣняются обратно пропорціонально другъ другу и составляютъ совокупный результатъ дѣйствія однихъ и тѣхъ же силъ или причинъ.

«Но не надобно ли нѣсколько видоизмѣнить эту теорему, не измѣняется ли она принятіемъ въ разсчетъ той (хотя сравнительно и незначительной) части издержекъ капиталиста, которая состоитъ не изъ рабочей платы, выданной имъ самимъ или предшествовавшими капиталистами, вознаграждаемыми отъ него, а изъ прибыли этихъ предшествующихъ капиталистовъ? Предположимъ, напримѣръ, что

въ выдѣлкѣ кожъ сдѣлано изобрѣтеніе, при которомъ стало не нужно оставлять кожу въ дубильномъ чану такъ долго, какъ нынѣ. Сапожники, шорники и другіе мастеровые, употребляющіе кожу, сберегутъ часть той доли стоимости своего матеріала, которая составляется прибылью дубильщика за то время, на какое затрачивается имъ капиталъ; не слѣдуетъ ли сказать, что это сбереженіе можетъ служить для нихъ источникомъ увеличенія прибыли, хотя рабочая плата и стоимость труда нисколько не измѣнились? Нѣтъ, въ этомъ случаѣ всю выгоду получитъ только потребитель, потому что цѣны сапогъ, шорнаго товара и всѣхъ другихъ предметовъ, дѣлаемыхъ изъ кожи, упадутъ на столько, чтобы прибыль производителей спустилась до общаго уровня. Чтобы отстранить возраженіе, предположимъ, что произошло подобное сбереженіе издержекъ вдругъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Въ этомъ случаѣ цѣнности и цѣны не измѣнятся; потому прибыль вѣроятно возвысится; но внимательнѣе всмотрѣвшись въ дѣло, мы найдемъ, что причиною возвышенія прибыли тутъ служитъ пониженіе стоимости труда. Прибыль возвысится тутъ, какъ и во всякихъ другихъ случаяхъ возвышенія общей производительности труда, если работникъ будетъ получать лишь прежнюю реальную плату; но сохраненіе прежней реальной платы равнозначительно тутъ уменьшенію стоимости труда, потому что по нашему предположенію уменьшилась стоимость производства всѣхъ предметовъ. Если же, напротивъ, реальная рабочая плата возрастаетъ соразмѣрно улучшенію производства и стоимость труда для хозяина останется прежняя, то затраты капиталиста будутъ составлять прежнюю пропорцію къ его выручкѣ, и величина прибыли останется прежняя.»

Дѣйствительно, потребленіе денегъ ни мало не измѣняетъ характера законовъ, по которымъ продуктъ дѣлится на рабочую плату, прибыль и ренту. Денежное хозяйство просто составляетъ принадлежность всякой сколько нибудь высокой степени развитія быта, въ которомъ прибыль и рента отдѣляются отъ рабочей платы.

Рабочая плата въ этомъ бытѣ дѣйствительно опредѣляется уравненіемъ между развитіемъ техническихъ искусствъ и размноженіемъ.

Но при нынѣшнемъ состояніи техническихъ искусствъ обезпечена на нѣсколько поколѣній возможность высокой рабочей платы при самомъ быстромъ размноженіи населенія. Почему же рабочая плата низка?

Рента находится въ обратномъ отношеніи къ успѣхамъ земледѣльческаго искусства. Потому, когда она отдѣляется отъ рабочей платы, она является силою, противодѣйствующею прогрессу земледѣльческой техники, а по связи этой техники съ другими

производительными искусствами и съ чистою наукою становится во враждебное отношеніе ко всякому прогрессу. Вотъ коренная причина недостаточности земледѣльческаго продукта. А при недостаткѣ въ этомъ главномъ отдѣлѣ потребленія, разстроивается весь ходъ производства.

Прибыль, когда отдѣляется отъ рабочей платы, имѣетъ интересъ какъ можно больше понижать ее, потому что увеличеніе реальной рабочей платы служитъ уменьшеніемъ прибыли, а уменьшеніе реальной рабочей платы—увеличеніемъ прибыли. Такимъ образомъ, благосостояніе работниковъ представляется капиталисту вычетомъ изъ его богатства. А успѣшность производства соразмѣрна умственному и нравственному развитію работниковъ, которое само соразмѣрно ихъ благосостоянію. Такимъ образомъ, отдѣленіе прибыли отъ рабочей платы дѣйствуетъ подобно отдѣленію ренты и рабочей платы: оно замедляетъ успѣхи производства и ослабляетъ успѣшность труда.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ

(МИЛЛЬ, КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ)

А. ВЛІЯНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ПРОГРЕССА НА РАБОЧУЮ ПЛАТУ, ПРИБЫЛЬ, РЕНТУ, ЦѢННОСТИ И ЦѢНЫ. — НЕПОДВИЖНОЕ СОСТОЯНІЕ.

(гл. I — VI).

Въ первыхъ трехъ книгахъ своего трактата Милль разсматривалъ законы и взаимныя отношенія экономическихъ фактовъ. Въ четвертой книгѣ онъ изслѣдуетъ прогрессивное движеніе экономической жизни. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ постепенно ростетъ и размѣръ производства и число населенія. Надобно разсмотрѣть характеръ этого прогрессивнаго движенія, его элементы и его вліяніе на рабочую плату, прибыль, ренту, цѣнности и цѣны.

Въ какомъ періодѣ прогресса находятся теперь передовыя страны? — Очень распространено мнѣніе, что онѣ чуть ли не дошли до высшей точки его, или по крайней мѣрѣ близки къ ней. У нас очень многіе сбиты съ толку восхищеніемъ передъ нынѣшнимъ состояніемъ западной Европы; въ ней самой многіе довольны имъ, и думаютъ, что дальше идти не надобно. У другихъ нашихъ соотечественниковъ есть мысли о чемъ-то лучшемъ нынѣшняго западно-европейскаго быта, но тутъ же примѣшивается у нихъ мнѣніе о безсиліи западныхъ народовъ осуществить въ своей жизни это лучшее. Неосторожные партизаны такого взгляда на Западную Европу прославились фразою о ея гніеніи. Болѣе осмотрительные люди избѣгаютъ этого выраженія, боясь

насмѣшекъ, но говорятъ вещи, ничѣмъ въ сущности не отличающіяся отъ него. Въ своей книгѣ *О свободѣ* самъ Милль написалъ нѣсколько очень странныхъ тирадъ о томъ, что Западная Европа близка къ китайскому застою, и по обыкновенному несчастію умныхъ людей, вставляющихъ какой нибудь вздоръ въ дѣльныя книги, успѣлъ очаровать этимъ вздоромъ толпу до того, что она изъ за его тирадъ о китаизмѣ, будто бы угрожающемъ западному человѣчеству, забыла всѣ превосходныя мысли, изложенныя въ той же книгѣ и совершенно разрушающія такое удивительное опасеніе. Но вѣдь это у него только увлеченіе чувствомъ, заставившимъ его забыть о хладнокровномъ анализѣ фактовъ, — анализѣ, показывающемъ совершенно противное. Въ трактатѣ о политической экономіи, гдѣ онъ пишетъ не какъ публицистъ, подчиняющійся субъективному впечатлѣнію, а какъ ученый, солидно изслѣдующій сущность дѣла, онъ очень справедливо находитъ, что нынѣшняя цивилизація Западной Европы еще только начинаетъ свою карьеру и что всѣ успѣхи, доселѣ пріобрѣтенные, ничтожны сравнительно съ тѣми, какіе не замедлятъ совершиться, и совершатся отчасти еще на нашихъ глазахъ:

«Изъ принадлежностей, характеризующихъ это экономическое движеніе цивилизованныхъ обществъ (говоритъ онъ) прежде всего возбуждаетъ къ себѣ вниманіе, по своей тѣсной связи съ феноменами производства, постоянное и, насколько можетъ предусматривать человѣкъ, безграничное возрастаніе власти человѣка надъ природой. Нѣтъ признаковъ, которые показывали бы, что наши знанія о свойствахъ и законахъ физическихъ предметовъ приближаются къ предѣламъ возможной полноты: они расширяются быстрѣе и многостороннѣе, чѣмъ когда либо прежде, а за границами нынѣшняго знанія открываются намъ неизслѣдованныя поля, взглядомъ на которыя оправдывается мнѣніе, что наше знакомство съ природою находится почти еще во младенчествѣ. Эти возрастающія физическія знанія быстрѣе чѣмъ когда нибудь обращаются теперь практическимъ умомъ въ физическую силу. Чудеснѣйшее изъ новыхъ изобрѣтеній, не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ осуществляющее сказочныя дѣла волшебниковъ, электро-магнитный телеграфъ, — явилось не больше какъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ открыта была научная теорія, осуществленіемъ и примѣромъ которой оно служитъ. Наконецъ, исполнительная часть этихъ великихъ научныхъ операцій никогда не отстаетъ отъ научной: теперь не трудно найти или образовать въ обществѣ достаточное число работниковъ, имѣющихъ ловкость, требуемую для исполненія самыхъ тонкихъ процессовъ примѣненія науки къ практическимъ цѣлямъ. Отъ этого соединенія

условій невозможно не ожидать длиннаго ряда многочисленныхъ изобрѣтеній для сбереженія труда и увеличенія его продукта, и невозможно не ожидать, что эти изобрѣтенія будутъ все больше входить въ практику и приносить пользы.»

Вторая неоспоримая черта прогресса — возрастаніе безопасности для лица и имущества. Въ передовыхъ странахъ, съ каждымъ поколѣніемъ улучшаются законы, уменьшается возможность безнаказанно оскорблять людей или отнимать у нихъ собственность. Войны становятся рѣже. Даже потери отъ естественныхъ бѣдствій сглаживаются расширеніемъ страхованія. — Мы замѣтимъ, что прогрессъ улучшеній въ политической и даже въ экономической жизни не такъ безостановоченъ, какъ принято говорить объ этомъ. Бываютъ иногда періоды довольно долгаго регресса и въ самыхъ передовыхъ странахъ. Напримѣръ, сама Англія въ очень многихъ отношеніяхъ была отодвинута назадъ реакціоннымъ фанатизмомъ, которому подверглась вслѣдствіе войнъ съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка.

Такихъ случаевъ много въ исторіи каждой страны; необходимо помнить это, чтобы наше убѣжденіе въ преобладаніи прогрессивнаго движенія не обратилось въ идолопоклонничество передъ всякими событіями безъ разбора. Но періоды реакціи служатъ только временными задержками неизбѣжнаго прогресса, который дѣйствительно преобладаетъ въ исторіи всѣхъ цивилизованныхъ странъ, какъ можно видѣть изъ сравненія всякой данной эпохи съ эпохами, настолько далекими отъ нея, чтобы продолжительностью срока сглаживались вліянія случайныхъ колебаній народной жизни. Если, напримѣръ, мы сличимъ состояніе какой нибудь западно-европейской страны въ началѣ IX вѣка съ ея положеніемъ въ началѣ XI, или это послѣднее время съ началомъ XIII, мы увидимъ очень значительный размѣръ улучшеній. Съ конца XVII столѣтія ходъ прогресса становится еще быстрѣе, потому что цивилизація уже довольно укрѣпилась и успѣшнѣе прежняго стала бороться съ обстоятельствами, мѣшавшими ея ходу. Тридцатилѣтняя война задержала прогрессъ Германіи на цѣлое столѣтіе; реакція послѣ наполеоновскихъ войнъ не могла продержаться долѣе какихъ нибудь тридцати лѣтъ. За этими исключеніями реакціонныхъ задержекъ, становящихся

все менѣе и менѣе продолжительными, ходъ событій дѣйствительно имѣетъ прогрессивное направленіе, которое надобно признать нормальнымъ. — Благодаря прогрессу улучшеній (продолжаетъ Милль), размѣръ производства въ цивилизованныхъ странахъ ростетъ, и дѣловыя способности людей усиливаются, — не столько оттого, чтобы отдѣльный человѣкъ становился сообразительнѣе и находчивѣе, — напротивъ, дикарь часто превосходитъ цивилизованнаго человѣка гибкостью дарованій, — сколько оттого, что люди привыкаютъ къ дружному дѣйствованію.

«По мѣрѣ того, какъ они теряютъ качества дикаря, они становятся способны дисциплинироваться, держаться плановъ, предварительно принятыхъ, въ составленіи которыхъ сами не участвовали, подчинять свой личный капризъ принятому впередъ рѣшенію, исполнять поодиночкѣ части, назначенныя каждому въ комбинированномъ предпріятіи. Множество дѣлъ, невозможныхъ для дикарей или полуцивилизованныхъ людей, ежедневно совершаются цивилизованными націями, не потому чтобы въ исполнителяхъ было больше дарованій, а благодаря тому, что каждый можетъ съ увѣренностью ждать отъ другихъ исполненія разныхъ частей дѣла, за которыя берутся они. Словомъ сказать, характеристическую особенность цивилизованныхъ людей составляетъ способность къ сотрудничеству, которая подобно другимъ способностямъ совершенствуется практикой и пріобрѣтаетъ силу постоянно расширять кругъ своихъ приложеній.

«Потому, достовѣрнѣйшею принадлежностью прогрессивнаго измѣненія, происходящаго въ обществѣ, служитъ постоянное возрастаніе принципа и практики сотрудничества. Товарищества людей, добровольно соединяющихъ свои небольшія доли нужныхъ средствъ, исполняютъ теперь въ промышленной и во многихъ другихъ сферахъ такія дѣла, на совершеніе которыхъ недостало бы богатства никакого отдѣльнаго лица или небольшаго числа людей, или за совершеніе которыхъ немногія лица, имѣвшія возможность исполнять ихъ, могли прежде брать самое чрезмѣрное вознагражденіе. Мы можемъ ждать, что по мѣрѣ возрастанія богатства и развитія дѣловой способности, значительно расширится кругъ учрежденій, составляемыхъ совокупными средствами многочисленныхъ товариществъ по промышленнымъ и другимъ дѣламъ, — учрежденій, подобныхъ такъ-называемымъ акціонернымъ компаніямъ, или не имѣющимъ такого формальнаго существованія, но столь многочисленнымъ въ Англіи товариществамъ, собирающимъ суммы для общественныхъ или филантропическихъ цѣлей.»

Въ этихъ словахъ мы имѣемъ свидѣтельство знаменитѣйшаго изъ нынѣшнихъ учениковъ Адама Смита о томъ направленіи, въ какомъ идетъ экономическій прогрессъ. Вторая половина статьи будетъ заключать въ себѣ подробное изложеніе взгляда,

высказаннаго имъ тутъ мимоходомъ. — Прогрессъ улучшеній открываетъ безпредѣльное поле расширенію производства и размноженію населенія. Въ какомъ отношеніи между собою находятся эти два послѣдствія прогресса? — Милль говоритъ:

«Нѣтъ основаній опасаться, что размноженіе населенія будетъ превосходить мѣру возрастанія производства; если же бытъ бѣднѣйшихъ классовъ народа сколько нибудь улучшается, то размноженіе не будетъ и равняться возрастанію производства. Но очень возможно то, что при большомъ прогрессѣ промышленнаго улучшенія, при всѣхъ признакахъ такъ-называемаго національнаго процвѣтанія, при значительномъ возрастаніи общаго богатства страны и даже при улучшеніи нѣкоторыхъ сторонъ въ его распредѣленіи, — когда не только богатые становятся богаче, но и многіе изъ бѣдныхъ становятся богаты, когда средніе классы дѣлаются многочисленнѣе и сильнѣе, и средства къ благосостоятельной жизни разливаются на большее и большее число людей, — огромный классъ, служащій фундаментомъ всего, будетъ только возрастать числомъ, а благосостояніе и образованіе его не будетъ возрастать.»

Долженъ ли оставаться такой бытъ, при которомъ возможна подобная несообразность? Отвѣтъ на это отлагается у Милля до послѣдней главы четвертой книги, и прежде чѣмъ дать его, онъ занимается изслѣдованіемъ перемѣнъ, производимыхъ прогрессомъ промышленности въ состояніи цѣнностей, цѣнъ, рабочей платы, прибыли и ренты.

Средняя или нормальная цѣнность продуктовъ, не составляющихъ монополіи, опредѣляется стоимостью ихъ производства. Отъ увеличенія силы человѣка надъ природою, ростетъ успѣшность его труда, то есть уменьшается стоимость производства. Но цѣнность — явленіе относительное, и если бы стоимость производства всѣхъ товаровъ уменьшалась въ одинаковой степени, цѣнности ихъ оставались бы неизмѣнны *). Обыкновенно бываетъ не такъ. Обыкновенно, съ увеличеніемъ производства размножается населеніе. А изъ мальтусовой теоремы мы знаемъ, что само по себѣ размноженіе людей ведетъ къ уменьшенію успѣшности труда, обращеннаго на добываніе сырыхъ матеріаловъ и на зем-

*) Измѣнялись ли бы цѣны, это зависѣло бы отъ того, въ какой степени уменьшается стоимость добыванія золота и серебра: если въ одинаковой пропорціи съ другими товарами, цѣны также оставались бы неизмѣнны; если въ меньшей, цѣны возвышались бы; если въ большей, цѣны понижались бы.

ледѣліе. Прогрессъ въ этой отрасли промышленности долженъ бороться съ противодѣйствующею ему тенденціею размноженія, увеличивающею стоимость производства метеріаловъ и пищи, между тѣмъ какъ расширеніе ремесленнаго и фабричнаго производства не имѣетъ этой тенденціи, напротивъ, уже и само по себѣ почти всегда ведетъ къ уменьшенію стоимости производства, давая возможность увеличивать сочетаніе труда. Такимъ образомъ, при прогрессѣ производительныхъ усовершенствованій въ размножающемся обществѣ, цѣнность матеріаловъ и земледѣльческихъ продуктовъ обыкновенно возвышается сравнительно съ цѣнностью ремесленныхъ и фабричныхъ продуктовъ. А золото и серебро — матеріалъ, добываемый изъ земли. Потому, говоря вообще, экономическій прогрессъ ведетъ къ возвышенію цѣнности золота и серебра сравнительно съ фабричными товарами, то есть къ пониженію цѣнъ на эти товары.

Таково дѣйствіе прогресса на цѣнности и цѣны. Посмотримъ теперь, какъ онъ дѣйствуетъ на рабочую плату, прибыль и ренту при трехчленномъ дѣленіи продукта. Онъ имѣетъ три главныя черты: возрастаніе капитала, размноженіе населенія и улучшеніе производительныхъ процессовъ. Разсмотримъ сначала каждую изъ этихъ трехъ сторонъ прогресса отдѣльно, предполагая двѣ остальныя стороны неизмѣняющимися.

«Сначала предположимъ, что возрастаетъ населеніе при неподвижности капитала и производительныхъ искусствъ. Одно изъ послѣдствій этого измѣненія дѣлъ очевидно: рабочая плата будетъ падать; рабочіе классы будутъ впадать въ худшее положеніе. Положеніе капиталиста, напротивъ, станетъ улучшаться. При одинаковомъ капиталѣ онъ можетъ покупать больше труда и получать больше продукта. Процентъ его прибыли возрастаетъ. Количество товаровъ, получаемое работникомъ, уменьшается, а въ ходѣ ихъ производства, по нашему предположенію, нѣтъ никакой перемѣны; потому уменьшеніе количества составляетъ уменьшеніе стоимости. Вознагражденіе работника не только становится меньше само по себѣ, но и становится продуктомъ меньшаго количества труда. Первое обстоятельство важно для самого работника, второе — для его хозяина.

«Тутъ еще не является никакихъ причинъ, измѣняющихъ цѣнность разныхъ товаровъ, и потому еще не являлось причины для повышенія или для пониженія ренты. Но если мы взглянемъ на второй періодъ въ ряду дѣйствій этого факта, то увидимъ фактъ, измѣняющій ренту. Число работниковъ размножилось; пропорціонально тому понизилось ихъ положеніе: между увеличившимся числомъ раздѣ-

ляется продуктъ прежняго количества труда. Но сократить свои расходы они могутъ по другимъ надобностямъ, а не по продовольствію: каждый, быть можетъ потребляетъ прежнее количество пищи прежней стоимости; а если они и уменьшатъ потребленіе пищи, то въ меньшей пропорціи, чѣмъ увеличилось ихъ число. Въ такомъ случаѣ, несмотря на уменьшеніе реальной рабочей платы, размножившееся населеніе потребуетъ большаго количества пищи. Но промышленное искусство и знанія остаются, по нашему предположенію, неподвижны; потому количество пищи можно увеличить только введеніемъ обработки худшей земли или способовъ воздѣлыванія, менѣе производительныхъ пропорціонально расходу на нихъ. Въ капиталѣ на это расширеніе земледѣлія не будетъ недостатка: правда, что по нашему предположенію нѣтъ увеличенія въ существующемъ капиталѣ; но достаточное количество его можетъ быть взято изъ промышленности, прежде удовлетворявшей другія менѣе настоятельныя нужды, въ которыхъ работники принуждены теперь отказывать себѣ. Потому будетъ произведено прибавочное количество пищи, но произведено по увеличившейся стоимости, и мѣновая цѣнность земледѣльческаго продукта должна подняться.

«Изъ принциповъ, уже извѣстныхъ намъ, слѣдуетъ, что при такомъ положеніи дѣлъ рента поднимается. Каждая земля можетъ платить и при свободномъ соперничествѣ платитъ ренту, равную излишку ея продукта надъ выручкою на такой же капиталъ съ самой худшей земли или въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Потому, если земледѣліе принуждено спускаться на худшую землю или до болѣе тяжелыхъ процессовъ, рента возвышается. Возвышается она вдвойнѣ. Вопервыхъ, увеличивается рента въ натурѣ или по хлѣбному счету; вовторыхъ, по увеличенію цѣнности земледѣльческаго продукта рента возвышается также по оцѣнкѣ на фабричные или иностранные товары (если цѣнность ихъ остается безъ перемѣнъ, это увеличеніе ренты выразится въ денежномъ ея счетѣ).

«Если послѣ всего сказаннаго нужно еще обозрѣть ходъ этого процесса, порядокъ его таковъ: хлѣбъ поднимается въ цѣнѣ, чтобы оплачивался съ обыкновенною прибылью капиталъ, нужный на производство добавочнаго хлѣба съ худшей земли или черезъ болѣе дорогіе процессы. Относительно этого добавочнаго хлѣба возвышеніе цѣны только равномѣрно добавочнымъ издержкамъ. Но распространяясь на весь хлѣбъ, оно даетъ лишнюю прибыль на всемъ хлѣбѣ, кромѣ послѣдняго добавочнаго количества. Если фермеръ производилъ прежде 100 квартеровъ пшеницы по 40 шиллинговъ, а теперь требуется 120 квартеровъ, изъ которыхъ послѣдніе 20 нельзя произвести дешевле 45 шиллинговъ, то онъ получаетъ по 5 шиллинговъ прибавки на всѣхъ 120 квартерахъ, а не на однихъ послѣднихъ 20. Такимъ образомъ онъ имѣетъ, сверхъ обыкновенной прибыли, 500 шиллинговъ (25 фунтовъ), и при свободномъ соперничествѣ онъ не удержитъ въ своихъ рукахъ эту прибавку. Но отдать ее потребителю онъ не можетъ быть вынужденъ, потому что цѣна меньше 45 шиллинговъ была бы несовмѣстна съ производствомъ послѣднихъ 20 квартеровъ. Итакъ, цѣна останется на 45 шиллингахъ, и 25 фунтовъ будутъ переданы соперничествомъ не потребителю, а землевладѣльцу. Потому возвышеніе ренты служитъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличенія въ запросѣ на земледѣльческій

продуктъ, если съ этимъ увеличеніемъ запроса не бываетъ усовершенствованія въ производствѣ. Послѣ этого окончательнаго разъясненія, мы станемъ принимать нашу теорему за безспорную.

«Введенный теперь новый элементъ, — увеличеніе запроса на пищу, — кромѣ того, что возвышаетъ ренту, производитъ перемѣну въ распредѣленіи продукта между капиталистами и работниками. Размноженіе населенія уменьшило плату за трудъ; и если стоимость труда уменьшилась настолько же, какъ его дѣйствительное вознагражденіе, то прибыль увеличится всею разницею между прежнею и нынѣшнею рабочею платою. Если же размноженіе населенія ведетъ къ увеличенію производства пищи, невозможному безъ увеличенія стоимости производства, то стоимость труда не уменьшится настолько, какъ дѣйствительное вознагражденіе за трудъ, и потому возвысится не всею разницею между прежнею и нынѣшнею рабочею платою прибыль. Очень можетъ быть, что прибыль и вовсе не увеличится. Быть можетъ работники имѣли прежде такія удобства жизни, что вся потеря ихъ можетъ покрыться уменьшеніемъ другихъ ихъ удобствъ и необходимость или рѣшимость не дозволяетъ имъ потреблять пищи меньше или пищу хуже прежней. Производство пищи для прибылыхъ людей можетъ сопровождаться такимъ увеличеніемъ издержекъ, что рабочая плата, хотя и уменьшившись въ количествѣ, будетъ представлять собою такую же стоимость — быть продуктомъ такого же количества труда, какъ прежде, и капиталистъ тогда вовсе не получитъ выгоды. Тутъ потеря работника отчасти поглощается прибавочнымъ трудомъ, нужнымъ на производство послѣдней прибавки земледѣльческаго продукта, а остальная часть потери выигрывается землевладѣльцемъ, который одинъ всегда получаетъ выгоду отъ размноженія населенія.

«Перемѣнимъ теперь гипотезу. Прежде мы предполагали неподвижность капитала при размноженіи населенія, а теперь предположимъ возрастаніе капитала при неподвижности населенія; естественныя и техническія условія производства мы попрежнему предположимъ неизмѣняющимися. Дѣйствительная рабочая плата теперь будетъ не падать, а возвышаться; стоимость производства вещей, потребляемыхъ работникомъ, не уменьшается; потому возвышеніе рабочей платы равнозначительно соразмѣрному увеличенію стоимости труда и уменьшенію прибыли. Иными словами: работники не стали многочисленнѣе прежняго, и производительная сила ихъ труда осталась прежняя; потому увеличенія въ продуктѣ нѣтъ; стало быть возвышеніе рабочей платы должно обращаться въ потерю капиталиста. Очень можетъ быть, что стоимость труда увеличилась больше, чѣмъ дѣйствительное вознагражденіе за него. Улучшеніе въ бытѣ работниковъ, можетъ быть, увеличило запросъ на пищу. Быть можетъ она была прежде такъ дурна, что работники не имѣли достаточнаго продовольствія и теперь стали потреблять больше прежняго; или быть можетъ прибавку своихъ средствъ они вздумали вполнѣ или отчасти употреблять на болѣе дорогую пищу, требующую больше труда и большаго пространства земли, — напримѣръ, стали ѣсть пшеницу, вмѣсто овса или картофеля. Расширеніе земледѣлія обыкновенно соединено съ возвышеніемъ стоимости производства или цѣны; такъ что кромѣ увеличенія стоимости труда отъ увеличенія рабочей платы, стоимость

труда увеличится, а прибыль понизится еще отъ увеличенія стоимости товаровъ, составляющихъ рабочую плату. Отъ тѣхъ же обстоятельствъ возвысится рента. За вычетомъ выигрыша работниковъ, остальная потеря капиталистовъ отчасти пойдетъ въ выгоду землевладѣльца, отчасти поглотится стоимостью производства пищи на худшей землѣ или менѣе производительными способами.»

Познакомившись съ перемѣнами, происходящими въ этихъ двухъ простѣйшихъ случаяхъ, когда размножается населеніе безъ возрастанія капитала и когда возрастаетъ капиталъ безъ размноженія населенія, мы легко поймемъ перемѣны, происходящія въ сложномъ случаѣ, когда ростутъ вмѣстѣ и капиталъ и населеніе. Если одинъ изъ этихъ элементовъ ростетъ быстрѣе другаго, сложный случай обращается въ простой случай возрастанія одного этого перевѣшивающаго элемента. Слѣдовательно, остается только разсмотрѣть перемѣны, происходящія тогда, когда оба элемента ростутъ одинаково быстро, то есть когда на работника приходится прежнее количество продуктовъ при размноженіи населенія.

Если при размноженіи населенія положеніе работника остается прежнее, запросъ на пищу ростетъ, а производительныя искусства по нашему предположенію не совершенствуются, слѣдовательно стоимость производства пищи ростетъ, ростетъ цѣна хлѣба, ростетъ и рента. Рабочая плата, сохраняя прежнюю реальную величину, ростетъ въ стоимости и въ денежной цѣнѣ, а прибыль уменьшается.

Мы разсмотрѣли дѣйствіе прогресса двухъ элементовъ, капитала и населенія. Теперь перейдемъ къ третьему, къ улучшенію производства совершенствованіемъ производительныхъ процессовъ (или полученіемъ продукта изъ мѣстъ, гдѣ онъ производится по меньшей стоимости). Для удобства, опять предположимъ сначала, что ростетъ одинъ этотъ элементъ, а два другіе остаются неизмѣнны.

«Улучшеніе можетъ относиться къ нѣкоторымъ изъ предметовъ необходимости или комфорта, входящихъ въ обыкновенное потребленіе рабочаго класса; можетъ также примѣняться только къ предметамъ роскоши, потребляемымъ болѣе богатыми людьми. Но очень рѣдко великія промышленныя улучшенія принадлежатъ исключительно къ послѣднему разряду. Земледѣльческія улучшенія относятся прямо къ главнымъ предметамъ расходовъ работника, если не относятся спеціально къ какимъ

нибудь рѣдкимъ и особеннымъ продуктамъ. Паровая машина и всѣ другія изобрѣтенія, дающія въ распоряженіе человѣка силу, примѣняясь ко всему, примѣняются конечно и къ предметамъ, потребляемымъ работниками. Даже паровой станокъ и ткацкая машина, прилагающіеся къ самымъ нѣжнымъ матеріямъ, ровно столько же прилагаются къ грубымъ бумажнымъ и шерстянымъ тканямъ, носимымъ работниками. Всѣ улучшенія въ способахъ передвиженія удешевляютъ перевозку и предметовъ необходимости вмѣстѣ съ предметами роскоши. Почти каждая новая отрасль промышленности имѣетъ прямымъ или косвеннымъ слѣдствіемъ удешевленіе производства или перевозки тѣхъ или другихъ предметовъ, потребляемыхъ массою народа. Такимъ образомъ можно сказать, что улучшенія въ производствѣ вообще имѣютъ тенденцію удешевлять товары, на которые расходуется плата рабочаго класса.

«Касаясь товаровъ, вообще не потребляемыхъ работниками, улучшеніе не производитъ никакой перемѣны въ распредѣленіи продукта. Правда, оно удешевляетъ товары, которыхъ касается; при уменьшеніи стоимости производства, они падаютъ въ цѣнности и цѣнѣ, и удобства жизни увеличиваются у ихъ потребителей, будутъ ли эти потребители землевладѣльцы, капиталисты или спеціальные работники, находящіеся въ привилегированномъ положеніи. Но процентъ прибыли не возвышается. Валовая прибыль по оцѣнкѣ на товары увеличивается; но также увеличилась и цѣнность капитала по оцѣнкѣ его на эти товары. Прибыль составляетъ такой же процентъ на капиталъ, какъ прежде. Капиталисты выигрываютъ не какъ капиталисты, а какъ потребители. Точно такимъ же выигрышемъ пользуются землевладѣльцы и привилегированные классы работниковъ, если они потребители того же товара.

«Иной характеръ имѣютъ улучшенія, уменьшающія стоимость производства предметовъ необходимости или товаровъ, составляющихъ обычное потребленіе массы работниковъ Вліяніе различныхъ силъ въ этомъ случаѣ довольно многосложно; потому надобно разобрать его подробнѣе.

«Земледѣльческія усовершенствованія бываютъ двоякаго рода. Одни состоятъ въ простомъ сбереженіи количества труда, давая возможность производить извѣстное количество пищи съ меньшими расходами, но не производить его на меньшемъ пространствѣ земли. Другія даютъ возможность получать съ меньшимъ количествомъ труда, на данномъ пространствѣ земли, продуктъ не только не меньше, а даже больше прежняго, такъ что если не требуется увеличеніе продукта, то становится излишнею часть земли, воздѣлывавшейся прежде. Часть земли, бросаемая въ этомъ случаѣ, будетъ земля наименѣе производительная; потому рынокъ будетъ зависѣть отъ земли лучшаго сорта, чѣмъ какой воздѣлывался прежде.

«Чтобы разъяснить вліяніе такого усовершенствованія, мы должны предположить, что оно происходитъ внезапно, такъ что во время его исполненія не успѣетъ возрасти ни капиталъ, ни населеніе. Первымъ результатомъ такого случая будетъ пониженіе цѣнности и цѣны земледѣльческаго продукта. Оно необходимо слѣдуетъ за обоими разрядами земледѣльческихъ улучшеній, но въ особенности за улучшеніями втораго разряда.

«Улучшеніе перваго разряда, не увеличивающее продукта, не даетъ возможности

бросить часть земли; предѣлъ воздѣлыванія (по выраженію Чомерса) не передвигается; цѣна опредѣляется тою же землею и тѣмъ же капиталомъ, какъ прежде. Но эта земля или этотъ капиталъ производитъ теперь пищу съ меньшею стоимостью; и пропорціально тому упадетъ цѣна пищи. Если сбережена десятая часть издержекъ производства, цѣна продукта падетъ на десятую часть.

«Но предположимъ, что усовершенствованіе принадлежитъ ко второму разряду, дающему землѣ не только возможность производить прежнее количество пищи съ уменьшеніемъ труда на десятую часть, но и производить съ прежнимъ трудомъ на десятую часть больше хлѣба, чѣмъ прежде. Тутъ результатъ улучшенія будетъ еще сильнѣе. Воздѣлываемое пространство можетъ быть теперь уменьшено и запросъ рынка удовлетворенъ меньшимъ количествомъ земли. Если бъ это меньшее пространство земли по среднему качеству и было не выше прежняго большаго пространства, цѣна все-таки упала бы на десятую часть, потому что прежній продуктъ получался бы теперь количествомъ труда, уменьшившимся на десятую часть; но покинутая часть земли—наименѣе плодородная часть, потому цѣна продукта будетъ установляться землею лучшаго качества, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ сверхъ первоначальнаго уменьшенія издержекъ производства на десятую часть будетъ еще дальнѣйшее уменьшеніе, пропорціональное отступленію «земледѣльческаго предѣла» на землю, болѣе плодородную. Цѣна упадетъ вдвойнѣ.

«Разсмотримъ теперь дѣйствіе такихъ внезапныхъ усовершенствованій на распредѣленіе продукта, и вопервыхъ, на ренту. Улучшеніе перваго разряда уменьшаетъ ренту; улучшеніе втораго разряда уменьшаетъ ее еще сильнѣе.

«Предположимъ, что запросъ на пищу требуетъ воздѣлыванія трехъ сортовъ земли, дающихъ, на равномъ пространствѣ и при равныхъ расходахъ, по 100, 80 и 60 бушелей пшеницы. Средняя цѣна пшеницы будетъ достаточна для того, чтобы земля третьяго сорта могла воздѣлываться съ обыкновенною прибылью. Потому земля перваго сорта будетъ давать 40, а втораго — 20 бушелей излишка прибыли, который составитъ ренту землевладѣльца. Предположимъ теперь сначала, что сдѣлано улучшеніе, которое, не открывая возможности получать хлѣба больше прежняго, даетъ возможность получать прежнее количество хлѣба съ уменьшеніемъ труда на четвертую долю. Цѣна хлѣба упадетъ въ такой же пропорціи, и 80 бушелей будутъ продаваться за цѣну, какой стоили прежде 60 бушелей. Но продуктъ земли, дающей 60 бушелей, остается нуженъ, а издержки уменьшились соразмѣрно цѣнѣ; земля эта еще можетъ воздѣлываться съ обыкновенною прибылью. Потому земля перваго и втораго сорта будетъ давать попрежнему 40 и 20 бушелей излишка и хлѣбная рента останется прежняя. Но хлѣбъ упалъ въ цѣнѣ на 4-ю долю; потому прежняя хлѣбная рента потеряла четвертую долю прежней цѣнности по счету на деньги и всѣ другіе товары. Въ той части дохода, которую землевладѣлецъ употреблялъ на фабричные и иностранные продукты, онъ потерялъ четвертую долю. Доходъ его, какъ землевладѣльца, сталъ равняться только тремъ четвертямъ прежней величины, и лишь только какъ потребитель хлѣба онъ остался въ прежнемъ положеніи.

«Если же улучшеніе будетъ втораго разряда, рента упадетъ еще сильнѣе. Пред-

положимъ, что требуемое рынкомъ количество продукта можетъ быть получаемо съ уменьшеніемъ на четвертую часть не только труда, но и пространства воздѣлываемой земли. Еслибы продолжать воздѣлываніе всего прежняго пространства, получилось бы продукта гораздо больше, чѣмъ надобно. Надобно бросить часть земли, дававшую прежде четвертую часть продукта; земля третьяго сорта давала ровно эту четвертую часть (60 бушелей изъ 240), потому прекратится воздѣлываніе земли третьяго сорта. 240 бушелей могутъ теперь получаться съ земли однихъ первыхъ двухъ сортовъ: земля перваго сорта дастъ на одну треть больше 100 бушелей, то есть 133 $^1/_3$ бушелей, а втораго сорта 80 бушелей съ прибавкою третьей части, то есть 106$^2/_3$ бушелей; всего 240 бушелей. Теперь низшій сортъ земли уже не третій, а второй, и онъ опредѣляетъ цѣну. Теперь довольно если не 60, а 106$^2/_3$ бушелей оплачиваютъ капиталъ съ обыкновенною прибылью. Потому цѣна хлѣба упадетъ не съ 80 на 60, какъ въ прежнемъ случаѣ, а съ 106$^2/_3$ на 60. Но еще и это не даетъ намъ полнаго понятія объ огромности паденія ренты. Весь продуктъ земли втораго сорта надобенъ теперь на покрытіе издержекъ производства. Это — самый худшій сортъ воздѣлываемой земли и потому онъ не даетъ ренты. А первый сортъ дастъ только разницу между 133$^1/_3$ и 106$^2/_3$ бушелей, то есть только 26$^2/_3$ бушелей, вмѣсто прежнихъ 40. Въ одной хлѣбной рентѣ землевладѣльцы потеряли 33$^1/_3$ изъ 60 бушелей, а цѣнность и цѣна оставшейся имъ доли упала по пропорціи съ 106$^2/_3$ на 60.

«Мы видимъ такимъ образомъ, что выгода землевладѣльца значительно противна быстрому и всеобщему введенію земледѣльческихъ улучшеній. Этотъ выводъ многіе называютъ парадоксомъ и обвиняютъ изъ-за него въ умственной испорченности или въ недостаткахъ еще худшихъ Рикардо, который первый высказалъ такое заключеніе. Въ чемъ тутъ парадоксальность, — я не могу понять, а умственную испорченность нахожу я не въ Рикардо, а въ людяхъ, нападающихъ на него. Выводъ Рикардо кажется нелѣпъ лишь тогда, когда излагается въ превратномъ видѣ. Еслибы Рикардо говорилъ, что землевладѣльцу убыточно улучшеніе его помѣстья, такой мысли нельзя было бы защищать; но говорится вовсе не то: землевладѣлецъ терпитъ убытокъ отъ улучшеній не его помѣстья, а другихъ помѣстій, хотя бы вмѣстѣ съ ними улучшалось и его помѣстье. Никто не сомнѣвается, что онъ очень много выигралъ бы отъ улучшенія, еслибы могъ удержать улучшеніе на одномъ своемъ помѣстьѣ и соединить выигрышъ отъ увеличенія продукта своей земли съ прежнею высокою цѣною. Но если улучшеніе происходитъ одновременно на всѣхъ земляхъ, то цѣна не останется на прежней высотѣ, и нѣтъ ничего страннаго утверждать, что землевладѣльцы въ этомъ случаѣ не выигрывали бы, а проигрывали бы. Всѣ согласны, что всякая перемѣна, навсегда понижающая цѣну продукта, уменьшаетъ ренту; и совершенно согласенъ съ господствующими понятіями выводъ, что если бы отъ увеличенія производительности земли понадобилось воздѣлывать меньшее пространство земли, чѣмъ прежде, то цѣнность земли упала бы, какъ падаетъ цѣнность всякаго другаго предмета, запросъ на который уменьшается.

«Я совершенно готовъ согласиться, что въ дѣйствительности рента не понижалась отъ земледѣльческихъ усовершенствованій; но почему не было пониженія? Потому,

что улучшеніе въ дѣйствительности никогда не бывало внезапно, а всегда происходило медленно, никогда много не опережало успѣховъ капитала и населенія, а часто далеко отставало отъ нихъ; а увеличеніе капитала и населенія, въ противоположность понижающимъ ренту улучшеніямъ, возвышаетъ ее, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, увеличеніе капитала и населенія пользуется самыми земледѣльческими усовершенствованіями для сильнѣйшаго возвышенія ренты, благодаря тому, что расширяется предѣлъ воздѣлыванія. Но сначала мы должны разсмотрѣть, какое вліяніе на прибыль и рабочую плату произвело бы внезапное удешевленіе земледѣльческаго продукта.

«Въ началѣ денежная рабочая плата, по всей вѣроятности, осталась бы прежняя и весь выигрышъ дешевизны пошелъ бы въ пользу работниковъ. Они могли бы увеличить свое потребленіе пищи или другихъ предметовъ и получали бы за прежнюю стоимость большее количество товаровъ. Пока это продолжится, прибыль останется безъ перемѣны. Но постоянный размѣръ вознагражденія работниковъ зависитъ въ сущности отъ того, что мы назвали обычною нормою ихъ потребленія, отъ размѣра требованій, безъ удовлетворенія которымъ не хотятъ они имѣть дѣтей. Если ихъ вкусы и потребности прочно измѣнятся отъ внезапнаго улучшенія въ ихъ положеніи, то выигрышъ сословія работниковъ будетъ проченъ. Но обстоятельство, дающее имъ возможность покупать большее количество удобствъ и удовольствій при прежней платѣ, также дастъ имъ возможность покупать прежнее количество удобствъ и удовольствій при пониженіи платы, и населеніе можетъ теперь размножиться безъ пониженія того быта, къ которому привыкли работники. До сихъ поръ работники только въ этомъ смыслѣ вообще и пользовались всякимъ увеличеніемъ своихъ средствъ къ жизни: они принимали его только для того, чтобы размѣнять на продовольствіе для большаго числа дѣтей. Потому надобно полагать, что улучшеніе въ производствѣ послужитъ возбужденіемъ къ размноженію, и что въ слѣдующемъ поколѣніи дѣйствительная рабочая плата будетъ не выше той, какая существовала до улучшенія; она понизится частью отъ пониженія денежной платы, частью отъ возвышенія цѣны пищи, стоимость которой снова возрастетъ отъ запроса, произведеннаго размноженіемъ населенія. Прибыль возвысится въ той пропорціи, въ какой упадетъ денежная рабочая плата, потому что капиталистъ прежнимъ расходомъ капитала будетъ покупать большее количество труда, имѣющаго прежнюю успѣшность. Такимъ образомъ мы видимъ, что когда стоимость предметовъ необходимости уменьшается отъ земледѣльческихъ улучшеній или отъ ввоза иностранныхъ продуктовъ, а привычки и потребности работниковъ не возвышаются, то денежная рабочая плата и рента понижается, а общій процентъ прибыли увеличивается.

«О замѣнѣ дорогаго сорта пищи болѣе дешевымъ надобно сказать то же, что и объ улучшеніяхъ, удешевляющихъ производство пищи. Данное количество земли съ даннымъ количествомъ труда производитъ въ формѣ маиса или картофеля гораздо больше продовольствія, чѣмъ въ формѣ пшеницы. Если работники покинутъ пшеничный хлѣбъ и будутъ питаться только маисомъ и картофелемъ, вознаграждая себя за то не увеличеніемъ потребленія другихъ предметовъ, а болѣе раннимъ

бракомъ и рожденіемъ большаго числа дѣтей, то стоимость труда значительно уменьшится. потому что пищу для цѣлаго населенія можно будетъ тогда производить на половинѣ или одной третьей части земли, засѣваемой нынѣ хлѣбомъ. Очевидно также, что земля, слишкомъ плохая для пшеницы, можетъ въ случаѣ необходимости давать количество картофеля, нужное на продовольствованіе незначительнаго труда, воздѣлывающаго этотъ картофель; производительная сила земли допускала населенію размножаться гораздо больше нынѣшняго; потому при картофельной или маисной системѣ воздѣлываніе можетъ напослѣдокъ спуститься и ниже, а рента подняться и выше степени, возможной при хлѣбной системѣ.

«Если улучшеніе происходитъ не въ производствѣ пищи, а въ производствѣ фабричнаго товара, потребляемаго рабочимъ классомъ, оно будетъ имѣть такое же дѣйствіе на рабочую плату и прибыль; но оно подѣйствуетъ иначе на ренту. Если окончательнымъ слѣдствіемъ улучшенія будетъ размноженіе населенія, то рента не понизится, а повысится. Причинъ тому не нужно излагать по ихъ очевидности.

«Мы разсматривали, какъ измѣняется распредѣленіе продукта на ренту, прибыль и рабочую плату, съ одной стороны, отъ обыкновеннаго возрастанія населенія и капитала, а съ другой стороны отъ улучшеній въ производствѣ и особенно въ земледѣліи. Мы нашли, что отъ перемѣнъ перваго рода прибыль понижается, а рента и стоимость труда возвышается; что земледѣльческія усовершенствованія имѣютъ тенденцію понижать ренту, а всѣ улучшенія, которыми удешевляются предметы, потребляемые работниками, ведутъ къ уменьшенію стоимости труда и къ возвышенію прибыли. Узнавъ такимъ образомъ тенденцію каждой причины, дѣйствующей въ отдѣльности, намъ легко опредѣлить тенденцію дѣйствительнаго хода вещей, въ которомъ одновременно идутъ оба эти движенія: капиталъ и населеніе возрастаютъ довольно постоянно, происходятъ по временамъ земледѣльческія улучшенія, а знаніе и употребленіе улучшенныхъ способовъ постепенно распространяются въ обществѣ.

«При данныхъ обычаяхъ и потребностяхъ рабочаго класса, служащихъ нормою реальной рабочей платы, рента, прибыль и денежная рабочая плата въ каждое данное время бываютъ произведеніемъ сложнаго дѣйствія этихъ противоположныхъ силъ. Если въ извѣстный періодъ земледѣльческія улучшенія развиваются быстрѣе населенія, то рента и денежная рабочая плата въ этомъ періодѣ будутъ имѣть тенденцію падать, а прибыль возвышаться. Если же населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ идетъ земледѣльческое улучшеніе, то возможны два случая: или работники соглашаются на пониженіе въ количествѣ или въ качествѣ своей пищи, или, когда несогласны они на это, рента и денежная рабочая плата будутъ постепенно подниматься, а прибыль падать.

«Земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а разливаются еще медленнѣе. Изобрѣтенія и открытія также случаются лишь по временамъ, а возрастаніе населенія и капитала дѣйствуетъ постоянно. Потому рѣдко бываетъ, чтобы усовершенствованіе даже на короткое время могло такъ опередить ростъ населенія и капитала, чтобы дѣйствительно понизить ренту или повысить процентъ прибыли. Во многихъ странахъ населеніе и капиталъ ростутъ не быстро; но земледѣльческое

улучшеніе въ нихъ дѣйствуетъ еще слабѣе. Размноженіе почти вездѣ тяготѣетъ надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ и сглаживаетъ его дѣйствія почти при самомъ ихъ появленіи.

«Земледѣльческое улучшеніе рѣдко понижаетъ ренту потому, что рѣдко оно удешевляетъ пищу, а почти всегда только мѣшаетъ ей дорожать; рѣдко оно выводитъ изъ-подъ обработки землю или и никогда не успѣваетъ въ этомъ, — оно только даетъ возможность землѣ все низшихъ и низшихъ сортовъ воздѣлываться на удовлетвореніе ростущаго запроса.

«Такимъ образомъ земледѣльческое улучшеніе можно считать не столько силою, противоборствующею вліянію размноженія, сколько силою, отчасти ослабляющею узы, связывающія размноженіе.

«При совокупномъ вліяніи размноженія, роста капитала и земледѣльческихъ усовершенствованій, возрастаніе производства дѣйствуетъ на распредѣленіе продукта далеко не такъ, какъ дѣйствовали различныя силы въ гипотетическихъ случаяхъ, изложенныхъ нами. Въ особенности рента подвергается тутъ измѣненію, существенно различному отъ перемѣнъ, изложенныхъ нами. Мы говорили, что великое земледѣльческое улучшеніе при внезапномъ и всеобщемъ введеніи своемъ непремѣнно понизило бы ренту, а въ дѣйствительномъ развитіи общества улучшенія даютъ рентѣ возможность постепенно подниматься до высоты, недостижимой безъ нихъ, доставляя средства воздѣлывать гораздо худшіе сорты земли. Но въ случаѣ, предполагаемомъ нами теперь, и близко соотвѣтствующемъ дѣйствительному ходу дѣлъ, они немедленно имѣютъ это дѣйствіе, которое прежде являлось только отдаленнымъ результатомъ ихъ. Предположимъ, что воздѣлываніе достигло или почти достигло крайняго предѣла, допускаемаго положеніемъ техническихъ искусствъ, и потому рента почти достигла крайней высоты, до какой можетъ подняться возрастаніемъ населенія и капитала при существующемъ размѣрѣ искусства и знанія. Если бы внезапно было введено большое земледѣльческое улучшеніе, оно могло бы оттѣснить ренту далеко назадъ, предоставляя ей возвратить потерянное ею при дальнѣйшемъ возрастаніи населенія и капитала, и потомъ подниматься еще выше прежняго. Но если такое улучшеніе происходитъ медленно, какъ и всегда бываетъ, оно не оттѣсняетъ назадъ ни ренту, ни воздѣлываніе; оно только даетъ возможность рентѣ подниматься, а земледѣлію расширяться гораздо дальше предѣла, на которомъ они остановились бы безъ него. Такое дѣйствіе оно произвело бы и безъ необходимости спускаться на худшій сортъ земли, уже одинимъ тѣмъ, что при немъ земля, воздѣлывавшаяся прежде, начинаетъ давать больше продукта безъ пропорціональнаго увеличенія стоимости. Если бы отъ земледѣльческихъ улучшеній всѣ воздѣлываемыя земли стали, даже съ полнымъ удвоеніемъ труда и капитала, давать удвоенный продуктъ, то всѣ ренты удвоились бы (конечно, предполагая, что по возрастанію населенія потребовалось бы это удвоеніе продукта).

«Чтобы увидѣть доказательство тому, возвратимся къ прежнему нашему числовому примѣру. Три сорта земли, при одной затратѣ, даютъ съ одинаковаго пространства по 100, 80 и 60 бушелей. Если не больше, какъ съ удвоеніемъ расходовъ и потому безъ увеличенія стоимости производства, земля № 1-й станетъ давать

200, № 2-й — 160, а № 3-й — 120 бушелей, а если населеніе удвоившись потребуетъ всей этой прибавки продукта, то рента № 1-й будетъ не 40, а уже 80 бушелей, рента № 2-й — не 20, а уже 40 бушелей, а цѣна и цѣнность бушеля хлѣба останется прежняя; такимъ образомъ рента въ хлѣбѣ и денежная рента удвоятся. Нѣтъ надобности выставлять разницу между этимъ результатомъ, который, какъ мы прежде показали, происходитъ отъ улучшенія въ производствѣ, не сопровождаемаго увеличеніемъ запроса на пищу, — разница эта видна сама собою.

«Такимъ образомъ земледѣльческое улучшеніе всегда въ окончательномъ результатѣ, а по обыкновенному ходу дѣлъ и немедленно, — бываетъ выгодно землевладѣльцу. Можно прибавить, что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ оно и никому, кромѣ него, не приноситъ выгоды. Когда запросъ на продуктъ идетъ совершенно ровно съ возрастаніемъ производительной силы, пища не дешевѣетъ; работники не получаютъ и временной выгоды; стоимость труда не уменьшается, а прибыль не возвышается. Сумма производства увеличилась; между работниками раздѣляется большее количество продукта, и сумма прибыли больше; но рабочая плата дѣлится между большимъ числомъ населенія, а прибыль получается съ большаго капитала, потому положеніе работника не лучше прежняго, а капиталистъ получаетъ съ извѣстнаго капитала доходъ не больше прежняго.

«Результатъ этого длиннаго изслѣдованія можно выразить слѣдующими словами: экономическій прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ, ведетъ къ прогрессивному обогащенію сословія землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія работниковъ имѣетъ вообще тенденцію возрастать, а прибыль падать. Земледѣльческія усовершенствованія противодѣйствуютъ двумъ послѣднимъ результатамъ; но первый изъ нихъ, если и можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на время останавливаться, то въ окончательномъ выводѣ сильно увеличивается тѣми же самыми усовершенствованіями, и возрастаніе населенія переноситъ на однихъ землевладѣльцевъ всѣ выгоды, происходящія отъ земледѣльческаго улучшенія.»

Мы сдѣлаемъ два или три замѣчанія къ этому совершенно вѣрному очерку дѣла.

„Величина реальной рабочей платы опредѣляется привычками и требованіями рабочихъ классовъ,“ говоритъ Милль. — Такъ. Чѣмъ же опредѣляется уровень требованій и привычекъ работника? Весь избытокъ этого уровня надъ мѣрою физической необходимости порождается только уваженіемъ работника къ самому себѣ, чувствомъ собственнаго достоинства въ немъ, какъ мы знаемъ изъ разбора законовъ рабочей платы у самого Милля. — Въ чемъ же состоитъ результатъ экономическаго прогресса

относительно общественнаго положенія работниковъ при нынѣшнемъ устройствѣ, отдѣляющемъ ренту и прибыль отъ рабочей платы? Коренная черта экономическаго прогресса съ технической стороны — расширеніе производительной единицы по мѣрѣ успѣховъ сочетанія труда; всѣ отрасли производства постепенно принимаютъ фабричный размѣръ. Ремесленникъ, работающій при помощи своего семейства и двухъ-трехъ учениковъ, замѣняется фабрикантомъ; поселянинъ-собственникъ уступаетъ мѣсто фермеру-капиталисту. Отъ этого, соразмѣрно экономическому прогрессу, увеличиваетя пропорція наемныхъ работниковъ и уменьшается пропорція самостоятельныхъ хозяевъ въ рабочихъ классахъ. Теперь спрашиваемъ: существуетъ ли рѣзкое различіе по степени самоуваженія между человѣкомъ самостоятельнымъ и человѣкомъ зависимымъ, между хозяиномъ и наемникомъ? Да, это различіе очень рѣзко, сомнѣваться въ томъ не можетъ никто, наблюдавшій жизнь. Если человѣкъ получаетъ 1000 рублей дохода отъ собственнаго хозяйства, онъ чувствуетъ себя чѣмъ-то гораздо болѣе почтеннымъ и высокимъ, чѣмъ когда получаетъ такую же плату отъ какого нибудь хозяина. Тутъ разница между подчиненностью и неподчиненностью, между надобностью смотрѣть въ глаза другому и гордымъ сознаніемъ: „я самъ себѣ господинъ.“ Стало быть, если мы возьмемъ работника-хозяина и другаго работника, получающаго такой же доходъ отъ рабочей платы, то въ работникѣ-хозяинѣ (при равенствѣ другихъ условій) непремѣнно будетъ больше самоуваженія. А если такъ, плата наемнаго работника не удержится на уровнѣ дохода, получаемаго работникомъ-хозяиномъ: она сравнительно съ нимъ упадетъ въ пропорціи, равной тому, насколько меньше находится самоуваженія въ наемномъ работникѣ. Такимъ образомъ, техническая сторона экономическаго прогресса имѣетъ прямую тенденцію понижать доходъ работниковъ, уменьшая въ нихъ чувство собственнаго достоинства и размѣръ требованій черезъ превращеніе работника-хозяина въ наемнаго работника. Но этою первою степенью не кончается дѣло. Всякій результатъ имѣетъ свойство становиться въ свою очередь дѣйствующею силою, каждое послѣдствіе бываетъ причиною новыхъ послѣдствій. Надобно только начать падать,

отдѣльному ли человѣку, цѣлому ли сословію, въ нравственныхъ ли качествахъ, въ благосостояніи ли, все равно, — разъ начавшись, движеніе къ худшему развивается уже само собою, какъ, наоборотъ, само собою развивается и всякое движеніе къ лучшему, когда разъ начнется. Разъ научившись уменьшать свою требовательность, утрачивать часть своего самоуваженія, рабочій классъ пойдетъ путемъ уступокъ и пониженія до послѣдней крайности, и остановится не раньше, какъ дошедши до невыносимаго стѣсненія, если другія вліянія не удержатъ его на этой скользкой дорогѣ. Разъ поставленный въ необходимость привыкать къ положенію худшему прежняго, при замѣнѣ своего независимаго хозяйскаго дохода рабочею платою, работникъ легко допускаетъ и дальнѣйшее уменьшеніе своего дохода посредствомъ постепеннаго пониженія рабочей платы.

Кто привыкъ анализировать принципы, найдетъ неизбѣжнымъ нашъ выводъ о тенденціи технической стороны экономическаго прогресса понижать благосостояніе рабочаго класса при нынѣшнемъ устройствѣ быта. Но само собою разумѣется, что неоспоримость этой тенденціи еще не равносильна историческому и статистическому выводу о дѣйствительномъ ухудшеніи быта рабочихъ классовъ, — напримѣръ, съ какого нибудь XV или XVII вѣка до настоящей минуты. Мало ли какія тенденціи какихъ сильныхъ обстоятельствъ перевѣшиваются могуществомъ противодѣйствующихъ обстоятельствъ? Напримѣръ, вѣдь имѣетъ же зимній холодъ въ нашемъ климатѣ тенденцію убивать человѣка. А вѣдь мы не замерзаемъ же зимою, — напротивъ, мы (порядочные люди) меньше терпимъ отъ холода въ декабрѣ, чѣмъ въ сентябрѣ. Точно также можетъ быть, что не смотря на указываемую нами тенденцію, благосостояніе рабочаго класса въ цивилизованныхъ странахъ не понизилось, а возвысилось въ послѣднія столѣтія, благодаря силѣ обстоятельствъ, противодѣйствующихъ понижающей тенденціи. Вѣдь эти обстоятельства есть, и притомъ очень могущественныя. Коренной источникъ ихъ — развитіе знаній и улучшеніе понятій, цивилизація или общій духъ того самаго прогресса, который въ одномъ изъ своихъ частныхъ примѣненій къ быту, устроенному на несоотвѣтствующихъ ему основаніяхъ, обнаруживаетъ тенденцію,

совершенно противоположную своему собственному существу. Благодаря прогрессу понятій и знаній, законы и учрежденія улучшаются. Вѣдь теперь законъ не дозволяетъ никому и съ нищимъ-бездѣльникомъ обращаться такъ, какъ обращался въ XVI вѣкѣ каждый привилегированный съ зажиточнымъ поселяниномъ-собственникомъ. Подозрительнаго бродягу допрашиваютъ во Франціи или въ Англіи не въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, какъ триста, двѣсти лѣтъ назадъ говорили тамъ съ почтеннымъ простолюдиномъ, которому еще оказывали честь этимъ разговоромъ. Мы не богъ-знаетъ какъ восхищаемся этимъ и тому подобными успѣхами гуманности, потому что они все еще слишкомъ малы и медленны. А все-таки, можно ли, не можно ли довольствоваться ими, они очевидны. Уваженіе къ человѣку, просто какъ человѣку, не зависимо отъ его общественной роли, все-таки развивается законодательными реформами и смягченіемъ нравовъ отъ распространенія образованности. Мы говорили о манерѣ обращенія властей съ подвластными, привилегированныхъ сословій съ простолюдинами. Возьмемъ въ другой примѣръ другую сферу отношеній — семейный быть. Мужчины менѣе прежняго грубо обращаются съ женщинами, родители съ дѣтьми. А мужъ, который не бьетъ жену, уважаетъ и самого себя больше, чѣмъ тотъ, который бьетъ ее. Ребенокъ, который переноситъ меньше оскорбленій, выростаетъ человѣкомъ, болѣе сознающимъ свое достоинство.

Такимъ образомъ, если работникъ, теряя положеніе хозяина, теряетъ часть уваженія къ себѣ, основаннаго на его общественной роли, и потому его доходъ подвергается вліянію понижающей тенденціи, то, вообще говоря, съ каждымъ поколѣніемъ развивается въ немъ уваженіе къ себѣ, какъ просто къ человѣку, и соразмѣрно тому обнаруживается тенденція прогресса возвышать его доходъ. Какая изъ этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій имѣла больше силы въ данный періодъ въ извѣстной странѣ — вопросъ, требующій изысканій очень внимательныхъ. Исторія экономическаго быта разработана еще такъ плохо, что трудно сказать, какія заключенія болѣе соотвѣтствуютъ истинѣ: толки ли рутинныхъ экономистовъ о великолѣпномъ возвышеніи рабочей платы въ послѣднія столѣтія, или представляемыя учеными

прогрессивной школы доказательства, что средній уровень ея теперь ниже, чѣмъ былъ за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ. Оставляя здѣсь безъ дальнѣйшаго изслѣдованія эту сомнительную сторону дѣла, мы скажемъ только, что самая сомнительность вопроса уже свидѣтельствуетъ о чрезмѣрной силѣ указываемой нами понижающей тенденціи прогресса при нынѣшнемъ устройствѣ быта. Какой огромный вычетъ изъ прибавки къ благосостоянію работниковъ производится этою тенденціею, если громадные успѣхи техническихъ искусствъ и не совершенно ничтожные успѣхи общаго просвѣщенія не могли пересиливать ее настолько, чтобы перевѣсъ добра надъ зломъ былъ очевиденъ! Съ практической точки зрѣнія этой уликой уже и рѣшается дѣло о нынѣшнихъ принципахъ экономическаго быта. Возможно ли безпристрастному человѣку защищать такой порядокъ вещей, при которомъ теряется осязательность пользы, приносимой людямъ прогрессомъ цивилизаціи?

Мы говорили, что трудно сказать, возвысился или понизился общій уровень матеріальнаго благосостоянія рабочихъ классовъ отъ экономическаго прогресса при нынѣшнемъ бытѣ, — то есть, полнѣе или скуднѣе прежняго удовлетворяется вся сумма потребностей, чувствуемыхъ работникомъ; но относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ элементовъ матеріальной надобности очевидно, что они и у работника удовлетворяются нынѣ гораздо лучше прежняго, благодаря экономическому прогрессу. Сюда принадлежатъ всѣ тѣ вещи, пользованіе которыми удобно дѣлается достояніемъ всего общества, хотя бы онѣ первоначально устраивались только для нѣкоторыхъ малочисленныхъ сословій или для административнаго употребленія, — вещи, не поглощаемыя или слишкомъ въ незначительной степени поглощаемыя личнымъ потребленіемъ сословій или учрежденій, интересами которыхъ создаются. Таковы, напримѣръ, пути сообщенія, почта, освѣщеніе улицъ, мѣста общественныхъ прогулокъ, театръ. Пути сообщенія устраиваются по стратегическимъ, по административнымъ и по торговымъ надобностямъ. Государство или коммерческій классъ сооружаютъ ихъ собственно для себя, для передвиженія войскъ, правительственныхъ агентовъ и посылокъ или для перевозки товаровъ. Но

невозможно сдѣлать такое шоссе, которое за провозомъ этихъ товаровъ и проѣздомъ этихъ людей не оставалось бы, такъ сказать, въ совершенно праздномъ излишкѣ, — почему жь не предоставить и простолюдину пользоваться этимъ излишкомъ, въ которомъ нѣтъ надобности уже никому другому? Сообразно малорусской поговоркѣ: „возьми себѣ, убогій, то, чего мнѣ ненужно,“ — пусть идетъ или ѣдетъ по этому шоссѣ и простолюдинъ; точно такъ же и на желѣзныхъ дорогахъ: невыгодно дѣлать локомотивы слишкомъ малаго размѣра; а локомотивъ выгоднаго размѣра такъ тяжелъ и силенъ, что мало ему тащить за собою лишь то число вагоновъ, какое нужно для пассажировъ 1 и 2 класса; остается въ немъ лишняя сила, — почему жь не прицѣпить къ нему и вагоны 3 класса для простолюдиновъ? Точно такъ же въ театрѣ, за помѣщеніемъ для высшаго и средняго сословій, остаются разные клочки мѣстъ, непригодныхъ ни для кого изъ этихъ сословій по своему неудобству. Отчего же не отдавать такія мѣста простолюдинамъ за доступную для нихъ цѣну?

Если мы всмотримся въ подобные случаи, когда крохи, лишнія или непригодныя для другихъ сословій, падаютъ (выражаясь фигурально) съ богатой трапезы матеріальнаго прогресса на полъ, гдѣ предоставляется подбирать ихъ бѣдному Лазарю, то нельзя намъ будетъ удержаться отъ сардоническаго смѣха, читая у рутинныхъ политико-экономовъ панегирическія декламаціи о томъ, какъ много дѣлаютъ для блага простолюдиновъ классы и учрежденія, распоряжающіеся дѣлами этого прогресса. Нѣтъ, для пользы простолюдина не дѣлается тутъ почти никогда ничего, — напротивъ, часто дѣлается ему всякое неудобство, когда есть въ томъ распорядителямъ какая нибудь выгода, хотя бы самая пустая. Извѣстно, напримѣръ, что компаніи желѣзныхъ дорогъ во Франціи нарочно дѣлаютъ помѣщеніе въ вагонахъ 3 класса какъ можно неудобнѣе, чтобы принуждать садиться во 2 классъ каждаго, имѣющаго малѣйшую возможность къ тому. Но зачѣмъ ходить такъ далеко? Эти строки я пишу на одномъ изъ пароходовъ, плавающихъ по Волгѣ, и стоитъ мнѣ оглянуться, чтобы увидѣть точно такой же примѣръ. Когда я посмотрѣлъ въ первый разъ, какъ жмутся, мокнутъ и дрогнутъ на открытой палубѣ въ

наши холодныя ночи и подъ нашимъ частымъ ненастьемъ пассажиры 3 класса, я подумалъ: неужели компаніи нашего рѣчнаго пароходства не догадываются, что въ два-три мѣсяца прибавкою какихъ нибудь 10 копѣекъ за 100 верстъ пути съ пассажира окупились бы ничтожныя издержки, которыхъ потребовало бы устройство прикрытія для этихъ пассажировъ? — Мнѣ представилось, сколько простудъ, лихорадокъ, ревматизмовъ было бы отвращено этою покрышкою, и я, какъ человѣкъ, подивился жестокосердію пароходныхъ обществъ. Но разсудивъ объ этомъ дѣлѣ, какъ политико-экономъ, я тотчасъ же понялъ нелѣпость своего удивленія. Вѣдь если будетъ сносно ѣздить въ 3 классѣ, уменьшится число пассажировъ, ѣдущихъ въ первыхъ двухъ классахъ. Чтобы каждый, кто можетъ, садился во 2 классъ, и чтобы всякій, кто можетъ, переходилъ изъ 2 класса въ 1-й для избѣжанія тѣсноты, надобно 3-му классу быть лишену всякихъ удобствъ. И вотъ, тысячи простолюдиновъ принуждены терпѣть холодъ и сырость, чтобы охота ѣхать въ 3 классѣ была отнята у тѣхъ десятковъ изъ зажиточныхъ людей, которые иначе не захотѣли бы дѣлать лишній расходъ на билетъ 2 класса. Такъ вездѣ и во всемъ. Если вы не привыкли соображать принципы нынѣшняго быта, вы станете недоумѣвать, среди великолѣпной обстановки, созданной промышленнымъ прогрессомъ, видя простолюдина, подвергающагося на каждомъ шагу лишеніямъ и неудобствамъ, не сообразнымъ съ условіями цивилизованной жизни. Начавъ думать, вы, пораженные всеобщностью этого явленія, готовы бываете приписывать его богъ-знаетъ какимъ роковымъ причинамъ, въ родѣ знаменитато Мальтусова закона. Но теперь, благодаря трудамъ мыслителей, проникнувшихъ въ законы человѣческой жизни глубже Адама Смита и его учениковъ, вы легко можете убѣдиться, что вся эта путаница происходитъ отъ причинъ, лежащихъ не въ коренныхъ условіяхъ нашей природы, а только въ историческихъ обстоятельствахъ. Тутъ все дѣло въ разсчетѣ выгодъ. Кто ведетъ экономическое дѣло, тотъ конечно думаетъ о своей выгодѣ. Вотъ только и всего.

Мы сказали, что при устройствѣ, отдѣляющемъ рабочую плату отъ прибыли и ренты, промышленный прогрессъ доставляетъ

простолюдину пользованіе тѣми улучшеніями, отъ участія въ которыхъ нельзя исключить его по физической невозможности. Наоборотъ, есть другія стороны жизни, въ которыхъ при существующемъ бытѣ положеніе простолюдина становится хуже вслѣдствіе промышленнаго прогресса. Главнѣйшимъ образомъ сюда принадлежитъ продовольствіе, а въ большей или меньшей степени принадлежатъ и всѣ другія удобства, потребленіе которыхъ однимъ человѣкомъ не даетъ уже остатка для другаго человѣка, — всѣ удобства, которыя надобно назвать предметами исключительнаго личнаго потребленія. Мы видѣли, что при промышленномъ прогрессѣ мануфактурные подукты имѣютъ тенденцію понижаться въ цѣнности сравнительно съ земледѣльческимъ продуктомъ; иначе сказать: цѣнность земледѣльческаго продукта имѣетъ тенденцію возвышаться сравнительно съ одеждою и тому подобными предметами. Отъ дороговизны пищи развивается въ простолюдинѣ наклонность какъ можно болѣе урѣзывать свое продовольствіе, и со временемъ эта скупость къ самому себѣ относительно пищи доходитъ до чрезмѣрной степени. При извѣстномъ промышленномъ развитіи страны работники ея держатъ себя, можно сказать, впроголодь. — Просимъ читателя обратить вниманіе на то, что это послѣдствіе развивается совершенно независимо отъ обстоятельствъ, на которыхъ основана Мальтусова теорія. Дѣло не въ томъ, возвышается или не возвышается абсолютная стоимость производства земледѣльческаго продукта. Пусть она не возвышается, пусть она даже понижается, это все равно: важность въ томъ, что стоимость производства мануфактурныхъ издѣлій понижается быстрѣе, чѣмъ стоимость производства пищи. При этомъ обстоятельствѣ цѣнность земледѣльческаго продукта все равно будетъ возвышаться, хотя бы стоимость производства его и понижалась въ своей абсолютной величинѣ. Не знаю, нужно ли пояснять примѣромъ такой простой выводъ, но пояснимъ его на всякій случай.

Представимъ себѣ такое положеніе общества, въ которомъ одна четверть пшеницы производится трудомъ 100 рабочихъ часовъ и одинъ кусокъ коленкора такимъ же количествомъ работы. Предположивъ, сообразно равенству этого главнаго элемента

цѣнности, равенство другихъ элементовъ, входящихъ въ нее, мы видимъ, что четверть хлѣба продается тутъ за одну цѣну съ кускомъ коленкора. Предположимъ теперь, что вслѣдствіе экономическаго прогресса стоимость производства пшеницы уменьшилась на 20%, а стоимость производства коленкора на 40%, т. е. четверть пшеницы производится трудомъ 80, а кусокъ коленкора трудомъ 60 рабочихъ часовъ. Ясно, что кусокъ коленкора будетъ стоить теперь не цѣлой четверти пшеницы, какъ прежде, а только 3/4 ея.

Положимъ, что работникъ имѣетъ въ карманѣ два рубля. При прежнемъ положеніи онъ могъ купить на одинъ изъ этихъ рублей 20 фунтовъ хлѣба, если на другой рубль покупалось 20 аршинъ коленкора. Но когда, вслѣдствіе промышленнаго прогресса, цѣнность коленкора упала сравнительно съ цѣнностью хлѣба, онъ, покупая на рубль 20 арш. коленкора, не можетъ купить больше 15 фунтовъ хлѣба на такую же сумму. Очевидно, что распредѣленіе его денегъ между этими двумя статьями расхода до нѣкоторой степени измѣнится. У него будетъ менѣе расположенія покупать хлѣбъ и больше расположенія покупать коленкоръ *). Вотъ объясненіе тому общеизвѣстному факту, что съ промышленнымъ развитіемъ развивается въ народѣ щегольство. Историки-моралисты умѣютъ только порицать этотъ фактъ, не умѣя ни отыскать экономической его причины, ни вывести изъ него какихъ нибудь соображеній, кромѣ безплоднаго сѣтованія на человѣческую натуру. А дѣло заключается просто въ томъ, что мѣновая цѣнность товаровъ, служащихъ для щегольства, понижается промышленнымъ прогрессомъ, сравнительно съ мѣновою цѣнностью продуктовъ, служащихъ для продовольствія. И натурально, возрастаетъ запросъ на тѣ вещи, которыя становятся дешевле. Если мы сообразимъ это, мы увидимъ, что правильное распредѣленіе расходовъ между разными статьями потребленія неиначе можетъ установиться, какъ черезъ замѣну мѣновой цѣнности внутреннею цѣнностью.

*) Мы предположили, что денежная цѣна коленкора осталась прежняя. Но если она также понизилась подобно его цѣнности, это все равно. Читатель понимаетъ, что дѣло тутъ не въ абсолютной цифрѣ копѣекъ, которыхъ стоитъ аршинъ коленкора, а только въ пропорціи этой цифры съ цифрою цѣны фунта хлѣба, которая во всякомъ случаѣ будетъ на одну треть больше, чѣмъ цѣна аршина коленкора.

Мы видѣли, что вслѣдствіе промышленнаго прогресса является у работниковъ расположеніе уменьшать потребленіе пищи для увеличенія пропорціи расходовъ на мануфактурные товары. Не сообразивъ всѣхъ послѣдствій такой перемѣны, можно подумать, что при ней увеличится абсолютная цифра расходовъ, дѣлаемыхъ работниками на эти товары. Но если мы обратимъ вниманіе на психологическое и общественное состояніе человѣка, подвергающаго себя стѣсненію въ продовольствіи, мы убѣдимся, что не долго останется у него возможность дѣлать большій прежняго расходъ и на тѣ товары, для которыхъ сталъ онъ скупъ въ своемъ продовольствіи. Кто разъ отказался отъ изобилія въ пищѣ, скоро привыкнетъ подчиняться нуждѣ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Общій уровень его требованій понизится. Самъ себя онъ станетъ считать и общество будетъ считать его человѣкомъ, который долженъ урѣзывать всѣ свои расходы, которому нужно только какъ бы то ни было жить, а не то чтобы жить прилично. А мы знаемъ изъ Милля, что размѣръ рабочей платы опредѣляется степенью требовательности работниковъ. Съ пониженіемъ ея падаетъ и рабочая плата. Этотъ теоретическій выводъ совершенно соотвѣтствуетъ фактамъ. Въ самыхъ передовыхъ европейскихъ странахъ одежда работниковъ плоха. Почему это? Ужь никакъ не вслѣдствіе Мальтусова закона, никакъ не вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія. Отъ чрезмѣрнаго размноженія можетъ уменьшиться производительность земледѣльческаго труда; но чтобы уменьшалась отъ него производительность мануфактурнаго труда, — не утверждалъ ни одинъ изъ самыхъ увлекавшихся послѣдователей Мальтуса; напротивъ, всѣ они согласны, что она постоянно увеличивается, не смотря ни на какое размноженіе. Отчего же одежда работниковъ, напримѣръ въ Англіи, неудовлетворительна? Вѣдь успѣшность труда, обращеннаго на производство одежды, увеличилась въ послѣднія сто лѣтъ въ нѣсколько разъ, — рутинные политико-экономы, распалившись восторгомъ, доказываютъ, что она возвысилась современъ Ватта и Аркрайта чуть ли не въ сотни, а по инымъ — чуть ли не въ тысячи разъ. Положимъ, что эти слишкомъ пылкіе панегирики вліянію улучшенныхъ способовъ — не больше какъ восторженный вздоръ; но все-таки не въ два и

не въ три раза, а гораздо больше увеличилась успѣшность труда въ приготовленіи тканей, благодаря прядильнымъ и ткацкимъ машинамъ; а добываніе матеріаловъ для тканей въ какомъ угодно количествѣ не представляетъ затрудненій. Слѣдовало бы, кажется, что нѣтъ физическихъ препятствій работнику имѣть удовлетворительную одежду. Если онъ не имѣетъ ея теперь, это просто значитъ, что реальная плата ему уменьшилась настолько, что доля изъ нея, употребляемая имъ на одежду, уменьшилась. А онъ желалъ увеличить эту долю. Стало быть слишкомъ уже понизился общій уровень его матеріальныхъ требованій, если произошло уменьшеніе даже въ той части его расходовъ, для увеличенія которыхъ онъ сокращалъ другіе свои расходы *).

Мы видѣли, что возвышеніе мѣновой цѣнности земледѣльческаго продукта сравнительно съ мануфактурными товарами возбуждаетъ въ простолюдинѣ наклонность уменьшать свое потребленіе пищи, что отъ этого понижается уровень требованій работника и размѣръ реальной рабочей платы. Но отчего же происходитъ самое возвышеніе мѣновой цѣнности земледѣльческаго продукта, то есть, отчего стоимость производства, опредѣляющая мѣновую цѣнность, уменьшается въ земледѣльческомъ продуктѣ не такъ быстро, какъ въ мануфактурныхъ товарахъ? Въ приведенномъ нами отрывкѣ, Милль справедливо отвѣчаетъ: оттого, что „земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе." — Жаль только, что этотъ очень справедливый отвѣтъ вовсе еще не отвѣтъ, а только новый вопросъ. Мы спрашиваемъ: отчего же земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе? — На первую часть вопроса, отчего они *ростутъ*

*) Читатель помнитъ, что мы говоримъ здѣсь только объ одной сторонѣ промышленнаго прогресса, — только о томъ, какой результатъ производится распредѣленіемъ расходовъ по соображенію не внутренней, а мѣновой цѣнности, при пониженіи мѣновой цѣнности мануфактурныхъ товаровъ сравнительно съ земледѣльческимъ продуктомъ. Мы говоримъ только, что въ этой сторонѣ промышленнаго прогресса есть тенденція понижать рабочую плату. Но другою своею стороною тотъ же самый прогрессъ стремится возвышать ее, какъ мы уже говорили выше; мы говорили также, что оставляемъ здѣсь безъ разбора вопросъ, которая изъ этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій прогресса брала перевѣсъ въ исторической дѣйствительности, — напримѣръ, возвысилась или понизилась реальная рабочая плата въ западной Европѣ съ половины осьмнадцатаго вѣка.

медленно, — отвѣтъ можно пріискать скоро: земледѣльческое производство составляетъ процессъ гораздо болѣе многосложный, чѣмъ какая нибудь фабрикація; натурально, что задача объ усовершенствованіи простѣйшаго дѣла требуетъ меньшихъ соображеній, чѣмъ усовершенствованіе дѣла болѣе запутаннаго. Но вѣдь и это все еще не отвѣтъ. Если одна задача труднѣе другой, то слѣдовало бы ожидать, что геніальнѣйшіе умы займутся первою, предоставивъ вторую умамъ второстепеннымъ. Мудреность дѣла еще не служитъ неизбѣжною причиною тому, чтобы оно исполнялось хуже дѣла, болѣе легкаго; оно можетъ исполняться даже лучше, лишь бы обращены были на него умственныя силы того достоинства, какое требуется его трудностію. Напримѣръ, игра на скрыпкѣ многосложнѣе, чѣмъ игра на фортепьяно; но вѣдь не выходитъ же изъ этого, что люди играютъ на скрыпкѣ хуже, чѣмъ на фортепьяно. Или, напримѣръ, постройка корабля дѣло несравненно многосложнѣйшее, чѣмъ постройка лодки; но вѣдь корабли строются не хуже лодокъ. Отсталость земледѣльческаго искусства отъ фабричнаго дѣла имѣетъ свои причины только въ томъ, что до недавняго времени никому изъ людей первокласснаго ума не было охоты подумать объ усовершенствованіи земледѣльческихъ процессовъ, да и теперь почти никто изъ нихъ еще не занимается этимъ. Всѣмъ готовы заниматься геніальные люди: живописью и математикой, исторіей и медициной, а земледѣліемъ теперь занимается только одинъ изъ нихъ — Либихъ, да и то занимается такъ себѣ, почти что только въ свободное время отъ другихъ трудовъ; а до Либиха не укажете вы ни одного великаго ученаго по теоріи земледѣлія. Даже изъ людей второстепенныхъ чуть ли не первый занялся этимъ дѣломъ Таэръ въ концѣ прошлаго вѣка. Вотъ это отчего, — скажите намъ? Отчего, напримѣръ, Локкъ, вздумавъ сдѣлать экскурсію за границы своего спеціальнаго предмета, своихъ отвлеченныхъ философскихъ изслѣдованій, чтобы помочь добрымъ совѣтомъ житейскому быту, — отчего онъ написалъ замѣтки о чеканкѣ монеты, а не о какомъ нибудь земледѣльческомъ предметѣ? Отчего, напримѣръ, Лейбницъ, хватавшійся кромѣ своей математики за все на свѣтѣ, — и за китайскій языкъ, и за генеалоги-

ческія таблицы, и за дипломатическіе вопросы, и богъ знаетъ за сколько другихъ предметовъ, — отчего онъ не подумалъ о земледѣліи? Отчего Кювье писалъ доклады по юридическимъ, или административнымъ вопросамъ, и не написалъ ни разу ни о какомъ земледѣльческомъ вопросѣ? — Отвѣтъ простой, и это будетъ уже коренной отвѣтъ: что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; кто чѣмъ не безпокоится, тотъ о томъ и не думаетъ. Тѣ классы, интересами которыхъ направлялась до сихъ поръ наука, не нуждаются въ хлѣбѣ. Любознательность, общая имъ съ остальными людьми, направляла человѣческую мысль къ отвлеченнымъ наукамъ; въ практическихъ знаніяхъ направляла она ее къ усовершенствованію всѣхъ дѣлъ, по которымъ не достаетъ чего нибудь нужнаго высшему или среднему классу. Мы выучились, какъ строить корабли, дома, ткать матерію; удивительныхъ успѣховъ достигли эти искусства, потому что безъ очень высокаго развитія ихъ чувствуетъ неудобство въ жизни человѣкъ богатый или зажиточный. Но и при самомъ младенческомъ состояніи земледѣлія, дурна ли или недостаточна ли его пища? — слава богу, онъ ѣстъ вкусно и сытно. — Разумѣется, каждый долженъ заниматься своимъ дѣломъ, думать о своихъ надобностяхъ. Усовершенствованіе земледѣлія нужно только простолюдину. Пока простолюдины не имѣли никакого значенія въ исторіи, они одни съ своимъ невѣжествомъ и хлопотали о земледѣльческихъ улучшеніяхъ. Появленіе Таэра, который первый раціонально занялся сельскимъ хозяйствомъ, не даромъ совпадаетъ съ концемъ прошлаго вѣка, когда простолюдины сдѣлали попытку заявить свои права въ исторіи. Либихъ, который первый изъ великихъ ученыхъ занялся земледѣліемъ, не случайно явился современникомъ такъ называемыхъ утопистовъ.

Теперь едва ли нужно пріискивать отвѣтъ и на вторую часть занявшаго насъ вопроса: „отчего земледѣльческое знаніе распространяется еще медленнѣе, чѣмъ ростетъ.“ — Самъ по себѣ, безъ соображенія общественныхъ обстоятельствъ, этотъ фактъ долженъ показаться нелѣпъ до невѣроятности. Положимъ, что находятся въ сущности самаго дѣла какія нибудь затрудненія къ быстрому возрастанію земледѣльческаго знанія, — положимъ, напримѣръ,

что очень трудно придумать какое нибудь усовершенствованіе въ устройствѣ плуга; но если разъ оно придумано, то какъ же не распространяться быстро употребленію этого усовершенствованнаго плуга? — Мы ошиблись, сказавъ, что противорѣчащій этому фактъ представляется нелѣпостью. У рутинистовъ съ незапамятныхъ временъ запасено для него очень милое объясненіе: „простолюдинъ — врагъ нововведеній, онъ любитъ держаться старины.“ Это одинъ изъ сотни тѣхъ глупѣйшихъ афоризмовъ, упорное существованіе которыхъ въ книгахъ и въ мысляхъ образованнаго общества принуждаетъ думать, что вотъ именно оно, образованное и прогрессивное общество, до безумія любитъ сохранять всякую нелѣпость, какая засядетъ въ него. Скажите, напримѣръ, давно ли появилась въ Россіи первая гармоника, и найдется ли теперь такое захолустье, въ которомъ она не побѣдила бы патріархальную балалайку? Мы помнимъ, какъ были всѣ убѣждены, что русскій мужикъ станетъ дичиться ѣзды по желѣзной дорогѣ и до сей поры можете вы встрѣчать просвѣщенныхъ людей, съ похвалою русскому мужику удивляющихся тому, что онъ сѣлъ въ вагонъ такъ же скоро, какъ и мы. Привязанность къ старымъ обычаямъ очень сильна во всѣхъ сословіяхъ, и въ каждой странѣ исторія каждаго изъ нихъ представляетъ множество примѣровъ упорной борьбы противъ нововведеній, такъ что едва ли можно приписать простолюдинамъ отличіе отъ другихъ классовъ въ этомъ отношеніи. Но старинные обычаи и производительные процессы — вещи совершенно различныя. Разсчетъ выгоды во всякой группѣ людей очень быстро одолѣваетъ предразсудки, — кромѣ одного только случая, когда старина держится вовсе не на предразсудкѣ, а просто на недостаткѣ средствъ замѣнить ее чѣмъ нибудь лучшимъ. Простолюдинъ часто говоритъ, что лапти и онучи удобнѣе для ходьбы и лучше охраняютъ ногу отъ сырости и морозовъ, чѣмъ всякая другая обувь. Неужели вы будете такъ простодушны, что повѣрите серьезности этого мнѣнія? Да вѣдь имъ просто прикрывается невозможность купить сапоги, — это ни больше, ни меньше, какъ знаменитое выраженіе басни о томъ, что виноградъ зеленъ. Не смотря на свое мнимое расположеніе въ пользу лаптей, мужикъ, какъ только можетъ, тотчасъ

же замѣняетъ ихъ сапогами. Точно также готовъ онъ при первой возможности усвоить себѣ всякія другія улучшенія.

Земледѣльческія усовершенствованія распространяются медленно по той же самой причинѣ, по которой медленно и придумываются они. Они нужны собственно тому классу, который чувствуетъ недостатокъ въ продовольствіи; а недостатокъ въ продовольствіи чувствуетъ лишь тотъ человѣкъ, который очень бѣденъ. А у человѣка очень бѣднаго, разумѣется, нѣтъ средствъ ни къ чему, въ томъ числѣ и къ производству земледѣльческихъ улучшеній. — Словомъ сказать, дѣло тутъ не въ сущности вещи и не въ психологическихъ особенностяхъ и даже не въ мальтусовомъ законѣ, а просто на просто въ распредѣленіи покупательной силы.

Въ приведенномъ нами отрывкѣ упоминалось о томъ, что слѣдствіемъ промышленнаго прогресса бываетъ пониженіе прибыли. Разбору причинъ и послѣдствій этой стороны дѣла Милль посвящаетъ цѣлыя двѣ главы, но мы коснемся его только мимоходомъ.

Въ обыкновенныхъ курсахъ политической экономіи выставляется за несомнѣнную истину, что сбереженіе было бы невозможно, если бы человѣкъ не разсчитывалъ получить проценты на сберегаемую сумму. Милль понимаетъ нелѣпость такихъ безусловныхъ фразъ и признавая полезность процентовъ при извѣстныхъ состояніяхъ общества, не скрываетъ отъ своего читателя, что по сущности дѣла сбереженіе возможно и безъ существованія процентовъ.

«Если бъ капиталъ не давалъ и никакой прибыли, существовали бы достаточныя побужденія дѣлать нѣкоторое количество сбереженій. Былъ бы разсчетъ откладывать въ хорошее время запасъ на дурное, сберегать что нибудь на болѣзнь и хилыя лѣта, на свободу и независимость въ старости, на помощь дѣтямъ въ началѣ ихъ карьеры. Но сбереженія, дѣлаемыя лишь для такихъ цѣлей, имѣютъ мало тенденціи увеличивать постоянно существующій капиталъ. Эти побужденія склоняютъ человѣка лишь сберегать въ одинъ періодъ жизни то, что думаетъ онъ потребить въ другомъ періодѣ, или что потребятъ его дѣти, пока не начнутъ вполнѣ обезпечивать сами себя. Тѣ сбереженія, которыми увеличивается національный капиталъ,

обыкновенно проистекають изъ желанія людей улучшать свое такъ называемое положеніе въ жизни или приготовлять дѣтямъ и другимъ людямъ обезпеченіе, независимое отъ ихъ усилій. А сила этихъ наклонностей очень много зависитъ отъ того, въ какой степени желаемая цѣль достигается даннымъ количествомъ и временемъ пожертвованій, — а это зависитъ отъ величины прибыли. И въ каждой странѣ есть извѣстная величина прибыли, ниже которой люди вообще не находятъ достаточныхъ причинъ сберегать только для своего обогащенія или для предоставленія другимъ лучшаго состоянія. Такимъ образомъ сбереженіе, отъ котораго увеличивается общая сумма капитала, непремѣнно требуетъ извѣстной величины прибыли, — величины, которая человѣку среднихъ свойствъ казалась бы достаточнымъ вознагражденіемъ за воздержность и давала достаточную страховую премію за рискъ. Всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ, въ которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше средняго уровня и для которыхъ величина, меньшая этого средняго процента прибыли, уже достаточно побуждала бы къ накопленію. Но они только уравновѣшиваютъ собою другихъ, у которыхъ любовь къ тратамъ и наслажденіямъ выше средняго уровня и которые, вмѣсто сбереженія, быть можетъ даже расточаютъ полученное.»

На вторую половину этого отрывка мы замѣтимъ, что она даетъ выводъ, несогласный съ фактомъ, выставленнымъ въ первой половинѣ. „Извѣстная величина прибыли служитъ непремѣннымъ условіемъ для всякаго накопленія, увеличивающаго капиталъ страны,“ — говоритъ Милль; но прежде того самъ онъ сказалъ, что и безъ процентовъ люди накопляли бы запасъ для своего обезпеченія. Какимъ же образомъ этотъ запасъ не содѣйствовалъ бы увеличенію ихъ благосостоянія и какимъ образомъ стремленіе сдѣлать этотъ запасъ не возбуждало бы къ усиленному труду, то есть къ увеличенію производства, то есть къ увеличенію капитала, размѣромъ котораго опредѣляется и самый размѣръ производства?

Но то справедливо, что при устройствѣ, отдѣляющемъ прибыль отъ рабочей платы, является особенный классъ людей, живущихъ процентами на свой капиталъ и что этому классу нужна извѣстная величина процента для того, чтобы капиталъ не уходилъ изъ ихъ рукъ въ другія руки, а сохранялся у нихъ въ цѣлости и даже увеличивался, не смотря на расходы, которые дѣлаютъ они, сами ничего не производя. Эта необходимая для такого порядка дѣлъ величина прибыли бываетъ различна при разныхъ состояніяхъ общества; чѣмъ меньше развита въ людяхъ предусмотрительность и чѣмъ менѣе обезпечена собственность

въ обществѣ, тѣмъ выше этотъ minimum прибыли; чѣмъ лучше экономическое и административное состояніе общества, тѣмъ ниже онъ.

Но какъ бы низокъ ни былъ minimum прибыли, безъ которой не сталъ бы увеличиваться капиталъ отдѣльнаго сословія, живущаго процентами, во всякомъ высоко развитомъ обществѣ прибыль очень скоро упала бы ниже этого minimum'а, если бы всѣ сбереженія, достающіяся въ руки капиталистовъ, сохранялись безъ непроизводительной раструты, или не переносились для коммерческихъ предпріятій въ другія, менѣе развитыя страны. Убѣдиться въ этомъ очень легко. Если бы при возрастаніи капитала населеніе не возрастало, то стала бы возвышаться рабочая плата; слѣдовательно прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль — остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы. А если бы населеніе размножалось, было бы надобно увеличиваться количеству пищи, то есть надобно было бы земледѣлію спускаться на земли менѣе плодородныя, земледѣльческій трудъ становился бы менѣе успѣшнымъ и опять-таки стала бы уменьшаться доля, остающаяся у предпринимателя за вычетомъ расхода на содержаніе работника.

Эта тенденція прибыли къ пониженію задерживается или непроизводительною растратою капитала, или перенесеніемъ капитала въ другія страны, или улучшеніями производительныхъ процессовъ. Непроизводительною растратою капиталовъ (напр., отъ праздной роскошной жизни, или отъ коммерческихъ кризисовъ) уменьшается размѣръ капитала, значитъ уменьшается и рабочая плата; а если рабочая плата уменьшается, то, конечно, увеличивается остатокъ продукта, составляющій прибыль. Перенесеніемъ капитала за границу точно также уменьшается сумма его, остающаяся въ странѣ. Наконецъ улучшеніями производительныхъ процессовъ понижается стоимость производства; а ея пониженіе при нынѣшнемъ бытѣ обыкновенно влечетъ за собою пониженіе рабочей платы; если же рабочая плата уменьшается, то возрастаетъ остатокъ продукта, получаемый капиталистомъ за вычетомъ рабочей платы.

Изъ этихъ соображеній Милль дѣлаетъ выводы, большею ча-

стію справедливые, — напримѣръ онъ говоритъ, что эмиграція во всякомъ случаѣ улучшаетъ положеніе страны, имѣющей густое населеніе, хотя бы переселенцы брали съ собою очень много капитала. Въ такихъ странахъ прибыль на капиталъ бываетъ довольно близка къ minimum, и если часть капитала удаляется изъ страны, то отъ возвышенія прибыли усиливается накопленіе капитала, и между населеніемъ, уменьшившимся отъ эмиграціи, скоро будетъ распредѣляться прежняя сумма капитала, то есть благосостояніе работниковъ возрастетъ. Точно также дѣйствуетъ въ богатой странѣ обращеніе вновь накопляемаго капитала на постройку желѣзныхъ дорогъ, машинъ и такъ далѣе. Замѣтивъ это, Милль справедливо говоритъ:

«Такимъ образомъ слѣдуетъ заключить, что улучшенія въ производствѣ и переселеніе капитала на болѣе плодородную почву и неразработанные рудники ненаселенныхъ и слабо населенныхъ странъ не уменьшаютъ на родинѣ валоваго продукта и запроса на трудъ (какъ представляется поверхностному взгляду), а напротивъ должны считаться главнымъ средствомъ къ увеличенію домашняго продукта и запроса на трудъ, и даже необходимыми условіями для значительнаго или продолжительнаго ихъ возрастанія. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ извѣстныхъ и довольно широкихъ предѣлахъ, чѣмъ больше расходуетъ капитала этими двумя путями страна подобная Англіи, тѣмъ больше капитала остается въ ней.»

Но есть у Милля, въ числѣ справедливыхъ соображеній, одно мѣсто, требующее нѣкоторыхъ замѣчаній:

«Теорія эта должна очень ослабить или, лучше сказать, совершенно уничтожить въ странахъ, гдѣ прибыль низка, прежнюю привычку политико-экономовъ приписывать безмѣрную важность вліянію событій или правительственныхъ мѣръ на увеличеніе или уменьшеніе капитала страны. Низкій процентъ прибыли служитъ, какъ мы видѣли, доказательствомъ, что энергія духа накопленія и быстрота возрастанія капитала далеко превозмогаютъ два противоборствующіе имъ элемента,— силу улучшеній въ производствѣ и возрастаніе подвоза дешевыхъ предметовъ необходимости изъ-за границы, и что если бы значительная часть ежегодной прибавки къ капиталу не уничтожалась періодически или не вывозилась на заграничное употребленіе, то страна быстро достигла бы той степени, на которой дальнѣйшее накопленіе прекратилось бы или по крайней мѣрѣ само собою ослабилось бы, чтобы не опережать хода изобрѣтеній въ искусствахъ, производящихъ предметы необходимости. При такомъ положеніи дѣлъ, внезапное увеличеніе капитала страны, не сопровождаемое увеличеніемъ производительной силы, сохранится не надолго: уменьшая прибыль и проценты, оно или уменьшитъ на соотвѣтствующую сумму

сбереженіе, какое было бы сдѣлано въ слѣдующій годъ или въ два, или заставитъ выслать такую же сумму за границу или растратить ее въ опрометчивыхъ спекуляціяхъ. Внезапный вычетъ изъ капитала также не произведетъ существеннаго обѣднѣнія страны, если не будетъ имѣть чрезмѣрной величины. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ странѣ будетъ существовать столько же капитала, какъ еслибъ не было взято изъ него ничего. Вычетъ, поднявъ прибыль и проценты, даетъ накопляющей силѣ новое возбужденіе, которое быстро пополнитъ опустѣвшее мѣсто. Единственнымъ результатомъ будетъ вѣроятно то, что на нѣсколько времени будетъ меньше капитала вывозиться или пропадать въ рискованныхъ спекуляціяхъ.

«Такой взглядъ на вещи, вопервыхъ, значительно ослабляетъ, въ богатой и промышленной странѣ, силу экономическаго аргумента противъ расходованія общественныхъ денегъ на предметы, существенно полезные, хотя бы и непроизводительные въ промышленномъ смыслѣ. Если предлагается взять займомъ значительную сумму для какого нибудь великаго дѣла справедливости или филантропіи, — напримѣръ, для промышленнаго возрожденія Ирландіи, для обширнаго плана колонизаціи или для національнаго воспитанія, политическіе люди не должны возражать, что поглощеніе такой массы капитала изсушитъ постоянные источники богатства страны и уменьшитъ фондъ, изъ котораго содержится рабочее сословіе. При самой крайней величинѣ, расходъ, нужный для той или другой изъ подобныхъ цѣлей, по всей вѣроятности не отниметъ занятія ни у одного работника и не уменьшитъ производство слѣдующаго года ни однимъ локтемъ миткаля, ни однимъ бушелемъ пшеницы. Въ бѣдныхъ странахъ, капиталъ страны требуетъ заботливыхъ попеченій законодателя, обязаннаго прикасаться къ нему лишь съ величайшей осторожностью и всѣми силами покровительствовать тому, чтобъ онъ накоплялся въ самой странѣ и вносился въ нее извъ-за границы. Но въ богатыхъ, многолюдныхъ и высоко воздѣланныхъ странахъ недостатокъ не въ капиталѣ, а въ плодородной землѣ, и законодатель долженъ желать не увеличенія въ массѣ накопленій, а увеличенія выручки съ этихъ накопленій черезъ улучшенія въ земледѣліи или открытіе доступа къ продукту болѣе плодородной земли другихъ странъ, — этому, а не увеличенію накопленій, долженъ помогать законодатель въ такихъ странахъ. Въ нихъ правительство можетъ, не уменьшая національнаго богатства, брать (лишь бы не слишкомъ большую) часть капитала страны и расходовать ее какъ доходъ: эта сумма будетъ взята изъ той части годичныхъ сбереженій, которая иначе пошла бы за границу, или изъ непроизводительныхъ расходовъ частныхъ лицъ въ слѣдующій годъ или два; каждый взятый такимъ образомъ милліонъ оставляетъ націи мѣсто сберечь другой милліонъ, не доходя до степени, съ которой капиталъ переливается за границу. Когда цѣль правительственнаго расхода заслуживаетъ того, чтобы пожертвовать для нея извѣстною суммою, идущею на мимолетныя удовольствія націи, то единственнымъ основательнымъ экономическимъ возраженіемъ противъ способа брать необходимую сумму прямо изъ капитала черезъ заемъ служитъ возникающее изъ этого неудобство брать потомъ суммы посредствомъ налоговъ на уплату процентовъ долга.»

Вторая половина этого отрывка совершенно справедлива; но въ началѣ его Милль излагаетъ свои мысли такъ неопредѣлительно, что можетъ подать поводъ къ ошибкамъ. Можетъ показаться, какъ будто низкость прибыли воображаетъ онъ себѣ какимъ-то бѣдствіемъ, отъ котораго надобно обществу спасаться во что бы то ни стало; какъ будто бы даже непроизводительная растрата капитала облегчаетъ положеніе общества, какъ будто оно страждетъ отъ чрезмѣрности капитала. Разумѣется, Милль вовсе не хотѣлъ сказать ничего подобнаго; онъ только выразился слишкомъ неопредѣленно. Если накопленіе богатствъ замѣдляется не отъ постороннихъ вредныхъ вліяній или обстоятельствъ, а только отъ ненадобности слишкомъ горячо заботиться объ увеличеніи богатствъ, — тутъ нѣтъ еще ничего тяжелаго; напротивъ, надобно полагать, что желаніе богатѣть ослабѣваетъ только въ людяхъ совершенно довольныхъ своимъ положеніемъ, то есть пользующихся полнымъ благосостояніемъ. Развитію этого взгляда Милль посвящаетъ отдѣльную главу, большую часть которой мы приведемъ здѣсь.

Мы видѣли, что въ передовыхъ странахъ прибыль вообще довольно близка къ minimum; а по достиженіи этого minimum перестаетъ возрастать капиталъ и начинается такъ называемое „неподвижное состояніе." Прежніе экономисты вообще смотрѣли на эту перспективу съ ужасомъ. Милль не раздѣляетъ такого чувства.

«Я не могу смотрѣть на неподвижное состояніе капитала и богатства съ отвращеніемъ, какое обнаруживали къ нему политико-экономы старой школы. Я расположенъ думать, что въ сущности оно было бы значительно лучше нашего нынѣшняго положенія. Признаюсь, меня не очаровываетъ идеалъ жизни, представляемый писателями, думающими, что нормальное состояніе человѣка — борьба для своего повышенія; что толкаться, карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступать другъ-другу на ноги, — что этотъ нынѣшній типъ общественной жизни — прекраснѣйшая для людей участь, а не непріятный симптомъ одного изъ фазисовъ общественнаго прогресса. Конечно слѣдуетъ, чтобы дорога къ богатству была безъ всякихъ привилегій и пристрастій открыта для всѣхъ, пока богатство есть могущество и богатѣть какъ можно больше служитъ предметомъ всеобщаго честолюбія. Но самое лучшее для человѣческой натуры состояніе то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттолкнутъ назадъ усиліями другихъ пробиться впередъ.

«Конечно, пока лучшіе люди не успѣли еще воспитать для лучшей жизни другихъ, то лучше силамъ человѣка поддерживаться въ энергической дѣятельности борьбою за богатство (какъ прежде поддерживались онѣ военною борьбою), чѣмъ гнить въ бездѣйствіи. Пока люди грубы, имъ нужны грубыя возбужденія и пусть они имѣютъ ихъ. Но пока это измѣнится, люди, не считающіе нынѣшней очень низкой ступени человѣческаго развитія окончательнымъ его типомъ, могутъ быть извинены въ томъ, что они довольно холодны къ нынѣшнему экономическому прогрессу, съ которымъ поздравляютъ себя дюжинные публицисты, — къ простому возрастанію производства и накопленія. Чтобы національная независимость была безопасна, необходимо для страны не отставать далеко отъ сосѣдей въ этихъ вещахъ. Но сами по себѣ онѣ маловажны, пока размноженіе или какое другое обстоятельство не допускаетъ массу народа получать долю въ ихъ выгодахъ. Я не знаю, чѣмъ тутъ восхищаться, что люди, которые уже богаче, чѣмъ нужно для человѣка, удвоиваютъ свои средства потреблять предметы, которые приносятъ мало или не приносятъ вовсе нисколько удовольствія, кромѣ того, что служатъ признаками богатства; или что множество отдѣльныхъ людей переходятъ каждый годъ изъ среднихъ сословій въ болѣе богатый классъ, или изъ класса занятыхъ дѣломъ богачей въ классъ праздныхъ. Только въ остальныхъ странахъ возрастаніе производства еще остается важнымъ дѣломъ; въ передовыхъ странахъ экономическая надобность состоитъ въ лучшемъ распредѣленіи, до котораго можетъ довести соединенное дѣйствіе благоразумія и бережливости въ отдѣльныхъ лицахъ и законодательной системы, благопріятствующей равенству состояній, насколько оно совмѣстно съ справедливымъ требованіемъ каждаго, чтобы ему принадлежали плоды его собственнаго труда, велики ли, малы ли будутъ они. Можно предположить, напримѣръ, ограниченіе суммы, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать черезъ дареніе или наслѣдство, количествомъ достаточнымъ для обезпеченія скромной независимости. Подъ этимъ двоякимъ вліяніемъ главными чертами общества явились бы слѣдующія: работники, получая хорошую плату, живутъ изобильно; громадныхъ состояній нѣтъ, кромѣ состояній, выработанныхъ и накопленныхъ въ теченіе жизни однимъ человѣкомъ; но гораздо больше, чѣмъ теперь, сословіе лицъ, избавленныхъ отъ грубѣйшихъ видовъ работы и также пользующихся достаточнымъ физическимъ и умственнымъ досугомъ отъ машинальныхъ мелочей, такъ что могутъ они свободно предаваться лучшимъ сторонамъ жизни и служить примѣромъ изящнаго для сословій, положеніе которыхъ менѣе благопріятно изящному развитію. Такое положеніе общества, несравненно лучшее нынѣшняго, совершенно совмѣстно съ неподвижнымъ состояніемъ и, какъ надобно думать, естественнѣе связано съ этимъ состояніемъ, чѣмъ со всякимъ другимъ.

«Если техническія искусства будутъ по прежнему улучшаться, а капиталъ возрастать, то конечно есть на свѣтѣ, и даже въ старыхъ странахъ, мѣсто для значительнаго размноженія. Но признаюсь, если оно и безвредно, я вижу мало причинъ желать его. Страны наиболѣе населенныя уже достигли той густоты населенія, какая нужна людямъ, чтобы въ полнѣйшей степени пользоваться всѣми выгодами и сотрудничества и общественныхъ сношеній. Населеніе можетъ имѣть

слишкомъ мало простора, хотя бы каждый былъ обильно снабженъ пищею и одеждою. Не хорошо человѣку постоянно быть по необходимости среди людей. Міръ, изъ котораго изгнано уединеніе, слишкомъ бѣдный идеалъ. Безъ уединенія, безъ того, чтобы оставаться наединѣ съ самимъ собою, — невозможны ни глубокое размышленіе, ни глубина характера; уединеніе передъ лицомъ красоты и величія природы — колыбель мыслей и стремленій, которыя хороши не только для отдѣльнаго человѣка, но безъ которыхъ не хорошо было бы жить обществу. Мало и удовольствія смотрѣть на міръ, въ которомъ не оставлено ничего естественной дѣятельности природы; гдѣ обращенъ подъ пашню каждый футъ земли, на которой можетъ рости пища для людей, вспаханъ всякій кусокъ, на которомъ росли дикіе цвѣты или былъ натуральный лугъ; истреблены какъ соперники человѣка въ пищѣ всѣ четвероногія и птицы, не сдѣланныя домашними на его пользу, вырублены всѣ рощи и лишнія деревья, и едва ли осталось мѣсто, на которомъ могъ бы рости дикій кустъ или цвѣтокъ, не будучи вырванъ, какъ сорная трава, во имя улучшеннаго земледѣлія. Если для того, чтобъ содержаться на землѣ болѣе многочисленному, но не болѣе развитому и счастливому населенію, должна земля потерять ту великую часть своей привлекательности, которую даютъ ей вещи, осужденныя на истребленіе при безграничномъ возрастаніи богатства и населенія, то я искренно надѣюсь для блага потомства, что оно захочетъ остановиться въ неподвижномъ состояніи гораздо раньше, чѣмъ принудитъ его необходимость.

«Едва ли надобно замѣчать, что неподвижное состояніе капитала и населенія вовсе еще не заключаетъ въ себѣ неподвижности человѣческаго развитія. При немъ оставалось бы не меньше, чѣмъ прежде, цѣлей для всѣхъ направленій умственнаго образованія, нравственнаго и общественнаго прогресса; столько же мѣста усовершенствованію искусства жить и гораздо больше возможности совершенствоваться этому искусству, когда мысли перестанутъ быть поглощаемы искусствомъ пробиться впередъ другихъ. Даже промышленныя искусства могутъ развиваться тогда такъ же дѣятельно и успѣшно, съ тою только разницею, что промышленныя усовершенствованія стали бы производить тогда законное свое дѣйствіе — сокращать трудъ вмѣсто того, что теперь не служитъ ни къ чему, кромѣ увеличенія богатства. До сихъ поръ еще сомнительно, облегчили ли хотя одному человѣку трудъ для насущнаго хлѣба всѣ наши механическія изобрѣтенія. Они дали возможность большему числу людей жить тою же тяжелою, острожною жизнію и большему числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться. Они увеличили удобства жизни среднихъ сословій. Но они еще не начали производить въ человѣческой судьбѣ тѣ великія перемѣны, къ совершенію которыхъ назначены они своей сущностью и своею будущностью. Лишь тогда, когда будутъ справедливыя учрежденія и размноженіе людей будетъ обдуманно руководиться здравою предусмотрительностію, побѣды, одержанныя надъ силами природы умомъ и энергіею мыслителей и изобрѣтателей, станутъ общею собственностію человѣческаго рода и средствомъ къ улучшенію и возвышенію судьбы всѣхъ людей.»

Совѣтуемъ поклонникамъ господствующей теоріи обратить особенное вниманіе на тѣ строки, которыя находятся почти въ самомъ концѣ приведеннаго нами отрывка. Милль прямо говоритъ, что сомнительно, принесли ли до сихъ поръ какое нибудь облегченіе людямъ всѣ механическія изобрѣтенія. Они увеличили удобства жизни для средняго класса, говоритъ онъ, и увеличили число богатыхъ капиталистовъ, — но еще не начали производить того улучшенія въ человѣческой судьбѣ, какое должны произвести по своей натурѣ. — За то, что мы говоримъ это, насъ упрекаютъ рутинисты въ незнакомствѣ съ ихъ теоріею. Но вотъ то же самое они могутъ слышать теперь отъ замѣчательнѣйшаго изъ нынѣшнихъ учениковъ Адама Смита. Не придется ли обвинять и Милля въ невѣжествѣ? Вѣдь мы въ сущности говоримъ только то же, что сейчасъ читатель слышалъ отъ него. — Но нѣтъ, дѣйствительно правы люди, находящіе разницу между его и нашими словами. То признаніе, которое онъ дѣлаетъ мимоходомъ, остается почти безъ всякаго вліянія на общій ходъ его мыслей. Мы, напротивъ того, постоянно держимъ въ памяти этотъ фактъ и выводимъ изъ него заключенія, чего онъ не заботится дѣлать.

И опять-таки нѣтъ: есть и у него кое-что сходное съ мыслями, къ какимъ приводитъ насъ этотъ фактъ. Мы сейчасъ увидимъ, что его понятіе о надлежащемъ порядкѣ экономическаго быта какъ будто бы одинаково съ нашимъ. Оно было бы и совершенно одинаково, если бы не разность въ мнѣніяхъ о томъ, въ чемъ заключаются препятствія, мѣшающія человѣческому благосостоянію, и въ чемъ нужны перемены для его достиженія. Такъ, напримѣръ, въ послѣднихъ строкахъ приведеннаго отрывка повторяется господствующая мысль Милля, что главнымъ препятствіемъ благосостоянію массы служитъ теперь чрезмѣрность размноженія; а главнѣйшимъ средствомъ улучшить бытъ массы считаетъ онъ бережливость и благоразуміе работниковъ; подъ благоразуміемъ тутъ разумѣется то, чтобы они не размножались. Но мы показывали, что сами принципы нынѣшняго быта мѣшаютъ благосостоянію массы, совершенно независимо отъ того, размножается она или не размножается. Если подъ благоразуміемъ работниковъ понимать не одну воздержность, о которой говоритъ Милль, а вообще ясное

сознаніе о качествахъ существующаго экономическаго устройства и о томъ, какъ оно должно быть измѣнено, то, конечно, все зависитъ отъ благоразумія самихъ работниковъ, потому что все въ обществѣ зависитъ отъ характера мыслей у населенія страны. Но придавать такой общій смыслъ выраженію, за которымъ укоренился совершенно иной, частный смыслъ, — значитъ дѣлать натяжку, ведущую къ ошибкамъ. Потому лучше будетъ сказать, что благосостояніе массы зависитъ отъ ея убѣжденій и не возвысится до тѣхъ поръ, пока не распространятся между людьми извѣстныя убѣжденія. Главныя черты образа мыслей, ведущаго къ улучшенію быта, мы уже знаемъ. Онѣ состоятъ въ томъ, что труду, не слѣдуетъ быть товаромъ, что человѣкъ работаетъ съ полною успѣшностью лишь тогда, когда работаетъ на себя, а не на другаго, что чувство собственнаго достоинства развивается только положеніемъ самостоятельнаго хозяина, что поэтому искать надлежащаго благосостоянія будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ сочетанія труда и характера улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуетъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физіологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; и что поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества. Когда такъ-называемые утописты заговорили объ ассоціаціи, теоретики господствующей школы провозгласили эту новую идею злодѣйственною нелѣпостью, точно также, какъ сначала провозглашается нелѣпостью вообще всякая новая мысль. Теперь уже не то. Въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи дѣлается значительная уступка понятіямъ такъ-называемыхъ утопистовъ; самый отсталый политико-экономъ долженъ признаваться, что экономическая исторія движется къ развитію принципа товарищества и что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже оказалось очень полезнымъ. Съ этимъ признаніемъ бываютъ соединены всевозможныя желчныя выходки и оно бываетъ обстанавливаемо безчисленными оговорками. Но смущаться тутъ нечѣмъ: людямъ, не желающимъ дѣлать извѣстнаго признанія, естественно сердиться на необходимость, принуждающую къ нему; людямъ, не желающимъ дѣлать усту-

покъ, натурально придумывать крючкотворскія кляузы при невозможности избѣжать уступокъ. Милль и въ этомъ случаѣ очень выгодно отличается отъ другихъ теоретиковъ господствующей экономической школы. У него нѣтъ досады, — онъ дѣлаетъ признаніе съ готовностью, говоритъ о наступающемъ новомъ порядкѣ быта съ любовью. Онъ воспитался не въ той школѣ, которой принадлежитъ будущее, и когда онъ познакомился съ нею, поздно уже было ему перестроивать теорію, слишкомъ плотно вошедшую въ его мысли. Новымъ понятіямъ осталось слишкомъ мало мѣста въ его головѣ, потому что была она уже занята прежними понятіями. Но по своей честной и живой натурѣ онъ всегда былъ расположенъ сочувствовать улучшеніямъ, и если уже были израсходованы почти всѣ его личныя умственныя силы на прежнее дѣло, на усвоеніе и развитіе прежнихъ понятій, то съ радостію посвящаетъ онъ остатокъ своихъ усталыхъ силъ усвоенію новыхъ понятій; переучиваться было ему поздно, — но чему можетъ вновь научиться человѣкъ уже установившійся, тому постарался онъ научиться.

B. БУДУЩНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ПРОГРЕССА.

Понятіе о томъ, что прибыль имѣетъ тенденцію понижаться, привело Милля, какъ мы видѣли, къ размышленіямъ о характерѣ такого общественнаго состоянія, когда отъ пониженія прибыли ослабѣваетъ тотъ позывъ къ накопленію богатствъ, который дается разсчетомъ жить на проценты безъ личной работы и, съ тѣмъ вмѣстѣ, безъ уменьшенія сдѣланныхъ запасовъ. Въ мысляхъ о такомъ бытѣ больше всего заинтересовался онъ вопросомъ о положеніи массы; это привело его къ довольно подробному изложенію мыслей „о вѣроятной будущности рабочихъ классовъ.“ Мы помѣщаемъ большую часть этой главы его трактата здѣсь, не дѣлая къ ней на этотъ разъ никакихъ замѣчаній.

«Когда я говорю здѣсь или въ другихъ мѣстахъ книги «о рабочихъ классахъ,» или о работникахъ, какъ о «сословіи,» я употребляю эти выраженія въ соотвѣтственность обычаю и въ соотвѣтственность существующему, не вовсе необходимому

или вѣчному состоянію общественныхъ отношеній. Я не признаю ни справедливости, ни благотворности за такими состояніями общества, въ которыхъ есть какой нибудь «классъ» не рабочій, есть люди, изъятые отъ несенія своей доли необходимыхъ трудовъ человѣческой жизни, кромѣ людей, неспособныхъ работать или правильно заслужившихъ отдыхъ прежней работой. Но пока существуетъ великое общественное зло, нерабочій классъ, работники также составляютъ классъ и о нихъ можно, — впрочемъ только временно, — говорить какъ о сословіи.

«Состояніе работниковъ съ нравственной и общественной стороны стало въ послѣднее время гораздо больше, чѣмъ прежде, занимать собою мыслителей и общественныхъ людей. И очень распространилось мнѣніе, что теперь ихъ состояніе не таково, какимъ слѣдуетъ ему быть. Обнародованы предположенія, возбуждены споры; эти предположенія и пренія обнаружили, что существуютъ двѣ противоположныя теоріи о томъ, какого общественнаго положенія слѣдуетъ желать для рабочихъ классовъ. Одну изъ нихъ можно назвать теоріею зависимости и покровительства, другую — теоріею самостоятельности.

«По первой теоріи участь бѣдныхъ во всемъ, что касается ихъ всѣхъ вмѣстѣ, должна быть опредѣляема *за нихъ,* а не *ими.* Не надобно требовать отъ нихъ или возбуждать ихъ, чтобы они думали о себѣ сами; не надобно ихъ мыслямъ или предусмотрительности давать важнаго голоса въ опредѣленіи судьбы ихъ. Теорія эта говоритъ, что высшіе классы обязаны думать за нихъ, принимать на себя отвѣтственность за ихъ судьбу, какъ командиръ и офицеры арміи берутъ на себя отвѣтственность за составляющихъ ее солдатъ. Теорія говоритъ, что высшіе классы должны приготовляться къ добросовѣстному исполненію этой обязанности и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій внушать бѣднымъ увѣренность въ этомъ, чтобы пассивно и активно повинуясь предписаннымъ для нихъ правиламъ, они во всемъ могли предаваться довѣрчивой беззаботности и покоиться подъ сѣнію своихъ покровителей. По этой теоріи (примѣняемой также къ отношенію между мужчинами и женщинами) отношеніе между богатыми и бѣдными только отчасти должно быть повелительное: оно должно быть также дружеское, нравственное и сантиментальное, — съ одной стороны любящее опекунство, съ другой почтительное и признательное послушаніе. Богатые должны быть «отцами,» in loco parentis бѣднымъ, руководя и удерживая ихъ какъ дѣтей. Самобытнаго дѣйствованія бѣднымъ не нужно. Все ихъ призваніе въ томъ, чтобы исполнять свою насущную работу и быть нравственными и религіозными. Нравственность и религію должны доставлять имъ старшіе, обязанные наблюдать, чтобы они хорошо обучались этому и дѣлать все необходимое для обезпеченія имъ, за ихъ трудъ и привязанность, надлежащаго пропитанія, одѣянія, жилища, духовнаго назиданія и невиннаго развлеченія.

«Таковъ идеалъ будущности въ понятіяхъ людей, у которыхъ недовольство настоящимъ принимаетъ форму любви къ прошедшему и сожалѣнія, что оно миновалось. Подобно другимъ идеаламъ, онъ имѣетъ безсознательное вліяніе на мысли и чувства множества людей, никогда не руководящихся сознательно никакимъ идеаломъ. Сходенъ онъ съ другими идеалами и въ томъ, что никогда не осуществлялся въ исторіи. Онъ взываетъ къ нашимъ фантастическимъ симпатіямъ подъ

видомъ возстановленія добрыхъ нашихъ прадѣдовскихъ временъ. Но нельзя указать никакого времени, когда высшіе классы нашей или какой другой страны исполняли роль, хотя отдаленнымъ образомъ сходную съ назначаемой для нихъ по этой теоріи. Это идеализація, основанная на образѣ дѣйствій и характерѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ людей. Всѣ привилегированные и могущественные классы, какъ классы, пользовались своимъ могуществомъ въ интересѣ своего эгоизма и удовольствіе своему тщеславію находили въ томъ, чтобы презирать людей, по ихъ мнѣнію униженныхъ необходимостію работать на нихъ, а не въ томъ, чтобы съ любовью пещись объ этихъ людяхъ. Я не говорю, что какъ всегда было, такъ всегда должно быть, — не говорю, что человѣческое развитіе не имѣетъ тенденціи улучшать сильный эгоизмъ, порождаемый могуществомъ; но если зло это и можетъ уменьшиться, то не можетъ оно быть искоренено, пока не отстранено самое могущество. То по крайней мѣрѣ кажется мнѣ безспорнымъ, что низшіе классы разовьются до невозможности быть управляемыми по этой теоріи опекунства гораздо раньше, чѣмъ высшіе классы достаточно улучшатся, чтобы управлять по ней.

«Я очень хорошо понимаю всю обольстительность представляемаго этою теоріею общественнаго быта. Факты этой картины не имѣютъ прототипа въ прошедшемъ, но есть въ немъ примѣры чувствъ, о которыхъ она говоритъ, и въ чувствахъ заключается вся доля реальности этой теоріи. Очень непріятна для чувства мысль объ обществѣ, связью которому служатъ лишь отношенія и чувства, основанныя на однѣхъ денежныхъ выгодахъ, и есть нѣчто привлекательное для человѣческой природы въ устройствѣ общества, изобилующемъ сильными личными привязанностями и безкорыстнымъ самоотверженіемъ. Обильнѣйшимъ источникомъ такихъ чувствъ до сихъ поръ было отношеніе между покровителемъ и покровительствуемымъ, — въ этомъ надобно согласиться. Сильнѣе всего люди вообще привязываются къ вещамъ или лицамъ, ограждающимъ ихъ отъ какого нибудь страшащаго зла. Потому въ вѣкъ беззаконнаго насилія и небезопасности, общей жестокости и грубости обычаевъ, когда жизнь на каждомъ шагу окружена опасностями и страданіями для людей, не имѣющихъ ни личнаго могущественнаго положенія, ни права на покровительство отъ могущественнаго человѣка, — въ такомъ вѣкѣ благородное покровительствованіе и признательное принятіе его бываютъ сильнѣйшими узами между людьми; чувства, возникающія изъ этого отношенія — самыми теплыми чувствами; весь энтузіазмъ и вся нѣжность людей съ пылкою душою сосредоточиваются на этомъ отношеніи; преданность съ одной стороны, рыцарскій духъ съ другой, бываютъ принципами, экзальтирующимися до страстности. Я не думаю уменьшать цѣну этихъ качествъ. Ошибка состоитъ въ томъ, что не понимаютъ, что эти добродѣтели и чувства, подобно племенному чувству и гостепріимству кочеваго араба, принадлежатъ въ сильнѣйшей степени грубому и неудовлетворительному состоянію общественнаго быта, и что чувства между покровителемъ и покровительствуемымъ, — будетъ ли то правитель и управляемый, или богатый и бѣдный, или мужчина и женщина, — не могутъ имѣть этого обольстительнаго и милаго характера тамъ, гдѣ уже нѣтъ серьезныхъ опасностей, противъ которыхъ была бы нужда въ покровительствѣ. Что такого есть въ нынѣшнемъ состояніи общества, чтобы натурально

было людямъ обыкновенной силы и храбрости пылать жарчайшею благодарностію и преданностію въ замѣнъ за покровительство? Они находятъ покровительство въ законахъ, когда законы не измѣняютъ преступно своему долгу. Быть подъ властью какого нибудь лица, — это положеніе, прежде бывшее единственнымъ условіемъ безопасности, — теперь, говоря вообще, остается единственнымъ отношеніемъ, подвергающимъ тяжелой несправедливости. Такъ называемые покровители — теперь единственныя лица, противъ которыхъ, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, нужно покровительство. Обиды и тиранства, которыми наполненъ каждый списокъ полицейскихъ дѣлъ, — обиды мужей женамъ, родителей дѣтямъ. Что законъ не предупреждаетъ этихъ жестокостей, что онъ только теперь дѣлаетъ первую робкую попытку прекращать и наказывать ихъ, это не слѣдствіе необходимости, а глубокій стыдъ тѣмъ, которые составили и исполняютъ законъ. Никакой мужчина, никакая женщина, если они могутъ жить, — или могутъ чему нибудь выучиться, чтобы жить, — независимымъ трудомъ, не нуждаются ни въ какомъ другомъ покровительствѣ, кромѣ того, которое могли бы и обязаны давать законы. При такихъ обстоятельствахъ продолжать считать за безспорное дѣло, что вѣчно должны существовать отношенія, основанныя на покровительствѣ, — это свидѣтельствуетъ о глубокомъ познаніи человѣческой натуры: какъ не видѣть, что принятіе роли покровителя и власти, принадлежащей покровителю, безъ всякой оправдывающей то надобности, должно пораждать чувства, прямо противоположныя преданности?

«О рабочихъ людахъ, — по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ Европы, — можно сказать навѣрное, что патріархальной или отеческой системѣ опекунства надъ ними они вновь уже не подчинятся. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, когда они выучились читать и получили доступъ къ газетамъ и политическимъ брошюрамъ; когда допустили диссентерскихъ проповѣдниковъ явиться къ нимъ и призывать ихъ умъ и чувства, отвлекая ихъ отъ исповѣданія, котораго держатся и которое поддерживаютъ ихъ старшіе; когда ихъ собрали во множествѣ — вмѣстѣ работать подъ одною кровлею; когда желѣзныя дороги открыли имъ возможность переноситься съ мѣста на мѣсто и перемѣнять своихъ патроновъ и хозяевъ такъ же легко, какъ перескидать платье; когда ихъ стали возбуждать искать избирательнаго права, чтобы имѣть участіе въ управленіи. Рабочіе классы взяли свои интересы въ свои руки и постоянно показываютъ, что считаютъ интересы своихъ хозяевъ противоположными своимъ, а не одинаковыми съ ними. Есть въ высшихъ сословіяхъ люди, надѣющіеся, что эти тенденціи могутъ быть измѣнены моральнымъ и религіознымъ воспитаніемъ; но они пропустили время дать работникамъ воспитаніе, которое можетъ соотвѣтствовать подобной цѣли. Принципы реформаціи проникли во всѣ слои общества съ умѣньемъ читать и писать, и бѣдные уже не захотятъ принимать мораль и религію по предписанію другихъ. Я говорю въ частности о Великобританіи, особенно о городскомъ населеніи и о сельскихъ округахъ Шотландіи и сѣверной Англіи, гдѣ земледѣліе ведется самымъ научнымъ образомъ, а рабочая плата высока. Въ южныхъ графствахъ, гдѣ земледѣльческое населеніе апатичнѣе и патріархальнѣе, сельское дворянство быть можетъ успѣло бы еще на нѣсколько времени поддержать въ бѣдныхъ слѣды старинной почтительности и

послушности, если бы стало подкупать бѣдныхъ высокою рабочею платою, не оставлять ихъ никогда безъ занятія, обезпечивать имъ средства къ жизни и не требовать отъ нихъ ничего непріятнаго имъ. Но эти условія никогда не бывали и не могутъ быть надолго соединены. Гарантировать средства къ жизни практически возможно лишь съ возложеніемъ обязанности работать и съ тѣмъ, чтобы сдерживать излишнее размноженіе, если не физическимъ, то по крайней мѣрѣ нравственнымъ стѣсненіемъ. Взявшись за это, дилеттанты, желающіе возстановить старину, которой сами не понимаютъ, увидѣли бы на практикѣ, какъ безнадежно ихъ намѣреніе. Все зданіе патріархальнаго или владѣльческаго вліянія, проэктируемое на фундаментѣ любезнаго обращенія съ бѣдными, разбилось бы о необходимость наложить на бѣдныхъ строгій законъ противъ размноженія и праздности.

«Основа для благосостоянія рабочихъ людей должна отнынѣ быть совершенно иного рода. Бѣдные уже переросли возможность водить ихъ на помочахъ, и нельзя поступать съ ними, какъ съ дѣтьми. Забота о ихъ судьбѣ должна быть нынѣ предоставлена имъ самимъ. Нынѣшнимъ націямъ приходится понять, что благосостояніе народа должно основываться на справедливости и самоуправленіи, dikaiosynê и sôphrosynê, каждаго гражданина. Теорія зависимости хочетъ обойтись безъ этихъ качествъ въ зависимыхъ сословіяхъ. Но теперь, когда и по общественному положенію они становятся все менѣе и менѣе зависимы, а мысли ихъ все менѣе и менѣе довольны и тою степенью зависимости, какая еще остается, имъ нужны качества, нужныя для качества независимыхъ людей. Если дается теперь совѣтъ рабочимъ классамъ, надобно подавать его имъ какъ равнымъ, чтобы они судили о немъ собственнымъ умомъ. Будущность зависитъ оттого, до какой степени они могутъ стать разумными людьми.

«Судя по всему, надобно имѣть надежду на будущность. Правда, прогрессъ до сихъ поръ шелъ, да и теперь еще идетъ медленно. Но умы въ массѣ воспитываются по собственному влеченію, и это ихъ самовоспитаніе можно значительно ускорить и улучшить внѣшнимъ содѣйствіемъ. Образованіе пріобрѣтаемое изъ газетъ и политическихъ брошюръ — не превосходнѣйшій родъ образованія, но все-таки оно гораздо выше, чѣмъ отсутствіе всякаго образованія. Публичныя лекціи, вечера для публичныхъ преній, общія совѣщанія по вопросамъ общаго интереса, trades unions, — все это служитъ къ возбужденію общественнаго духа, распространяетъ въ массѣ множество понятій, пробуждаетъ мысль и привычку къ обдуманности въ даровитѣйшихъ работникахъ. Слишкомъ раннее полученіе политическихъ правъ наименѣе образованнымъ классомъ могло бы замедлить, а не ускорить его развитіе; но то едва ли подлежитъ сомнѣнію, что желаніе пріобрѣсти политическія права сильно поощряетъ этотъ классъ къ развитію. Еще не имѣя политическихъ правъ, рабочіе классы уже составляютъ теперь часть публики; они, или нѣкоторые люди изъ нихъ, участвуютъ во всякомъ обсужденіи предметовъ общественнаго интереса; каждый пишущій въ газетѣ можетъ имѣть ихъ читателями своихъ статей; пути къ образованію, которыми достигаютъ средніе классы нынѣшнихъ своихъ понятій, доступны и работникамъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ. Имѣя эти средства, работники безъ сомнѣнія будутъ просвѣщаться, если даже и не найдутъ содѣйствія

своимъ усиліямъ. Но есть основаніе надѣяться, что важныя улучшенія въ качествѣ и размѣрѣ школьнаго воспитанія будутъ сдѣланы усиліями правительства или частныхъ лицъ, и что прогрессъ массы народа въ умственномъ образованіи и въ происходящихъ отъ него хорошихъ качествахъ пойдетъ гораздо быстрѣе и съ меньшими колебаніями, чѣмъ пошелъ бы безъ посторонняго содѣйствія.

«Отъ развитія образованности въ массѣ съ увѣренностію можно ожидать многихъ результатовъ. Вопервыхъ, работники еще меньше нынѣшняго будутъ имѣть охоты, чтобы другіе люди руководили и управляли ими помощію одного авторитета и репутаціи своего старшинства. Если уже и теперь не имѣютъ они, то послѣ еще меньше будутъ имѣть почтительной робости или суевѣрной послушности, держащей ихъ въ умственномъ подданствѣ высшему классу. Теорія зависимости и покровительства будетъ становиться для нихъ все несноснѣе и они станутъ требовать, чтобы въ сущности самимъ имъ было оставлено опредѣлять свое положеніе и образъ своихъ дѣйствій. Очень возможно, что при этомъ во многихъ случаяхъ они будутъ требовать вмѣшательства законодательной власти въ ихъ дѣла и законодательнаго регулированія многихъ касающихся до нихъ предметовъ и часто будутъ при этомъ сами ошибаться относительно своей выгоды. Но все-таки они будутъ желать исполненія своей собственной воли, своихъ собственныхъ мыслей и предположеній. Нимало не будетъ противорѣчить этому, что они станутъ чувствовать уваженіе къ людямъ, превосходящимъ ихъ знаніями и умственнымъ развитіемъ, и станутъ во многомъ полагаться на мнѣнія лицъ, считающихся у нихъ хорошо знакомыми съ предметомъ, — это глубоко лежитъ въ человѣческой природѣ; но они сами станутъ судить о томъ, какія лица достойны или недостойны подобнаго довѣрія.

«Непремѣннымъ послѣдствіемъ умственнаго развитія, просвѣщенія и любви къ независимости въ рабочихъ классахъ я считаю возрастаніе здраваго смысла, обнаруживающагося въ предусмотрительныхъ привычкахъ; потому не сомнѣваюсь, что число населенія будетъ тогда составлять постепенно все меньшую и меньшую пропорцію сравнительно съ капиталомъ и количествомъ занятія. Ходъ этого благотворнаго результата будетъ значительно ускоряться другою перемѣною, прямо лежащею на пути лучшихъ тенденцій нашего времени, — открытіемъ одинаковой свободы въ промышленныхъ занятіяхъ для обоихъ половъ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ прекратилась необходимость бѣдному быть въ зависимости отъ богатаго, прекратилась также необходимость женщинѣ быть въ зависимости отъ мужчины, и наименьшее, чего требуетъ справедливость, состоитъ въ томъ, чтобы законъ и обычай не ставили насильственно женщинъ (по достиженіи совершеннолѣтія) въ зависимость своими правилами, по которымъ женщина, не получившая средствъ къ жизни черезъ наслѣдство, почти не имѣетъ теперь никакой возможности пріобрѣтать средства къ жизни иначе, какъ становясь женою и матерью. Пусть женщины, предпочитающія эту карьеру другимъ, принимаютъ ее; но теперь для огромнаго большинства женщинъ нѣтъ никакого выбора, никакой возможности другой карьеры, кромѣ того, какъ быть служанкою, — это явная и сильная общественная несправедливость. Конечно, недалеко уже время, когда будутъ признаны величайшимъ препятствіемъ нравственному, общественному и даже

умственному улучшенію общества тѣ понятія и учрежденія, по которымъ случайное различіе пола служитъ основаніемъ неравенства юридическихъ правъ и вынужденнаго различія въ общественныхъ отношеніяхъ. Изъ числа вѣроятныхъ послѣдствій промышленной и общественной независимости женщинъ здѣсь я укажу только одно — сильное уменьшеніе чрезмѣрнаго размноженія. Цѣлую половину человѣческаго рода мы обрекли исключительно на эту функцію, сдѣлали ее единственнымъ содержаніемъ цѣлой жизни одного пола и переплели ее почти со всякою дѣятельностію другаго пола, — вотъ причина тому, что животный инстинктъ размноженія развивается до чрезмѣрнаго перевѣса, какимъ до сихъ поръ пользовался въ человѣческой жизни.

«Слишкомъ обширнымъ предметомъ для нашего трактата было бы изложеніе политическихъ результатовъ того, что ростетъ сила и важность рабочихъ классовъ. Но ограничиваясь экономическою стороною дѣла, я полагаю, что несмотря на перемѣну въ распредѣленіи продукта къ ихъ выгодѣ, какая будетъ произведена развитіемъ образованности въ рабочихъ классахъ и справедливыми законами, — я полагаю, что несмотря на эту перемѣну, они все-таки никакъ не удовольствуются навсегда тѣмъ своимъ положеніемъ, что работаютъ по найму, — не захотятъ они видѣть въ этомъ своего окончательнаго состоянія. Въ нынѣшнемъ періодѣ человѣческаго прогресса, нельзя ожидать, чтобы навсегда удержалось раздѣленіе человѣческаго рода на два наслѣдственные класса, хозяевъ и ихъ работниковъ. Это отношеніе почти столько же неудовлетворительно и для хозяина, дающаго плату, какъ и для работника, получающаго ее. Если богатые смотрятъ на бѣдныхъ, какъ будто на людей, отъ природы назначенныхъ быть ихъ слугами и подчиненными, то бѣдные въ свою очередь смотрятъ на богатыхъ, просто какъ на добычу, которую надобно обирать, какъ на предметъ рѣшительно безграничныхъ просьбъ и ожиданій, возрастающихъ съ каждою уступкою. Совершенный недостатокъ уваженія къ справедливости въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ столько же замѣтенъ и въ работникахъ, сколько въ хозяевахъ. Напрасно ищемъ мы въ массѣ работниковъ той справедливой гордости, которая хочетъ давать за хорошую плату хорошую работу; почти всѣ они стараются лишь о томъ, чтобы получить какъ можно больше, а возвратить въ формѣ работы какъ можно меньше. Раньше или позже, классу хозяевъ покажется невыносимо жить въ тѣсномъ ежеминутномъ соприкосновеніи съ лицами, интересы и чувства которыхъ враждебны имъ. Капиталисты почти столько же, какъ работники, заинтересованы въ томъ, чтобы придать промышленнымъ операціямъ устройство, при которомъ люди, работающіе на нихъ, имѣли бы къ дѣлу такой же интересъ, какъ имѣютъ люди, работающіе сами на себя.

«Мнѣніе о мелкой поземельной собственности и поселянахъ-собственникахъ, высказанное въ одной изъ предъидущихъ книгъ моего трактата, вѣроятно заставляетъ читателя предполагать, что широкое распространеніе поземельной собственности представляется мнѣ средствомъ вывесть по крайней мѣрѣ земледѣльческихъ работниковъ изъ-подъ исключительной зависимости отъ наемной платы. Но мое мнѣніе не таково. Правда, я полагаю, что эта форма земледѣльческаго хозяйства опорочена самымъ неосновательнымъ образомъ, и что по всей суммѣ своего вліянія

на человѣческое счастіе она далеко выше всѣхъ нынѣ существующихъ формъ наемнаго труда: размноженіе сдерживается въ ней благоразуміемъ прямѣе, и, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, успѣшнѣе; кромѣ того, по обезпеченности, по независимости, по употребленію въ дѣло всѣхъ высшихъ способностей, состояніе земледѣльца-собственника гораздо выше состоянія земледѣльческаго работника въ Англіи и другихъ старыхъ странахъ. Гдѣ система мелкой поземельной собственности уже существуетъ и дѣйствуетъ вообще удовлетворительно, тамъ, кажется мнѣ, жаль было бы при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго просвѣщенія видѣть, что она уничтожается для замѣны наемнымъ трудомъ по педантическому мнѣнію, будто бы улучшенное земледѣліе должно быть одинаково при всевозможномъ различіи обстоятельствъ. Гдѣ промышленное развитіе низко, какъ въ Ирландіи, тамъ я желаю введенія этой системы предпочтительно передъ исключительною системою наемнаго труда, потому что она могущественнѣе поднимаетъ населеніе изъ полудикой небрежности и безпечности къ упорному трудолюбію и благоразумной разсчетливости.

«Но народъ, однажды принявшій систему производства въ большомъ размѣрѣ,— фабричнаго или земледѣльческаго производства, все равно, — едва ли отступитъ отъ нея; и если населеніе сдерживается въ должной пропорціи къ средствамъ продовольствія, то и не слѣдуетъ желать, чтобы онъ отступалъ отъ нея. Трудъ безспорно производительнѣе бываетъ при системѣ обширныхъ промышленныхъ предпріятій, и продукта получается отъ нихъ больше, если не по абсолютной суммѣ, то по пропорціи къ употребленному на нее труду; равное число лицъ можетъ содержаться тутъ въ равномъ благосостояніи съ меньшимъ трудомъ и большимъ досугомъ; а это будетъ давать полное превосходство обширнымъ предпріятіямъ, когда цивилизація улучшится настолько, что выгода цѣлаго дѣла станетъ выгодою каждаго участвующаго въ немъ. Съ нравственной стороны вопроса, которая еще важнѣе экономической, надобно цѣлью промышленнаго развитія ставить нѣчто лучшее, чѣмъ система, которая разбрасываетъ людей по землѣ отдѣльными семействами, находящимися каждое подъ управленіемъ патріархальнаго деспота, какъ теперь, и почти не имѣющими ни общности интересовъ, ни необходимаго умственнаго сношенія съ другими людьми. Владычество главы семейства надъ другими членами безгранично при этомъ состояніи, а мысли этого главы ведутся такимъ порядкомъ къ сосредоточенію всѣхъ выгодъ на семействѣ, которое онъ считаетъ своею принадлежностію, къ сосредоточенію всѣхъ страстей на страсти исключительнаго обладанія, всѣхъ заботъ на заботѣ объ охраненіи и пріобрѣтеніи. Можно съ удовольствіемъ смотрѣть на такое нравственное состояніе, какъ на шагъ изъ чисто животнаго состоянія къ человѣческому быту, на шагъ отъ безпечнаго повиновенія животнымъ инстинктамъ къ предусмотрительному благоразумію и самообладанію. Но если мы хотимъ, чтобы существовали общественные интересы, благородныя чувства, истинная справедливость и равенство, то школою, воспитывающею эти качества, служитъ не разъединеніе, а ассоціація интересовъ. Цѣлью улучшеній должно быть не одно то, чтобы поставить людей въ положеніе, дающее возможность обходиться другъ безъ друга, но и то, чтобы они могли трудиться

другъ съ другомъ или другъ на друга въ отношеніяхъ независимыхъ. Людямъ, живущимъ своею работою, до сихъ поръ не было другаго выбора, какъ или работать каждому особо отъ другихъ, или работать на хозяина. Но цивилизующее и развивающее вліяніе товарищества, успѣшность и экономія производства въ большомъ размѣрѣ могутъ быть достигнуты безъ раздѣленія производителей на двѣ партіи съ враждебными интересами и чувствами, какъ теперь, когда многіе работаютъ простыми служителями подъ командою одного, дающаго средства къ работѣ, и не имѣютъ въ дѣлѣ никакой своей выгоды, кромѣ той, чтобы получать рабочую плату, работая какъ можно меньше. Изслѣдованія и пренія послѣднихъ 50 лѣтъ и событія послѣднихъ десяти лѣтъ достаточно разъяснили этотъ вопросъ. Если современное положеніе дѣлъ на континентѣ, не успѣетъ подвинуть назадъ человѣческую мысль, то нельзя сомнѣваться, что положеніе наемныхъ работниковъ будетъ постепенно идти къ тому, что наконецъ останутся въ немъ лишь тѣ работники, которые по недостатку нравственныхъ качествъ неспособны къ положенію, болѣе независимому; а отношеніе между хозяевами и работниками постепенно замѣнится товариществомъ двухъ слѣдующихъ формъ: на время и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ассоціаціею работниковъ съ капиталистомъ, а въ другихъ случаяхъ, и напослѣдокъ во всѣхъ, товариществомъ между самими работниками.

«Первая изъ этихъ формъ ассоціаціи существуетъ давно, но не какъ правило, а въ видѣ исключенія. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности уже встрѣчаются случаи, гдѣ каждый участвующій въ дѣлѣ или трудомъ или денежными средствами имѣетъ въ выгодахъ дѣла долю, соразмѣрную съ цѣнностью его участія. Уже вошло во всеобщее обыкновеніе вознаграждать процентами изъ прибыли тѣхъ, которымъ хозяева должны особенно довѣрять; есть случаи, въ которыхъ тотъ же принципъ съ превосходнымъ успѣхомъ распространенъ и на классъ простыхъ чернорабочихъ.

«На американскихъ корабляхъ, ведущихъ торговлю съ Китаемъ, давно принято, чтобы каждый матросъ имѣлъ свой процентъ изъ прибыли каждаго рейса; этому приписываютъ фактъ, что матросы тутъ вообще держатъ себя хорошо и чрезвычайно рѣдки столкновенія между ними и правительствомъ или народомъ Китайской имперіи. Подобнымъ примѣромъ въ Англіи служатъ корнуэлльскіе рудокопы, положеніе которыхъ менѣе знакомо публикѣ, чѣмъ слѣдовало бы. «Въ Корнуэллѣ рудники разработываются по строгой системѣ товарищества; партіи рудокоповъ заключаютъ съ повѣреннымъ владѣльца рудника условіе разработать извѣстную часть рудной жилы и приготовить руду на продажу, получая сами извѣстный процентъ изъ суммы, за которую будетъ продана руда. Контракты эти заключаются на извѣстные сроки, вообще на два мѣсяца, и разработку по ихъ условіямъ берутъ на себя артели добровольныхъ участковъ, привычныхъ къ работѣ. Система эта имѣетъ свои невыгоды по невѣрности и неправильности въ полученіи денегъ работниками, которымъ приходится иногда жить въ долгъ; но въ ней есть выгоды, съ избыткомъ перевѣшивающія это неудобство. Она развиваетъ ту образованность, независимость и нравственность, по которымъ матеріальное положеніе и характеръ корнуэлльскаго рудокопа гораздо выше обыкновеннаго между работниками уровня. Докторъ Бергемъ говоритъ, что «корнуэлльскіе рудокопы вообще не только люди

образованные сравнительно съ другими работниками, но и безусловно — люди, хорошо образованные; въ характерѣ ихъ есть независимость, похожая на американскую, благодаря системѣ контрактовъ, оставляющей имъ полную свободу распоряжаться дѣломъ между собою, такъ что каждый изъ нихъ, какъ компаньонъ своей маленькой фирмы, чувствуетъ себя при встрѣчѣ съ хозяиномъ почти равнымъ ему. Зная образованность и независимость ихъ характера, мы не удивимся услышавъ, что очень многіе рудокопы имѣютъ теперь свои участки, снятые по контрактамъ на три жизни или на 99 лѣтъ, и живутъ на этихъ участкахъ въ собственныхъ домахъ; что 281,541 фунтъ находится въ сберегательныхъ кассахъ Корнуэлля, и двѣ трети изъ этой суммы принадлежатъ рудокопамъ» [1]).

«Беббэджъ, также разсказывающій объ этой системѣ, говоритъ, что плата матросамъ на китоловныхъ судахъ опредѣляется на подобномъ основаніи, а «прибыль отъ ловли рыбы сѣтями на южномъ берегу Англіи дѣлится такимъ образомъ, что половина продукта принадлежитъ владѣльцу лодки и сѣтей; а другая половина, поровну, дѣлится между людьми, ловившими рыбу, обязанными также помогать въ починкѣ сѣтей, когда понадобится.» Беббэджу принадлежитъ та великая заслуга, что онъ указалъ возможность и выгодность распространить этотъ принципъ вообще на всю фабричную промышленность (Babbage, Economy of Machinery and Manufactures, изд. 3, гл. 26).

«Довольно большое вниманіе возбудилъ опытъ этого рода, начатый лѣтъ шестнадцать тому назадъ въ Парижѣ подрядчикомъ — маляромъ Леклеромъ (заведеніе котораго помѣщалось rue Saint Georges № 11) и описанный имъ въ брошюрѣ, изданной въ 1842 г. Леклеръ говоритъ въ этой брошюрѣ, что у него работаютъ среднимъ числомъ до двухъ сотъ человѣкъ, которымъ онъ платитъ обыкновенное опредѣленное жалованье. Себѣ онъ назначаетъ кромѣ процентовъ за свой капиталъ опредѣленную сумму за свою отвѣтственную работу по управленію дѣломъ. Въ концѣ года остальная прибыль дѣлится между всѣми, считая тутъ и его самого, пропорціонально платѣ, получаемой каждымъ [2]). Очень поучительны причины, заставившія Леклера принять эту систему. Находя своихъ работниковъ неудовлетворительными, онъ сначала попробовалъ дать имъ больше жалованья и такимъ образомъ успѣлъ получить превосходныхъ работниковъ, которые уже не промѣняли бы его ни на какого другаго хозяина. «Успѣвъ достичь такимъ способомъ нѣкоторой прочности въ дѣлахъ своего заведенія, Леклеръ ожидалъ, что теперь ему будетъ

[1]) Отрывокъ этотъ взятъ изъ Prize Essays on the Causes and Remedies of National Distress, by Samuel Laing; слова Бергема, приводимыя Ленгомъ, взяты изъ приложенія къ Report of the Children's Employment Commission.

[2]) Но мы видимъ, что допущенные къ этому участію въ прибыли работники составляютъ только часть (нѣсколько менѣе половины) всего числа людей, работающихъ у Леклера. Это объясняется тою чертою его системы, что онъ платитъ всѣмъ своимъ работникамъ полное рыночное жалованье. Потому назначенная имъ доля прибыли служитъ вся уже прибавкою къ обыкновеннымъ доходамъ работниковъ малярнаго мастерства, и онъ очень хорошо поступаетъ, дѣлая ее средствомъ къ ихъ улучшенію, наградою за усердіе или вознагражденіемъ за особенную благонадежность.

спокойнѣе (я пользуюсь тутъ извлеченіемъ изъ брошюры Леклера въ Chambers' Journal, for Septembrer 27, 1845), но онъ обманулся въ этомъ. Пока онъ могъ наблюдать самъ за всѣмъ отъ общаго веденія дѣлъ до мельчайшихъ подробностей, дѣло шло удовлетворительно; но когда по расширеніи своихъ оборотовъ онъ могъ только остаться центромъ, отъ котораго выходятъ распоряженія, и которому приносятся отчеты, тотчасъ же подвергся онъ прежнимъ тревогамъ и неудовольствіямъ. Другимъ источникамъ промышленныхъ непріятностей онъ не придаетъ большой важности, но безпорядочное поведеніе работниковъ выставляетъ причиною ежеминутныхъ потерь. Хозяинъ имѣетъ работниковъ, равнодушіе которыхъ къ его интересамъ таково, что они не исполняютъ двухъ третей работы, которую могли бы сдѣлать; потому хозяева безпрестанно раздражаются: видя пренебреженіе къ своимъ интересамъ, они находятъ себя въ правѣ полагать, что работники постоянно находятся въ заговорѣ разорить людей, дающихъ имъ хлѣбъ. Еслибы работникъ былъ увѣренъ, что не останется безъ работы, его положеніе съ нѣкоторыхъ сторонъ было бы пріятнѣе, чѣмъ положеніе хозяина: онъ впередъ знаетъ, что получитъ извѣстную плату и получитъ ее, хорошо ли, дурно ли работаетъ. Онъ не подвергается риску и возбуждается къ добросовѣстной работѣ лишь чувствомъ долга. А выручка хозяина, напротивъ, значительно подвергнута риску; онъ постоянно имѣетъ непріятности и безпокойства. Далеко не такъ было бы, еслибы интересы хозяина и работниковъ были связаны между собою, соединены какими нибудь узами взаимнаго обезпеченія, какъ, напримѣръ, системою ежегоднаго раздѣла прибыли.»

«Леклеръ достигъ замѣчательнаго успѣха уже и въ первый годъ полнаго дѣйствія своей попытки. Изъ работниковъ, работавшихъ всѣ триста дней, ни одинъ не получилъ въ этотъ годъ меньше 1,500 франковъ, а нѣкоторые получили значительно больше. Высшая плата у него была 4 франка въ день или 1,200 фр. за 300 дней; потому остальные 300 фр. слѣдуетъ считать наименьшею суммою, какую поденьщикъ, работавшій 300 дней, получилъ на свою долю изъ чистой прибыли. Леклеръ сильными выраженіями описываетъ улучшеніе, уже и тогда обнаружившееся въ привычкахъ и образѣ дѣйствій его работниковъ не только за работою и въ отношеніяхъ съ нимъ, но и во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ отношеніяхъ: въ работникахъ видно стало больше уваженія и къ другимъ и къ самимъ себѣ. Въ 1847 году эта система еще сохранялась, и мы узнаемъ изъ Шевалье, что усердіе работниковъ продолжало даже и въ денежномъ смыслѣ вполнѣ вознаграждать Леклера за пожертвованіе частью прибыли въ ихъ пользу *).

*) «Я знаю отъ г. Леклера, что выгода отъ чрезвычайнаго усердія, какимъ одушевлены его работники со времени принятія системы соучастія въ прибыли, съ излишкомъ вознаграждаетъ пожертвованіе, состоящее въ суммѣ паевъ, которые онъ назначаетъ имъ.» Lettres sur l'organisation du travail, par M. Chevalier (1848), письмо XIV. Одинъ путешественникъ, недавно бывшій на Филиппинскихъ островахъ, говоритъ о похожей на Леклерову системѣ у китайцевъ въ Манильѣ. «У китайцевъ хозяинъ лавки обыкновенно привлекаетъ къ своему дѣлу все усердіе служащихъ въ его лавкѣ его соотечественниковъ, давая каждому изъ нихъ долю изъ прибыли дѣла или дѣлая ихъ всѣхъ маленькими компаньонами въ своей тор-

«Но если человѣческій родъ будетъ продолжать развиваться, то надобно ожидать, что напослѣдокъ станетъ господствовать не та форма ассоціаціи, которая можетъ существовать между капиталистомъ, какъ главою дѣла, и работниками, не имѣющими голоса въ управленіи, а другая форма — ассоціація самихъ работниковъ на условіяхъ равенства, съ принадлежностью всему ихъ обществу капитала, на который ведутся ихъ операціи и подъ управленіемъ распорядителей, избираемыхъ и смѣняемыхъ ими самими. Пока эта идея еще оставалась только теоріею въ сочиненіяхъ Овена или Луи-Блана, могла она казаться для обыкновеннаго разсужденія неосуществимой; могло казаться, что попытокъ къ ея осуществленію нельзя сдѣлать иначе, какъ конфискаціею существующаго капитала въ пользу работниковъ; и въ Англіи и на континентѣ есть и до сихъ поръ много людей, воображающихъ, а еще больше говорящихъ, что таковъ смыслъ и такова цѣль соціализма. Но въ массахъ есть способность къ энергіи и къ самоотреченію, выказывающаяся только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда призываютъ ее во имя какой нибудь великой идеи или возвышеннаго чувства. Такой призывъ былъ сдѣланъ во Франціи въ 1848 году. Ободренные имъ, многіе работники пришли къ рѣшимости работать другъ на друга, вмѣсто того, чтобъ работать на хозяина-негоціанта или на фабриканта, — пришли и къ рѣшимости освободиться, какихъ бы трудовъ и лишеній ни стоило то, отъ необходимости платить изъ продукта своего труда тяжелую дань за пользованіе капиталомъ, уничтожить эту подать не отнятіемъ у капиталистовъ того, что пріобрѣли они или ихъ предшественники посредствомъ труда и сохранили посредствомъ экономіи, а честнымъ пріобрѣтеніемъ капитала для себя. Еслибъ лишь немногіе работники взялись за это тяжелое дѣло или если бы взялись за него многіе, а успѣли въ немъ лишь немногіе, то можно было бы сказать, что ихъ успѣхъ не служитъ аргументомъ въ пользу ихъ системы, какъ нормальнаго способа промышленной организаціи; но кромѣ всѣхъ случаевъ неудачи, существуютъ или недавно существовали болѣе ста успѣшныхъ и въ томъ числѣ много чрезвычайно цвѣтущихъ ассоціацій работниковъ въ одномъ Парижѣ, кромѣ значительнаго числа въ департаментахъ. Поучительный очеркъ ихъ исторіи и принциповъ издалъ Фёгре подъ заглавіемъ: L'Association Ouvrière Industrielle et Agricole. Въ Англіи газеты часто утверждаютъ, что парижскія ассоціаціи не удались (люди, пишущіе это, какъ будто по недоразумѣнію приняли предсказанія ихъ враговъ при ихъ возникновеніи за свидѣтельство о послѣдующемъ результатѣ опыта); потому я считаю нужнымъ показать выписками изъ Фёгре, что эти отзывы не только лишены истины, а прямо противоположны ей.

говлѣ, въ которой онъ, разумѣется, не забываетъ оставлять себѣ львиную часть, такъ-что, принося ему пользу хорошимъ исполненіемъ дѣла, они доставляютъ выгоду и себѣ. Этотъ принципъ развитъ до того, что даже кули, вмѣсто опредѣленнаго жалованья, получаютъ долю изъ прибыли дѣла, и кажется, что эта система соотвѣтствуетъ характеру ихъ: работая за опредѣленную плату, они очень лѣнивы; но если заинтересованы хотя ничтожнѣйшею долею изъ прибыли, то оказываются усерднѣйшими и полезнѣйшими работниками.» Mac Micking, Recollections of Manilla and the Philippines during 1848, 1849 and 1850, стр. 24.

«Почти у всѣхъ ассоціацій капиталъ первоначально ограничивался немногими инструментами, принадлежавшими основателямъ, и маленькими суммами, какія могли быть собраны ихъ сбереженіями или получены ими взаемъ отъ другихъ работниковъ, такихъ же бѣдняковъ, какъ они. Нѣкоторымъ ассоціаціямъ сдѣланы были ссуды отъ республиканскаго правительства; но оказывается, что вовсе не принадлежали къ числу успѣшнѣйшихъ тѣ ассоціаціи, которыя получили такія ссуды, или по крайней мѣрѣ тѣ, которыя получили ихъ до упроченія своего успѣха. Поразительнѣйшіе примѣры процвѣтанія находятся между тѣми ассоціаціями, у которыхъ не было никакой опоры, кромѣ ихъ собственныхъ скудныхъ средствъ и мелкихъ ссудъ отъ другихъ работниковъ и члены которыхъ сначала питались лишь хлѣбомъ съ водою, посвящая весь остатокъ заработываемыхъ денегъ на составленіе капитала. «Часто касса была совершенно пуста, говоритъ Фёгре (стр. 112), и платы не было никакой. А продажа не шла, и денегъ за проданное надобно было еще ждать; векселя не принимались къ дисконту, а магазинъ матеріаловъ былъ пустъ; и надобно было терпѣть лишенія, обрѣзывать себя во всѣхъ издержкахъ, ограничиваться иногда хлѣбомъ съ водой... Такими-то мученіями и лишеніями, такимъ-то скорбнымъ путемъ люди, не имѣвшіе въ началѣ почти никакихъ средствъ, кромѣ твердой воли и своихъ рукъ, достигли того, что создали себѣ кругъ покупателей, пріобрѣли кредитъ, создали наконецъ общественный капиталъ и основали ассоціаціи, будущность которыхъ теперь кажется упроченною.»

«Я вполнѣ приведу замѣчательную исторію одной изъ такихъ ассоціацій (Фёгре, стр. 113—116).

«Необходимость большаго капитала для основанія фортепьянной фабрики была вполнѣ сознаваема классомъ фортепьянныхъ работниковъ, такъ что въ 1848 г. нѣсколько сотъ ихъ, соединившись для образованія большой ассоціаціи, просили для нея у правительства пособія въ 300,000 фр., то есть, десятой части всего фонда, назначеннаго конститутивнымъ собраніемъ въ пособіе ассоціаціямъ. Я помню, что будучи членомъ коммиссіи, распредѣлявшей этотъ фондъ, я напрасно старался убѣдить двухъ выборныхъ, присланныхъ въ коммиссію отъ ассоціаціи, что просьба ихъ чрезмѣрна. Всѣ мои слова остались безуспѣшны; напрасно я толковалъ съ ними часа два. Выборные отвѣчали мнѣ все одно и то же, — что ихъ промыселъ находится въ исключительномъ положеніи, что ассоціація не можетъ основаться съ надеждою на успѣхъ иначе, какъ въ большомъ размѣрѣ и съ большимъ капиталомъ, что 300,000 фр. — наименьшая сумма, ниже которой не могутъ они спуститься, — словомъ сказать, что не могутъ они уменьшить своего требованія ни на одинъ су. Коммиссія отказала.

«Послѣ этого отказа планъ большой ассоціаціи былъ покинутъ. Но вотъ дальнѣйшая исторія. 14 человѣкъ работниковъ (и, — странное дѣло, въ числѣ ихъ одинъ изъ двухъ выборныхъ) рѣшились одни основать ассоціацію для дѣланія фортепьяно, — это было опрометчивостью, если не безумствомъ со стороны людей, не имѣвшихъ ни денегъ, ни кредита; но вѣра не разсуждаетъ, а дѣйствуетъ.

«Итакъ, эти 14 человѣкъ принялись за дѣло, и вотъ разсказъ о ихъ первыхъ трудахъ.

«Нѣкоторые изъ членовъ ассоціаціи, работавшіе прежде на свой счетъ, внесли въ нее инструментовъ и матеріаловъ тысячи на двѣ франковъ. Кромѣ того, нуженъ былъ оборотный капиталъ. Товарищи, не безъ труда, внесли каждый по 10 фр. Нѣсколько работниковъ, не принадлежавшихъ къ ассоціаціи, выразили ей свое сочувствіе слабыми приношеніями. Словомъ сказать, 10 марта 1849 г. набралось 229 фр. 50 сантимовъ и ассоціація была объявлена основанною.

«Этой суммы не было достаточно даже для найма квартиры и мелкихъ ежедневныхъ издержекъ по содержанію мастерской. На плату за работу ничего не оставалось, и около двухъ мѣсяцевъ члены ассоціаціи провели не получая ни сантима. Какъ они жили въ это критическое время? Какъ живутъ работники во время остановки работы, — раздѣляя обѣдъ какого нибудь товарища, продавая или закладывая вещь за вещью изъ своего имущества.

«Кончено было нѣсколько работъ. 4 мая получены были деньги за нихъ. Этотъ день для работниковъ былъ то же, что для войска первая побѣда въ походѣ. По уплатѣ всѣхъ долговъ, требовавшихъ немедленной уплаты, остался на члена ассоціаціи дивидендъ въ 6 фр. 61 сантимъ. Они согласились взять по 5 фр. въ зачетъ рабочей платы, а остальное посвятить на братскій обѣдъ. Члены ассоціаціи, большая часть изъ которыхъ уже годъ не пили вина, собрались на обѣдъ съ женами и дѣтьми. Израсходовано было по 1 фр. 60 сант. на семейство. Въ мастерскихъ до сихъ поръ говорятъ объ этомъ днѣ съ чувствомъ, котораго трудно не раздѣлять.

«Еще мѣсяцъ пришлось довольствоваться платою по 5 фр. въ недѣлю. Въ іюнѣ, одинъ булочникъ, меломанъ или спекулянтъ, предложилъ купить фортепьяно съ уплатою хлѣбомъ. Фортепьяно продали за 480 фр. Это было великимъ счастіемъ для ассоціаціи: теперь она имѣла по крайней мѣрѣ необходимое. Хлѣбъ рѣшили не ставить въ зачетъ платы. Каждый бралъ его по своей надобности, или, лучше сказать, по надобности своей семьи, — женатые имѣли право брать хлѣбъ на домъ, женамъ и дѣтямъ.

«Между тѣмъ ассоціація, составленная изъ отличныхъ работниковъ, постепенно побѣждала препятствія и лишенія, затруднявшія начало дѣла. Кассовыя книги ея служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ успѣховъ, какіе пріобрѣтались ея работами во мнѣніи покупателей. Съ августа 1849 г. недѣльная плата поднимается до 10, потомъ 15, наконецъ 20 франковъ. Но эта послѣдняя сумма не представляетъ еще всей выгоды: каждый членъ оставлялъ въ общемъ фондѣ гораздо больше, чѣмъ получалъ.

«Дѣйствительно, положеніе каждаго члена ассоціаціи надобно опредѣлять не по суммѣ, еженедѣльно получаемой имъ, а по долѣ, какая принадлежитъ ему въ имуществѣ заведенія, уже ставшаго большимъ. Вотъ счетъ положенія ассоціація, взятый мною изъ инвентаря 30 декабря 1850 г.

«Въ это время членовъ ассоціаціи считается 32. Обширныя мастерскія или магазины, нанимаемыя за 2,000 франковъ, уже тѣсны для нихъ.

	фр.	сант.
Кромѣ инструментовъ, цѣнящихся въ.	5,922	60
Они имѣютъ товаровъ, и особенно матеріаловъ, на	22,972	28
Въ кассѣ находится	1,021	10
Въ портфелѣ, цѣнностей на	3,540	—
По счету должниковъ [1])	5,861	90
Итого, имущество ассоціаціи простирается до . .	39,317	88
Изъ этого итога надобно вычесть только 4,737 фр. 86 сант. долговъ кредиторамъ и 1,650 фр. долговъ 24 участникамъ [2]), всего.	6,387	86
Въ остаткѣ.	32,390	2

«Таково дѣйствительное имущество ассоціаціи, состоящее изъ нераздѣльнаго капитала и резервнаго капитала ея членовъ. Ассоціація имѣла тогда въ постройкѣ 76 фортепьянъ и получала заказовъ больше, чѣмъ могла принять.

«Удивительныя качества, которыми восторжествовали ассоціаціи надъ первоначальными затрудненіями, все увеличивали потомъ успѣхъ ихъ. Дисциплинарныя правила въ ассоціаціяхъ не слабѣе, а напротивъ, строже, чѣмъ въ обыкновенныхъ мастерскихъ. Но этимъ правиламъ работники подчинились сами, для очевидной выгоды своей общины, а не для удобства хозяина, выгоды котораго считаютъ они противоположными своимъ; потому исполняются эти правила гораздо добросовѣстнѣе, и добровольное повиновеніе пробуждаетъ въ работникахъ чувство личнаго достоинства. Съ удивительной быстротой работники ассоціацій поняли надобность исправить идеи, съ которыхъ они начали, когда эти идеи оказывались несогласны съ разсудкомъ и опытомъ. Сначала почти всѣ ассоціаціи не допускали поштучной работы и давали равную плату, какъ бы ни была исполнена работа. Почти всѣ они отмѣнили эту систему и назначивъ каждому minimum платы, достаточной для жизни, остальное вознагражденіе даютъ они по разсчету исполненной работы; и прибыль въ концѣ года почти всѣ они получили пропорціонально заработанному жалованью.

«Эти ассоціаціи прямо говорятъ, что существуютъ онѣ не для одной частной выгоды своихъ членовъ, а для доставленія торжества дѣлу сотрудничества. Потому съ каждымъ расширеніемъ своихъ оборотовъ они принимаютъ новыхъ членовъ, — берутъ ихъ не въ наемные работники себѣ, а прямо даютъ имъ полную выгоду товарищества, не требуя отъ нихъ никакого взноса, кромѣ ихъ труда: единственное условіе для новаго работника лишь то, что онъ извѣстное недолгое время будетъ получать меньшую противъ прежнихъ долю при годичномъ раздѣлѣ прибыли, въ нѣкоторое вознагражденіе за пожертвованія прежнихъ членовъ ассоціаціи. Когда членъ покидаетъ ассоціацію, — въ чемъ онъ всегда воленъ, — онъ не получаетъ ничего изъ капитала, остающагося нераздѣльною собственностію, которою пользу-

[1]) Эти послѣднія двѣ статьи состоятъ изъ вѣрныхъ векселей которые почти всѣ уплачены потомъ.

[2]) Эти участники — работники фортепьяннаго ремесла, дававшіе ссуды при началѣ ассоціаціи; часть долговъ имъ уплачена въ началѣ 1851. Счетъ кредиторовъ также очень уменьшился: 23 апрѣля онъ простирался только до 1,113 франковъ 59 сантимовъ.

ются члены ассоціаціи, пока остаются въ ней, но которая не въ произвольномъ ихъ распоряженіи: по правилу почти всѣхъ уставовъ, даже при разрушеніи ассоціаціи капиталъ не дѣлится, а долженъ быть употребленъ весь на какое нибудь благотворительное или общеполезное дѣло. Опредѣленная и вообще значительная доля годичной прибыли не дѣлится между членами, а прибавляется къ капиталу ассоціаціи или обращается на уплату прежнихъ займовъ ея; другая доля отлагается на содержаніе больныхъ и стариковъ, а третья — на составленіе фонда для основанія новыхъ ассоціацій или на пособіе нуждающимся ассоціаціямъ. Распорядители получаютъ подобно другимъ членамъ жалованье за время, занятое у нихъ должностію, обыкновенно по разсчету самой высшей платы простымъ работникамъ; но принято за правило, что административная власть не даетъ никакого процента изъ прибыли.

«Грустно думать, что эти общества, основанныя самоотверженіемъ парижскихъ работниковъ, упроченныя ихъ усердіемъ къ общей пользѣ и разсудительностію, подвергаются теперь опасности уничтоженія по вліянію политическихъ событій [1]). До 2 декабря 1851 г. объ ассоціаціяхъ можно было говорить не съ одною надеждою, но и съ положительными доказательствами, что онѣ могутъ успѣшно выдерживать соперничество капиталистовъ. «Ассоціаціи, основанныя два года тому назадъ, говорилъ Фёгре (стр. 37 и 38), встрѣчали много затрудненій; большая часть изъ нихъ почти вовсе не имѣли капитала; имъ представлялись опасности, всегда грозящія нововводителямъ и начинающимъ людямъ. Однакоже во многихъ изъ отраслей промышленности, въ которыхъ основаны ассоціаціи, онѣ уже составляютъ для прежнихъ формъ страшное соперничество, даже вызывающее многочисленныя жалобы отъ буржуазіи, — не отъ однихъ трактирщиковъ, кандитеровъ и парикмахеровъ, не въ однихъ этихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ свойство дѣла дозволяетъ ассоціаціямъ разсчитывать на простонародныхъ покупателей, а также и въ другихъ промышленностяхъ, не представляющихъ имъ такой выгоды; напримѣръ, надобно только спросить мебельщиковъ, дѣлающихъ кресла, стулья, скамьи, и мы узнаемъ отъ нихъ, что въ этихъ отрасляхъ производства самыя обширныя заведенія принадлежатъ ассоціаціямъ» [2]).

«Существующія ассоціаціи могутъ быть уничтожены или принуждены эмигрировать, но опытъ, ими данный, не погибнетъ. Онѣ уже просуществовали столько

[1]) Изъ послѣдующихъ извѣстій видно, однакоже, что въ 1854 году еще существовало 25 ассоціацій въ Парижѣ и нѣсколько другихъ въ провинціяхъ, и что многія изъ нихъ были въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Въ счетъ этотъ не включены товарищества для оптовой покупки товаровъ; правительство не преслѣдуетъ ихъ и они сильно размножились, особенно въ южной Франціи. *Прим. Милля.*

[2]) Въ странѣ, гдѣ родилось это благотворное движеніе, оно подверглось тяжелому удару; но оно быстро развивается въ другихъ странахъ, которыя пріобрѣли нѣкоторую политическую свободу и еще сохраняютъ ее. Оно уже составляетъ важную черту въ общественномъ развитіи, столь быстро идущемъ теперь въ Пьемонтѣ. Въ Англіи оно также сдѣлало нѣкоторые успѣхи, благодаря дѣйствію, произведенному статьями и личными усиліями дружескаго общества, состоящаго главнымъ образомъ изъ священниковъ и адвокатовъ. Къ 15 февраля 1856 г., на основаніи Industrial and Provident Societies' Act'а, было въ Англіи учреждено 33 това-

времени, чтобы послужить образцомъ будущаго развитія; онѣ показали, какимъ способомъ будетъ произведена въ обществѣ перемѣна, которая соединитъ свободу и независимость отдѣльнаго работника съ нравственными, умственными и экономическими выгодами производства въ большомъ размѣрѣ и которая безъ насилія или конфискаціи, даже и безъ внезапнаго нарушенія существующихъ привычекъ и ожиданій, осуществитъ въ промышленномъ отношеніи лучшія стремленія. Ассоціаціи, подобныя описаннымъ у насъ, служатъ по самому процессу своего успѣха курсомъ воспитанія работника въ тѣхъ качествахъ дѣятельности и характера, которыми одними и заслуживается и пріобрѣтается успѣхъ. Размножаясь, промышленныя ассоціаціи пойдутъ къ тому, чтобы обнять собою все рабочее сословіе, кромѣ людей по своей неразсудительности или по недостатку нравственныхъ качествъ неспособныхъ научиться дѣйствовать по иной системѣ, кромѣ системы узкаго своекорыстія. При развитіи этой перемѣны капиталисты постепенно будутъ находить свою выгоду въ томъ, чтобы вмѣсто усилій поддержать старую систему съ одними работниками самаго худшаго качества, отдавать свой капиталъ въ ссуду ассоціаціямъ; проценты по такимъ ссудамъ будутъ уменьшаться. Такимъ или инымъ подобнымъ способомъ капиталъ можетъ честно и натурально стать напослѣдокъ общею собственностью всѣхъ участвующихъ въ производительномъ его употребленіи; такое преобразованіе (при которомъ, конечно, оба пола должны имѣть равное участіе въ правахъ и въ управленіи ассоціаціею) было бы самымъ точнѣйшимъ осуществленіемъ общественной справедливости и самымъ благотворнымъ устройствомъ промышленныхъ ассоціацій на всю общую пользу, какое только можно намъ теперь предвидѣть.

«Такимъ образомъ я согласенъ съ соціалистскими писателями въ понятіяхъ о формѣ, къ принятію которой идетъ развитіе промышленныхъ операцій, и совершенно раздѣляю ихъ мнѣніе, что уже созрѣло время для начинанія этой реформы и что ей надобно помогать и поощрять ее всѣми справедливыми и дѣйствительно успѣшными средствами.

На этихъ словахъ я кончаю выписку изъ Милля, оставляя до другаго раза слѣдующія затѣмъ его замѣчанія о соперничествѣ, которыя потребовали бы слишкомъ длинныхъ поясненій.

рищества, изъ которыхъ 17 было промышленныхъ ассоціацій, а другія 16 были обществами для оптовой покупки предметовъ потребленія; въ Шотландіи также эти ассоціаціи быстро умножались. Полагаютъ, что теперь всѣ такія общества учреждаются на основаніи другаго закона, Limited Liabilities Act, просто подъ именемъ акціонерныхъ обществъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что производительныя ассоціаціи нѣсколько уменьшились въ числѣ послѣ перваго періода этого движенія (кромѣ мукомольныхъ ассоціацій, болѣе подходящихъ подъ разрядъ товариществъ для оптовой закупки); да и нельзя имѣть имъ быстраго развитія при нынѣшнемъ нравственномъ состояніи массы населенія. Но тѣ ассоціаціи, которыя удержались, ведутъ свои дѣла въ прежнемъ размѣрѣ, а въ сѣверной Англіи есть примѣры блистательнаго и постоянно возрастающаго успѣха ихъ; успѣхъ и число обществъ оптовой закупки возрастаетъ, собенно въ сѣверной Англіи, и они служатъ лучшимъ подготовленіемъ къ болѣе широкому приложенію принципа.

Прим. Милля.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ВЛІЯНІЕ

(МИЛЛЬ, КНИГА ПЯТАЯ)

А. СФЕРА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО ВЛІЯНІЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ.

(МИЛЛЬ, КНИГА V, ГЛАВА I.)

Правительство составляетъ одну изъ формъ общественной силы и дѣятельности. Съ той поры, какъ явилась въ экономической наукѣ школа, доказывающая недостаточность разрозненныхъ индивидуальныхъ интересовъ и усилій для водворенія благосостоянія въ обществѣ и доставленія обезпеченной жизни индивидуальному лицу, получили важность въ наукѣ споры о степени участія, какое должна имѣть общественная сила въ экономической дѣятельности. V книга Милля посвящена разсмотрѣнію этого вопроса только въ одной изъ частныхъ его формъ, — въ той формѣ, когда общественная сила является съ характеромъ правительства, потому что онъ вообще не любитъ отдаляться мыслію отъ существующихъ отношеній. А въ нихъ значеніе правительства таково, что всякій фактъ экономической дѣятельности общества принимаетъ правительственную форму, если достигаетъ серьезнаго значенія. Есть государства, въ которыхъ индивидуальная дѣятельность менѣе подчинена правительственному вліянію, чѣмъ въ другихъ; но и въ самой Англіи эта зависимость очень велика. Напримѣръ, никакой контрактъ не имѣетъ силы безъ предъявленія правительству, которое разсматриваетъ его условія, и можетъ воспретить его, если онъ не соотвѣтствуетъ правительственнымъ требованіямъ. Если же люди соединяются для общественной дѣятельности, они становятся еще въ бо́льшую зависимость отъ пра-

вительства. Напримѣръ, теперь нѣкоторые толкуютъ въ Англіи о томъ, чтобы парламентъ измѣнилъ уставы такъ-называемыхъ trade's unions, работническихъ обществъ. По всей вѣроятности, парламентъ не захочетъ сдѣлать этого, но если захочетъ, то можетъ. Такимъ образомъ не только надъ всѣми другими формами общественной дѣятельности, но даже и надъ индивидуальною жизнію господствуетъ теперь, даже и въ такихъ странахъ, какъ Англія, та форма общественной дѣятельности, которая извѣстна подъ именемъ правительственной.

Мы дѣлаемъ оговорку о возможности другихъ формъ общественной дѣятельности почти только для того, чтобы предупредить читателя насчетъ разницы между взглядомъ прогрессивной экономической школы и рутинными толкованіями этого взгляда. Когда прогрессисты, или такъ-называемые утописты, говорятъ о расширеніи круга общественной дѣятельности въ экономической жизни, не слѣдуетъ воображать, будто бы они рекомендуютъ расширеніе того, что нынѣ называется правительственной дѣятельностію. Правда, нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ слово „правительство," но они соединяютъ съ нимъ не тотъ смыслъ, какой имѣетъ оно въ обыкновенномъ языкѣ; они тутъ поступаютъ точно такъ же, какъ поступилъ нѣкогда Адамъ Смитъ, воспользовавшійся словами разговорнаго языка для обозначенія понятій, различныхъ отъ разговорнаго значенія этихъ словъ. Какъ у него и его послѣдователей „капиталъ" обозначаетъ не монету, которая называется капиталомъ въ разговорномъ языкѣ, „сбереженіе" обозначаетъ не сохраненіе вещи въ цѣлости, точно такъ и у прогрессистовъ, говорящихъ о правительствѣ, это разговорное слово избирается для обозначенія ихъ спеціальной идеи, различной отъ понятія, принадлежащаго ему въ обыкновенномъ языкѣ. По нашему мнѣнію, этотъ методъ обозначенія новыхъ понятій старыми словами, имѣющими привычный смыслъ, несоотвѣтствующій сущности новаго взгляда, ведетъ къ недоразумѣніямъ, и, какъ порицали мы Адама Смита съ его послѣдователями за выборъ словъ въ родѣ „капиталъ" и „сбереженіе," точно также мы порицаемъ и прогрессистовъ, употребляющихъ слово „правительство" для обозначенія предполагаемыхъ ими формъ общественной дѣятель-

ности, существенно различныхъ отъ правительственной формы. Какъ употребленіе слова „капиталъ“ сбиваетъ съ толку своимъ привычнымъ меркантильнымъ смысломъ, такъ слово „правительство“ вводитъ въ заблужденіе своимъ привычнымъ административнымъ оттѣнкомъ, такъ что считаются многіе за регламентаторовъ мыслители, идеямъ которыхъ ничто такъ не противно, какъ регламентація.

Но этотъ взглядъ, существенно различный отъ понятій, соотвѣтствующихъ нынѣшнему быту, мы изложимъ когда нибудь въ другой разъ; а теперь будемъ разсматривать вещи по нынѣшнему ихъ виду, въ томъ родѣ, какъ разсматриваетъ Милль.

Онъ начинаетъ свою книгу о правительственномъ вліяніи на экономическую жизнь указаніемъ на фактъ очень замѣчательный: прежде спорили о формахъ правительственнаго устройства, теперь спорятъ и о томъ, какія отрасли жизни должны подвергаться правительственному вліянію.

«Обозначеніе надлежащихъ границъ обязанностей и дѣятельности правительствъ — одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ политической науки и государственной критики въ нашу эпоху. Въ прежнія времена предметомъ спора было то, какое устройство должны имѣть правительства, по какимъ принципамъ и правиламъ должны они пользоваться своею властію; а теперь почти столько же разномыслія о томъ, на какія отрасли человѣческихъ дѣлъ должна простираться эта власть. Важность этихъ преній скорѣе должна возрасти, чѣмъ уменьшиться. Нетерпѣливые реформисты, находящіе, что легче и быстрѣе можно овладѣть управленіемъ, чѣмъ умами и наклонностями публики, постоянно влекутся расширять сферу правительственнаго вліянія; а съ другой стороны, человѣческій родъ такъ пріученъ ко вмѣшательствамъ, имѣющимъ цѣлію не общее благо, или порожденнымъ ошибочными понятіями о требованіяхъ этого блага и столько опрометчивыхъ проэктовъ дѣлается искренними друзьями улучшеній, съ мыслью достичь принудительнымъ регулированіемъ такихъ цѣлей, которыя съ дѣйствительнымъ успѣхомъ или съ пользою можетъ исполнить лишь общественное мнѣніе и преніе, что въ нѣкоторыхъ странахъ возникъ духъ сопротивленія самому принципу правительственнаго вмѣшательства и явилось расположеніе ограничивать сферу правительственной дѣятельности самыми тѣсными предѣлами.»

Послѣ оговорки, нами сдѣланной, легко замѣчается ошибочность такой постановки вопроса, какая сдѣлана у Милля. Но какъ бы то ни было, это обыкновенная постановка вопроса, и мы,

вслѣдъ за Миллемъ, будемъ разсматривать разныя его стороны при этой узкой постановкѣ.

Прежде всего спрашивается, какимъ общимъ принципомъ надобно опредѣлять сферу правительственнаго вліянія на экономическую сторону народной жизни. Рутинные политико-экономы въ своемъ усердіи опровергать такъ-называемыхъ утопистовъ, которымъ ошибочно приписываютъ наклонность къ административной регламентаціи, придумали теорію, ограничивающую кругъ правительственныхъ дѣйствій охраненіемъ общества и частныхъ лицъ отъ насилія и обмана. Милль прекрасно доказываетъ несостоятельность этого принципа, объясняя, что никто изъ приверженцевъ его не думаетъ оспаривать у правительства множества обязанностей и правъ, далеко переходящихъ границы его, такъ что онъ оказывается только плодомъ легкомысленной несообразительности.

«Надобно перечислить (говоритъ Милль) обязанности или нераздѣльныя отъ самой идеи правительства или по общей привычкѣ и безъ всякаго противорѣчія исполняемыя всѣми правительствами; я отдѣлю ихъ отъ обязанностей, относительно которыхъ существуетъ теперь сомнѣніе, должны ли онѣ принадлежать правительствамъ. Первыя можно назвать необходимыми функціями правительства.

«Приступая къ перечисленію необходимыхъ функцій правительства, мы находимъ, что онѣ гораздо многоразличнѣе, чѣмъ кажется огромному большинству людей, и что ихъ нельзя подвести подъ тѣ очень опредѣленныя границы, которыми часто думаютъ обнять всѣ ихъ въ поверхностной полемикѣ. Напримѣръ, мы слышимъ иногда, что правительства должны ограничиваться охраненіемъ противъ насилія и обмана; что за исключеніемъ этихъ двухъ дѣлъ, люди должны быть свободными дѣятелями, обязанными заботиться сами о себѣ, и что пока человѣкъ не дѣлаетъ насилія или обмана во вредъ личности или собственности другихъ, законы и правительства нимало не призваны заниматься имъ. Но почему люди должны быть охраняемы своимъ правительствомъ, то есть своею коллективною силою, противъ насилія и обмана, а не противъ другихъ золъ, если не по той причинѣ, что выгодность охраненія тутъ очевиднѣе? Если правительству не слѣдуетъ дѣлать для людей ничего, кромѣ того, чего люди никакъ не могутъ сдѣлать сами для себя, то можно сказать, что люди должны охранять себя сами своимъ искусствомъ и мужествомъ даже противъ насилія или выпрашивать и покупать охраненіе отъ него, какъ они и дѣлаютъ тамъ, гдѣ правительство не можетъ охранить ихъ; а противъ обмана каждый имѣетъ охраненіе въ собственномъ умѣ. Но не касаясь принциповъ, достаточно здѣсь разсмотрѣть факты.

«Подъ какой изъ этихъ двухъ разрядовъ, — отстраненіе насилія или отстраненіе

обмана, — подведемъ мы, напримѣръ, дѣйствіе законовъ о наслѣдствѣ? Какому нибудь закону о наслѣдствѣ необходимо существовать во всѣхъ обществахъ. Могутъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ правительство даетъ только силу распоряженію, какое сдѣлалъ человѣкъ относительно своего имущества черезъ завѣщаніе. Но это чрезвычайно сомнительно, чтобы не сказать: совершенно ложно. Едва ли есть такая страна, по законамъ которой свобода завѣщанія была бы совершенно неограниченна. И притомъ, что же сказать объ очень обыкновенномъ случаѣ, когда не сдѣлано никакого завѣщанія? Развѣ законъ, то есть правительство, не рѣшаетъ тутъ по принципамъ общей полезности, кому достается наслѣдство? А если наслѣдникъ почему нибудь не можетъ управлять самъ, развѣ правительство не назначаетъ извѣстныхъ лицъ, и часто своихъ чиновниковъ, управлять имуществомъ и употреблять его въ пользу наслѣдника? Есть много и другихъ случаевъ, въ которыхъ правительство беретъ на себя управленіе имуществомъ по предположенію, что того требуетъ общая польза или даже только польза отдѣльныхъ лицъ, которыхъ касается дѣло. Часто это дѣлается со спорнымъ имуществомъ и въ случаяхъ судебнаго признанія несостоятельности. Никто никогда не утверждалъ, что этими дѣйствіями правительство переходитъ границы своей сферы.

«Не такое простое дѣло, какъ можетъ быть кажется, и обязанность закона опредѣлить самое понятіе имущества. Иному можетъ казаться, что закону надобно только провозгласить и охранять право каждаго на то, что произвелъ самъ онъ или пріобрѣлъ по добровольному согласію, правильно получилъ отъ людей, которыми произведена вещь. Но развѣ собственностію признается только то, что произведено кѣмъ нибудь? Развѣ не признается собственностію самая земля съ ея лѣсами или водами и всѣми другими естественными богатствами надъ поверхностію и подъ поверхностью земли? Это наслѣдіе человѣческаго рода, и должны быть правила для общаго пользованія ими. Какія права и на какихъ условіяхъ предоставляются извѣстному человѣку надъ извѣстною частью этого общаго наслѣдія, — того нельзя оставить неразрѣшеннымъ. Нѣтъ ни одной функціи правительства, которая была бы такъ необходима и такъ нераздѣльна съ идеею цивилизованнаго общества, какъ опредѣленіе этихъ дѣлъ.

«Идемъ далѣе. Признается безспорнымъ, что должно преслѣдовать насиліе и обманъ; но къ которой изъ этихъ рубрикъ мы отнесемъ принужденіе людей къ исполненію заключенныхъ ими договоровъ? Неисполненіе не всегда заключаетъ въ себѣ обманъ; лицо, заключившее договоръ, могло имѣть искреннее намѣреніе исполнить его; понятіе обмана едва ли простирается даже на случаи произвольнаго нарушенія договора, когда не было лжи; а навѣрное уже не прилагается оно къ случаямъ, когда неисполненіе произошло отъ небрежности. А развѣ правительство не обязано принуждать къ исполненію договоровъ? Тутъ приверженцы теоріи невмѣшательства сдѣлаютъ небольшую натяжку и скажутъ, что принуждать къ исполненію договоровъ не значитъ давать правила для дѣлъ частныхъ лицъ по соображенію правительства, а значитъ только давать силу собственному желанію, выраженному этими лицами. Допустимъ такое расширеніе ограничивающей теоріи, — но мы уже видимъ, что ее надобно расширить. Притомъ же, правительства не

ограничивают своего отношенія къ договорамъ простымъ вынужденіемъ исполнять ихъ. Они берутъ на себя опредѣлять, къ исполненію какихъ договоровъ слѣдуетъ вынуждать людей. Мало того, что человѣкъ, не будучи обманутъ и добровольно, даетъ другому обѣщаніе. Есть такія обѣщанія, которыми не должны имѣть права связывать себя люди, — того требуетъ общее благо. Не говоря объ обязательствахъ сдѣлать что нибудь противное закону, есть обязательства, вынуждать исполненіе которыхъ законъ отказывается, по причинамъ, касающимся пользы обязавшагося, или общаго государственнаго устройства. Договоръ, по которому человѣкъ продалъ бы себя другому въ невольники, былъ бы объявленъ недѣйствительнымъ въ судилищахъ Англіи и почти всѣхъ другихъ европейскихъ земель. Мало найдется такихъ земель, законы которыхъ вынуждали бы исполнять договоръ о дѣлѣ, считающемся въ нихъ проституціею, или о брачномъ обязательствѣ, условія котораго несогласны съ правилами, считающимися за нужныя по закону. Если же разъ признано, что есть обязательства, исполненія которыхъ законъ не долженъ вынуждать по причинѣ общей пользы, — тотъ же вопросъ необходимо открывается относительно всѣхъ обязательствъ. Напримѣръ, долженъ ли законъ вынуждать исполненіе договора о работѣ, когда плата слишкомъ низка или число рабочихъ часовъ слишкомъ тяжело; или договора, по которому лицо обязывается оставаться въ службѣ извѣстнаго человѣка на срокъ, превышающій очень ограниченное время; должно ли выполненіе брачнаго договора, заключеннаго на всю жизнь, быть вынуждаемо противъ обдуманнаго желанія обоихъ лицъ или одного изъ лицъ, заключившихъ его. Каждый вопросъ, могущій появиться относительно договоровъ и установляемыхъ ими между людьми отношеній, касается законодательной власти, которая не можетъ уклониться отъ разрѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ.

«Далѣе: предупрежденіе и подавленіе насилія и обмана служитъ дѣломъ солдатъ, полиціи и уголовныхъ судей; но сверхъ того есть гражданскія судилища. Наказаніе дурныхъ поступковъ — одно дѣло правосудія, а рѣшеніе споровъ — другое. Безчисленные споры возникаютъ между людьми безъ всякой недобросовѣстности, по ошибочному мнѣнію о законныхъ правахъ или отъ несогласія относительно фактовъ, отъ доказательства которыхъ юридически зависятъ эти права. Развѣ общій интересъ не требуетъ, чтобы государство назначало людей для разъясненія такихъ сомнѣній и для окончанія такихъ споровъ? Нельзя сказать, что это безусловно необходимо. Спорящіе могли бы выбирать посредника, обязываясь подчиниться его рѣшенію; такъ они и дѣлаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ судилищъ или гдѣ нѣтъ довѣрія къ судилищамъ, или ихъ медленность, убыточность и нераціональность требуемыхъ ими доказательствъ отвращаетъ людей отъ нихъ. Но все-таки всѣ согласны, что государство должно учреждать гражданскія судилища; и если ихъ недостатки часто заставляютъ людей замѣнять ихъ другими средствами, все-таки главную силу этимъ другимъ средствамъ даетъ возможность перенести дѣло въ законно-учрежденное судилище.

«Мало того, что государство беретъ на себя рѣшеніе споровъ, — оно заранѣе принимаетъ предосторожности, чтобы не возникало споровъ. Почти во всѣхъ странахъ постановлены закономъ опредѣлительныя правила для многихъ вещей не

потому, чтобы важно было опредѣлить эти вещи именно тѣмъ или другимъ способомъ, а для того, чтобы онѣ были какъ нибудь опредѣлены и не могло быть недоумѣній о томъ. Законъ предписываетъ для многихъ родовъ договора форму выраженій, чтобы не возникло споровъ или недоразумѣній о ихъ смыслѣ; законъ напередъ заботится, чтобы при возникновеніи спора могло быть получено основаніе къ его рѣшенію, — для этого онъ требуетъ, чтобы документъ былъ засвидѣтельствованъ нѣсколькими лицами и подвергнутъ извѣстнымъ формальностямъ. Законъ хранитъ подлинныя доказательства фактамъ, изъ которыхъ возникаютъ юридическія послѣдствія, — для этого онъ ведетъ реэстръ такимъ фактамъ; напримѣръ, ведетъ списки рождающимся, умирающимъ и вступающимъ въ бракъ, завѣщаніямъ, контрактамъ и судебнымъ дѣйствіямъ. Никто никогда не говорилъ, что правительство переступаетъ надлежащія границы своихъ обязанностей, дѣлая такимъ образомъ.

«Далѣе, какое широкое значеніе ни придавать теоріи, что отдѣльный человѣкъ — лучшій оберегатель своихъ интересовъ и что правительство не обязано передъ нимъ ничѣмъ, кромѣ охраненія его отъ вмѣшательства другихъ, эта теорія все-таки приложима только къ тѣмъ лицамъ, которыя способны дѣйствовать сами за себя. Но есть дѣти, есть помѣшанные, есть люди, ослабѣвшіе умомъ. Законъ, конечно, обязанъ заботиться объ интересахъ такихъ лицъ. Нѣтъ ему необходимости дѣлать это черезъ своихъ чиновниковъ. Часто онъ ввѣряетъ эту заботу какому нибудь родственнику или другу. Но кончается ли тѣмъ его обязанность? можетъ ли онъ поручить интересы извѣстнаго лица наблюденію другаго и быть избавленъ отъ контроля надъ повѣреннымъ, отъ подчиненія этого повѣреннаго отчету въ исполненіи возложенной обязанности?

«Есть множество случаевъ, въ которыхъ правительства съ общаго одобренія принимаютъ на себя власть и исполняютъ обязанности, которымъ нельзя найти никакого основанія, кромѣ той простой причины, что при этомъ для всѣхъ бываетъ удобнѣе. Возьмемъ въ примѣръ обязанность (которая притомъ и монополія) чеканить монету. Она присвоена правительствомъ ни больше, ни меньше, какъ для того, чтобы избавить каждаго отъ хлопотъ, промедленій и издержекъ повѣрять вѣсъ и пробу монеты. Однакоже никто изъ самыхъ горячихъ противниковъ государственнаго вмѣшательства не называлъ этого излишнимъ расширеніемъ правительственныхъ дѣйствій. Другой примѣръ—установленіе нормальныхъ вѣсовъ и мѣръ. Третій примѣръ — мощеніе, освѣщеніе и содержаніе въ чистотѣ улицъ и переулковъ или центральнымъ правительствомъ, или, какъ чаще бываетъ, и вообще бываетъ удобнѣе, городскимъ начальствомъ. Другими примѣрами служатъ: устройство или улучшеніе пристаней, постройка маяковъ, топографическія и гидрографическія работы для составленія вѣрныхъ картъ, устройство плотинъ для сдерживанья морскихъ и рѣчныхъ наводненій.

«Число такихъ примѣровъ можно бы увеличить до безконечности, не приводя ни одного сомнительнаго случая. Но довольно и приведенныхъ, чтобы показать, что безспорныя обязанности правительства обнимаютъ такое обширное поле, котораго нельзя обвести межою никакого стѣсняющаго опредѣленія, и что едва ли можно

найти для нихъ какое нибудь общее основаніе, кромѣ многообъемлющаго основанія: всеобщая выгода; наконецъ, что нельзя назначить границъ правительственному вмѣшательству никакимъ общимъ правиломъ, кромѣ простаго и неопредѣленнаго правила, что вмѣшательство это должно быть допускаемо лишь тогда, когда польза отъ него очевидна.»

Само собою разумѣется, что съ выводомъ Милля совершенно согласны мы, постоянно старающіеся возводить каждый частный случай къ единственному верховному принципу всѣхъ общественныхъ наукъ—къ пользѣ человѣка. Экономическая наука въ своей спеціальности разсматриваетъ матеріальную пользу человѣка, насколько она зависитъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Потому съ частной точки зрѣнія экономической науки, правительственное участіе требуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно полезно для матеріальнаго благосостоянія людей.

В. НАЛОГИ.

(МИЛЛЬ, КН. V, ГЛ. II—VI.)

Каковъ бы ни былъ кругъ дѣйствій правительства, ему нужны извѣстныя экономическія средства для ихъ исполненія. Средства эти получаетъ оно посредствомъ налоговъ.

Еще Адамъ Смитъ опредѣлилъ четыре условія, которымъ должны удовлетворять налоги, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ экономической теоріи:

1. Каждый подданный долженъ платить на содержаніе правительства соразмѣрно своимъ средствамъ; въ этомъ состоитъ равномѣрность налоговъ.

2. Величина налога и всѣ относящіяся къ его уплатѣ обстоятельства должны быть съ точностью опредѣлены и извѣстны платящему.

3. Налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ удобнѣе всего уплачивать его.

4. Способъ взиманія налога долженъ быть такой, чтобы онъ бралъ у народа какъ можно меньше сверхъ той суммы, какую

доставляетъ казнѣ; чтобы не поглощалась слишкомъ значительная часть собираемой суммы расходами на самое взиманіе ея; чтобы не мѣшалъ налогъ экономическимъ силамъ страны направляться къ выгоднѣйшимъ занятіямъ, не развивалъ контрабанды и другихъ способовъ обманывать государство.

Послѣднія три правила (замѣчаетъ Милль) достаточно ясны сами по себѣ, но вопросъ о равномѣрности налога подаетъ причину къ мнѣніямъ очень различнымъ.

Равномѣрность налога состоитъ въ томъ, чтобы на каждое лицо ложился онъ точно такою же тяжестію, какъ и на всякое другое лицо, соотвѣтственно средствамъ каждаго къ уплатѣ. Но достигается ли эта справедливая соразмѣрность тѣмъ, когда налогъ беретъ одинаковый процентъ изъ доходовъ каждаго, какъ бы велики или малы ни были они? Есть цѣлая школа, думающая иначе. Она говоритъ, что для человѣка, получающаго 100 рублей дохода, гораздо тяжеле уплачивать изъ нихъ 10 р., чѣмъ для человѣка, получающаго 10,000 рублей, уплачивать изъ нихъ 1,000 рублей; что поэтому равномѣрность соблюдается только тогда, когда отъ перваго мы будемъ требовать менѣе, чѣмъ 10 рублей, или отъ втораго болѣе, чѣмъ 1,000 р. Изъ этого выводится, что налогъ бываетъ равномѣренъ лишь тогда, когда бываетъ прогрессивнымъ.

Прогрессивнымъ налогомъ называется тотъ, который беретъ тѣмъ бóльшій процентъ изъ дохода отдѣльнаго лица, чѣмъ значительнѣе доходъ. Напримѣръ, лица, имѣющія менѣе 1,000 р. дохода, платятъ 1%; лица, имѣющія отъ 1,000 р. до 2,000 р., платятъ 2%; имѣющія отъ 2,000 до 3,000 р., платятъ 3%, и такъ далѣе.

Милль возстаетъ противъ прогрессивнаго налога; но мы увидимъ, что онъ отвергаетъ его только изъ предпочтенія другихъ законодательныхъ мѣръ, прямѣе ведущихъ къ тому же результату, какого надѣются въ извѣстной степени достигнуть прогрессивнымъ налогомъ приверженцы этой системы.

Адвокаты прогрессивнаго налога говорятъ, что несправедливо брать такую же часть изъ дохода, едва достаточнаго на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, какая берется изъ дохода,

бо́льшая часть котораго идетъ на предметы роскоши. Милль вполнѣ принимаетъ это соображеніе. Онъ говоритъ: если берется 1,000 фунтовъ у человѣка, имѣющаго 10,000 фунтовъ дохода, онъ не лишается ничего нужнаго для удобства или довольства жизни; а если для удовлетворенія первыхъ необходимостей нужно 50 фунтовъ, то брать изъ нихъ 5 фунтовъ — значитъ отнимать у человѣка совершенно необходимое ему, значитъ требовать у него пожертвованія неизмѣримо бо́льшаго, чѣмъ какое требуется отъ человѣка, платящаго тысячу фунтовъ изъ десяти тысячъ фунтовъ. По мнѣнію Милля, слѣдуетъ совершенно освобождать отъ налога всякій доходъ, непревышающій сумму, необходимую для существованія. Эту сумму для Англіи опредѣляетъ онъ примѣрно въ 50 фунтовъ, около 300 р. Доходы, превышающіе этотъ minimum, должны платить съ излишка, которымъ превышаютъ его. Напримѣръ, при налогѣ въ 10%, лицо, имѣющее 60 фунтовъ дохода, должно платить 1 фунтъ съ 10 фунтовъ, подвергающихся налогу, за исключеніемъ 50, освобождаемыхъ отъ него. Лицо, получающее 1,000 фунтовъ дохода, будетъ платить налогъ въ 95 фунтовъ съ 950 фунтовъ. Опредѣленіе этого minimum, освобождаемаго отъ налога, вполнѣ удовлетворяетъ, по мнѣнію Милля, требованіе справедливости. Онъ не допускаетъ, чтобы излишекъ въ 10 фунтовъ, остающійся въ доходѣ 60 фунтовъ, платилъ налогъ меньшаго процента, чѣмъ платитъ вторая тысяча фунтовъ дохода у человѣка, имѣющаго 2,000 дохода.

Мы увидимъ, что если принимать окончательный взглядъ Милля на эти вещи, то можно отказаться отъ спора съ нимъ за мнѣніе, которое мы сейчасъ изложили. Но само по себѣ оно неудовлетворительно. Онъ видитъ въ расходахъ только два разряда: расходы на предметы необходимости и расходы на предметы роскоши; потому и доходъ дѣлитъ онъ только на двѣ доли: часть служащую для необходимости, и часть служащую для роскоши. На самомъ же дѣлѣ эти два крайнія звена соединяются множествомъ переходныхъ ступеней, составляемыхъ предметами удобства; да и сами предметы роскоши дѣлятся на множество разрядовъ по бо́льшему или меньшему преобладанію въ нихъ элемента роскоши надъ элементомъ простаго удобства. Если

первые 50 фунтовъ идутъ на хлѣбъ и говядину, то вторые 50 фунтовъ идутъ на пріобрѣтеніе хорошаго хлѣба вмѣсто дурнаго и на приправы, отъ которыхъ говядина дѣлается и здоровѣе и дѣйствительно вкуснѣе. Этихъ расходовъ никакъ нельзя сравнивать съ расходованіемъ второй тысячи фунтовъ на столовый сервизъ и тому подобныя вещи, ненужныя ни для здоровья, ни для вкуса, а требуемыя только тщеславіемъ. Точно такъ же нельзя сравнивать вторую тысячу фунтовъ съ двадцатою тысячею, которая можетъ идти ужь только на вещи совершенно пустыя, — на то, чтобы въ городѣ говорили о какомъ нибудь пышномъ обѣдѣ, который былъ равно скученъ какъ для самого хозяина, такъ и для гостей. Намъ кажется, что если признавать за первыми 50-ю фунтами право на совершенное освобожденіе отъ налога, то за вторыми 50 фунтами надобно, по той же причинѣ, признавать право платить меньшій процентъ налога, чѣмъ какой платится со второй сотни фунтовъ, а этой второй сотнѣ фунтовъ надобно присвоивать подобное же преимущество передъ третьею сотнею, и такъ далѣе. — Мы говоримъ это съ точки зрѣнія, совершенно чуждой вопросу о наилучшемъ распредѣленіи имуществъ, основываясь только на внутреннемъ различіи самихъ расходовъ, характеръ которыхъ считаетъ нужнымъ принимать въ соображеніе Милль.

Но, независимо отъ этого основанія, приводятся другія причины въ защиту прогрессивнаго налога. Говорятъ, что отъ одинаковаго процента вычета изъ дохода человѣкъ съ умѣреннымъ доходомъ болѣе понижается въ своемъ общественномъ положеніи, нежели человѣкъ съ большимъ доходомъ. Напримѣръ: если изъ 200 фунтовъ будетъ взято налогомъ 20 фунтовъ, то человѣкъ, можетъ быть, лишается возможности носить перчатки, и отъ этого потеряетъ часть примѣтъ, по которымъ считаются люди принадлежащими къ порядочному обществу. Если же изъ 10,000 фунтовъ берется налогомъ 1,000 фунтовъ, отъ этого не происходитъ никакой замѣтной перемѣны въ образѣ жизни человѣка, и нисколько не понижается его мѣсто въ свѣтскомъ обществѣ. Противъ этого аргумента Милль говоритъ, что правительство не обязано уважать вреднаго предразсудка, опредѣляющаго степень

уваженія къ человѣку размѣромъ его доходовъ. Совершенная правда то, что предразсудокъ этотъ дуренъ и вреденъ. Но онъ очень силенъ; онъ лежитъ въ основаніи всей нынѣшней нашей жизни. Мы не имѣемъ ничего противъ желанія, чтобы правительство пренебрегло имъ. Но если исполнять это желаніе Милля, то придется передѣлывать всю нынѣшнюю жизнь. А пока она не передѣлана, нельзя не принимать въ соображеніе существующихъ въ ней фактовъ. По этимъ фактамъ мы дѣйствительно подвергаемъ человѣка гораздо бо̀льшему пожертвованію, когда лишаемъ его внѣшняго признака принадлежности къ извѣстному кругу общества, чѣмъ тогда, когда мѣсто его въ обществѣ не измѣняется отъ нашего требованія съ него.

Впрочемъ, не въ этомъ желаніи щадить самолюбіе людей средняго класса заключается главная причина привязанности многихъ публицистовъ къ прогрессивному налогу. Она пораждается желаніемъ измѣнить существующее распредѣленіе богатствъ. По мнѣнію своихъ защитниковъ, прогрессивный налогъ поведетъ къ этому двоякимъ образомъ. Когда изъ бо̀льшаго количества будетъ вычитаться налогомъ бо̀льшій процентъ, чѣмъ изъ меньшаго, то уменьшится разница между размѣромъ средствъ, остающихся у богатаго и бѣднаго. Сверхъ того, прогрессивный налогъ дастъ государству возможность отмѣнить тѣ налоги, которые берутъ одну и ту же сумму денегъ съ каждаго — и богатаго, и бѣднаго. Надобно замѣтить, что по плану приверженцевъ прогрессивнаго налога, онъ долженъ рости по прогрессіи довольно быстрой и имѣть очень значительную величину въ своихъ высшихъ степеняхъ, достигать, напримѣръ, до 50 или даже больше процентовъ въ богатѣйшемъ классѣ; при такой системѣ, его дѣйствіе въ обоихъ указанныхъ нами смыслахъ было бы довольно чувствительно. Чтобы показать это нагляднѣе, сдѣлаемъ примѣрный планъ прогрессивнаго налога въ Великобританіи и Ирландіи, на основаніи цифръ, относящихся къ 1855 — 1857 финансовому году (Kolb, стр. 30).

Величина дохода, фунтовъ.	Число лицъ, имѣющихъ такой доходъ.	Средняя величина ихъ доходовъ, фунтовъ.	По этой средней величинѣ, сумма дохода всѣхъ этихъ лицъ будетъ, примѣрно, около	Съ этой суммы налогъ будетъ, примѣрно	Сумма налога при этихъ примѣрныхъ величинахъ.
100— 150	128,030	125	16,003,750	1%	160,037
150— 200	42,340	175	7,409,500	2%	148,190
200— 300	34,869	250	8,717,250	3%	261,517
300— 400	15,991	350	5.796,850	4%	231,874
400— 500	7,943	450	3,574,250	5%	188,717
500— 600	5,841	550	3,212,550	6%	192,753
600— 700	3,314	650	2,154,100	7%	150,780
700— 800	2,207	750	1,655,250	8%	132,420
800— 900	1,861	850	1,581,850	9%	142,367
900— 1,000	870	950	826,500	10%	82,650
1,000— 2,000	5,741	1,500	8,611,500	15%	1,291,725
2,000— 3,000	1.657	2,500	4,142,500	20%	828,500
3,000— 4,000	816	3,500	2.859,000	25%	714,750
4,000— 5,000	466	4,500	2,097,000	30%	629,100
5,000—10,000	841	7,500	6,307,500	35%	2,208,125
10,000—50,000	465	30,000	13,950,000	40%	5,580,000
болѣе 50,000	47	100,000	4 700,000	50%	2,350,000
Итого . . .	253,299		93,599,450		15,293,505

Читатель конечно понимаетъ, что эта таблица представлена лишь для примѣра и безъ всякаго притязанія на точность. Кто нѣсколько знакомъ съ англійскимъ бюджетомъ, тотъ видитъ, что не только суммы доходовъ, выведенныя нами по приблизительному среднему числу, но и самыя цифры количества лицъ, имѣющихъ доходъ отъ такой-то до такой-то величины,—цифры, взятыя Кольбомъ изъ офиціальныхъ отчетовъ, далеко не точны. Напр., вся сумма доходовъ составляетъ у насъ менѣе 95 милл. фунтовъ, и не могла бы составить больше 120 милл., хотя бы мы вмѣсто средняго числа брали для своего вывода самую высшую цифру дохода по каждому разряду; а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1856 — 1857 финансовомъ году въ Великобританіи съ Ирландіею доходъ лицъ, получающихъ болѣе 100 фунтовъ въ годъ, составлялъ сумму по крайней мѣрѣ 250 милліоновъ

фунтовъ. Разъяснять здѣсь причины этой разности взятыхъ нами цифръ отъ дѣйствительныхъ было бы слишкомъ длинно, да и не совсѣмъ нужно, потому что наша таблица, какъ мы сказали, только примѣрная, и въ ней важны не абсолютныя величины цифръ, а пропорціи между ними. Посмотримъ же на эти пропорціи, чтобы сообразить силу прогрессивнаго налога.

Сумма доходовъ свыше 100 фунтовъ простирается почти до 95 милл., а сумма налога превышаетъ 15 милл. фунтовъ; при такомъ отношеніи государственныя надобности берутъ около 16% или около 1/6 дохода лицъ, имѣющихъ доходъ болѣе, чѣмъ въ 100 фунтовъ.

Если бы государственныя надобности такой величины покрывались пропорціональнымъ, а не прогрессивнымъ налогомъ, лица получающія отъ 100 до 300 фунтовъ дохода должны были бы уплатить цѣлую третью часть всей суммы налога, потому что сумма ихъ доходовъ составляетъ 32 милл., цѣлую треть всей суммы доходовъ, подлежащихъ налогу. Такимъ образомъ лица этихъ разрядовъ въ числѣ 170,000 человѣкъ должны были бы уплатить болѣе 5,000,000 фунтовъ налога; а при прогрессивномъ налогѣ они платятъ менѣе 600,000 фунтовъ и выигрышъ ихъ, сравнительно съ пропорціональнымъ налогомъ, простирается почти до 4,500,000 фунтовъ, т. е. 1/7 всего ихъ дохода.

Съ другой стороны, лица, получающія болѣе 3,000 фунтовъ дохода, должны были бы, при пропорціональномъ налогѣ, уплатить также только одну треть общей суммы налога, потому что сумма ихъ доходовъ также составляетъ около одной трети (около 30,000,000) всей суммы доходовъ, подлежащихъ налогу. А при прогрессивномъ налогѣ они, вмѣсто 5,000,000, платятъ 11,500,000 фунтовъ налога; такимъ образомъ бремя, лежащее на людяхъ менѣе богатыхъ, облегчается суммою около 6,500,000 фунтовъ, т. е. болѣе, чѣмъ 2/5 всей суммы налога переносится съ реальныхъ удобствъ жизни на расходы, которые служили бы для одного тщеславія.

Мы предполагали, что государственныя надобности берутъ около 1/6 части изъ всей суммы доходовъ, превышающихъ 100 фунтовъ. По приблизительному вычисленію, эти доходы, превы-

шающіе 100 фунтовъ, составляютъ въ Великобританіи съ Ирландіею болѣе 300 милл. фунтовъ. Такимъ образомъ прогрессивный налогъ, ростущій по нормѣ въ родѣ той, какая выставлена у насъ, давалъ бы государству около 50 милл. фунтовъ, а государственный бюджетъ Англіи не превышаетъ 60 милл. фунтовъ въ годы, когда нѣтъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ; при строгой экономіи онъ не превышалъ бы въ такіе годы 50 милл. Изъ этого видно, что при полномъ развитіи прогрессивнаго налога можно было бы отмѣнить въ Англіи рѣшительно всѣ другіе налоги, какъ и предполагаютъ приверженцы прогрессивнаго налога.

Словомъ сказать, мы не видимъ, чтобы прогрессивный налогъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ своихъ приверженцевъ, или чтобы онъ противорѣчилъ тѣмъ основаніямъ справедливости, силу которыхъ признаетъ Милль своимъ требованіемъ освобожденія отъ налога всѣхъ доходовъ ниже извѣстнаго minimum; мы замѣтили, что только по невнимательности онъ не увидѣлъ, что изъ этого требованія само собою вытекаетъ признаніе прогрессивнаго налога за единственно справедливый.

Но есть противъ прогрессивнаго налога еще одно возраженіе, основанное не на принципахъ общей справедливости, которымъ онъ не противорѣчитъ, а на соображеніяхъ экономической выгодности. Говорятъ, что подвергать человѣка высшему проценту налога по мѣрѣ обогащенія, значитъ отвращать людей отъ накопленія богатства, склонять ихъ къ расточительности, ослаблять въ нихъ энергію труда. Милль повторяетъ это возраженіе рутинныхъ политико-экономовъ, но не слишкомъ настаиваетъ на немъ, какъ замѣтно изъ того, что приводитъ его лишь вскользь, какъ будто только для перехода къ другимъ мыслямъ (это увидитъ читатель изъ отрывка, который будетъ сообщенъ нами ниже). Намъ кажется, что это возраженіе предполагаетъ въ планѣ приверженцевъ прогрессивнаго налога такую черту, какой они не думаютъ въ него вводить.

Рутинные политико-экономы толкуютъ обыкновенно, что большая часть прибавки дохода при возрастаніи богатства человѣка будетъ поглощаться возрастаніемъ процента, требуемаго налогомъ. Это не вѣрно. Въ нашей примѣрной таблицѣ возрастаніе налога

идетъ быстрѣе, чѣмъ во многихъ планахъ, дѣйствительно предлагавшихся приверженцами этого налога. Посмотримъ однакоже, какая часть прибавки доходовъ поглощается возрастаніемъ налога и по нашей таблицѣ. Съ особенною быстротою ростетъ въ ней налогъ въ разрядахъ дохода отъ 1,000 фунтовъ до 5,000 фунтовъ. Съ 1,000 фунтовъ дохода платится 10%, т. е. 100 фунтовъ налога. Съ дохода въ 2,000 фунтовъ платится 15%, т. е. 300 фунтовъ налога; валовой доходъ увеличился на 1,000 фунтовъ, налогъ на 200 фунтовъ; чистой прибавки къ доходу остается 800 фунтовъ; возрастаніе налога поглотило только 1/5 часть всей валовой прибавки дохода. Съ дохода въ 3,000 фунтовъ платится 20%, т. е. 600 фунтовъ налога; его возрастаніе поглотило 300 фунтовъ; чистой прибавки остается 700 фунтовъ. Читатель видитъ, что чистая выгода, остающаяся у обогащающагося, сохраняетъ огромный перевѣсъ надъ возрастаніемъ налога. Но таблица наша составлена изъ градацій слишкомъ крупныхъ; въ ней слишкомъ мало посредствующихъ звеньевъ, которыя находятся въ дѣйствительныхъ планахъ прогрессивнаго налога: въ этихъ планахъ разныя величины доходовъ распредѣляются на множество классовъ, и возрастаніе налога идетъ гораздо нечувствительнѣе. Надобно притомъ сказать, что во всякомъ случаѣ прогрессивный налогъ будетъ быстро возрастать только на высшихъ ступеняхъ градаціи, когда ростетъ доходъ, уже и до возрастанія бывшій огромнымъ, такъ что налогъ будетъ сколько нибудь мѣшать лишь охотѣ къ увеличенію огромныхъ богатствъ, нисколько не стѣсняя возрастанія капитала средней и даже довольно большой величины; напротивъ, при немъ будетъ меньше помѣхи возрастанію малыхъ и среднихъ состояній, чѣмъ при пропорціональномъ налогѣ, потому что съ этихъ состояній онъ будетъ брать гораздо меньшій процентъ, чѣмъ беретъ пропорціональный налогъ.

Такимъ образомъ, если смотрѣть съ чисто экономической точки зрѣнія, прогрессивный налогъ представляется самымъ благопріятнымъ для возбужденія людей къ энергическому стремленію увеличивать свои доходы: рутинные политико-экономы думаютъ, что онъ сталъ бы мѣшать накопленію богатствъ только потому,

что не потрудились вникнуть въ цифры, противъ которыхъ вопіютъ.

Но будучи единственнымъ соотвѣтственнымъ общему требованію справедливости, и будучи сообразнѣе всякаго другаго налога съ экономическою заботою объ усиленіи энергіи накопленія, прогрессивный налогъ имѣетъ совершенно иной недостатокъ: онъ не радикальная, а только палліативная мѣра, и притомъ установить его въ значительномъ размѣрѣ было бы гораздо труднѣе, чѣмъ принять мѣры, прямѣе и полнѣе ведущія къ той же цѣли.

Мы приводили основанія, по которымъ нѣкоторыя экономисты находятъ наилучшимъ порядкомъ такой бытъ, который существенно разнится отъ нынѣшняго; содѣйствовать введенію этого лучшаго быта можно, не нарушая замѣтнымъ образомъ никакихъ существующихъ интересовъ; а прогрессивный налогъ значительнаго размѣра былъ бы явно противоположенъ интересу богатыхъ сословій, которыя всѣми силами боролись бы противъ него, между тѣмъ какъ прочное и благоразумное правительство могло бы, нисколько не раздражая ихъ, вести дѣло коренной реформы быта. Надобно предпочитать реформы болѣе легкія и болѣе существенныя прогрессивному налогу, который, не уничтожая источниковъ нынѣшняго зла, только сталъ бы грубымъ образомъ обрѣзывать крайнія его проявленія.

Съ этой точки зрѣнія недоволенъ прогрессивнымъ налогомъ и Милль. Онъ предпочитаетъ ему мѣры болѣе рѣшительныя, противъ которыхъ мы впрочемъ имѣемъ то же самое возраженіе, какъ и противъ прогрессивнаго налога: онѣ слишкомъ трудны и не довольно рѣшительны. Въ началѣ трактата о распредѣленіи, во 2-й главѣ II-й книги, разсматривая общій вопросъ о собственности, Милль развиваетъ мысль, что наилучшимъ закономъ о наслѣдствѣ было бы правило, установляющее извѣстный maximum суммы, какую можетъ человѣкъ получать по наслѣдству, съ тѣмъ, чтобы остальное свое имущество умирающій могъ завѣщать другимъ лицамъ, каждому также не выше этого maximum, а въ случаѣ смерти безъ завѣщанія этотъ излишекъ обращался въ собственность государства. Предпочтеніе этой мѣры, точно также

ведущей къ уменьшенію неравенства состояній, служитъ для Милля главною причиною нерасположенія къ прогрессивному налогу. Вотъ слова Милля, относящіяся къ этому предмету.

«Я не меньше, чѣмъ кто нибудь, желаю, чтобы принимаемы были средства къ уменьшенію этихъ неравенствъ, но не желаю такихъ средствъ, которыми давалась бы моту льгота на счетъ бережливаго. Брать налогъ большаго процента съ большихъ доходовъ и меньшаго съ меньшихъ, значитъ брать налогъ съ трудолюбія и бережливости; значитъ налагать на человѣка штрафъ за то, что онъ работалъ усерднѣе и сберегалъ заботливѣе своего сосѣда. Общественное благо требуетъ подвергать ограниченію не то богатство, которое пріобрѣтается трудомъ, а то, которое достается человѣку задаромъ. Справедливое и мудрое законодательство не захочетъ возбуждать къ тому, чтобы плоды честнаго труда не сберегались, а расточались. Его безпристрастіе между соперниками будетъ состоять въ заботѣ о томъ, чтобы не имѣлъ одинъ выгодъ предъ другимъ при началѣ бѣга, а не въ томъ, чтобы вѣшать гирю на быстраго, чтобы меньше опережалъ онъ медленнаго. Правда, часто бываетъ, что иной терпитъ неудачу при бо̀льшихъ усиліяхъ, чѣмъ при какихъ достигаетъ успѣха другой; и не потому, чтобы меньше было у него достоинствъ, а потому, что меньше было для него удачныхъ случаевъ; но если бы правительство и сдѣлало все, что можетъ сдѣлать заботами о воспитаніи и законами для смягченія этихъ неравенствъ случая, то неравенство состоянія, происходящее отъ разницы въ достоинствѣ самихъ людей, уже не было бы справедливою причиною къ ропоту. Относительно большихъ состояній, пріобрѣтаемыхъ по наслѣдству или въ подарокъ, власть дѣлать завѣщанія — одна изъ привилегій собственности, которыя удобно могутъ быть для общей пользы ограничены правилами; и я уже указывалъ наилучшій способъ уменьшать накопленіе огромныхъ состояній въ рукахъ людей, не получившихъ эти богатства своимъ трудомъ; я говорилъ, что должна быть ограничена сумма, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать по подарку, наслѣдству или завѣщанію. Кромѣ этого и кромѣ предложенія Бентама объ уничтоженіи наслѣдства по боковымъ линіямъ и о переходѣ имущества къ государству въ этомъ случаѣ, — кромѣ этихъ двухъ правилъ, я полагаю, что чрезвычайно удобнымъ предметомъ налога были бы наслѣдства по завѣщанію или безъ завѣщанія, все равно, — превышающія извѣстную сумму; и что пошлину съ нихъ надобно положить такую, которая бы лишь не порождала въ слишкомъ сильной степени уклоненій отъ нея дарственными записями при жизни или утайкою собственности. Принципъ такъ-называемой прогрессивности, то есть возвышеніе процента налога соразмѣрно увеличенію суммы, не признаваемый мною въ примѣненіи къ налогу вообще, будетъ и справедливъ и полезенъ въ примѣненіи къ пошлинамъ съ наслѣдства.

Мы совершенно согласны съ Миллемъ въ томъ, что гораздо лучше дѣйствовать на самый источникъ невыгодныхъ для общества явленій, чѣмъ только бороться съ ихъ результатами. Но вѣдь предлагаемыя Миллемъ мѣры относительно наслѣдства точно

также, какъ и прогрессивный налогъ, прилагаются къ невыгодному явленію въ слишкомъ поздней порѣ его развитія, къ факту уже выросшему, а не къ зародышу этого факта. Очевидно, что онѣ, подобно прогрессивному налогу, имѣютъ только характеръ палліативнаго средства, и рекомендовать ихъ принятіе надобно только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надежды на проведеніе мѣръ болѣе широкихъ. Только въ подобныхъ случаяхъ надобно рекомендовать и прогрессивный налогъ. Онъ годится, какъ переходная мѣра, прилагаемая къ такому быту, который не соотвѣтствуетъ условіямъ экономической выгоды и который нельзя же въ одинъ день замѣнить бытомъ, соотвѣтственнымъ требованію теоріи.

Къ этому неудовлетворительному быту прилагается и другая переходная мѣра, безусловно рекомендуемая Миллемъ. По теоріи, силы природы должны принадлежать обществу людей, а не отдѣльному человѣку. Господствующая теорія сама не одобрила бы попытокъ монополизировать, обратить въ частную собственность силу пара, или силу электричества, или дождь, — попытокъ, которыя очень легко представить себѣ въ теоріи и которыя оказались бы удобоисполнимы даже въ практикѣ, если бы явилась и укоренилась въ обществѣ мысль о ихъ законности *). По принципу совершенно таковъ же случай права частной собственности надъ силами, лежащими въ землѣ, и Милль смотритъ на порядокъ, обратившій ренту въ частную собственность, какъ на порядокъ, не соотвѣтствующій принципамъ экономической науки. Но, думаетъ онъ, при бытѣ, установившемся въ западной Европѣ, нельзя

*) Напримѣръ, развѣ нельзя составить правилъ, при которыхъ сталъ бы частною собственностію дождь? Количество упавшаго дождя легко измѣряется очень простыми инструментами. Почему же нельзя съ лица, владѣющаго участкомъ или воздѣлывающаго участокъ, брать плату соразмѣрно количеству упавшаго дождя? Право на полученіе такой платы могло бы передаваться отъ одного лица другому наслѣдствомъ, продажею и всѣми другими способами, какими передается право на полученіе ренты. Капитализированная цѣнность ренты составляетъ то, что называется поземельною собственностію. Капитализированная цѣнность платы по упавшему дождю точно также составила бы право собственности надъ дождемъ. Еще удобнѣе обратить въ частную собственность силу пара или силу электричества; стоило бы только поставить въ зависимость отъ чьего нибудь согласія право устроивать и пріобрѣтать паровыя машины и электро-гальваническіе аппараты; лицо, дающее это разрѣшеніе, стало бы собственникомъ этихъ силъ.

ожидать скораго выхода всей ренты изъ частной собственности, и на первое время надобно въ этомъ дѣлѣ ограничиваться тѣмъ, чтобы не возрасталъ существующій размѣръ этого неосновательнаго отношенія. Поэтому, кромѣ общаго (прогрессивнаго ли, или только пропорціональнаго) налога со всѣхъ доходовъ, долженъ быть установленъ спеціальный налогъ на ренту, налогъ, который бралъ бы все постепенное увеличеніе ренты сверхъ ея существующаго размѣра. Вотъ страницы, на которыхъ Милль развиваетъ свою мысль.

«Предположимъ, что есть извѣстнаго рода доходъ, имѣющій постоянную тенденцію увеличиваться безъ всякаго усилія или пожертвованія со стороны владѣльца; владѣльцы такихъ доходовъ будутъ составлять въ обществѣ классъ, прогрессивно обогащающійся естественнымъ ходомъ дѣлъ, безъ всякихъ усилій. Тутъ не будетъ нарушеніемъ принциповъ, на которыхъ основана частная собственность, если государство будетъ присвоивать себѣ эту прибавку къ богатству или часть ея, по мѣрѣ того, какъ она возникаетъ. Государство тутъ ничего ни у кого не беретъ; оно только употребляетъ въ пользу общества прибавку къ богатству, создаваемую обстоятельствами, вмѣсто того, чтобы давать оставлять эту прибавку въ незаслуженное увеличеніе богатствъ одного сословія.

«Вотъ это самое и надобно сказать о рентѣ. Обыкновенный прогрессъ обогащающагося общества неизмѣнно имѣетъ тенденцію увеличивать доходы землевладѣльцевъ; давать имъ, независимо отъ всякаго ихъ труда или расхода, все больше богатства, — больше и по абсолютной массѣ, и по сравненію съ общею суммою общественнаго богатства. Они богатѣютъ, можно сказать, во снѣ, безъ всякаго труда, риска и сбереженія. Какое право имѣютъ они по общимъ принципамъ общественной справедливости на эту прибавку богатствъ? Въ чемъ была бы несправедливость передъ ними, если бы общество съ самаго начала оставило за собою право брать себѣ посредствомъ налога всю требуемую финансовыми надобностями сумму изъ натуральнаго возрастанія ренты? Я согласенъ, что несправедливо было бы брать налогомъ всю эту прибавку съ каждаго помѣстья, въ которомъ рента возрасла; потому что не было бы тутъ различенія между возрастаніемъ ренты исключительно отъ общаго прогресса страны и возрастаніемъ ея, происшедшимъ отъ искусства и расходовъ собственника. Единственный правильный способъ тутъ былъ бы — руководиться общею нормой. Первымъ шагомъ должна быть оцѣнка всѣхъ земель въ странѣ. Нынѣшняя цѣнность земли должна быть изъята отъ налога; но по прошествіи извѣстнаго срока, во время котораго общество возрасло и населеніемъ, и капиталомъ, слѣдовало бы сдѣлать приблизительную оцѣнку натуральнаго возрастанія ренты съ той поры, какъ произведенъ былъ первый кадастръ. Пособіемъ для этого измѣренія можетъ служить средняя цѣна продукта: если она поднялась, то навѣрное увеличилась и рента. По этимъ и по другимъ даннымъ можно приблизительно оцѣнить, сколько цѣнности пріобрѣла земля страны отъ естественныхъ

причинъ; и, опредѣляя общій поземельный налогъ (размѣръ котораго слѣдуетъ постановить значительно ниже полученнаго вывода, потому что въ немъ есть рискъ ошибки), мы уже будемъ имѣть увѣренность, что нимало не коснулись тѣхъ увеличеній дохода, которыя произошли отъ затраты капитала или отъ работы собственника надъ землею.

«Не могло бы быть и спора о справедливости брать въ налогъ увеличеніе ренты, если бы общество положительно оставило за собою это право; но не утратило ли оно его чрезъ то, что не пользовалось имъ? Въ Англіи, напримѣръ, вотъ уже лѣтъ 100 или больше, каждый, покупающій землю, платитъ не за одну цѣнность настоящаго дохода, но и за перспективу будущаго его увеличенія, будучи косвенно увѣряемъ законодательствомъ, что поземельный доходъ будетъ платить налогъ не больше, какъ соразмѣрный съ другими доходами. Въ этомъ возраженіи есть нѣкоторая доля основательности, и въ иныхъ странахъ доля эта меньше, въ другихъ больше, смотря по тому, до какой степени забылось въ обществѣ право, нѣкогда несомнѣнно принадлежавшее обществу. Въ большей части европейскихъ странъ никогда не было допускаемо до забвенія право брать посредствомъ налога такую часть ренты, какая понадобится государству. Въ нѣкоторыхъ частяхъ континента поземельный налогъ составляетъ значительную часть государственныхъ доходовъ, и постоянно признавалось за правительствомъ право увеличивать или уменьшать его и безъ увеличенія или уменьшенія другихъ налоговъ. Въ этихъ странахъ никто не можетъ утверждать, что, дѣлаясь собственникомъ земли, имѣлъ увѣренность, что поземельный налогъ не увеличится. Въ Англіи величина поземельнаго налога оставалась неизмѣнною почти съ начала прошлаго вѣка. Послѣдній, относившійся къ нему актъ законодательной власти, состоялъ въ томъ, что онъ былъ уменьшенъ; съ той поры рента въ Англіи колоссально возрасла и отъ успѣховъ земледѣлія и, кромѣ того, отъ возрастанія городовъ и увеличенія числа построекъ; но сила землевладѣльцевъ въ законодательной власти не дозволяла подвергнуть справедливому налогу ту громадную часть увеличенія ренты, которая возникла безъ участія собственниковъ, сама собою. Мнѣ кажется, что ожиданія, основанныя на этомъ, будутъ уже достаточно вознаграждены, если вся прибавка къ доходу, нароставшая въ теченіе этого долгаго періода только силою естественнаго закона, безъ всякаго труда и пожертвованія, будетъ оставлена изъятою отъ всякаго особеннаго налога. Я не вижу никакихъ возраженій противъ того, чтобы объявить, что съ нынѣшняго дня или съ того дня, въ который законодательная власть разсудитъ воспользоваться своимъ правомъ, всякое дальнѣйшее увеличеніе ренты будетъ подлежать особенному налогу; тутъ не будетъ никакой несправедливости относительно землевладѣльцевъ, если сохранится нынѣшняя рыночная цѣна ихъ земли, потому что въ этой цѣнѣ уже включена нынѣшняя цѣнность всѣхъ ожиданій будущаго увеличенія дохода.

«Пропорція, въ какой возвышается общій уровень цѣны земли, вѣроятно будетъ еще лучшею нормою такого налога, чѣмъ возвышеніе ренты или цѣны хлѣба. Легко будетъ соразмѣрять налогъ такъ, чтобы рыночная цѣнность земли не падала ниже первоначальной оцѣнки; а пока цѣна земли не падаетъ ниже этой оцѣнки, не будетъ

сдѣлано налогомъ никакой несправедливости передъ собственниками, каковъ бы ни былъ размѣръ налога.

«Но какъ бы ни думали мы о законности того, чтобы дать государству участіе во всякомъ будущемъ увеличеніи ренты отъ естественныхъ причинъ, все равно нынѣшній поземельный налогъ надобно считать не налогомъ, а платою аренды въ пользу публики; частью ренты, съ самаго начала оставленною государствомъ въ свою пользу, частью, которая никогда не принадлежала землевладѣльцамъ и не составляла части ихъ дохода, которую поэтому и не должны они считать налогомъ, взимаемымъ съ нихъ, и дающимъ землевладѣльцу право на льготу отъ другихъ налоговъ. Это все равно, что десятина, которая не была налогомъ на землевладѣльцевъ; это—дѣло похожее на то, что видимъ въ Бенгалѣ, гдѣ государство, имѣющее право на всю ренту, отдало десятую долю ренты частнымъ лицамъ, удержавъ за собою остальныя $^9/_{10}$. Эти $^9/_{10}$ не могутъ считаться неравнымъ и несправедливымъ налогомъ на людей, которымъ подарена десятая часть ренты. Если частное лицо получило въ собственность часть ренты, изъ этого не слѣдуетъ, что оно имѣетъ право на остальную часть ренты, и что оно не справедливо лишается этой остальной части. Первоначально землевладѣльцы владѣли помѣстьями подъ условіемъ исправлять феодальныя повинности, за которыя нынѣшній поземельный налогъ служитъ чрезвычайно незначительною замѣною, и за освобожденіе отъ которыхъ можно было бы требовать отъ нихъ гораздо большей платы. Каждый, кто покупалъ землю при существованіи налога, покупалъ ее подверженною налогу. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать налогъ платежемъ, требуемымъ съ нынѣшняго поколѣнія землевладѣльцевъ.

«Эти замѣчанія прилагаются лишь къ той части поземельнаго налога, которая служитъ особеннымъ налогомъ, а не къ той, которая служитъ только способомъ взиманія съ землевладѣльцевъ платежа, который былъ бы равномѣренъ взимаемому съ другихъ сословій. Во Франціи, напримѣръ, есть особенные налоги на другіе разряды собственности и дохода (налогъ на движимое имущество и патентный сборъ); если поземельный налогъ не больше, какъ равномѣренъ этимъ налогамъ, то нельзя сказать, что государство оставило за собою часть поземельной ренты. Но если доходъ отъ земли прямо подвергается вычету на общественныя надобности, превышающему размѣръ налоговъ, взимаемыхъ съ другихъ доходовъ, то излишекъ поземельнаго налога надъ другими уже не налогъ въ собственномъ смыслѣ, а доля поземельной собственности, оставленная за собою государствомъ. Въ Англіи нѣтъ особенныхъ налоговъ на другіе классы, соотвѣтствующихъ поземельному налогу или предназначенныхъ уравновѣшивать его. Потому весь поземельный налогъ въ Англіи не собственно налогъ, а доля изъ ренты, и равнозначителенъ тому, какъ бы государство удержало за собою не часть ренты, а часть земли. Онъ вовсе не лежитъ обремененіемъ на землевладѣльцѣ, какъ не лежитъ бременемъ на одномъ изъ совладѣльцевъ доля, принадлежащая другому. Землевладѣльцы не имѣютъ права на вознагражденіе за этотъ платежъ, и не слѣдуетъ давать имъ никакого вознагражденія за него льготою отъ другихъ налоговъ. Продолжать взиманіе этого налога въ существующемъ размѣрѣ вовсе не служитъ нарушеніемъ принципа равенства налоговъ.»

Прямой налогъ, пропорціональный или прогрессивный, можетъ взиматься по двумъ разнымъ основаніямъ: или по величинѣ дохода, или по величинѣ имущества (налогъ съ дохода или налогъ съ капитала). Милль отдаетъ безусловное предпочтеніе налогу съ дохода, потому что, если брать основаніемъ налога имущество (капиталъ), то несправедливымъ образомъ будетъ дана привилегія не платить налога тѣмъ лицамъ, которыя получаютъ доходъ не отъ внѣшней собственности, а отъ общественныхъ отношеній и личныхъ преимуществъ; напримѣръ, медикъ, адвокатъ, художникъ, актеръ будутъ совершенно освобождены отъ налога, хотя бы получали по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей въ годъ отъ своей профессіи, и отъ этого чрезмѣрно обременится доля, требуемая налогомъ съ другаго источника доходовъ — съ внѣшней собственности. Милль не забываетъ сдѣлать оговорку, отстраняющую всякое серьезное возраженіе противъ предпочтенія налога съ дохода налогу съ капитала. Онъ говоритъ, что если по особенному желанію владѣльца собственность не приноситъ ему такого дохода, какой могла бы приносить при употребленіи на производительныя дѣла, эта собственность должна платить налогъ, соразмѣрный съ капитальною своею цѣнностію. Напримѣръ, если паркъ имѣетъ цѣнность въ 100,000, и если участокъ поля, находящагося подъ хлѣбопашествомъ, при такой же цѣнности платитъ 1,000 рублей налога, то надобно брать 1,000 и съ парка, хотя онъ не приноситъ своему владѣльцу никакого дохода, а, напротивъ, стоитъ ему большихъ расходовъ. Переходя къ подробностямъ вопроса о налогѣ съ дохода, Милль говоритъ:

«Мы уже разсмотрѣли условія, необходимыя для того, чтобы онъ былъ согласенъ съ справедливостью. Предположимъ же теперь, что эти условія исполнены. Первое изъ нихъ: доходы, ниже извѣстной суммы, должны быть совершенно освобождены отъ налога. Этотъ minimum не долженъ превышать сумму, достаточную на предметы необходимости при существующей степени размноженія людей. По нынѣшнимъ правиламъ подоходнаго налога, отъ него освобождены всѣ доходы ниже 100 фунтовъ, а съ доходовъ отъ 100 до 150 фунтовъ берется налогъ въ уменьшенномъ размѣрѣ; такую широту льготы можно оправдывать лишь тѣмъ, что почти всѣ косвенные налоги тяготѣютъ надъ доходами отъ 50 до 150 фунтовъ обременительнѣе, чѣмъ надъ доходами другихъ размѣровъ. Второе условіе то, что изъ доходовъ выше minimum'а должна платить налогъ лишь та часть, которая въ нихъ превы-

шаетъ minimum. Третье условіе то, чтобы освобождены были отъ налога всѣ сберегаемыя и употребляемыя на покупку фондовъ суммы; если же это оказывается неудобоисполнимымъ, то пожизненные доходы и доходы отъ коммерческихъ дѣлъ и профессій должны платить меньшій процентъ налога, чѣмъ наслѣдственные доходы, и размѣръ этого облегченія долженъ какъ можно ближе соотвѣтствовать тому, насколько больше надобности въ сбереженіи при доходахъ временныхъ; а для доходовъ перемѣнчивой величины должна дѣлаться льгота, сообразная ихъ невѣрности.

«Подоходный налогъ, установленный по этимъ принципамъ, былъ бы со стороны справедливости наименѣе дурнымъ изъ всѣхъ налоговъ. При нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности есть въ немъ то неудобство, что невозможно узнать дѣйствительный доходъ лицъ, съ которыхъ берется налогъ. Говорятъ, что принуждать людей объявлять величину своихъ доходовъ, значитъ слишкомъ стѣснять ихъ; мнѣ кажется, что это возраженіе не имѣетъ большой важности. Въ Англіи есть привычка, ставшая почти обязательнымъ обычаемъ, жить или стараться жить такъ, чтобы казалось, будто у человѣка больше дохода, чѣмъ сколько онъ имѣетъ; но этотъ обычай вреденъ для общества; и для лицъ, поддающихся такой слабости, было бы гораздо полезнѣе, если бы размѣръ ихъ средствъ сталъ всѣмъ извѣстенъ съ точностью и былъ устраненъ соблазнъ тратить больше, чѣмъ дозволяютъ средства, и отказывать себѣ въ дѣйствительно нужномъ для фальшиваго внѣшняго блеска.

«Надобно сказать еще, что не смотря на такъ-называемый инквизиторскій характеръ этого налога, агенты, имъ завѣдывающіе, не могутъ распредѣлять его съ дѣйствительнымъ знаніемъ денежныхъ обстоятельствъ каждаго, хотя бы имѣли всю ту инквизиторскую власть, какую только можетъ вынести народъ, самый расположенный подчиняться ей. Величину ренты, жалованья, пенсій и всѣхъ опредѣленныхъ доходовъ можно узнать съ точностью. Но не всегда съ точностью можетъ опредѣлить доходъ отъ профессіи, а тѣмъ болѣе выгоду отъ коммерческихъ дѣлъ, и самъ человѣкъ, получающій этотъ доходъ, а еще меньше возможности сборщику налога оцѣнить такіе доходы, хотя съ приблизительною вѣрностію. Главнымъ основаніемъ тутъ должно быть и всегда принималось показаніе самого лица. Разсмотрѣніе счетовъ можетъ быть полезно только въ случаяхъ слишкомъ очевиднаго обмана; да и противъ него эта повѣрка очень недостаточна, потому что если человѣкъ хочетъ обмануть, онъ почти всегда можетъ составить фальшивые счеты такъ, что нельзя будетъ изобличить ихъ никакими средствами повѣрки, находящимися у сборщиковъ налога. Тутъ часто бываетъ достаточенъ легкій способъ—не вписывать въ счетную книгу полученія денегъ, не прибѣгая и къ тому, чтобы вписывать въ нее фиктивные долги или расходы. Такимъ образомъ подоходный налогъ, на какихъ бы справедливыхъ принципахъ равенства ни былъ установленъ, имѣетъ на практикѣ самое дурное неравенство, тяжеле всего падая на людей, наиболѣе честныхъ. Человѣкъ безъ совѣсти успѣваетъ избавиться отъ значительной части платежа, какой бы слѣдовалъ съ него; даже люди, въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ честные, подвергаются искушенію кривить душою, по крайней мѣрѣ въ томъ, что рѣшаютъ

въ свою пользу всѣ тѣ вопросы, относительно которыхъ можетъ явиться хотя малѣйшее сомнѣніе; а люди, строго правдивые, часто принуждены бываютъ платить больше, чѣмъ хочетъ брать государство, потому что агентамъ, распредѣляющимъ налогъ, необходимо ввѣряется произвольная власть, какъ послѣднее охранительное средство противъ утайки со стороны платящихъ налогъ лицъ.

«Итакъ подоходный налогъ представляетъ ту опасность, что нельзя придать ему на практикѣ ту справедливость, какую имѣетъ онъ въ своемъ принципѣ; что будучи повидимому справедливѣйшимъ изъ всѣхъ способовъ собирать доходъ, онъ въ дѣйствительности будетъ несправедливѣе многихъ другихъ налоговъ, на первый взглядъ кажущихся менѣе справедливыми.

«Затруднительность установить подоходный налогъ справедливымъ образомъ — вызвала мысль о прямомъ налогѣ въ извѣстное число процентовъ не съ дохода, а съ расхода. Сумму расхода у каждаго лица предполагается тутъ опредѣлять по показанію самого лица, какъ опредѣляется теперь сумма дохода. Но лишь немногія статьи годичнаго расхода у большей части семействъ могутъ быть опредѣлены съ приблизительною вѣрностію по внѣшнимъ признакамъ. Единственною гарантіею и тутъ осталась бы правдивость каждаго, и нельзя предполагать, что показанія о расходахъ будутъ достовѣрнѣе показаній о доходахъ; это тѣмъ невѣроятнѣе, что почти у каждаго расходъ состоитъ изъ гораздо большаго числа статей, чѣмъ доходъ, потому въ перечисленіи расходовъ было бы больше простора для утайки, чѣмъ въ самомъ перечисленіи доходовъ.

«Нынѣшніе налоги на расходъ и въ Англіи, и въ другихъ странахъ падаютъ лишь на нѣкоторыя отрасли расхода и отличаются отъ налоговъ на товары лишь тѣмъ, что уплачиваются прямо лицомъ, потребляющимъ товаръ, вмѣсто того, чтобы преждевременно взиматься съ производителя или продавца, вознаграждающаго себя повышеніемъ цѣны. Таковы налоги на лошадей и экипажи, на собакъ, на прислугу. Очевидно, они падаютъ на тѣ лица, съ которыхъ взимаются, на лица, употребляющія товаръ, обложенный налогомъ. Къ этому же разряду принадлежитъ болѣе важный налогъ, — налогъ на дома; о немъ надобно поговорить нѣсколько подробнѣе.

«Часть этого налога, падающую на жильца, надобно назвать однимъ изъ лучшихъ и справедливѣйшихъ налоговъ, если она правильно соразмѣряется съ цѣнностью квартиры. Плата за квартиру служитъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ средствъ человѣка, и вообще говоря, нѣтъ въ расходахъ ни одной статьи, которая составляла бы такую одинаковую долю въ расходахъ каждаго. Налогъ на дома подходитъ къ справедливому подоходному налогу такъ близко, что трудно придать подобную близость подоходному налогу въ прямой его формѣ; налогъ на дома имѣетъ то важное преимущество, что при немъ сами собою дѣлаются всѣ тѣ льготы, которыя такъ трудно дѣлать и такъ невозможно дѣлать съ точностью при распредѣленіи подоходнаго налога: дѣйствительно, если платою за квартиру измѣряется что нибудь, то измѣряется не сумма имущества лица, а сумма, какую считаетъ возможнымъ расходовать это лицо.

По нашему мнѣнію, взиманіе налога съ дохода подъ формою налога на квартиры гораздо хуже прямаго способа опредѣлять налогъ оцѣнкою всей суммы дохода. Налогъ тутъ падаетъ только на одну отрасль расхода, и притомъ на такую отрасль, относительно которой надобно желать, чтобы у огромнаго большинства людей она увеличилась на счетъ нѣкоторыхъ другихъ статей ихъ расхода. Хорошее помѣщеніе имѣетъ такую важность въ нашихъ климатахъ, въ средней и сѣверной Европѣ, что едва ли не больше страдаютъ люди отъ дурнаго помѣщенія, чѣмъ отъ недостаточной пищи. Налогъ съ квартиръ не слишкомъ многимъ лучше налога съ оконъ, безусловно порицаемаго Миллемъ. Онъ также принуждаетъ массу лишиться чистаго воздуха, заставляя людей не очень богатыхъ слишкомъ тѣсниться. Конечно, Милль самъ очень хорошо понимаетъ это, но онъ принужденъ быть снисходителенъ къ налогу съ квартиръ потому, что видитъ слишкомъ важное неудобство въ прямомъ налогѣ съ дохода. Милль очень сильно поражается трудностью оцѣнить нѣкоторыя отрасли дохода и легкостью недобросовѣстной утайки въ нихъ.

Читатель замѣтитъ, что это возраженіе, довольно сильно примѣняющееся къ такой системѣ раскладки, при которой дѣйствуютъ только правительственные агенты, значительно ослабляется, если всѣ члены общества призываются къ участію въ этомъ дѣлѣ. Каждый знаетъ по опыту, какъ близко извѣстно количество доходовъ и имущество каждаго изъ насъ людямъ того круга, въ которомъ мы живемъ. Если этотъ кругъ будетъ имѣть прямой интересъ въ томъ, чтобы каждый платилъ не меньше того, сколько приходится ему по справедливости, утайка части имущества или дохода будетъ очень трудна. Слѣдовательно дѣло должно состоять не въ томъ, чтобы вознаграждать неравномѣрную раскладку прямаго налога установленіемъ косвенныхъ налоговъ, еще болѣе неравномѣрныхъ, а въ томъ, чтобы устранить самый источникъ неравномѣрности прямаго налога, заключающійся только въ нежеланіи общества наблюдать за равномѣрностью раскладки. Задача эта очень легко разрѣшается при тѣхъ формахъ экономическаго быта, которыхъ требуетъ наука. Мы видѣли, что при этихъ формахъ каждая группа производителей ведетъ свои

хозяйственныя дѣла открытымъ образомъ и каждый членъ ея имѣетъ прямой интересъ не допускать никакихъ утаекъ въ дѣлахъ, въ которыхъ онъ участвуетъ. При нынѣшнихъ формахъ быта можетъ достигаться подобный результатъ, если каждый членъ небольшаго общества, — прихода, квартала, села, — будетъ прямо видѣть, что на него упадетъ та часть уплаты, которую несправедливо отстранитъ отъ себя другой членъ того же кружка утайкою своего имущества или дохода. Отчасти достигается это во Франціи тѣмъ, что раскладка прямаго налога между членами каждой части населенія производится не агентами правительства, а самими жителями. Такъ, напримѣръ, центральная законодательная власть опредѣляетъ только сумму прямаго налога, какую долженъ заплатить тотъ или другой департаментъ. Жители департамента черезъ своихъ выборныхъ распредѣляютъ этотъ общій взносъ цѣлаго департамента между округами; жители каждаго округа между его общинами и, наконецъ, уже жители общины между собою. Сколько мы знаемъ, эта система дѣйствуетъ удовлетворительно. Но если бы и оказалась при ней какая нибудь неравномѣрность въ распредѣленіи налоговъ, это происходило бы только отъ непривычки французовъ принимать надлежащее участіе въ общественныхъ дѣлахъ, — непривычки, которая объясняется ихъ прежнею исторіею и постепенно уступаетъ мѣсто другому образу дѣйствій по мѣрѣ развитія и укорененія законовъ и учрежденій, соотвѣтствующихъ духу новаго времени. Конечно, не будетъ принимать дѣятельнаго участія и въ раскладкѣ налога такой гражданинъ, который не принимаетъ участія вообще во всякихъ общественныхъ дѣлахъ, касающихся его выгоды, который еще не привыкъ смотрѣть на себя, какъ на гражданина, и продолжаетъ во всемъ слѣдовать внѣшней иниціативѣ. Но въ такомъ случаѣ практическая неравномѣрность прямаго налога нимало не составляетъ спеціальнаго недостатка этого налога, а влагается въ него общимъ характеромъ неудовлетворительныхъ національныхъ обычаевъ, и вопросъ будетъ относиться не къ налогу, а къ средствамъ, какими могутъ улучшаться общіе національные обычаи, равно касающіеся всякихъ дѣлъ: и налоговъ, и правосудія, и администраціи, и торговли и такъ далѣе.

Словомъ сказать, разсматриваемый нами частный вопросъ едва ли не приведетъ читателя къ мысли, появлявшейся въ нашихъ очеркахъ чуть ли не при каждомъ случаѣ, когда рѣчь шла объ удовлетвореніи какой бы то ни было, частной ли, или общественной надобности: вообще оказывается, что качества нынѣшняго экономическаго быта слишкомъ неудобны для удовлетворенія этой надобности способомъ, который одинъ только и хорошъ. Если же такъ, то слѣдуетъ ли ограничиваться придумываніемъ другаго способа, менѣе хорошаго или прямо дурнаго, но болѣе удобнаго при существующей обстановкѣ? Не надобно ли столько же, или гораздо больше заботы обратить на разъясненіе надобности измѣнить самую экономическую обстановку, чтобы явилась возможность поступать такъ, какъ слѣдуетъ?

Главный недостатокъ обычаевъ во всѣхъ безъ исключенія странахъ состоитъ въ томъ, что люди слишкомъ мало занимаются общественными экономическими дѣлами, слишкомъ мало понимаютъ вредъ, приносимый ихъ частнымъ дѣламъ общею неудовлетворительною экономическою обстановкою. Каждый порядочный человѣкъ заботится о чистотѣ воздуха въ своей квартирѣ; но почти никто не обращаетъ надлежащаго вниманія на то, что не меньше, чѣмъ отъ порядка въ самыхъ комнатахъ, зависитъ она отъ чистоты цѣлаго дома, цѣлаго квартала и всего города. Пока не разовьется въ людяхъ убѣжденіе, котораго теперь недостаетъ, пока не создадутся сообразные ему обычаи, мало будетъ на свѣтѣ хорошаго, и каждый политико-экономъ долженъ былъ бы находить особенно полезнымъ для общественнаго и индивидуальнаго благосостоянія тѣ способы удовлетворенія существующимъ надобностямъ, которыми развивается въ людяхъ желаніе серьезно заниматься общественными экономическими дѣлами. Съ этой стороны внѣшняя затруднительность совершенно равномѣрной раскладки подоходнаго налога служитъ даже не возраженіемъ противъ него, а рекомендаціею ему, потому что эта затруднительность происходитъ только отъ безучастія частныхъ лицъ въ общественномъ дѣлѣ, и устранится, если способъ раскладки будетъ избранъ такой, чтобы каждый членъ извѣстной общественной группы имѣлъ интересъ не допускать въ своей группѣ тѣхъ утаекъ,

которыми смущается Милль и которыя быстро исчезнутъ въ этомъ случаѣ.

До сихъ поръ мы говорили о прямыхъ налогахъ, т. е. такихъ, при которыхъ требуемая сумма берется непосредственно изъ рукъ человѣка, изъ доходовъ котораго въ дѣйствительности уплачивается. Косвенные налоги, при которыхъ налогъ берется не съ этого, а съ какого нибудь посредствующаго лица, вознаграждающаго себя за уплату взиманіемъ извѣстной прибавки за свои услуги или товары съ лица, въ дѣйствительности платящаго налогъ, но не имѣющаго прямыхъ сношеній съ сборщикомъ налога, — эти косвенные налоги имѣютъ вообще много недостатковъ сравнительно съ прямыми. Въ большей части случаевъ сборъ косвеннаго налога обходится правительству гораздо дороже, чѣмъ сборъ прямаго, потому что дѣло это гораздо хлопотливѣе. Если, напримѣръ, для полученія чистаго дохода въ милліонъ рублей отъ прямаго налога государству бываетъ надобно собирать 1,100,000 — потому что 100,000 поглощаются расходами самаго взиманія, то при косвенномъ налогѣ, для полученія такого же чистаго остатка, нужно бываетъ собирать 1,200,000, или гораздо больше. Такимъ образомъ лишніе расходы сбора подвергаютъ при косвенныхъ налогахъ общество лишнему обремененію. Еще болѣе убытка, пропадающаго безъ всякой пользы правительству, терпитъ общество при почти всѣхъ косвенныхъ налогахъ отъ того, что они или стѣсняютъ производство мелочнымъ вмѣшательствомъ и неподвижной регламентаціею, или обращаютъ національный трудъ отъ производствъ болѣе выгодныхъ къ менѣе выгоднымъ. Эти недостатки косвенныхъ налоговъ удовлетворительно излагаются политико-экономами господствующей школы, потому намъ нѣтъ необходимости подробно излагать ихъ здѣсь.

Но независимо отъ неудовлетворительности косвенныхъ налоговъ, прямые налоги имѣютъ въ себѣ положительное достоинство, по которому прогрессивная часть приверженцевъ господствующей теоріи очень горячо защищаетъ ихъ. Милль удовлетворительно излагаетъ причину этого предпочтенія. Замѣтивъ, что въ Англіи (какъ и вездѣ) прямые налоги непопулярны, и что это происходитъ отчасти отъ нерасположенія англичанина (какъ и всякаго

другаго человѣка) имѣть сношенія съ сборщикомъ податей, съ которымъ онъ не имѣетъ прямаго дѣла при косвенныхъ налогахъ, Милль продолжаетъ:

«Есть и другая причина нелюбви англичанина къ прямымъ налогамъ. Быть можетъ, онъ твердо знаетъ, что платитъ налогъ лишь тогда, когда прямо платитъ его изъ своего кармана. Разумѣется, неоспоримая вещь, что пошлина въ 2 шиллинга съ фунта чая или 3 шиллинга съ бутылки французскаго вина возвышаетъ на всю свою сумму и даже больше, чѣмъ на всю свою сумму, цѣну каждаго фунта чаю и каждой бутылки вина, которые онъ потребляетъ; это фактъ, безъ этого налогъ и не бываетъ, и англичанинъ по временамъ очень хорошо знаетъ это; но это не производитъ почти никакого практическаго впечатлѣнія на его мысли, такъ что дѣло это служитъ примѣромъ разницы между сознаніемъ о фактѣ и живымъ чувствомъ факта. Непопулярность прямыхъ налоговъ и легкость, съ какою общество соглашается на то, чтобы обирали его въ цѣнѣ товаровъ, часто заставляетъ друзей прогресса разсуждать способомъ, прямо противоположнымъ приведенному нами. Они доказываютъ, что прямые налоги лучше косвенныхъ, именно по той самой причинѣ, отъ которой происходитъ ихъ непопулярность. При прямомъ налогѣ каждый знаетъ, сколько платитъ онъ на самомъ дѣлѣ; и если онъ подаетъ голосъ въ пользу войны или другой убыточной національной роскоши, онъ рѣшается на дѣло съ яснымъ понятіемъ о томъ, сколько оно стоитъ ему. Еслибы всѣ налоги были прямые, масса ихъ замѣчалась бы гораздо лучше нынѣшняго, и для экономіи въ общественныхъ расходахъ было бы обезпеченіе, котораго теперь нѣтъ.»

По нашему мнѣнію этотъ разсчетъ совершенно правиленъ, рѣшаетъ дѣло безотговорочнымъ образомъ. При прямыхъ налогахъ каждый англичанинъ прямо знаетъ, сколько онъ платитъ, знаетъ точнымъ образомъ, что деньги на государственные расходы не получаются задаромъ, а берутся съ него; потому такой англичанинъ болѣе расположенъ разсчитывать, дѣйствительно ли необходимъ расходъ, на который берутся деньги и дѣйствительно ли соблюдается экономія въ ихъ расходованіи. Непосредственное чувство всегда гораздо осязательнѣе сложныхъ умозаключеній, и его вліяніе гораздо неотступнѣе. Но Милль пробуетъ находить оговорки, ослабляющія важность изложеннаго имъ довода. Онъ говоритъ, что люди въ наше время умнѣютъ и научаются вникать въ сущность вещей, такъ что съ этой стороны уменьшается разница впечатлѣнія, производимаго на нихъ прямымъ и косвеннымъ налогомъ. Такъ, люди умнѣютъ, но не очень быстро, къ несчастію; а во всякомъ случаѣ еще очень далеко имъ до такой при-

вычки понимать и помнить сущность дѣла, чтобы маловажна стала разница между прямымъ соприкосновеніемъ съ нею или отдаленіемъ ея отъ нашего вниманія скрывающими ее косвенными отношеніями. Впрочемъ, дѣло не въ одномъ недостаткѣ экономическаго развитія: причина разницы лежитъ также и въ коренныхъ свойствахъ нашей природы: чувственное впечатлѣніе всегда должно дѣйствовать сильнѣе отвлеченнаго понятія, и какъ бы твердо ни зналъ я, что, покупая вещь обложенную пошлиной, я плачу часть денегъ не за эту вещь, а за какой нибудь государственный расходъ, я все-таки не буду чувствовать этого платежа въ казну такъ рѣзко, какъ при прямой уплатѣ сборщику налоговъ. Впрочемъ, самъ Милль обнаруживаетъ незначительность своего перваго возраженія важностью, какую придаетъ второму возраженію: онъ говоритъ, что еслибы вся сумма нынѣшняго англійскаго государственнаго дохода взималась прямыми налогами, люди не захотѣли бы жертвовать такою значительною частію своихъ средствъ:

«Еслибы нынѣшній англійскій бюджетъ, превышающій 60 мил. фунтовъ, весь доставлялся прямыми налогами, навѣрное возникло бы чрезвычайное недовольство тѣмъ, что приходится платить такъ много; а пока человѣческія мысли такъ мало руководятся разсудкомъ, какъ надобно заключать изъ подобной перемѣны ихъ отъ такой неважной причины, слишкомъ большое неудовольствіе на налоги могло бы имѣть и не хорошую сторону. Изъ 60 милл. англійскаго государственнаго дохода около 30 должны отдаваться по самымъ безспорнымъ обязательствамъ лицамъ, имущество которыхъ было занято и израсходовано государствомъ; а пока этотъ долгъ остается не уплаченъ, отъ слишкомъ усиленнаго недовольства огромностью налога являлась бы большая опасность нарушить данное обязательство, какъ по той же самой причинѣ нарушили его тѣ штаты сѣверной Америки, которые отреклись отъ своего государственнаго долга, — иные изъ нихъ отрекаются отъ него и до сихъ поръ. Та часть общественныхъ расходовъ, которая употребляется на содержаніе гражданскихъ и военныхъ учрежденій (то есть всѣ расходы кромѣ процентовъ государственнаго долга), дѣйствительно представляетъ большой просторъ для сокращеній. Но при такой значительной тратѣ доходовъ подъ пустыми предлогами, остаются неисполненными такъ много важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ, что всѣ сбереженія отъ безполезныхъ расходовъ настоятельно нужны на полезные расходы. Воспитаніе, — лучшее и доступнѣйшее отправленіе правосудія, — эмиграція и колонизація, — всякія реформы, требующія вознагражденія частныхъ интересовъ, какъ освобожденіе невольниковъ, или дѣло не менѣе важное, содержаніе достаточнаго числа способныхъ и образованныхъ людей на государственной службѣ, чтобы они вели законодательство и администрацію лучше нынѣшняго жалкаго порядка, —

каждое изъ этихъ дѣлъ требуетъ значительныхъ расходовъ и многія изъ нихъ много разъ отлагались по нежеланію правительства просить у парламента увеличенія расходовъ, хотя расходы эти оплатились бы во сто разъ и чисто денежною выгодою отъ нихъ для всего общества. При увеличеніи общественнаго нерасположенія къ налогамъ отъ исключительнаго употребленія прямыхъ налоговъ, классы, получающіе себѣ выгоду отъ дурнаго расходованія государственныхъ денегъ, вѣроятно успѣли бы сохранить расходы для нихъ на счетъ расходовъ полезныхъ только для публики.

«Но сильнѣйшее возраженіе противъ взиманія всего государственнаго налога или большей половины его прямыми налогами—невозможность правильной раскладки ихъ безъ добросовѣстнаго содѣйствія платящихъ, на которое нельзя надѣяться при нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности; справедливость и разсчетъ одинаково не одобряютъ того, чтобы всѣ неравенства сосредоточивать на однихъ и тѣхъ же лицахъ, покрываніемъ всего или почти всего государственнаго расхода однимъ налогомъ.»

Всмотримся точнѣе въ эти замѣчанія. Они касаются двухъ предметовъ. Первый предметъ — уплата процентовъ государственнаго долга. Они могутъ составить очень значительную статью расхода только въ такихъ государствахъ, которыя давно пользуются значительнымъ кредитомъ. А имъ пользуются только такія государства, въ которыхъ экономическая жизнь достигла довольно высокаго развитія. А въ такихъ государствахъ биржевое сословіе имѣетъ такую силу надъ обществомъ, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ всегда удержитъ его отъ нарушенія правилъ коммерческой честности. Что же касается слишкомъ сильныхъ внутреннихъ потрясеній, во время которыхъ бываютъ случаи государственнаго банкротства, эти переломы вызываются причинами болѣе значительными, чѣмъ разница прямаго налога отъ косвеннаго, и она ничему тутъ ни повредить, ни пособить не можетъ. Но важно вліяніе, какое имѣла бы она на предотвращеніе подобныхъ взрывовъ, или, если взрывъ уже произошелъ, на его отклоненіе отъ насильственнаго уничтоженія государственныхъ долговъ. Какова бы ни была въ данное время величина государственнаго долга и какую бы часть расхода ни составляли его проценты, значеніе этихъ цифръ довольно быстро уменьшается въ странѣ, богатство которой ростетъ. Съ концомъ наполеоновскихъ войнъ населеніе Великобританіи удвоилось; цѣнность имущества, заключающагося въ ней, возрасла по денежному счету

въ три или четыре раза; сумма доходовъ, получаемыхъ населеніемъ страны, увеличилась на столько же. Изъ этого слѣдуетъ, что англійскій государственный долгъ и его проценты имѣютъ теперь для Англіи втрое меньшую реальную величину, чѣмъ какую имѣли при концѣ наполеоновскихъ войнъ, хотя денежная цифра ихъ остается почти прежняя. Значитъ, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ меньше становится опасность, что нація въ минуту общественнаго потрясенія захочетъ искать себѣ облегченія именно въ насильственномъ уничтоженіи государственнаго долга или платежа процентовъ на него, если только не будутъ возрастать эти цифры отъ заключенія новыхъ долговъ. А чтобы не дѣлались лишніе новые долги, очень полезно было бы, когда бы англичане прямо чувствовали, какую тяжесть налагаетъ на нихъ каждый новый заемъ; а это гораздо виднѣе при прямыхъ налогахъ, чѣмъ при косвенныхъ. — Но заключеніе займовъ бываетъ лишь одною частною стороною финансоваго разстройства, которое, кромѣ долговъ, ведетъ и къ увеличенію налоговъ. Излишнее увеличеніе прямыхъ налоговъ замѣчается скорѣе и задерживается общественнымъ мнѣніемъ успѣшнѣе, чѣмъ такое же увеличеніе косвенныхъ. Слѣдовательно при прямыхъ налогахъ скорѣе удерживается и напрасная трата государственныхъ денегъ; значитъ, прямые налоги служатъ предохраненіемъ отъ финансоваго разстройства, которое служитъ причиною потрясеній.

Словомъ сказать, преобладаніе прямыхъ налоговъ не уменьшало бы, какъ думаетъ Милль, а напротивъ, увеличивало бы прочность уплаты по денежнымъ обязательствамъ, лежащимъ на правительствѣ, оставляя менѣе простора ненужному возрастанію этихъ обязательствъ.

Точно также въ пользу прямыхъ налоговъ обращается и другое обстоятельство, выставляемое противъ нихъ Миллемъ. Дѣйствительно, есть очень много полезныхъ предметовъ, требующихъ значительнаго увеличенія государственнаго расхода на нихъ. Но это увеличеніе всегда можетъ совершаться въ желаемой степени безъ увеличенія общаго итога государственныхъ расходовъ, лишь бы только производимы были требуемыя государственною пользою сбереженія въ статьяхъ чрезмѣрнаго расхода,

— статьяхъ, на которыя указываетъ самъ Милль. Этотъ чрезвычайно обильный источникъ сбереженія — военные расходы. Они почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ такъ велики, что всѣ остальные расходы, за исключеніемъ процентовъ государственнаго долга, едва равняются имъ. А между этими остальными расходами, конечно, есть очень многіе, которые также требуютъ не увеличенія, а уменьшенія или по чрезмѣрности своей, или по совершенной безполезности. Изъ этого видимъ, что расходы на предметы дѣйствительно полезные могутъ быть увеличены въ нѣсколько разъ безъ увеличенія общей суммы расходовъ.

Всѣ выгоды, указываемыя въ косвенныхъ налогахъ, ничтожны предъ тѣмъ преимуществомъ прямаго налога, что онъ никого не вводитъ въ заблужденіе, открыто обнаруживаетъ свою истинную величину, заставляетъ каждаго съ точностью знать степень своей легкости или обременительности.

Изъ косвенныхъ налоговъ теорія допускаетъ только налоги на предметы роскоши. По особенному характеру предметовъ, съ которыхъ взимаются, они имѣютъ такое внутреннее достоинство, которымъ далеко перевѣшивается неудобство косвенной формы взиманія. Если человѣкъ платитъ часть тѣхъ денегъ, которыя употребилъ на предметы необходимости или удобства, онъ подвергается извѣстному лишенію, и налогъ бываетъ съ его стороны болѣе или менѣе серьезнымъ пожертвованіемъ. Но ровно никакой невыгоды не терпитъ человѣкъ, если государство беретъ у него какую бы то ни было часть денегъ, предназначавшихся на предметы роскоши. Даже чувство тщеславія, служащее единственною причиною и цѣлію расходовъ на предметы роскоши, удовлетворяется совершенно въ одинаковой степени, хотя бы не брало правительство никакой части, или хотя бы брало бо̀льшую половину изъ денегъ, имѣющихъ такое назначеніе. Потому, чѣмъ больше правительство возьметъ изъ нихъ, тѣмъ лучше, и такъ какъ при двойной формѣ взиманія, прямой и косвенной, можно взять больше, чѣмъ при одной прямой, то слѣдовательно, кромѣ прямыхъ налоговъ на предметы роскоши, полезно существовать и косвеннымъ налогамъ на эти предметы. Вотъ изъ Милля отрывокъ, очень хорошо объясняющій сущность дѣла:

«Налоги на предметы роскоши имѣютъ свойства, сильно говорящія въ ихъ пользу. Вопервыхъ, никакъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ они касаться лицъ, весь доходъ которыхъ употребляется на предметы необходимости, а ложатся на лица, расходующія на предметы роскоши то, что слѣдовало бы расходовать имъ на предметы необходимости. Вовторыхъ, иногда они служатъ полезнымъ и единственно полезнымъ видомъ законовъ противъ роскоши. Я отвергаю всякій аскетизмъ и вовсе не желаю того, чтобы закономъ или общественнымъ мнѣніемъ отвлекались люди отъ удобствъ и удовольствій, къ которымъ влекутся неподдѣльною наклонностью къ извѣстному удобству или удовольствію (лишь бы оно было совмѣстно со средствами и обязанностями пользующагося имъ лица); но почти во всѣхъ странахъ значительная часть, а въ Англіи огромнѣйшая доля, расхода, дѣлаемаго высшимъ и среднимъ классами, дѣлается не ради удовольствія, доставляемаго вещами, на которыя расходуются деньги, а въ угожденіе общему мнѣнію и той мысли, что оно ждетъ отъ человѣка въ извѣстномъ положеніи извѣстныхъ расходовъ, какъ принадлежности его положенія; а я непоколебимо думаю, что такой расходъ всего лучше подвергать налогу. Если налогъ отбиваетъ охоту отъ него, это полезно; а если и не отбиваетъ, — вреда нѣтъ, потому что никому не бываетъ убытка отъ тѣхъ налоговъ, которые взимаются съ предметовъ, бывающихъ цѣлью желанія и пріобрѣтенія по такимъ побужденіямъ. Когда вещь покупается не сама за себя, а за свою дороговизну, то дешевизна напрасна. По справедливому замѣчанію Сисмонди, когда предметы тщеславія удешевляются, результатъ бываетъ не тотъ, что уменьшается расходъ на такіе предметы, а то, что удешевившійся предметъ покупщики замѣняютъ другимъ, болѣе дорогимъ предметомъ, или изысканнѣйшимъ сортомъ того же предмета; а прежній сортъ точно такъ же удовлетворялъ тщеславію, когда былъ дорогъ; стало быть налогъ на этотъ предметъ не ложится въ сущности ни на кого: онъ создаетъ государству доходъ безъ убытка кому бы то ни было. «Если предположить, что брильянты можно было бы получать изъ одной и отдаленной мѣстности, и жемчугъ такъ же изъ одной, и что по естественнымъ причинамъ добываніе рудокопнаго продукта въ первой странѣ и добываніе рыболовнаго продукта во второй стало вдвое труднѣе, результатъ былъ бы лишь тотъ, что черезъ нѣсколько времени для обозначенія извѣстной пышности и важности достаточна сдѣлалась бы половина того количества брильянтовъ и жемчуга, какое было нужно для этого прежде. На полученіе этой половины нужна стала бы такая же сумма другаго товара (то есть, въ послѣднемъ анализѣ, такая же сумма труда), какая прежде нужна была на вдвое большее количество. Если бы трудность произведена была законодательными правилами, половина прежняго количества точно такъ же удовлетворяла бы тщеславію.» Предположимъ, что найдено средство по произволу вызывать физіологическій процессъ, отъ котораго рождается жемчугъ, такъ что отъ этого добываніе каждой жемчужины стало бы стоить въ 500 разъ меньшаго труда. «Окончательный результатъ этой перемѣны зависѣлъ бы отъ того, свободна или несвободна ловля раковинъ. Если она совершенно свободна, то есть жемчугъ получается просто за стоимость труда ловли его, нитка жемчуга покупалась бы за нѣсколько пенсовъ; потому бѣднѣйшій классъ общества могъ бы наряжаться

въ жемчугъ. Жемчугъ скоро сталъ бы чрезвычайно вульгаренъ, вышелъ бы изъ моды и наконецъ потерялъ бы всякую цѣнность. Но если предположить, что ловля раковинъ не свободна, а присвоена правительству, и что оно можетъ отвратить всякую контрабандную ловлю на томъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ добывается жемчугъ. то по мѣрѣ развитія новооткрытаго способа правительство могло бы облагать жемчугъ пошлиною, соразмѣрною уменьшенію труда, нужнаго на его добываніе. Тогда жемчугъ продолжалъ бы цѣниться попрежнему. Собственная красота его осталась бы прежняя. Трудность его полученія была бы иного рода, чѣмъ прежде, но велика попрежнему, и оттого жемчугъ попрежнему служилъ бы для обозначенія пышности носящихъ его.» Чистый доходъ, доставляемый такимъ налогомъ, «не стоилъ бы обществу ничего. Если бы не было злоупотребленій въ его примѣненіи, онъ былъ бы весь чистою прибавкою къ общественнымъ средствамъ.» Rae, New Principles of Political Economy, стр. 369—371.»

Всѣ другіе косвенные налоги далеко уступаютъ въ экономическомъ достоинствѣ прямымъ налогамъ, такъ что теорія собственно должна была бы предлагать совершенную замѣну ихъ прямыми. Но въ нынѣшней практикѣ непреоборимымъ затрудненіемъ къ тому представляется размѣръ бюджета. Въ Англіи, напримѣръ, количество доходовъ, подлежащихъ прямому налогу, простирается до 300 милліон. фунтовъ; а бюджетъ расходовъ превышаетъ 60 милліон. фунтовъ. Значитъ, если бы покрывать расходъ только прямыми налогами, пришлось бы прямо требовать около 20% пожертвованія въ казну отъ каждаго платящаго нынѣ налогъ съ дохода. Во Франціи пропорція пожертвованія была бы вѣроятно еще больше, потому что доходы, превышающіе minimum, который надобно освобождать отъ прямаго налога, составляютъ во Франціи бо́льшую пропорцію общей массы національныхъ доходовъ, чѣмъ въ Англіи. Очень сомнительно, чтобы столь значительную часть дохода можно было взять однимъ пріемомъ. Не говоримъ уже о чрезвычайномъ сопротивленіи, которое встрѣтила бы во всѣхъ богатыхъ людяхъ реформа, замѣняющая однимъ падающимъ большею частію на нихъ налогомъ огромное количество нынѣшнихъ налоговъ, при которыхъ 3/4 государственнаго бюджета, или больше, взимаются съ людей недостаточныхъ и совершенно бѣдныхъ; безъ чрезвычайныхъ событій, дающихъ экстренную силу народнымъ мыслямъ, едва ли возможно побѣдить это сопротивленіе. Но положимъ, что оно побѣждено; предположимъ случай еще менѣе вѣроятный, что за подобнымъ потрясеніемъ не послѣ-

дуетъ реакція, которая по обыкновенію уничтожитъ бо́льшую часть сдѣланнаго во время напряженія народной энергіи. Все-таки очень трудно предположить, что богатые классы, при нынѣшнемъ порядкѣ своей жизни, могли бы исправно уплачивать налогъ, равняющійся $^1/_5$ или $^1/_6$ части всего ихъ дохода. Извѣстно, что хозяйство богатыхъ людей рѣдко идетъ хорошимъ порядкомъ: обыкновенно оно обременено долгами; обыкновенно поглощаются требованіями кредиторовъ или „необходимымъ“ мотовствомъ деньги, попадающія въ руки богачу, такъ что онъ почти всегда самъ сидитъ безъ денегъ. При подобномъ безпорядкѣ требованіе огромнаго налога тотчасъ повело бы къ неоплатнымъ недоимкамъ и продажамъ съ аукціона. Реформа въ системѣ налоговъ, вытекающая изъ принциповъ экономической науки, повела бы къ совершенному перевороту всѣхъ существующихъ отношеній и результатомъ ея были бы только безпрестанныя потрясенія.

Словомъ сказать, вопросъ о налогахъ послѣдовательнымъ образомъ разрѣшается въ тотъ выводъ, что удовлетворительное его рѣшеніе невозможно при существующемъ бытѣ. И мы имѣемъ передъ собою два заключенія: пока этотъ бытъ не будетъ существенно преобразованъ, поневоле приходится допускать множество налоговъ, рѣшительно отвергаемыхъ наукою; такъ дѣлаетъ и Милль. Кромѣ прямаго налога съ дохода, кромѣ налога съ квартиръ, кромѣ спеціальнаго налога на ренту и кромѣ налога на предметы роскоши, онъ принимаетъ и таможенныя пошлины и внутреннія акцизы съ предметовъ первой необходимости и пошлины съ торговыхъ сдѣлокъ и т. д. Видя невозможность желать, чтобы система налоговъ была хороша, онъ желалъ бы только, чтобъ она не была чрезмѣрно дурна. Другое заключеніе — то самое, къ какому приводилъ насъ и всякій другой частный вопросъ: должны измѣниться самыя основанія экономическаго быта.

C. НАЦІОНАЛЬНЫЙ ДОЛГЪ.

(МИЛЛЬ, КН. V, ГЛ. VII).

Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ національный долгъ достигъ такой величины, что уже одна уплата процентовъ его составляетъ очень обременительную статью государственнаго расхода. Если, напримѣръ, взять бюджеты четырехъ великихъ державъ: Великобританіи, Франціи, Россіи и Австріи за 1859 годъ, то мы увидимъ, что вся сумма государственнаго дохода этихъ четырехъ правительствъ составляетъ около 1,300 милліоновъ рублей серебромъ, и на уплату процентовъ по ихъ долгамъ, простирающимся почти до 11,000 милліоновъ рубл. сер., идетъ около 450 милліоновъ рублей, т. е. нѣсколько болѣе цѣлой трети всего дохода. За исключеніемъ расходовъ на военныя силы, поглощающихъ столько же денегъ, ни одинъ изъ остальныхъ предметовъ государственнаго расхода не имѣетъ важной величины сравнительно съ этими двумя статьями, да и всѣ вмѣстѣ эти остальные расходы составляютъ только 400 милліоновъ рублей. Понятно послѣ этого, что публицисты, желающіе уменьшенія налоговъ, думаютъ больше всего объ уменьшеніи расходовъ на войско и на проценты государственнаго долга. — Соображенія о военныхъ реформахъ для уменьшенія расходовъ на армію и флотъ переходятъ за границы спеціальнаго экономическаго изслѣдованія, находясь въ зависимости отъ другихъ политическихъ наукъ и отъ теоріи военнаго дѣла. Но задача, представляемая государственнымъ долгомъ, принадлежитъ почти исключительно политической экономіи.

Прежде всего спрашивается: дозволяетъ ли здравая теорія государству неимѣющему долга входить въ долгъ, или имѣющему долгъ увеличивать его? Разумѣется, дѣло тутъ идетъ не о небольшихъ займахъ, являющихся только отсрочкою дѣйствительныхъ уплатъ на нѣсколько мѣсяцевъ, каковы внутренніе займы, дѣлаемые, напримѣръ, англійскимъ правительствомъ черезъ выпускъ такъ называемыхъ билетовъ государственнаго казначейства, кото-

рые выкупаются черезъ годъ, много черезъ два года, и никогда не составляютъ огромныхъ суммъ. Если въ извѣстномъ году явился непредвидѣнный излишекъ расхода, который въ слѣдующемъ году будетъ покрытъ излишкомъ обыкновеннаго дохода, не стоитъ учреждать для небольшихъ надобностей одного года особенный налогъ. Рѣчь идетъ о займѣ огромныхъ суммъ, уплаты которыхъ нельзя предвидѣть въ скоромъ времени, — о тѣхъ займахъ, которые до сихъ поръ обращались въ вѣчный долгъ.

Надобно начать съ того, что заключеніе государственнаго займа обыкновенно вовсе не уменьшаетъ суммы пожертвованій, дѣйствительно взимаемыхъ отъ націи въ годъ заключенія займа, вовсе не составляетъ для націи никакой отсрочки въ платежѣ суммы расхода, дѣлаемаго на заемъ. Чтобы оказалось это яснымъ и безспорнымъ, надобно только проникнуть сквозь формальность денежныхъ разсчетовъ до реальной сущности происходящаго тутъ дѣла. Положимъ, что въ 1815 году Англія для низверженія возвратившагося съ Эльбы Наполеона должна была выставить лишнихъ 100,000 войска и 100 военныхъ кораблей, и употребить извѣстное лишнее количество свинцу, пороха и т. д. Положимъ, что пріобрѣтеніе этихъ военныхъ матеріаловъ и содержаніе этихъ людей, превышавшихъ обыкновенную норму, стоило ей 50 милліоновъ фунтовъ сверхъ обыкновеннаго расхода, покрывавшагося обыкновеннымъ доходомъ. Въ чемъ дѣйствительно состоялъ этотъ лишній расходъ, формально или отвлеченно выражаемый денежнымъ счетомъ? Дѣйствительно онъ состоялъ вотъ въ чемъ. Взято 100,000 работниковъ отъ земледѣльческаго, ремесленнаго и фабричнаго производства на военную службу. По этому обстоятельству осталось не произведено въ 1815 году, сравнительно съ обыкновенными годами, нѣкоторое количество продуктовъ,—милліонъ квартеровъ пшеницы, 100,000 кусковъ сукна, и т. д., и т. д; этотъ недочетъ уменьшилъ для англійской націи норму продовольствія всѣми продуктами, въ которыхъ оказался. Но однимъ этимъ не ограничилось дѣло. 100,000 работниковъ, которые безъ войны увеличили бы своими продуктами сумму національнаго продовольствія, теперь должны были сами содержаться продуктами остальныхъ національныхъ работ-

никовъ, изъ продукта которыхъ взято на содержаніе этихъ 100,000 человѣкъ извѣстное количество хлѣба, сукна и т. д. Кромѣ того, нужно было для ихъ военныхъ дѣйствій остальнымъ работникамъ произвести извѣстное лишнее количество кораблей, свинцу, пороха и такъ далѣе. На эти работы было отвлечено извѣстное количество остававшихся работниковъ, которые иначе производили бы продукты для продовольствія. Если мы хотимъ наглядно сообразить перемѣну, происшедшую отъ того въ балансѣ англійскаго хозяйства, мы не поскучаемъ просмотрѣть слѣдующую выкладку.

По нашему обыкновенію, переведемъ всѣ предметы продовольствія въ одинъ счетъ на пшеницу, точно также переведемъ всѣ виды поглощенныхъ войною военныхъ матеріаловъ въ одинъ счетъ, напримѣръ, на порохъ.

Положимъ, что каждый работникъ производитъ 10 квартеровъ пшеницы или 1 тонну пороха. Положимъ, что Англія въ данное время имѣла милліонъ людей способныхъ къ работѣ. Положимъ, что въ мирное время ей было нужно содержать 50,000 войска и потреблять сумму военныхъ припасовъ, равнявшуюся 50,000 тоннъ пороха. Балансъ англійскаго хозяйства въ мирный годъ будетъ у насъ таковъ:

50,000 солдатъ и 50,000 работниковъ, занятыхъ приготовленіемъ военныхъ матеріаловъ не производятъ ничего для національнаго продовольствія; напротивъ, на ихъ собственное продовольствіе должно быть взято изъ продукта остальныхъ работниковъ по 10 квартеровъ пшеницы, т. е. . . .	1,000,000 квартер.
Остаются 900,000 производительныхъ работниковъ, продуктъ которыхъ, по 10 квартеровъ отъ труда каждаго, составляетъ	9,000,000 квартер.
Изъ этого продукта на содержаніе военныхъ силъ надобно взять, какъ мы видѣли, 1,000,000 квартеровъ, и на продовольствіе каждаго производительнаго работника остается по	8,8888 квартеровъ.

Посмотримъ теперь балансъ военнаго года, предположивъ, что понадобилось удвоить количество солдатъ и утроить приготовленіе военныхъ матеріаловъ.

100,000 солдатъ и 150,000 работниковъ, занятыхъ приготовленіемъ военныхъ матеріаловъ не производятъ ничего для національнаго продовольствія; напротивъ, на ихъ собственное продовольствіе должно быть взято изъ продукта остальныхъ работниковъ по 10 квартеровъ пшеницы, то есть . . 2,500,000 квартер.

Остаются 7,500,000 производительныхъ работниковъ, продуктъ которыхъ, по 10 квартер. отъ труда каждаго, составляетъ 7,500,000 квартер.

Изъ этого продукта на содержаніе военныхъ силъ надобно взять, какъ мы видѣли, 2,500,000 квартеровъ, и на продовольствіе производительныхъ работниковъ остается 5,000,000 квартеровъ, то есть на каждаго производительнаго работника . . . . 6,6666 квартер.

Сличимъ теперь эти цифры. Въ мирный годъ отвлекалась отъ производства продовольствія одна десятая часть рабочихъ силъ націи, а въ военный годъ отвлекается цѣлая четвертая часть этихъ силъ. Отъ этого въ военный годъ производится только 7,500,000 квартеровъ пшеницы, между тѣмъ какъ въ мирный годъ производилось 9,000,000, и въ массѣ населенія на каждаго остается въ военный годъ только $6^{2}/_{3}$ кварт., а въ мирный годъ оставалось $8^{8}/_{9}$ квартеровъ. Такимъ образомъ сумма лишняго пожертвованія, дѣлаемаго націею въ военный годъ, простирается до 1,500,000 квартеровъ пшеницы и каждый изъ мирныхъ гражданъ въ эту сумму пожертвованія отдаетъ $2^{2}/_{9}$ квартера пшеницы изъ прежнихъ $8^{8}/_{9}$ квартеровъ, т. е. отдаетъ четвертую долю своего прежняго продовольствія.

Вотъ въ этихъ перемѣнахъ и недочетахъ и состоитъ реальное пожертвованіе; никакимъ образомъ нельзя отсрочить его съ военнаго года на слѣдующіе годы, потому что именно въ этотъ годъ происходитъ все отвлеченіе рабочихъ рукъ, все уменьшеніе

суммы продовольствія, все непроизводительное потребленіе. А чрезъ какую форму будутъ произведены эти недочеты и взяты эти пожертвованія, для реальной сущности дѣла все равно. Чтобы яснѣе было для насъ это заключеніе, посмотримъ, какими формами произойдетъ обремѣнительная перемѣна при налогѣ и при займѣ.

Мы знаемъ, что при денежномъ хозяйствѣ экономическія дѣйствія производятся черезъ посредство покупательной силы, сосредоточиваемой въ деньгахъ. Что нужно государству по реальной сущности дѣла? Ему нужно для наличныхъ военныхъ расходовъ количество продуктовъ и работъ, равняющееся 1,500,000 квар. пшеницы, сверхъ обыкновенной его нужды, простиравшейся до 1,000,000 квартер. Положимъ, что квартеръ пшеницы стоитъ 10 руб. Итакъ въ мирный годъ государству нужно 10,000,000 рублей доходу. Если экстренный военный расходъ покрывается установленіемъ налога, съ каждаго гражданина прямо берется нужное количество денегъ, такъ чтобы новый налогъ принесъ государству лишніе 15,000,000 руб. на покупку 1,500,000 квартеровъ пшеницы.

Если же не устанавливается налогъ, а получаются эти 15,000,000 руб. посредствомъ займа, они все-таки употребляются точно также на отвлеченіе рабочихъ рукъ и покупку пшеницы.

Такимъ образомъ между дѣйствіемъ займа и дѣйствіемъ налога во время военнаго года нѣтъ никакой разницы. Разница относится только къ слѣдующимъ мирнымъ годамъ. Если лишній расходъ былъ сдѣланъ посредствомъ налога, налогъ отмѣняется по окончаніи военнаго года и нація переходитъ къ мирному состоянію, не имѣя на себѣ остатковъ перенесеннаго пожертвованія. Если же расходъ былъ сдѣланъ посредствомъ займа, на націи остается долгъ и обязанность платить проценты. Этотъ остатокъ составляетъ совершенно лишнее обремененіе для слѣдующихъ лѣтъ.

Мы говорили о займахъ производимыхъ на войну, потому что таковъ источникъ почти всей массы государственныхъ долговъ. Но если заемъ дѣлается и не для содержанія военныхъ силъ, а для какихъ нибудь другихъ дѣлъ, хотя бы самыхъ производитель-

ныхъ и полезныхъ, невыгода его передъ налогомъ остается все та же. Словомъ сказать, какого бы рода ни былъ экстренный расходъ, представляющійся нужнымъ государству, для націи всегда гораздо менѣе обремененія будетъ, если онъ будетъ произведенъ посредствомъ налога, а не займа.

Мы вовсе не о томъ говоримъ, что не можетъ представляться основательной надобности въ экстренныхъ расходахъ. Не упоминая уже о расходахъ на дѣла всегда полезныя по своей сущности, на какія нибудь реформы или улучшенія, нельзя забывать, что бываютъ иногда и войны, совершенно оправдываемыя экономическимъ разсчетомъ. Таковы войны на защиту или возвращеніе національной независимости. Мы только говоримъ, что если дозволительно по разсудку и по экономическому разсчету, произвести экстренный расходъ, то всегда лучше бываетъ собрать средства для него не займомъ, а налогомъ.

Разумѣется, бываютъ разные роды займа, какъ бываютъ разные роды налога, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе обременительны для націи, чѣмъ другіе. Но мѣсто не дозволяетъ намъ здѣсь вдаваться въ эти подробности, которыя впрочемъ теряютъ значительную часть своей важности для теоретическаго изслѣдованія, если мы твердо убѣдимся въ общей невыгодности самаго принципа замѣнять налогъ займомъ. Теорія говоритъ, что займовъ не слѣдуетъ заключать; послѣ этого, какую степень серьезности могли бы имѣть разсужденія о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ размѣрѣ можно заключать займы?

Теорія можетъ говорить безъ нарушенія собственныхъ принциповъ только о долгахъ уже сдѣланныхъ, какъ о результатѣ ошибочнаго взгляда, какъ о слѣдствіи фактовъ, которыхъ не слѣдуетъ повторять, а которые надобно по возможности исправлять. Слѣдуетъ ли и можно ли государству заботиться объ освобожденіи себя отъ долга, если оно по несчастію уже обременено имъ? Къ сожалѣнію и тутъ, какъ во многихъ другихъ предметахъ, самый тотъ фактъ, что люди разсуждаютъ о пользѣ или возможности отстранить зло, служитъ доказательствомъ трудности справиться съ этимъ зломъ. Есть государства, у которыхъ долгъ невеликъ, такъ что возможность заплатить его не подлежитъ

сомнѣнію. Напримѣръ, по бюджету Швейцаріи за 1860 годъ государственный долгъ простирался до 10,000,000 франковъ, между тѣмъ какъ доходы простирались до 16,000,000 фран., а расходы были нѣсколько меньше. Конечно, Швейцарія легко могла уплатить свой долгъ. Но не у такихъ націй возникаютъ вопросы объ уплатѣ его, потому что Швейцарія безъ всякихъ споровъ хочетъ уплатить и уплатитъ свой долгъ. Вопросы объ этомъ предметѣ очень занимаютъ публицистовъ только такихъ государствъ, какъ Англія, у которой государственный долгъ въ одинадцать или двѣнадцать разъ превышаетъ собою сумму годичнаго дохода, на половину поглощаемаго одною уплатою процентовъ, или такихъ государствъ, какъ Франція, въ которой долгъ уже возросъ до величины, въ шесть разъ превышающій сумму дохода, и съ каждымъ годомъ быстро ростетъ, такъ что при продолженіи подобнаго порядка дѣлъ скоро превыситъ собою долгъ самой Англіи. Вотъ для такихъ государствъ интересно узнать, должны ли и могутъ ли избавиться они отъ этой обременяющей ихъ тяжести. Но тутъ съ перваго же взгляда видно, что избавиться имъ отъ нея очень тяжело.

Представимъ себѣ человѣка, который, получая 1000 руб. дохода, имѣетъ на себѣ 12,000 долга, — таково положеніе Англіи. Представимъ себѣ человѣка, который, получая 1000 рублей дохода, имѣетъ на себѣ 6000 руб. долга и съ каждымъ новымъ годомъ увеличиваетъ его на нѣсколько сотъ рублей, — таково нынѣшнее положеніе Франціи. Ясно, что эти люди не могутъ уплатить своего долга иначе, какъ прибѣгнувъ къ геройскимъ средствамъ.

Такихъ средствъ существуетъ — три очень быстрыхъ и одно довольно медленное. Два изъ трехъ быстрыхъ средствъ имѣютъ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ; къ сожалѣнію, малочисленны серьезные приверженцы медленнаго средства, потому что оно требуетъ труднаго самообладанія.

Первое быстрое средство — государственное банкротство. Разсуждать о его дозволительности или недозволительности мы не будемъ, потому что нѣтъ людей, формальнымъ образомъ защищающихъ его. Зато очень часты въ западной Европѣ примѣры,

что государствами управляли люди, не заботившіеся на практикѣ объ отстраненіи отношеній, изъ которыхъ оно необходимо вытекало. Если долги ростутъ среди обыкновенныхъ обстоятельствъ, или ходъ исторіи ведется такъ, что постоянно выказываются экстренныя обстоятельства, увеличивающія долгъ, правительство идетъ къ банкротству. Но это, какъ мы сказали, дѣло практики, а не теоріи; исторической практикѣ, а не экономической теоріи принадлежитъ и отысканіе средствъ къ избѣжанію такой развязки.

Другое быстрое средство — установить нѣчто въ родѣ всеобщей контрибуціи для погашенія долга. Милль довольно подробно занимается проэктами такой развязки дѣла, доказывая несправедливость одного и непрактичность другаго способа совершить ее. Первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы раскладка долга была произведена исключительно по размѣру имущества или доходовъ съ имущества. Проценты англійскаго долга простираются приблизительно до 30,000,000 фунтовъ. Доходы съ имущества, принадлежащаго англійскимъ собственникамъ, простираются до 300,000,000 фунтовъ. Такимъ образомъ, если бы парламентъ, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, пришелъ къ требуемому убѣжденію, онъ опредѣлилъ бы, что государство установляетъ единовременный налогъ на всѣ имущества, равняющійся $^1/_{10}$ всякой собственности. Доля эта была бы передана государственнымъ кредиторамъ. Прежніе собственники ничего не потеряли бы отъ этого пожертвованія, когда, по уплатѣ государственнаго долга, были бы отмѣнены взимавшіеся съ нихъ налоги въ размѣрѣ, равномъ тому доходу, какой получали они съ части имущества, пошедшей на уплату долга. Напротивъ, они даже могли бы выиграть, потому что государство получило бы возможность отмѣнить налоговъ на сумму больше той, какая требовалась уплатою процентовъ: взиманіе денегъ, шедшихъ на уплату процентовъ, требовало значительнаго расхода, т. е. дополнительныхъ налоговъ, надобность въ которыхъ теперь также устранилась бы. Лицо, получающее нынѣ 10,000 фун. доходу и платящее 1000 фун. налога на уплату процентовъ и 200 фунтовъ дополнительнаго налога на издержки по этому сбору, потеряло бы 1000 фунтовъ дохода, за то было бы избавлено отъ налоговъ на 1200 фун.;

значитъ, въ сущности выиграло бы 200 фунтовъ въ чистомъ ежегодномъ своемъ доходѣ. Но Милль думаетъ, что возложить уплату всего долга на имущество было бы несправедливо: часть уплаты слѣдовало бы, по его мнѣнію, возложить и на людей, неимѣющихъ собственности, живущихъ со дня на-день платою за трудъ. Онъ говоритъ, что вѣдь и эти люди очень многимъ обязаны труду предшествующихъ поколѣній, слѣдовательно, получивъ отъ нихъ многое, не должны быть совершенно избавлены и отъ обязанности принять на себя часть долга, оставленнаго прошедшимъ. Для насъ такое заключеніе кажется не совсѣмъ логичнымъ. Милль говоритъ: наслѣдники прошедшаго не одни люди, получившіе матеріальное наслѣдство; они только получили еще особенное наслѣдство, кромѣ общаго всѣмъ членамъ націи умственнаго и нравственнаго наслѣдства. Такъ; но мы прибавляемъ: и долги, оставленные прошедшимъ, состоятъ не изъ одного матеріальнаго долга, по которому платятся денежные проценты. Если называть наслѣдствомъ техническое и теоретическое знаніе, хорошія учрежденія, хорошіе обычаи и такъ далѣе, то слѣдуетъ признать нематеріальнымъ долгомъ предразсудки, общественные недостатки и т. п. отрицательные факты, переданные нынѣшнему поколѣнію предками. Тяжесть этого долга достаточно несутъ на себѣ и люди, не получившіе матеріальнаго наслѣдства. Итакъ, кто получилъ только нематеріальное наслѣдство, долженъ считаться сонаслѣдникомъ и долга также только нематеріальнаго. А матеріальный долгъ связанъ исключительно съ матеріальнымъ наслѣдствомъ. Потому нѣтъ ничего несправедливаго въ мысли, чтобы онъ былъ выплаченъ только изъ матеріальнаго имущества.

Но Милль, какъ мы сказали, отвергаетъ такой взглядъ, и уплата долга единовременною раскладкою кажется ему справедливою лишь въ томъ случаѣ, если раскладка будетъ произведена и на людей, не владѣющихъ имуществомъ. А въ такомъ случаѣ, по справедливому его замѣчанію, планъ уплаты рушится. Люди, живущіе не доходомъ съ имущества, не имѣютъ средствъ уплатить той части капитала, потребовать которую пришлось бы съ нихъ. Они въ состояніи платить только проценты, потому что имѣютъ только доходъ, не имѣя капитала.

Мы сказали, что не находимъ надобности искать этого втораго невозможнаго способа уплаты, признавая справедливымъ первый способъ, не представляющій физической невозможности. Но мы не полагаемъ, чтобы когда нибудь осуществился и онъ. Его принятіе требуетъ такой твердой привычки къ точнымъ экономическимъ соображеніямъ и такой настойчивости въ общественномъ мнѣніи, что гораздо раньше, нежели достигнетъ общество подобной высоты экономическаго знанія и благоразумія, пересоздадутся всѣ черты нынѣшняго быта учрежденіями, для которыхъ достаточно и гораздо меньшее усиліе здраваго экономическаго смысла; а еще гораздо раньше того погасятся государственные долги постепеннымъ преобразованіемъ бюджета. Однако же прежде, чѣмъ будемъ мы говорить о постепенномъ погашеніи государственнаго долга, намъ надобно сказать о третьемъ способѣ быстрой уплаты его.

Этотъ способъ имѣетъ и въ теоріи, не только на практикѣ, столь же многочисленныхъ приверженцевъ, какъ банкротство имѣетъ ихъ только на практикѣ. Онъ состоитъ въ продажѣ государственнаго имущества. Рутинные политико-экономы очень любятъ рекомендовать такое средство; къ нимъ присоединяется на этотъ разъ и Милль. Мы не станемъ говорить о томъ, что есть страны, въ которыхъ у государства уже не осталось значительной собственности, все продано или отдано въ частныя руки, такъ что жалкіе остатки слишкомъ ничтожны сравнительно съ суммою государственнаго долга. Но если взять и такую страну, въ которой еще сохранилась у государства собственность, превышающая долгъ, все-таки нельзя согласиться на мѣру, о которой мы говоримъ. Мы не будемъ выставлять здѣсь соображеній, основанныхъ на преданности взгляду, несогласному съ господствующею теоріею. Приведемъ только два замѣчанія, вытекающихъ изъ нея самой. Вопервыхъ, быстрая продажа огромнаго количества государственной собственности уронила бы цѣну частной собственности, потрясла бы весь существующій хозяйственный бытъ, разорила бы одну половину и обѣднила бы другую половину всѣхъ прежнихъ владѣльцевъ недвижимой собственности; а при такомъ упадкѣ цѣнъ и сама государственная собственность шла бы въ продажу по цѣнѣ слишкомъ неразсчетливой для государства.

Чтобы осязательнѣе былъ этотъ выводъ, представимъ себѣ совершеніе подобнаго факта въ маленькой сферѣ. Вообразимъ себѣ, что правительству принадлежитъ третья или четвертая часть всѣхъ домовъ какого нибудь города и что оно вздумало въ короткое время продать всѣ эти дома. Каково отзовется эта мѣра на всѣхъ частныхъ домовладѣльцахъ города? Тѣ изъ нихъ, дома которыхъ были въ залогѣ, совершенно разорятся: цѣна ихъ имущества окажется недостаточной на уплату долга. Всѣ другіе домовладѣльцы увидятъ свои дома потерявшими болѣе половины прежней цѣны. А правительство не получитъ за свои дома и третьей доли нормальной ихъ цѣны.

Другое замѣчаніе состоитъ въ томъ, что цѣна и рента земли быстро ростетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, а съ особенною быстротою ростетъ въ странахъ малонаселенныхъ, въ которыхъ однѣхъ и сохраняются значительныя массы государственной собственности. Наоборотъ, величина процентовъ по денежнымъ долгамъ имѣетъ тенденцію падать. Такимъ образомъ, продажа государственной собственности на выкупъ государственнаго долга означала бы отказъ отъ постоянно возрастающей статьи дохода для уничтоженія постоянно уменьшающейся статьи расхода.

Такимъ образомъ, изъ трехъ быстрыхъ средствъ къ уничтоженію долга два должны быть отвергаемы теоріею, а третье требуетъ такой энергіи и распространенности здравыхъ понятій, что нельзя надѣяться на его успѣхъ въ близкомъ будущемъ, а съ теченіемъ времени надобность въ немъ будетъ устранена реформами болѣе существенными и, однако же, болѣе легкими. Остается разсмотрѣть медленный способъ, принять который вовсе нетрудно, но трудно выдержать съ продолжительнымъ постоянствомъ, котораго онъ требуетъ. Этотъ способъ — знаменитая система погашенія государственныхъ долговъ постепеннымъ выкупомъ ихъ облигацій на излишекъ, остающійся отъ обыкновенныхъ доходовъ.

Въ государствахъ, подобныхъ французскому или австрійскому, не можетъ быть серьезной рѣчи объ употребленіи излишковъ дохода на выкупъ долга, потому что, вмѣсто излишковъ, обыкновенно тамъ бываетъ дефицитъ, требующій новыхъ займовъ. Но

есть государства, пользующіяся болѣе хорошимъ финансовымъ управленіемъ. Въ нихъ постоянно образуется излишекъ доходовъ надъ расходами по общему экономическому закону, говорящему, что необходимыя издержки на управленіе дѣломъ возрастаютъ въ меньшей пропорціи, чѣмъ расширяется размѣръ дѣла, т. е. и доходъ отъ него. Благодаря экономическому прогрессу, возрастанію населенія и богатства, общему Англіи съ другими передовыми странами, сумма, доставляемая каждымъ существующимъ налогомъ, увеличивается въ Англіи довольно быстро, а издержки по дѣламъ, которыми продолжаетъ правительство заниматься въ прежнемъ размѣрѣ, увеличиваются гораздо медленнѣе, благодаря отсутствію чрезмѣрной наклонности къ мотовству. Какое же употребленіе надобно давать излишку доходовъ, образующемуся при этомъ благоразумномъ управленіи? Употребленіе для него можно найти троякое: вопервыхъ, онъ можетъ быть обращенъ на улучшеніе такихъ отраслей жизни, которыми прежде не могло въ надлежащей мѣрѣ заниматься правительство по недостатку средствъ; вовторыхъ, этотъ излишекъ даетъ возможность постепенно отмѣнять или уменьшать неудобнѣйшіе или обременительнѣйшіе изъ прежнихъ налоговъ; въ третьихъ, наконецъ, можно обратить его на выкупъ части государственнаго долга. Милль имѣетъ въ виду выборъ только между вторымъ и третьимъ назначеніями, забывая на этотъ разъ о первомъ. Но вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ втораго и третьяго назначенія онъ излагаетъ очень вѣрно.

«Само по себѣ безспорно то, что полезно сохранять излишекъ доходовъ для постепеннаго выкупа государственнаго долга. Но, продолжаетъ онъ, — не во всякихъ обстоятельствахъ хорошо оставлять излишекъ дохода на уплату долга. Напримѣръ, для Англіи выгода отъ уплаты національнаго долга — та, что она дала бы намъ возможность избавиться отъ худшей половины нашихъ нынѣшнихъ налоговъ. Но въ этой худшей половинѣ, конечно, есть части, которыя еще хуже другихъ, и избавиться отъ нихъ было бы, сравнительно говоря, полезнѣе, чѣмъ избавиться отъ остальныхъ. Если отказавшись отъ излишка дохода, мы могли бы обойтись безъ какого нибудь налога, то мы должны считать, что именно тотъ изъ нашихъ налоговъ, который хуже всѣхъ, сохраняется нами для того, чтобы наконецъ отмѣнить налоги, не столь дурные, какъ онъ. Въ странѣ, богатство которой увеличивается и возрастаніе доходовъ даетъ возможность отъ времени до времени отбрасывать неудобнѣйшія части своей системы налоговъ, возрастаніемъ дохода по моему лучше пользоваться

для отмѣненія налоговъ, чѣмъ для ликвидаціи долга, пока остаются какіе нибудь очень дурные налоги. Потому я считаю при нынѣшнемъ положеніи Англіи хорошимъ правительственнымъ разсчетомъ, при появленіи излишка, кажущагося немимолетнымъ, отмѣнять налоги, лишь бы налоги эти выбирались вѣрно. Да и когда остаются уже только такіе налоги, которые годятся на сохраненіе въ постоянной бюджетной системѣ, хорошо продолжать тотъ же образъ дѣйствій опытами уменьшенія этихъ налоговъ, пока найдется предѣлъ, на которомъ данная сумма дохода можетъ получаться государствомъ съ наименьшимъ обремененіемъ для платящихъ.

«Затѣмъ излишекъ доходовъ, могущій возникать изъ дальнѣйшаго увеличенія производительности этихъ налоговъ, не надобно уничтожать ихъ уменьшеніемъ, а слѣдуетъ, мнѣ кажется, обращать на выкупъ долга.»

Сами англичане жалуются на отяготительность нѣкоторыхъ своихъ налоговъ. Но, по континентальному масштабу, система ихъ налоговъ уже не имѣетъ частей, слишкомъ противныхъ общественному благосостоянію. При размѣрѣ не слишкомъ тяжеломъ, налоги не слишкомъ дурные даютъ имъ около 70 мил. фунтовъ дохода. Нынѣшній расходъ простирается до такой же суммы; но значительная часть его происходитъ отъ временныхъ обстоятельствъ, принуждающихъ Англію дѣлать гораздо больше, чѣмъ она хотѣла бы, расходовъ на армію и флотъ. Эта необходимость не можетъ быть продолжительна. Она развяжется или войною, за которою послѣдуетъ миръ, или мирнымъ устраненіемъ опасностей, возникающихъ для Англіи отъ системы, которой слѣдуетъ нынѣшнее французское правительство и которая уже оказывается слишкомъ тяжела для самой Франціи. А когда минуютъ опасенія войны съ Франціею, уменьшеніе арміи и флота до обыкновенныхъ размѣровъ оставитъ въ англійскомъ казначействѣ излишекъ по крайней мѣрѣ въ 10 милліон. фун. при сохраненіи нынѣшнихъ налоговъ. Онъ постепенно сталъ бы увеличиваться по закону, о которомъ говорили мы выше. Но, если предположимъ, что новое возрастаніе было бы употребляемо на облегченіе прежнихъ налоговъ и на дѣла улучшеній, и что достанетъ у англійской націи терпѣнія сохранять хотя первоначальный излишекъ въ 10 милліоновъ фунтовъ на постепенное погашеніе государственнаго долга, каковъ былъ бы результатъ этой терпѣливости при извѣстномъ принципѣ погашенія, по которому сумма, шедшая на проценты выкупленной части долга, обращается на усиленіе выкупныхъ средствъ?

Все количество англійскаго долга составляетъ теперь около 800 мил. фунтовъ. Процентовъ по немъ уплачивается около 28 мил. фун. Если, при такомъ отношеніи процентовъ къ капиталу, будетъ съ 1862 г. употребляемо на выкупъ капитала ежегодное погашеніе въ 10 мил., съ прибавкою къ нему процентовъ, сберегаемыхъ постепеннымъ выкупомъ, ходъ дѣла будетъ слѣдующій (въ тысячахъ фунтовъ):

Годы.	Уплачено долга.	Остается долга.	По остающемуся долгу остается процентовъ.	Тяжесть процентовъ уменьшилась на
1862	—	800,000	28,000	—
1872	117,310	682,690	23,894	4,106
1882	282,800	517,200	18,102	9,892
1892	516,230	283,770	9,932	18,068
1902	800,000	—	—	28,000

Изъ этой небольшой таблицы мы видимъ, что черезъ 20 лѣтъ англійскій бюджетъ навсегда освободился бы отъ расхода, почти равнаго пожертвованію, дѣлавшемуся на выкупъ долга; черезъ 30 лѣтъ это облегченіе стало бы вдвое больше дѣлавшагося пожертвованія, а въ 40 лѣтъ весь долгъ былъ бы уплаченъ и бюджетъ навсегда сократился бы почти вдвое.

Изъ этого мы видимъ, что англійскому народу очень стоило бы проникнуться не очень значительнымъ терпѣніемъ, какое было бы нужно для сохраненія нынѣшнихъ налоговъ, которыми, по устраненіи нынѣшнихъ причинъ экстреннаго военнаго расхода, давался бы излишекъ въ 10 мил. фунтовъ на постепенное погашеніе государственнаго долга. Мы видимъ, что если бы Англія прониклась подобною энергіею терпѣнія по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, то давно бы уже уплатила она весь свой долгъ и давно уже могла бы облегчить тяжесть своихъ налоговъ на цѣлую половину обыкновеннаго размѣра, какой они имѣли до крымской войны*).

*) Къ 1 января 1817 г. государственный долгъ Англіи простирался до 840 милліоновъ фунтовъ, а процентовъ по немъ платилось около 32 милліоновъ фунтовъ. При переходѣ отъ военнаго положенія къ мирному было около того времени отмѣнено налоговъ на сумму около 40 милліоновъ фунтовъ. Если бы англичане удоволь-

Мы видимъ, что есть государства, уже на столько улучшившія свою систему налоговъ, что могли бы заняться образованіемъ излишка доходовъ на погашеніе своего долга, если бы выборъ находился только между обращеніемъ этого излишка на погашеніе долга или на уменьшеніе существующихъ налоговъ. Если бы кругъ соображеній ограничивался только этими данными, какъ ограничивается онъ у Милля, мы должны были бы сказать, что, напримѣръ, для Англіи уже наступило время дѣятельно заняться выкупомъ своего долга. Но мы замѣтили, что существуетъ для излишка доходовъ при подобномъ положеніи дѣлъ еще иное употребленіе — служить къ улучшенію тѣхъ отраслей національной жизни, которыми не могло заняться правительство въ прежнее время по недостатку средствъ. Конечно, подобное назначеніе государственныхъ доходовъ отвергается тою школою политико-экономовъ, которая, по вопросу объ отношеніяхъ правительства къ обществу, исключительно предана заботѣ съуживать кругъ дѣйствій правительства. При такомъ воззрѣніи не можетъ быть и рѣчи о занятіи правительства новыми дѣлами, какими не занималось оно прежде. Но если мы будемъ разсматривать вопросъ о сферѣ правительственныхъ дѣйствій хладнокровно, не забывая изъ-за излишка правительственнаго вмѣшательства въ одни дѣла о пользѣ, какую могло бы получить общество отъ усиленія правительственной заботы въ другихъ вещахъ, мы найдемъ, что есть много дѣлъ, требующихъ увеличенія государственнаго расхода на нихъ. Чтобы не подавать здѣсь поводовъ къ спору, который удобнѣе будетъ отложить до другаго мѣста, мы выберемъ примѣры, противъ которыхъ нельзя найти никакихъ сомнѣній. Хорошее отправленіе правосудія стоитъ очень дорого, и нѣтъ ни одной страны, въ которой небогатые люди могли бы вполнѣ пользоваться всѣми его выгодами. Медицинскія пособія также еще очень мало доступны массѣ населенія въ самыхъ передовыхъ странахъ. Конечно, правительственная забота о доставленіи небогатымъ людямъ возможности пользоваться помощью хорошихъ адвока-

ствовались нѣсколько меньшимъ облегченіемъ налоговъ, оставивъ излишекъ въ 10 милліоновъ фунтовъ на погашеніе долга, то, при существовавшемъ тогда отношеніи процентовъ къ капиталу, вся сумма англійскаго долга была бы уплачена въ 1855 г.

товъ и медиковъ была бы дѣломъ невреднымъ. Можно найти десятки такихъ дѣлъ, въ которыхъ польза увеличенія правительственной заботы признается и самыми крайними противниками правительственнаго вмѣшательства въ общественную жизнь. Расходы на нихъ очень долго могутъ поглощать весь излишекъ дохода, и для самой Англіи значительно отдаляется этимъ срокъ, когда не останется правительству ничего лучшаго, кромѣ заботъ о погашеніи государственнаго долга.

Но сильнѣе всего мѣшаетъ рекомендовать сильныя мѣры къ его выкупу то обстоятельство, что расходованіе національныхъ средствъ на выкупъ долга въ теченіе извѣстнаго періода едва ли поведетъ, при нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, къ чему нибудь другому, кромѣ открытія болѣе широкаго поля для національной и преимущественно военной расточительности въ слѣдующій періодъ. Общество и въ передовыхъ странахъ еще такъ неразсчетливо, что удерживается отъ безразсудствъ не столько соображеніемъ о ихъ вредѣ, сколько физическою невозможностію продолжать ихъ. Возьмемъ въ примѣръ даже Англію, населеніе которой самое разсудительное изъ населеній всѣхъ великихъ державъ. Въ послѣднія десять лѣтъ много разъ общественное мнѣніе въ Англіи увлекалось раздраженіемъ противъ косвеныхъ угрозъ и мелкихъ оскорбленій, которымъ подвергалась Англія отъ французскаго правительства. Не будь у англичанъ государственнаго долга, не будь ихъ бюджетъ обремененъ процентами его, они стали бы тратить на свои вооруженія вдвое больше денегъ, и во-сто разъ скорѣе рѣшились бы на войну съ Франціею. Народы самые цивилизованные еще похожи на тѣхъ неразсчетливыхъ юношей, которые воздерживаются отъ бо́льшаго мотовства только невозможностью доставать больше денегъ. Есть такіе люди, что уплачивайте вы хоть каждый годъ надѣланные ими долги, они не замедлятъ каждый годъ снова увязть по уши въ долгахъ. Конечно, положеніе такихъ людей очень стѣснено долгами, но прежде, чѣмъ помогать имъ въ этомъ отношеніи, надобно внушить имъ благоразумныя мысли, безъ которыхъ ничего имъ не пособитъ.

По вопросу о государственномъ долгѣ исторія заставляетъ насъ

думать такимъ образомъ: тѣ западныя государства, которыя обременены значительными долгами, обязаны возникновеніемъ этихъ долговъ не какой нибудь дѣйствительной надобности и не какимъ нибудь несчастіямъ, постигавшимъ ихъ независимо отъ ихъ воли, а только своему расточительному тщеславію. Напримѣръ, англійскій долгъ возникъ отъ войнъ съ Людовикомъ XIV, въ которыхъ Англія могла бы не принимать никакого участія, если бы думала только о своей безопасности и выгодѣ. Увеличился онъ отъ участія Англіи въ семилѣтней войнѣ, до которой собственно не было англичанамъ никакого дѣла, и потомъ отъ войны съ сѣверо-американскими колоніями. которую англичане возбудили только своимъ тщеславіемъ. По окончаніи войны съ сѣверо-американскими колоніями англійскій долгъ простирался до 250 мил. фунтовъ; изъ нихъ цѣлая половина была занята для сѣверо-американской войны, изъ прежней половины опять почти цѣлая половина была занята для семилѣтней войны, передъ которою Англія имѣла 75 мил. долга. Какъ произошли эти 75 мил. долга — можно увидѣть изъ одной цифры: война за наслѣдство испанскаго престола стоила англичанамъ 69 мил. фунтовъ стерлинговъ. Повторяемъ, что ни въ одной изъ этихъ войнъ не было прямой надобности участвовать англичанамъ. Послѣ того было занято еще 600 мил. на войны съ Франціею при Республикѣ и первой имперіи, а теперь всѣ говорятъ, что Англіи также не было надобности вести эти войны. Въ періоды мира Англія иногда старалась уменьшать сдѣланный долгъ. Такъ въ промежутокъ между семилѣтнею и сѣверо-американскою войнами было ею уплачено около 10 мил. долга; въ промежутокъ отъ сѣверо-американской войны до начала войнъ противъ французской революціи также было уплачено около 10 мил. фунтовъ. Но результаты этихъ усилій совершенно исчезали отъ слѣдовавшихъ за ними безразсудныхъ войнъ. Исторія англійскаго долга можетъ служить образцомъ исторіи государственныхъ долговъ вообще. Пока народъ остается подверженъ такимъ безразсудствамъ, какими сочинила себѣ долгъ Англія, напрасно разсуждать о томъ, какъ этому народу избавиться отъ сдѣланнаго долга. Слѣдуетъ на первый разъ радоваться уже и тому, когда является надежда, что онъ устоитъ въ рѣшимости

не дѣлать новыхъ безразсудствъ, отъ которыхъ вновь увеличился бы его долгъ. Англія теперь какъ будто подаетъ такую надежду. Впрочемъ, надобно сказать и то, что со времени первой имперіи еще не было всеобщихъ войнъ на континентѣ западной Европы, т. е. не было повода слишкомъ сильно искушаться благоразумію Англіи. Если она выдержитъ характеръ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, тогда можно будетъ сказать, что выкупъ прежняго долга не поведетъ ее къ заключенію новыхъ долговъ. А теперь это еще сомнительно. Но есть государства, какъ, напр., Франція, для которыхъ великимъ успѣхомъ было бы уже и то, когда бы можно было имѣть хотя сомнѣніе въ ихъ тенденціи увеличивать свой долгъ безъ всякой надобности.

Всякій замѣтитъ, что и о государственномъ долгѣ и о различныхъ другихъ вопросахъ по государственному бюджету мы говорили вовсе не такимъ тономъ, въ какомъ излагается нашъ взглядъ на бо̀льшую часть вопросовъ экономической науки. Мы не приходили въ этихъ случаяхъ ни къ какому непреклонному рѣшенію, даже не предлагали мнѣній, рѣзко отличающихся отъ обыкновенной практики. Напротивъ, слова наши отзывались какъ будто бы консерватизмомъ: „конечно, тутъ есть своего рода неудобства, но трудно устранить ихъ и нельзя предположить вѣрнаго способа къ ихъ отстраненію,“ — вотъ что̀ говорили мы въ сущности о каждомъ такомъ предметѣ, котораго не порицаютъ рѣшительнымъ образомъ самые рутинные политико-экономы.

Этотъ видимый консерватизмъ объясняется очень просто. Мы должны были говорить о разрѣшеніи представляемыхъ нынѣшнимъ бытомъ затрудненій по принципамъ того же самаго быта. Мы должны были предполагать данное устройство, изъ котораго возникаетъ бюджетъ съ обыкновенными своими качествами, и при которомъ очень трудно народу воздерживаться отъ соблазновъ тщеславнаго мотовства, и должны были разсуждать, какъ отстранить тѣ или другіе результаты подобнаго порядка безъ измѣненія его основаній. Но разсуждая такимъ способомъ, невозможно, по нашему мнѣнію, найти вѣрнаго выхода изъ существующихъ затрудненій.

D. ГРАНИЦЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО ВМѢШАТЕЛЬСТВА ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДА.

(КН. V, ГЛАВА XI).

Разсмотрѣвъ вопросъ о средствахъ, которыми правительство получаетъ доходы на покрытіе издержекъ по исполненію своихъ обязанностей, Милль разбираетъ важнѣйшія для экономическаго быта отрасли тѣхъ обязанностей или дѣйствій правительства, которыя называются у него необходимыми, т. е. тѣхъ, исполненіемъ которыхъ всегда во всѣхъ странахъ занималось каждое правительство, и которыя никогда не оспаривались у него никакою теоріею. Многіе изъ этихъ предметовъ имѣютъ очень сильное вліяніе на экономическій бытъ; напримѣръ, законы о наслѣдствѣ и вообще гражданскіе законы; законы о договорахъ и вообще коммерческіе законы. Милль разсматриваетъ ихъ довольно подробно. Но мы не будемъ представлять здѣсь извлеченія изъ этихъ его главъ, потому что разбираемые въ нихъ вопросы, при всей своей важности, относятся только къ подробностямъ экономическаго устройства, а наши очерки занимаются изложеніемъ только самыхъ общихъ принциповъ его. Мы перейдемъ прямо къ послѣднему отдѣлу V книги, опредѣляющему границы между правительственнымъ вмѣшательствомъ и совершенно независимою отъ него частною дѣятельностію. Споръ объ этомъ предметѣ занимаетъ самое видное мѣсто въ полемикѣ континентальныхъ послѣдователей экономической рутины противъ прогрессивной школы. Читателю извѣстно, что французскіе политико-экономы господствующей школы выставляютъ верховнымъ принципомъ науки знаменитое правило — laissez faire, обозначающее на ихъ языкѣ, что правительство не должно ни подъ какимъ видомъ вмѣшиваться ни въ какую частную экономическую дѣятельность. Отъ французовъ заимствовались этимъ понятіемъ послѣдователи смитовской теоріи въ другихъ странахъ.

Зародышъ наклонности къ безусловному отрицанію правительственнаго контроля надъ экономическими дѣлами лежалъ въ

самомъ характерѣ ученія, изложеннаго Адамомъ Смитомъ: онъ обращалъ все свое вниманіе на индивидуальную дѣятельность, заслонявшую отъ его взгляда другой неизбѣжный элементъ экономической жизни, коллективную дѣятельность, одною изъ формъ которой служитъ при нынѣшнемъ бытѣ правительственное вмѣшательство. Но въ системѣ Адама Смита непризнаваніе коллективной дѣятельности не составляло важной черты. На первый планъ оно выдвинулось во Франціи, подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ. Англійское правительство уже и во времена Адама Смита мало чѣмъ, кромѣ протекціонизма, грѣшило противъ свободы частной экономической дѣятельности. А на континентѣ, и между прочимъ во Франціи, оставалось гораздо больше случаевъ невыгоднаго правительственнаго вмѣшательства, которое регламентировало тамъ и внутреннюю промышленность. Видя вокругъ себя множество неудобствъ и стѣсненій отъ напраснаго регламентированья, французскіе политико-экономы прониклись безусловною враждою къ правительственному вмѣшательству. А тутъ съ другой стороны явились соціальныя теоріи, не раздѣлявшія восхищеніе результатами исключительно индивидуальной дѣятельности. Изъ этихъ теорій, первая надѣлала большаго шума доктрина сенъ-симонистовъ, превозносившихъ пользу авторитета. Вообразивъ, что сенъ-симонистское поклоненіе авторитету сходно съ средневѣковымъ ученіемъ о патріархальномъ и опекунствующемъ правительствѣ, французскіе политико-экономы получили наклонность видѣть такое же пристрастіе къ опекунствующему управленію и въ послѣдующихъ теоріяхъ, имѣвшихъ родство съ сенъ-симонизмомъ. Они до сихъ поръ думаютъ, что соціалисты очень любятъ административную регламентацію; а соціалисты могутъ не нынѣ, завтра, захватить власть во Франціи, и въ 1848 году были близки къ тому (если не на самомъ дѣлѣ, то по мнѣнію толпы). Запуганные этимъ фантомомъ регламентаціи, политико-экономы господствующей школы окончательно вооружились противъ всякихъ мыслей, которыя казались имъ ведущими къ принятію такой вредной замашки.

Но въ Англіи нѣтъ практическаго опасенія, что на дняхъ можетъ произойти переворотъ, отдающій власть въ руки какихъ

нибудь коммунистовъ; нѣтъ въ Англіи и раздраженія отъ наклонности существующаго правительства регламентировать экономическую жизнь; потому Милль очень хладнокровно разсуждаетъ о предметѣ, при одномъ имени котораго выходятъ изъ себя французскіе политико-экономы, и читатель увидитъ, что можетъ человѣкъ говорить объ этомъ дѣлѣ спокойно и безпристрастно, не будучи ни невѣждою въ политической экономіи, ни другомъ опекунствующей регламентаціи, ни врагомъ индивидуальной свободы.

Трактатъ свой о границахъ правительственнаго вмѣшательства Милль начинаетъ слѣдующими общими замѣчаніями:

«Нѣтъ предмета, о которомъ велись бы въ нашемъ вѣкѣ такіе жаркіе споры, какъ объ этомъ; но они велись главнымъ образомъ только о нѣкоторыхъ частныхъ сторонахъ, лишь съ бѣглыми замѣтками объ общемъ принципѣ. Разумѣется, люди, разбиравшіе какой нибудь частный случай правительственнаго вмѣшательства, напримѣръ, учрежденіе свѣтскихъ или духовныхъ школъ отъ правительства, регламентацію часовъ работы, содержаніе бѣдныхъ на счетъ общества и т. д., часто и подробно доказывали свой взглядъ общими соображеніями, обнимающими гораздо больше, чѣмъ одинъ этотъ частный вопросъ, и обнаруживали довольно сильное предпочтеніе къ принципу вмѣшательства или къ принципу невмѣшательства; но рѣдко у нихъ высказывалось и повидимому рѣдко было рѣшено даже въ ихъ мысляхъ, до какой степени они хотятъ примѣнять къ практикѣ предпочитаемый принципъ. Защитники вмѣшательства довольствовались доказываніемъ, что правительство вообще имѣетъ право и обязанность вмѣшательства во всѣ дѣла, въ которыхъ его участіе будетъ полезно; а когда школа такъ-называемаго принципа laissez-faire пыталась въ точности опредѣлить кругъ правительственнаго дѣйствія, она обыкновенно ограничивала его охраненіемъ личности и имущества отъ обмана и насилія, — опредѣленіе, котораго не станетъ ни сама она, никто другой держаться, если вникнетъ въ него, потому что подъ него, какъ мы показали, не подходятъ нѣкоторыя изъ неизбѣжнѣйшихъ обязанностей правительства, предоставляемыхъ ему всѣми единодушно.

«Я не скажу, что совершенно восполню недостатокъ общей теоріи по предмету, не допускающему, какъ мнѣ кажется, всеобщаго рѣшенія; но я попытаюсь представить хотя нѣкоторые матеріалы для рѣшенія вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи выгодъ и невыгодъ или вреда отъ правительственнаго вмѣшательства съ самой общей точки зрѣнія.

«Мы должны начать различеніемъ двухъ видовъ правительственнаго вмѣшательства, которые могутъ относиться и къ одному дѣлу, но очень различны по своей сущности и послѣдствіямъ, и для оправданія которыхъ нужны побужденія далеко не одинаковой силы. Правительство можетъ запрещать всѣмъ дѣлать то или другое, или дѣлать безъ его дозволенія; оно можетъ также предписывать людямъ дѣлать

то или другое, или дѣлать или не дѣлать извѣстнымъ способомъ то, что оставляетъ на ихъ волю дѣлать или не дѣлать. Но иное дѣло, когда правительство, вмѣсто того, чтобы приказывать подъ страхомъ наказанія, обращается къ способу дѣйствій, который принимается правительствами такъ рѣдко и которымъ можно бы пользоваться съ такою выгодою, — когда оно даетъ совѣты и обнародуетъ свѣденія, или когда, оставляя частнымъ лицамъ идти къ извѣстной общеполезной цѣли частными ихъ силами, не вступаясь въ ихъ дѣйствія, но не ввѣряя дѣло исключительно ихъ заботѣ, оно рядомъ съ частными учрежденіями устраиваетъ собственное учрежденіе для той же цѣли. Такъ, напримѣръ, содержать оффиціальную англиканскую церковь — одно дѣло; а отказывать въ терпимости другимъ исповѣданіямъ или людямъ, не держащимся никакого исповѣданія — другое дѣло. Національный банкъ или правительственная фабрика можетъ существовать безъ всякой монополіи противъ частныхъ банковъ и фабрикъ. Почта можетъ существовать безъ штрафовъ противъ пересылки писемъ другими способами. Правительство можетъ содержать штатъ гражданскихъ инженеровъ, оставляя каждому свободу становиться частнымъ инженеромъ. Правительственные госпитали могутъ существовать безъ всякаго стѣсненія медицинской или хирургической практики.

«Съ перваго же взгляда очевидно, что кругъ полезнаго дѣйствія для первой формы правительственнаго вмѣшательства гораздо ограниченнѣе, чѣмъ для послѣдней. Для своего оправданія она всегда требуетъ гораздо сильнѣйшей необходимости; а есть въ человѣческой жизни обширныя области, изъ которыхъ она бываетъ безусловно исключена. Какую бы теорію ни приняли мы относительно основаній общественнаго союза, и подъ какими бы политическими учрежденіями мы ни жили, всегда есть около каждаго частнаго человѣка кругъ, котораго не можетъ переступать никакое правительственное вмѣшательство; есть въ жизни каждаго взрослаго человѣка часть, въ которой должна царствовать личность этого человѣка, безъ всякаго, чьего бы то ни было, частнаго или общественнаго контроля. Никто, хотя сколько нибудь признающій свободу или достоинство человѣка, не станетъ спорить, что есть или должно быть въ человѣческомъ существованіи пространство, огражденное отъ посторонняго вторженія и недоступное ему; вопросъ лишь о томъ, гдѣ поставить границу этого пространства, какъ велика въ человѣческой жизни область, которая должна находиться въ этой недоступной другимъ территоріи. Мнѣ кажется, что она должна обнимать всю ту часть внутренней и внѣшней жизни человѣка, которая касается только самого этого человѣка, не затрогивая интересы другихъ или затрогивая ихъ лишь черезъ нравственное вліяніе примѣра.

«Даже въ тѣхъ частяхъ жизни, которыя касаются интересовъ другихъ, защитники юридическихъ запрещеній должны относительно каждаго случая представить особенные доводы, что запрещеніе тутъ полезно. Одна возможность вреда для другихъ отъ свободы человѣка въ извѣстномъ дѣлѣ еще не оправдываетъ вмѣшательства закона. Кромѣ безусловной необходимости, ничто не оправдываетъ запретительной регламентаціи, если она не одобряется и общимъ сознаніемъ, если обыкновенные честные люди не думаютъ или не могутъ быть склонены думать, что запрещаемое дѣло — такое дѣло, которое не хорошо для нихъ совершать. Если этого нѣтъ, нужна

для запрещенія полнѣйшая необходимость, а одною полезностью оно еще не оправдывается.

«Иное дѣло то правительственное вмѣшательство, которое не стѣсняетъ личной свободы человѣка. Нѣтъ никакого нарушенія свободы, нѣтъ ни обременительнаго, ни унизительнаго стѣсненія, если правительство приготовляетъ средства къ достиженію извѣстной цѣли, оставляя частному лицу свободу пользоваться къ тому другими средствами, какія кажутся ему лучшими. Тогда тутъ нѣтъ одного изъ главныхъ неудобствъ правительственнаго вмѣшательства. Но все-таки почти во всѣхъ формахъ правительственнаго дѣйствія есть принудительная сторона — полученіе денежныхъ средствъ. Они доставляются налогомъ; или, если предпочитается форма отдачи на извѣстное дѣло части доходовъ съ общественнаго имущества, налогъ все-таки увеличивается настолько, насколько иначе замѣнялся бы продажею или доходомъ этого имущества *). А неудобство, необходимо принадлежащее принудительному взиманію денегъ, почти всегда значительно увеличивается убыточными предосторожностями и обременительными стѣсненіями, необходимыми, чтобы предотвратить уклоненія отъ платежа налога.

«Другое возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства основывается на принципѣ раздѣленія труда. Всякая новая обязанность, принимаемая правительствомъ, составляетъ новое занятіе для учрежденія, уже и безъ того слишкомъ обремененнаго обязанностями. Естественный результатъ этого тотъ, что многое исполняется неудовлетворительно; многія вещи вовсе не исполняются, потому что правительство не можетъ вести ихъ безъ промедленій, гибельныхъ для дѣла; болѣе хлопотливыя и менѣе блестящія изъ принятыхъ обязанностей отлагаются или пренебрегаются; и пренебреженіе всегда извиняется готовымъ предлогомъ; мысли главныхъ администраторовъ всегда такъ наполнены оффиціальными подробностями дѣлъ, какъ бы поверхностно ни занимались они ими, что не остается у нихъ ни времени, ни свободы мыслей для великихъ государственныхъ интересовъ и для приготовленія широкихъ мѣръ къ общественному улучшенію.

«Эти неудобства дѣйствительны и серьезны; но происходятъ они не столько отъ обширности или разнообразія обязанностей, принимаемыхъ на себя правительствомъ, сколько отъ дурной организаціи правительства. Правительство не значитъ одинъ сановникъ или извѣстное число сановниковъ: количество соучастниковъ въ немъ можетъ увеличиваться по надобности, и между самими чиновниками раздѣленіе труда можетъ быть развиваемо почти безгранично до того, что легко будетъ справиться съ дѣлами въ такой странѣ, гдѣ обязанности какъ слѣдуетъ распредѣлены

*) Единственными случаями, въ которыхъ правительственное дѣйствіе не имѣетъ ничего принудительнаго, — тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ расходы на дѣло покрываются имъ самимъ, безъ всякой искусственной монополіи. Примѣръ тому — мостъ, построенный государствомъ, если пошлина за проѣздъ и проходъ по мосту достаточна на покрытіе текущихъ издержекъ и процентовъ первоначальнаго расхода. Другой примѣръ — правительственныя желѣзныя дороги въ Бельгіи и Германіи. Почта была бы третьимъ примѣромъ, если бы по отмѣнѣ ея монополіи доходомъ съ нея продолжали покрываться ея расходы.

между центральными и мѣстными правительственными учрежденіями, и гдѣ центральное правительство раздѣлено на достаточное число отраслей. Когда парламентъ почелъ нужнымъ поручить англійскому правительству надзоръ за желѣзными дорогами и отчасти ревизовку ихъ дѣлъ, онъ не прибавилъ этого дѣла къ занятіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, а учредилъ особенную коммисію желѣзныхъ дорогъ. Когда онъ рѣшилъ поручить центральной власти власть контроля надъ исполненіемъ закона о пособіи бѣднымъ, онъ учредилъ для этого также особенную коммисію (Poor Law Commission). Мало странъ, въ которыхъ на правительственныхъ агентахъ лежало бы такъ много обязанностей, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Американскаго Союза, особенно въ штатахъ Новой Англіи; но раздѣленіе труда въ общественныхъ дѣлахъ тамъ чрезвычайно развито: почти всѣ эти агенты даже и не имѣютъ надъ собой общихъ начальниковъ, а исполняютъ свои обязанности независимо подъ двойнымъ контролемъ: выбора своими согражданами и отвѣтственности передъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ.

«Конечно, необходимое условіе хорошаго управленія — чтобы главные правители, будутъ ли они постоянными или временными, все равно, имѣли господствующій, но только общій надзоръ за общимъ ходомъ всѣхъ интересовъ, въ большей или меньшей степени ввѣренныхъ отвѣтственности центральной власти. Но если внутренняя организація административнаго механизма устроена искусно, предоставляетъ подчиненнымъ и по возможности мѣстнымъ подчиненнымъ не только исполненіе, но въ значительной степени и контроль подробностей; требуетъ у нихъ отчета собственно за результаты ихъ дѣйствій, а не за самыя дѣйствія, кромѣ того случая, когда сами дѣйствія подлежатъ суду; если приняты всѣ наилучшія мѣры для обезпеченія, чтобы назначались люди честные и способные; если открыта широкая дорога повышенію съ низшихъ ступеней административной лѣстницы на высшія; если съ каждою высшею ступенью предоставляется чиновнику все больше простора принимать новыя мѣры, не дожидаясь приказанія, такъ что мысли каждаго изъ главныхъ правителей могутъ быть сосредоточены на великихъ общественныхъ интересахъ страны по его части, — если устроено такъ, правительство навѣрное не будетъ чрезмѣрно обременено количествомъ дѣлъ, какое бы количество дѣлъ ни оказалось полезно возлагать на него; но излишнее обремененіе останется серьезнымъ новымъ неудобствомъ въ прибавокъ къ другимъ неудобствамъ.

«Улучшеніемъ правительственной организаціи сильно уменьшается затруднительность, происходящая отъ простаго размноженія правительственныхъ обязанностей; но все-таки правда — то, что въ обществахъ, значительно развитыхъ, огромное большинство дѣлъ исполняется правительственнымъ участіемъ хуже того, чѣмъ исполнялось бы трудомъ или надзоромъ частныхъ лицъ, прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ, при оставленіи дѣла на ихъ волю. Основанія этой истины довольно точно выражаются обыкновенною фразою, что каждый знаетъ свои дѣла и свои интересы лучше всѣхъ и заботится о себѣ больше всѣхъ. Напримѣръ, въ обыкновенныхъ промышленныхъ и торговыхъ операціяхъ правительственная дѣятельность почти никогда не можетъ выдержать соперничества съ частными промышленниками и купцами, гдѣ у частныхъ людей есть нужная степень промышленной предпріимчи-

вости и запасъ всѣхъ необходимыхъ средствъ. Нѣтъ нужды, что правительству удобнѣе получать самыя полныя свѣдѣнія, что у него есть средства вознаграждать, то есть и пріобрѣтать, самые лучшіе таланты, какіе можно найти, — всѣмъ этимъ не вознаграждается та великая невыгода, что оно меньше частнаго предпринимателя заинтересовано результатомъ дѣла.

«Дѣловая жизнь — существенный элементъ практическаго воспитанія народа; безъ нея книжное и школьное образованіе, хотя оно чрезвычайно нужно, еще не даетъ людямъ нужныхъ для жизни качествъ и умѣнья приспособлять средства къ цѣли. Научное образованіе — лишь одно изъ двухъ условій умственнаго развитія; другое условіе — почти столь же необходимое — здоровая практика для силы дѣятельности, для труда, находчивости, разсудительности, самообладанія; а естественнымъ возбужденіемъ къ тому служатъ житейскія трудности. Этотъ взглядъ не надобно смѣшивать съ консервативнымъ оптимизмомъ, который бѣдствія жизни выставляетъ вещами хорошими, потому что ими развиваются качества, нужныя для борьбы съ ними. Качества, нужныя для борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, получаютъ свою цѣнность лишь потому, что существуютъ эти обстоятельства. Съ практической стороны дѣло человѣка — по возможности освобождать жизнь отъ трудныхъ обстоятельствъ, а не то, чтобы сберегать запасъ ихъ, какъ охотники сберегаютъ дичь для упражненія въ охотѣ за нею. Но какія бы благопріятныя обстоятельства ни предположить въ дѣятельныхъ способностяхъ и въ практической разсудительности по житейскимъ дѣламъ надобность можетъ только уменьшиться, а не устраниться; потому нужно, чтобы эти качества развивались не въ однихъ лишь немногихъ избранныхъ, а во всѣхъ людяхъ; а для ихъ развитія нужно такое разнообразіе и полнота практики, какихъ почти никто не можетъ встрѣтить въ тѣсномъ кругу своихъ чисто личныхъ интересовъ. У народа, привыкшаго ждать отъ правительства возбужденій во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, ожидающаго, что правительство станетъ дѣлать за него все, выходящее изъ круга привычки и рутины, — у такого народа способности развиваются лишь на половину; въ его воспитаніи недостаетъ одной изъ главнѣйшихъ сторонъ.»

Къ немалому удивленію людей, вѣрящихъ полемическимъ фразамъ нашихъ обличителей о нашей зараженности регламентаціонными наклонностями, мы скажемъ, что вполнѣ принимаемъ общій выводъ Милля.

Но принявъ такой принципъ, мы возлагаемъ на себя обязанность внимательно разсматривать каждый представляющійся случай и отнимаемъ у себя право рѣшать дѣла голословными фразами какого бы то ни было рода, въ пользу ли вмѣшательства или противъ него. Возьмемъ не то что денежныя отношенія между людьми посторонними другъ другу, а интимную часть отношеній между людьми самыми близкими, напр. мужа и жены или родителей

и дѣтей. Мы самымъ энергическимъ образомъ утверждаемъ, что эти отношенія должны быть до высочайшей степени неприкосновенны никакому постороннему вмѣшательству. Прекрасно; но положимъ, что вы, посторонній человѣкъ, входите въ комнату и видите мужчину, который таскаетъ за волосы женщину. По всей вѣроятности вы не сочтете преступленіемъ укротить этого мужчину. Если вы не частный человѣкъ, а оффиціальное лицо, отъ этого не уменьшается ваша обязанность прекратить побои. Кромѣ драки, существуетъ множество другихъ обстоятельствъ, въ которыхъ ваше вмѣшательство будетъ совершенно основательно. Потому во всѣхъ государствахъ признается за правительствомъ право вмѣшиваться даже въ семейную жизнь. Разумѣется, вмѣшательство должно тутъ ограничиваться случаями крайней необходимости.

Но будучи столь умѣренны въ принципѣ, мы за то хотимъ, чтобы смотрѣли на эти вещи серьезно. Если мужъ обращается съ женою жестоко, законъ даетъ женѣ право отдѣлиться отъ мужа; если ей нужна правительственная помощь, чтобы воспользоваться этимъ правомъ, онъ посылаетъ оффиціальныхъ защитниковъ. Если дѣти слишкомъ сильно страдаютъ отъ родителей, правительство беретъ на себя заботу о воспитаніи дѣтей и управленіи ихъ имуществомъ. Видите ли, какъ серьезно вмѣшивается оно въ эту интимную сферу, когда нужно? Оно кореннымъ образомъ измѣняетъ существовавшія отношенія, если требуетъ того польза людей.

Конечно, оно дѣлаетъ это только въ случаяхъ необходимости. Но вѣдь мы съ того и начали, что не нужно дѣлать вещей, безъ которыхъ можно обойдтись. Только не надобно забывать одного важнаго обстоятельства: смотря по различію ролей, играемыхъ различными лицами въ извѣстномъ дѣлѣ, бываютъ различны и мнѣнія ихъ о надобности или ненадобности посторонняго вмѣшательства въ дѣло. Если, напримѣръ, пьяный мужъ бьетъ жену, то по всей вѣроятности ему кажется ненужнымъ чье бы то ни было вмѣшательство для защиты жены. Если отецъ проигрываетъ въ карты имущество дѣтей, то вѣроятно не считаетъ онъ нужнымъ,

чтобы лишали его управленія этимъ имуществомъ. Останавливается ли законъ протестаціями этихъ людей?

Извѣстное экономическое отношеніе хорошо для однихъ, тяжело для другихъ. Если первые говорятъ, что правительству не нужно вмѣшиваться въ это дѣло, ихъ мнѣніе еще ничего не доказываетъ.

Если же коренной принципъ, выставляющій невмѣшательство общимъ правиломъ, еще недостаточенъ для рѣшенія частныхъ случаевъ дѣйствительной жизни, то еще меньше могутъ уничтожать надобность въ серьезномъ разсмотрѣніи каждаго даннаго случая частныя замѣчанія, которыя приводятся Миллемъ. Напр.: деньги для правительственнаго вмѣшательства доставляются налогомъ; изъ этого конечно слѣдуетъ, что необходима бережливость. Но что же изъ этого-то слѣдуетъ? Правительство не должно тратить денегъ на такія дѣла экономическаго вмѣшательства, которыя не стоятъ требуемаго ими расхода. Конечно, такъ; но и вообще на всякія другія дѣла никто не долженъ тратить денегъ, если цѣль не стоитъ расходовъ. Изъ факта, что деньги получаются правительствомъ черезъ налогъ, выводится только общее правило о бережливости во всѣхъ дѣлахъ, а не какое нибудь особенное заключеніе о правительственномъ вмѣшательствѣ въ экономическія дѣла.

Далѣе Милль говоритъ о надобности развивать самобытную и оригинальную жизнь въ отдѣльныхъ людяхъ. Это превосходно. Но самобытность и оригинальность, подобно здоровью, образованію и всякимъ другимъ хорошимъ качествамъ, требуетъ извѣстныхъ средствъ; и если правительственное вмѣшательство направляется къ обезпеченію этихъ средствъ отдѣльному человѣку, оно содѣйствуетъ развитію самостоятельности въ немъ.

Экономическія дѣла въ рукахъ правительства (продолжаетъ Милль) вообще идутъ хуже, чѣмъ дѣла частныхъ лицъ. Онъ приписываетъ это дѣйствію принципа раздѣленія труда. Но насколько зависитъ отъ этого принципа указываемая имъ невыгода, она можетъ быть устранена, какъ замѣчаетъ и самъ онъ. Обыкновенно говорятъ также о недостаткѣ личной заинтересованности правительственныхъ агентовъ въ успѣхѣ дѣла. Но это обстоятель-

ство подходитъ подъ общій вопросъ о сравнительныхъ невыгодахъ большаго и малаго хозяйства: при нынѣшнемъ порядкѣ въ каждомъ большомъ предпріятіи частнаго человѣка управители и работники такъ же не заинтересованы успѣхомъ предпріятія, какъ и въ правительственномъ предпріятіи; между тѣмъ большое хозяйство все-таки имѣетъ огромное экономическое преимущество передъ малымъ предпріятіемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если правительственныя предпріятія идутъ хуже частныхъ, причина разницы находится не въ сущности отношеній, а въ какихъ нибудь случайныхъ недостаткахъ, которые могутъ быть устранены. Вопросъ о правительственномъ веденіи экономическихъ дѣлъ, сообразномъ съ принципами науки, — вопросъ новый, и немудрено, что еще не пріобрѣтено достаточно опытности для хорошаго практическаго его рѣшенія. Это тѣмъ натуральнѣе, что въ прежнія времена государственное хозяйство велось на основаніяхъ совершенно ошибочныхъ, отдѣлаться отъ которыхъ трудно. Правительственныя предпріятія вообще не выдерживаютъ соперничества съ частными при свободѣ соперничества еще вотъ отчего. Возьмемъ оружейное дѣло. Частныхъ оружейныхъ фабрикъ существуетъ множество. На однихъ дѣла идутъ хорошо; эти фабрики расширяются и захватываютъ рынокъ. Другія фабрики, на которыхъ дѣла идутъ плохо, подвергаются банкротству и уничтожаются; затраченный на нихъ капиталъ погибаетъ. Но если фабрикантъ А потерялъ 100 тысячъ руб., фабрикантъ В, ведущій свои дѣла хорошо, нисколько не потерялъ отъ неудачи своего соперника. Напротивъ, правительственная фабрикація имѣетъ общій счетъ по оборотамъ всѣхъ своихъ распорядителей, и если у одного изъ нихъ дѣла идутъ также успѣшно, какъ у фабриканта В, то изъ выгодъ, доставляемыхъ его операціями, должны покрываться убытки, нанесенные дѣлу другимъ распорядителемъ, подобнымъ фабриканту А. Поэтому, если результатъ правительственной фабрикаціи оказывается менѣе успѣшенъ, чѣмъ обороты частныхъ фабрикантовъ, пользующихся успѣхомъ, не слѣдуетъ еще заключать о меньшей успѣшности правительственной фабрикаціи: ее надобно сравнивать не съ дѣлами однихъ фабрикантовъ, пользующихся успѣхомъ, какъ сравниваютъ обыкновенно, а съ общею суммою

дѣлъ всѣхъ частныхъ фабрикантовъ — и пользующихся успѣхомъ, и разоряющихся. Такого сравненія еще никто не дѣлалъ, и мы до сихъ поръ не имѣемъ данныхъ, чтобы основательно рѣшить вопросъ, въ какой фабрикаціи меньше бываетъ напрасныхъ растратъ, въ частной (если брать всю сумму ея предпріятій) или въ правительственной (когда администрація устроивается съ надлежащею внимательностію).

„Классъ правительственныхъ агентовъ соединяетъ въ себѣ только часть знаній и способностей, существующихъ въ цѣломъ обществѣ,“ говоритъ Милль. Конечно, такъ; но вѣдь и дѣла, управляемыя этими агентами, составляютъ только часть дѣлъ, производящихся въ обществѣ. Для знаній и талантовъ, принадлежащихъ лицамъ, остающимся частными людьми, остаются частныя дѣла. Мы не видимъ, какимъ же образомъ тутъ для общества уменьшается польза, приносимая талантами и знаніями. — „Многоразличіе способовъ производства полезнѣе для экономическаго прогресса, чѣмъ однообразіе.“ Конечно, такъ; но вѣдь эта выгода отнимается только въ томъ случаѣ, когда правительство присвоиваетъ себѣ монополію; если же оно оставляетъ свободу соперничеству частныхъ предпринимателей, правительственная фабрика нимало не мѣшаетъ разнообразію способовъ производства.

„Для націи очень полезна привычка къ самобытной дѣятельности,“ продолжаетъ Милль. Конечно, такъ; но мы не видимъ, чѣмъ разнится это замѣчаніе отъ одного изъ тѣхъ, которыя нами уже разсмотрены. Правительственное содѣйствіе въ экономическихъ дѣлахъ можетъ быть направлено прямо къ тому, чтобы отдѣльные люди пріобрѣтали возможность самостоятельнаго дѣйствованія. Если когда нибудь бывали противоположные результаты, это происходило только отъ ошибочнаго направленія, которое одинаково возможно во всякихъ сферахъ дѣятельности: ошибочные принципы и дурныя мѣры могутъ существовать и въ гражданской администраціи, и въ судопроизводствѣ, точно такъ же, какъ въ экономической жизни. Во всѣхъ этихъ случаяхъ надобно говорить только объ измѣненіи принциповъ дѣятельности, а не о ея прекращеніи.

Трудно было бы понять, какъ могли политико-экономы господствующей школы дойти до безусловнаго отрицанія пользы правительственныхъ заботъ объ экономической жизни общества, если бы не знали мы, какъ многочисленны и обременительны для общества были ошибки тѣхъ временъ, когда правительства не имѣли вѣрныхъ понятій о законахъ экономической жизни. Только чрезмѣрность вреда отъ этихъ заблужденій заставила думать, что для блага общества нужно совершенное прекращеніе правительственныхъ заботъ объ экономическихъ дѣлахъ. Милль приводитъ нѣсколько примѣровъ тому, какія вредныя заблужденія еще не очень давно господствовали во Франціи, въ которой и возникло отъ нихъ полное отрицаніе надобности какого бы то ни было правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Сказавъ, что невмѣшательство должно быть общимъ правиломъ, а вмѣшательство исключеніемъ, онъ продолжаетъ:

«Будущіе вѣка, конечно, съ трудомъ станутъ вѣрить тому, до какой степени нарушается до сихъ поръ эта аксіома даже въ тѣхъ случаяхъ, къ которымъ примѣняется очевиднѣйшимъ образомъ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ можно составить себѣ изъ слѣдующаго очерка стѣсненій, которымъ вмѣшивающійся и регламентирующій духъ законодательства подвергалъ фабричныя операціи при старомъ правительствѣ во Франціи.

«Общество имѣло безграничнѣйшую и произвольнѣйшую власть надъ фабриками: оно не церемонясь располагало способностями фабрикантовъ; рѣшало, кто можетъ работать, какую вещь можетъ онъ выдѣлывать, какіе матеріалы долженъ употреблять, какимъ способамъ слѣдовать въ работѣ, какія формы давать продуктамъ и проч. Мало было работать хорошо, работать лучше правилъ, — слѣдовало работать по правиламъ. Кто не знаетъ регламентъ 1670 г., предписывающій конфисковать и прибивать къ позорному столбу, съ именемъ фабриканта, матеріи, не сходныя съ правилами, а при вторичной уликѣ выставлять къ позорному столбу и самого фабриканта? Купцу слѣдовало сообразоваться не съ вкусомъ потребителей, а съ волею закона. Легіоны инспекторовъ, комиссаровъ, контролеровъ, присяжныхъ, сторожей наблюдали за исполненіемъ закона. Ломали станки, жгли матеріи, не сходныя съ правилами; за улучшенія наказывали; изобрѣтателей подвергали штрафу. Выдѣлка предметовъ, назначенныхъ для внутренняго потребленія была подчинена однимъ правиламъ, назначенныхъ для заграничной торговли — другимъ. Ремесленникъ не могъ выбирать мѣсто для своей мастерской, долженъ былъ работать лишь въ извѣстное время года, лишь для извѣстныхъ покупателей. Декретъ 30 марта 1700 г. ограничиваетъ 18-ю городами число мѣстъ, въ которыхъ можно ткать чулки; рѣшеніе 18 іюня 1723 г. повелѣваетъ руанскимъ фабрикантамъ

останавливать фабричныя работы съ 1 іюля до 15 сентября, чтобы облегчить уборку хлѣба; Людовикъ XIV, начиная строить луврскую колоннаду, запретилъ, подъ страхомъ штрафа въ 10,000 ливровъ, частнымъ лицамъ нанимать работниковъ безъ его разрѣшенія, а работникамъ — работать на частныхъ людей подъ страхомъ тюремнаго заключенія на первый разъ и ссылки на галеры за второй.» (Dunoyer. De la liberté du Travail, томъ 2, стр. 353 — 354).

«Что подобныя регламентаціи не были мертвой буквой, и что оффиціальное стѣснительное вмѣшательство продолжалось до французской революціи, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство жирондистскаго министра Ролана: «Я видѣлъ, что 80, 90, 100 кусковъ бумажной или шерстяной матеріи изрѣзываются или совершенно уничтожаются. Я видѣлъ такія сцены каждую недѣлю въ теченіе многихъ лѣтъ. Я видѣлъ, что конфискуютъ мануфактурныя издѣлія, налагаютъ тяжелые штрафы на фабрикантовъ, жгутъ матеріи на площадяхъ въ рыночные часы; прибиваютъ другія матеріи къ позорному столбу, написавъ на нихъ имя фабриканта и грозятъ самому фабриканту позорнымъ столбомъ за вторичное преступленіе. Все это дѣлалось на моихъ глазахъ въ Руанѣ, сообразно указамъ или министерскимъ приказамъ. Какое преступленіе подвергалось такому жестокому наказанію? Какой нибудь недостатокъ матеріала или выдѣлки матеріи или недостача нѣсколькихъ нитокъ въ ея основѣ.

«Часто я видѣлъ, какъ посѣщаютъ фабрикантовъ толпы сбирровъ, приводя все въ безпорядокъ на фабрикѣ, ужасая семейство фабриканта, какъ они срѣзываютъ матерію съ рамы, рвутъ основу со станка и уносятъ съ собою, какъ улику преступленія; послѣ того фабрикантовъ призываютъ къ суду; судятъ, осуждаютъ; имущество ихъ конфискуется; экземпляры приговора прибиваются по всѣмъ улицамъ; состояніе, репутація, кредитъ -- все погибло, уничтожено. И за что же? За то, что они сдѣлали извѣстную шерстяную матерію изъ такой шерстяной пряжи, изъ какой дѣлается она въ Англіи (и эта англійская ткань даже продается во Франціи!); по французскимъ правиламъ эта матерія должна дѣлаться изъ пряжи другаго сорта. Я видѣлъ, что точно также поступаютъ съ другими фабрикантами за то, что они дѣлали камлотъ такой ширины, какъ въ Англіи и въ Германіи, -- той ширины, какая сильно требуется въ Испанію, Португалію, другія страны и въ разныя провинціи самой Франціи, между тѣмъ какъ по французскимъ правиламъ установлена для камлота другая ширина.»

«Прошло время возможности попытокъ къ такому примѣненію принципа «патріархальнаго управленія» даже въ наименѣе просвѣщенной изъ европейскихъ націй. Къ подобнымъ случаямъ прилагаются всѣ общія возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства, и нѣкоторыя изъ нихъ почти во всей своей крайней силѣ. Но теперь намъ должно перейти ко второй части нашей задачи, обратить вниманіе на тѣ случаи, къ которымъ нимало не примѣняются многія изъ этихъ общихъ возраженій, а другія, — отъ которыхъ никогда правительственное вмѣшательство не можетъ быть совершенно свободно, — пересиливаются противоположными соображеніями, болѣе важными.

«Общее правило, какъ мы замѣчали, таково, что житейскія дѣла исполняются

лучше, когда люди прямо заинтересованные въ нихъ предоставляются собственной волѣ, не стѣсняемой ни законодательными приказаніями, ни вмѣшательствомъ чиновниковъ. Лица, занимающіяся дѣломъ, или нѣкоторыя изъ нихъ, по всей вѣроятности лучше правительства могутъ судить о средствахъ къ достиженію той спеціальной цѣли, къ которой стремятся. Если предположить случай, не очень вѣроятный, что само правительство владѣетъ полнѣйшимъ знаніемъ предмета, какое только пріобрѣтено въ извѣстную эпоху искуснѣйшими въ этомъ занятіи людьми, — даже и тутъ частные люди, будучи заинтересованы въ результатѣ гораздо сильнѣе и прямѣе, по всей вѣроятности гораздо скорѣе усовершенствуютъ операціи дѣла, если онѣ будутъ предоставлены ихъ независимому разсужденію. Но если работникъ вообще лучше всѣхъ умѣетъ выбирать средства къ дѣлу, то можно ли признать такимъ же общимъ правиломъ, что потребитель или лицо, для котораго дѣлается дѣло, — самый знающій судья въ немъ? Всегда ли покупщикъ способенъ различать товаръ? А если нѣтъ, то не прилагается къ этому дѣлу доводъ, основанный на соперничествѣ рынка; и если товаръ таковъ, что отъ его качества много зависитъ общественное благосостояніе, то перевѣсъ выгодъ можетъ склониться на сторону нѣкотораго вмѣшательства оффиціальныхъ представителей общаго правительственнаго интереса. А мысль, что потребитель — хорошій судья товара, можно принять лишь съ многочисленными оговорками и исключеніями. Вообще (хотя и это не всегда) онъ лучшій судья матеріальныхъ предметовъ, производимыхъ для него. Они назначены на удовлетвореніе извѣстной матеріальной надобности или наклонности, относительно которой никто не можетъ спорить съ человѣкомъ, ее чувствующимъ; или, если они служатъ средствами или принадлежностями для какого нибудь занятія, человѣкъ, живущій этимъ занятіемъ, справедливо можетъ считаться знатокомъ вещей, нужныхъ въ его обычномъ занятіи. Но есть другіе предметы, рыночный запросъ на которые еще не свидѣтельствуетъ о ихъ достоинствѣ, — предметы, польза которыхъ состоитъ не въ удовлетвореніи наклонностей, не въ служеніи ежедневнымъ житейскимъ надобностямъ, и недостатокъ которыхъ чувствуется тѣмъ меньше, чѣмъ больше бываетъ. Въ особенности надобно сказать это о предметахъ, главная польза которыхъ та, что они возвышаютъ достоинство человѣка. Необразованные люди не могутъ быть хорошими судьями образованія. Тотъ, кому наиболѣе нужно стать просвѣщеннѣе и лучше, обыковенно меньше всѣхъ желаетъ этого; а еслибъ и желалъ, не способенъ найти себѣ дорогу собственнымъ разсужденіемъ. При системѣ невмѣшательства постоянно будетъ происходить, что отъ недостатка стремленія къ цѣли вовсе не будетъ заготовляться для нея средствъ, или что люди, желающіе развитія, имѣя неполныя и совершенно ошибочныя понятія о томъ, чего хотятъ, будутъ своимъ рыночнымъ запросомъ вызывать снабженіе, которое совершенно не таково, какъ дѣйствительно нужно. А правительство благонамѣренное и достаточно цивилизованное справедливо можетъ думать, что имѣетъ или должно имѣть степень образованія, превышающую уровень образованности въ обществѣ, которымъ оно управляетъ, и что поэтому оно способно предлагать людямъ лучшее воспитаніе и образованіе, чѣмъ какого станетъ само собою искать большинство людей. Потому воспитаніе — одинъ изъ тѣхъ предметовъ въ которыхъ можно

принять принципъ, что правительство должно снабжать народъ средствами. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, къ которымъ принципъ невмѣшательства не примѣняется безусловно всегда и вездѣ *).

«Въ элементарномъ образованіи, отступленіе отъ обыкновеннаго правила можетъ, мнѣ кажется, быть еще значительнѣе. Есть извѣстные элементы и средства знанія, которые чрезвычайно полезно съ дѣтства пріобрѣтать каждому, родящемуся въ обществѣ. Если родители или замѣняющія ихъ лица имѣютъ средства дать ребенку это образованіе, но не даютъ, они совершаютъ двойное нарушеніе обязанности: къ самому ребенку и ко всему обществу, которое все сильно страдаетъ отъ невѣжества и неразвитости своихъ согражданъ; потому можно сказать, что правительство поступаетъ хорошо, налагая на родителей юридическую обязанность давать первоначальное воспитаніе дѣтямъ. Но обязывать къ этому нельзя иначе, какъ принявъ мѣры, обезпечивающія, что элементарное воспитаніе каждому будетъ доступно или даромъ, или съ ничтожными издержками.

«Могутъ возразить, что воспитаніе дѣтей — одинъ изъ тѣхъ расходовъ, которые должны лежать на родителяхъ даже и въ рабочемъ сословіи; что полезно, чтобы родители чувствовали надобность исполнять свои обязанности собственными средствами; что давать воспитаніе на чужой счетъ — то же самое, какъ давать пособіе;

*) Противъ этихъ мнѣній писатель, съ которымъ я во многомъ согласенъ, но враждебность котораго къ правительственному вмѣшательству кажется мнѣ слишкомъ неразборчивою и безусловною, Дюнойе, замѣчаетъ, что какъ бы хорошо ни было преподаваніе само по себѣ, но полезно обществу оно бываетъ лишь настолько, насколько общество желаетъ пользоваться имъ, и что денежный успѣхъ преподаванія служитъ лучшимъ признакомъ сообразности его съ общественной надобностью. Этотъ аргументъ кажется мнѣ точно такъ же слабъ относительно умственнаго образованія, какъ былъ бы относительно физическаго леченія. Никакое лекарство не принесетъ пользы больному, если нельзя уговорить его принять лекарство; но мы не обязаны заключать изъ этого, что самъ больной безъ чужаго пособія выберетъ себѣ лекарство. Развѣ не можетъ бывать того, что рекомендація отъ уважаемыхъ имъ лицъ склонитъ его принимать лекарство лучшее, чѣмъ выбралъ бы самъ онъ? Въ дѣлѣ образованія вотъ объ этомъ именно и споръ. Разумѣется, если преподаваніе настолько выше народа, что нельзя его убѣдить пользоваться имъ, оно ему приноситъ такъ же мало пользы, какъ бы вовсе не существовало. Но между образованіемъ, какое выбралъ бы себѣ самъ человѣкъ, и образованіемъ, отъ котораго онъ откажется, когда оно ему будетъ предложено, существуетъ пространство, широкость котораго соразмѣрна уваженію человѣка къ рекомендателю. Кромѣ того, если люди — плохіе судьи объ извѣстномъ предметѣ; нужно иногда бываетъ долго показывать имъ этотъ предметъ, долго обращать на него ихъ вниманіе, доказывать выгоды его долгимъ опытомъ, чтобы они научились цѣнить его, и они напослѣдокъ научатся; но быть можетъ не научились бы никогда, если бы предметъ не навязывался имъ практически, а только рекомендовался въ теоріи. А денежная спекуляція не можетъ ждать успѣха годы или быть можетъ цѣлыя поколѣнія; она должна получить быстрый успѣхъ или исчезнетъ. Другое соображеніе, повидимому забытое Дюнойе, то что есть виды образованія, которые никогда не могутъ стать настолько популярны, чтобы съ прибылью оплачивались расходы на нихъ, а между тѣмъ имѣютъ неоцѣнимую пользу, давая самое высокое образованіе немногимъ и сохраняя непрерывный рядъ людей высшаго развитія, ведущихъ впередъ науку и подвигающихъ впередъ цивилизацію общества.

что соразмѣрно величинѣ этого понижается норма необходимой рабочей платы и ослабляются побужденія къ энергіи и самообладанію. Аргументъ этотъ шелъ бы къ дѣлу развѣ лишь тогда, еслибы рѣчь была о замѣнѣ государственными средствами того, что сдѣлали бы безъ нихъ для себя сами частныя лица, еслибы всѣ родители въ рабочемъ классѣ признавали и исполняли обязанность образовывать дѣтей на свой счетъ. Но родители не исполняютъ этой обязанности и не включаютъ обученія дѣтей въ число необходимыхъ издержекъ, которыя должны покрываться рабочею платою; слѣдовательно, общая величина рабочей платы не такъ высока, чтобы доставало ея на этотъ расходъ, и надобно покрывать его изъ другаго источника. Притомъ же дѣло это не принадлежитъ къ тѣмъ, въ которыхъ оказывать вспоможеніе значитъ увѣковѣчивать порядокъ вещей, требующій вспоможенія. Если обученіе дѣйствительно стоитъ своего имени, оно не ослабляетъ, а усиливаетъ и расширяетъ энергію дѣятельности; какимъ бы образомъ ни было оно пріобрѣтено, его вліяніе на человѣка благопріятно духу независимости; и еслибы человѣкъ вовсе не получилъ его, когда не получилъ бы его задаромъ, то пособіе въ этой формѣ имѣетъ тенденцію, противоположную той, по которой оно вредно въ столь многихъ другихъ случаяхъ: это пособіе тому, чтобы обходиться безъ пособія.

«Въ Англіи, да и почти во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, чернорабочіе не могутъ оплачивать всѣ расходы первоначальнаго воспитанія изъ своей платы, и не захотѣли бы дѣлать этого, еслибы могли. Потому вопросъ тутъ не о преимуществахъ частной спекуляціи и правительственнаго вмѣшательства, а о преимуществахъ правительственнаго дѣйствія или частной благотворительности, правительственнаго вмѣшательства или вмѣшательства частныхъ ассоціацій, собирающихъ на то деньги по добровольной подпискѣ, какъ англійскія общества элементарнаго первоначальнаго обученія. Разумѣется, на деньги, получаемыя принудительнымъ налогомъ, не надобно дѣлать ничего такого, что достаточно уже хорошо дѣлается щедростью частныхъ людей. Насколько дѣлается это въ первоначальномъ воспитаніи тамъ или здѣсь — вопросъ объ отдѣльномъ фактѣ. Обученіе, даваемое въ Англіи по принципу добровольности, въ послѣднее время обсуждалось такъ много, что здѣсь не нужно разбирать его въ подробностяхъ, и я здѣсь просто выражу свое убѣжденіе, что даже въ количествѣ оно совершенно недостаточно и вѣроятно останется таково, а въ качествѣ оно бываетъ хорошо лишь по какому нибудь рѣдкому особенному случаю; вообще же, хотя нѣсколько и улучшается (впрочемъ слабо), оно такъ плохо, что почти только называется обученіемъ. Потому я считаю обязанностью правительства восполнить этотъ недостатокъ назначеніемъ денежнаго пособія первоначальнымъ школамъ, чтобы онѣ стали доступны всѣмъ дѣтямъ бѣднаго сословія или безплатно, или съ платою, нечувствительною по своей незначительности.

«Настойчиво должно желать одного: чтобы правительство не присвоивало себѣ монополіи обученія ни въ низшихъ, ни въ высшихъ школахъ; не употребляло ни власти, ни вліянія своего на то, чтобы люди учились въ его школахъ предпочтительно передъ другими, и чтобы никакихъ особенныхъ преимуществъ не давалось воспитанникамъ этихъ школъ. Правительственные преподаватели по всей вѣроят-

ности будутъ выше средняго уровня частныхъ, но не будутъ же совмѣщать въ себѣ всего знанія и искусства, какое находится во всемъ сословіи преподавателей, и полезно оставлять какъ можно больше путей къ желаемой цѣли. Потому правительство можетъ и во многихъ случаяхъ должно учреждать первоначальныя и другія училища; но право частныхъ лицъ основывать соперничествующія училища не должно нимало зависить отъ правительства.

«Въ обученіи правительственное вмѣшательство оправдывается тѣмъ, что дѣло это не принадлежитъ къ предметамъ, въ которыхъ интересомъ и соображеніемъ потребителя достаточно обезпечивается качество товара. Разсмотримъ теперь случаи другаго рода, въ которыхъ нѣтъ лица, находящагося въ положеніи потребителя, и надобно полагаться на интересъ и соображеніе самого занимающагося дѣломъ; таково, напримѣръ, веденіе дѣлъ, въ которыхъ заинтересованъ исключительно самъ ведущій ихъ, или вступленье въ обязательства и договоры, которыми связывается самъ заключающій.

«Основаніемъ принципа невмѣшательства для практики должно здѣсь быть то, что почти каждый понимаетъ свою выгоду и средства къ ея достиженію вѣрнѣе и проницательнѣе, чѣтъ можно предписать ему ее общимъ законодательнымъ постановленіемъ или указать ее въ данномъ случаѣ чрезъ государственнаго чиновника. Въ общемъ правилѣ это безспорно справедливо; но не трудно замѣтить очень обширныя и видныя исключенія изъ него. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько классовъ.

«Вопервыхъ, человѣкъ, предполагаемый наилучшимъ судьею своихъ выгодъ, быть можетъ не способенъ судить и дѣйствовать самобытно; быть можетъ онъ помѣшанный, идіотъ, дитя; или хотя онъ не вовсе не способенъ къ этому, но онъ можетъ быть несовершеннолѣтенъ возрастомъ и разсудкомъ. Въ этомъ случаѣ принципъ невмѣшательства совершенно лишается своего основанія. Лицо, наиболѣе заинтересованное въ дѣлѣ, не лучшій судья и вовсе не компетентный судья о немъ. Повсюду признается, что о сумасшедшихъ должно заботиться государство. О дѣтяхъ и несовершеннолѣтнихъ обыкновенно говорятъ, что хотя они не могутъ сами заботиться о себѣ, но есть у нихъ родители или родственники, чтобъ заботиться о нихъ. Этотъ вопросъ переносится въ другую категорію; онъ идетъ уже не о томъ, должно ли правительство вмѣшиваться въ распоряженіе частнаго человѣка его собственными дѣйствіями и выгодами, а о томъ, должно ли оно предоставлять въ безусловную власть частнаго человѣка дѣйствія и интересы другаго человѣка. Родительскою властью можно злоупотреблять точно такъ же, какъ и всякою другою, и фактически извѣстно, что ею постоянно злоупотребляютъ. Если законы не успѣваютъ удерживать родителей отъ жестокаго обращенія съ дѣтьми, и даже отъ убійства ихъ, то еще меньше можно предполагать, что интересы дѣтей никогда не будутъ принесены въ жертву эгоизму или предразсудку родителей болѣе обыденными и менѣе возмутительными способами. Если законъ можетъ, то онъ имѣетъ право и вообще имѣетъ обязанность принуждать родителей дѣлать для дѣтей все, что очевидно должны они дѣлать, и не дѣлать того, чего очевидно не должны они дѣлать для выгоды дѣтей. Возьмемъ примѣръ изъ сферы собственно экономической.

Государству слѣдуетъ, насколько можетъ оно знать и исполнять, охранять дѣтей и несовершеннолѣтнихъ отъ чрезмѣрнаго обремененія работой. Имъ не должно быть позволяемо работать слишкомъ много часовъ или работать сверхъ силъ; потому что если дозволить это, они всегда могутъ быть вынуждаемы къ тому. Свобода договора въ примѣненіи къ дѣтямъ — значитъ просто свобода насилія противъ нихъ. Родители или родственники не должны также имѣть права, по безпечности, завистливости или скупости, лишать дѣтей образованія, какое только могутъ получить они по своимъ средствамъ.

«Доводы о надобности правительственнаго вмѣшательства въ пользу дѣтей примѣняются съ такою же силою и къ низшимъ животнымъ, этимъ несчастнымъ рабамъ и жертвамъ грубѣйшей части человѣческаго рода. Лишь самое грубѣйшее непониманіе принциповъ свободы могло называть вмѣшательствомъ правительства въ дѣла ему не принадлежащія, вмѣшательствомъ въ домашнюю жизнь то, что стали подвергаться примѣрному наказанію жестокіе поступки съ этими беззащитными существами. Домашняя жизнь домашнихъ тирановъ — это одна изъ тѣхъ вещей, въ которыя всего необходимѣе вмѣшиваться закону; и жаль, что метафизическія тонкости о сущности и источникѣ правительственной власти заставляютъ иныхъ жаркихъ защитниковъ закона противъ жестокаго обращенія съ животными искать оправданія этому закону не во внутреннемъ характерѣ самаго дѣла, а въ его случайныхъ послѣдствіяхъ, въ томъ, что привычка къ жестокости можетъ быть вредною для человѣческихъ интересовъ. Чего человѣкъ, имѣющій нужную физическую силу, обязанъ не допускать дѣлать въ своемъ присутствіи, противъ чего онъ долженъ употребить свою силу, то обязано преслѣдовать такъ же сильно и все общество. Главный недостатокъ нынѣшнихъ англійскихъ законовъ объ этомъ дѣлѣ — ничтожность наказанія за эти поступки.

«Многіе хотятъ причислять женщинъ къ тѣмъ членамъ общества, свобода которыхъ въ заключеніи договоровъ должна подлежать законодательному контролю для ихъ собственнаго огражденія, по причинѣ (какъ говорятъ) ихъ зависимаго положенія; недавно изданный законъ о работѣ на фабрикахъ (Factory Act) поставилъ работу женщинъ подъ особенныя ограниченія, наравнѣ съ работою несовершеннолѣтнихъ. Но ставить тутъ и въ другихъ случаяхъ женщинъ вмѣстѣ съ дѣтьми кажется мнѣ вещью фальшивой въ теоріи и вредной на практикѣ. Дѣти ниже извѣстныхъ лѣтъ вовсе не могутъ разсуждать и дѣйствовать самостоятельно; потомъ еще довольно долго они могутъ управлять собою лишь не вполнѣ; но женщины точно такъ же, какъ и мужчины, способны обсуждать свои дѣла и управлять ими, и единственное препятствіе къ этому — несправедливость нынѣшняго ихъ общественнаго положенія. Пока все, пріобрѣтаемое женою, законъ дѣлаетъ собственностью мужа, пока, принуждая ее жить съ нимъ, онъ заставляетъ ее подвергаться всякому нравственному и даже физическому тиранству, какое мужъ вздумаетъ совершать надъ нею, — не совсѣмъ напрасно считается каждое ея дѣйствіе совершающимся по принужденію. Но сильно ошибаются тѣ реформаторы и филантропы, которые въ нашу эпоху хотятъ подрѣзывать слѣдствія несправедливой власти, вмѣсто того, чтобы устранить самую несправедливость. Если женщины будутъ

имѣть такую же, какъ мужчины, безусловную власть надъ своею личностью и надъ имуществомъ, какое наслѣдуютъ или пріобрѣтаютъ, то не будетъ никакого предлога ограничивать часы ихъ работы самихъ на себя, чтобы онѣ имѣли время работать на мужа по такъ-называемому у защитниковъ этого ограниченія *мужнину хозяйству*. Женщины, работающія на фабрикахъ, — единственныя женщины въ рабочихъ сословіяхъ, не находящіяся въ положеніи рабынь и вьючныхъ животныхъ; и это именно оттого, что не легко заставлять ихъ работать и заработывать деньги на фабрикахъ противъ ихъ воли. По моему мнѣнію, чтобы улучшить положеніе женщинъ, надобно не закрывать или не стѣснять доступъ имъ въ тѣ независимыя промышленныя занятія, которыя уже открыты для нихъ, а напротивъ, давать имъ свободнѣйшій доступъ къ такимъ занятіямъ.

«Второе исключеніе изъ правила, что каждый самъ бываетъ наилучшимъ судьею о своихъ выгодахъ, — тотъ случай, когда человѣкъ пытается безвозвратно рѣшить теперь, что будетъ наиболѣе полезно для него въ отдаленномъ будущемъ. Предположеніе о здравости личнаго соображенія справедливо лишь тамъ, гдѣ соображеніе основывается на дѣйствительномъ и въ особенности на настоящемъ личномъ опытѣ; а не тамъ, гдѣ оно дѣлается предварительно, раньше опыта, и не допускаетъ отказа даже и по осужденіи его опытомъ. Когда человѣкъ обязался договоромъ — не то, что исполнить одно извѣстное дѣло, а продолжать исполнять что нибудь на вѣкъ или на долгій періодъ, безъ возможности уничтожить это обязательство, то уже нѣтъ возможности считать выгоднымъ для него это положеніе только по тому признаку, что онъ остается въ немъ, — признаку, который безъ безвозвратнаго обязательства свидѣтельствовалъ бы объ этомъ; а тотъ аргументъ, что онъ вступилъ въ обязательство добровольно, — вступилъ, быть можетъ, въ ранней молодости и вовсе не зная того, къ чему обязывается, — этотъ аргументъ обыкновенно равняется нулю. Практическій принципъ невмѣшательства въ свободу договоровъ лишь съ большими ограниченіями можетъ прилагаться къ вѣчнымъ обязательствамъ, и законъ долженъ смотрѣть на такія обязательства чрезвычайно недовѣрчиво; онъ долженъ отказывать имъ въ своемъ утвержденіи, когда человѣкъ принимаетъ на себя такія обязанности, о которыхъ не можетъ судить основательнымъ образомъ; а если законъ утверждаетъ какіе нибудь изъ этихъ договоровъ, онъ долженъ требовать всевозможныхъ обезпеченій въ томъ, что они заключаются по основательному соображенію о будущемъ; и въ вознагражденіе за то, что не дозволяется самимъ договаривающимся разорвать свое обязательство, онъ долженъ давать имъ освобожденіе отъ него, когда будетъ приведена достаточная причина къ тому передъ безпристрастною властью. Эти соображенія въ особенности примѣняются къ браку, важнѣйшему изъ всѣхъ вѣчныхъ обязательствъ.

«Третье исключеніе изъ правила, что правительство не можетъ вести дѣла частнаго человѣка такъ хорошо, какъ онъ самъ, относится къ многочисленнымъ случаямъ, когда частный человѣкъ можетъ вести дѣло только чрезъ повѣреннаго, и когда такъ-называемое веденіе дѣла заинтересованными лицами въ сущности едва ли лучше веденія ихъ чиновникомъ правительства. Всѣ дѣла, которыя будучи предоставлены частной дѣятельности, могутъ вестись лишь акціонерными компа-

ніями, не хуже, а иногда и лучше того для существенныхъ своихъ результатовъ будутъ ведены правительствомъ. Правда, казенное управленіе вошло въ поговорку медленностью, безпечностью и неуспѣшностью; но точно такъ же вошло въ поговорку и акціонерное управленіе. Правда, что директоры акціонернаго общества — всегда акціонеры; но члены правительства такъ же всегда — участники въ платежѣ налоговъ; и у директоровъ точно такъ же, какъ и у агентовъ правительства, доля въ выгодахъ отъ хорошаго хозяйства не равняется выгодѣ, какую они могутъ имѣть отъ злоупотребленій, не говоря уже о томъ, что быть безпечными — спокойнѣе для нихъ. Могутъ возразить, что акціонеры въ цѣломъ своемъ составѣ имѣютъ нѣкоторый контроль надъ директорами и почти всегда имѣютъ полную власть отрѣшать ихъ отъ должности. Но въ практикѣ контроль надъ дѣйствіями директоровъ оказывается такъ затруднителенъ, что акціонеры почти никогда не пользуются этимъ правомъ, кромѣ случаевъ такой явной неловкости или такой безуспѣшности управленія, которая вообще повела бы за собою удаленіе отъ должности и распорядителей, назначенныхъ правительствомъ. Въ замѣнъ гарантіи, представляемой собраніями акціонеровъ и личныхъ наблюденій и изысканій того или другаго изъ акціонеровъ, можно выставить, что надобно ожидать большей публичности, болѣе дѣятельныхъ преній и замѣчаній о дѣлахъ, въ которыхъ участвуетъ общее правительство, чѣмъ о дѣлахъ частной компаніи. Потому недостатки казеннаго управленія не бываютъ необходимо много больше, а быть можетъ и вовсе не больше недостатковъ акціонернаго управленія.

«Если надобно, вообще говоря, предоставлять добровольнымъ товариществамъ почти всѣ тѣ дѣла, которыя могутъ исполняться ими хотя посредственно, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы правительству слѣдовало оставлять безъ всякаго контроля веденіе дѣлъ этими товариществами. Во многихъ случаяхъ, чьимъ бы силамъ ни было оставлено дѣло, лицо или товарищество, его исполняющее, будетъ по самому характеру дѣла въ сущности пользоваться монополіею, и никакъ нельзя уничтожить эту практическую монополію съ принадлежащею ей силою брать налогъ съ общества. Я уже не разъ указывалъ на газовыя и водопроводныя общества, между которыми на дѣлѣ нѣтъ соперничества, хотя предоставлена полная свобода соперничеству, и на практикѣ они оказываются еще безотвѣтственнѣе правительства, еще менѣе его доступны частнымъ жалобамъ. Тутъ существованіе нѣсколькихъ производителей, вмѣсто одного, не доставляетъ никакихъ выгодъ, а ведетъ лишь къ увеличенію расходовъ; и плата за предметъ, безъ котораго нельзя обойтись, становится тутъ такимъ же принудительнымъ налогомъ, какъ бы установлялась она закономъ. Въ этихъ дѣлахъ перевѣсъ выгодъ на той сторонѣ, чтобы они подобно мощенію и чисткѣ улицъ исполнялись правительствомъ; разумѣется, не центральнымъ государственнымъ правительствомъ, а городскимъ управленіемъ, а издержки покрывались бы, какъ оно и теперь въ сущности есть, мѣстнымъ налогомъ. Но во многихъ подобныхъ случаяхъ, когда лучше оставить дѣло частнымъ лицамъ, обществу нужна еще другая гарантія хорошаго исполненія дѣла, кромѣ выгоды распорядителей; и правительство должно или установить для этаго дѣла надлежащія условія къ общей выгодѣ, или оставить за собою такую власть надъ

нимъ, чтобы общество не лишалось по крайней мѣрѣ тѣхъ выгодъ, какія имѣетъ монополія. Это надобно сказать о каналахъ и желѣзныхъ дорогахъ. На практикѣ они всегда въ значительной степени бываютъ монополіями; и правительство, безусловно предоставляющее такую монополію частной компаніи, дѣлаетъ то же самое, какъ еслибы дозволяло отдѣльному лицу или обществу брать въ свою пользу какой угодно налогъ со всего производимаго въ Англіи солода или со всей привозимой въ нее хлопчатой бумаги. Уступать дорогу или каналъ во временное пользованіе строителямъ можно по той же причинѣ, которою оправдывается выдача привилегій изобрѣтателямъ; но государство или должно постановлять, что по прошествіи срока дорога или каналъ переходятъ въ его собственность, или должно оставлять за собою свободное право опредѣлять maximum платы за проѣздъ и за провозъ, съ тѣмъ, чтобы отъ времени до времени измѣнять этотъ maximum.

«На четвертое исключеніе я долженъ обратить особенное вниманіе читателя, потому что прежніе политико-экономы слишкомъ мало обращали вниманія на дѣла этого рода. Есть вещи, въ которыя вмѣшательство закона нужно не затѣмъ, чтобы устранять соображеніе частнаго лица о своихъ выгодахъ, а затѣмъ, чтобы могло исполняться это соображеніе, и нужно это потому, что воля частныхъ лицъ можетъ осуществляться тутъ лишь по соглашенію между ними, а самое соглашеніе будетъ имѣть силу лишь тогда, когда поддерживается и защищается закономъ. Возьму въ примѣръ уменьшеніе часовъ рабочаго дня, — только въ примѣръ, не споря о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ быть этому уменьшенію. Предположимъ, — вѣдь можно хотя сдѣлать это предположеніе, не рѣшая, вѣрно ли оно или невѣрно, — что общее уменьшеніе дня фабричной работы съ 12 часовъ на 10 было бы выгодно для работниковъ, что они за 10 часовъ работы стали бы получать такую же или почти такую же плату, какъ теперь за 12 часовъ. Если предположить это, и предположить, что всѣ работники убѣждены въ этомъ, то иной скажетъ, что уменьшеніе произойдетъ само собою и что не нужно будетъ узаконять его юридическимъ постановленіемъ. Я отвѣчаю: оно произойдетъ лишь тогда, если всѣ работники обяжутся другъ передъ другомъ держаться этого уменьшенія. Если работникъ отказывается работать больше 10 часовъ, между тѣмъ какъ другіе работаютъ по 12, онъ или вовсе не будетъ нанятъ, или плата ему будетъ уменьшена на шестую долю. Потому, какъ бы твердо ни былъ онъ убѣжденъ, что 10 часовая работа выгоднѣе 12 часовой для его сословія, его интересу будетъ противно подавать этотъ примѣръ, если онъ не увѣренъ вполнѣ, что всѣ или почти всѣ послѣдуютъ за нимъ. Но предположимъ, что и все сословіе работниковъ вступило въ такое соглашеніе, — будетъ ли соглашеніе имѣть силу безъ законодательной санкціи? Лишь въ томъ случаѣ, если общественное мнѣніе охраняетъ его съ строгостью, на практикѣ равняющеюся юридическому наказанію. Вѣдь какъ ни полезно соблюденіе этого правила для всего сословія, но прямая выгода каждаго отдѣльнаго работника — нарушать его; и чѣмъ многочисленнѣе лица, вступившія въ соглашенія, тѣмъ больше будетъ число людей, могущихъ выиграть, отступивъ отъ него. Если даже почти всѣ держатся правила работать 10 часовъ, люди, которые захотятъ работать 12 часовъ, получатъ полную выгоду отъ уменьшеннаго времени работы и кромѣ

того прибыль за его нарушеніе: за 10 часовую работу они получатъ прежнюю 12 часовую плату и сверхъ того еще плату за два часа. Согласенъ, что вреда отъ этого не будетъ, если огромное большинство станетъ держаться 10 часовой работы: почти вся выгода, какая могла быть отъ этого, останется за сословіемъ работниковъ, а люди, желающіе работать и выработывать больше, будутъ имѣть возможность къ тому. Разумѣется, такого порядка вещей и слѣдовало бы желать; и если предположить, что уменьшеніе часовъ съ сохраненіемъ прежней платы возможно безъ того, чтобъ товаръ не лишился нѣкоторыхъ своихъ рынковъ (этотъ вопросъ рѣшается, смотря по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая, а не по общему принципу), — если предположить это, то конечно наилучшимъ способомъ осуществленія была бы тихая перемѣна въ общемъ фабричномъ обычаѣ, чтобы 10 часовая работа вошла въ общую практику по доброй волѣ каждаго; а кто хочетъ отступать отъ нея, тотъ имѣлъ бы полнѣйшую свободу работать больше. Но число людей, которые захотятъ по новой высшей платѣ работать 12 часовъ, будетъ такъ велико, что 10 часовая работа не удержится въ общемъ обычаѣ: что одинъ сталъ дѣлать по доброй волѣ, то другой скоро принужденъ будетъ дѣлать по необходимости, и люди, захотѣвшіе работать по 12 часовъ для полученія большей платы, будутъ наконецъ принуждены работать по 12 часовъ за прежнюю плату. Значитъ, если предположить, что каждому было бы выгодно работать лишь 10 часовъ, когда могъ бы онъ быть увѣренъ, что всѣ другіе станутъ работать не больше; все-таки единственнымъ средствомъ достичь этой цѣли могло бы оказаться для работниковъ то, чтобы обратить свое взаимное соглашеніе въ юридическое обязательство съ наказаніями по закону за нарушеніе правила. Я не то, что говорю въ пользу такого постановленія, — оно служитъ у меня лишь примѣромъ того, какъ извѣстному сословію можетъ нужна быть помощь закона для осуществленія общаго мнѣнія этихъ людей о ихъ выгодѣ, — нужна для того, чтобы каждому дать гарантію, что его соперники будутъ держаться того же правила, которое нельзя принять и ему безъ такой гарантіи. Другой примѣръ того же принципа — такъ называемая уэкфильдова система колонизаціи.

«Если безусловно понимать принципъ, что каждый самъ наилучшій судья своихъ выгодъ, это будетъ значить, что правительствамъ не слѣдуетъ исполнять ни одной изъ безспорныхъ ихъ обязанностей, — не слѣдуетъ имъ и вовсе существовать. Цѣлому обществу и каждому члену его очень выгодно то, чтобы люди не грабили и не воровали другъ у друга; но все-таки необходимы законы, наказывающіе грабежъ и воровство, потому что если и выгодно каждому, чтобы никто не грабилъ и не воровалъ, то никому не выгодно удерживаться отъ грабежа и воровства, когда всѣмъ другимъ дозволено грабить и обворовывать его. Въ этомъ и есть главная причина существованія уголовныхъ законовъ. Самое единодушное мнѣніе, что извѣстный образъ дѣйствій выгоденъ для всѣхъ — не всегда достаточно, чтобы разсчетъ каждаго соотвѣтствовалъ этому образу дѣйствій.

«Пятое исключеніе. Аргументъ противъ правительственнаго вмѣшательства, основанный на принципѣ, что каждый самъ — наилучшій судья своихъ выгодъ, не можетъ примѣняться къ очень обширному разряду тѣхъ случаевъ, въ которыхъ

присвоивается правительству контроль надъ дѣйствіями частнаго лица, совершаемыми имъ не въ свою пользу, а въ пользу другихъ. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, важный вопросъ объ общественной благотворительности, возбуждавшій столько споровъ. Вообще слѣдуетъ каждому оставлять свободу дѣлать все, къ чему онъ предполагается имѣющимъ достаточно способностей; но когда никакъ нельзя предоставить человѣка самому себѣ, а нужна ему помощь другихъ, является вопросъ: лучше ли, чтобы онъ получалъ эту помощь исключительно отъ частныхъ лицъ, то есть помощь невѣрную и случайную, или получалъ ее по систематическому устройству, по распоряженію общества, черезъ его органъ—государственную власть.

«Это приводитъ насъ къ разбору законовъ о пособіи, вопросъ о которыхъ былъ бы очень неваженъ, еслибы привычки всѣхъ сословій въ Англіи были умѣренны и благоразумны, а распредѣленіе собственности удовлетворительно; но онъ чрезвычайно важенъ при порядкѣ дѣлъ, столь противоположномъ этимъ обоимъ условіямъ, какъ порядокъ дѣлъ на Британскихъ островахъ.

«Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ на сущность нравственности и общественнаго союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу; что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда, и что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Потому право на пособіе, происходящее отъ крайней бѣдности,—одно изъ сильнѣйшихъ правъ на свѣтѣ; слѣдовательно при первомъ же взглядѣ на дѣло мы видимъ сильнѣйшее основаніе устроить для людей, столь сильно нуждающихся въ пособіи, самый вѣрный способъ доставки имъ пособія, какой только можетъ быть устроенъ общественными мѣрами.

«Съ другой стороны, при каждомъ пособіи надобно брать во вниманіе два ряда послѣдствій: послѣдствія самого пособія и послѣдствія увѣренности въ томъ, что оно будетъ оказано. Послѣдствія перваго рода вообще полезны; но послѣдствія втораго рода почти всегда вредны; часто вредны до того, что далеко перевѣшиваютъ всю пользу, и скорѣе всего это бываетъ именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ надобность пособія—самая настоятельная. Одна изъ самыхъ вредныхъ надеждъ на постоянное пособіе—надежда на полученіе пищи и, къ несчастію, нѣтъ истины, въ которой легче было бы убѣдиться. Потому рѣшеніе этой важной задачи требуетъ большой осмотрительности; а задача въ томъ, какъ оказывать наибольшее количество нужной помощи съ наименьшимъ возбужденіемъ вредной надежды на нее.

«Но энергія человѣка и надежда его на самого себя могутъ и недостаткомъ пособія ослабляться точно такъ же, какъ излишествомъ. Безнадежность еще гибельнѣе для энергіи труда, чѣмъ разсчетъ прожить безъ труда. Когда положеніе человѣка такъ бѣдственно, что силы его парализуются отчаяніемъ, пособіе не усыпляетъ, а возбуждаетъ, укрѣпляетъ, а не разслабляетъ энергію; разумѣется, если оно не таково, чтобы устранять надобность собственныхъ усилій, если оно не замѣняетъ человѣку его личнаго труда, искусства и благоразумія, а ограничивается доставленіемъ ему лучшей надежды обезпечить себя этими законными средствами успѣха. Вотъ критеріумъ, по которому надобно судить о всѣхъ филантропическихъ и гуманныхъ проэктахъ, все равно, на облегченіе ли судьбы отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ

сословій предназначаются они, и добровольною ли, правительственною ли дѣятельностію должны исполняться.

«Насколько можетъ тутъ быть общее правило, мнѣ кажется, что правило это — таково: если пособіе дается въ такой формѣ, что положеніе человѣка, получающаго пособіе, не хуже того, въ какомъ находится человѣкъ пріобрѣтающій такое же обезпеченіе безъ пособія, то пособіе вредно, когда люди впередъ увѣрены, что получатъ его; но если оно, будучи доступно каждому, оставляетъ человѣку сильное побужденіе обойтись, если возможно, безъ пособія, то оно почти всегда полезно. Если положеніе человѣка, получающаго пособіе, ничѣмъ не хуже положенія работника, содержащагося своимъ трудомъ, — это система, истребляющая въ самомъ корнѣ всякое личное трудолюбіе и самоуправленіе; и если бы вполнѣ осуществлялся такой методъ, онъ требовалъ бы въ дополненіе къ себѣ организованной системы принужденія, чтобы управлять какъ скотомъ людьми, выведенными изъ-подъ вліянія побужденій, дѣйствующихъ на людей, и заставлять ихъ работать, какъ скотъ. Но если, обезпечивая людей отъ крайней нужды, можно сдѣлать, чтобы положеніе человѣка, содержимаго на общественный счетъ, было значительно хуже, чѣмъ положеніе человѣка, содержащагося своимъ трудомъ, законъ, устраняющій возможность умереть съ голода иначе какъ по собственной волѣ, будетъ имѣть только одни хорошія послѣдствія. Что въ Англіи можно осуществить это условіе, доказывается опытомъ долгихъ лѣтъ, предшествовавшихъ концу прошлаго вѣка, и въ новыя времена опытовъ многихъ округовъ, въ которыхъ было очень много нищеты и которые избавились отъ нея къ великой и вѣчной пользѣ всего рабочаго сословія, принявъ строгія правила въ оказываніи пособія. Если видоизмѣнять правила сообразно народному характеру, вѣроятно и во всякой странѣ можно обезпечить неимущихъ правительственнымъ пособіемъ, не нарушая условій, необходимыхъ для того, чтобы отъ пособія не было вреда.

«При соблюденіи этихъ условій, я считаю очень полезнымъ, чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Вопервыхъ, благотворительность всегда даетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало; расточаетъ свою щедрость въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ оставляетъ людей умирать съ голоду. Вовторыхъ, государство обязано же по необходимости содержать бѣднаго преступника, пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ; значитъ, если оно не содержитъ невиннаго бѣдняка, оно назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ, если неимущіе предоставлены частной благотворительности, неизбѣжно нищенство въ обширномъ размѣрѣ. Забота различать разные разряды неимущихъ — вотъ дѣло, которое государство должно предоставить частной благотворительности. Она можетъ давать больше заслуживающему большаго пособія. Государство должно дѣйствовать по общимъ правиламъ. Оно не можетъ брать на себя разбора, какой нуждающійся заслуживаетъ, какой не заслуживаетъ участія. Оно не обязано давать ничего сверхъ необходимаго для жизни первому, и не можетъ давать второму меньше необходимаго. Говорятъ о несправедливости закона, который бѣдняку, невинно обнищавшему, даетъ не больше того, чѣмъ обнищавшему отъ безнравственности, — говорить это

--значитъ не понимать, что такое законъ и общественная власть. Чиновники, завѣдующіе общественнымъ пособіемъ, не инквизиторы. Имъ нельзя ввѣрять власти давать или не давать чужихъ денегъ по ихъ приговору о нравственности лица, просящаго денегъ. Предполагая, что они даже способны составлять себѣ разумное сужденіе о прошедшемъ поведеніи нуждающагося, — случай, почти невозможный, — все-таки нельзя предположить, что они примутъ на себя трудъ разузнать и разобрать это прошедшее, — значитъ, совершенно не знать человѣческой натуры. Частная благотворительность можетъ дѣлать этотъ разборъ и, давая свои деньги, человѣкъ имѣетъ право давать ихъ по собственному соображенію. Надобно понимать, что это — особенное дѣло, принадлежащее собственно частной благотворительности и что оно полезно или вредно, смотря по тому, разсудительно или неразсудительно исполняется. Но распорядители общественныхъ денегъ не должны никому давать больше того minimum, какой обязаны давать и самому дурному человѣку. Иначе излишество очень скоро станетъ правиломъ, а отказъ болѣе или менѣе капризнымъ деспотическимъ исключеніемъ.

«Подъ одинаковый съ общественной благотворительностью принципъ подходятъ случаи другаго рода, — тѣ случаи, когда дѣло частнаго лица, хотя и совершается имъ только въ свою пользу, влечетъ за собою слѣдствія, несравненно обширнѣйшія для всей націи или потомства, о которомъ только общество въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ и обязано заботиться. Одно изъ такихъ дѣлъ — колонизація. Никто не станетъ спорить, что дѣло основанія колоній слѣдуетъ вести не въ исключительномъ интересѣ частныхъ выгодъ первыхъ поселенцевъ, а съ обдуманнымъ разсчетомъ для прочнаго блага націй, которыя впослѣдствіи возникнутъ изъ этихъ маленькихъ зародышей; а это можетъ обезпечиваться лишь тѣмъ, когда дѣло съ самаго начала ведется по правиламъ, составленнымъ предупредительностью и широкими понятіями просвѣщенныхъ законодателей; одно правительство имѣетъ силу составить эти правила и охранить ихъ отъ нарушенія.

«Множество разныхъ другихъ случаевъ подходитъ подъ тотъ принципъ, по которому, какъ мы видѣли, не примѣняется къ дѣламъ колонизаціи и пособія нуждающимся главнѣйшее возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства; это случаи, въ которыхъ дѣло должно принести важную пользу обществу, но никто изъ частныхъ людей не имѣетъ особенной выгоды исполнять его, потому что само собою не дастъ оно частному лицу надлежащаго вознагражденія. Возьмемъ въ примѣръ путешествіе съ географическою или другою ученою цѣлью. Свѣдѣнія, которыя должно оно доставить, могутъ быть очень полезны для общества, но частный человѣкъ не извлечетъ изъ нихъ выгоды, которой вознаградились бы издержки на экспедицію, и нѣтъ возможности ему взимать съ пользующихся пріобрѣтенными свѣдѣніями эту уплату, нельзя брать пошлины съ нихъ въ свое вознагражденіе. Такія путешествія устраиваются или могли бы устраиваться по частной подпискѣ; но это рессурсъ рѣдкій и невѣрный. Чаще случалось, что расходы эти брали на себя какія нибудь общества, ученыя, торговыя или человѣколюбивыя. Но вообще эти предпріятія совершаются на счетъ правительства, которое при томъ можетъ и ввѣрять ихъ лицамъ, наиболѣе способнымъ къ дѣлу по его мнѣнію. Точно также,

правительству слѣдуетъ строить и содержать маяки, ставить вехи, и т. д. для безопасности плаванія: никто не можетъ собирать пошлину съ кораблей, получающихъ пользу отъ маяка, за то что они имъ воспользовались; потому никто не сталъ бы по личному разсчету строить маяковъ.

«Вообще можно сказать, что правительству слѣдуетъ брать на себя всѣ тѣ дѣла, исполненіе которыхъ не дастъ вознагражденія частному лицу или частной компаніи за расходъ на нихъ, но которыя нужны для общей пользы человѣчества или будущихъ поколѣній, или для настоящей выгоды частей общества, нуждающихся въ посторонней помощи. Но прежде, чѣмъ брать на себя такое дѣло, правительство всегда должно разсмотрѣть, не существуетъ ли вѣроятность, что дѣло это можетъ исполняться по такъ называемому добровольному принципу, и если можетъ, то слѣдуетъ ли ожидать, что правительственною дѣятельностью станетъ исполняться оно лучше или успѣшнѣе, чѣмъ ревностью и щедростью частныхъ людей.

«Предшествующіе параграфы обнимаютъ собою, какъ мнѣ кажется, всѣ исключенія изъ той практической аксіомы, что общественныя дѣла лучше всего могутъ исполняться частною и добровольною дѣятельностью. Но необходимо прибавить, что въ дѣйствительности правительственное вмѣшательство не всегда можетъ останавливаться на границѣ дѣлъ, по самой своей сущности требующихъ его. Бываютъ такія времена и такія положенія націи, что почти всякому дѣлу, дѣйствительно важному для общей пользы, полезно и необходимо бываетъ исполняться правительствомъ, потому что частные люди хотя и могутъ, но не хотятъ исполнять это дѣло. Есть такія времена и мѣста, что не будетъ ни дорогъ, ни доковъ, ни каналовъ, ни пристаней, ни работъ для орошенія, ни больницъ, ни первоначальныхъ, ни высшихъ училищъ, ни типографій, если не устроитъ ихъ правительство: публика или такъ бѣдна, что не имѣетъ средствъ къ тому, или такъ неразвита умственно, что не можетъ оцѣнить ихъ пользы, или такъ непривычна къ общему дѣйствованію, что не умѣетъ распоряжаться этими дѣлами. Много есть такихъ земель, въ которыхъ сами жители не могутъ сдѣлать для себя ничего, требующаго большихъ средствъ и организованнаго дѣйствія, и всѣ такія дѣла остаются у нихъ не исполненными, если не исполняются государствомъ. Въ этихъ случаяхъ, искренность своихъ заботъ о благѣ подданныхъ, правительство вѣрнѣе всего докажетъ тѣмъ, что дѣла, возлагаемыя на него безпомощностью публики, станетъ совершать такимъ способомъ, чтобы эта безпомощность прекращалась отъ него, а не увеличивалась и не увѣковѣчивалась. Хорошее правительство будетъ содѣйствовать публикѣ такъ, чтобы ободрялись и развивались всѣ находящіеся въ ней зародыши частной самодѣятельности. Оно будетъ ревностно устранять препятствія къ добровольной дѣятельности, облегчать ее въ случаѣ нужды совѣтами и руководствомъ; свои денежныя средства оно будетъ, когда можно, употреблять не на устраненіе надобности въ частныхъ усиліяхъ, а на содѣйствіе имъ. Когда правительственное пособіе оказывается только по недостатку частной предпріимчивости, оно должно оказываться такъ, чтобы по возможности служить для народа курсомъ воспитанія въ искусствѣ достигать великихъ цѣлей индивидуальной энергіей и добровольнымъ соединеніемъ силъ.

«Я не считалъ нужнымъ говорить здѣсь о той части правительственныхъ дѣй-

ствій, необходимость которой признается всѣми, — объ обязанности правительства запрещать и наказывать такія дѣйствія свободныхъ людей, которыя очевидно вредны для другихъ людей, будетъ ли этотъ вредъ происходить отъ насилія, обмана и небрежности, все равно. Прискорбно думать, какая огромная пропорція человѣческихъ усилій и способностей употребляется только на нейтрализованіе другихъ усилій и способностей даже и въ наилучшемъ изъ всѣхъ существующихъ положеній общества. Истинное назначеніе правительства — уменьшать эту пропорцію до наименьшаго возможнаго размѣра, принимая мѣры къ тому, чтобы энергія, растрачиваемая нынѣ людьми на нанесеніе вреда другъ-другу или на защиту себя отъ этого вреда, обращалась къ надлежащей цѣли человѣческихъ способностей, — къ тому, чтобы принуждать силы природы все болѣе и болѣе служить матеріальному и нравственному благу.»

Вотъ послѣднія слова, которыми заканчивается трактатъ Милля. Пора и намъ кончить рядъ статей, получившихъ уже размѣръ, едва ли не слишкомъ обременительный для журнала. Не успѣла войти въ наши очерки та часть теоріи, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе важна въ наукѣ. Критикою господствующихъ понятій намъ удавалось приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства, наиболѣе выгоднаго для людей. Но мы не успѣли изложить, въ какихъ главныхъ подробностяхъ должны нѣкогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могутъ уже теперь люди приближаться къ наилучшему устройству своихъ матеріальныхъ отношеній. Намъ пришлось въ этомъ отношеніи довольствоваться неопредѣленными очерками, представленными у Милля въ главѣ о вѣроятной будущности рабочихъ сословій. Мысли его вѣрны, но слишкомъ блѣдны. И мы очень жалѣемъ о томъ, что не успѣли дополнить ихъ очерками, болѣе точными. Но что же дѣлать!

ПРИЛОЖЕНІЕ А

(къ страницѣ 42-й).

Чтобы узнать направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ поземельная наслѣдственность, возьмемъ для примѣра хотя нѣсколько генеалогическихъ таблицъ, и просмотримъ, какъ развѣтвлялись роды втеченіе нѣсколькихъ поколѣній. Для этого мы беремъ 4-ю часть „Россійской родословной книги,“ кн. П. Долгорукова.

Группы родственниковъ разнообразны и по числу лицъ и по близости родственныхъ отношеній въ каждой группѣ. Для удовлетворенія этимъ условіямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы возьмемъ нѣсколько родовъ, изъ каждаго рода возьмемъ какое нибудь изъ среднихъ поколѣній, отъ VII до X. Такимъ образомъ, въ каждой группѣ будутъ разнообразныя степени родства.

Фамиліи мы беремъ наудачу, кноолѣнія также.

Фамилій мы набираемъ столько, чтобы въ поколѣніяхъ, нами взятыхъ, насчиталось до 250 мужчинъ.

Вотъ фамиліи и поколѣнія, наудачу взятыя нами изъ „Родословной книги“ кн. Долгорукова:

Арсеньевы VIII; Бахметьевы IX; Вельяминовы-Зерновы X; Воейковы X; Жеребцовы IX; Игнатьевы IX; Квашнины VII; Колычовы VII; Орловы-Довыдовы VII; Шишковы X.

Всѣ вмѣстѣ, эти поколѣнія всѣхъ десяти родовъ имѣютъ 251 мужчину.

Итакъ, мы имѣемъ 251 лицо мужескаго пола. Эти лица соединены между собою родствомъ въ нѣсколько группъ, и въ каждой группѣ есть разнообразныя степени родства. Словомъ, генеалогическія отношенія въ нашемъ примѣрѣ совершенно соотвѣтствуютъ условіямъ дѣйствительности.

Будемъ же, анализируя родословныя этихъ лицъ, изучать дѣйствіе принципа наслѣдственной собственности. Для того, чтобы характеристическія особенности этого принципа выставлялись яснѣе, мы не забудемъ сравнивать ихъ съ результатами, къ какимъ приводитъ принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія.

Посмотримъ сначала, какъ развѣтвились родственныя группы въ четвертомъ поколѣніи отъ того, съ котораго начался нашъ счетъ, иначе сказать, сколько въ каждой группѣ явилось правнуковъ.

		Прадѣды, число мужчинъ.	Правнуки, число мужчинъ.
№ 1	Арсеньевы	10	54
— 2	Бахметьевы	9	37
— 3	Вельяминовы-Зерновы . .	28	30
— 4	Воейковы	62	98
— 5	Жеребцовы	11	40
— 6	Игнатьевы	16	33
— 7	Квашнины	23	21
— 8	Колычевы	47	18
— 9	Орловы-Давыдовы . . .	25	24
— 10	Шишковы	20	33
	Итого. . .	251	388

Итакъ, при смѣнѣ трехъ поколѣній, число лицъ увеличилось почти въ полтора раза.

При прадѣдахъ было въ селѣ общинное владѣніе, и на каждую душу мужескаго пола приходилось 12 десятинъ.

Если общинное владѣніе сохранилось при правнукахъ, каждая мужская душа имѣетъ около $7^{3}/_{4}$ десятинъ. Каково же будетъ благосостояніе правнуковъ сравнительно съ прадѣдами?

Втеченіе вѣка земледѣліе сдѣлало нѣкоторые успѣхи; развилась торговля хлѣбомъ съ близь лежащими городами и съ оптовыми торговцами, отправляющими хлѣбъ въ столицы и за границу.

Вслѣдствіе улучшеній въ земледѣліи каждая десятина даетъ

среднимъ числомъ на 50% болѣе сбора, нежели при прадѣдахъ [1]).

Благодаря увеличенію запроса (отъ возрастанія населенія и развитія торговли) и пониженію цѣны мануфактурныхъ издѣлій (отъ усовершенствованій въ технологіи и механикѣ) цѣнность хлѣба поднялась въ теченіе вѣка, сравнительно съ другими продуктами, тоже на 50% [2]).

Посмотримъ же теперь, каково при сохраненіи общиннаго владѣнія благосостояніе правнуковъ сравнительно съ благосостояніемъ прадѣдовъ.

Если десятина земли давала прадѣду житейскихъ удобствъ на 4, то правнуку она дастъ тѣхъ же удобствъ на 9 [3]).

[1]) Это число очень умѣренно; тутъ надобно принять въ разсчетъ: 1) разработку земель, прежде лежавшихъ пустыми — прадѣды распахивали изъ 3,012 десятинъ, только 1,200, правнуки распахиваютъ, вслѣдствіе увеличенія числа рукъ, 1,800. Это одно уже увеличиваетъ средній доходъ съ десятины на 50%. 2) Расширеніе культуры растеній, дающихъ обильный сборъ, напримѣръ, свекловицы и кортофеля. Если на нихъ обращено 200 десятинъ у правнуковъ вмѣсто 100 десятинъ при прадѣдахъ, это одно увеличитъ средній сборъ съ десятины на 10%; 3) улучшенія въ обработкѣ земли и ея удобреніи, положимъ хотя на 10% въ теченіе вѣка, — это слишкомъ умѣренно. Итакъ мы имѣемъ 1,50×1,1×1,1=1,815; то есть, при самыхъ ничтожныхъ улучшеніяхъ, сборъ хлѣба увеличился на 81½%, а мы приняли только 50%.

[2]) Это также слишкомъ умѣренно. Читатель замѣтитъ, что мы беремъ не цѣну хлѣба, выраженную въ звонкой монетѣ — она можетъ возрастать или уменьшаться, смотря по обилію благородныхъ металловъ и замѣняющаго ихъ кредита, а также быстротѣ размѣнныхъ оборотовъ, — нѣтъ, мы беремъ относительную цѣнность хлѣба по сравненію съ другими продуктами. Напримѣръ, если при прадѣдахъ четверть ржи стоитъ 2 р., а пудъ сахару 10 р., и аршинъ ситцу 20 коп., а при правнукахъ четверть ржи стоитъ 2 р. 40 коп., но пудъ сахару стоитъ только 6 р., и аршинъ ситцу только 12 коп., то за четверть ржи земледѣлецъ получаетъ:

При прадѣдахъ 8 фунтовъ сахару или 10 аршинъ ситцу
— правнукахъ 16 — — — 20 — —

— полагая, что цѣна покупаемыхъ земледѣльцами продуктовъ понизилась такъ же, какъ цѣна сахару и ситцу, мы получимъ, что цѣнность хлѣба увеличилась по сравненію съ другими продуктами на 100%, хотя по отношенію къ звонкой монетѣ цѣна его увеличилась только на 20%.

Каждый скажетъ, что мы принимаемъ слишкомъ малый прогрессъ, если скажемъ, что въ теченіе вѣка мануфактурныя издѣлія и такъ далѣе, становятся только на ⅓ обильнѣе, нежели были сто лѣтъ тому назадъ, — а этого уже достаточно, чтобы земледѣлецъ за свой хлѣбъ получалъ разныхъ издѣлій и удобствъ на 50% болѣе, нежели его прадѣдъ получалъ за сто лѣтъ до него.

[3]) Второе число выводится изъ перваго такимъ образомъ: 4×1, 5 (вслѣдствіе увеличенія сбора) ×1, 5 (вслѣдствіе возвышенія цѣны) =9.

Это пропорція вообще самая умѣренная; если мы возьмемъ хотя цифры, указанныя въ примѣчаніяхъ, впрочемъ также слишкомъ низко оцѣнивающія вѣроятный прогрессъ торговли и промышленности въ теченіе вѣка, мы получимъ 4×1,815×2=14,52.

Но прадѣдъ получалъ доходъ съ 12 десятинъ, а правнукъ только съ 8 десятинъ. Итакъ:

Благосостояніе прадѣда $4 \times 12 \quad = 48$

— правнука $9 \times 7^3/_4 = 69^3/_4$.

Итакъ, въ теченіе вѣка, при сохраненіи общиннаго владѣнія, благосостояніе земледѣльцевъ увеличилось на 40%, хотя число населенія и возрасло въ полтора раза.

Теперь посмотримъ, что будетъ съ этими правнуками при уничтоженіи общиннаго владѣнія землею.

У прадѣда Захара было два сына, Иванъ и Петръ; отъ Ивана произошло десять внуковъ, отъ Петра только одинъ; послѣднему достается въ десять разъ больше, нежели каждому изъ его троюродныхъ братьевъ; мало того: трое прадѣдовъ: Сидоръ, Карпъ и Ѳедоръ были родные братья; изъ нихъ только у одного Сидора остался правнукъ, — ясно, что этотъ правнукъ Сидора будетъ одинъ имѣть въ трое болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ потомки Захара, будетъ имѣть въ шесть разъ больше, нежели внукъ Петра, которому досталась половина Захарова имущества и въ 30 разъ болѣе, нежели каждый изъ десяти внучатъ Ивана, между которыми раздѣлилась другая половина Захарова имущества.

Кто прослѣдитъ такимъ образомъ генеалогію, напр. группы № 8 (Колычевы, поколѣніе VII), тотъ увидитъ, что изъ 18 ихъ правнуковъ (X поколѣніе Колычевыхъ) двое будутъ имѣть каждый по 138 десятинъ, а 6 человѣкъ только по 6, и 3 человѣка даже только по 4 десят., т. е. по дѣйствію наслѣдства между людьми одной родственной группы, въ которой прадѣды имѣли одинаковое благосостояніе, явятся черезъ три поколѣнія такіе люди, которые будутъ имѣть въ двадцать и даже въ тридцать разъ менѣе своихъ родственниковъ. Тоже самое и во всѣхъ другихъ группахъ.

Спрашивается теперь: каковы будутъ чувства между этими людьми? Будутъ или нѣтъ бѣдняки завидовать своему недальнему родственнику, который имѣетъ больше ихъ въ 30 разъ, между тѣмъ какъ еще прадѣды ихъ жили одинаково, и въ семьяхъ сохранилась о томъ свѣжая память? Не замѣнится ли злобою съ одной стороны, презрѣніемъ и опасеніемъ съ другой, чувство бла-

горасположенія, которому такъ легко было существовать между одинаково благосостоятельными прадѣдами.

Но все это только отдѣльные примѣры; посмотримъ, каковъ общій ходъ дѣлъ, какъ распредѣлились всѣ жители нашего села дѣйствіемъ наслѣдства черезъ три поколѣнія послѣ того, какъ уничтожилось общинное владѣніе.

Мы представляемъ общую таблицу; кто захочетъ провѣрить выводы, нами составленные, можетъ сдѣлать это по „Родословной книгѣ“ князя Долгорукова. Вотъ распредѣленіе земли по праву поземельнаго наслѣдства въ четвертомъ поколѣніи *) отъ людей, при которыхъ уничтожается общинное владѣніе.

Распредѣленіе земли по праву наслѣдства между 388 правнуками людей, въ числѣ 251 человѣка владѣвшихъ общинною землею въ количествѣ 3,012 десятинъ и при уничтоженіи общиннаго владѣнія получившихъ каждый по 12 десятинъ въ наслѣдственную собственность.

Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.
2	138	3	6,666
1	108	2	6,375
2	63	3	6,20
1	60	24	6
2	54	6	5,40
1	40	9	5
4	36	6	4,5
3	30,66	22	4
5	30	4	3,75
2	27	3	3,60
4	25,50	6	3,33
2	24	4	3,15
2	21	26	3
2	20,50	6	2,7
2	20	6	2,66
3	18	5	2,40

*) Арсеньевы поколѣніе XI; Бахметьевы—XII; Вельяминовы-Зерновы—XIII; Воейковы—XIII; Жеребцовы—XII; Игнатьевы—XII; Квашнины—X; Колычевы—X; Орловы-Денисовы—X; Шишковы—XIII.

Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.
3	17	34	2
3	16	3	1,66
8	15	36	1,50
4	13,50	7	1,428
3	12,75	8	1,33
2	12,60	5	1,20
12	12	5	1,08
4	10,80	18	1
6	10,5	6	0,9
7	10	6	0,833
6	9	2	0,75
1	8	10	0,666
6	7	6	0,444
		4	0,375

Прежде всего, въ этой таблицѣ поражаетъ громадное различіе состояній, произведенное вліяніемъ наслѣдства: между правнуками людей, имѣвшими каждый по 12 десят., явились люди, получившіе по наслѣдству болѣе ста десятинъ; за то другимъ досталось только по одной десятинѣ и менѣе десятины; есть даже такіе, которымъ досталось только по $^4/_9$ или даже по $^3/_8$ десятины. Два крайніе предѣла наслѣдственныхъ имуществъ относятся между собою какъ 368 къ 1. Такъ громадна неравномѣрность, произведенная наслѣдствомъ только въ теченіе трехъ поколѣній. Съ каждымъ поколѣніемъ она увеличивалась по нашимъ генеалогическимъ таблицамъ и если взять вмѣсто 4-го поколѣнія пятое, она будетъ еще огромнѣе, въ 6-мъ поколѣніи еще громаднѣе и т. д.

Но сравнивать крайніе предѣлы, значитъ только говорить о счастіи и несчастіи немногихъ отдѣльныхъ личностей. Чтобы понять дѣйствіе общаго принципа на массу населенія, надобно подвести отдѣльные случаи подъ общіе разряды.

Разряды составятся у насъ слѣдующимъ образомъ. Средній доходъ съ десятины при правнукахъ мы будемъ считать въ 27

руб. *). Нормальную цифру для безбѣдной жизни земледѣльца мы примемъ въ 100 рублей дохода. Имѣющій въ шесть разъ болѣе будетъ жить въ роскоши. Имѣющій отъ 300 до 600 р. будетъ жить въ изобиліи. Имѣющій 140 — 300 будетъ зажиточнымъ человѣкомъ. Имѣющій 85 — 140 руб. живетъ безбѣдно. Имѣющій 66 — 85 руб., нуждается. Имѣющій 33 — 66 рублей часто голодаетъ. Имѣющій менѣе 33 руб. не имѣетъ въ своемъ имуществѣ средствъ къ поддержанію жизни.

По этимъ группамъ, правнуки вслѣдствіе неравномѣрности своихъ наслѣдствъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ			или рублей дохода.		
А. Роскошь . .	29	24	—	138	648	—	3,726
Б. Изобиліе . .	44	12	—	21	324	—	567
В. Зажиточность	68	5,4	—	10,8	$145\frac{4}{5}$	—	$291\frac{3}{5}$
Г. Безбѣдность .	54	3,15	—	5	$85\frac{1}{20}$	—	135
Д. Нужда . .	38	2,66	—	3	72	—	81
Е. Крайняя нужда	98	1,2	—	2,4	$32\frac{2}{5}$	—	$64\frac{4}{5}$
Ж. Нищета . .	57	0,375	—	1,08	$10\frac{1}{6}$	—	$29\frac{3}{20}$

Итакъ: изъ 388 человѣкъ, только 141 (А,Б,В) имѣютъ средства къ жизни болѣе, нежели безбѣдныя; еще 54 не терпятъ нужды. За то 193 человѣка — т. е., ровно половина населенія нуждается; изъ нихъ 155 человѣкъ близко знакомы съ голодомъ и холодомъ.

А что будетъ, если общинное владѣніе останется неприкосновенно? Изъ 3,012 десят., принадлежащихъ селу, каждому изъ 388 мужчинъ будетъ принадлежать участокъ нѣсколько болѣе, нежели въ $7\frac{3}{4}$ (7,76) десятинъ; съ этого участка получается 209 рублей 50 коп. дохода.

Итакъ: при сохраненіи общиннаго владѣнія все населеніе будетъ жить очень зажиточно; каждый изъ 388 правнуковъ будетъ

*) Цифра дохода въ 27 рублей составляется у насъ слѣдующимъ образомъ: Прадѣдовъ мы принимаемъ нашими современниками, доходъ ихъ съ десятины полагаемъ въ 12 руб. сер. Удобства доставляемыя правнуку сборомъ хлѣба съ десятины относятся къ этому числу какъ 9 къ 4, — это отношеніе даетъ для десятины, при правнукѣ, 27 рублей.

пользоваться такимъ довольствомъ, которое при уничтоженіи общиннаго владѣнія достается на долю только 97 изъ правнуковъ.

Потому, предоставленіе земли въ наслѣдственную собственность было выгодно только одной четвертой части правнуковъ; остальныя три четвертыхъ остались обдѣлены случайностями наслѣдованія; изъ того числа 212, то есть бо̀льшая половина населенія обдѣлены этими случайностями такъ, что не получили по праву наслѣдства и половины того, что досталось бы имъ по праву общиннаго владѣнія; изъ того числа 167 человѣкъ, то есть почти половина населенія, обдѣлены такъ, что не имѣютъ и третьей части того, что̀ имѣли бы при общинномъ владѣніи.

Таково положеніе правнуковъ по теоріи. На практикѣ оно измѣняется тѣмъ, что люди, слишкомъ обдѣленные случайностями наслѣдства, должны жить не обработкою своихъ мелкихъ клочковъ, дающихъ слишкомъ мало дохода, а заработною платою. Большею частію. они продадутъ свои участки*). Если же не про-

*) Населеніе нѣмецкаго Бернскаго кантона, считающаго около 350,000 жителей, слыло, 20 лѣтъ тому назадъ, за одно изъ самыхъ зажиточныхъ; по официальнымъ документамъ оказывается теперь что въ продолженіи 4 лѣтъ было 8,390 продажъ съ аукціоннаго торга; именно: въ 1864 году — 1230
1865 » — 1830
1866 » — 2139
1867 » — 3141
Въ 1857 было 735 банкротствъ. въ 1867—3141, — почти что вчетверо! Въ продолженіи одинадцати лѣтъ, съ 1857 по 1867 банкротствъ было 7789. 1868 годъ прибавилъ къ этой суммѣ новый контингентъ въ 3991 банкротство; а въ 1869 году до 13-го ноября банкротства достигли до цифры 4935, а къ концу года вѣроятно дошли до 6000. Такимъ образомъ этотъ кантонъ, слывшій за богатый, уже считалъ въ 1868 году, 36,000 банкротствъ, т. е. 36,000 разорившихся гражданъ, большею частью отцовъ семействъ.

Во Франціи, годная для воздѣлыванія земля цѣнится въ 48,000 милліоновъ фр., но на этой землѣ числится гипотечнаго долгу до 12 милліоновъ. Въ силу этого участки мелкихъ собственниковъ переходятъ въ руки капиталистовъ. И недалеко то будущее, когда всѣ мелкіе землевладѣльцы превратятся въ простыхъ поденьщиковъ.

Въ Англіи, гдѣ рабство фактически не существуетъ уже съ 14-го столѣтія, гдѣ съ 15-го столѣтія большая часть населенія состояла изъ свободныхъ крестянъ-собственниковъ; гдѣ по Маколею въ концѣ 17-го столѣтія сельское населеніе составляло $^4/_5$ всего населенія, — всепоглощающій капиталъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что цѣлыя земледѣльческія селенія исчезли, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, и вся *почва* Англіи принадлежитъ только *нѣсколькимъ* сотнямъ капиталистовъ.

Въ 1770 году въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи было еще 250,000 поземельныхъ собственниковъ; теперь насчитываютъ едва 30,000, изъ нихъ 9000 приходится на Ирландію. Въ Шотландіи четверть почвы всей страны принадлежитъ 5 частнымъ лицамъ. (Manifeste aux travailleurs des campagnes, par le comité de propagande de l'association internationale des travailleurs). *Издатели.*

дадутъ, поступятъ неразсчетливо; ничтожный клочекъ земли будетъ только мѣшать имъ наниматься въ работники на круглый годъ, и отрываясь отъ батрачества для ничтожной работы на немъ, они не выигрываютъ, а теряютъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТР.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
2	26	можетъ	можемъ
4	16	просѣялъ	посѣялъ
6	41	производилъ	производило
7	5	въ коммунистической	къ коммунистической
8	24	ограничельными	ограничительными
»	31	усиліе	усиленіе
»	32	сосредоточенія	сосредоточенію
13	43	каждой	въ каждой
14	2	въ нея	въ ней
16	25	большею	большою
20	13	могло бы	могло
»	18	сильной	сильно
21	16	и чтобы, избѣжать	и чтобы избѣжалъ
»	17	когда	и развѣ, когда
»	18	развѣ вы	вы
24	2	перечислить	не перечислять
»	11	начинающимъ	начинающихъ
27	4	на земледѣльческую	за земледѣльческую
29	9	въ работѣ	къ работѣ
31	2	предлагается	предлагаются
33	22	потерявшимъ	потерявшихъ
»	23	начинающимъ	начинающихъ
36	2	отличномъ	отлично
38	23	дѣйствіе	содѣйствіе
»	29	отговорною	оговорною
39	7	пищи	пища
»	11	новому	новаго
»	12	слѣдуемую	слѣдующую
40	7	ее.	ее.
»	12	забытъ	заросъ
42	11	октябрьской	ноябрьской
44	Часть 3-го столбца съ 1 до 19 и часть 5-го столбца съ 204 до 41 должны быть перемѣщены одна на мѣсто другой.		
46	въ 3-мъ столбцѣ 15 число	625	6_{25}
47	въ 5 столб. 3 »	833	838
»	»	558	553
48	3	183 р. 25 к.	193 р. 25 к.
49	12	288054	2,88054
55	7	переводить	переводитъ
61	26	арендаторомъ-работниковъ	арендаторомъ-работникомъ
72	7	себѣ	сами себѣ

СТР.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
72	27	служитъ	служить
76	8	съ своей	въ своей
77	4	мѣшающей	мѣшающіе
79	31	въ выгодѣ	къ выгодѣ
87	9	на которыя	на которое
89	3	нѣсколько разъ	нѣсколько
105	2	утопія?	утопія!
111	9	общество	обществѣ
113	13	фунтовъ.	фунтовъ.»
115	27	имъ	ими
121	14	уничтожалось	уничтожилось
124	25	англичанъ	англичанамъ
128	20	предупрежденіе	предубѣжденіе
130	14	лучше	гуще
136	27	начертать	начертить
148	2	въ практикѣ	къ практикѣ
149	16	къ теченіе	въ теченіе
157	32	отсрочки,	отсрочки времени
158	5	а неизбѣжность	а не неизбѣжность
171	21	другихъ	другимъ
176	2	въ суды	въ ссуды
»	18	личныхъ	лишнихъ
180	27	прибыль	прибыли
183	11	отъ продажи	отъ пропажи
185	1	возрастало	возрасло
»	2	возрасло	возрастало
186	въ 3 столб. 7 число	40,000	—40,000
»	въ 5 столб. 7 число	11	—11
187	въ 1 столб. 7 число	40000	—40000
188	31	настоящую	постоянную
203	во 2-й таблицѣ, въ 4 столб. 3 число	400	200
»	8 снизу	работы	ренты
223	24	необходимъ	необходимо
226	15	1,600	1,100
239	20	совпадаетъ	совпадетъ
250	во 2 таб. 4-я стр.	25 тыс. . —12	5 тыс. —60
251	въ 3 таб. 4-я стр.	20 тыс. . —12	4 тыс. —60
»	» 6-я стр.	760 тыс. . =125 арш.	660 =132
321	28	не самимъ	самимъ
325	32	къ капиталисту	къ капиталу
330	23	потребленіе	употребленіе
367	18	въ остальныхъ	въ отсталыхъ

СТР.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
379	37	участковъ	участниковъ
387	22	ассоціацій	дѣлъ
421	21	употребилъ	употребилъ бы
466	»	опытовъ	опытомъ
467	6	все-таки нельзя	все-таки

ПРОСМОТРЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ III ТОМА:

СТР.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢД. ЧИТАТЬ:
36	12	берегущій	берущій
68	1	и имѣющій	или имѣющій
86	1	на непроизводитель-ное или увеличеніе	на непроизводительное потреб-леніе, разница между трудомъ, употребляемымъ на поддержаніе или увеличеніе

Posen 11.12.85
DM 100,-

